

На заре

времен

СИЛА СИЛЬНЫХ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

З ТМО Т. 3600000 З. 2079—87

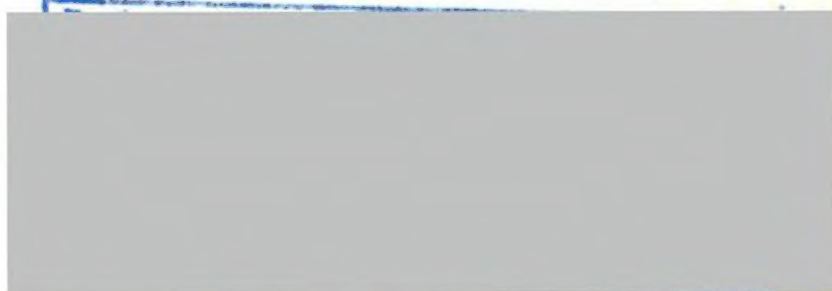
17

22

17

4500
/ 10

ТОО «НАТАША»
МОСКВА
НПП «ПАРАЛЛЕЛЬ»
Нижний Новгород
ЧАИ «ОЛИМП»
Санкт-Петербург
1994

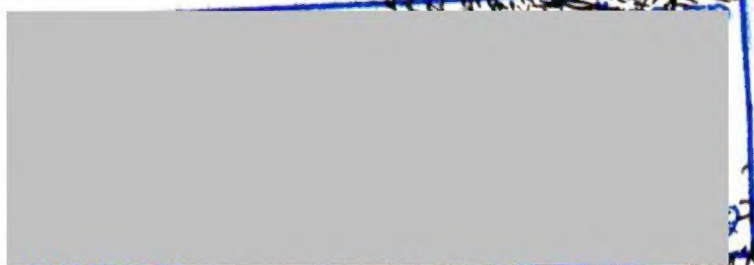
ДЖЕК ЛОНДОН
УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ
ГЕРБЕРТ УЭЛЛС
ЙОЖЕФ АУГУСТА

84(6)

036

СИЛА СИЛЬНЫХ

Оформление, иллюстрации
В. Ан

Сила сильных. Сборник. — Н. Новгород, НПП “Параллель”
совместно с фирмой “Наташа”, Москва, 1994. — 576 с.

Сборник “Сила сильных” продолжает серию “На заре времен”, задуманную как своеобразная антология произведений о далеком прошлом человечества.

В очередной том вошли произведения классиков мировой литературы Джека Лондона “До Адама” и “Сила сильных”, Герберта Уэллса “Это было в каменном веке”, Уильяма Голдинга “Наследники”, а также научно-художественная книга замечательного чешского ученого и популяризатора Йозефа Аугусты “Великие открытия”.

С $\frac{4703010100-018}{3E8(03)-94}$ без объявления

ББК 84.0

ISBN 5-86067-018-4 (НПП “Параллель”)

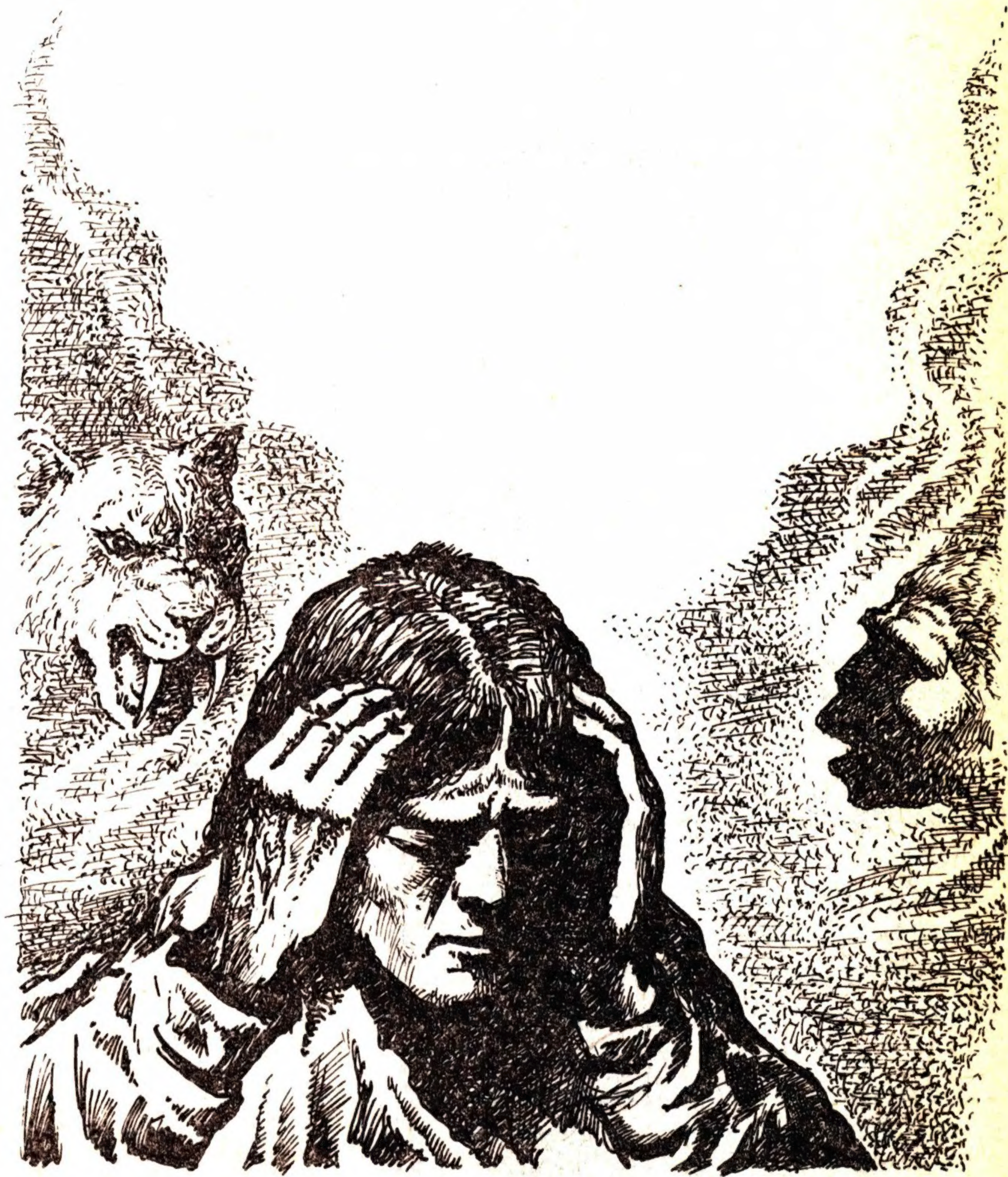
ISBN 5-85874-006-5 (Фирма “Наташа”)

© НПП “Параллель”,
Фирма “Наташа”, 1994

© НПП “Параллель”,
Владимир Ан, оформление,
иллюстрации 1994

ДЖЕК ЛОНДОН

До Адама

Глава первая

Видения! Видения! Видения! Пока я не понял, в чем дело, как часто я спрашивал себя, откуда идет эта бесконечная вереница видений, которые тревожат мой сон, — ведь в них не было ничего такого, что напоминало бы нашу реальную, повседневную жизнь. Они омрачали мое детство, превращая сон в страшные кошмары, а немного позднее внушив мне уверенность, что я не похож на других людей, что я какой-то урод, омраченный проклятием.

Только днем я чувствовал себя в какой-то мере счастливым. Ночью же я оказывался в царстве страха — и какого страха! Я отважился бы сказать, что ни один живущий ныне человек не испытывал такого жгучего, такого глубокого страха. Ибо мой страх — это страх, который царил в давно минувшие времена, страх, который свободно разгуливал в Юном Мире и гнезился в душе юноши Юного Мира. Короче говоря, тот страх, что был непререкаемым владыкой в те века, которые носят название среднего плейстоцена.

Что я имею в виду? По-видимому, мне необходимо объяснить это, прежде чем я перейду к рассказу о своих сновидениях. Ведь

о том, что прекрасно знаю я, вам известно так мало! В то время, как я пишу эту страницу, передо мною встают причудливые картины того, другого мира, проходит черед живых существ и событий — все это, я знаю, покажется вам бессмысленным и бессвязным.

Что значит для вас дружба с Вислоухим, обаяние и прелесть Быстроногой, разнузданная похоть и дикость Красного Глаза? Несуразные, пустые звуки, не более. Столь же пустыми звуками вам покажутся и рассказы о Людях Огня и Лесной Орде, о шумных, лопочущих сборищах Племени. Ибо вам неведом ни покой прохладных пещер в утесе, ни очарование тропы у водопада по вечерам. Вы никогда не испытывали, как хлещет утренний ветер на вершинах деревьев, как сладка молодая кора, когда ее разжуешь хорошенько.

Быть может, вам будет легче вникнуть в суть дела, если я начну с описания своего детства — собственно, ведь именно детство и поставило лицом к лицу со всем этим меня самого. Мальчишкой я был, как все другие мальчишки, — если речь идет, конечно, о дне. Другим, не похожим на них, я был по ночам. С тех самых пор, как я помню себя, время ночного сна всегда было для меня временем страха. Редко-редко в мои сновидения прокрадывалось что-нибудь радостное. Как правило, они были полны страха, страха столь необычного, дикого, небывалого, что осмыслить этот страх было невозможно. Ни разу в моей дневной жизни не ощущал я такого страха, который бы хоть чем-то походил на страх, владевший мною во время сна по ночам. Это был совсем особый, таинственный страх, выходящий за пределы моего жизненного опыта.

Скажу к примеру, что я родился в городе, — более того, я был истинным дитятей города, деревня была для меня неведомым царством. Но мне никогда не снились города, ни разу не приснился даже простой дом. Мало этого, — в круг моих ночных видений никогда не вторгалось ни одно существо, подобное мне, ни один человек. С деревьями я сталкивался в жизни только в парках да в иллюстрированных книжках, а во сне я странствовал среди бесконечных девственных лесов. И видел эти леса совершенно живыми. Остро и отчетливо представало передо мной каждое дерево. У меня было такое ощущение, что с этими деревьями я знаком давным-давно и сроднился с ними. Я видел каждую ветку, каждый сучок, примечал и знал каждый зеленый листик.

Хорошо помню, как я впервые в дневной жизни столкнулся с

настоящим дубом. Глядя на узловатые ветви и резную листву, я с мучительной ясностью почувствовал, что точно такие же деревья я несчетное число раз видел во сне. Поэтому позже я уже не удивлялся, когда с первого взгляда узнавал и ель, и тис, и березу, и лавр, хотя до тех пор мне не доводилось их видеть. Ведь я видел их когда-то раньше, я видел их каждую ночь, как только погружался в свои сновидения.

Все это, как вы заметили, противоречит первейшей закономерности сновидений, которая гласит, что человеку снится лишь то, что он видел в этой жизни. Мои сновидения такой закономерности не подчинялись. В своих снах я ни разу не видел ничего такого, что имело бы касательство к моей дневной жизни. Моя жизнь во сне и моя жизнь, когда я бодрствовал, шли абсолютно раздельно, не имея между собой ничего общего, кроме разве того, что тут и там действовал тот же самый я. Я был связующим звеном, я как бы жил и в той и в другой жизни.

С малых лет я усвоил, что орехи добывают в бакалейной лавке, ягоды у торговца фруктами, но, прежде чем это стало мне известным, во сне я уже срывал орехи с веток или подбирал их на земле под деревьями и тут же ел; таким же образом я добывал ягоды и виноград с кустов и лоз. Все это было за пределами моего жизненного опыта.

Мне никогда не забыть, когда в первый раз на моих глазах подали на стол чернику. Черники я до тех пор не видел, однако при первом же взгляде на нее я живо вспомнил, что в моих сновидениях я не раз бродил по болотистым урочищам, вволю ел эти ягоды. Мать поставила передо мной тарелку с черникой. Я зачерпнул ягод ложкой и еще не успел поднести ее ко рту, как уже знал, какова она на вкус. Съев ягоды, я понял, что не ошибся. Вкус у черники был точно такой, к какому я привык, поедая в своих сновидениях эту ягоду на болотах.

Змеи? Задолго до того, как я вообще услышал о змеях, они мучали меня в ночных кошмарах. Они подстерегали меня на лесных полянах, неожиданно взвивались из-под ног, ползали в сухой траве, пересекали голые каменистые участки или преследовали меня на деревьях, обвивая своими огромными блестящими телами стволы и заставляли меня взбираться все выше и все дальше по качающейся, трещащей ветви — при взгляде с нее на далекую землю у меня кружилась голова. Змеи! — эти раздвоенные языки, стеклянные глазки, сверкающая чешуя, это шипение и треск —

разве я не знал все это задолго до того дня, когда меня впервые повели в цирк и на арене появился заклинатель со змеями? Это были мои старые друзья, или, вернее, враги, из-за которых я терзался по ночам от страха.

О, эти бесконечные леса и дебри, этот ужасающий лесной сумрак! Я блуждал по лесам целую вечность, — робкое, гонимое существо, вздрагивающее при малейшем звуке, пугающееся собственной тени, всегда настороженное и бдительное, готовое мгновенно кинуться прочь в смертельном страхе. Ведь я был легкой добычей любого кровожадного зверя, какой только обитал в лесах — и ужас, безумный ужас гнал меня вперед, бросая за мной по пятам неслыханных чудовищ.

Когда мне исполнилось пять лет, я впервые попал в цирк. Домой я вернулся больным — и отнюдь не от розового лимонада и орехов. Сейчас я расскажу все по порядку. Как только мы вошли под тент, где находились животные, раздалось громкое ржание лошади. Я вырвал свою руку из руки отца и стремглав бросился назад к выходу. Я натыкался на людей, и, наконец, упал наземь, и все время ревел от ужаса. Отец поднял меня и успокоил. Он показывал на толпу, которая не боится конского ржания и уверял, что в цирке совершенно безопасно.

Тем не менее лишь со страхом и трепетом и под ободряющей рукой отца приблизился я к клетке, в которой сидел лев. О, я тотчас узнал его! Грозный, ужасный зверь! И в моем сознании вдруг вспыхнула картина из ночных видений — полуденное солнце сверкает на высокой траве, мирно пасется дикий буйвол, внезапно трава расступается под стремительным рывком какого-то темно-рыжего зверя, зверь прыгает на спину буйволу, тот, мыча, падает, потом слышится хруст костей. Или другое: спокойное прохладное озерцо, дикая лошадь, стоя по колена в воде, неторопливо пьет, и тут снова темно-рыжий — опять этот темно-рыжий зверь! — прыжок, ужасающий визг лошади, плеск воды и хруст, хруст костей. Или еще: мягкий сумрак, грустная тишина летнего вечера, и среди этой тишины могучее, гулкое рычание, внезапное, как трубный глас судьбы, и сразу же вслед за ним пронзительные, душераздирающие крики и лопотание в лесу, и я — я тоже пронзительно кричу и лопочу вместе с другими в этом сумраке леса.

Глядя на него, бессильного за толстыми прутьями клетки, я пришел в ярость. Я скалил на него зубы, дико плясал, выкрикивал бессвязные, никому не понятные унижительные эпитеты и строил

дурацкие рожи. В ответ он бросался на прутья и рычал на меня в тщетном гневе. Да, он тоже узнал меня, и язык, на котором я разговаривал с ним, был знакомым ему языком древних, седых времен.

Мои родители страшно перепугались. «Ребенок заболел», — сказала мать. «У него истерика», — сказал отец. Ведь я никогда ничего не рассказывал им, и они ничего не знали. Я уже давно решил тщательно скрывать ото всех это мое свойство, которое, полагаю, я вправе назвать раздвоением личности.

Я посмотрел еще заклинателя змей, и больше на этот раз в цирке я ничего не видел. Меня увели домой, утомленного, в сильном нервном расстройстве: от этого вторжения в мою реальную дневную жизнь другого мира, мира моих ночных сновидений, я был по-настоящему болен.

Я уже упоминал о своей скрытности. Только однажды я доверился и рассказал о своих необыкновенных снах. Я рассказал об этом мальчику — своему приятелю; нам обоим было по восемь лет. Из своих сновидений я создал для него картину исчезнувшего мира, в котором, как я уверен, я когда-то жил. Я рассказал ему о страхе, царившем в те незапамятные времена, поведал о Вислоухом и обо всех проделках, на которые мы с ним пускались, о безалаберных и шумных сборищах Племени, о Людях Огня и о захваченных ими землях.

Приятель смеялся и глумился надо мной. Он рассказал мне о привидениях и мертвецах, которые являются по ночам. Но больше всего он издевался над тем, что у меня будто бы слабая фантазия. Я рассказывал ему еще и еще, он хохотал надо мной все сильнее. Я самым серьезным образом поклялся ему, что все это так и было, и после этого он стал смотреть на меня с подозрением. Всячески перевирая, чтобы только позабавиться, он передал мои рассказы другим товарищам, и те тоже стали относиться ко мне с презрением.

Это был горький урок, но я усвоил его крепко. Я иной, чем все другие. Я ненормален, ненормален в чем-то таком, чего они не могут понять, о чем бесполезно рассказывать — ведь это вызывает только недоразумения. Когда при мне говорили о привидениях и домовых, я был совершенно спокоен. Я лишь хмуро про себя улыбался. Я думал о своих страшных снах, и я знал, что мои видения — это отнюдь не какой-то туман, тающий в воздухе, не призрачные тени, а реальность, такая же реальность, как сама жизнь.

Я и в мыслях не боялся каких-либо злых людоедов или страшных чертей. Падение сквозь покрытые зеленью ветви с головокру-

жительной высоты, змеи, бросавшиеся за мной по пятам, когда я увертывался и, лопоча, удираю от них, дикие собаки, гнавшие меня через открытое поле к лесу, — лишь эти страхи и ужасы были для меня реальными, лишь это — подлинной жизнью, а не выдумкой, лишь тут трепетала живая плоть, струилась кровь и пот. Людоеды и черти — да они были бы мне просто добрыми друзьями, если сравнить их с теми страхами и ужасами, которые посещали меня по ночам во времена моего детства и которые доселе тревожат мой сон, тревожат и ныне, когда я, уже зрелый мужчина, пишу эти строки.

Глава вторая

Я уже говорил, что никогда в моих снах не появлялось ни одно человеческое существо. Я осознал этот факт очень рано и мучительно страдал от этого. Еще малым ребенком, погружаясь в свои страшные сновидения, я чувствовал, что если бы рядом со мной оказался хоть один человек, хоть одно существо, подобное мне, я был бы спасен, меня не преследовали бы больше эти ужасы. Многие годы я думал каждую ночь об одном и том же — если бы найти этого человека, и тогда я буду спасен!

Я повторяю — я думал об этом во сне, среди кошмаров и сновидений, — этот факт означает для меня, что во мне одновременно живут два существа, две личности и что в такие минуты эти два существа, две моих части соприкасались и сближались друг с другом. То мое «я», которое принадлежало ночным сновидениям, жило давным-давно, в ту далекую эпоху, когда еще не появился и человек, каким мы его знаем; вторая моя личность, мое дневное «я», проникало в эти сновидения, в самую их сердцевину, и давало почувствовать, что на свете существуют люди.

Возможно, ученые психологи найдут, что употребляя выражение «раздвоение личности», я допускаю ошибку. Я знаю, в каком смысле употребляют этот термин они, но я вынужден прибегнуть к нему и применить его на свой собственный лад за отсутствием другого подходящего термина. Могу только сослаться в этом случае на неприспособленность английского языка. А теперь поясню, в каком именно смысле я употребляю это выражение — или злоупотребляю им.

Ключ к пониманию своих снов, к осознанию их причины я обрел лишь тогда, когда превратился в юношу и начал учиться в

колледже. До тех же пор никакого смысла в своих сновидениях я не улавливал, я не видел для них никакой почвы. Но в колледже я познакомился с психологией и с учением об эволюции и узнал, как объясняются различные состояния психики и душевные переживания, какими бы странными они ни казались с первого взгляда. Например, такой сон, когда человек падает с огромной высоты, — очень распространенное явление, известное по собственному опыту фактически всем.

Профессор сказал мне, что подобный сон является проявлением нашей расовой, родовой памяти. Корни его уходят в отдаленные, седые времена, когда наши предки жили на деревьях. Падение с дерева было для них опасностью, угрожавшей постоянно. Много людей гибло таким образом; всем нашим предкам без исключения не раз приходилось падать, их спасало лишь то, что они хватались за ветки, не долетев до земли.

Такое ужасное падение, когда гибель казалась неотвратимой, оставляло в людях шок. Шок этот порождал молекулярные изменения в клетках мозга. Эти молекулярные изменения передавались мозговым клеткам потомков, становясь, таким образом, родовой памятью. Поэтому, когда мы, засыпая или уже во сне, падаем с огромной высоты и просыпаемся с неприятным чувством, что вот-вот должны были упасть и удариться, мы лишь вспоминаем, что происходило с нашими предками, жившими на деревьях, и что врезалось путем изменений в мозговых клетках в память человеческого рода.

Во всем этом нет ничего странного, как нет ничего странного и в инстинкте. Инстинкт — это не более как привычка, вошедшая в плоть и кровь и передаваемая по наследству. Кстати заметим, что в этих хорошо знакомых и вам, и мне, и всем нам сновидениях, когда мы летим с высоты, мы никогда не падаем и не ударяемся оземь. Такое падение означало бы гибель. Те из наших предков, которые падали и ударялись оземь, как правило, умирали. Шок от их падения, конечно, передавался мозговым клеткам, но они умирали тут же, не оставляя после себя потомства. И вы и я — мы происходим от тех предков, которые, падая, не долетали до земли; вот почему в наших снах ни вы, ни я никогда не ударялись оземь.

А теперь мы коснемся вопроса раздвоении личности. Мы никогда не испытываем чувства падения с высоты, пока мы не спим, а бодрствуем. Наша дневная личность таким опытом не обладает.

Значит — и этот довод неопровержим — должна быть какая-то другая и вполне определенная личность, которая падает, когда мы спим, и которая должна обладать опытом падения с высоты — обладать памятью опыта далеких предков, подобно тому, как наша дневная личность обладает своим, дневным опытом.

Когда я понял это, предо мной забрезжил наконец свет. И скоро этот свет, ослепительный и яркий, хлынул на меня и сделал ясным все то, что было таинственным, жутким и сверхъестественным в моих ночных сновидениях. Во сне я представлял собою отнюдь не того человека, каким был днем; — нет, я был другою личностью, обладающею не нашим обычным, а совсем иным опытом, или, в применении ко сну, памятью об этом совершенно ином опыте.

Но что же это за личность, этот некто? Когда он жил на этой планете обычной дневной жизнью и накопил столь неведомый для нас опыт? Вот вопросы, которые вставали передо мной и на которые дали ответ сами сновидения. Он жил давным-давно, когда мир был еще юн, в тот период, который мы называем средним плейстоценом. Он падал с деревьев, но не долетал до земли и не разбивался. Он трепетал от страха, услышав рычание львов. Его преследовали хищные

звери, на него нападали смертоносные змеи. Он лопотал и тараторил на сблищах вместе с себе подобными, и он воочию видел всю жестокость Людей Огня, когда в смятении убегал от них.

Но вы уже возражаете мне: почему же эти родовые воспоминания не являются и вашими, тем более, что и в вас гнездится эта смутная вторая личность, которая падает с высоты, когда вы спите?

Я отвечу вам на это, задав другой вопрос. Почему бывает двухголовый теленок? Сам я сказал бы в ответ, что этот теленок — уродство. И таким образом я отвечаю на ваш вопрос. Во мне живет эта вторая личность и эти родовые воспоминания во всей их полноте и яркости, потому что я урод.

Позвольте мне объяснить это подробнее. Самым распространенным проявлением родовой памяти, которой мы, несомненно обладаем, являются сновидения, когда мы падаем с высоты. В этом случае наша вторая личность чувствуется очень смутно. Она несет с собой лишь память о падении. Но во многих из нас эта вторая личность дает себя знать гораздо определеннее и острее. Многие видят сны, как они панически удирают от преследующих их чудовищ, многим снится, как их душат, у многих в сновидениях являются змеи и гады. Короче говоря, вторая личность присутствует во всех из нас, но в некоторых она проявляет себя еле уловимо, а в других более явственно. Есть люди, у которых родовая память гораздо сильнее и полнее, чем у остальных.

Значит, весь вопрос заключается только в том, в какой мере дает себя знать существующая в нас вторая личность. Что касается меня, то во мне она проявляет себя необычайно сильно. Мое второе «я» действует во мне почти с такой же энергией, что и моя собственная, дневная личность. С этой точки зрения я, как уже говорилось выше, настоящий урод — каприз природы.

Я прекрасно понимаю, что существование этого второго «я» — хотя бы оно проявлялось и не в такой сильной степени, как у меня, — породило кое у кого веру в перевоплощение душ. Такой взгляд на вещи кажется этим людям весьма правдоподобным и убедительным. Когда им снятся сцены, которых они никогда не видели в действительности, когда они вспоминают во сне о событиях, имеющих отношение к отдаленным временам прошлого, легче всего им объяснить это тем, что они жили когда-то прежде.

Однако они делают ошибку, игнорируя свою дуалистичность. Они не хотят признать свое второе «я». Они считают, что их личность, их существо едино и целостно; исходя из такой посылки,

они приходят к выводу, что они жили, кроме нынешней жизни, еще и в прошлом.

Они заблуждаются. Это не перевоплощение. Во сне мне не раз виделось, как я странствовал по лесам Юного Мира, но это видел не я, а кто-то другой, лишь некая далекая часть меня, ибо ведь и мой дед и отец являются частью меня, хотя и менее отдаленной. Это другое «я» во мне — мой предок, пращур моих пращуров в начальную пору развития моего рода, являющийся сам потомком многих поколений, которые задолго до его жизни развили пальцы своих рук и ног и влезли на деревья.

Рискуя наскучить, я должен вновь повторить, что в известном смысле меня надо считать уродом. Я не только с необыкновенной силой нес в себе родовую память, но я наследовал память какого-то определенного, весьма отдаленного своего предка. И хотя это явление чрезвычайно редкое, ничего сверхъестественного в нем нет.

Проследите всю цепь моих доводов. Инстинкт — это родовая память. Прекрасно. Выходит, и вы, и я, и все мы наследуем эту память от наших отцов и матерей, а те, в свою очередь, наследуют ее от своих отцов и матерей. Это значит, что должен существовать какой-то посредник, который передавал бы эту память от поколения к поколению. Этим посредником выступает то, что Вейсман определил термином «гермоплазмы». Она хранит память человеческого рода на протяжении всех веков его эволюции. Память эта смутна, запутана, во многом утрачена. Но случается, что какой-то сорт гермоплазмы несет в себе исключительно сильный заряд памяти или, выражаясь научнее, является более атавистическим; так именно и произошло в моем случае. Я урод наследственности, я атавистическое, страшное чудо — называйте меня как угодно; но я существую, я реальный, я живой, я с аппетитом ем три раза в день — и с этим ничего не поделать.

Теперь, прежде чем снова приняться за свой рассказ, я хотел бы заранее возразить любому Фоме Неверующему от психологии, который при всей своей склонности к издевательским насмешкам, конечно, скажет, что относительная ясность и последовательность моих сновидений является следствием моей учености, что знания об эволюции так или иначе прокрадывались в мои сны и влияли на них. Прежде всего отмечу, что я никогда не был усердным студентом. Я окончил курс последним среди моих товарищей. Гораздо больше, чем наукой, я занимался атлетикой и — здесь нет причин, которые мне помешали бы признаться в этом, — бильярдом.

Пойдем далее. Пока я не поступил в колледж, я ничего не знал

об эволюционном учении, а ведь в детстве и отрочестве я уже жил в мире снов, в древнем, давнем мире. Должен сказать, однако, что до знакомства с эволюционным учением сны эти казались мне запутанными, бессвязными. Учение об эволюции оказалось надежным ключом. Оно дало понимание, дало здоровое объяснение всем причудам атавистического мозга, который, будучи современным и нормальным, уносился в прошлое, вспять к первобытным временам, когда человечество только делало свои начальные шаги.

Мне известно, что в ту отдаленную эпоху человека, каким мы его знаем, не существовало. Значит, я жил и действовал в те дни, когда он лишь становился человеком.

Глава третья

Чаще всего в раннем детстве мне снилась примерно такая картина: совсем маленький, я лежу, свернувшись клубочком, на ветвях и сучьях, образующих подобие гнезда. Порой я перевертываюсь на спину. В таком положении я провожу целые часы, любясь игрой

солнца на зелени, колыхающейся над моей головой, и прислушиваясь к шороху листвы, когда ее шевелит ветер. Временами, если ветер усиливался, мое гнездышко раскачивалось взад и вперед.

И всегда, находясь в этом гнезде, я остро чувствовал, что я лежу высоко-высоко над землей, что меня отделяет от нее громадное пространство. Я никогда не выглядывал из своего гнезда и не смотрел вниз, я не видел этого пространства, но я знал, что оно существует, что оно начинается сразу подо мною и постоянно грозит мне, словно пустая утроба кровожадного чудовища.

Этот сон, безмятежный и спокойный, не перемежаемый никакими событиями, снился мне в раннем детстве очень часто. Но иногда в него внезапно врывались странные и ужасные события — слышались раскаты грома, разражалась страшная гроза, перед глазами проносились пейзажи, каких я никогда не видел в своей дневной жизни. Меня обступали кошмары, все мешалось в моей голове. Я ничего не понимал. В этих снах не было никакой логики, никакой связи.

Как вы убедились, картины, снявшиеся мне, были лишены какой-либо последовательности. Сначала я видел себя беспомощным младенцем Юного Мира, лежавшим в гнезде из сучьев и веток, в следующую минуту я был уже взрослый мужчина Юного Мира, сражающийся с отвратительным Красным Глазом, еще через минуту я, томимый полдневным зноем, осторожно крался к холодному озерцу. События и случаи, отделенные друг от друга в Юном Мире целыми годами, чудовищно сжимаясь в моих снах, протекали в несколько минут или даже секунд.

Это был настоящий хаос, но обрушивать весь этот хаос на читателя я не считаю нужным. Все встало на свое место, все разъяснилось лишь тогда, когда я вырос, превратясь в юношу, когда я перевидел подобных снов не одну тысячу. Лишь тогда я обрел путеводную нить, с помощью которой прошел по лабиринту веков, лишь тогда я смог расставить события в нужном порядке. И тогда же я получил возможность восстановить умственным взором исчезнувший Юный Мир, увидеть его таким, каким он был, когда в нем жил я или мое второе «я». Различие между мной и моим вторым «я» в данном случае не имеет значения, ибо я, человек нашего времени, жил в те минуты первобытной жизнью вместе с той, второй моей личностью.

Зная, что надо поменьше пускаться в социологические рассуждения, и имея в виду прежде всего интересы читателя, я постараюсь изложить множество разнообразных событий в виде ясного и

последовательного рассказа. Ведь в моих снах все же была какая-то общая связь, их пронизывала одна некая общая нить. Например, моя дружба с Вислоухим, или вражда с Красным Глазом, или любовь к Быстроногой. Согласитесь, что из всего этого вполне мыслимо создать связную и достаточно интересную повесть.

Мать свою я помню очень плохо. Самое раннее воспоминание о ней — и, без сомнения, самое ясное — связано с тем, что я лежал на земле. Я был уже постарше, чем в те дни, когда я находился в гнезде на дереве, но оставался все таким же беспомощным. Я валялся в сухих листьях, играя ими и издавая однообразные горловые звуки. Светило теплое солнышко, мне было очень удобно, я был счастлив. Лежал я на какой-то небольшой поляне. Со всех сторон поляну обступали кусты и папоротники, за ними высились сплошные стволы и ветви густого леса.

Вдруг я услышал какой-то звук. Я приподнялся, сел и стал вслушиваться. Я сидел неподвижно, ни разу не пошевелившись. В горле у меня все стихло, весь я словно превратился в камень. Звук был слышен все ближе и ближе. Было похоже, что где-то хрюкает свинья. Затем я уловил шум кустов, раздвигаемых каким-то живым существом. Вслед за этим я увидел, как закачались потревоженные этим существом папоротники. Потом папоротники раздвинулись, и я увидел поблескивающие глазки, длинное рыло и белые клыки.

Это был дикий вепрь. Он с любопытством уставился на меня. Он несколько раз хрюкнул, переступил, переваливая тяжесть своего тела с одной ноги на другую и одновременно поводя рылом из стороны в сторону и раздвигая папоротники. Я сидел, будто каменное изваяние, и не мигая смотрел на него, сердце мое сжимал страх.

Вполне возможно, что эта неподвижность и полное молчание было как раз то, что и требовалось от меня. Мне нельзя было кричать, если меня что-то страшило. Так диктовал мне инстинкт. И вот я сидел, не шевелясь, и ждал, сам не зная чего. Вепрь раздвинул папоротники и вышел на поляну. В глазах его уже не чувствовалось никакого любопытства, в них сверкала одна жестокость. Он встряхнул головой, с угрозой глядя на меня, и сделал по направлению ко мне маленький прыжок. Он повторил это снова и снова.

Тогда я завопил... или завизжал — я не могу подобрать точного слова, но это был вопль, крик ужаса. И, как мне кажется, завопив, я поступил тоже правильно, сделал то, что от меня тре-

бовалось. Ибо неподалеку от меня я услышал ответный крик. Мои вопли на какое-то время смутили вепря, и пока он в нерешительности переминался с ноги на ногу, на поляну выскочило еще одно существо.

Она была похожа на большого орангутанга, моя мать, или на шимпанзе, и в то же время резко отличалась от них. Она была плотнее, кряжистее этих обезьян и не так волосата. Руки ее были не так длинные, а ноги крепче и сильнее. На ней не было никакой одежды — только ее собственный волосяной покров. И могу вас заверить, что в те минуты, когда она от ярости выходила из себя, это была настоящая фурия.

И как фурия, она выскочила на поляну. Она скрежетала зубами, делала страшные гримасы, фыркала и кричала пронзительным, долгим криком, который можно передать приблизительно так: «кх-ах! кх-ах!» Ее появление было столь неожиданно и устрашающе, что вепрь, щетина которого встала дыбом, невольно принял оборонительную позу. Мать кинулась сначала прямо к нему, потом ко мне. Ошеломленный вепрь, казалось, на секунду замер. Как только мать коснулась меня, я уже прекрасно знал, что мне делать. Я приник к ней всем телом, прижимаясь к пояснице и цепляясь за нее руками и ногами — да, ногами; я был способен держаться за нее ногами так же прочно и надежно, как и руками. Крепко вцепившись в шерстистую талию матери, я ощущал, как ходит ее кожа, как двигаются в напряженном усилии ее мускулы.

Я уже сказал, что я приник к ней, и в это же мгновение она подпрыгнула вверх и ухватила руками за свисавшую ветвь. В следующий миг, стуча клыками, вслед за ней метнулся вепрь, но проскочил под веткой и не задел матери. Удивленный своей неудачей, он прыгнул вперед снова и завизжал, или, вернее сказать, затрубил. Так или иначе, это был настоящий зов, призыв, ибо скоро со всех сторон сквозь кусты и папоротники стремительно ринулись свиньи.

Со всех сторон бежали на поляну дикие свиньи — целое стадо свиней. Но моя мать раскачивалась на конце толстой древесной ветви, в двенадцати футах над землей, я по-прежнему крепко держался за ее поясницу, и мы были в полной безопасности. Мать была страшно разгневана. Она лопотала и визжала, осыпая бранью щетинистое, клыкастое стадо, сгрудившееся под нами. Трепеща от страха, я тоже вглядывался в разъяренных животных и, стараясь изо всех сил, подражал визгу и крикам матери.

Откуда-то издалека к нам доносились такие же крики, только более глубокие, переходящие к рычащий бас. Вот они стали гораздо громче, и вскоре я увидел его, моего отца — по всем тогдашним обстоятельствам я склонен думать, что это был мой отец.

Это был отнюдь не тот располагающий к себе папаша, какими бывают в большинстве своем отцы. Он выглядел наполовину человеком, наполовину обезьяной — не обезьяна и не человек. Мне трудно описать его. Ныне нет ничего похожего ни на земле, ни под землей, ни в земле. По понятиям тех времен, он был крупным мужчиной, весил он, должно быть, не меньше ста тридцати фунтов. У него было широкое плоское лицо, его надбровные дуги нависали над глазами. Глаза сами по себе были малы, они глубоко сидели в глазницах, расстояние между глаз было узкое. Носа у него практически не было. То, что можно назвать носом, было плоско, широко, без выступающих хрящей, а ноздри зияли на лице словно дырки и были обращены прямо на вас, вместо того, чтобы глядеть вниз.

Лоб был откинут круто назад, а волосы начинали расти прямо у глаз и покрывали собою всю голову. Сама голова была непропорционально мала и покоилась тоже на непропорционально толстой, короткой шее.

Во всем его теле чувствовалась некая примитивная экономия — столь же экономно было скроено тело и у всех нас. Правда, у него была глубокая грудь, глубокая, как пещера, но не было и признака развитых, надувшихся мускулов, не было широких, раздавшихся плеч, не было отечканенной прямоты членов, не было благородной симметрии в общем телесном облике. Тело моего отца являло собой силу, силу, лишенную красоты; свирепую, первобытную силу, предназначенную для того, чтобы хватать, сжимать, раздирать, уничтожать.

Его бедра были тонки, а голени, худощавые и волосатые, кривоваты, и мускулы на них были тонкие, вытянутые. Да, ноги моего отца были похожи скорее на руки. Они были жилистые, неровные, шишковатые, почти ничем не напоминающие те красивые ноги с мясистыми икрами, которыми одарены и вы и я. Мне помнится, что отец при ходьбе не мог ставить ступню на всю ее плоскость. Причина этого кроется в том, что у него была хватающая ступня — скорее рука, чем нога. Большой палец ноги, вместо того, чтобы идти по одной линии с другими пальцами, противостоял им, как противостоит большой палец руки, — и такое положение большого пальца на ноге позволяло отцу схватывать и

удерживать предметы ногами, словно это были его вторые руки. Поэтому-то он не мог при ходьбе ставить ступню на всю ее плоскость.

Необычайна была внешность моего отца, но не менее необычайно было и то, как он явился к нам, когда мы сидели на ветке, глядя на беснующееся внизу стадо свиней. Он мчался к нам по деревьям, прыгая с ветки на ветку, с дерева на дерево, и двигался он очень быстро. Я вижу его даже сейчас, когда, бодрствуя, при свете дня пишу эти строки: он раскачивается на ветках, четырехрукое, волосатое существо, завывающее от ярости; на секунду он замирает на месте, колотя себя стиснутыми кулаками в грудь, потом прыгает, покрывая десять — пятнадцать футов пространства, цепляется одной рукой за ветку и вновь раскачивается, чтобы снова, пролетев по воздуху, схватить другой рукой новую ветку — и так все дальше, все дальше — никогда не колеблясь, никогда не становясь в тупик перед тем, как проложить себе этот путь по деревьям.

Глядя на него, я ощущал и в самом себе, в своих собственных мускулах некий порыв, некое желание вот так же взлететь на деревья, прыгая с ветки на ветку; и я уже чувствовал, что во мне, в моих мускулах скрыта энергия, которая может одолеть все это. Тут нет ничего странного. Наблюдая, как их отцы взмахивают топорами и валят деревья, мальчишки чувствуют всем своим существом, что придет время, когда и они будут взмахивать топорами и валить деревья. Именно такое чувство жило и во мне. Жизнь, которая билась во мне, предназначала меня делать то, что делал мой отец, она нашептывала мне тайные, честолюбивые мечтания об этих прыжках в воздухе, об этих лесных полетах.

Но вот отец уже с нами. Ярости его нет границ. Я живо помню, как гневно выпятилась его нижняя губа, когда он взглянул вниз на стадо свиней. Он зарычал, словно собака; мне бросились в глаза его большие, как клыки, зубы; увидев их, я был потрясен.

Все, что делал теперь отец, еще больше злило свиней. Он отламывал сучья и ветки и кидал их вниз на наших врагов. Вися на одной руке, он подпрыгивал в воздухе над самыми свиными рылами, не давая, однако, тронуть себя. Он мучил врага, издевался над ним, а свиньи стучали клыками, взвизгивая в бессильной злобе. Не удовлетворившись этим, отец выломал увесистую дубинку и, повиснув на одной руке и одной ноге, стал тыкать разъяренных животных дубинкой в бока и колотить их по мордам. Надо ли говорить, как потешались этим зрелищем мы с матерью?

Но любая приятная вещь в конце концов надоедает, и мой отец, злобно смеясь, вновь пустился в путь по деревьям. Теперь мои честолюбивые мечты о воздушных полетах вмиг схлынули начисто. Я пугливо прижимался к матери, вздрагивая каждый раз, когда она прыгала с ветки на ветку. Помню, как однажды ветка обломилась под ее тяжестью. Мать сделала отчаянное, яростное движение, устремляясь в полет, слышался треск сучьев, и я был захлестнут болезненным ощущением падения, летя в пустом пространстве вместе с матерью. Лес, сияние солнца на шелестящих листьях — все потемнело и исчезло из моих глаз. Последнее, что я видел, это отец, остановившийся на секунду, чтобы оглянуться на нас. Затем меня поглотила черная пустота.

В следующее мгновение я проснулся, лежа в своей кровати, на простынях, проснулся весь в поту, дрожащий, с ощущением тошноты. Окно было открыто, и в комнату вливалась струя прохладного воздуха. Спокойно горел ночник. И, глядя на все это, я заключил, что мы удачно скрылись от диких свиней и что мы не упали на землю — иначе как бы я, тысячу веков спустя, оказался тут, в этой спальне, чтобы вдруг все это припомнить?

А теперь поставьте на минуту себя на мое место. Перенеситесь воображением в мои безоблачные младенческие годы, поспите со мной в спальне и представьте, что это вам снятся такие кошмарные сны. Не забывайте, что я был неопытный ребенок. За всю мою жизнь я никогда не видел дикого вепря. Скажу больше, я никогда не видел и домашней свиньи. Самое близкое мое знакомство со свиньей заключалось в том, что я глядел на шипящую в жире жареную ветчину, поданную к завтраку. И однако дикие вепри, реальные, как сама жизнь, обступали меня в моих сновидениях, и я вместе со своими чудовищными родителями летел и прыгал по ветвям величественных древних лесов.

Станете ли вы удивляться, если я скажу, что был напуган, подавлен этими ночными кошмарами? Я был поистине проклят. И что хуже всего, я боялся кому-либо признаться в этом. Боялся неведомо почему — из всех возможных причин такой скрытности я могу назвать лишь постоянно испытываемое мною чувство вины. Но какая вина, в чем она именно заключалась, — на это я не в силах был ответить. Так и случилось, что я молча страдал долгие годы, пока не стал взрослым и не разобрался, откуда идут мои сны, в чем их истинный корень.

Глава четвертая

Есть одна загадочная вещь во всех моих доисторических воспоминаниях. Речь идет о неопределенности, расплывчатости понятия времени. Я далеко не всегда знаю последовательность событий, часто я не могу сказать, сколько времени отделяет какие-нибудь события друг от друга — год, два, четыре или пять. Я могу приблизительно судить о том, как шло время, лишь по изменениям во внешности и занятиях моих близких.

Я могу также отыскать известную логику событий, перебирая все, что случилось. Например, нет никакого сомнения в том, что наш прыжок на деревья, когда мы спасались от диких свиней, и наше бегство, и наше падение имели место раньше, чем я познакомился с Вислоухим, который стал мне, можно сказать, закадычным другом. Я уверен также, что именно между этими двумя событиями я потерял мать.

У меня нет иных воспоминаний об отце, кроме тех, которыми я уже поделился. В последующие годы жизни он ни разу не появлялся на моих глазах. И, насколько я знаю ход событий, единственное объяснение такого обстоятельства заключается в том, что отец погиб вскоре после приключения с дикими свиньями. А что отец погиб безвременно, в этом нет никаких сомнений. Он был полон сил, и только внезапная и насильственная смерть могла унести его. Но я не знаю, каким образом он погиб: утонул ли он в реке, пожрала ли его змея, или он попал в желудок Саблезубого, старого тигра. Обо всем этом у меня нет ни малейшего представления.

Следует учесть, что я вспоминаю из доисторических дней только то, что видел я сам, собственными глазами. Если моя мать и знала, как именно погиб отец, она никогда не говорила мне об этом. Я даже сомневаюсь, была ли она способна рассказать все то, что знала: так скуден был ее словарь. В те дни весь словарь Племена состоял, может быть, из тридцати или сорока звуков.

Я называю их именно *звуками*, а не *словами*, ибо они были ближе все-таки к звукам. У них не было постоянного значения, им нельзя было придать новый смысл посредством прилагательных или наречий. Эти изощренные приемы речи еще не были изобретены. Вместо того, чтобы оттенять всякий раз по-новому какое-либо существительное или глагол прилагательным или наречием, мы окрашивали, определяли свои звуки-слова интонацией, изме-

нениями в долготе и высоте, убыстрением или замедлением. Значение какого-либо звука изменялось, оттенялось в зависимости от того, быстро или медленно он произносился.

Мы не знали спряжений. О грамматическом времени мы судили только по контексту. Мы говорили только о конкретных вещах, ибо мы и думали лишь о конкретных вещах. В огромной мере мы прибегали к пантомиме. Какая-либо даже элементарная абстракция фактически была за пределами нашего мышления; и когда кому-либо приходило в голову что-либо отвлеченное, ему было невероятно трудно передать свою мысль своим ближним. Для этого не было звуков. Он должен был выходить за пределы своего словаря. В том случае, когда он изобретал новый звук, никто из окружающих этого звука не понимал. Изобретателю ничего не оставалось, как прибегнуть все к той же пантомиме, жестом поясняя свою мысль, где это возможно, и все время повторяя найденный им новый звук.

Так разрастался наш язык. Располагая ничтожным количеством звуков, мы были как бы связаны и в своем мышлении; при появлении новых мыслей всякий раз возникала необходимость и в новых звуках. Бывало порой, что нам явно не хватало звуков, чтобы выразить какую-нибудь абстракцию (смею вас заверить, достаточно смутную), и растолковать ее окружающим мы были бессильны. В общем, язык в те дни развивался очень и очень медленно.

О, мы были удивительные простаки! Но мы знали уйму всяких вещей, которые никому не ведомы сегодня. Мы умели двигать ушами, настораживать их и прижимать по своей воле. Мы с легкостью могли почесать себя между лопаток. Мы могли кидать камни ногами. Я сам это делал множество раз. Я мог даже, не сгибая коленей, наклониться так, что касался земли не пальцами, а локтями. Ну, а что касается лазания за птичьими гнездами — тут нам позавидовал бы любой мальчишка двадцатого века. Но мы не собирали коллекций птичьих яиц. Мы ели их.

Я помню... но стойте, я забегаю вперед. Позвольте мне прежде рассказать о Вислоухом и о нашей дружбе с ним. Я начал жить самостоятельно, отдельно от матери, очень рано. Может быть, это случилось оттого, что после смерти отца мать взяла себе второго мужа. Я плохо помню его, а те воспоминания, какие я сохранил, не относятся к числу счастливых моих воспоминаний. Это был пустой, легкомысленный малый. В нем не было никакой солидности.

И он был ужасно болтлив. Даже сейчас, когда я пишу о нем, его трескотня отзывается у меня в печенках. У него была такая глупая, легкомысленная голова, что он никогда не мог бы ни на чем сосредоточиться, чего-то добиваться. Глядя на обезьян в клетке, я неизбежно вспоминаю о нем. Он походил на обезьяну. Вот лучшее его описание, какое я могу только сделать.

Он возненавидел меня с первого взгляда. А я сразу понял, что надо остерегаться его и следить за всеми его коварными выходками. При каждом его появлении я крепче цеплялся за мать и прижимался к ней. Но я рос, становясь взрослее с каждым днем, и, естественно, начал отлучаться от матери, уходя от нее все дальше и дальше. Болтун этого-то только и дожидался. (Должен сказать, что в те времена никаких имен у нас не было и никто ни к кому по имени не обращался. Лишь для удобства читателей я даю имена всем тем, с кем я близко тогда сталкивался, и более подходящего имени, чем Болтун, своему драгоценному отчиму я придумать не в силах. Себя же я называю Большим Зубом. У меня были очень большие передние зубы).

Но возвратимся к Болтуну. Он упорно преследовал меня. Он

щипал, колотил меня, а при случае даже кусался. Нередко мать заступалась за меня, и было любо-дорого поглядеть, какую взбучку она ему задавала. В результате возникали бесконечные семейные ссоры, причиной которых был только я.

Да, моя домашняя жизнь складывалась не очень счастливо. Написав эту фразу, я улыбнулся. Домашняя жизнь! Дом! У меня не было никакого дома в современном смысле этого слова. Мой дом — это окружавшие меня мне подобные, а не жилище, не убежище. Я жил под опекой матери, а не под крышей дома. А моя мать жила где придется, хотя с наступлением ночи непременно взбиралась на деревья.

Мать была старомодна. Она все тянулась к своим деревьям. Ведь более передовые члены нашего Племена жили в пещерах у реки. Но мать подозрительна и держалась отсталых привычек. Деревья ее вполне устраивали. Разумеется, у нас было одно излюбленное дерево, на котором мы обычно ночевали, но нередко мы проводили ночь и на других деревьях, если там заставляла нас темнота. На удобной развилке дерева мы устраивали подобие площадки, применяя ветки, хворост, ползучие растения и листву. Больше всего это походило на громадное птичье гнездо, но птицы выют свои гнезда, конечно, во сто раз аккуратнее и искуснее. Однако у нашего гнезда была такая особенность, которой я ни разу не видел ни у одного птичьего гнезда, а именно — крыша.

О, конечно, не такая крыша, какую строит современный человек. И не такая, какие сооружают самые отсталые туземцы двадцатого века. Наша крыша была бесконечно грубее и неуклюжее самого примитивного произведения рук человека — того человека, какого знаем мы. Она была сложена как попало, самым беспорядочным образом. Над развилкой дерева, где мы гнездились, просто клали кучу сухих веток и сучьев. Полдюжина соседних веток держали на себе то, что я мог бы назвать сводами. Это были просто крепкие палки в дюйм толщиной. На них-то и лежала упомянутая куча веток и сучьев. Они были накинаны почти без всякого расчета. Не чувствовалось даже попытки сделать крышу непроницаемой. И, должен сознаться, при сильном дожде она чудовищно протекала.

Но мне хочется еще раз вернуться к Болтуну. Из-за него домашняя жизнь была истинным бременем как для матери, так и для меня — я говорю о домашней жизни, имея ввиду не наши ночевки в гнезде, а наше совместное существование, жизнь втроем. Преследуя меня, Болтун проявлял дьявольскую злобу и изо-

бретательность. Только на этом и сосредоточивал он весь свой ум, размышлять о чем-либо другом больше пяти минут он не умел вообще. Время шло, и по мере того, как я становился взрослее, мать уже не так ревностно защищала меня. Мне кажется, что из-за постоянных скандалов, которые устраивал ей Болтун, мать уже тяготилась мной. Во всяком случае, мое положение с каждым днем становилось все хуже и хуже, и волей-неволей мне надо было думать об уходе из семьи. Но судьба не дала мне совершить столь решительный и горделивый поступок. Прежде чем я собрался уйти, меня сбросили. Я говорю это в самом буквальном смысле слова.

Болтун воспользовался для этого случаем, когда я остался один в гнезде. И мать и сам Болтун ушли вместе на болота, где росла черника. Видимо, Болтун заранее выработал план действий, так как скоро я услышал, что он возвращается лесом и яростно рычит, подогревая свой гнев. Подобно всем мужчинам нашего Племени, когда они гневались или желали разгневаться, он останавливался и бил себя в грудь кулаком.

Сознавая свое безвыходное положение, я, дрожа, скорчился в гнезде. Болтун направился прямо к нашему дереву — я хорошо помню, что это был дуб, — и начал взбираться вверх. И он ни на мгновение не прекращал дьявольски рычать и что-то выговаривать мне. Как я уже упоминал, язык наш был невероятно скуден, и мой отчим должен был всячески изощряться, чтобы дать понять мне, что он смертельно ненавидит меня и намерен сейчас же свести со мной все счеты.

Едва он поднялся до уровня гнезда, как я кинулся бежать по огромной горизонтальной ветке. Он погнался за мною, и мне пришлось продвигаться дальше и дальше, к самому концу ветки. Я цеплялся теперь за мелкие сучья, укрываясь среди листвы. Болтун всегда был трусом и, как бы он не горячил себя и не гневался, чувство осторожности в нем было сильнее всякого гнева. Он боялся приблизиться ко мне, ступив на мелкие, ненадежные сучья и ветки. Ведь он был куда тяжелее меня и, подломив эти ветки и сучья, сорвался бы прежде, чем меня поймал.

Но Болтуну не было нужды приближаться ко мне — и подлец прекрасно знал это. Скорчив злорадную рожу, поблескивая своими маленькими глазками, он принялся трясти и раскачивать ветви. Раскачивать! А ведь я сидел на самом кончике ветки, цепляясь за сучья, которые все время трещали и обламывались подо мной. И до земли было целых двадцать футов!

Он тряс и раскачивал ветви все яростнее, оскалив зубы в злобной усмешке. Затем наступил конец. Моя опора вдруг рухнула, и я полетел спиной вниз, глядя на отчима и сжимая руками и ногами обломившуюся ветку. К счастью, под деревом не оказалось диких свиней, и удар был смягчен упругими прутьями кустов, на которые я свалился.

Падение, как правило, прерывает мои сны, и нервная встряска мгновенно переносит меня через тысячу веков, швыряя в мою маленькую кроватку, где я лежу с широко открытыми глазами, дрожа и обливаясь потом, и слушаю, как в зале кукушка отсчитывает часы. Однако этот сон об изгнании меня из дома снился мне много раз и никогда не кончался внезапным пробуждением. Всякий раз я летел сквозь трещащие ветки, пронзительно кричал и с глухим стуком ударялся о землю.

Весь исцарапанный, в синяках, я лежал и жалобно хныкал. Сквозь кусты мне был виден Болтун. Он пел какую-то дьявольскую песнь радости и в такт своей песне все еще раскачивал дерево. Я быстро прекратил свое хныканье. Ведь я был теперь не на дереве, которое спасало меня от опасностей; я знал, что если я буду, выражая свое горе, громко рыдать, то я привлеку к себе внимание диких зверей.

Помню, что я, подавив рыдания, с интересом смотрел, как играет свет на моих полужакрытых, залитых слезами веках. Потом я оглядел себя и увидел, что от падения я пострадал не так уж сильно. Кое-где ободраны волосы и кожа; острый, зазубренный конец ветки, с которой я летел на землю, вонзился на целый дюйм мне в руку выше локтя; невыносимо ныло правое бедро, на которое пришелся главный удар при падении. Но в конце концов все эти повреждения можно было считать пустяками. Ведь кости остались целы, а мускулы и ткани человека тех времен заживали гораздо лучше, чем в наши дни. И все же это было тяжелое падение: я прихрамывал на правую ногу целую неделю.

Пока я лежал в кустах, меня охватило чувство тоскливого одиночества. Я ощущал себя совершенно бездомным. Я решил никогда больше не возвращаться к матери и Болтуну. Я уйду куда-нибудь подальше, в эти страшные леса, выберу себе дерево и устрою на нем гнездо. Что касается пищи, то я уже знал, где искать ее. Ведь уже минул по меньшей мере год, как мать перестала заботиться о моем пропитании. Она лишь защищала меня от всяких напастей и была мне учителем.

Я осторожно выбрался из кустов. Оглянувшись назад, я увидел, что Болтун все еще распевает свою радостную песню и рас-

качивают дерево. Такая картина, разумеется, мне не доставила удовольствия. Я уже умел соблюдать осторожность и, пускаясь в свое первое путешествие, был чрезвычайно бдителен.

Я не задумывался, куда я иду. У меня была единственная цель — уйти от Болтуна туда, где он не нашел бы меня. Я взобрался на дерево и в течение нескольких часов шел по деревьям, прыгая с одного на другое, ни разу не спустившись на землю. Я не выбирал определенного направления, не придерживался прямого пути. Всякая последовательность была чужда моей натуре, как она была чужда и всему моему Племени. Помимо того, я был ребенком: я не раз подолгу задерживался на месте, увлекшись игрой.

Все, что произошло после моего бегства из дома, я помню весьма туманно. События этого времени мне не снились. Моя вторая личность многое забыла, и больше всего забыто именно из этого периода. Вспоминая различные картины сновидений, я не в силах себе представить, что именно происходило в те дни, когда я покинул родное дерево и еще не пришел в пещеры.

Помнится только, что несколько раз я выходил на открытые поляны. Трепеща от страха, я спускался с деревьев и пересекал эти поляны, несясь по ним во всю прыть. Помню, что были дождливые дни, и были ясные, солнечные, — должно быть, я блуждал в одиночестве немало времени. Особенно памятны мне дождливые дни, когда приходилось терпеть всякие невзгоды; хорошо помню, как я голодал и как ухитрялся утолить свой голод. Ярko встает в памяти картина охоты на маленьких ящериц, обитавших на каменистой вершине открытого холма. Они шныряли в расщелинах, поймать их было почти невозможно, но однажды я случайно перевернул камень и изловил-таки под ним ящерицу. Однако меня напугали там змеи, и я покинул этот холм. Нет, змеи не гнались, не нападали на меня. Они просто лежали среди камней и грелись на солнышке. Но у меня был врожденный страх перед змеями, и я опрометью бежал от них, словно они преследовали меня по пятам.

Потом я глодал горькую кору молодых деревьев. Смутно помню, что я ел множество зеленых орехов — у них была мягкая кожура и молочная сердцевина. И снова яркое, отчетливое воспоминание: у меня сильно болит живот. Возможно, боль была вызвана зелеными, незрелыми орехами, а может быть, ящерицами. Я этого не знаю. Но я прекрасно знаю, что мне необычайно повезло: меня не сожрал ни один хищник, пока я в течение нескольких часов корчился от боли, сидя на земле.

Глава пятая

В памяти ярко и резко вспыхивает картина того, как я вышел из леса. Я вижу себя на краю большого открытого поля. По одну сторону этого поля поднимались высокие утесы, по другую — протекала река. Берег круто сбегал к воде, повсюду, где склон шел положе, берег был иссечен тропинками. По этим тропинкам ходило на водопой Племя, жившее в пещерах.

Случайно я вышел к главному стойбищу Племени. С натяжкой можно даже сказать, что это был поселок. И моя мать, и я, и Болтун, и еще несколько обитателей лесов, которых я знал, — все это были, по существу, жители окраин. Мы входили в Племя, хотя и жили от него на отшибе. От наших мест до главного стойбища Племени было не так уж и далеко, хотя я в своих блужданиях шел к нему целую неделю. Если бы я держался прямого пути, я покрыл бы это расстояние за час.

Но вернемся к повествованию. Выйдя на окраину леса, я увидел темневшие в высоком утесе пещеры, открытое поле и тропинки, сбегавшие к реке. И на берегу, на чистом месте, я увидел

множество своих соплеменников. Я был ребенок, неделю я блуждал в полном одиночестве. За все это время я не видел ни одного существа, подобного мне. Я жил в постоянном страхе, будто затравленный. И теперь, увидя Племя, я преисполнился радости и со всех ног бросился навстречу ему.

И тогда произошло нечто странное. Кое-кто из Племени заметил меня и предостерегающе крикнул. И мгновенно все Племя, вопя от страха, в панике кинулось бежать прочь. Прыгая и цепляясь за скалы, все — взрослые и дети — тотчас же укрылись в пещеры... оставив снаружи лишь одного маленького дитя, которого бросили в суматохе у подножия утеса. Ребенок горько плакал. Его мать выскочила из пещеры; ребенок бросился к ней и крепко прижался к ее груди, и она утащила его к себе в пещеру.

Я остался совершенно один. Берег, минуту назад столь оживленный, внезапно опустел. С тоскою в сердце я сел на землю и разрыдался. Я ничего не понимал. Почему Племя убежало от меня? Позднее, когда я узнал его нравы поближе, мне стало все ясно. Увидя, как я со всех ног выбежал из леса, они решили, что за мной гонится хищный зверь. Своим неожиданным вторжением я испугал их насмерть.

Сидя на земле и следя за входами в пещеры, я сообразил, что и Племя следит за мною. Вскоре мои перепуганные соплеменники начали высовываться из пещер. Через минуту они уже перекликались и переговаривались друг с другом. Оказалось, что в спешке и смятении многие из них перепутали пещеры и забрались в чужие. В чужие пещеры попали и некоторые малыши. Матери не могли их кликнуть по имени, так как имена еще не были изобретены. Все члены Племени были безымянны. Матери издавали резкие тревожные звуки, по которым малыши узнавали их. Таким же образом окликала меня моя мать, и я узнал бы ее голос среди голосов тысячи других матерей, а она тоже различила бы мой голос среди голосов тысячи других детей.

Долго еще перекликалось Племя, не смея выйти из пещер и спуститься на землю. Наконец, один из соплеменников решился и вылез. Ему было суждено сыграть большую роль в моей жизни, немалую роль играл он и в жизни всего Племени. На страницах этой повести я буду называть его Красным Глазом, так как у него были воспаленные глаза и вечно красные, словно бы говорившие о его кровожадной свирепости веки. Да и все его существо, сама его душа была как бы окрашена кровью.

Он был поистине чудовищем во всех отношениях. Физически он выглядел настоящим гигантом. Вес его, должно быть, достигал ста семидесяти фунтов. Крупнее его я не встречал никого во всей нашей породе. Среди Людей Огня и среди Лесной Орды мне тоже не доводилось видеть таких великанов. Иногда, наткнувшись в газетах на описание наших боксеров, я размышляю, какие шансы были бы у самого сильного из них, если бы он вышел схватиться с Красным Глазом.

Боюсь, что у нашего атлета не оказалось бы ни одного шанса. Своими железными пальцами Красный Глаз мог бы с корнем вырвать у него из тела бицепс или любой другой мускул. Ударом кулака наотмашь он раздробил бы ему череп, как яичную скорлупу. Резким выпадом своей дьявольской ноги (или задней руки) он выпустил бы ему наружу внутренности. Обхватив его шею, он мгновенно сломал бы ее, и, я готов поклясться, если бы он вцепился в шею зубами, он сразу перегрыз бы и сонную артерию и позвоночник.

Он был способен прыгнуть на двадцать футов в длину прямо из сидячего положения. И он был ужасно волосат. Мы гордились, если были не очень волосаты. Но он был сплошь покрыт густыми волосами, волосы в равной мере росли у него на внутренней и на внешней стороне рук, выше и ниже локтя, даже уши у него густо заросли волосами. Только ладони рук и подошвы ступней были голыми, да еще отсутствовали волосы под глазами. Он был до ужаса безобразен, рот его, с огромной отвисшей нижней губой, кривился в жесткой усмешке, крохотные глазки смотрели свирепо.

Это и был Красный Глаз. Он осторожно вылез из пещеры и спустился на землю. Не обращая на меня внимания, он стал осматривать местность. Ходил он, круто сгибаясь в пояснице; он наклонялся так сильно, а его руки были столь длинны, что, делая шаг вперед, он касался земли суставами пальцев руки. Такая полусогнутая поза при ходьбе была очень неудобна, и он касался земли пальцами обеих рук, по существу, для опоры. Но посмотрели бы вы, с каким проворством он на своих четырех конечностях бежал! А именно на четырех конечностях все мы были неуклюжи и чувствовали себя очень неловко. Только редкие из нас опирались на суставы пальцев при ходьбе, — это было уже атавизмом, и у Красного Глаза он проявлялся сильнее, чем у кого-либо в Племени.

Красный Глаз был воплощением атавизма. Все мы тогда находились на переходной ступени, отказываясь от жизни на деревьях

и начиная жить на земле. В этот процесс было втянуто уже несколько поколений, и наше тело и наши привычки успели за это время измениться. Но Красный Глаз принадлежал к исчезнувшему типу тех, кто жил на деревьях. Поскольку он родился в нашем Племени, он поневоле оставался с нами, но его атавизм делал его, по существу, чуждым нам: он вполне мог бы жить где угодно, вне Племени.

Соблюдая величайшую предосторожность, он расхаживал по полю и пристально вглядывался сквозь деревья леса, стараясь увидеть того хищного зверя, который, как все считали, гнался за мной. На меня он по-прежнему не обращал внимания, а Племя, выбравшись из пещер, не отходило от них и ждало, чем кончится разведка Красного Глаза.

В конце концов Красный Глаз убедился, что лес не таит никакой опасности. Он окинул взглядом береговую тропинку, ведущую к водою, и заковылял по направлению ко мне. Но он все еще делал вид, словно и не замечает меня. Потом, будто случайно оказавшись рядом со мной, он безо всякого предупреждения молниеносно размахнулся и ударил меня по голове. Я отлетел от него футов на двенадцать, прежде чем вновь ощутил под собой твердую землю, и тут же до меня донесся дикий хохот — это, визжа и кудахтая, смеялось надо мной столпившееся у пещер Племя. Лучшего посмешища для них нельзя было и придумать — по крайней мере в тот день, — и они веселились от всего сердца.

Так я был принят в Племя. Красный Глаз удалился, даже не взглянув на меня, и я мог без помех хныкать и рыдать сколько мне было угодно. Подошли несколько женщин и стали кружком около меня, я узнал их всех. Я встречал их в прошлом году в далеких ущельях, собирая вместе с матерью орехи.

Но женщины быстро покинули меня, и я оказался окруженным десятком любопытных мальчишек. Они показывали на меня пальцами, строили рожи, толкали и щипали меня. Я оробел и какое-то время сносил эти пытки, затем гнев охватил мое сердце, и я бросился кусать и царапать самого смелого из всей этой ватаги — это был не кто иной, как Вислоухий. Я назвал его таким именем, потому что он мог двигать и настораживать лишь одно ухо, другое у него висело без движения. В результате какого-то несчастного случая у него был поврежден соответствующий мускул.

Вислоухий сцепился со мной, и мы принялись драться, как все мальчишки на свете. Мы царапались и кусались, таскали друг друга за волосы, душили друг друга и валили наземь. Помню, что я одолел своего противника, прибегнув к приему, который, как мне стало известно в колледже, называется «полунелсоном». Прием этот дал мне тогда решающее преимущество. Но торжествовал я совсем недолго. Изловчившись, Вислоухий двинул мне ногой (или задней рукой) в живот с такой силой, что, казалось, из меня вылезут кишки. Мне ничего не оставалось, как разжать руки и отпустить его, затем мы сцепились снова.

Вислоухий был на год старше меня, но я во много раз был злее, и в конце концов он пустился наутек. Я кинулся вслед за ним, мы пересекли поле и спустились по тропинке к реке. Однако он прекрасно знал местность и увернулся от меня, взбежав на берег по другой тропинке. Потом он по диагонали снова пересек поле и скрылся в пещере с широким входом.

Прежде чем я сообразил, что мне делать, я уже нырнул в эту пещеру сам. Оказавшись в полной темноте, я сильно испугался. Ведь быть в пещере мне никогда раньше не доводилось. Я расплакался и громко закричал. Вислоухий в ответ на это пролопотал мне что-то издевательское, кинулся на меня, пользуясь темнотой, и сбил меня с ног. Однако он не отважился сцепиться со мною вновь и тут же отскочил в сторону. Выход из пещеры был позади меня, и Вислоухий не проходил туда, тем не менее он исчез, словно провалился. Я стал прислушиваться, но никак не мог понять, куда он скрылся. Это сильно озадачило меня, я выбрался к выходу, сел там и стал ждать, что будет дальше.

Он не выходил из пещеры, в этом я был уверен, но через несколько минут он хихикнул прямо у меня над ухом. Я снова погнался за ним, и снова он нырнул в пещеру, но на этот раз дальше входа я не двинулся. Отступив еще на несколько шагов, я стал снова выжидать. И опять мой противник не выходил из пещеры, и опять, как и раньше, он захихикал прямо у меня над ухом и увлек меня за собой в пещеру в третий раз.

Эта сцена повторялась до бесконечности. Наконец, я зашел в глубь пещеры и стал искать Вислоухого. Во мне заговорило любопытство. Я не мог понять, каким образом он ускользал от меня. Ведь всякий раз он входил в пещеру, но никогда не выходил из нее и всегда оказывался у меня за плечом, насмеш-

ливо хихикая. Так наша драка незаметно превратилась в игру в прятки.

С небольшими перерывами мы играли с Вислоухим до вечера, и скоро между нами установились непринужденные, дружеские отношения. В конце концов он уже не убегал от меня, и мы сидели рядом, обняв друг друга. А немного позднее он открыл мне тайну загадочной пещеры. Взяв за руку, он провел меня в самые ее глубины. Оказалось, что она соединяется узкой расщелиной с другой пещерой, и по этой-то расщелине мы вышли на воздух.

Теперь мы стали добрыми друзьями. Когда один раз на меня напали другие мальчишки, он стал на мою защиту, и мы вместе дали неприятелю такую взбучку, что скоро ко мне уже никто не приста-вал. Вислоухий познакомил меня с поселком. Он почти ничего не мог рассказать мне о нравах и обычаях Племени — для этого у него не доставало слов, но я многому научился, следя за его действиями, и он показал мне все интересные места в округности.

Он водил меня по полю, раскинувшемуся между пещерами и рекой, потом мы углубились в лес, где на зеленых полянах вволю полакомились морковью. После этого мы пошли к реке и напи-лись, а затем стали подниматься по тропинке к пещерам.

На этой тропинке мы столкнулись вновь с Красным Глазом. Едва я успел сообразить, в чем дело, Вислоухий уже отскочил в сторону и спрятался за песчаным бугром. Само собой разумеется, что я, недолго думая, кинулся вслед за ним. Только потом я ог-лянулся и понял, чем был так напуган Вислоухий. По середине тропинки чванливо ковылял Красный Глаз, его воспаленные глаз-ки грозно сверкали. Я заметил, что малыши и подростки врассып-ную бежали от него прочь, как это сделали и мы, а взрослые, следя за ним внимательным взглядом, отступали в сторону и да-вали ему дорогу.

Когда спустились сумерки, поле опустело. Племя укрылось в пещеры. Вислоухий повел меня на ночлег. Мы вскарабкались вверх по утесу и, оказавшись надо всеми остальными пещерами, попали в узкую расщелину, совсем незаметную с земли. В нее-то и влез Вислоухий. Я последовал за ним, и мне с трудом удалось протиснуться — так узка была щель, служившая входом в жилище Вислоухого. Мы оказались в маленькой каменной келье. Она была не больше двух футов в высоту, фута три в ширину и фута четыре в длину. Здесь-то, прижавшись друг к другу, мы в обнимку и про-спали эту ночь.

Глава шестая

Играя с наиболее смелыми подростками около пещер с широким входом, я скоро понял, что эти пещеры необитаемы. В них никто не спал по ночам. Заняты были только пещеры с узким входом, и чем уже был вход, тем пещера считалась удобней. Все это проистекало из страха перед хищными животными, которые были для нас в те времена сущим проклятием и днем и ночью.

В первое же утро после ночевки с Вислоухим я убедился, насколько полезнее пещеры с узким входом. Едва-едва рассветало, когда на нашем поле появился старина Саблезубый, тигр. Двое из Племени к тому часу уже бродили по полю. Увидев тигра, они бросились наутек. То ли они чересчур перепугались и лишились рассудка, то ли тигр был слишком близко, я не знаю, но они даже не пытались влезть на утес и укрыться в безопасных пещерах, а забежали в ту самую пещеру с широким входом, в которой мы играли с Вислоухим накануне.

Что именно происходило внутри пещеры, трудно судить, но, скорее всего, двое беглецов пробрались через расщелину во вторую

пещеру. Расщелина оказалась для Саблезубого слишком узкой, и он, разозленный неудачей, повернулся и вышел из пещеры тем же входом, каким вошел. Было очевидно, что тигру не повезло ночью на охоте и он рассчитывал задрать себе на завтрак кого-нибудь из нас. Вдруг он заметил беглецов у входа во вторую пещеру и прыжком ринулся к ним. Разумеется, они юркнули назад и перебежали узким проходом в первую пещеру. Саблезубый вышел из второй пещеры еще более взбешенный и громко зарычал.

Тут же засуетилось и заметалось все Племя. Прыгая по огромному утесу, мы толпились у всех расщелин, на всех выступах, лопотали и визжали на все лады. Мы ужасно гримасничали, скаля при этом зубы, — такова была наша неистребимая привычка. Мы злобствовали не меньше Саблезубого, хотя к нашей злобе и примешивался страх. Помнится, я вопил и гримасничал так же, как самые рьяные из Племени. И не только потому, что они служили мне примером, нет, я чувствовал внутреннюю потребность делать то же самое, что делали они. Волосы у меня ошетинились, весь я извивался и корчился в приступе необъяснимой злобы и ярости.

Несколько минут Саблезубый метался от одной пещеры к другой, забегал в них и снова выскакивал. А те двое беглецов быстро лазали по расщелине туда и сюда и таким образом избегали тигриных лап. Тем временем Племя, облепившее утес, начало действовать. Как только тигр выскакивал из пещеры наружу, в него летели камни. Сначала мы только обрушивали их на зверя, а потом стали кидать с силой, придавая камням большую стремительность.

Эта бомбардировка привлекла внимание Саблезубого уже к нам, и он рассвирепел еще больше. Он перестал гоняться за беглецами и прыгнул вверх, стремясь взобраться на утес. Камень крошился под его когтями, он рычал и лез все выше и выше. При виде этого ужасного зрелища все мы до последнего кинулись внутрь пещер. Я это твердо знаю, ибо я выглянул из своей пещеры и увидел, что на утесе не было ни души, а Саблезубый сорвался с него и скользил в это мгновение вниз, на землю.

Я разразился торжествующим криком, и снова Племя выскочило наружу и облепило утес: опять все пронзительно визжали и завывали, и камни полетели с утеса пуще прежнего. Саблезубый теперь словно взбесился. Невзирая на неудачи, вновь и вновь он пытался взобраться на утес. Однажды он уже был у входа нижней пещеры, но снова сорвался, так и не проникнув в нее. При каждом его прыжке нас охватывал невообразимый ужас. Сначала боль-

шинство из нас, как только Саблезубый оказывался на утесе, кидалось в пещеры, но кое-кто все-таки оставался снаружи и продолжал швырять в него камни; скоро положение изменилось: теперь уже не убегал никто, и все дружно вели обстрел неприятеля.

Никогда еще Саблезубый не терпел такого явного поражения. Его гордость была уязвлена страшным образом: ведь его перехитрило столь малорослое, слабосильное Племя. Он стоял внизу на земле и, глядя на нас, рычал, бил хвостом и огрызался на каждый летевший камень. Однажды я метнул в него камнем в тот момент, когда он поднял вверх морду. Камень попал ему в кончик носа, и тигр подпрыгнул в воздух, взметнув все свои четыре лапы. От неожиданности и боли он зарычал и замяукал, как кошка.

Он был побежден, и он знал это. Спасая свое достоинство, он под градом камней важно зашагал прочь. Посреди поля он остановился на минуту и бросил на нас тоскливый голодный взгляд. Отказывать себе в еде Саблезубому очень не хотелось, а тут, всего лишь в нескольких шагах от него, было столько мяса! Казалось, мы сидели в ловушке и тем не менее были недоступны. Глядя на тигра, мы принялись хохотать. Хохот наш звучал издевательски, мы хохотали во все горло, все до единого. А ведь ни одно животное не любит насмешки. Оно злится, если над ним смеются. Именно такое действие возымел наш хохот на Саблезубого. Он зарычал, повернул назад и снова бросился на утес. Мы только этого и ждали. Сражение с тигром уже стало для нас игрой, и мы с наслаждением швыряли в него камень за камнем.

На этот раз Саблезубый выдержал недолго. Обретя благоразумие, он быстро остыл, и, кроме того, мы сражались с ним все хитрей и искусней. Я хорошо помню, как вздулся у него глаз от метко брошенного камня, — тигр уже почти не видел этим глазом. И живо встает в моей памяти, как он, уже окончательно отступив к опушке леса, вновь остановился и поглядел на нас. Он раскрыл всю свою трепещущую пасть и показал нам свои громадные клыки до самых корней, шерсть у него встала дыбом, хвост колотил землю. Он рыкнул на нас в последний раз и скрылся из виду за деревьями.

Как мы после этого залопотали и зашумели! Мы толпою кинулись из своих убежищ вниз, осматривая следы когтей Саблезубого на камнях утеса, и тараторили, перебивая друг друга. Один из тех, кто на рассвете бежал от тигра и прятался в двойной пе-

щере, был долговязым подростком, почти юношей. Когда оба беглеца горделиво вышли из своей пещеры, мы встретили их с восторгом и стали вокруг них плотным кольцом. Вдруг мать долговязого подростка, растолкав толпу, подскочила к своему сыну. Вне себя от ярости, она начала бить его по щекам, таскать за волосы и при этом кричала, как ведьма. Это была очень рослая, коренастая женщина, вся в густых волосах; трепка, которую она задала своему сыну, сильно позабавила Племя. Мы надрывались от хохота, мы изнемогали от него и хватались для поддержки друг за друга; кое-кто из самых смешливых катался по земле.

Несмотря на вечный страх, тяготевший над Племенем, мы были большие охотники посмеяться. У нас было чувство юмора. Мы веселились от всего сердца, как веселился Гаргантюа. Мы хохотали самозабвенно, о какой-либо сдержанности мы не имели понятия. Что-нибудь самое простое, самое грубое могло показаться нам ужасно смешным, и мы хохотали до корчей, до колик в животе. О, мы умели посмеяться, уверяю вас!

Тот отпор, который встретил у нас Саблезубый, получал и каждый зверь, забравшийся в поселок. Мы бдительно охраняли наши тропинки и водопой, не давая подойти к ним ни одному зверю, если он забрел на нашу землю и случайно. Даже самые свирепые хищники были достаточно проучены и избегали приближаться к нашему стойбищу. Мы не могли похвастаться такой силой, как они; мы были хитры и трусливы, и только наша хитрость и трусость, наша необыкновенная осторожность позволяла нам выжить среди ужасных врагов, которые окружали нас в Юном Мире.

Вислоухий, я полагаю, был старше меня на год. О своей прошлой жизни он мне рассказать ничего не мог по скудости языка, но я никогда не видел его матери и считал его сиротой. Ведь если говорить об отцах, то они в нашем Племени в счет не шли. Брак был еще на самой примитивной ступени, супружеские пары постоянно ссорились и расходились. Современный человек, идя на законный развод, делает то же самое. Но у нас не было никаких законов. Все у нас шло по обычаю, а обычай допускал в этой области полный беспорядок.

И тем не менее, как это будет видно из дальнейшего рассказа, у нас уже слегка чувствовались признаки моногамии, которая возобладала в будущем, значительно укрепив придерживавшиеся ее племена. Даже в те дни, когда я был младенцем и еще не расставался с матерью, на деревьях близ нас жили устойчивые и верные

друг другу пары. Жизнь в гуще Племени не располагала к единобрачию. Нет сомнения, что именно поэтому верные супружеские пары уходили из стойбища и обосновывались поодаль. Супруги жили вместе целые годы, хотя если кто-нибудь из них умирал или становился жертвой хищных зверей, оставшийся в живых непременно находил себе новую жену или нового мужа.

Одно обстоятельство сильно озадачивало меня с первых же дней, как я начал жить в Племени. Я замечал, что все испытывали какой-то безотчетный, смутный страх перед северо-востоком. Племя постоянно чего-то опасалось, ждало оттуда какой-то беды. Все с мрачной тревогой нет-нет да поглядывали на северо-восток.

Когда мы с Вислоухим пошли однажды в северо-восточном направлении искать морковь, для которой наступил тогда лучший сезон, то он выказывал необычайную робость. Он был готов есть ботву, перезрелую, дряблую, или совсем мелкую, жиденькую морковь, но не хотел пройти дальше, где росли еще никем не тронутые мясистые корни. Когда я двинулся туда, он разбранил меня, учинив настоящий скандал. Он заявил мне, что в том направлении таится грозная опасность, но какая именно — этого Вислоухий никак не мог мне разъяснить по бедности своего словаря.

Пока он бранился и отчитывал меня, я отыскивал все новые и новые места с морковью и досыта набивал себе живот. Я не мог понять, что именно имеет в виду Вислоухий. Я соблюдал всяческие предосторожности, но никакой опасности не видел. Я постоянно прикидывал, на какое расстояние я удалился от ближайшего дерева, чтобы успеть добежать и взобраться на него, если вдруг выскочит старина Саблезубый, Темно-рыжий или какой иной хищник.

Однажды вечером в поселке начался истинный переполох. Племя было в смятении, всех охватил глубокий страх. Столпившись на утесе, мужчины и женщины смотрели на северо-восток и показывали туда пальцами. Я не знал, что именно происходит, но живо полез кверху, в свою крошечную пещеру, и только потом огляделся по сторонам.

И тогда, вдали за рекою, на северо-востоке, я впервые в жизни увидел дым. Своими размерами этот таинственный дым превосходил всех животных, каких я только знал. Я подумал было, что это некая чудовищная змея, поднявшая свою голову высоко над де-

ревьями и раскачивающаяся взад и вперед. Но потом, наблюдая за поведением Племени, я сообразил, что сам по себе дым не опасен. Племя испытывало страх перед дымом потому, что за ним скрывалось что-то другое, поистине грозное. Но что именно было это другое, я не мог догадаться. И никто не мог мне объяснить, в чем дело. Однако скоро я узнал, что это такая страшная опасность, перед которой не шли в счет уже ни Темнорыжий, ни старина

Саблезубый и никакие змеи, — опасность столь грозная, что грозней ее не могло и быть.

Глава седьмая

Сломанный Зуб был другой юнец, который тоже жил самостоятельно. Мать его занимала просторную пещеру, но у нее после Сломанного Зуба родилось еще двое детей, и в результате старший брат был изгнан. В течение нескольких дней мы смотрели, как его выгоняли, и от души потешались над этим. Сломанный Зуб упорно не желал уходить из дома и всякий раз, как мать по делам покидала пещеру, вновь забирался в нее. Когда мать возвращалась и обнаруживала там сына, гнев ее был великолепен. Почти половина Племени собиралась полюбоваться разъяренной мамашей. Сначала из пещеры доносились ругань и визг. Затем можно было расслышать звук затрещин и ударов и вопли Сломанного Зуба. Тогда же к рыданиям Сломанного Зуба присоединялся плач двух малышей. В заключение Сломанный Зуб кубарем вы-

летал из пещеры — это было словно извержение небольшого вулкана.

Но прошло несколько дней, и Сломанный Зуб был выброшен из дома окончательно. Он выплакал свое горе, сидя посреди поля один-одинешенек, и через полчаса пришел жить к нам с Вислоухим. Наша пещера была слишком мала, но, потеснившись, мы нашли место и для Сломанного Зуба. Насколько я помню, он ночевал с нами лишь одну ночь, значит, событие, о котором я сейчас расскажу, произошло в это же время.

Это случилось в полдень. Утром мы досыта наелись моркови, тут же в лесу стали играть и, позабыв всякую осторожность, забрались на высокие деревья. Не могу понять, почему проявил такую беспечность всегда такой бдительный Вислоухий, должно быть, он тоже заигрался. Мы играли на этих деревьях в салки. Замечательная была игра! Мы прыгали на десять—пятнадцать футов, даже не прилагая особых усилий. А прыгнуть с дерева на землю, пролетев двадцать пять футов, было для нас сущей безделицей. Право, я даже боюсь сказать, на какие прыжки мы тогда отваживались. Потом, когда мы стали старше и грузнее, нам приходилось прыгать уже гораздо осторожней, но в те юные дни у нас были не мускулы, а настоящие пружины, и мы могли себе позволить все что угодно.

Сломанный Зуб играл с необыкновенной ловкостью. Поймать его было почти невозможно и, ускользая от нас, он всякий раз выкидывал такой трюк, изобретенный им самим, повторить который не мог ни Вислоухий, ни я. Сказать по правде, мы даже не решались на это.

Когда мы гнались за ним, Сломанный Зуб обычно взбегал на конец высокого сука. До земли от этого сука было не меньше семидесяти футов, и если с него сорвешься, то зацепиться внизу было уже не за что. Но футов на двенадцать вниз и не меньше пятнадцати футов в сторону торчала ветка другого дерева.

Преследуя смельчака, мы тоже хотели взбежать на конец сука, но Сломанный Зуб начинал трясти его и тем мешал нам продвигаться. Мало этого, Сломанный Зуб ложился на этот сук спиной и раскачивал его. Как только мы приближались, Сломанный Зуб прекращал раскачиваться. Сук, как натянутая тетива, вскидывал его, и Сломанный Зуб летел, спиной вперед, в воздух. Падая вниз, он успевал перевернуться и вспрыгивал прямо на толстую ветку соседнего дерева. От такого толчка ветка сильно подавалась вниз

и иногда зловеще потрескивала, но все же не ломалась; после каждого такого прыжка Сломанный Зуб, высунув голову из листвы, поглядывал на нас и торжествующе улыбался.

Вот я снова догоняю Сломанный Зуб на ветке. Он добежал до конца и опять принялся его трясти и раскачивать, мешая мне приблизиться. И вдруг Вислоухий издал негромкий предупреждающий крик. Я посмотрел вниз и увидел, что он сидит в развилке дерева, крепко прижавшись к стволу. Я инстинктивно тоже прижался к толстой ветке и замер. Сломанный Зуб перестал трясти свой сук, но сук все еще раскачивался вниз и вверх и шелестел листвою.

Внизу на земле хрустнула сухая ветка, и, посмотрев туда, я впервые увидел Человека Огня. Он осторожно крался меж деревьев, устремив свой взгляд вверх, прямо на нас. Сначала я подумал, что вижу дикое животное, ибо на плечах и пояснице у него болталась обтрепанная медвежья шкура. Потом я разглядел его руки и ноги и черты его лица. Он был очень похож на нас, только не так волосат, и ноги у него не столь напоминали руки, как наши ноги. Позднее я узнал, что все его племя было менее волосато, чем наше, а мы, в свою очередь, были не так волосаты, как Лесная Орда.

Меня осенило мгновенно, едва я разглядел его: да, это был он — тот самый ужас северо-востока, который мерещился за таинственным дымом. И в то же время я недоумевал: в нем не было ничего страшного. Красный Глаз или другие наши мужчины выглядели гораздо страшнее его. Он был уже стар, весь в морщинах, волосы на его лице поседели. И он сильно прихрамывал на одну ногу. Можно было не сомневаться, что мы обогнали бы его и на земле и на деревьях. Нас ему не поймать ни за что, это было ясно с первого взгляда.

Однако в руках у него был какой-то предмет, которого я никогда не видел. Как оказалось, это был лук и стрела. Но в то время эти слова — лук и стрела — для меня ничего не значили. Откуда мог я знать, что в это согнутой древесной ветке таится смерть? А Вислоухому это было известно. Он уже сталкивался с Людьми Огня раньше и немного знал их обычаи. Человек Огня устремил свой взгляд на Вислоухого, и, не торопясь, стал огибать наше дерево. Не дремал и Вислоухий — он тоже двигался вокруг ствола, держась все время так, чтобы ствол заграждал его от пришельца.

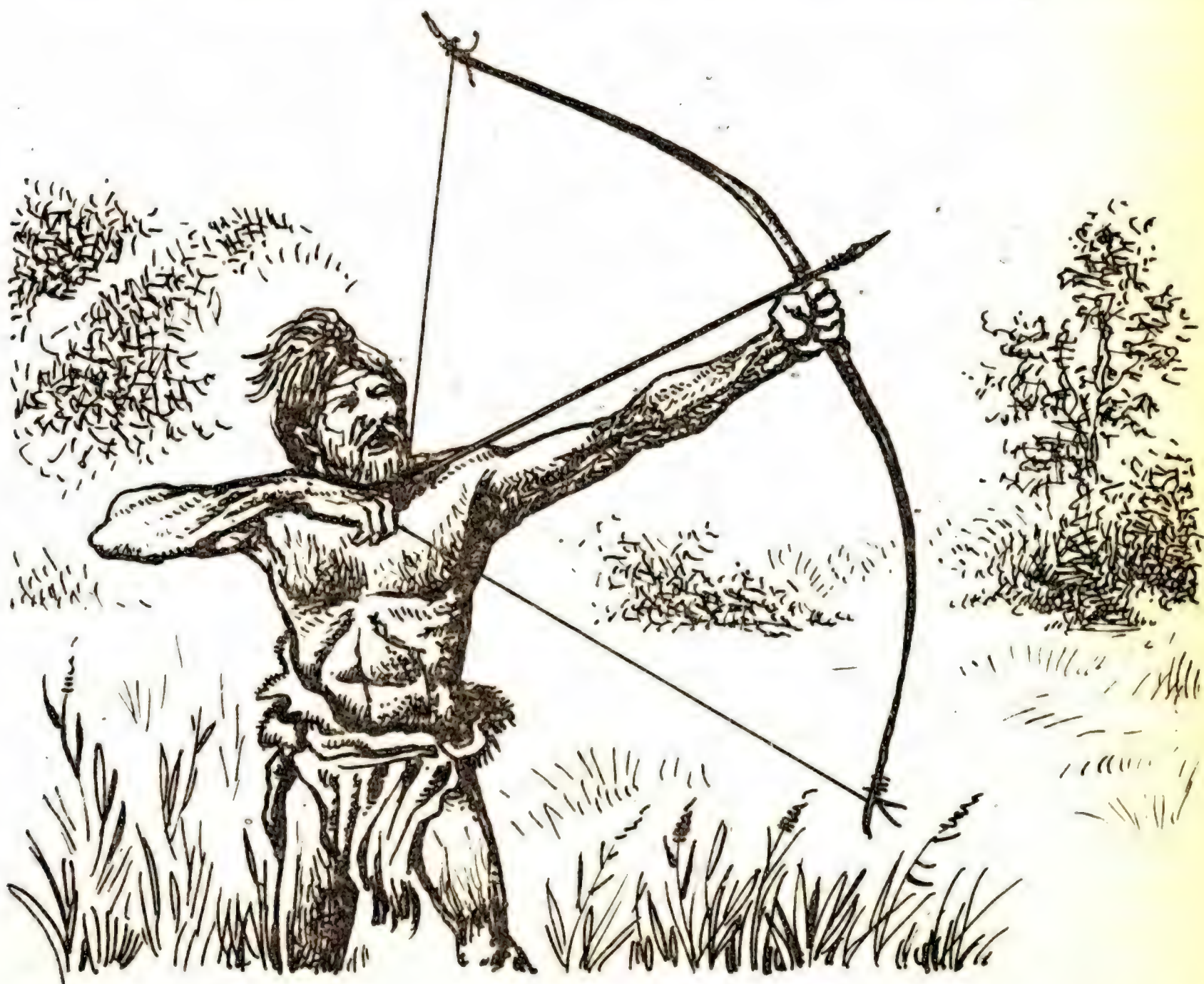
Вдруг Человек Огня резко повернулся и шагнул вокруг дерева в обратном направлении. Вислоухий, застигнутый врасплох, тоже двинулся в обратном направлении, но не успел вовремя укрыться за ствол, и Человек Огня, спустив тетиву, выстрелил. Я видел, как взметну-

лась стрела, но, не попав в Вислоухого, мелькнула у самой ветки и упала на землю. Укрываясь на высоком сукс, я прямо-таки заплясал от восторга. Вот это была игра! Человек Огня кидал в Вислоухого какой-то предмет, как нередко кидали разные предметы друг в друга и мы.

Игра еще не кончилась, но Вислоухий больше из-за дерева не показывался. Человек Огня спокойно стоял на месте. Сидя на крепкой прямой ветке, я высунул голову наружу и залопотал, обращаясь к пришельцу. Я хотел, чтобы игра продолжалась. Я хотел, чтобы он кинул этот тонкий прут и в меня. Пришелец, будто не замечая моего присутствия, смотрел теперь на Сломанный Зуб, который все еще поневоле раскачивался на своем суку.

Вот снова взметнулась стрела. Сломанный Зуб завизжал от боли и испуга. Стрела попала в цель. Теперь дело приняло совсем другой оборот. Я уже не думал ни о какой игре и, дрожа, прижимался к ветке. Просвистели вторая и третья стрела; не попав в Сломанного Зуба, они пропарывали шуршавшую листву, поднимались вверх и, описав дугу, падали наземь.

Человек Огня снова натянул свой лук. Отступив на несколько

шагов, он переменял место, затем сменил его еще раз. Зазвенела тетива, стрела взметнулась вверх, и Сломанный Зуб с ужасающим криком полетел на землю. Я видел, как он, разметав руки и ноги, будто весь состоял из рук и ног, несколько раз перевернулся в воздухе; торчавшая в его груди стрела при каждом повороте тела то исчезала, то появлялась вновь.

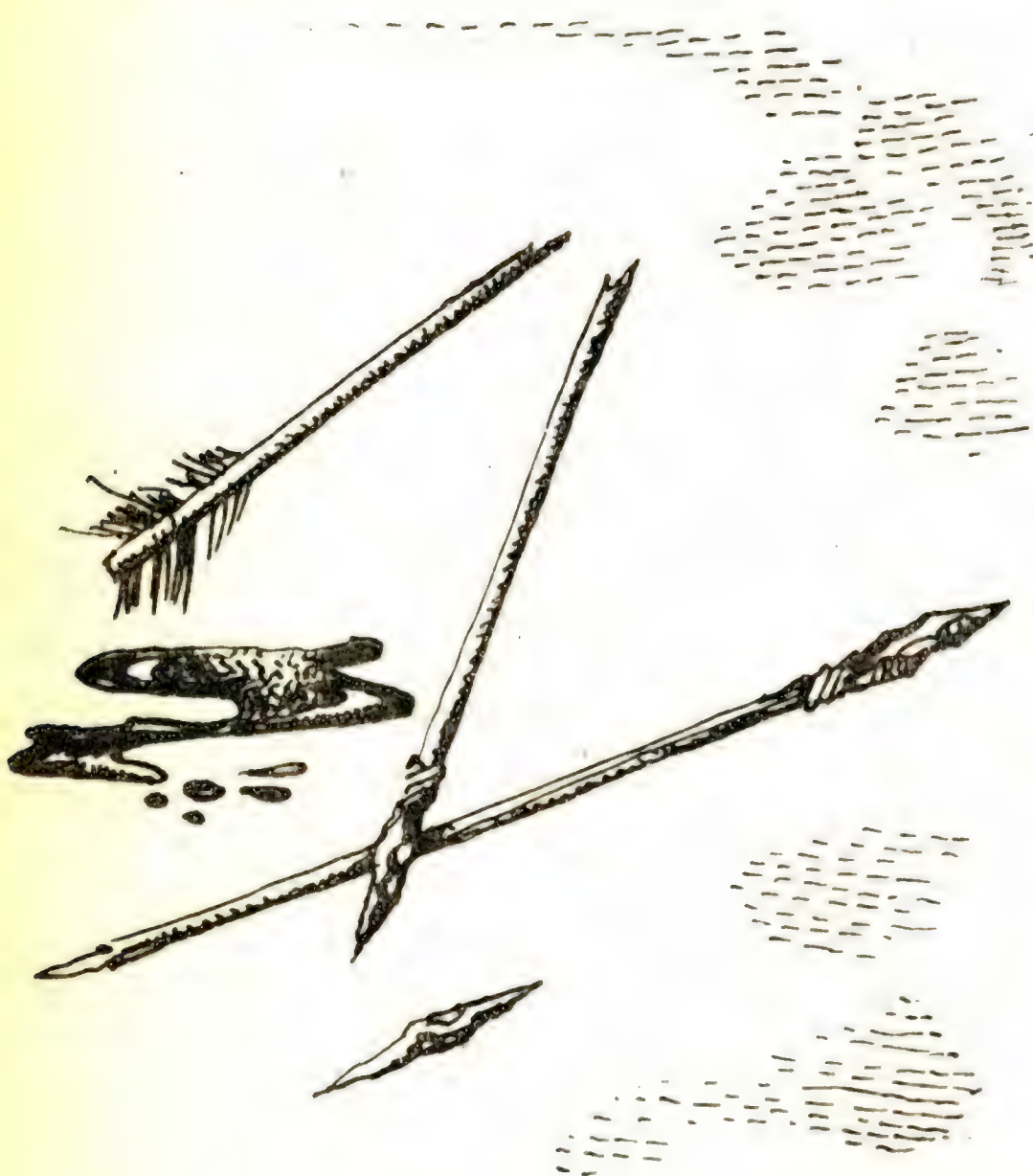
Пронзительно крича, он летел с высоты семидесяти футов; было слышно, как он ударился о землю и как хрустнули его кости; сначала он слегка выгнулся всем телом вверх, а потом распрямился. И он был жив, он кричал и шевелился, царапая землю руками и ногами. Я помню, что Человек Огня с камнем в руке кинулся к нему и размогил ему голову... и больше я не помню ничего.

Каждый раз в течение всех моих детских лет я просыпался, увидя эту сцену, — я дрожал, я кричал от страха, а рядом с моей кроваткой нередко сидела мать или няня; они с тревогой смотрели на меня, нежно гладили по голове и говорили, что они здесь и что бояться совсем нечего.

Другой мой сон, в порядке последовательности, всегда начинался с того, как мы с Вислоухим бежали по лесу. Трагедия, разыгравшаяся со Сломанным Зубом, и страшный Человек Огня были уже

позади. Напуганные, зорко озираясь, мы с Вислоухим мчимся по деревьям. У меня мучительно болит правая нога: в нее вонзилась стрела Человека Огня; стрела торчит с обеих сторон, пронзив ногу насквозь. Она не только причиняет мне невыносимую боль, но мешает двигаться: я никак не успеваю за Вислоухим.

Наконец я не выдерживаю и сажусь на удобный сук. Вислоухий продолжает идти вперед, прыгая с одной

ветки на другую. Я окликаю его — насколько помню, я окликнул его самым жалобным тоном. Вислоухий остановился и поглядел на меня. Затем он повернулся, прыгнул ко мне и осмотрел пронзенную стрелой ногу. Он попытался вытащить стрелу, но зазубренный наконечник с одной стороны и хвостатое оперение — с другой помешали это сделать. Вмешательство Вислоухого лишь усилило боль, и я попросил его больше к моей ноге не прикасаться.

Какое-то время мы сидели на этом дереве, хотя Вислоухий нервничал и все время порывался идти; он беспокойно осматривался по сторонам, а я жалобно хныкал и стонал от боли. Вислоухий явно трусил, но его решение не покидать меня в беде, несмотря на объявивший его страх, я считаю признаком альтруизма и чувства товарищества, которые впоследствии способствовали тому, что человек стал самым могущественным среди животных.

Вислоухий вновь попытался вытащить стрелу, но я сердито остановил его. Тогда он приник к моей ноге и стал перегрызать стрелу с заднего конца у оперения. Он грыз стрелу, придерживая ее обеими руками, чтобы она не шевелилась в ране, а я цеплялся за его плечо. Я часто размышляю над этой сценой — вот два юнца, совсем еще мальчишки, на самой заре человечества, и один из них, преодолевая свой страх, подавляя эгоистическое желание бежать, остается на месте, чтобы помочь другому. И перед моим взором проходит все, что предвещала эта сцена: я вижу Дамона и Пифия, вижу спасательные команды, вижу сестер милосердия, вижу и вождей, обреченных на гибель, вижу святого Дамиана и самого Христа, вижу всех сильных людей Земли — их сила берет свое начало в грубых чреслах Вислоухого, Большого Зуба и других обитателей Юного Мира.

Когда Вислоухий перегрыз хвост стрелы, ее легко было вытащить из ноги. Я поднялся, собираясь идти, но сейчас остановил меня уже Вислоухий. Рана моя сильно кровоточила. Очевидно, в ноге было повреждено несколько мелких вен. Дотянувшись до зеленой ветки, Вислоухий нарвал охапку листьев и заткнул мне рану. Это помогло, кровь скоро перестала течь. И тогда мы оба двинулись в путь, спеша под защиту пещер.

Глава восьмая

Я прекрасно помню первую зиму после того, как я покинул дом. Мне часто снится, будто я сижу, скорчась, и дрожу от холода. Рядом со мной сидит Вислоухий, мы прижимаемся друг к другу,

лица у нас посинели, зубы стучат. Чаше всего это бывало утром, перед рассветом. В эти холодные часы мы почти не спали; коченея, мы сжимались в жалкий комок и ждали восхода солнца, чтобы хоть немного согреться.

Когда мы выходили из пещеры, покрытая инеем земля похрустывала под ногами. Однажды утром мы увидели, что воду в тех местах, где был расположен наш водопой, затянуло льдом. По этому поводу мы держали великий совет. Даже старик Мозговитый — старше его в племени не было никого, — даже и он не видел ничего подобного в жизни. Помню, какое тревожное и жалобное выражение приняли его глаза, когда он осматривал лед. (Это жалобное выражение появлялось в наших глазах всякий раз, когда мы сталкивались с чем-то непонятным или когда испытывали какое-нибудь смутное желание, которое не могли выразить ни звуком, ни жестом.) Красный Глаз тоже осмотрел лед и тоже казался необыкновенно мрачным и подавленным: он уставил свой взгляд за реку, на северо-восток, словно бы появление льда было связано с Людьми Огня.

Но лед мы видели только однажды, в то утро — такой холодной зимы больше никогда не выдавалось. Во всяком случае, я не помню ни одной другой зимы, когда бы стояла такая стужа. И нередко я думаю, что эта зима была предвестником тех бесконечных холодов, которые пришли к нам с крайнего севера вместе с ледниками, проползшими по всей земле. Но этих ледников мы не видали. Еще много поколений должно было пройти и исчезнуть, прежде чем потомки нашего Племени или переселились на юг, или, оставшись на старых местах, приспособились к изменившемуся климату.

Жизнь то щадила нас, то жестоко расправлялась с нами — все зависело от удачи. Мы почти не строили никаких планов и тем более не добивались их осуществления. Мы ели, когда чувствовали голод, пили, когда ощущали жажду, избегали встреч с хищными зверями, укрывались на ночь в пещерах, а остальное время забавлялись чем придется. Мы были очень любопытны, простодушны и вместе с тем изобретательны на разные шутки и проказы. Серьезными мы были только в минуту опасности или гнева — но опасность быстро забывалась, а гнев столь же быстро проходил.

Мы были непоследовательны и нелогичны. Мы не знали, что такое упорство в достижении цели — Люди Огня в этом отношении ушли от нас далеко вперед. У них были все эти свойства, которых так недоставало нам. Случалось, однако, особенно если дело касается чувств, когда мы могли долго лелеять какую-то одну

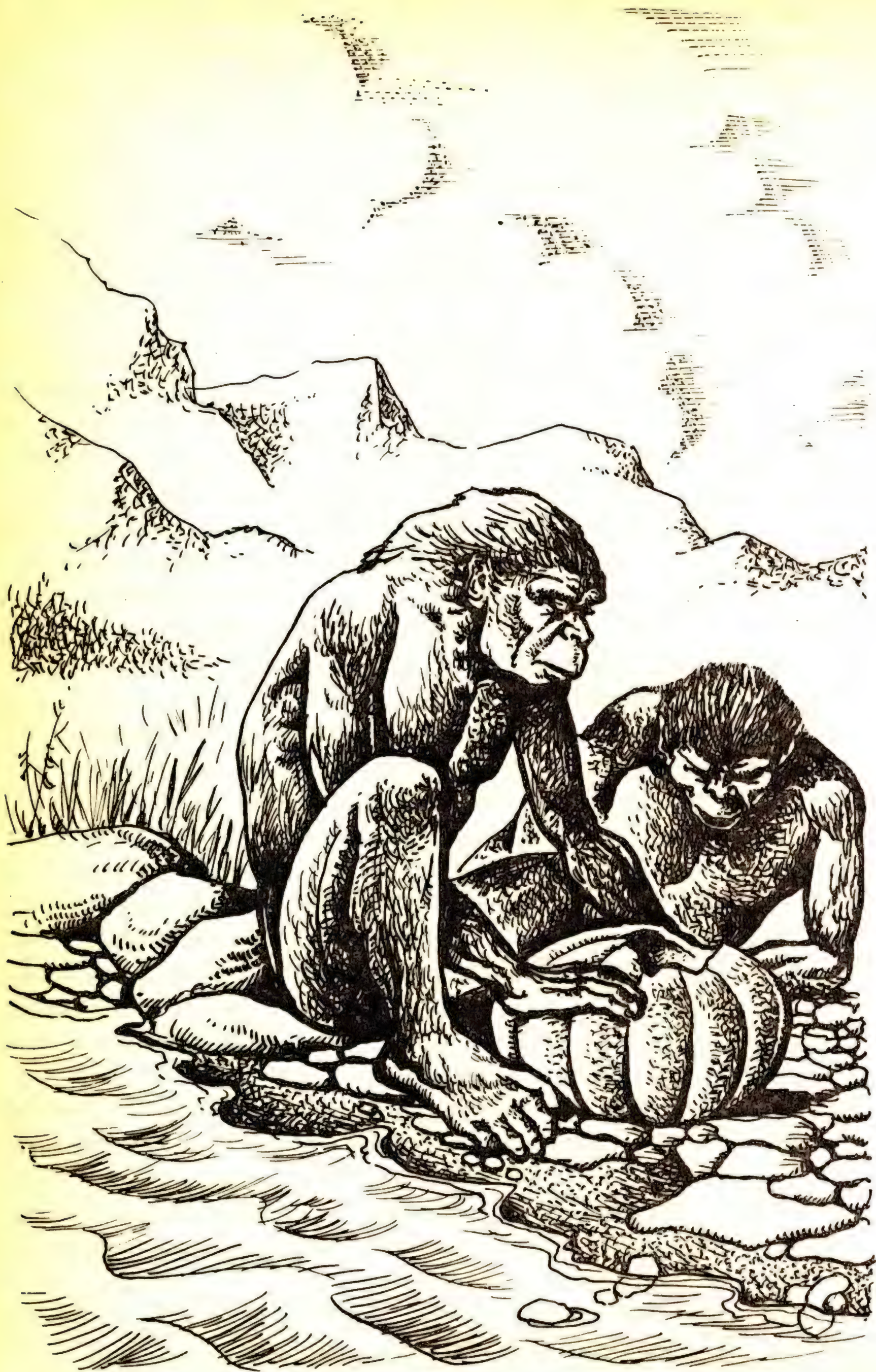
мысль или стремиться к одной цели. Верность единобрачных пар, о которых я говорил, можно, конечно, объяснить привычкой, но нельзя объяснить привычкой мое длительное и горячее стремление к Быстроногой, так же как неистребимую вражду, которая существовала между мною и Красным Глазом.

Когда я оглядываюсь в то далекое прошлое, в ту давнюю жизнь, меня больше всего удручает наша нелогичность и недогадливость. Однажды я нашел разбитую тыкву, наполненную дождевой водой. Вода оказалась очень вкусной, и я выпил ее, потом я потащил пустую тыкву к ручью и зачерпнул ею воды, которую частью опять выпил, а частью вылил на Вислоухого. А затем я бросил тыкву, позабыв о ней. У меня не мелькнуло и мысли, что можно наполнить эту тыкву водой и отнести ее к нам в пещеру. А ведь часто по ночам меня мучила жажда, в особенности после того, как поешь дикого лука или щавеля, и никто у нас не отваживался встать и выйти ночью из пещеры, чтобы напиться.

В другой раз я нашел сухую тыкву, внутри ее гремели семечки. Я долго забавлялся, играя этой тыквой. Дальше игры дело у меня не пошло. Однако всего через несколько лет мы начали широко применять тыквы для хранения воды. Честь этого открытия принадлежит не мне, а старику Мозговитому: я думаю, что я буду прав, если скажу, что его толкнула на это нововведение старческая немощь.

Так или иначе, но первым во всем Племени стал применять тыквы Мозговитый. Он держал запас питьевой воды в своей пещере, вернее, в пещере своего сына, Безволосого, который отвел ему в пещере угол. Мы не раз наблюдали, как Мозговитый наполнял тыкву у водопоя и бережно нес ее в свою пещеру. Чувство подражания у нас было развито очень сильно: сначала один, а потом и другой стали запасаться тыквами и применять их для хранения воды — скоро это стало всеобщим обычаем.

Порою старик Мозговитый хворал и не мог выходить из пещеры. Тогда воду в тыквах приносил ему Безволосый. Спустя какое-то время Безволосый поручил это дело своему сыну, Длинной Губе. И потом, когда Мозговитый был уже снова здоров, Длинная Губа по-прежнему носил ему воду. Постепенно и все взрослые мужчины, за исключением разве редких случаев, перестали носить себе воду, свалив это на женщин и подростков. Мы с Вислоухим жили одни. Мы таскали воду только сами себе и нередко подсмеивались над юными водоносами, когда их отрывали от игры, чтобы послать с тыквой к водопою.

Прогресс у нас шел очень и очень медленно. С детских лет и до конца своих дней, уже став взрослыми, мы постоянно играли, и игры взрослых мало чем отличались от игр детей — подобной страсти к игре не проявляло ни одно животное на свете. Все наши познания, как бы ни были они ничтожны, мы приобретали в процессе игры, многим мы были обязаны своему любопытству и проницательности. Так, за время, пока я жил в Племени, было сделано великое изобретение — применена тыква. На первых порах мы, подражая старику Мозговитому, хранили в тыкве одну только воду.

Но вот однажды какая-то женщина — я не знаю, какая именно, — набрала в тыкву черники и принесла ее домой в пещеру. И скоро уже все женщины носили в тыквах и ягоды, и орехи, и корни. Мысль была посеяна, и она давала всходы. Через недолгое время нововведение было развито, и развито теми же женщинами. У кого-то из них, вероятно, оказалась слишком маленькая тыква, а может, женщина, выйдя на болото, спохватилась, что забыла тыкву в пещере, но так или иначе она сложила вместе два больших листа, скрепила их прутьями и принесла черники больше, чем могло бы поместиться в самой крупной тыкве.

Прогресс в усовершенствовании средств переноски съестных припасов за то время, пока я жил в Племени, на этом и остановился. Никому не пришло в голову взять ивовые прутья и сплести корзину. Правда, порой мужчины и женщины вязали в охапки папоротник и ветви, перетягивая их гибкой лозой, и несли эти охапки в пещеры, чтобы устроить себе помягче ночное ложе. Вполне возможно, что через десять—двенадцать поколений наше Племя научилось бы и плести корзины. И совершенно ясно, что, обучившись плести из прутьев корзины, мы неизбежно сделали бы и следующий шаг — начали бы ткать одежду. Вместе с одеждой, которой мы прикрыли бы свою наготу, у нас появилось бы и чувство стыда.

Юный Мир всего этого к тому времени уже достиг. Но мы далеко отстали. Мы пока лишь тронулись в путь, и быстро покрыть такое расстояние мы не могли. Мы не знали еще ни оружия, ни огня, у нас были лишь грубые начатки речи. Изобретение письма таилось еще в таком отдаленном будущем, что, когда думаешь об этом, сердце холодеет от ужаса.

Однажды я сам едва не совершил великое открытие. Чтобы вы поняли, от каких вздорных случайностей зависел прогресс в те

дни, я вам скажу, что лишь прожорливость Вислоухого помешала мне приручить собаку. Учтите, что в то время домашних собак еще не было даже у Людей Огня, живших на северо-востоке. Да, они еще не сумели приручить собаку, я это знал по своим собственным наблюдениям. А теперь позвольте рассказать, как обжорство Вислоухого отбросило наше социальное развитие, может быть, на несколько поколений назад.

Довольно далеко на запад от наших пещер были огромные болота, а с южной стороны тянулась гряда невысоких, каменистых холмов. К этим холмам мы почти никогда не ходили. Тому было две причины: во-первых, там ни росло ничего такого, что годилось бы нам в пищу, во-вторых, на этих каменистых холмах укрывалось множество хищных зверей.

Однако мы с Вислоухим почти случайно однажды туда забрели. И забрели мы только потому, что дразнили тигра. Пожалуйста, не улыбайтесь. Это был сам старина Саблезубый. И мы не подвергали себя никакой опасности. Мы наткнулись на Саблезубого ранним утром в лесу и, сидя высоко на дереве, принялись улюлюкать и орать, всячески оскорбляя тигра и выражая к нему всю свою ненависть. Прыгая с дерева на дерево, мы неотступно гнались за Саблезубым и поднимали адский шум, чтобы известить о приближении Саблезубого всех обитателей леса.

Разумеется, мы испортили ему всю охоту. И мы здорово его разозлили. Он свирепо рычал, колотил хвостом, а порой замирал на месте и подолгу глядел на нас, словно бы прикидывая, каким образом добраться до нас и сцапать. Но мы только смеялись и швыряли в него сучья и ветки.

Такая травля тигров была у нас популярнейшим спортом. За тигром или львом, который осмеливался показаться близ наших пещер в дневное время, иногда гналась, прыгая по деревьям, половина Племени. Это была наша месть: ведь немало мужчин и женщин, застигнутых врасплох, попадало в желудок тигра или льва. Кроме того, подвергая хищников такой пытке и посрамлению, мы учили их уважать наши земли и держаться подальше от них. И, помимо всего прочего, это была истинная забава. Это была великая игра.

Мы с Вислоухим гнались за Саблезубым не меньше трех миль. Измученный издевательскими криками, он поджал наконец хвост и стал улепетывать от нас во всю прыть, как побитая собачонка. Мы тоже прилагали все усилия, чтобы не отстать от него, но когда мы достигли опушки леса, тигр был уже далеко.

Я не знаю, что именно подстрекало нас в ту минуту, скорее всего, просто любопытство, но, поиграв немного на опушке леса, мы с Вислоухим направились через поляну к каменистым холмам. Ушли мы совсем недалеко, не больше сотни ярдов от леса. Огибая высокую угловатую скалу (шли мы очень осторожно, так как не знали, с чем нам придется встретиться), мы увидели трех щенков, игравших на солнышке.

Щенки не замечали нас, и мы разглядывали их довольно долго. Разумеется, это были дикие щенки. В скале виднелась продольная расщелина — вероятно, там и было логово, где мать оставила этих щенков и где они и должны были бы сидеть, если бы проявили послушание. Но та ребяческая резвость, которая подтолкнула нас покинуть лес и выйти к холмам, заставила выбраться из логова и щенков. Мне было ясно, как сурово наказала бы расшалившихся щенков мать, если бы она поймала их на месте преступления.

Но поймали их мы, я и Вислоухий. Вислоухий выразительно взглянул на меня, и мы враз бросились к щенкам. Щенки знали лишь один путь отступления — к своему логову, но мы преградили им дорогу. Наиболее шустрый из них юркнул у меня промеж ног. Я наклонился и схватил его. Он вонзил свои маленькие острые зубки мне в руку, я растерялся и бросил щенка на землю. В следующее мгновение он уже был в расщелине скалы.

Вислоухий, не выпуская из рук своего щенка, метнул на меня сердитый взгляд и залопотал на все лады, давая мне понять, какой я безнадешный болван и растяпа. Мне стало очень стыдно, и я решил показать свою доблесть. Не теряя ни секунды, я схватил третьего щенка за хвост. Он извернулся и цапнул меня зубами, но я усмирил его, сдавив ему шею. Разглядывая своих щенков, мы с Вислоухим уселись рядышком наземь и, очень довольные, громко хохотали.

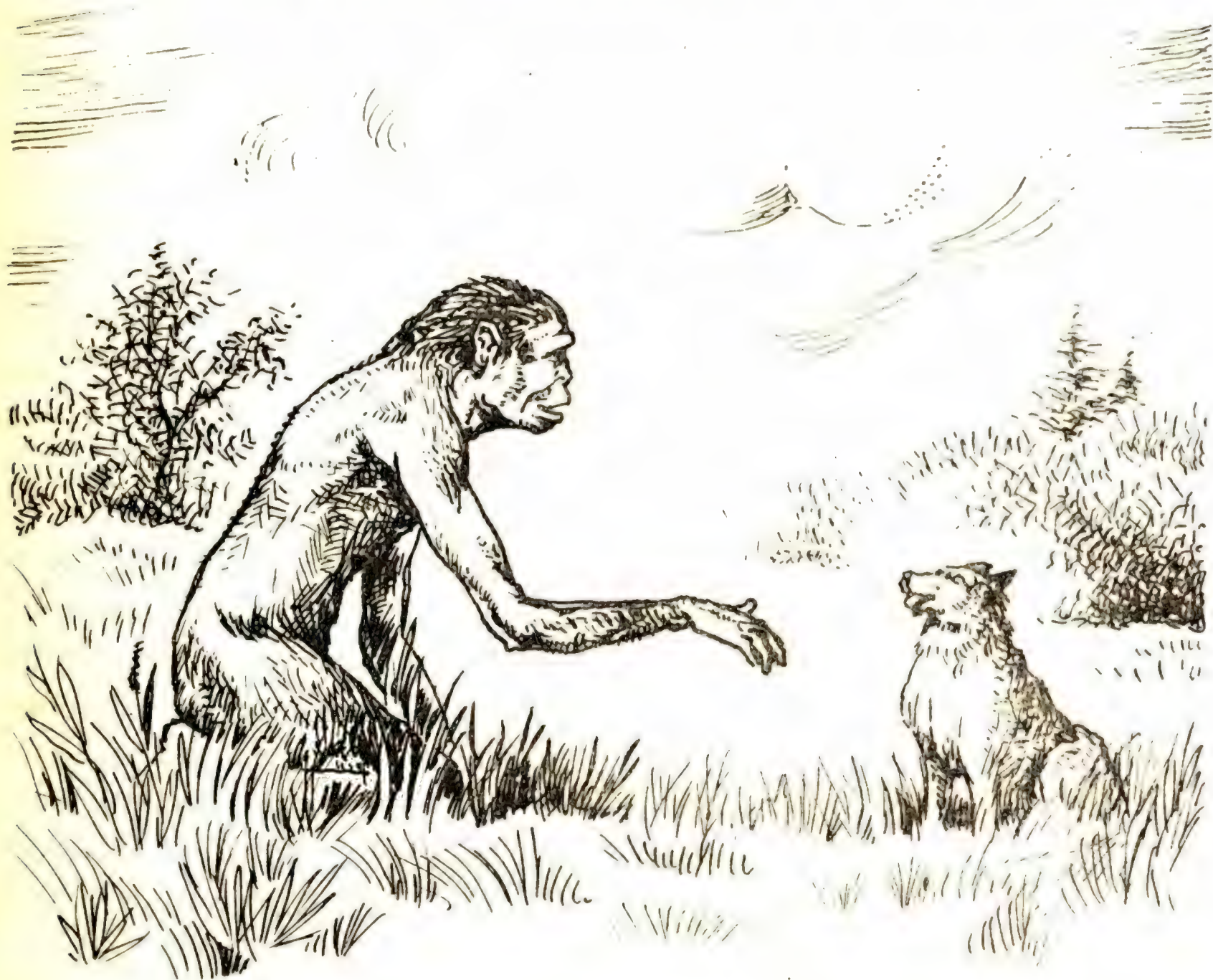
Щенки урчали, скулили и тявкали. Вдруг Вислоухий вздрогнул и насторожился. Ему показалось, что он что-то слышит. Мы в страхе посмотрели друг на друга, осознав всю опасность своего положения. Нет более верного средства привести животное в бешенство, чем покуситься на его детенышей. А эти щенята, поднимавшие такой шум, были из породы диких собак. Диких собак мы хорошо знали — они бегали стаями, наводя ужас на всех травоядных. Мы видели, как они подкрадывались к стадам быков и бизонов и утаскивали маленьких телят, а также старых и больных животных. Не раз они гнались и за нами. Однажды мне довелось видеть, как

они гнали через поле женщину и настигли ее у самой опушки леса. Не будь женщина так измучена погоней, она нашла бы силы проеэрно влезть на дерево. Но она сразу сорвалась и упала, и собаки тут же покончили с нею.

Мы смотрели друг на друга не больше мгновения. Крепко придерживая щенят, мы вскочили и бросились бежать к лесу. Потом, уже взобравшись на надежное, высокое дерево и не выпуская из рук добычи, мы весело расхохотались. Как видите, нам непременно надо было посмеяться, что бы с нами ни случилось.

А затем началось одно из самых трудных дел, на какие я когда-либо решался. Мы понесли своих щенят к пещерам. Щенята все время вырывались, руки у нас оказались занятыми, и мы уже не могли свободно цепляться за ветви. Мы попробовали идти по земле, но презренная гиена загнала нас обратно на деревья и шла внизу вслед за нами. Как выяснилось потом, она поступала мудро.

Вислоухого осенила мысль. Он вспомнил, как мы связывали в охапку листья и ветви и таскали их в пещеру на подстилку для ложа. Оторвав крепкий, упругий побег ползучего растения, он опутал им щенку лапы, а с помощью другого обрывка, повязав его

себе на шею, закинул щенка за плечо. Руки и ноги Вислоухого были теперь свободны. Он торжествовал и, не дожидаясь, пока я свяжу ноги своему щенку, двинулся в путь. Но тут Вислоухий сразу же столкнулся с непредвиденным затруднением. Щенок за его спиной никак не хотел успокоиться. Он всячески извивался и бился, оказавшись в конце концов не на спине Вислоухого, а где-то спереди. Морда у щенка была не перевязана, и он запустил свои зубы в мягкий, ничем не защищенный живот Вислоухого. Вислоухий вскрикнул и, пошатнувшись, чуть не упал с дерева, но спасся тем, что судорожно уцепился обеими руками за ветку. Импровизированный шнур вокруг его шеи развязался, и щенок, все еще со связанными лапами, полетел на землю. Его тут же схватила себе на обед гиена.

Вислоухий был вне себя от злобы и возмущения. Он проклял гиену и двинулся по деревьям вперед, не дожидаясь меня. Я не отдавал себе отчета, зачем мне надо было тащить щенка домой, но мне так *хотелось*, и я упорно добивался своего. Воспользовавшись выдумкой Вислоухого, я внес в нее усовершенствования и тем значительно облегчил себе задачу. Я не только связал у щенка лапы, но вставил ему между челюстей палку и потом крепко опутал морду.

Наконец щенок был доставлен в Племя. Насколько я понимаю, я проявил на этот раз гораздо больше упорства, чем обычно проявляли мои соплеменники, иначе мне не добиться бы успеха. Соплеменники смеялись надо мной, когда я тащил щенка в пещеру, но я не обращал на это внимания. Мои старания увенчались успехом, щенок был принесен. Он оказался такой игрушкой, какой не было ни у кого в Племени. Учение он воспринимал поразительно быстро. Если я играл с ним и он цапал меня зубами, я драл его за уши, и после этого он долгое время не пытался меня укусить.

Я даже полюбил его. Он был для меня чем-то новым, а мы вообще любили все новое. Когда я увидел, что он отказывается от плодов и овощей, я стал ловить для него птиц, белок и зайчат. (Сами мы ели как мясо, так и растительную пищу и великолепно ловили мелкую дичь.) Щенок поедал мои приношения и чувствовал себя превосходно. По моим расчетам, он жил у меня с неделю. А затем, возвратившись однажды в пещеру и принеся целое гнездо только что вылупившихся фазаньих птенцов, я увидел, что Вислоухий убил щенка и уже принялся его есть. Я кинулся на Вислоухого, и у нас завязалась жестокая драка.

Этой дракой и кончилась одна из первых попыток приручить собаку. Мы пучками вырывали друг у друга волосы, царапались, кусались, душили друг друга. Потом гнев у нас схлынул, и мы помирились. После этого мы съели щенка. Сырым? Да, сырым. Огонь у нас еще не был открыт. Секреты кулинарного мастерства были еще начертаны лишь в туго скатанном свитке грядущего.

Глава девятая

Красный Глаз был живым воплощением атавизма. В жизнь нашего Племени он вносил лишь раздор и неурядицы. Он был примитивнее любого из нас. По существу, он не был нашим, но сами мы были еще настолько примитивны, что не могли объединиться и убить его или изгнать из Племени. Как ни грубы, как ни первобытны были наши порядки, но Красный Глаз был чересчур груб и первобытен, чтобы ужиться с нами. Он вечно старался навредить нам, всячески выказывая свою строптивость и неуживчивость. Он, без сомнения, находился на более низкой ступени развития, чем мы, и его место было скорее среди Лесной Орды, чем среди нас, стоявших на пороге очеловечивания.

Он был чудовищно жесток, даже принимая во внимание всю жестокость наших нравов. Он бил своих жен — хотя у него всегда было лишь по одной жене, но женился он много раз. Жить с ним было невыносимо тяжело любой женщине, но они все-таки жили с ним, ибо он принуждал их к этому силой. Он не признавал ни малейших возражений. Не было ни одного мужчины, который чувствовал бы себя способным укротить его.

Внутренним взором я часто вижу тихий летний вечер. Возвращаясь с водопоя, с полян, где растет морковь, с черничного болота, собирается на открытом поле у пещер наше Племя. Мы не задерживаемся здесь, потому что скоро наступит темнота, и тогда весь мир будет во власти хищных зверей, и прародители человека, трепеща от страха, скроются в своих норах.

Несколько минут мы еще можем посидеть на свежем воздухе, не залезая в пещеры. За день мы устали от своих игр, наши голоса звучат спокойнее и тише, чем обычно. Даже малыши, столь охочие до каверз и шалостей, присмирели и почти не играют. Ветер, дувший с моря, утих, тени при свете последних лучей солнца становятся необыкновенно длинными. И вдруг в пещере Красного

Глаза раздаются дикие крики и звук тяжелых ударов: Красный Глаз бьет свою жену.

Сначала мы все, словно в испуге, храним тягостное молчание. Но звуки ударов и ужасные крики не прекращаются, и мы начинаем лопотать и тараторить, как сумасшедшие, — нас душит бессильная ярость. Мужчины возмущены Красным Глазом, они ненавидят его, но страшатся поднять на него руку. Наконец звуки ударов стихли, рыдания замерли, а мы все еще не расходимся и лопочем, хотя уже на землю спускаются сумерки.

Нас забавляло и смешило обычно все на свете, но когда Красный Глаз истязал своих жен, мы не смеялись. Мы понимали, какая трагическая судьба им уготована. Не один раз мы находили его жен, сброшенных с утеса. Красный Глаз, когда у него умирала жена, выбрасывал ее из пещеры и никогда не хоронил. Он предоставлял это нам. Мы уносили трупы его жен, чтобы они не заражали местность. Обычно мы бросали их в реку ниже наших водопоев.

Красный Глаз не только убивал жен, но шел на убийство и для того, чтобы добыть их. Если он хотел привести себе новую жену и ему нравилась жена другого мужчины, он убивал его без долгих проволочек. Два таких случая я видел своими глазами. Об этих убийствах знало все Племя, но воспрепятствовать им не могло. Мы еще понятия не имели, что такое власть. У нас были лишь обычаи, и мы обрушивали наш гнев на тех, кто эти обычаи нарушал. Так, например, каждого, кто осквернит водопой, мог отколо-тить любой очевидец, а если находился шутник, поднявший ложную тревогу, то его, не жалея сил, били все сообща. Но Красный Глаз грубо попирает все наши обычаи, а мы так боимся его, что были не способны на совместные действия и не могли дать ему отпор.

Живя с Вислоухим в нашей пещере уже шестую зиму, мы убедились однажды, что мы сильно выросли. Мы теперь еле пролезали в пещеру — вход в нее стал нам узок. Но это имело и свои преимущества: отбивало охоту у взрослых мужчин выгнать нас и занять нашу пещеру. А она была очень привлекательна — на самом верху утеса, в полной безопасности, и зимой в ней было теплее, чем в других пещерах.

Чтобы показать уровень умственного развития Племени, я отмечу, что выгнать нас из пещеры и расширить вход в нее было бы делом весьма несложным. Но до этого никто не додумался. Не

додумались до этого и мы с Вислоухим, пока нас не заставила настоятельная нужда. Летом от обильной еды мы так растолстели, что уже не пролезали в пещеру. Однажды, пыхтя, мы старались протиснуться в проход, и тогда-то у нас появилась эта чудесная мысль.

Сначала мы отковыривали мелкие камни пальцами, но скоро от этой работы у нас заболели ногти. Потом мне пришло в голову взять в руки древесный обломок, и дело пошло гораздо лучше. Но этот же наш успех привел и к беде. Как-то рано утром мы наложили целую кучу мелкого щебня. Я разом столкнул его вниз. В следующее мгновение оттуда послышались яростные крики. Смотреть, кто кричит, не было необходимости. Мы слишком хорошо знали этот голос. Щебень свалился на голову Красному Глазу.

Мы затаились в пещере, оцепенев от страха. Минуту спустя он уже был у входа, уставясь на нас воспаленными глазами и рыча, как дьявол. Но войти внутрь он не мог: проход был слишком узок. Мы оказались для него недосыгаемы. Вдруг он повернулся и исчез. Это внушило нам подозрения. Насколько мы знали натуру наших соплеменников, он должен был бы остаться и побушевать вволю. Я тихонько выбрался наружу и посмотрел вниз. Я увидел, что Красный Глаз вновь взбирается на утес. В руках у него была длинная палка. Я еще не успел разгадать его намерения, как он опять был у входа и совал палку в пещеру, стараясь ею достать нас.

Он орудовал своей палкой с чудовищной силой. С одного полновесного удара он мог бы выпустить нам кишки. Мы прижались к задней стенке и были почти недосыгаемы. Однако, пустив в ход всю свою ловкость, он нет-нет да и доставал до нас кончиком палки — ее неумолимые, варварские прикосновения сдирали с нас клочья волос и кожи. Когда мы визжали от боли, Красный Глаз удовлетворенно рычал и действовал своей палкой с еще большим ожесточением.

Постепенно я приходил в ярость. У меня уже выработался к тому времени свой характер и была известная смелость, хотя она и напоминала смелость затравленной крысы. Я схватился за палку Красного Глаза руками, но он, с его страшной силищей, тут же вытащил меня в проход. Он протянул ко мне свои длинные руки и ногтями вырвал у меня кусок мяса, я резко отскочил назад и приник к боковой стене, где было сравнительно безопасно.

Красный Глаз снова начал тыкать и размахивать палкой и на-

нес мне сильный удар по плечу. Вислоухий лишь дрожал от страха, взвизгивал, когда его доставала палка, и не оказывал ни малейшего сопротивления. Я искал глазами тоже какую-нибудь палку, чтобы дать отпор Красному Глазу, но нашел только обломок ветки не больше фута длиной и в дюйм толщиной. Я швырнул этот обломок в своего врага. Это не причинило ему вреда, но видя, что я осмелел, он взревел громче прежнего и начал бешено вращать палкой. Тогда я нащупал на полу небольшой камень, кинул его и попал Красному Глазу в грудь.

Этот успех воодушевил меня, а кроме того, я был теперь в таком же бешенстве, как и Красный Глаз, и уже ничего не страшился. Я отломил от стены порядочный кусок камня. В нем было фунта два или три весу. Напрягая все свои силы, я метнул его прямо в лицо Красному Глазу. Я едва его не прикончил. Он покачнулся назад, выпустил из рук палку и еле-еле не свалился с утеса.

Вид его был ужасен. По лицу текла кровь, он рычал, скрежещет и щелкал зубами, как дикий вепрь. Вытерев кровь с глаз, он опять взглянул на меня и заорал во всю глотку. Палки у него уже

не было, и он принялся отламывать куски камня и кидать в меня. Это пополняло мои боевые запасы. Каждый камень, прилетевший от него, летел в него обратно, причем я кидал даже более метко: в такую большую мишень, как он, попасть было нетрудно, а я все время прижимался к стене, и Красный Глаз видел меня плохо.

И вдруг он исчез снова. Выглянув наружу, я увидел, что он спускается с утеса. Внизу толпой стояло все Племя и молча наблюдало за нашим побоищем. Как только Красный Глаз начал спускаться с утеса, наиболее робкие из Племени скрылись в своих пещерах. Среди них я заметил и Мозговитого: он трясся и ковылял, выказывая крайнюю поспешность. Красный Глаз спрыгнул со стены, покрыв этим прыжком те двенадцать футов, которые отделяли его от подножия утеса. Случайно он оказался рядом с женщиной, только что начавшей подниматься вверх к пещерам. Она завопила от страха, а цеплявшийся за нее двухлетний ребенок разжал ручонки, упал и покатился по камням. Оба — и мать и Красный Глаз — одновременно бросились к ребенку, но схватил его Красный Глаз. Маленькое тельце мелькнуло в воздухе и ударилось о каменную стену. Мать подбежала к ребенку, взяла его на руки и, рыдая во весь голос, села наземь.

Красный Глаз пошел дальше, он искал потерянную палку. По дороге ему попался Мозговитый. Красный Глаз протянул свою огромную ручищу и схватил старика сзади за шею. Я видел, как мотнулась и упала голова Мозговитого. Его тело сразу обмякло, старик сдался на волю судьбы. Красный Глаз секунду стоял в нерешительности, а Мозговитый, дрожа, согнулся и прикрыл лицо скрещенными руками. Красный Глаз крепко шлепнул его по затылку и сбил с ног. Мозговитый ткнулся лицом в землю, не оказывая сопротивления. Он лежал и вопил, ожидая смерти. Неподалеку, на открытом месте, я увидел Безволосого: весь ошестинившись, тот колотил себя в грудь, но приблизиться к Красному Глазу не решился. Затем Красный Глаз, подчиняясь какому-то капризу своей сумасбродной натуры, отошел от старика и опять стал искать свою палку, которая наконец нашлась.

Он снова вернулся к утесу и начал взбираться вверх. Вислоухий, выглядывавший наружу из-за моего плеча, дрожа, нырнул в пещеру. Было ясно, что Красный Глаз решился на убийство. Во мне кипела злость, я не трусил и сохранял самообладание. Оббежав соседние выступы, я собрал много камней и сложил их грудой у входа в пещеру. Красный Глаз был теперь на несколько ярдов ни-

же меня и на миг скрылся за выступом. Потом его голова показалась вновь, и я метнул в нее камень. Я промахнулся, камень ударился в стену и разлетелся на мелкие крошки; эти крошки и взметнувшаяся пыль засорили моему противнику глаза, и он скрылся из виду.

Племя, как бы игравшее роль аудитории, залопотало и захихикало. Наконец-то нашелся смельчак, который бросил вызов Красному Глазу! Слыша этот шум и одобрительные восклицания, Красный Глаз, ворча, поглядел вниз, и все сразу стихли. Гордый таким доказательством своей силы, он опять высунул голову и, рыча и скрежеща зубами, пытался утратить меня. Он строил ужасающие мины; кожа над его надбровьем шевелилась и набухла бугристыми складками, а каждый волос на голове до самой макушки грозно встал и устремился вперед.

У меня похолодело сердце, но я превозмог страх и погрозили ему камнем. Красный Глаз продолжал, однако, лезть вверх. Я метнул в него камень, но даже не задел его. Следующий камень я швырнул удачнее. Он попал ему в шею. Красный Глаз скользнул вниз и скрылся. Минуту спустя я увидел, как он одной рукой цепляется за стену, а другую держит у себя на горле. Палка его, дребезжа, скатилась вниз.

Затем Красный Глаз скрылся из виду, я лишь слышал, как он сопел, отдувался и кашлял. Среди Племени воцарилась мертвая тишина. Я подполз к краю площадки у входа и ждал, что будет дальше. Наконец пыхтенье и кашель прекратились, но вскоре я опять услышал, как Красный Глаз харкал, прочищая глотку. Через минуту он начал спускаться вниз. Спускался он очень медленно, то и дело останавливаясь и прикладывая руку к шее.

Увидя, что он спускается, все Племя с дикими криками и визгом бросилось бежать к лесу. Позади всех, прихрамывая, ковылял старик Мозговитый. Красный Глаз на это всеобщее бегство не обратил никакого внимания. Спустившись на землю, он обогнул подножие утеса и забрался в свою пещеру. Он ни разу не оглянулся, ни разу не поглядел по сторонам.

Я смотрел на Вислоухого, Вислоухий смотрел на меня. Мы понимали друг друга. Не теряя ни минуты, мы осторожно и спокойно стали взбираться вверх по утесу. Достигнув вершины, мы посмотрели вниз. И поле и пещеры — все было пусто. Племя исчезло, углубившись в лес, дома остался один Красный Глаз.

Мы живо спустились вниз и побежали. Мы неслись по полю

со всех ног, прыгали по откосам, даже не думая о таившихся в траве змеях, и скоро были уже в лесу. Стремительно перелетая с ветки на ветку, теперь мы шли по деревьям, пока не удалились от наших пещер на несколько миль. Только тогда мы почувствовали себя в безопасности и, облюбовав удобный развилок дерева, перевели дух, посмотрели друг на друга и расхохотались. Крепко прижимаясь друг к другу, положив руки на руки, с мокрыми от слез глазами, ощущая саднящую боль в боках, мы хохотали и хохотали, не в силах остановиться.

Глава десятая

Насмеявшись вдоволь, мы с Вислоухим снова пустились в путь и, сделав большой крюк, вышли на болото с черникой, где и позавтракали. Это было то самое болото, к которому я ходил, совершая свои первые в жизни путешествия много лет назад в сопровождении матери. За последние годы я видел ее очень редко. Когда она приходила к нашим пещерам, я обычно был в отлучке, в лесу. Раз или два я замечал на нашем поле у пещер и Болтуна и имел

удовольствие соорудить ему рожу и позлить его, сидя подле входа в свое крохотное убежище. Если не брать в расчет этих знаков внимания, в остальном я свое семейство не беспокоил. Я просто не интересовался им, я неплохо себя чувствовал, обходясь и без него.

Досыта наевшись черники и проглотив на десерт два гнезда почти вылупившихся перепелят, мы с Вислоухим снова тронулись в путь. Решив вы-

браться к реке, мы, осторожно озираясь, шли по лесу. Именно в этих местах стояло дерево, на котором я жил ребенком и с которого меня сбросил Болтун. Нет, дерево не пустовало. И в семействе было прибавление: к груди моей матери крепко прижимался младенец. На одной из нижних веток сидела девушка, уже почти взрослая, — она посмотрела на нас весьма подозрительно. Это была, несомненно, моя сестра, вернее, единоутробная сестра.

Мать узнала меня, но отогнала прочь, когда я полез было на дерево. Вислоухий, проявлявший всегда куда большую осторожность, чем я, сразу ретировался, и я никак не мог уговорить его подойти поближе. Сестра скоро спустилась вниз, и здесь на соседних деревьях мы резвились и играли до вечера. Однако дело не обошлось без ссоры. Хотя она была мне сестрой, это ничуть не мешало ей отвратительно обращаться со мной, ибо она унаследовала весь злобный нрав Болтуна. Придравшись к какой-то вздорной мелочи, она неожиданно напала на меня, стала царапать, выщипывать у меня волосы и, помимо этого, запустила свои острые маленькие зубы мне в руку. Признаюсь, я вспылil. Я не нанес ей никакого членовредительства, но отшлепал ее так, как, наверное, ее еще не шлепали во всю жизнь.

Ну и завопила же она и завизжала! Болтун, где-то блуждавший весь день и только сейчас возвращавшийся, услышал ее крики и кинулся к нам. Кинулась к нам и мать, но Болтун опередил ее. Мы с Вислоухим не стали его ждать. Мы бросились наутек по деревьям, и Болтун долго преследовал нас.

После того, как он утомился и отстал, а мы вдоволь нахохотались, в лесу уже начало темнеть. Наступали сумерки, а затем ночь со всеми ее страхами, но о возвращении к пещерам нельзя было и думать. Это было немыслимо из-за Красного Глаза. Мы нашли себе убежище на дереве, и на высоких его ветках провели ночь. Это была ужасная ночь. Сначала несколько часов лил дождь, потом нас до костей пробирал холодный ветер. Мокрые с головы до ног, дрожащие, стуча от холода зубами, мы плотно прижимались друг к другу. Мы тосковали по своей уютной, сухой пещере, которая быстро нагревалась от тепла наших тел.

Утро застало нас в жалком состоянии, но полными решимости. Такой ночевки, как эта, мы больше не допустим. Вспомнив, как наши старшие устраивали на деревьях крышу, мы принялись за работу. Мы соорудили основание грубого гнезда, а на ветвях, росших выше его, даже поставили несколько суков для крыши. Тут

взошло солнце, и, согретые его теплыми лучами, мы забыли перенесенные невзгоды и отправились на поиски завтрака. После этого — так нелогичны были все наши действия в те времена — мы увлеклись игрою. Мы то трудились, то бросали работу; устройство надежного убежища на этом дереве отняло у нас не меньше месяца, а покинув эти места, мы потом на наше дерево уже не возвращались.

Но я забегаю вперед. Когда мы, на второй день нашего бегства из пещер, стали после завтрака играть, Вислоухий, прыгая по деревьям, увлек меня к реке. Минуя черничное болото, мы вышли к реке в том месте, где с ней соединялась обширная топь. Топь эта широким устьем выходила прямо в реку, вода в топи была фактически стоячей. В этой мертвой воде, в самом устье топи, в хаотическом беспорядке лежало множество древесных стволов. Немало их было занесено сюда половодьем; пролежав на песчаных перекатах не одно лето, они хорошо просохли и были гладкие, без веток и сучьев. Они плавали в воде почти без осадки, крутятся и перевортываясь, когда мы ложились на них грудью.

Вглядываясь в воду, мы увидели, что между стволами плавают, проворно шныряя туда и сюда, стайка мелкой, вроде гольяна, рыбы. И вот мы с Вислоухим уже стали рыболовами. Вытянувшись вдоль ствола, мы замирали без движения и ждали, когда подплывет рыба, а потом хватали ее молниеносным движением руки. Скользящая рыба билась и трепетала; мы поедали ее тут же. В соли мы не чувствовали никакой нужды.

Устье болот и топи стало любимым местом наших игр. Здесь мы проводили много часов ежедневно, ловили рыбу, барахтались на стволах, и здесь же мы получили первые уроки плавания. Однажды бревно, на котором лежал Вислоухий, двинулось по течению. И тут оказалось, что Вислоухий мирно на нем спит. Когда я это заметил, бревно уже отплыло слишком далеко, и прыгнуть на него было невозможно.

Сначала вся эта история меня только забавляла. Но скоро во мне шевельнулось чувство страха, столь обычное в те времена постоянной опасности и неуверенности, — и я остро ощутил, что остался один. Мне подумалось вдруг, что эта чуждая стихия, отделявшая меня от Вислоухого всего на несколько футов, унесла его далеко-далеко. Я издал громкий предостерегающий крик. Он в испуге проснулся и резко покачнул бревно. Оно перевернулось на другой бок, и Вислоухий погрузился в воду. Трижды переверты-

валось бревно, и трижды Вислоухий погружался в воду, стараясь вновь вскарабкаться на бревно. Наконец он влез на него и залопотал, полный смятения и страха.

Я ничем не мог ему помочь. Сам он был тоже бессилён. О плавании мы в ту пору не имели и представления. От низших форм животного мира мы уже ушли слишком далеко и поэтому инстинктивным умением плавать не обладали, но мы ещё недостаточно приблизились и к человеку, чтобы сознательно выработать это умение. В отчаянии я метался по берегу, стараясь держаться поближе к Вислоухому, а он, плывя на своем бревне, плакал и кричал во весь голос — надо удивляться, как ещё не сбежались на его крик все хищные звери ближайших мест.

Время шло. Солнце поднялось уже над самой головой и начало спускаться к западу. Легкий ветер стих. Вислоухий со своим бревном был теперь в сотне футов от берега. И тут каким-то образом — я даже не знаю как — Вислоухий сделал великое открытие. Он начал грести руками. Сначала бревно двигалось медленно и неуверенно. Затем Вислоухий вытянулся на бревне и стал грести старательней, бревно подплывало к берегу ближе и ближе. Я ничего не понимал. Я сидел на земле и глядел на Вислоухого, пока он не добрался до берега.

Мне все ещё было невдомек, что произошло, но Вислоухий научился чему-то, неведомому мне. Позже, перед закатом солнца, он уже нарочно лег на бревно и отплыл от берега. Потом он уговорил последовать его примеру меня, и я тоже постиг тайну гребли. Несколько дней мы буквально только и знали, что возиться с бревнами в устье топи. Мы так увлеклись своей новой игрой, что забывали о еде. Даже на ночь мы устраивались на дереве, которое росло поблизости от этих мест. И мы совсем забыли о существовании Красного Глаза.

Мы пробовали плавать все на новых бревнах и скоро уяснили себе, что чем меньше бревно, тем быстрее оно двигается. Мы поняли также, что чем меньше бревно, тем сильнее оно крутится, окуная нас в воду. И ещё одну вещь мы узнали относительно малых бревен. Однажды я и Вислоухий плыли рядом, каждый на своем бревне. И вот случайно, в игре, мы обнаружили, что если уцепиться за соседнее бревно одной рукой и одной ногой, то оба бревна становятся устойчивее и не так сильно вертятся. Лежа бок о бок на своих бревнах, мы вполне могли грести свободными руками и ногами. Наше последнее открытие заключалось в том, что,

используя этот прием, мы могли плавать на совсем маленьких бревнах и, следовательно, развивать большую скорость. Но тут наши открытия и кончались. Мы изобрели, таким образом, примитивный катамаран, хотя мы и не догадывались об этом. Связать бревно крепкой лозой или древесными корнями нам не приходило в голову. Нам было довольно и того, что мы соединяли бревна, придерживая их своими руками и ногами.

С Быстроногой мы встретились уже после того, как у нас прошло бурное увлечение плаванием на бревнах и мы стали ходить на ночевку к тому дереву, на котором соорудили крышу. Однажды она рвала желуди на высоком дубе поблизости от нашего дерева, и тут я впервые ее увидел. Она казалась очень робкой. Она спокойно занималась своим делом, но, убедившись, что мы обнаружили ее, молниеносно прыгнула на землю и убежала. Потом время от времени она попадалась нам на глаза, и мы обычно искали ее всякий раз, когда шли от своего дерева к устью топи.

И вот случилось так, что в один прекрасный день она уже не убежала от нас. Напротив, она стояла и ждала нас, издавая мирные, нежные звуки. Однако и тут мы не смогли подойти к ней. Когда мы были от нее уже совсем близко, она неожиданно отскочила в сторону и, остановившись, опять издала нежные звуки. Так продолжалось в течение нескольких дней. Мы свели с ней знакомство лишь по прошествии долгого времени, но когда знакомство состоялось, она стала порой принимать участие в наших играх.

Она понравилась мне с первого взгляда. У нее была очень приятная внешность. Она была очень кроткой. У нее были самые добрые, мягкие глаза, какие я когда-либо видел. Этим она очень отличалась от всех девушек и женщин нашего Племени — те были сварливы и злобны. Она никогда не кричала, не гневалась, а в случае какой-нибудь неприятности была готова скорей уклониться и бежать, чем ввязываться в драку.

Эта кротость и мягкость, казалось, исходили из всего ее существа. Об этом говорил весь ее облик. У нее были большие, больше, чем у других девушек, глаза, не столь глубоко посаженные в орбитах, ресницы были длиннее и ровнее. И нос ее был тоже не таким толстым и плоским, и уже намечалась переносица, а ноздри были обращены вниз. Резцы были небольшие, верхняя губа не нависала, а нижняя не выдавалась вперед. Она была не очень волосата, густые волосы росли у нее только на внешней стороне рук

и ног, а также на плечах; бедра у нее были стройные, легкие, а икры без всяких бугров и шишек.

Когда она грезилась мне, человеку двадцатого века, в моих снах, я всегда дивился на нее и думал, что она принадлежала, по-видимому, к Людям Огня. Ее отец и мать вполне могли происходить из этой высшей породы. Хотя подобные вещи в ту пору были очень редки, но они все же случались. Я наблюдал сам, как кое-кто из моих соплеменников оставлял наши пещеры и уходил жить в Лесную Орду.

Впрочем, речь сейчас идет не об этом. Быстроногая резко отличалась от любой женщины нашего Племени, и она поразила меня с первого взгляда. Меня привлекали в ней ее кротость и благородство. Она никогда не ругалась, никогда не дралась. Она всегда быстро уносилась прочь, и, вероятно, этому и была обязана своим именем. По деревьям она лазала лучше, чем я или Вислоухий. Играя в салки, мы были не в силах поймать ее, разве только чудом, случайно, а она ловила нас, когда хотела. Она была удивительно проворна во всех своих движениях и обладала истинным даром определять расстояния. Отвага ее не знала границ. На редкость робкая в обращении, она не ведала страха, когда дело доходило до лазания или бега по деревьям. Вислоухий и я были по сравнению с ней неуклюжи, нерасторопны и трусливы.

Она была сиротой. Мы видели ее всегда одинокой, и до нас не доходило никаких сведений, был ли у нее кто-нибудь из близких и когда это было. Должно быть, она еще с младенчества поняла, что спасение и безопасность можно найти только в бегстве. Она была очень умна и очень скрытна. Дознаться, где она живет, — это стало для нас с Вислоухим своеобразной игрой. Было совершенно ясно, что она обосновалась где-то на дереве, неподалеку от нас, но все наши старания выследить ее и найти ее гнездо так ни к чему и не привели. Она охотно играла с нами в дневное время, но тайну своего жилища берегла самым ревнивым образом.

Глава одиннадцатая

Следует помнить, что описание Быстроногой, только что набросанное мною, вовсе не то, которое дал ей Большой Зуб, второе «я» моих снов, мой доисторический предок. Человек двадцатого века, я смотрю глазами Большого Зуба и вижу глазами Большого Зуба только в своих ночных сновидениях.

Это относится в равной мере и ко всем событиям тех отдаленных времен, о которых я рассказываю. Есть в моих впечатлениях некая раздвоенность, и она может смутить читателя. Я должен ненадолго прервать свое повествование и рассказать об этой раздвоенности, об этом вызывающем недоумение наличии во мне двух разных существ. Я, человек современности, оглядываюсь назад через многие века и взвешиваю и анализирую чувства и переживания Большого Зуба, моего второго «я». Сам он не затруднял себя этим. Он был прост, как сама простота. Он жил, безраздельно отдаваясь потоку событий и даже не задумываясь, почему он поступает именно так, а не иначе.

Когда я, реальный человек двадцатого века, стал старше, я все больше и больше вникал в сущность и значение своих снов. Обычно, когда снится сон, вы даже в разгар этого сна сохраняете ощущение, что вы спите, и, если сон дурной и неприятный, утешаете себя мыслью, что все это только во сне. Это присуще всем и каждому. Подобным образом и я, живой и реальный, погружаясь в свои сновидения, испытываю раздвоение личности и нередко бываю актером и зрителем в одно и то же время. И тогда я, живой и реальный, часто возмущаюсь легкомыслием, безрассудством, нелогичностью и подчас невообразимой глупостью самого себя — первобытного.

Скажу еще несколько слов, прежде чем вернуться к рассказу. Снилось ли когда-нибудь вам, что вы видите сон? Сны снятся собакам, снятся лошадям, снятся всем животным. Во времена Большого Зуба получеловеку тоже снились сны, и если сны были дурные, он тоже стонал и мучился. И вот я, живой и реальный, спал вместе с Большим Зубом и видел его сны.

Я знаю, что все это покажется вам непостижимым, но это было именно так. И позвольте мне заверить вас, что когда Большому Зубу снилось, как он летит по воздуху или как он ползет, подобно змее, то его сновидения были не менее живы и ярки, чем ваши, когда вам снится, будто вы падаете с высоты.

Ведь и в Большом Зубе тоже жило его второе «я», это второе «я» уносилось в своих сновидениях далеко назад, в седое прошлое, к летающим ящерам, вступавшим в схватку с драконами, потом к шнырявшим по земле, словно мыши, мелким млекопитающим, а потом в самую далекую даль — к прибрежной живой слизи первобытных морей. Я не могу, не смею говорить больше. Все это слишком неясно, сложно и жутко. Я могу лишь передать вам ощу-

щение тех огромных, ужасающих глубин, сквозь которые я вглядывался, еле видя, словно в тумане, как развивалась жизнь от ступеньки к ступеньке — не только от обезьяны к человеку, но и от червя к обезьяне.

А теперь вернемся к моему рассказу. Я, Большой Зуб, не видел у Быстроногой ни ее стройного тела, ни ее нежного лица с большими глазами, ни ее длинных ресниц, я не видел ни переносицы, ни обращенных вниз ноздрей, словом, ничего такого, что делало ее красивой. Я видел в ней только молодую самку с добрыми глазами, которая издавала нежные звуки и никогда не дралась. Не знаю почему, но мне нравилось играть с нею, искать вместе с нею еду и зорить птичьи гнезда. И, должен признаться, в искусстве лазать по деревьям я многому научился у нее. Она была очень сообразительна, очень сильна, и никакие юбки не стесняли ее движений.

Приблизительно в это время несколько остыла наша дружба с Вислоухим. Виноват в этом был только он. Он повадился прогуливаться в ту сторону, где жила моя мать. У него возникла склонность к моей зловредной сестрице, а Болтун проявлял к нему благожелательство. Кроме того, Вислоухий стал играть еще с несколькими юнцами, детьми единобрачных пар, которые жили поблизости.

Я никак не мог уговорить Быстроногую, чтобы мы играли все вместе. Всякий раз, как мы с ней приближались к ним, она пряталась за моей спиной и исчезала. Однажды я убеждал ее из всех сил. Но она лишь беспокойно оглядывалась назад, потом убежала и, забравшись на дерево, стала кликать меня. Таким образом, я уже не мог сопровождать Вислоухого, когда он шел к своим приятелям.

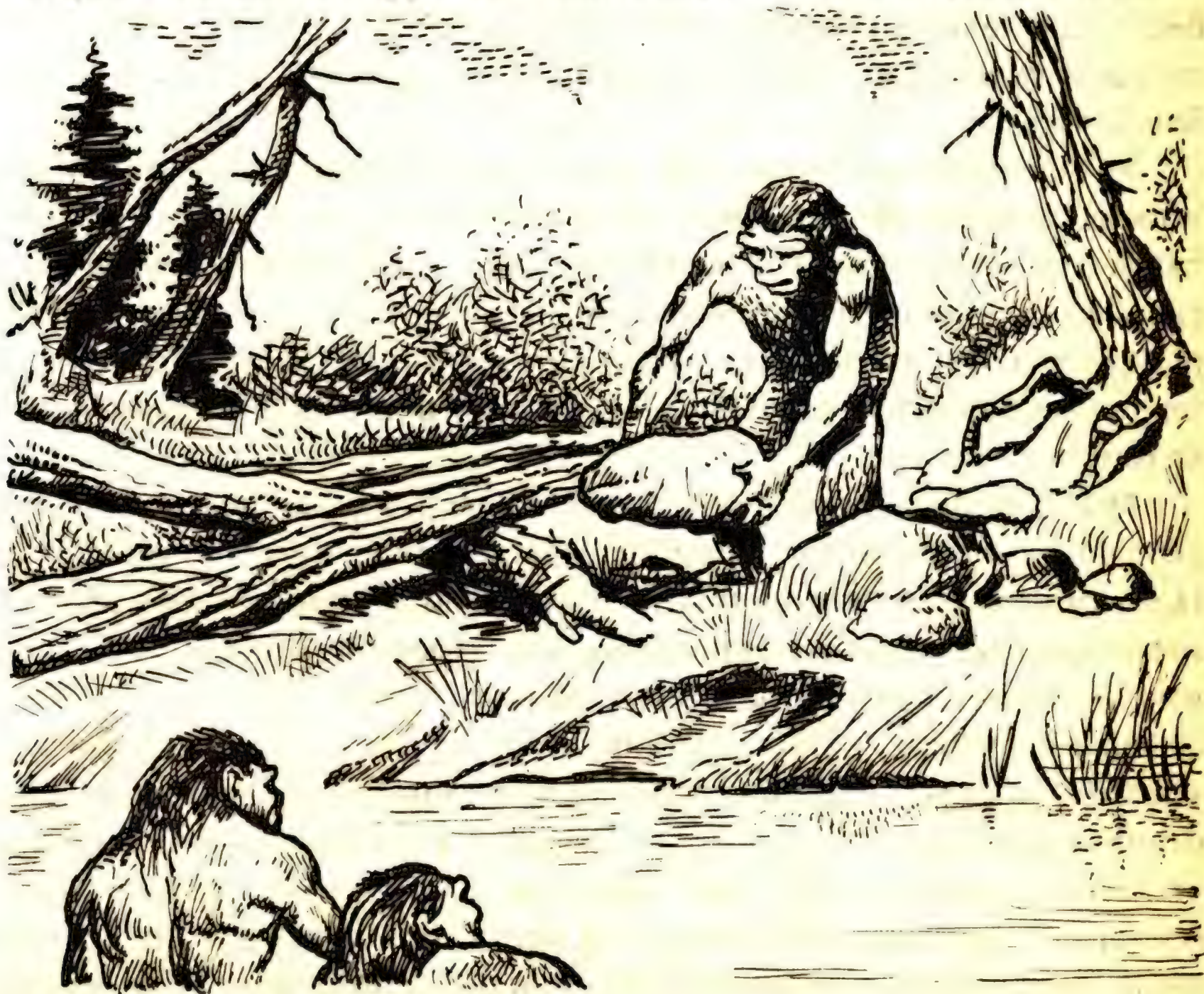
Мы с Быстроногой давно уже стали добрыми друзьями, но, сколько я ни старался, разыскать ее убежище мне не удавалось. Нет сомнения, что если бы не произошло ничего чрезвычайного, мы стали бы жить брачной парой, ибо склонность у нас была взаимной, но все случилось совсем иначе.

Как-то утром — Быстроногая тогда не пришла — мы с Вислоухим были у устья топи и забавлялись своими бревнами. Едва мы отчалили от берега, как вдруг сзади нас раздалось чудовищное, яростное рычание. Это был Красный Глаз. Он затаился у кучи бревен и с ненавистью глядел на нас. Мы смертельно перепугались: ведь пещеры с узким входом, чтобы укрыться от него, теперь

не было. Однако двадцать футов воды, отделявшие нас от берега, временно защищали нас, и мы сразу обрели смелость.

Красный Глаз выпрямился во весь рост и начал колотить себя в грудь кулаками. Мы же, сидя на бревнах рядом друг с другом, стали смеяться над ним. Сначала мы смеялись чуть-чуть принужденно, с затаенным страхом, но как только нам стало ясно, что Красный Глаз в данном случае бессилен, мы уже хохотали неудержимо, от всего сердца. Он ярился и прыгал, скаля на нас зубы в бессильной злобе. А мы, воображая себя в безопасности, продолжали над ним издеваться и дразнить его. Истые дети Племени, мы никогда не видели дальше своего носа.

Прекратив бить себя в грудь и скалить зубы, Красный Глаз внезапно кинулся от кучи бревен к берегу. Мы перестали смеяться и замерли в страхе. Красный Глаз был не из тех, кто легко забывает обиды и не старается отомстить. Дрожа, мы ждали, что произойдет. Начать грести и отплыть подальше нам не пришло на ум. Красный Глаз вернулся к куче бревен, огромным прыжком перемахнул через нее и вышел оттуда, держа в своей вместительной пятерне множество круглых, окатанных водой голышей. Хорошо

еще, что ему не подвернулись под руку метательные снаряды покрупнее, к примеру, камни весом в два-три фунта, потому что мы были от берега не дальше чем на двадцать футов, и он, без сомнения, убил бы нас.

Но и теперь мы оказались не в малой опасности. З-з-з! Голыш просвистел над нами с такой силой, словно это была пуля. Вислоухий и я судорожно принялись грести! З-з-з! Бац! Вислоухий вскрикнул от внезапной боли. Камень ударил его меж лопаток. Потом досталось и мне, я тоже визжал, как ребенок. Нас спасло лишь одно — у Красного Глаза кончились боевые припасы. Он побежал назад, чтобы набрать голышей снова, но мы с Вислоухим за это время отплыли дальше.

Постепенно мы удалились настолько, что уже не боялись снарядов Красного Глаза, хотя он все бегал за кучу бревен, пополняя свои запасы, и очередной голыш нет-нет да и свистел у нас над головою. Там, где топь соединялась с рекой, в середине устья, было слабое течение, и мы, следя за Красным Глазом, даже не заметили, что нас сносит в реку. Мы усердно гребли, а Красный Глаз, не отступая, шел за нами по берегу. Вдруг он наткнулся на груды крупных камней. Это оружие сильно увеличило дальность его обстрела. Один камень, не менее пяти фунтов весу, попал в мое бревно и ударил с такой силой, что от бревна полетели острые, как иглы, щепки и вонзились мне в ногу. Если бы камень угодил в меня, мне пришел бы конец.

А потом нас подхватило течение реки. Мы гребли так неистово, что и не заметили, как понесло наши бревна, нас известил об опасности лишь торжествующий крик Красного Глаза. Там, где течение пересекало стоячую воду, образовалось несколько небольших водоворотов. В них-то и попали наши неуклюжие бревна, начав бешено крутиться и вертеться во все стороны. Мы бросили грести и старались только, не щадя своих сил, удержать бревна рядом. Тем временем Красный Глаз продолжал нас бомбардировать, камни падали буквально рядом, заливая нас брызгами и угрожая жизни. Красный Глаз пожирал нас взглядом и испускал дикие, злорадные крики.

Оказалось, что у самого устья топи река делала крутой изгиб, и ее течение тут было устремлено к противоположному берегу. К этому-то берегу — он был с северной стороны — быстро нас и прибывало, хотя одновременно мы и спускались вниз по реке. Таким образом мы скоро вышли из-под обстрела Красного Глаза, и,

взглянув на него издалека в последний раз, увидели, как он выбежал на небольшой мыс и прыгал и приплясывал, издавая торжествующий победный клич.

Мы только придерживали бревна, не давая им разойтись, — этим теперь ограничивались все наши заботы. Мы отдались на волю судьбы и бездействовали до тех пор, пока не заметили, что находимся довольно близко от северного берега — не дальше, чем на сотню футов. Мы принялись грести, стараясь причалить к берегу. Но тут течение реки резко поворачивало к южному берегу, так что в результате наших усилий мы преодолели это течение именно там, где оно было наиболее узким и стремительным. Пока мы сообразили, что это так, мы уже оказались в спокойном месте.

Наши бревна медленно плыли и наконец тихонько пристали к берегу. Мы с Вислоухим ступили на землю. Бревна подхватила волна и вновь потянула их вниз по течению. Мы смотрели друг на друга, но на этот раз не смеялись. Мы были на новой, неведомой земле, и у нас даже не закрадывалась мысль, что мы можем вернуться в свои места тем же способом, каким очутились здесь.

Сами того не сознавая, мы научились переправляться через реку. Это еще не удавалось никому из Племени. Мы были первыми из всех наших соплеменников, кто ступил на северный берег реки, первыми и, я полагаю, последними. Нет сомнения, что пришел бы срок, и Племя достигло бы этого, но нашествие Людей Огня и последующее переселение остатков Племени остановило наше развитие на целые века.

В самом деле, трудно перечислить все бедствия, которые принесло нашествие Людей Огня. Лично я склонен думать, что именно в этом заключается причина гибели нашего Племени, — мы, ответвление низшей породы, развивающейся в человека, были совершенно истреблены и уничтожены, нас захлестнуло и смыло буйным прибоем там, где река впадала в море. Должен признаться, что погибли не все: я уцелел и выжил, и мне придется об этом рассказать, но я забегаю вперед, я расскажу об этом позднее.

Глава двенадцатая

У меня нет ни малейшего представления, долго ли мы с Вислоухим бродили по северному берегу реки. Мы были, словно моряки, выброшенные после кораблекрушения на необитаемый остров, — на возвращение домой у нас почти не оставалось ника-

ких надежд. Мы ушли от реки в глубь берега и несколько месяцев странствовали по глухим, диким местам, не встретив ни одного существа, которое было бы похоже на нас. Мне трудно говорить об этих странствованиях, и нет никакой возможности рассказать о них более или менее подробно, день за днем. Многое я вижу смутно, как в тумане, в памяти ярко вспыхивают лишь редкие картины и пережитые в ту пору приключения.

Особенно хорошо помню я голод, который мы терпели в горах между Длинным и Дальним озерами, помню и то, как мы захватили в чащобе спящего теленка. В дебрях между Длинным озером и горами жила Лесная Орда. Она-то и загнала нас в горы, вынудив пробираться к Дальнему Озеру.

На первых порах, после того как мы ушли от реки, мы двигались все время к западу и попали к небольшому потоку, протекавшему в болотистой местности. Здесь мы повернули на север и, огибая болота, достигли через несколько дней озера, которое я называю Длинным. У верхней его окраины мы жили довольно долго, там мы в изобилии находили себе пищу. Но наступил день, когда мы в глухих зарослях столкнулись с Лесной Ордой. Это были обезьяны, дикие обезьяны — ничего больше. И все-таки они не отличались от нас так уж сильно. Растительность на них была гуще, это верно, ноги у них были чуть кривее и шишковатее, чем у нас, глаза немного меньше, шеи немного толще и короче, а ноздри чуть явственнее, чем наши, напоминали дыры. Но у них не росло волос ни на ладонях рук, ни на подошвах ног, и они издавали примерно такие же звуки, как и мы, вкладывая в них приблизительно то же значение. Короче говоря, разница между Лесной Ордой и моими соплеменниками была не столь велика.

Первым увидел его я — истощенного, высохшего старика, с морщинистым лицом и тусклыми глазами. Он был моей законной добычей. Какого-либо сочувствия между племенами в нашем мире не существовало, а старик был не нашего Племени. Он был из Лесной Орды, этот дряхлый старик. Он сидел на земле у подножия дерева, — вероятно, это было его дерево, ибо вверху на нем виделось растрепанное гнездо, в котором старик проводил ночи.

Я показал его Вислоухому, и мы оба кинулись к старику. Тот полез на дерево, но двигался он слишком медленно. Я ухватил его за ногу и стащил вниз. Потом у нас началась забава. Мы щипали его, таскали за волосы, крутили ему уши, кололи его сучьями — и все время хохотали, хохотали до слез. Его беспомощный гнев

был просто нелеп. Старик производил комическое впечатление, стараясь казаться гораздо моложе, чем он был, и тщась показать давно покинувшую его силу — он строил грозные мины (хотя они получались у него просто скорбными), скрежетал остатками зубов, бил в свою щуплую грудь сухими кулачками.

И он сильно кашлял, еле переводя дыхание и чудовищно отхаркиваясь. Вновь и вновь он делал попытки влезть на дерево, но мы стаскивали его вниз; наконец, он убедился в своем бессилии и, смиренно сидя на земле, только плакал. А мы с Вислоухим, обнявшись, уселись напротив и все хохотали над его жалким видом.

Старик сначала плакал, потом выл, потом вопил, наконец, он завизжал, напрягши для этого последние силы. Это обеспокоило нас, и чем больше мы старались его утихомирить, тем пронзительнее он визжал. И тогда до нашего слуха донеслись из лесу довольно громкие звуки: «Гоэк-Гоэк!» Вслед за этим мы слышали несколько ответных кликов, а вдалеке раздался густой глубокий бас: «Гоэк! Гоэк! Гоэк!» И затем со всех сторон полетел к нам по лесу раскатистый клич: «Хуу-хуу!»

И тут за нами погнались. Казалось, погоне не будет конца. Прыгая с дерева на дерево, за нами гналось все племя и едва нас не поймало. Мы были вынуждены спуститься на землю, и здесь преимущество оказалось за нами, ибо они были поистине Лесной Ордой: по деревьям они лазили искусней нас, но мы обгоняли их на земле. Мы бросились к северу. Лесная Орда, завывая, бежала вслед. На открытых полянах мы успевали оставить преследователей позади, но в густом лесу они шли по пятам за нами и несколько раз чуть не схватили. И пока они гнались за нами, мы хорошо поняли, что мы не из их породы и что нас не связывают никакие узы сочувствия или симпатии.

Погоня продолжалась несколько часов. Лес казался бесконечным. Мы норовили бежать по полянам, но они всегда ухитрялись загнать нас в чащи. Порою мы уж думали, что избавились от преследования и селились отдохнуть, но всякий раз, едва мы переводили дыхание, слышались ненавистные крики «Хуу-хуу!» и «Гоэк-Гоэк!» Это последнее нередко сопровождалось диким воплем: «Ха-ха-ха-ха, ха-а-а!»

Вот так и гнала нас разъяренная Лесная Орда. Наконец, когда день уже клонился к вечеру, нам стали попадаться на пути холмы, а деревья пошли все мельче. Затем перед нами открылись покры-

тые травую откосы гор. Здесь мы могли бежать быстрее, и Лесная Орда отстала от нас и повернула к лесу.

Горы были суровы и неприветливы, поэтому мы трижды в тот вечер пытались уйти снова в лес. Но Лесная Орда стерегла нас на опушке и отгоняла назад.

Ночь мы провели на карликовом дереве, высотой с обычный куст. Это было опасно: мы легко могли стать добычей любого хищного зверя, бродившего в тех местах.

Утром, еще раз убедившись в упорстве Лесной Орды, мы стали углубляться в горы. У нас не было никаких определенных планов, никаких замыслов, это я хорошо помню. Нас гнала вперед и вперед только необходимость, мы уходили от опасности. О наших блужданиях в горах у меня сохранились лишь туманные представления. Мы провели в этих мрачных местах много дней, все время трепеща от страха: все тут было нам незнакомо и непривычно. Мы сильно страдали от холода, а позднее и от голода.

Это была пустынная страна — всюду одни голые скалы, окутанные влажной дымкой потоки и гремящие водопады. Мы взбирались и спускались по крутым каньонам и ущельям — и с какой

высоты мы не оглядывали местность, всюду, в любом направлении, перед нашим взором ярус за ярусом виднелись бесконечные горы. Спать мы забирались в расщелины и норы, а одну холодную ночь провели на тесной верхушке высокого утеса, похожего на дерево.

И вот наступило время, когда мы в жаркий полдень, совсем обессиленные от голода, вышли на перевал. С его высокого хребта, внизу, за сбегающими грядами скал и утесов, мы увидели на севере далекое озеро. Оно блестело под солнцем, вокруг него расстилались открытые травянистые равнины, а далеко к востоку уходила темная полоса лесов.

Прошло два дня, прежде чем мы добрались до озера, голод измучил нас так, что мы едва держались на ногах; здесь, у озера, мы наткнулись на крупного теленка — уютно расположившись в чаще, он мирно спал. Теленок доставил нам немало хлопот: мы могли умертвить его только с помощью своих рук, иного способа мы не знали. Насытившись свежей телятиной, мы унесли ее остатки в лес, расположенный к востоку, и спрятались на дереве. Но возвращаться к этому дереву нам больше не было нужды, ибо берега потока, впадающего в Дальнее озеро, были густо усеяны лососями, поднявшимися сюда из моря метать икру.

К западу от озера открылись тучные равнины, и здесь паслось множество бизонов и дикого скота. Но, поскольку там стаями рыскали дикие собаки и не росло ни одного дерева, чтобы укрыться от них, жить в этих местах было опасно. Мы двинулись по берегу потока к северу и шли несколько дней, затем — я не помню уж почему — мы, покинув русло потока, круто повернули на восток, потом повернули еще раз на юго-восток и оказались в густом девственном лесу. Я не хочу утомлять вас описанием наших странствий. Я только расскажу, как в конце концов мы попали в Страну Людей Огня.

Мы вышли к реке, но не знали, наша ли это река. Нас это и не очень волновало: ведь мы блуждали в неведомых местах столько, что уже свыклись со своим неведением и принимали его как должное. Оглядываясь назад, я вижу, как вся наша жизнь и судьба зависели от малейшей случайности. Мы не догадывались, не знали, что это за река, но если бы мы не переправились через нее, то, по всей вероятности, никогда бы не вернулись к Племени, и я, живой и реальный, рожденный через тысячу веков, не был бы рожден никогда.

И однако нам с Вислоухим очень хотелось вернуться домой.

Блуждая в незнакомых местах, мы тосковали по дому, стремились попасть опять в свое Племя, на свою землю; часто вспоминал я Быстроногую, молодую самку, издававшую нежные звуки, — с ней было когда-то так приятно играть, а теперь она жила, таясь неведомо где. Мои воспоминания о ней будили во мне нечто похожее на голод, но вспоминал я о ней только тогда, когда бывал сыт.

Но вернемся к реке. Еды там было множество, главным образом ягод и вкусных сочных кореньев; мы играли и валялись на берегу целыми днями. Потом Вислоухого осенила одна мысль. Как она его осенила — это можно было видеть глазами. И я действительно видел. Вдруг у него во взгляде появилось раздраженно-жалостливое выражение, весь он заерзал и забеспокоился. Затем его глаза потускнели, словно бы он не ухватил, не удержал в своем сознании только что зарождавшуюся мысль. Потом в них опять промелькнуло раздраженно-жалобное выражение — Вислоухий уловил свою мысль снова. Он посмотрел на меня, на реку, на противоположный берег. Он пытался что-то сказать, но звуков для выражения своей мысли у него не было. Получалась какая-то тарбарщина, слушая которую я засмеялся. Это рассердило Вислоухого, он внезапно набросился на меня и свалил меня на спину.

Разумеется, мы подрались, и в конце концов я загнал его на дерево, где он вооружился длинным суком и хлестал меня им всякий раз, как я пытался кинуться на него.

А мысль так и погасла. Я ее не воспринял, а сам он ее забыл. Но на следующее утро она зашевелилась в нем вновь. Быть может, ее пробудила тоска по дому. Во всяком случае, мысль уже пробивала себе дорогу и на этот раз сильнее, чем прежде.

Вислоухий повел меня к воде, — там, уткнувшись в прибрежный ил, лежало бревно. Мне показалось, что Вислоухий хочет играть, как мы когда-то играли в устье топи. Когда он выловил и подтянул к берегу второе бревно, я по-прежнему думал, что все это делается для игры.

Я разгадал намерения Вислоухого лишь тогда, когда мы, лежа на бревнах рядом друг с другом и крепко придерживая их, выплыли на течение. Вынув руку из воды, он показал ею на противоположный берег и громко, торжествуя закричал. Я понял его, и мы принялись грести еще энергичнее. Быстрое течение подхватило нас и понесло к южному берегу, но, прежде чем мы пристали к нему, течение швырнуло нас назад, к северному.

И тут все у нас пошло вразнобой. Видя, что северный берег очень близко, я стал грести по направлению к нему. Вислоухий же по-прежнему греб в направлении южного берега. Наши бревна стали кружиться на месте, и мы не продвигались ни к тому, ни к другому берегу, между тем как нас несло вниз по течению, и лес уже оставался позади. Драться мы не имели возможности. Мы знали, что пускать в ход руки и ноги нам нет никакого смысла, гораздо полезнее придерживать ими бревна. Но мы пустили в ход языки и рьяно бранили друг друга до тех пор, пока течение не подтащило нас опять к южному берегу. Сейчас он был очень близко, и тут мы стали прилежно грести к нему в полном единодушии. Выйдя на берег, мы тотчас влезли на деревья, чтобы как следует осмотреться, куда мы попали.

Глава тринадцатая

Мы провели на южном берегу реки весь этот день и обнаружили Людей Огня только поздно вечером. Должно быть, близ дерева, на котором мы с Вислоухим устроились на ночлег, стала лагерем группа бродячих охотников. Сначала нас встревожили голоса Людей Огня, а потом, когда наступила темнота, нас потянул к себе огонь. Осторожно, соблюдая полную тишину, мы прыгали с дерева на дерево, пока не оказались в таком месте, откуда нам все было хорошо видно.

На открытой поляне в лесу, около реки, горел костер. Вокруг него сидело шестеро Людей Огня. Вислоухий неожиданно схватился за меня, и я почувствовал, что он дрожит. Я взгляделся в маленького охотника, который три года назад убил стрелой Сломанного Зуба. Когда старик встал с места, чтобы подбросить в

костер сучьев, я заметил, что он прихрамывает на одну ногу. Значит, он хромал постоянно, нога у него была повреждена давно. Он показался мне еще более морщинистым и высохшим, чем прежде, а волосы на его лице поседели все до последнего.

Остальные охотники были молодыми. Я заметил, что рядом с ними на земле лежали луки и стрелы, и я уже знал, для чего служит это оружие. Люди Огня носили на плечах и на бедрах звериные шкуры. Однако руки и ноги у них были голые, и они не знали никакой обуви. Как я уже говорил, они были не столь волосаты, как мы, Племя. Головы у них были небольшие, а покатая линия лба мало чем отличалась от нашей.

Они были не так сутулы, как мы, движения у них казались не столь упругими. Спины, бедра, суставы ног были у них словно бы жестче и не так эластичны, как у нас. Руки их были не так длинны, как наши, и я не видел, чтобы они сохраняли равновесие при ходьбе, опираясь тыльной стороной рук о землю. Помимо того, их мускулы были округлей и симметричней, чем наши, а лица приятней. Их ноздри были обращены вниз, а носы очерчены резче и не выглядели такими плоскими и расплюснутыми, как у нас, не так сильно свисали губы, передние зубы не столь разительно походили на клыки. Бедра у них, однако, были не толще наших, и по своему весу Люди Огня были не тяжелее нас. Одним словом, они отличались от нас меньше, чем мы от Лесной Орды. Безусловно, все три племени состояли в родстве, и, по-видимому, в довольно близком.

Костер, вокруг которого сидели охотники, буквально заморозил нас. Мы с Вислоухим почти замирали, глядя, как полыхает огонь и дым клубами поднимается вверх. Всего интересней было, когда в костер подбрасывали сучья и из него вырывались, взлетев, снопы искр. Мне хотелось подойти поближе и налюбоваться костром вдоволь, но это было невозможно. Затаясь, мы сидели на дереве, росшем у края поляны, и не могли сделать лишнего движения без риска обнаружить себя.

Люди Огня сели кружком у костра и заснули, склонив головы на колени. Спали они чутко и беспокойно, уши у них постоянно шевелились. Время от времени один из них поднимался и подбрасывал хвороста в костер. Вокруг светлого круга, образуемого костром, в ночном мраке бродили хищные звери. Мы с Вислоухим узнавали их по голосам. То мы слышали диких собак и гиену, а иногда в лесу раздавалось рычание и громкий рев, от которого все охотники вокруг костра мгновенно пробуждались.

Была минута, когда лев и львица стояли под нашим деревом, устремив свои горящие глаза на костер и подняв дыбом шерсть. Лев облизывался и был полон нетерпения, весь его вид говорил, что он еле сдерживается, чтобы не броситься к костру и утолить свой голод. Львица же держалась гораздо осторожнее. Первой заметила нас на дереве она; пара хищников, подняв головы, молча посмотрела на нас, — ноздри у них раздувались и трепетали. Потом лев и львица, вновь зарычав еще раз, взглянули на костер и не спеша повернули к лесу.

Мы с Вислоухим все сидели на дереве, не смыкая глаз ни на мгновение. Снова и снова слышался нам в чащобе треск кустов, ломаемых телами, а в темноте, на противоположной стороне светлого круга, мы не раз видели сверкающие бликами огня звериные глаза. Откуда-то издалека доносилось рычание льва, а где-то еще дальше раздался пронзительный предсмертный крик и шумный плеск воды: какое-то животное было схвачено у водопоя. Минуту спустя мы слышали, тоже с реки, басовитое хрюканье носорогов.

Заснув лишь на исходе ночи, утром мы подобрались поближе к костру. Он еще тлел и дымился, а Люди Огня ушли. Мы сделали по лесу изрядный круг, чтобы удостовериться в безопасности, а потом подбежали к костру. Мне хотелось узнать, на что это похоже, и я двумя пальцами схватил тлеющий, красноватый уголь. Когда я завопил от неожиданной боли и бросил уголь, Вислоухий с перепугу прыгнул на дерево, а вслед за ним, тоже испугавшись, бросился и я.

Потом мы вели себя у костра с гораздо большей осторожностью и уже не хватали пальцами раскаленных углей. Мы во всем подражали Людям Огня. Мы садились, как они, и, опустив голову на колени, притворялись спящими. Мы передразнивали их манеру разговора и так увлеклись этим, что подняли немалый шум. Тут я вспомнил, как старый, сморщенный охотник рыл костер палкой. Я тоже начал копать палкой в костре, выковырнув множество горящих углей и подняв облако белого пепла. Эта забава нам так понравилась, что скоро мы были уже сплошь белыми, выпачкавшись пеплом с головы до ног.

Разумеется, нам очень хотелось разжечь огонь, как это делали охотники. Сначала мы подбросили в костер мелких сучьев. Это вышло очень удачно. Сучья, потрескивая, загорелись, их охватило пламя, и мы плясали и лопотали в полнейшем восторге. Потом мы стали класть в огонь уже большие ветки. Мы кидали и кидали их, не давая себе передышки, пока костер не запылал огромным пламенем. В возбуждении мы сновали туда и сюда, подтаскивая

из лесу сухие сучья и ветви. Пламя с шумом вздымалось все выше и выше, а столб дыма тянулся уже к самым вершинам деревьев. Сучья в огне шипели и трещали, пламя глухо рычало. Никогда еще не доводилось нам сделать своими собственными руками такое грандиозное дело, и мы были очень горды. Нет, мы тоже Люди Огня, думалось нам, когда мы, словно белые гномы, ликуя, приплясывали у бушующего костра.

Мы совсем не заметили, что огонь уже пополз по сухой траве и перекинулся на кустарник. Внезапно вспыхнуло пламенем высокое дерево, стоящее на краю поляны. Мы смотрели на пылающее дерево широко открытыми, удивленными глазами. Жар заставлял нас отходить от него все дальше. Загорелось другое дерево, потом еще и еще, теперь их пылало уже с полдюжины. Тут мы испугались. Чудовище вырвалось на волю. Мы пригнулись в страхе к земле, а огонь уже пожирал деревья, кольцом окружая нас. В глазах Вислоухого появилось жалобное выражение — обычный знак, что он чего-то не понимает, и я знаю, что такое же выражение было и в моих глазах. Крепко обнявшись, мы приникли друг к другу и не двигались с места, пока жар не достиг нас и наши ноздри не почувствовали запах горящих волос. Тогда мы бросились бежать и вырвались из кольца, держа путь по лесу на запад; мы бежали, все время оглядываясь назад, и хохотали.

В полдень мы подошли к перешейку, образованному, как мы уже узнали потом, крутым изгибом реки, которая здесь почти замыкалась в круг. Перешеек заграждала цепь невысоких, поросших лесом холмов. Поднявшись на холмы, мы оглянулись: лес позади нас представлял собой море огня, ветер, подхватывая пламя, нес его к востоку. Мы двинулись дальше и шли все время на запад, по берегу реки; сами того не зная, мы очутились прямо у стойбища Людей Огня.

Стойбище это со стратегической точки зрения было расположено чрезвычайно удачно. Оно находилось на полуострове, защищенном с трех сторон изгибом реки. Доступ с суши был только один — через перешеек полуострова, но и его прикрывала гряда невысоких холмов. Изолированные от всего мира, Люди Огня, должно быть, жили и благоденствовали здесь давно. И я полагаю, что именно это благоденствие вызвало впоследствии их переселение, принесшее такие невзгоды Племени. По-видимому, Люди Огня быстро размножались, и прежние владения стали для них тесны. Они захватывали новые земли и по мере своего продвижения теснили

Племя; они отбили у нас пещеры, поселились в них сами и заняли все наши уголья до последнего.

Но в то время, когда мы с Вислоухим забрели в стойбище Людей Огня, нам до всего этого не было дела. Нас занимала лишь одна мысль: как бы оттуда выбраться, хотя мы и не могли побороть любопытства, чтобы не оглядеть их поселок. Впервые в жизни мы увидели тут женщин и детишек Людей Огня. Дети большей частью бегали голыми, а на женщинах были шкуры диких зверей.

Люди Огня, как и мы, жили в пещерах. Открытая поляна перед пещерами сбегала к реке, на поляне горело множество небольших костров. Готовили ли Люди Огня на кострах пищу, я не знаю. Мы с Вислоухим этого не видели. Но, насколько я могу судить, примитивное приготовление пищи у них уже практиковалось. Воду они, подобно нам, носили из реки в тыквах. На наших глазах много женщин и детей шли с реки и на реку с тыквами в руках. Дети шалили и гримасничали точно так же, как и дети Племени. Дети Людей Огня походили на наших детей больше, чем взрослые Люди Огня на нас.

В селении мы с Вислоухим пробыли недолго. Заметив нескольких подростков, стрелявших из лука, мы скрылись в густых зарослях и направились к реке. Тут мы нашли катамаран, настоящий катамаран — его соорудил, очевидно, кто-нибудь из Людей Огня. Два легких прямых бревна были связаны гибкими корнями и вдобавок скреплены деревянными поперечинами.

На этот раз одна и та же мысль пришла и мне и Вислоухому одновременно. Нам надо выбраться из владений Людей Огня. Так разве найдешь лучший путь, чем переправа через реку на этих бревнах? Мы влезли на них и оттолкнулись от берега. Вдруг наш катамаран резко дернуло и потянуло к берегу чуть ниже по течению. Неожиданный толчок чуть не опрокинул нас в воду. Длинной веревкой, свитой из корней, катамаран был привязан к дереву. Нам пришлось отвязать его, прежде чем снова отчалить от берега.

Мы выбрались на главное течение и спокойно спустились вниз по реке на такое расстояние, что были уже хорошо видны из стойбища Людей Огня. Мы так усердно гребли, и так пристально глядели на противоположный берег, что встревожились только тогда, когда услышали позади пронзительные крики. Мы обернулись. Люди Огня стояли на берегу и показывали на нас пальцами, многие из них еще вылезали из пещер и тоже бежали к берегу. Мы сидели на своих бревнах и смотрели на эту толпу, совершенно забыв, что нам надо грести. На берегу поднялся невообразимый гвалт и вол-

нение. Кое-кто из Людей Огня направил на нас луки и выстрелил, но только две-три стрелы упали в воду близ катамарана — мы отплыли уже достаточно далеко.

Для нас с Вислоухим это был великий день. На востоке дым пожара, вызванного нами, затянул полнеба. А мы плыли посередине реки, огибая стойбище Людей Огня и чувствовали себя в полной безопасности. Мы сидели на бревнах и смеялись над Людьми Огня, уносясь от них по течению; мы плыли сначала к югу, затем с юго-востока на восток, далее на северо-восток, потом снова на восток, юго-восток и юг и потом повернули на запад, обогнув две крутых петли, которые делала тут река.

Нас быстро несло на запад, и когда Люди Огня остались далеко позади, знакомые места встали перед нашим взором. То был большой водопад, куда мы когда-то ходили раз или два посмотреть на собравшихся у реки животных. За ним, мы знали, находилась поляна с морковью, а еще дальше — наше стойбище и пещеры. Мы начали подгребать к берегу — убегая назад, он прямо-таки мелькал перед нами, — и прежде чем мы поняли это, мы уже были у водопоев Племени. Здесь множество водоносов — женщин и под-

ростков — наполняли водой свои тыквы. Увидев нас, они в панике бросились бежать прочь от реки, оставляя тыквы на тропинках.

Мы пристали к берегу, не позаботясь, конечно, о том, чтобы привязать катамаран, который тут же уплыл вниз по реке. Мы осторожно поднялись по тропинке. Все Племя укрылось в пещеры, хотя многие нет-нет да и бросали на нас исподтишка любопытные взгляды. Красный Глаз не показывался. Мы были снова дома. И снова мы спали эту ночь в маленькой пещере высоко на утесе, хотя сначала нам пришлось выгнать оттуда двух драчливых юнцов, которые было захватили наше жилище.

Глава четырнадцатая

Шел месяц за месяцем, время летело. Невзгоды и беды, которые таило для нас будущее, еще не давали себя знать, а мы между тем усердно кололи орехи и жили своей обычной жизнью. В тот год, я помню, прекрасно уродились орехи. Мы наполняли ими тыквы и таскали их в стойбище колоть. Мы клали орехи в ямку на камень и камнем же разбивали их, тут же съедая.

Когда мы с Вислоухим возвратились из нашего долгого путешествия, была уже осень, а наступившая вслед за нею зима выдалась очень мягкой. Я часто ходил в лес к своему старому родному дереву, я обыскал все места между черничным болотом и устьем топи, где мы с Вислоухим научились плавать на бревне, но нигде не нашел ни малейшего следа Быстроногой. Быстроногая исчезла. А мне она была очень нужна. Я испытывал такое чувство, которое, как я уже говорил, походило на чувство голода, только ощущал я его, когда был вполне сыт. Но все мои поиски Быстроногой оказались тщетными.

Наша жизнь в пещерах была совсем не однообразна. Начать хотя бы с Красного Глаза. Мы с Вислоухим чувствовали себя спокойно в нашей маленькой пещере. Несмотря на то, что в свое время мы расширили вход, пролезть в пещеру было отнюдь не легко. Мы понемногу расширяли этот вход и дальше, однако он был все-таки слишком узок, чтобы в него протиснулся чудовищно громадный Красный Глаз. Да он и не нападал больше на нашу пещеру. Он хорошо усвоил преподанный ему урок: на шее у него, в том месте, куда угодил мой камень, осталась большая шишка. Шишка эта никак не рассасывалась и не исчезала, ее можно было заметить у Красного Глаза даже издали. Частенько я наслаждался от

души, разглядывая это произведение своих рук, а если находился в эту минуту в достаточной безопасности, то даже громко хохотал.

Попадись мы с Вислоухим Красному Глазу в лапы и растерзай он нас в клочья — Племя и не подумало бы выступить на защиту, и тем не менее нам сочувствовали все мужчины и женщины Племени. Возможно, это было с их стороны даже не сочувствие, а лишь выражение ненависти к Красному Глазу, но они предупреждали нас о каждом появлении нашего врага. Случалось ли это в лесу, или на водопое, или в поле перед пещерами — нигде мы не были в неведении, нас своевременно предостерегали всюду. Таким образом, в нашей непримиримой борьбе с Красным Глазом у нас было то преимущество, что мы следили за ним далеко не одни.

Однажды он чуть-чуть не схватил меня. Это было ранним утром, все Племя еще спало. Совершенно неожиданно Красный Глаз отрезал мне путь в нашу пещеру на утесе. Не размышляя ни секунды, я бросился в другую пещеру — ту самую, которая узкой расщелиной соединялась с соседней; именно в этой пещере много лет назад увертывался и играл со мной в прятки Вислоухий, там же тщетно злобствовал Саблезубый, пытаясь поймать двух зазевавшихся соплеменников. Нырять в расщелину, я увидел, что Красный Глаз в пещеру еще не ворвался. Но вот он уже был там. Я проскользнул по расщелине во вторую пещеру, Красный Глаз метнулся туда снаружи — и так повторялось раз за разом. Я только и знал, что пролезал по расщелине туда и сюда.

Так он держал меня в осаде почти полдня, пока ему не надоело. После этого, стоило лишь Красному Глазу предстать перед нами, мы уже не лезли на утес, а бежали в эту двойную пещеру. Нам оставалось только бдительно следить за ним, не позволяя ему преграждать нам путь отступления.

В эту зиму Красный Глаз постоянными жестокими побоями опять довел до смерти свою жену. Я уже называл его живым воплощением атавизма, однако в нем было что-то еще худшее, так как даже среди низших животных самцы никогда не убивают своих подруг. Поэтому я полагаю, что, несмотря на свои чрезвычайно сильные атавистические черты, Красный Глаз предвещал собой и появление человека, ибо во всем животном мире только мужчина способен на убийство жены или подруги.

Расправившись с женой, Красный Глаз, как и следовало ожидать, стал подыскивать себе другую. На этот раз он решил взять себе Певунью. Певунья была внучкой старика Мозговитого и до-

черью Безволосого. Совсем еще юная, она очень любила петь у входа в свою пещеру, когда наступали сумерки. Жила она с Кривоногим, они поженились недавно. Кривоногий был тихого нрава, никогда никому не досаждал, ни с кем не дрался. Это был отнюдь не боец по натуре. Низкорослый, худой, он был далеко не столь проворен и подвижен, как все мы.

Никогда еще Красный Глаз не совершал более гнусного деяния. Это произошло тихим вечером, на закате, когда мы все начали собираться около своих пещер. Вдруг от реки, с водопойных тропинок, стремглав пронеслась Певунья, за нею бежал Красный Глаз. Певунья бросилась к мужу. Бедняга Кривоногий страшно испугался. Но в нем был дух героя. Он знал, что над ним нависла смертельная угроза, но не отступил, не кинулся прочь. Весь ошестинившись, он стоял на месте, что-то лопотал и скалил зубы.

Красный Глаз взревел от ярости. Он был поистине оскорблен: это немыслимо, что кто-то из Племена осмелился ему перечить! Он вытянул руку и схватил Кривоногого за шею. Тот впился зубами в его руку, но в следующее мгновение уже корчился и извивался на земле. У него была сломана шея. Певунья пронзительно вскрикнула и залопотала. Красный Глаз схватил ее за волосы и волоком потащил в свою пещеру. Взбираясь вверх, он по-прежнему волок ее по камням и так и не поднял на руки.

Мы разозлились — разозлились безумно, несказанно. Колотя себя в грудь и скрежеща зубами, все дико ошестинившись, мы сгруппировались в кучу. В нас заговорил стадный инстинкт, он словно бы звал, толкал нас на общие действия. Мы знали эту потребность объединиться, хотя и чувствовали ее смутно. Но сделать мы ничего не могли, ибо у нас не было средств, чтобы выразить эту потребность. Мы не бросились все как один и не убили Красного Глаза, потому что у нас был чересчур скудный словарь. Для выражения тех смутных ощущений, которые у нас возникали, нам не хватало мыслей, символов. Эти мысли-символы нам предстояло еще медленно и мучительно искать и изобретать.

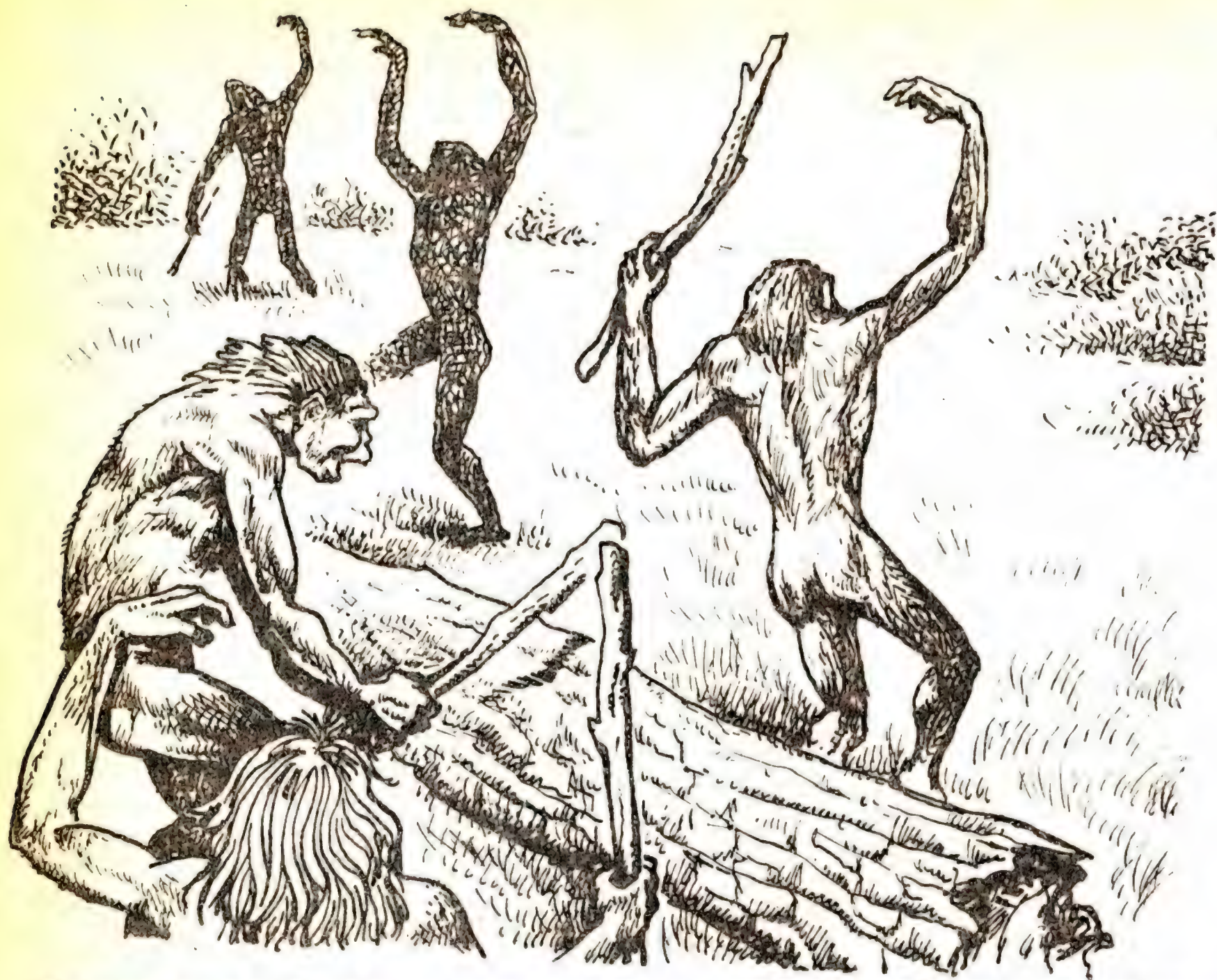
Те мысли, которые, словно тени, скользили в нашем сознании теперь, мы тоже старались выразить в звуках. Безволосый начал громко тараторить. Своими криками он хотел показать, что он разгневан и готов нанести Красному Глазу всяческий вред. Он сумел это передать, и мы вполне поняли его. Но когда он попытался выразить пробудившийся в нем импульс к объединению, его лопотание стало совсем бессмысленным. Тогда, щетиня брови и колотя

себя в грудь, принялся кричать и лопотать Скуластый. Мы яростно тараторили один за другим и в своем гневе не знали удержу; даже старик Мозговитый, брызжа слюной и кривя высохшие губы, начал бормотать своим надтреснутым голосом. Потом кто-то схватил палку и стал колотить ею по бревну. В ударах палки слышался определенный ритм. И все наши крики и вопли помимо нашей воли постепенно подчинились этому ритму. Он действовал на нас успокаивающе; мы и не заметили, как наш гнев остыл и схлынул, и, покорные ритму ударов, мы начали все как один дергаться и хохотать.

Этот всеобщий хохот великолепно показывает всю алогичность и непоследовательность поведения Племени. Только что мы все горели гневом и были охвачены смутным стремлением действовать сообща, но вот грубый ритм ударов палки уже заставил нас быстро забыть обо всем этом. Мы были очень общительны, в нас громко говорило стадное чувство — и это сборище, где мы все что-то пели и все хохотали, вполне отвечало нашей внутренней потребности. В нашей бессмысленной толчее уже таились предвестия советов первобытных людей, а также великих ассамблей и международных конвентов современного человека. Но нам, Племени Юного Мира, не доставало речи, и, где бы мы ни сходились, мы начинали дикое столпотворение и галдеж, в котором, однако, чувствовался единый ритм — этот-то ритм и нес в себе зачатки будущего искусства. Это было зарождение искусства.

Но мы отбивали ритм, захвативший нас, совсем недолго. Скоро мы теряли его, и тут нас захлестывало всеобщее неистовство, оно длилось до тех пор, пока мы вновь не нащупывали старый ритм или не находили новый. Иногда мы изобретали полдюжины различных ритмов сразу, и тогда какая-либо кучка, придерживаясь того ритма, который ей нравился больше, старалась заглушить и перекрыть всех остальных.

В этом неистовстве и шуме каждый из нас тараторил, кричал, визжал, не щадя сил, каждый приплясывал, и каждый был сам по себе, каждый был полон своими мыслями и желаниями, ощущая себя подлинным центром вселенной, независимым, отделенным на время ото всех остальных центров вселенной, которые прыгали и вопили вокруг него в эту минуту. Затем возникал ритм — было ли это хлопанье в ладоши, постукивание палкой по бревну, размеренные и четкие прыжки какого-нибудь плясуна или чья-нибудь песня с резким членением и гибкой интонацией, которая то повышалась, то понижалась: «А-банг, а-банг! А-банг, а-банг!» И все

Племя, каждый из нас, минуту назад ощущавший себя совсем отдельным и независимым, все мы уже подчинились этому ритму, и уже приплясывали, и пели единым хором. Одна из любимых хоровых песен звучала у нас примерно так: «Ха-а, ха-а, ха-а-аха!», а другая следующим образом: «Э-уа, э-уа, э-уа-ха!»

Так, невероятно гримасничая, прыгая и вертясь, мы плясали и пели в мрачных сумерках первобытного мира. В этой самозабвенной пляске сразу глохли наши смутные мысли, нас охватывал единый бешеный порыв, мы доводили себя до исступления. Наш гнев против Красного Глаза исчезал, растворяясь в искусстве, и мы вопили диким хором, пока ночь не напомнила нам о всех своих ужасах. Тогда мы, тихо перекликаясь, стали расходиться по своим пещерам, а на небе уже высыпали звезды и спустилась тьма.

Мы боялись только темноты. У нас не было и понятия ни о религии, ни о мире незримого. Мы знали лишь реальный мир, боялись только реальных существ, реальных опасностей, хищников из плоти и крови. Темнота страшила нас именно потому, что это было время хищников. Под покровом мрака они выходили из своих логовищ и бросались на нас, оставаясь сами невидимыми.

Вполне возможно, что из страха перед живыми существами, скрывавшимися во мраке, и зародилась впоследствии боязнь могущественного незримого мира. По мере того как возрастала способность воображения и усилился страх перед смертью, человек стал связывать этот страх с темнотой и населять ее духами. Я думаю, что зачатки именно такого страха перед темнотой были уже у Людей Огня, однако причина, побуждавшая нас, Племя, прерывать наши песни и пляски и кидаться к пещерам, была совсем другая, а именно старина Саблезубый, львы, шакалы, дикие собаки, волки и прочие прожорливые хищные звери.

Глава пятнадцатая

Вислоухий женился. Это произошло на вторую зиму после нашего путешествия и было весьма неожиданно. Меня он даже не предупредил. Я узнал об этом однажды в сумерки, поднявшись на утес и пробираясь в свою пещеру. Я уже было протиснулся в нее, как вдруг мне пришлось остановиться. В пещере для меня не было места. Ею завладел Вислоухий со своей женой, которая оказалась не кем иным, как моей сестрой, дочерью моего отчима Болтуна.

Я попытался расчистить себе место силой. Но в пещере могло поместиться только двое, и эти двое там уже сидели. Преимущества были не на моей стороне, и, получив достаточное количество щипков и затрещин, я был рад ретироваться. Эту ночь, как и множество других, я провел в расщелине, соединявшей двойную пещеру. Я знал по опыту, что тут безопасно. Если двое моих сородичей ускользнули здесь от старины Саблезубого, а я увернулся от Красного Глаза, то, казалось мне, я смогу, ныряя в узкую расщелину, спастись от любого хищного зверя.

Однако я забыл о диких собаках. Они были достаточно малы, чтобы проникнуть в любой проход, через который мог пролезть я. Однажды ночью они выследили меня. Если бы они вошли в обе пещеры одновременно, дело кончилось бы плохо. Но, преследуемый несколькими собаками, я нырнул в расщелину и выскочил из соседней пещеры наружу. Однако здесь меня ждали остальные собаки. Они кинулись на меня, но я прыгнул на стенку утеса и стал карабкаться вверх. И тут одна тощая, изголодавшаяся зверюга ухватила меня почти на лету. Она вцепилась зубами мне в ляжку и едва не стащила меня вниз. Думая только о том, чтобы не по-

пасться всей стае, я не стал тратить усилий на эту тощую собаку и продолжал лезть вверх, а она так и висела, вцепившись в мою ногу.

Когда я поднялся достаточно высоко, я мог уже заняться и собакой, тем более что боль в ноге сделалась нестерпимой. И вот, глядя, как футах в двенадцати внизу от меня обезумевшая от злости стая щелкала зубами, выла и, постоянно срываясь, прыгала на стену, я схватил эту тощую собаку за шею и начал душить. Это заняло много времени. Собака свирепо царапалась, вырывая у меня клочья волос и кожи, тянула и дергала меня вниз, стараясь стащить с утеса.

Наконец она разжала зубы и выпустила мою ногу. Я поднял ее труп на утес и провел остаток ночи у входа в пещеру, где спали Вислоухий и моя сестра. Но сначала мне пришлось выдержать бурю протестов со стороны своих разбуженных соплеменников, которые обвиняли меня в том, что я лишил их ночного отдыха. А я все не успокаивался и хотел отомстить стае собак, все еще бесившихся внизу. Время от времени, как только они немного там утихали, я швырял в них камень, и они опять поднимали громкий вой. И тогда ко мне снова отовсюду неслись обвинения и протесты разбуженного Племени. А утром я поделился мертвой собакой с Вислоухим и его женой и несколько дней мы знать не хотели никакой растительной пищи.

Брак Вислоухого был не из счастливых, но, к утешению моего друга, он оказался не слишком продолжительным. Пока Вислоухий был женат, мы изрядно страдали оба, и он и я. Я чувствовал себя одиноким. Я терпел все неудобства, вызванные утратой маленькой теплой пещеры, но идти жить к какому-нибудь другому юноше я не хотел. Мне кажется, что долговременное мое житье в одной пещере с Вислоухим стало для меня уже привычкой.

Я мог жениться и сам, это правда; возможно, что я уже и женился бы, если бы в Племени не было так мало женщин. Кстати сказать, малочисленность женщин проистекала скорее всего от неводержанности Красного Глаза — отсюда ясно, какую угрозу он нес существованию Племени. Но, помимо всего прочего, еще существовала Быстроногая, которую я никогда не забывал.

Короче говоря, в течение всего времени, пока Вислоухий был женат, я бродил без пристанища и ночевал где попало, подвергаясь постоянной опасности и не зная никаких удобств. В Племени умер один мужчина, и его вдову увел к себе в пещеру другой мужчина. Я захватил опустевшую пещеру вдовы, но у этой пещеры был широкий вход, и после того, как Красный Глаз едва не поймал меня в ней, я стал ночевать опять в расщелине двойной пещеры. А в

теплые летние месяцы я подолгу не заглядывал в пещеры вообще, ночуя на дереве, близ устья топи, где я соорудил гнездо.

Я уже отмечал, что брак Вислоухого оказался несчастливym. Моя сестра была дочерью Болтуна, и она сделала жизнь Вислоухого невыносимой. Ни в одной пещере не было столько ссор и драк, как у них. Если Красный Глаз был Синей Бородой, то Вислоухий — настоящим тюфяком; Красный Глаз, по-моему, был слишком проницателен, чтобы домогаться жены Вислоухого.

К счастью для Вислоухого, она погибла. В тот год произошло необычайное событие. Уже на пороге осени, когда кончалось лето, неожиданно уродился второй урожай моркови. Эта молодая нежная морковь оказалась очень вкусна и сочна, и поляны, где она произрастала, сделались на время излюбленным местом кормежки Племени. Однажды прекрасным ранним утром мы с аппетитом там завтракали, нас было несколько десятков. Рядом со мной сидел Безволосый, за ним его отец Мозговитый и сын Длинная Губа. По другую сторону от меня были моя сестра и Вислоухий; сестра сидела рядом со мной.

Все случилось совершенно внезапно. Вдруг Безволосый и моя сестра вскочили на ноги и пронзительно вскрикнули. В то же мгновение я услышал свист стрел, которые в них вонзились. Через секунду они, задыхаясь, лежали на земле, а мы все бросились наутек

под защиту деревьев. Одна стрела пролетела около меня и воткнулась в землю, ее оперенный хвост дрожал и раскачивался. Я хорошо помню, как я отпрянул от нее в сторону, хотя в этом не было никакой нужды. Я испугался этой уже безвредной стрелы и отскочил от нее, как отскакивает от пугающего ее предмета лошадь.

Вислоухий, бежавший вслед за

мной, вдруг рухнул и растянулся на земле. Стрела насквозь пронзила ему икру. Он попробовал встать, но снова споткнулся и упал. Корчась и дрожа от страха, он сидел и жалобно призывал меня на помощь. Я кинулся к нему. Он показал мне на ногу со стрелой. Я начал было вытаскивать стрелу, но Вислоухому стало так больно, что он схватил меня за руку и остановил. Рядом с нами пролетела еще одна стрела. Другая ударилась о камень и расщепилась. Я не стал ждать третьей. Я вновь взялся за стрелу, торчавшую в ноге Вислоухого, и дернул ее изо всех сил. Стрела вышла, а Вислоухий завизжал от боли и бросился на меня драться. Но через секунду мы уже снова бежали во весь дух.

Я оглянулся назад. Старик Мозговитый отстал ото всех, одиноко ковыляя, спотыкаясь и прихрамывая, в надежде спастись от смерти. Он едва не падал и однажды действительно упал, но стрелы его все еще щадили. Старик с трудом поднялся на ноги. Годы давили его тяжелым грузом, но он не хотел умирать. Трое Людей Огня, выскочивших из засады и бегущих к нему, легко могли бы его прикончить, но почему-то они не сделали этого. Может быть, он казался им слишком старым и жестким. Но они были иного мнения о Безволосом и моей сестре, ибо, когда я посмотрел на них из-за деревьев, Люди Огня уже разбивали им камнями головы. Среди этих Людей Огня был и высохший от старости хромой охотник.

Мы мчались по деревьям к пещерам — взбудораженная, беспорядочная толпа, перед которой укрывалось в норы все мелкое лесное зверье и с тревожным криком взлетали птицы. Теперь, когда непосредственная опасность нам уже не угрожала, Длинная Губа остановился и поджидал своего деда Мозговитого: так они, седой старец и юноша, олицетворяя собой два разных поколения Племена — поколение дедов и внуков, — шли рядом позади всей толпы.

Теперь Вислоухий вновь стал холостяком. В эту ночь я спал уже в его маленькой пещере, и наша совместная жизнь началась сызнова. О своей погибшей жене Вислоухий, казалось, не горевал. Во всяком случае, он не выказывал ни сожаления, ни тоски по ней. Что его сильно беспокоило, так это рана на ноге: прошло не меньше недели, прежде чем Вислоухий обрел свое прежнее проворство и ловкость.

Мозговитый был у нас единственным стариком во всем Племене. Порою, раздумывая о тех временах и пристально вглядываясь в них, я особенно ясно вижу этого старца и всегда поражаюсь сходством между ним и отцом садовника, который служил у моего отца. Отец садовника был очень стар, высохший, весь в морщинах;

когда он смотрел на меня своими маленькими тусклыми глазками и что-то шамкал беззубым ртом, клянусь, его можно было спутать с Мозговитым. Меня, ребенка, это разительное сходство прямо-таки пугало. Завидя, как он ковыляет на своих костылях, я обычно бросался в бегство. Даже седые бакенбарды этого старца я принимал за растрепанную белую бороду Мозговитого.

Как я уже сказал, Мозговитый был у нас единственным стариком во всем Племени. Он являл собой редчайшее исключение. Никто из Племени не доживал до преклонного возраста. Довольно редко доживали и до средних лет. Насильственная смерть была общим уделом. Все в Племени умирали так, как умер мой отец, как умер Сломанный Зуб, как только что умерли Безволосый и моя сестра, — неожиданной и жестокой смертью, полные бодрости и сил, в расцвете жизни. Естественная смерть? В те дни насильственная смерть была естественной смертью.

Никто из нас не умирал от старости. Я не знаю ни одного такого случая. Насильственная смерть постигла даже Мозговитого, хотя он был у нас единственным, кто мог рассчитывать на спокойную кончину. Какой-нибудь несчастный случай, повлекший серьезное повреждение, или временная утрата сил — все это означало быструю смерть. Сородици умирали, как правило, не на глазах Племени, без каких-либо очевидцев. Они просто исчезали. Они уходили утром из пещер — и больше не возвращались. Так или иначе все они попадали в пасть прожорливых хищников.

Набег Людей Огня на морковную поляну был началом конца, хотя никто из нас не осознавал этого. Со временем охотники с луками стали показываться все чаще. Они являлись в малом числе — по двое, по трое, — беззвучно крадучись по лесам, вооруженные своими летучими стрелами, для которых не существовало расстояния и которые сбивали добычу с самых высоких деревьев, избавляя Людей Огня от необходимости даже лазать на них. Луки и стрелы словно бы колоссально удлиняли мускулы Людей Огня, и эти охотники могли, в сущности, прыгать на расстояние сотни футов с лишним. Это делало их куда страшнее, чем даже сам Саблезубый. И, помимо того, они были очень мудры. Они умели говорить, вследствие чего они могли яснее и четче думать, и вдобавок обладали навыком к объединению своих действий.

Теперь мы, Племя, стали вести себя в лесу чрезвычайно осторожно. Мы были бдительны и пугливы, как никогда раньше. Мы уже не полагались на то, что нас защитят и спасут высокие де-

ревья. Теперь мы не могли позволить себе удовольствия, сидя высоко на ветвях, дразнить хищников и хохотать над ними. Люди Огня были тоже хищниками, а их когти и клыки достигали сотни футов в длину, — ужаснее этих пришельцев для нас не было зверей во всем нашем первобытном мире.

Однажды утром, еще до того, как Племя разбрелось по лесу, среди водоносов и всех тех, кто ушел напиться к реке, началась паника. Все Племя бросилось к пещерам. Так мы в минуту тревоги поступали всегда: сначала убегали, а потом уже смотрели, что произошло. Вот и теперь: выглядывая из пещер, мы сидели и ждали, что будет. Через некоторое время на лужайку перед пещерами осторожно вышел Человек Огня. Это был все тот же низкорослый, сморщенный старый охотник. Он стоял довольно долго, глядя на нас, осматривая наши пещеры и окидывая взглядом сверху донизу весь утес. Затем он спустился по тропинке к водопою и несколько минут спустя возвратился по другой тропинке. И снова он стоял и смотрел на нас — долго и внимательно. Потом резко повернулся и пошел, прихрамывая, к лесу, а мы, сидя в пещерах, лишь жалобно перекликались друг с другом.

Глава шестнадцатая

Нашел я ее в незнакомых местах около черничного болота, где жила моя мать и где мы с Вислоухим соорудили свое первое убежище на дереве. Все произошло неожиданно. Проходя под деревом, я услышал памятные мне нежные звуки и взглянул вверх. Это была она, Быстроногая; сидя на ветке, она болтала ногами и смотрела на меня.

На минуту я замер на месте. Глядя на Быстроногую, я почувствовал себя очень счастливым. А затем к этому ощущению счастья примешалось чувство беспокойства и боли. Я влез к ней на дерево, но она отходила от меня по ветви все дальше. Едва я настиг ее, как она прыгнула на соседнее дерево. Теперь она смотрела на меня, выглядывая из-за шуршащей листвы, и издавала нежные звуки. Я тоже прыгнул на соседнее дерево и возбужденно карабкался по ветвям, стараясь ее поймать, но положение неожиданно осложнилось: по-прежнему издавая нежные звуки, она уже сидела среди веток третьего дерева.

Я чувствовал, что во мне произошла какая-то перемена, что я теперь не таков, каким был до того, как мы с Вислоухим пустились в свое долгое странствие. Я хотел Быстроногую — и знал это. Знала это и она. Вот почему она не позволяла мне приблизиться

к ней. Я и забыл, что она поистине была Быстроногой и что в искусстве лазания по деревьям она являлась моим учителем. Я гнал-ся за ней, прыгая с дерева на дерево, а она неизменно ускользала и, оглядываясь назад, бросала на меня ласковые взгляды, издавала нежные звуки, танцевала, и прыгала, и раскачивала ветви прямо у меня под носом. Чем искуснее она увертывалась, тем упорнее я старался поймать ее, а удлинявшиеся тени догорающего дня показывали всю тщетность моих усилий.

Преследуя ее, я порой садился отдохнуть и смотрел на Быстроногую с соседнего дерева; я увидел, что за то время, пока мы не встречались, она заметно изменилась. Она стала крупнее, тяжелее — словом, стала более взрослой. Линии ее тела округлились, мускулы налились, в ней появилось что-то зрелое, чего раньше не было и что меня сейчас очень манило. Она пропадала три года — три года по меньшей мере, и любая перемена в ней бросалась теперь в глаза. Я говорю, три года, но это, конечно, весьма приблизительно. Может быть, сюда надо добавить и четвертый год, который я объединил с последующими тремя. Чем больше я думаю, тем сильнее склоняюсь к тому, что я не видел ее четыре года.

Где она скрывалась все это время, почему скрывалась и что с ней происходило, я не знаю. Она не могла рассказать мне об этом, так же как мы с Вислоухим не могли рассказать Племени, о том, что мы видели во время нашего памятного путешествия. Вполне возможно, что, подобно нам, она тоже где-то странствовала, отправясь в путь по собственной воле. С другой стороны, ее мог вынудить к этому Красный Глаз. Можно не сомневаться, что в своих блужданиях по лесу Красный Глаз не раз видел Быстроногую, и если он начал ее преследовать, этого было достаточно, чтобы она скрылась. Последующие события заставляют меня думать, что она уходила далеко на юг, пересекла гряду гор и побывала на берегах незнакомой реки — все это лежало за пределами земель Племени. Но там то и дело шныряла Лесная Орда, и, как я полагаю, она-то, должно быть, и вынудила Быстроногую возвратиться к своим сородичам и ко мне. Основания для такого вывода я изложу позже.

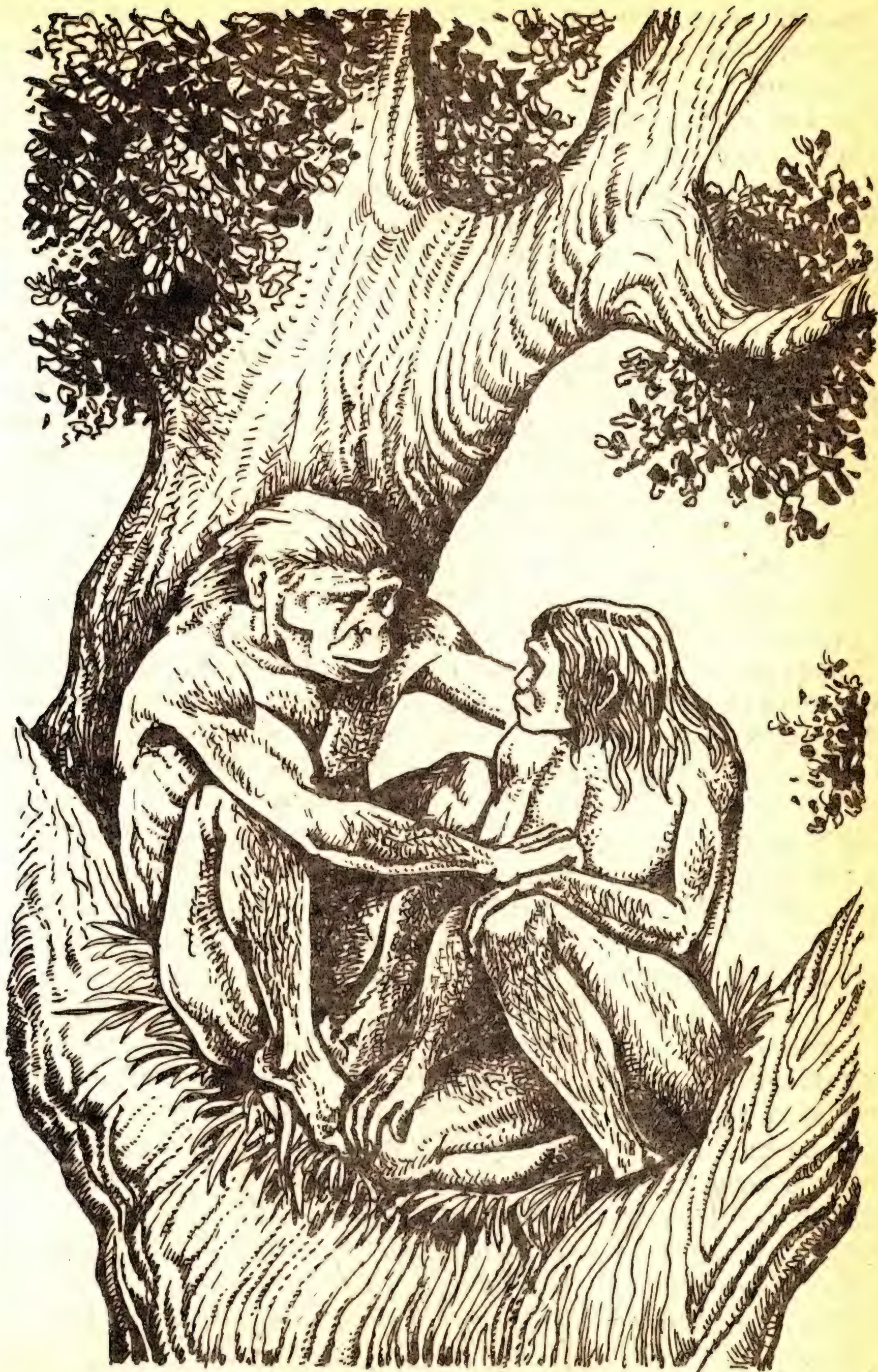
Тени становились все длиннее, я гнал-ся за Быстроногой с еще большим пылом, но поймать ее мне никак не удавалось. Она делала вид, что стремится убежать от меня во что бы то ни стало, и в то же время ухитрялась постоянно держаться в нескольких шагах от меня. Я забыл буквально обо всем: о времени, о наступающей ночи, о хищных зверях. Я обезумел от любви к ней, и я страшно сердился

на нее за то, что она не подпускала меня к себе. Это странно звучит, но мой гнев, по-видимому, вполне уживался с желанием овладеть ею.

Как я уже сказал, я забыл буквально обо всем. Мчась во весь дух по открытой поляне, я наткнулся на колонию змей. Я даже не испугался их. Я обезумел. Змеи бросились на меня, но я увернулся, отпрянув в сторону. Потом на меня кинулся питон — обычно я спасался от него, с визгом влезая на дерево. Он загнал меня на дерево и сейчас, но Быстроногая уже скрывалась из виду, и я опять спрыгнул на землю и побежал за ней. Это было далеко не безопасно. За мной уже следил мой старый враг — гиена. Она решила, что вот-вот непременно что-то случится, и не отставала от меня целый час. Однажды мы потревожили стадо диких свиней, и они тоже погнались за нами. Быстроногая громадным прыжком перелетела с одного дерева на другое на такое расстояние, что решиться на подобный прыжок я побоялся. Мне надо было спуститься и пробежать от дерева к дереву по земле. А там были свиньи. Но это меня не остановило. Я прыгнул вниз, оказавшись примерно на ярд от ближайшей свиньи. Они кинулись за мной и скоро загнали меня на деревья, стоявшие на открытом месте, в стороне от того направления, куда бежала Быстроногая. Я вновь соскочил с дерева и вновь помчался через поляну, а свиньи, злобно хрюкая и щелкая зубами, всем стадом гнались за мной по пятам.

Если бы я споткнулся и задержался на поляне хоть на минуту, мне пришел бы конец. Но я не споткнулся. Впрочем, я и не задумывался над этим. Я был сейчас в таком состоянии духа, что не дрогнул бы, увидя самого Саблезубого или десяток Людей Огня с их стрелами. Так я обезумел от любви... но обезумел только я. Быстроногая держалась иначе. Она была очень мудра. Она отнюдь не рисковала, и теперь, оглядываясь назад сквозь столетия на эту дикую погоню, я вспоминаю, что, когда меня задержали свиньи, Быстроногая не убежала, не скрылась, а поджидала, чтобы я вновь погнался за ней. И она преднамеренно выбирала направление, бежала от меня только в одну, нужную ей сторону.

Наконец спустилась тьма. Быстроногая повела меня вокруг мшистого выступа огромной скалы, громоздившейся среди деревьев. После этого мы пробирались сквозь чащобу кустарника, который нещадно меня царапал. Но на Быстроногой не пострадал ни один волосок. Она знала эту дорогу. Посреди кустарника, в самом глухом урочище, вздымался могучий дуб. Я был очень близко от нее, когда она вска-

рабкалась на этот дуб, и здесь, в гнезде с крышей, я нашел то, что искал так долго и тщетно: я поймал ее.

Гиена вновь напала на наш след, она подошла к дубу и начала выть голодным голосом. Но мы не обращали на нее внимания и от души хохотали, когда она, фыркнув, скрылась в кустарнике. Была весна, и множество разнообразных звуков слышалось в ночи. Как обычно в эту пору, животные вели свои нескончаемые брачные битвы. Сидя в гнезде, я слышал визг и ржание диких лошадей, трубные клики слона и рычание львов. Но на небе засиял молодой месяц, ночь была теплая, и мы смеялись от души, ничего не боясь.

Как помню, утром мы наткнулись на пару взъерошенных, разъяренных диких петухов, которые дрались с таким самозабвением, что я подошел прямо к ним и поймал их за шею. Так мы с Быстроногой устроили себе свадебный завтрак. Петухи оказались на вкус восхитительными. Ловить птиц весной было нетрудно. А однажды ночью, при сильном свете луны, мы с Быстроногой наблюдали со своего дерева, как бились два лося; мы видели, как подкрались к ним, незамеченные, лев и львица и как они, прыгнув на лосей, загрызли их.

Не могу сказать, сколько времени мы с Быстроногой жили на дереве. Но однажды, когда мы бродили по лесу, в наше дерево ударила молния. Большущие ветви, на которых держалось гнездо, были расщеплены, от самого гнезда почти ничего не осталось. Я начал было восстанавливать его, но Быстроногая не хотела об этом и слышать. Как я скоро понял, она чрезвычайно страшилась молнии, и убедить ее вновь поселиться на этом дереве мне не удалось. В конце концов, проведя наш медовый месяц в лесу, мы пошли жить в пещеры. Подобно тому, как после женитьбы меня изгнал из пещеры Вислоухий, так и теперь изгнал его я; мы жили в пещере вдвоем с Быстроногой, а Вислоухий ночевал в расщелине, соединявшей двойную пещеру.

Вместе с нашим приходом в племя пришла тревога. Не знаю, сколько жен было у Красного Глаза после Певуньи, которая не избежала участи остальных. Теперь Красный Глаз жил с маленьким, робким, безвольным существом; эта женщина хныкала и плакала постоянно, невзирая на то, бил он ее в данную минуту или нет. Было ясно, что конец ее наступит очень скоро. Но даже не дожидаясь этого, Красный Глаз с жадностью смотрел на Быстроногую, а когда его жена умерла, начал преследовать Быстроногую открыто.

К счастью для нее, она была Быстроногой и обладала изумительной способностью мчаться по деревьям. Чтобы избежать объятий Красного Глаза, ей потребовалось все ее благоразумие и вся ее от-

вага. Помочь ей я не мог. Красный Глаз был так чудовищно силен, что разорвал бы меня на куски. Ведь до конца моей жизни в сырую погоду у меня болело и ныло плечо, и это было делом его рук.

В те дни, когда он изувечил мне плечо, Быстроногая болела. Это был, вероятно припадок малярии, которой мы нередко заболевали; во всяком случае, Быстроногая впала в апатию и сонливость. Мускулы ее лишились былой пружинистой силы, и она уже не могла нестись по деревьям с прежней стремительностью, — именно в эти-то дни Красный Глаз нагнал ее близ логова диких собак, в нескольких милях к югу от пещер. Обычно в таких случаях Быстроногая сначала сновала около Красного Глаза кругами, потом стремительно неслась домой и скрывалась в нашей пещере с ее узким входом. Но сейчас она не могла кружить и сновать по деревьям. Она была слишком слаба и медлительна. Всякий раз, как только она прыгала в сторону, Красный Глаз преграждал ей путь, и скоро Быстроногая уже не пыталась обмануть и провести его, а кинулась бежать напрямик к поселку.

Не будь она больна, удрать от Красного Глаза было бы для нее детской игрою, но теперь ей пришлось призвать на помощь всю свою бдительность и ловкость. Ее преимущество заключалось в том, что она могла взбираться на более тонкие ветви и прыгать дальше, чем он. Кроме того, у нее был безошибочный глазомер на расстояния и инстинктивное чутье на то, сколь крепка и надежна ветка или сук, на который она готовилась прыгнуть.

Преследованию, казалось, не будет конца. Они мчались по деревьям, кружа и делая огромные петли, бросаясь то в одну сторону, то в другую. Видя такую погоню, переполошилось все Племя. Все взволнованно лопотали, повышая голоса, когда Красный Глаз был далеко, и замолкая, когда он приближался. И мужчины и женщины оказались бессильными зрителями. Женщины визжали и тараторили, а мужчины в тщетном гневе били себя в грудь кулаками. Особенно гневался Скуластый, и хотя при приближении Красного Глаза умерял свою ярость и он, но все-таки он делал это не в такой мере, как остальные мужчины.

Что касается меня, то я вел себя отнюдь не доблестно. Я был тогда кем угодно, только не героем. Ведь что ни говори, а какой был бы толк, если бы я кинулся на Красного Глаза? Справиться с этим чудовищем и зверем у меня не хватило бы никаких сил. Он убил бы меня, и положение ничуть бы не изменилось к лучшему. Он поймал бы Быстроногую, даже не подпустив ее к пеще-

рам. Значит, мне оставалось теперь только злиться и глядеть на бесчинство Красного Глаза, увертываясь с его пути и замолкая всякий раз, как он проносился поблизости от меня.

Время шло. Наступал вечер. А погоня за Быстроногой все еще не прекращалась. Красный Глаз решил довести ее до изнеможения. Он только и ждал, когда она выбьется из сил. Быстроногая уже начала утомляться и не могла нестись по деревьям с прежней стремительностью. Тогда она стала взбегать на тонкие ветви, куда Красный Глаз при своей тяжести взобраться не смел. Там она могла бы хоть немного отдохнуть, но Красный Глаз оказался сущим дьяволом. Будучи не в силах приблизиться к Быстроногой, он задумал ее сбросить. Навалившись всей своей тяжестью, он начал упорно раскачивать ветку, на которой сидела Быстроногая, и стряхнул ее так же легко, как можно стряхнуть с кнута муху. Быстроногая спаслась в первый раз тем, что упала на нижние ветви. В другой раз нижние ветви не удержали ее и она сорвалась наземь, но падение было все-таки сильно смягчено. После этого Красный Глаз, стремясь сбросить свою жертву, принялся трясти ветвь с таким ожесточением, что Быстроногая перелетела по воздуху на соседнее дерево. Прыжок получился великолепный, и на время она была спасена. Но скоро ей снова пришлось искать защиты, взбегая на тонкие ненадежные ветви. Сейчас она так обессилила, что другого выхода, как спастись на тонких ветвях, у нее не было: Красный Глаз не отставал от нее ни на минуту.

Погоня все еще продолжалась, а мы по-прежнему визжали, били себя кулаками в грудь и скрежетали зубами. Затем наступил конец. Это случилось уже почти в сумерки. Трепеща от страха и задыхаясь, Быстроногая повисла на высокой тонкой ветке. Она уже не видела внизу ни одного сучка или кустика. А до земли было футов тридцать. Красный Глаз стоял на той же ветке, у толстого основания, и с силой раскачивал ее вверх и вниз. Ветвь, словно маятник, ритмично качалась в воздухе, увеличивая размах при каждом толчке его тела. Внезапно, когда ветвь завершала движение вниз, Красный Глаз подпрыгнул, освободив ее от своей тяжести. Быстроногая не удержалась и, разжав руки, с криком полетела на землю.

Летя в воздухе, она выпрямилась и ударилась оземь ногами. При прыжке с такой высоты упругость ее ног обычно смягчала силу удара. Но теперь Быстроногая была невероятно истощена, мускулы у нее обмякли. Ее ноги подогнулись, приняв на себя удар лишь отчасти, и она упала на бок. Как оказалось, она не очень

ушиблась, но от удара у нее перехватило дыхание. Совершенно беспомощная, она лежала, судорожно хватая ртом воздух.

Красный Глаз бросился к ней. Запустив свои скрюченные пальцы в ее волосы, он выпрямился и с торжеством зарычал, бросая вызов испуганному Племени, которое глядело на него, сидя на деревьях. Тогда-то я и загорелся яростным гневом. Я забыл всякую осторожность, всякий страх за свою жизнь. Красный Глаз еще ревел и не двигался с места, как я наскочил на него сзади. Мой натиск был столь неожиданным, что Красный Глаз свалился с ног. Я обхватил его руками и ногами и изо всех сил прижимал к земле. Если бы Красный Глаз не держал одной рукой Быстроногую, все мои старания были бы, конечно, напрасны.

Тут, воодушевленный моей отвагой, неожиданно подоспел ко мне на помощь Скуластый. Он кинулся на Красный Глаз, вонзил ему в руку зубы и стал рвать и царапать лицо. Это был самый удобный момент, когда нас могло бы поддержать все Племя. Открывалась полная возможность покончить с Красным Глазом навсегда. Но Племя в страхе осталось сидеть на деревьях.

Было совершенно ясно, что Красный Глаз одолеет и меня и Скуластого. Если он на какое-то время замешкался, то только потому, что его движения связывала Быстроногая. Она уже пришла в себя и начала сопротивляться. Но Красный Глаз ни за что не хотел выпускать из руки ее волосы, и это мешало ему бороться с нами. Вдруг он схватил меня за плечо. Для меня это было началом конца. Он притягивал меня все ближе и ближе к себе, чтобы ему было удобно вцепиться зубами мне в горло. Пасть его была открыта и оскалена в злорадной усмешке. Словно бы только пробуя свою силу, он так сдавил и свихнул мне плечо, что я страдал от этого всю мою остальную жизнь.

И тут случилось нечто непредвиденное. Мы даже не сразу поняли, что произошло. На всех нас четверых рухнуло чье-то огромное тело. Мы кубарем покатались в разные стороны, перевернувшись раз десять и сразу же отпустив друг друга. В тот же миг Скуластый ужасающе вскрикнул. Я не осознавал, что творится, но почувствовал запах тигра и, прыгая на дерево, увидел мелькнувшую полосатую шкуру.

Это был старина Саблезубый. Шум, который мы подняли, потревожил его, он вышел из своего логова и потихоньку подкрался к нам, никем не замеченный. Быстроногая теперь была тоже на дереве, стоявшем рядом с моим, и я тотчас же прыгнул к ней. Снизу слышалось рычание и хруст костей. Это приступил к ужину Саблезубый, пожи-

рая Скуластого. С дальнего дерева, широко открыв свои воспаленные веки, смотрел на эту сцену Красный Глаз. Перед ним было чудовище, куда более сильное, чем он. Мы с Быстроногой повернулись и спокойно двинулись по деревьям к пещерам, в то время как Племя, не отходя от места происшествия, обрушило на своего извечного врага град оскорблений, веток и сучьев. Тот колотил хвостом по земле, рычал, но продолжал дожирать Скуластого.

Таким именно образом мы были спасены. Все произошло благодаря случайности, благодаря чистейшей случайности. Не будь этого и погибни я в лапах Красного Глаза, через тысячу столетий не родился бы тот, кто читает газеты, ездит в трамвае и — да-да! — пишет эту повесть о событиях древних, седых времен.

Глава семнадцатая

Это случилось ранней осенью, на следующий год. Вскоре после неудачи с Быстроногой Красный Глаз взял себе другую жену, и, как ни странно, она все еще была жива. Еще более странным ка-

залось то, что у них родился ребенок — первый ребенок Красного Глаза. Все прежние жены жили слишком недолго, чтобы у них могли родиться дети. Этот год прошел для всех нас благополучно. Погода стояла удивительно мягкая, еды было в изобилии. Помню, что особенно уродилась в этот год репа. Хорош был и урожай орехов, а дикая слива выдалась очень крупной и сладкой.

Словом, это был благодатный, золотой год. И тогда-то и нагрянула на нас беда. Дело происходило ранним утром, и мы были захвачены врасплох в наших пещерах. Мы проснулись при свете серой холодной зари, которая большинству Племени предвещала смерть. Нас с Быстроногой разбудил невероятный визг и лopotанье. Наша пещера была на утесе выше всех остальных, мы выползли из нее и посмотрели вниз. Все поле перед пещерами было заполнено Людьюми Огня. Их крики и вопли еще более усиливали всеобщий шум, но в действиях пришельцев чувствовался какой-то порядок и план, а у нас не было ничего подобного. У нас каждый защищал только сам себя и действовал лишь на собственный риск, и никому из Племени не приходило в голову, насколько ужасно было нависшее над нами бедствие.

Скоро Люди Огня плотной толпой подступили к подножию утеса, и мы принялись швырять в них камни. Первые же наши удары, должно быть, нанесли врагу урон, ибо когда Люди Огня откатились назад, трое из них остались лежать на земле. Они корчились в судорогах, а один даже пытался уползти. Но мы скоро прикончили их. Все наши мужчины уже рычали от ярости и засыпали этих раненых градом камней. Несколько Людей Огня вновь подбежали к утесу и хотели оттащить раненых в безопасное место, но наши камни прогнали их обратно.

Люди Огня пришли в бешенство. Но вместе с тем они не утратили осторожности. Несмотря на свои яростные вопли, они держались на значительном расстоянии от утеса и через несколько минут пустили в нас тучу стрел. Это положило конец метанию камней. Скоро полдюжины из нас были убиты, десятка два ранены, а все остальные укрылись в пещерах. Стрелы долетали и до моей высокой пещеры, но из-за дальности расстояния они уже утрачивали свою боевую силу, и Люди Огня перестали в меня стрелять. Однако я был любопытен. Мне не терпелось посмотреть, что будет дальше. Хотя Быстроногая, забившись в глубь пещеры, дрожала от страха и издавала горестные звуки, призывая меня к себе, я подполз к краю утеса и глянул вниз.

Сражение на время прекратилось. Оно как бы зашло в тупик. Мы сидели в своих пещерах, а Люди Огня раздумывали, как нас

оттуда выгнать. Броситься прямо к пещерам у них не хватало смелости, а мы не желали подставлять себя под их стрелы. Время от времени, когда кто-нибудь из них приближался к подножию утеса, у нас находился смельчак, который метал в него камень. В ответ на это летело с полдюжину стрел, и смельчак оказывался убитым. Эта хитрость удавалась им несколько раз, но в конце концов никто из Племена больше не поддавался на провокацию и не вылезал из пещеры. Тупик в сражении принял безнадежный характер.

Среди Людей Огня, в задних рядах, я рассмотрел высохшего старого охотника, который руководил всеми остальными. Те подчинялись ему и шли по его приказу куда угодно. Скоро группа посланных отправилась в лес и вернулась оттуда, притащив кучу хвороста, травы и листьев. Люди Огня подступили ближе к утесу. В то время как большинство пришельцев стояли на страже со своими луками и стрелами, готовые выстрелить в каждого из нас, кто только покажется из пещеры, часть их бросилась к нижним пещерам. Там, у самых входов, они кучами сложили хворост и сухую траву. Затем, поколдовав у этих куч, они вызвали чудовище, которого мы так боялись, — ОГОНЬ. Сначала появились и поползли вверх по утесу струйки дыма. Затем я увидел, как среди сучьев и ветвей, извиваясь, словно змеи, взметнулись красные языки пламени. Дым становился гуще и гуще, временами окутывая весь утес. Поскольку я сидел высоко, дым не очень меня беспокоил, хотя у меня щипало глаза и я тер их кулаками.

Первым был выкурен из пещеры старик Мозговитый. Легкий ветерок временами относил дым в сторону, и я мог ясно видеть, что происходило. Мозговитый прорвался через завесу дыма, ступил на раскаленные угли и, завизжав от внезапной боли, начал карабкаться вверх по утесу. Стрелы летели около него роем. Он приостановился на каком-то выступе, и чихал и мотал головой, явно задыхаясь. Он пошатывался, руки и ноги у него тряслись. В спине и боках торчали оперенные хвосты стрел, их было не меньше дюжины. Он был стар, и он не хотел умирать. Он раскачивался все сильнее, колени у него подгибались, и он все время жалобно всхлипывал. Потом, выпуская камень, руки его разжались, и он сорвался вниз. Его старые кости, надо думать, поломались все до одной. Он еще стонал и делал слабые попытки приподняться, но Люди Огня кинулись на него и размозжили ему голову.

Такова была участь, постигшая Мозговитого, и эту же участь разделили многие из Племена. Не в силах терпеть удушливый

дым, они выскакивали из пещер и падали, сраженные стрелами. Кое-кто из женщин с детьми оставались сидеть в пещерах и задохнулся от дыма, но большинство приняло смерть от стрел.

Очистив таким образом нижний ряд пещер, Люди Огня стали готовиться, чтобы повторить операцию, поднявшись выше. Пока они лезли по камням, подтаскивая сухую траву и хворост, выскочил из своей пещеры Красный Глаз. Вместе с ним была его жена, к груди которой крепко прижимался ребенок. Они молниеносно бросились вверх по утесу. Люди Огня, должно быть, считали, что пока они поджигают хворост, все мы будем спокойно сидеть в своих пещерах, и появление Красного Глаза застало их врасплох. Они еще не успели прицелиться и пустить свои стрелы, как Красный Глаз и его жена были уже высоко на утесе. Добравшись до вершины, Красный Глаз повернулся и стал бить себя в грудь кулаками. Люди Огня принялись стрелять в него, но он, избежав даже легкой раны, тут же скрылся из виду.

Я видел, как Люди Огня обкуривали третий ряд пещер, а потом и четвертый. Лишь немногие из Племени спаслись, взобравшись на утес, большинство было сражено стрелами при первой же попытке к бегству. Помню, как погиб Длинная Губа. С жалким плачем он добежал до того выступа, где находилась моя пещера; в спине у него торчал оперенный хвост стрелы, а из груди высовывался костяной наконечник — стрела насквозь пронзила его, когда он лез вверх по камням. Он упал навзничь около моей пещеры, залил весь вход кровью.

Приблизительно к этому времени самый верхний ряд пещер уже опустел: их обитатели вылезали один один за другим и карабкались вверх. Скоро на вершине утеса собрались все те, кого не задушил дым и не сразили стрелы. Многие из них нашли тут спасение. Люди Огня не могли перестрелять всех, у них не хватало времени. Стрелы тучей взвивались вверх, беглецы десятками летели с утеса на землю, но тем не менее кое-кто успел перелезть через гребень утеса и спастись от опасности.

Стремление бежать и скрыться владело мною теперь гораздо сильнее, чем любопытство. Стрелы уже не летели к вершине утеса, Люди Огня затихли. Казалось, все наше Племя исчезло, хотя, возможно, кое-кто еще прятался в верхних пещерах. Теперь на вершину утеса стали карабкаться мы с Быстроногой. Увидев нас, Люди Огня разразились громкими криками. Такое волнение вызвал отнюдь не я, его вызвала Быстроногая. Люди Огня возбужденно тараторили между собой и указывали на нее пальцами. Стрелять в нее они даже не

пытались. В нас не полетела ни одна стрела. Люди Огня начали мягко и ласково окликать Быстроногую. Я остановился и поглядел на нее. Вид у нее был испуганный, она плакала и убеждала меня спешить. Мы перевалили вершину и скоро скрылись в лесу.

Полный недоумения, я часто раздумывал над этим событием. Если Быстроногая действительно принадлежала к племени Людей Огня, то, вероятно, она когда-то в раннем детстве отбилась от них и уже не помнила своих сородичей, иначе она не испугалась бы их. С другой стороны, вполне может быть, что, принадлежа к их племени, она никогда и не отбивалась от Людей Огня; она могла родиться в диких лесах, вдали от их стойбищ, отцом ее мог оказаться какой-нибудь отщепенец из их же породы, а мать, возможно, была из нашего Племени. Все это было мне совершенно неизвестно, и Быстроногая знала об этом не больше, чем я.

Мы пережили ужасный день. Почти все те, кто уцелел от налета Людей Огня, бежали к черничным болотам и нашли приют в окрестных лесах. И целые сутки отряды Людей Огня рыскали по лесу, убивая моих соплеменников, как только их находили. Надо полагать, они действовали по заранее обдуманному плану. Расплодившись так, что их земли стали тесны, они решили завоевать наши. Но разве это можно назвать завоеванием? Силы были слишком неравны. Это была бойня, разнузданная бойня, ибо Люди Огня не щадили никого, убивая старого и малого, истребляя на нашей земле всех до единого.

Для нас это было как конец света. Мы мчались по деревьям, надеясь найти убежище хоть в лесу, но дело кончалось тем, что нас окружали со всех сторон и умерщвляли стрелами, семью за семьей. Мы с Быстроногой видели в тот день множество подобных сцен; сказать по правде, я стремился увидеть все своими глазами. Мы никогда не сидели долго на одном и том же дереве, вследствие этого Людям Огня не удавалось нас окружить. Но куда нам было деваться, куда идти, этого мы не знали. Казалось, Люди Огня вездесущи; упорно гоняясь за нашими сородичами и истребляя их, они могли появиться где угодно. Куда бы мы ни кидались, мы всюду наталкивались на них и всюду видели следы их деяний.

Я не знаю, что стало с моей матерью, но я видел, как был сбит стрелой с моего родного дерева Болтун. Боюсь, что в эту минуту я от радости начал трясти свое дерево. Прежде чем закончить эту часть моего повествования, я расскажу о Красном Глазе. Его настигли вместе с женой на дереве около болота, где росла черника. Мы с Быстроногой увидели это издали и приостановились

посмотреть, чем все кончится. Люди Огня были слишком заняты своим делом и не замечали нас, а, помимо того, мы старательно прятались в густой листве ветвей, на которых сидели.

Два десятка охотников стояли под деревом, посылая в него стрелы. Если стрелы падали обратно на землю, охотники тут же подбирали их. Красного Глаза я не видел, но все время слышал его рычание, несущееся откуда-то с дерева. Скоро это рычание стало звучать гораздо глуше. Вероятно, Красный Глаз нашел в дереве дупло и залез в него. Но его жене найти подобное убежище не удалось. Стрела сбила ее наземь. Она была тяжело ранена и даже не пыталась вскочить на ноги и скрыться. Корчась и пугливо пригибая голову, она держала на груди прижимавшегося к ней ребенка, стонала и делала умоляющие знаки Людям Огня. Те окружили ее и принялись хохотать — точно так, как мы с Вислоухим хохотали когда-то над стариком из Лесной Орды. И точно так же, как тыкали и кололи его ветками и палками мы, кололи и тыкали жену Красного Глаза люди Огня. Они кололи ее кончиками своих луков, всовывая их женщине между ребер. Но такая забава доставила охотникам не так уж много удовольствия. Дело в том, что женщина не сопротивлялась. Она даже не злилась; склонясь над своим детенышем, она сидела и по-прежнему жалобно хныкала, моля пощады. Вдруг один из Людей Огня с решительным видом шагнул к ней. В руках у него была дубинка. Женщина подняла глаза, понимая, что все это значит, но она лишь умоляюще застонала и не двинулась с места, пока на нее не обрушился удар.

А Красный Глаз сидел в дупле, и его нельзя было достать никакими стрелами. Охотники стали в кружок и некоторое время совещались, затем один из них влез на дерево. Что произошло на дереве, я не могу сказать, но я слышал, как завопил охотник, и видел, как встревожились Люди Огня внизу. Прошло несколько минут, и охотник вниз головой свалился с дерева на землю. Он лежал, не подавая признаков жизни. Люди Огня посмотрели на него и приподняли ему голову, но голова снова бессильно упала, как только они выпустили ее из рук. Красный Глаз сводил счеты.

Люди Огня были очень рассержены. В стволе дерева, лишь на дюйм от земли, виднелось отверстие. Охотники сложили тут груды сучьев и сухой травы и разожгли костер. Крепко обнявшись, мы с Быстроногой сидели в своем укрытии и ждали, чем кончится эта борьба. Время от времени Люди Огня бросали в костер совершенно сырые, зеленые ветви, и тогда дым поднимался необычайно густыми, черными клубами.

И вдруг мы увидели, как охотники поспешно отскочили от дерева. Но все же они сделали это недостаточно быстро. Грузное тело Красного Глаза рухнуло прямо на них. Красный Глаз был в невероятной ярости и размахивал своими чудовищными длинными руками направо и налево. Одному охотнику он снес лицо — буквально снес своими шишковатыми железными пальцами. Другого он ударил по шее. Дико завопив, Люди Огня сначала отступили, а потом бросились на него. Красный Глаз схватил дубинку и начал разбивать им головы, как яичную скорлупу. Справиться с таким чудовищем Людям Огня было явно не под силу, им снова пришлось отступить. Красный Глаз увидел, что упускать подобный момент нельзя: он повернулся и бросился бежать. Несколько стрел полетело ему вслед, но он нырнул в чащу и тут же исчез.

Соблюдая крайнюю осторожность, мы с Быстроногой ушли по деревьям в другую сторону, но и тут наткнулись на новый отряд охотников. Они загнали нас на черничное болото, но мы прошли через трясину по тропам, которых они не знали, и таким образом скрылись от них. Мы пересекли трясину и оказались на узкой лесной полосе, отделявшей черничное болото от обширных топей, простиравшихся далеко на запад. Тут-то мы и встретились с Вислоухим. Как он спасся, не могу себе представить, разве только благодаря тому, что не ночевал предыдущую ночь в пещерах.

Здесь, на узкой лесной полосе, мы могли бы построить гнезда на деревьях и прочно обосноваться, но Люди Огня продолжали упорно преследовать Племя и истреблять его. К вечеру выбежали и промчались мимо нас Волосатый с женой. Они бежали очень торопливо, лица у них были встревоженные. С той стороны, откуда они бежали, к нам донеслись воинственные крики охотников и вопли кого-то из Племени. Люди Огня нашли-таки дорогу через трясину.

Быстроногая, Вислоухий и я бросились бежать за Волосатым и его женой. Выбежав к краю великих болот, мы остановились. Мы не знали тут ни одной тропы. Эти места были далеко за пределами наших владений, и Племя всегда избегало заходить сюда. Во всяком случае, я не знал никого, кто побывал бы здесь и вернулся. В наших глазах эти болота были чем-то таинственным и страшным — страшным своей неизвестностью. Как я сказал, мы остановились у края болота. Мы дрожали от страха. Крики Людей Огня слышались все ближе и ближе. Мы посмотрели друг на друга. Волосатый вступил в зыбкую жижу и ярдах в двенадцати от берега нащупал ногами твердую кочку. Жена его оказалась не столь сме-

лой. Она попробовала было войти в болото, но, коснувшись его предательской поверхности, отпрянула назад и боязливо сжалась.

Быстроногая даже не думала меня ждать, она кинулась вперед и, обогнав Волосатого ярдов на сто, нашла еще одну большую кочку. К тому времени, когда мы с Вислоухим оказались рядом с ней, из-за деревьев выскочили Люди Огня. Увидя их, жена Волосатого в ужасе метнулась вслед за нами. Но она бежала наугад, не выбирая места, и через несколько шагов провалилась по пояс. Оглянувшись назад, мы увидели, как охотники пускали в нее стрелу за стрелой, а она медленно погружалась в трясину. Теперь стрелы начали падать около нас. Мы собрались вместе, все четверо, и двинулись вперед, сами не зная куда, шагая по болоту все дальше и дальше.

Глава восемнадцатая

Ясного представления о наших блужданиях по великим болотам у меня нет. Когда я вспоминаю о наших блужданиях, в памяти всплывают разные картины, но установить какие-либо границы

во времени я не могу. Я не знаю, как долго мы бродили в тех проклятых местах, но, вероятно, целые недели. Мои воспоминания о том, что тогда происходило, неизменно переходят в жуткий кошмар. Сквозь тьму бесчисленных веков, подавленный первобытным страхом, я вижу, как мы без конца блуждаем по зыбкой, промозглой трясине, пропитанной водой, на нас бросаются ядовитые змеи, рычат поблизости прожорливые звери, под нами колышется и зыблется, засасывая ноги, тинистая, вязкая почва.

Помню, что мы то и дело сворачивали со своего пути из-за встречных потоков, озер и обширных топей. Помню бури и дождь и сплошь залитые водой громадные низины; помню дни горьких невзгод и невыносимого голода, когда поднявшиеся воды загоняли нас на деревья и мы надолго оказывались там пленниками.

Ярко встает передо мной следующая картина. Мы стоим у огромных деревьев, с ветвей свисают волокна седого мха, а ползучие растения, словно чудовищные змеи, выются по стволам, причудливо переплетаясь в воздухе. Всюду вокруг нас топь, затянутая грязной жижицей топь: она пузырится от газов и, пыхтя и вздыхая, ходит мерными валами. И среди этой вонючей топи мы, нас около дюжины. Мы невероятно исхудали, до крайности измождены, кожа плотно обтягивает наши кости. Мы не поем, не болтаем, не смеемся. Мы забыли о шутках и проказах. Наш беспечный и бодрый дух на этот раз беспримерно подавлен и побежден. Мы издаем какие-то жалобные тягучие звуки, переглядываемся и теснсе жмемся друг к другу. Мы похожи на кучку жалких существ, переживших конец света и встретившихся на другой день после его гибели.

Эта сцена видится мне без всякой связи с другими событиями, происшедшими на болотах. Не приложу ума, как нам удалось преодолеть страшные топи, но в конце концов мы выбрались к гряде небольших холмов, спускающихся к реке. Это была наша река; она выходила из великих болот, как теперь вышли из них и мы. На южном берегу, где река пробивала свой путь между холмами в крутояре, сложенном из песчаника, мы обнаружили множество пещер. Вдали на западе, перекатываясь через отмель в устье реки, гудел морской прибой. Здесь-то в пещерах, по соседству с морем, мы и обосновались.

Нас было очень немного. Потом к нам начали приходить и присоединяться те из Племени, кому удалось спастись. Они выбирались из болот поодиночке, по двое и по трое, гораздо более похожие на мертвецов, чем на живых, настоящие ходячие скелеты.

В конце концов в пещерах собралось тридцать соплеменников. После этого уже никто из болот не появлялся. Красного Глаза среди нас не было. Не было среди нас и детей — такого мучительного пути не перенес ни один ребенок.

Я не стану подробно рассказывать о нашем житье в пещерах у моря. Это стойбище оказалось не из счастливых. Тут было сыро и холодно, и мы постоянно кашляли и страдали от простуды. Долго жить в такой местности мы не могли. Правда, у нас рождались дети, но они хирели и умирали — умерших у нас вообще было больше, чем народившихся. Нас становилось все меньше и меньше.

Помимо всего прочего, пагубно отразилась на нас резкая перемена в пище. Овощей и плодов мы собирали мало, ели главным образом рыбу. Там было множество моллюсков, устриц, двухстворчатых раковин и больших морских крабов, выбрасываемых штормом на берег. Мы нашли, кроме того, несколько видов морских водорослей, очень хороших на вкус. Но перемена в пище вызвала у нас желудочные заболевания, никто из нас не мог по-настоящему пополнить. Все мы были худые и нездоровые на вид. Вылавливая на отмели громадных моллюсков-абалонов, погиб Вислоухий. Абалон защемил ему пальцы и продержал его до тех пор, пока не начался прилив. Вислоухий утонул. Мы нашли его тело на следующий день; это был для нас тяжелый урок. Никто из нас уже не совал больше рук в защелкивающуюся раковину абалона.

У нас с Быстроногой родился ребенок, мальчик, и мы выхаживали его в течение нескольких лет. Но я твердо знаю, что, не уйди мы в другие места, он никак не перенес бы того ужасного климата. А затем вновь появились Люди Огня. Они приплыли к нам по реке — и не на катамаране, а в грубом долбленном челноке. Гребцов в челноке было трое, и один из них — высохший от старости низкорослый охотник. Они причалили к нашему берегу, и старик, прихрамывая, поднялся по песчаному откосу и пристально оглядел наши пещеры.

Через несколько минут Люди Огня уплыли, но Быстроногая никак не могла оправиться от страшного испуга. Мы перепугались все, но никто не был взволнован в такой мере, как Быстроногая. Она хныкала и рыдала, не находя себе покоя всю ночь. Утром она взяла ребенка на руки и, громко крича и жестикулируя, заставила меня пуститься во второе великое странствование. В пещерах теперь оставались лишь восемь мужчин и женщин — последние наследники Племени. Да и их будущее было безнадежным. Если бы Люди Огня даже не вернулись, все равно они скоро бы погибли.

Слишком вреден был климат в тех местах. Наше Племя к жизни у моря было совершенно не приспособлено.

Мы с Быстроногой двинулись на юг, все время огибая великие болота и ни разу не рискуя в них углубиться. Однажды мы повернули к западу, перевалили гряду гор и вышли на побережье. Но обосноваться там было немыслимо. Там совсем не было леса — лишь унылые голые откосы и скалы, гремящий прибой и упорный сильный ветер, который, казалось, никогда не затихал. Мы отступили снова в горы, пересекли их и, держа путь на восток и юг, опять оказались у великих болот.

Скоро мы достигли южной окраины болот и пошли оттуда напрямик на юго-восток. Перед нами открылись прекрасные места. Было очень тепло, снова вокруг нас шумел густой лес. Потом мы, пройдя невысокую цепь холмов, очутились в чудесной земле — это была поистине Страна Лесов. Чем дальше мы уходили от морского берега, тем мягче и теплее становился воздух; мы шли и шли, пока перед нами не блеснула большая река — Быстроногой она была, по-видимому, знакома. Должно быть, именно здесь провела Быстроногая те четыре года, в течение которых ее не было в Племени. Мы переплыли реку на бревнах и вышли на берег у подножия громадного утеса. Высоко на утесе мы нашли себе новое жилище — почти недоступную и невидимую снизу пещеру.

Теперь мне остается рассказать немного. Мы с Быстроногой жили в этой пещере и выхаживали своих детей. И на этом обрываются все мои воспоминания. Мы уже никуда больше не переселялись. Ни разу мне не снились иные места, кроме нашей высокой, недоступной пещеры. И здесь, надо думать, родился ребенок, унаследовавший первоисточник моих снов и таким образом впитавший в себя все впечатления моей жизни или, вернее, жизни Большого Зуба, моего второго «я» — ведь хотя он и не является моим истинным, реальным «я», он реален для меня настолько, что я не в силах сказать, в каком же именно веке я живу.

Я часто изумляюсь, раздумывая над этой наследственной связью, над этим родством. Я, современный и реальный, являюсь, безусловно, человеком, но я, Большой Зуб, житель первобытных лесов, не человек. В какой-то точке, если проследить прямую линию моих предков и пращуров, эти два «я» моей раздвоенной личности соединяются. Было ли Племя, все мои соплеменники, прежде чем их истребили, — были ли они на пути превращения в человека? И прошел ли через этот процесс я сам и мои близкие родичи? С

другой стороны, разве не могло случиться так, что кое-кто из моих потомков присоединился в Людям Огня и стал одним из них? Всего этого я не знаю. И нет никакой возможности это узнать. Несомненно только одно: Большой Зуб внедрил в мозг одного из потомков все события своей жизни, и они запечатлелись там столь неизгладимо, что бесчисленные поколения не могли их стереть.

Есть еще одна вещь, о которой я должен упомянуть, прежде, чем кончу повесть. Мне часто снится этот сон, а реальные события имели место, должно быть, в то время, когда я жил в той же высокой, труднодоступной пещере. Помню, я шел к югу по дремучим дебрям. Тут я наткнулся на Лесную Орду. Затаясь в чаще, я стал следить, как эти дикари играли. Их было тут целое собище, они хохотали, прыгали и пританцовывали, напевая хором какую-то визгливую примитивную песню.

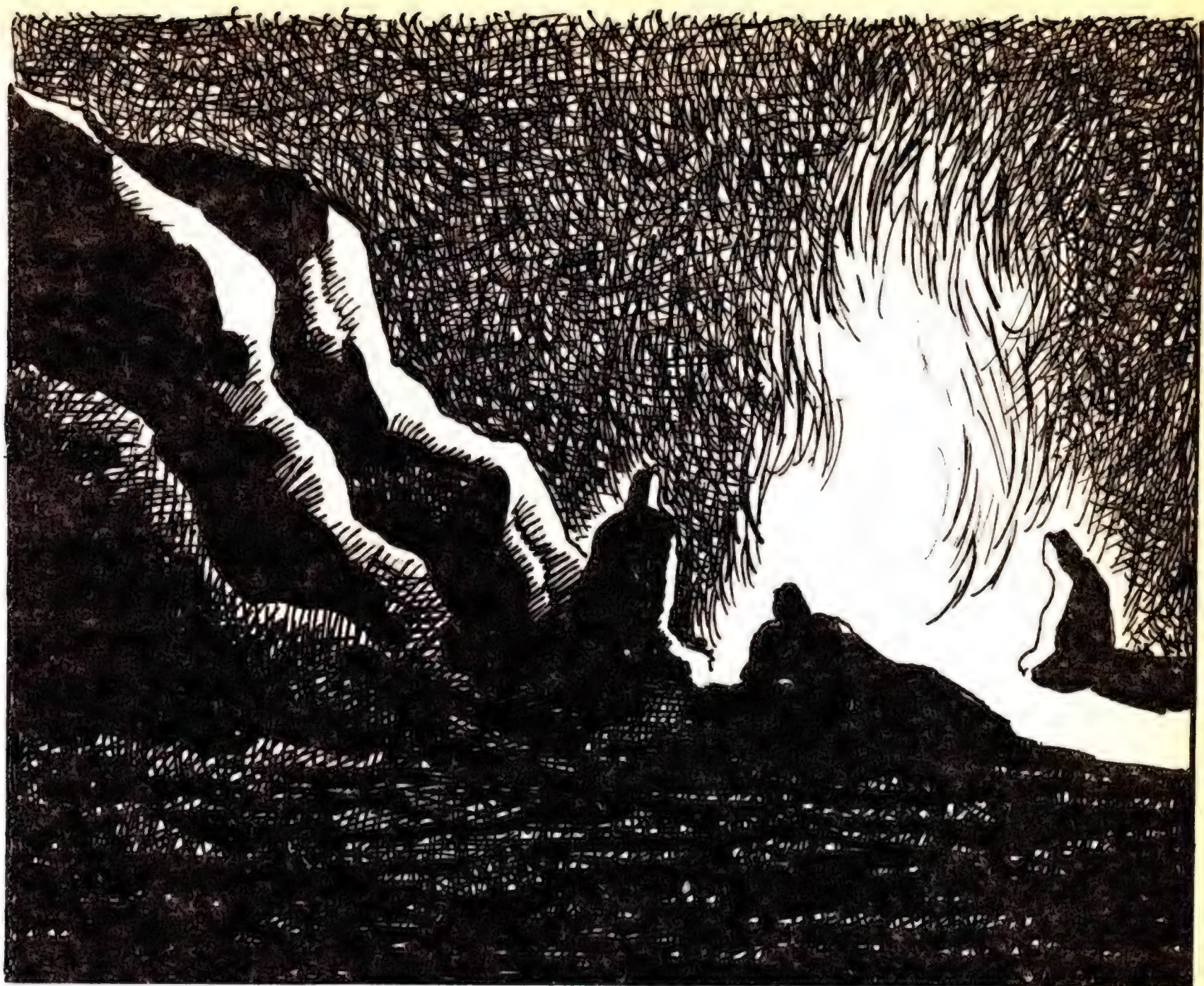
Вдруг они смолкли и прекратили свои прыжки и пляски. Съежась и бросая тревожные взгляды по сторонам, они пятились и словно бы хотели броситься прочь. В эту минуту в их толпе появился Красный Глаз. Все трусливо уступали ему дорогу. У всех на лицах был написан страх. Но он и не пытался кого-нибудь задеть или обидеть. Он был один из них — он породнился с Лесною Ордою. Следом за ним, раскачиваясь на своих согнутых жилистых ногах и для равновесия опираясь костяшками пальцами обеих рук о землю, шла старая самка Лесной Орды — его нынешняя жена. Он сел посреди круга. Я вижу его и теперь, когда пишу эти строки, вижу, как он хмуро уставился своими воспаленными глазами на Лесную Орду, робко расступавшуюся перед ним. И, не вставая с места, он вдруг задирает свою чудовищную ногу и кривыми цепкими пальцами чешет себе живот. Ведь это же Красный Глаз, само воплощение атавизма.

ДЖЕК ЛОНДОН

Сила сильных

Притчи не лгут, но лгуны говорят притчами.

Лип-Кинг

Длиннобородый умолк, облизал сальные пальцы и вытер их о колени, едва прикрытые потрепанной медвежьей шкурой. Около старика на корточках сидели трое парней, его внуки: Быстроногий Олень, Желтоголовый и Боящийся Темноты. Они были похожи друг на друга — худые, нескладные, узкобедрые, кривоногие и в то же время широкие в груди, тяжелоплечие, с огромными руками; на всех троих болтались шкуры каких-то диких зверей. Грудь, плечи, руки и ноги обросли густой растительностью. Спутанные волосы на голове, по-птичьи блестящие глаза. Сходство дополняли узкие лбы, широкие скулы и тяжелые, выдвинутые вперед подбородки.

Ночь стояла такая звездная, что видно было, как гряда за грядой тянулись, покуда хватал глаз, покрытые лесами холмы. Где-то далеко плясали на небе отсветы извергающегося вулкана. Позади людей чернело отверстие пещеры — оттуда тянуло холодом. Подле ярко пылающего костра лежали остатки медвежьей туши, а на приличном расстоянии припали к земле огромные, косматые, вол-

чьего обличья; псы. Под рукой у каждого из сидевших вокруг костра были лук, стрелы и увесистая дубинка. Прислоненные к скале у входа в пещеру стояли грубые копья.

— Вот так мы и покинули пещеры и стали жить на деревьях, — снова заговорил Длиннобородый.

Внуки неудержимо, по-детски рассмеялись над только что услышанным рассказом. Хохотнул и Длиннобородый, и пятидюймовая костяная игла, продетая сквозь хрящ в носу, нелепо затряслась, запрыгала, придавая его физиономии еще большую свирепость. Старик не произнес этих слов, но животные звуки, которые он издал губами, обозначали то же самое.

— Это первое, что я помню о Приморской Долине, — продолжал Длиннобородый. — Да, мы были глупы. Мы не знали, в чем секрет силы. Ведь каждая семья жила сама по себе и заботилась только о себе. Тридцать семей в племени, а силы нашей не прибывало. Мы боялись друг друга, не ходили в гости. Мы построили шалаши на деревьях, а снаружи, у входа, держали груды камней, которыми встречали тех, кто приходил к нам. К тому же у нас были копья и стрелы. Никто не осмеливался пройти под деревом, принадлежащим чужой семье. Мой брат как-то сделал это, и старый Бу-уг проломил ему череп, и брат умер.

Бу-уг был очень сильный. Говорят, что он мог оторвать человеку голову. Я не слышал, чтобы он оторвал кому-нибудь голову, потому что все боялись его и прятались подальше. И отец мой боялся. Однажды, когда отец был на берегу, Бу-уг погнался за матерью. Она не могла бежать быстро, потому что накануне в горах, где собирали ягоды, медведь порвал ей ногу. Бу-уг поймал ее и потащил себе на дерево. Отец не решился сделать так, чтобы она вернулась. Он испугался Бу-уга. А тот сидел на дереве и корчил ему рожи.

Отец не очень горевал. Жил среди нас еще один сильный человек, Крепкая Рука. Он умел хорошо ловить рыбу. Как-то Крепкая Рука полез за птичьими яйцами и сорвался с утеса. После этого он потерял свою силу. Стал подолгу кашлять, спина у него согнулась. Тогда отец взял жену Крепкой Руки. Тот пришел к нам под дерево и кашлял, а отец смеялся и бросал в него камнями. Таковы были обычаи в те времена. Мы не знали, как соединить нашу силу и сделаться по-настоящему сильными.

— Неужели и брат отнимал жену у брата? — подивился Быстроногий Олень.

— Да, отнимал, когда решал жить отдельно, на собственном дереве.

— А у нас так не делается, — сказал Боящийся Темноты.

— Потому что я научил кое-чему ваших отцов. — Длиннобородый засунул волосатую руку в медвежью тушу, вытащил пригоршню нутряного сала и стал задумчиво сосать его. Потом обтер пальцы и продолжал: — То, о чем я рассказываю, происходило очень давно, когда мы не все понимали.

— Нужно быть глупцом, чтобы не все понимать, — заметил Быстроногий Олень.

И Желтоголовый одобрительно заворчал.

— Верно, я расскажу, как потом мы стали еще большими глупцами. И все-таки в конце концов мы кое-чему научились. Вот как это случилось.

Мы, рыбоеды, не умели тогда соединять нашу силу так, чтобы сила племени была силой всех нас. А вот за перевалом, в Большой Долине, жили мясоеды. Они стояли друг за друга, вместе охотились, ловили рыбу, вместе воевали. И вот они пошли на нас. Каждая семья забилась в свою пещеру, попряталась на деревьях. Мясоедов было всего десять человек, но они сражались вместе, а мы каждый за себя.

Длиннобородый долго и старательно считал на пальцах.

— У нас было шестьдесят человек, — объяснил он наконец жестами и звуками. — Мы были сильны, но не знали этого. Мы видели, как мясоеды карабкались на дерево Бу-уга. Он хорошо дрался, но что он мог сделать в одиночку? Ведь остальные просто смотрели. Когда несколько мясоедов полезли на дерево, Бу-уг вынужден был высунуться из шалаша, чтоб сбросить на них камни. Другие только этого и ждали: засыпали его стрелами. Так пришел конец Бу-угу.

Потом мясоеды принялись за Одноглазого, который вместе с семьей забился в пещеру. Они разложили у входа костер и стали выкуривать их точно так же, как мы сегодня выкурили из берлоги медведя. Потом мясоеды побежали к дереву Шестилапого, и пока они расправлялись с ним и с его взрослым сыном, мы кинулись прочь. Но мясоеды поймали нескольких наших женщин, убили двух стариков, которые не могли бежать быстро, и кое-кого из детей. Женщин они увели с собой, в Большую Долину.

Когда те, кто уцелел, вернулись, решено было созвать совет. Так решили, наверное, потому, что все были напуганы и поняли,

как нужны друг другу. Да, мы держали совет, наш первый настоящий совет. И на том совете договорились создать племя. Урок пошел нам на пользу. Каждый из десяти мясоедов сражался за десятерых, потому что все десять сражались заодно. Они соединили свои силы. А у нас тридцать семей — шестьдесят человек — обладали силой одного человека, потому что каждый сражался в одиночку.

Мы совещались долго, нам было трудно договориться, ибо мы не пользовались словами, как теперь. Потом, много лет спустя, человек по имени Гнида придумал несколько слов, потом другие тоже. Но в конце концов мы все-таки договорились соединить наши силы и быть заодно, когда мясоеды снова надумают придти из-за перевала и похитить наших женщин. Так было создано племя.

Мы поставили двух мужчин поочередно днем и ночью дежурить на перевале, чтобы предупредить нас, если придут мясоеды. Они стали глазами племени. Кроме того, племя назначило десять человек, которые должны были иметь при себе дубинки, копья и стрелы и быть готовыми отразить нападение. Прежде, отправляясь ловить рыбу, собирать моллюсков или птичьи яйца, человек брал с собой оружие. Половину времени он собирал пищу, а половину следил, как бы на него не напал кто-нибудь. Теперь дела пошли по-иному. Мужчины уходили без оружия, чтобы без опаски, не отвлекаясь, добывать пищу. Когда в горы за кореньями или ягодами отправлялись женщины, их сопровождали пять воинов. А на перевале дни и ночи напролет глаза племени следили за врагом.

Но потом начались раздоры. И как всегда, из-за женщин. Холостые мужчины пытались отнять чужих жен, и часто случались драки — то разmozжат кому-нибудь голову, то проткнут копьем. Пока один из стражей дежурил на перевале, у него похитили жену, и он прибежал, чтобы отбить ее. За ним пришел и второй страж, опасаясь за свою жену. Произошла ссора и среди тех десяти воинов, которые всегда носили при себе оружие; разделившись пополам, они сражались друг с другом, пока пятеро из них под натиском соперников не отступили к берегу.

Так племя лишилось глаз воинов. У нас уже не было силы шестидесяти человек. У нас совсем не было силы. Тогда мы еще раз созвали совет и установили первые законы. Я в то время был юнцом, но я помню. Мы порешили, что не должны сражаться между собой, если хотим быть сильными, и что племя будет сурово расправляться с тем, кто убьет человека. По другому закону племя получало право сурово карать того, кто похитит чужую же-

ну. Мы установили, что, если человек, обладающий большой силой, обижает братьев по племени, остальные обязаны лишить его силы. Если позволить ему, пользуясь силой, обижать других, то людей охватит страх, и племя распадется, и мы снова станем такими же слабыми, как в первое нашествие мясоедов, когда убили Бу-уга.

Жил среди нас сильный человек по имени Голень, очень сильный человек, который не признавал закона. Он полагался только на свою силу и потому забрал жену у Трехстворчатой Раковины. Тот стал было драться, но Голень раздробил ему череп. Однако Голень забыл, что, решив соблюдать закон, люди соединили свои силы, и племя убило его, а тело повесили на суке его собственного дерева в знак того, что закон сильнее любого человека. Мы все были законом, и нет никого, кто был бы могущественнее закона.

Случались и иные беспорядки, ибо знайте, о Быстроногий Олень, Желтоголовый и Боящийся Темноты, — нелегко создать племя. И было много всяких споров, порой мелочей, которые следовало уладить. А чего стоило собрать всех на совет! Мы совещались утром и днем, вечером и ночью. У нас не оставалось времени добывать пищу, потому что вечно возникали какие-нибудь дела: то назначить на перевал новых стражей, то решить, какую долю добычи отдать тем, кто всегда носил при себе оружие и не мог поэтому добывать пищу.

Чтобы все уладилось, нужен был старший, который стал бы голосом совета и отчитывался перед ним. Мы выбрали Фит-фита. Он был сильный и хитрый, а когда сердился, делал ртом «фит-фит», словно дикая кошка.

Тем десяти, которые охраняли племя, поручили навалить стену из камней в самой узкой части долины. Им помогали женщины, подростки и даже мужчины, пока стена не стала совсем крепкой. Люди покинули свои пещеры, спустились с деревьев и построили хижины под прикрытием стены. Большие хижины удобнее, чем пещеры и шалаши на деревьях, и жить стало лучше, ибо все соединили свои силы и образовали племя. Благодаря стене, воинами и стражам у племени оставалось больше времени охотиться, ловить рыбу, собирать коренья и ягоды. Было вдоволь хорошей пищи, никто не голодал. А Трехногий — его прозвали так потому, что в детстве ему перебили ноги и он ковылял с палкой, — так вот, Трехногий набрал семян дикой кукурузы и посеял их возле дома в долине. Потом он посадил корнеплоды и всякие другие растения, которые нашел в горах.

Благодаря построенной нами стене, нашим воинам и стражам мы чувствовали себя в Приморской Долине в полной безопасности, и никто не дрался из-за еды, потому что ее хватало на всех. К нам стали приходить целыми семьями из других племен в соседних долинах, а также из-за гор, где люди жили, как животные. И вскорости в Приморской Долине поселилось так много народу, что не сосчитать семей. Но еще до того кто-то надумал поделить землю, которая прежде была общей и принадлежала всем. Пример показал Трехногий, когда посадил кукурузу. Большинство, однако, не заботилось о земле. Мы считали глупым ограждать камнями участки. Пищи было вдоволь, а что еще человеку нужно? Помню, как мы с отцом делали ограду для Трехногого, и он дал нам взамен кукурузы.

Так и получилось, что землю захватили немногие, и больше всех Трехногий. Некоторым очень хотелось получить участки, и те, у кого была земля, отдавали ее за кукурузу, вкусные коренья, медвежьи шкуры и рыбу, которую землевладельцы выменивали у рыбаков. Словом, не успели мы оглянуться, как свободной земли не осталось.

В то приблизительно время умер Фит-фит, и вождем выбрали его сына, Собачьего Клыка. Он сам потребовал, чтобы его сделали вождем. Он даже считал себя более мудрым вождем, чем отец. И в самом деле, поначалу он был хорошим вождем, много старался, так что совету постепенно нечего стало делать. Тут выплыл еще один, Кривогубый, и стал важным человеком в Приморской Долине. Мы никогда не замечали за ним каких-нибудь особых достоинств, пока он не объявил, что умеет разговаривать с тенями умерших. После мы прозвали его Жирным, потому что он не работал, много ел и стал большим и толстым. Жирный объявил, что только ему ведомы тайны смерти, что он слышит голос бога. Он заделался дружкой Собачьего Клыка, и тот приказал построить Жирному большую хижину. Жирный наложил на хижину табу и держал там бога.

Собачий Клык понемногу прибирал к рукам дела совета, а когда в племени стали роптать, угрожая, что назначат другого вождя, Жирный посоветовался с богом и сказал, будто это противно воле божьей. Вождя поддерживал Трехногий и другие владельцы земли. Они подговорили самого сильного в совете, Морского Льва, и втихомолку дали ему земли, множество медвежьих шкур и несколько корзин кукурузы. И тогда Морской Лев сказал, что устами Жирного глаголет бог и что мы должны ему подчиниться. Скоро Морского Льва назначили помощником Собачьего Клыка, и он говорил от имени вождя.

А еще был в племени Пустой Живот, низенький и такой тонкий посредине, как будто никогда не ел досыта. В устье реки, там, где отмель гасила волны, он устроил большую вершу. Никто до него не додумался ловить рыбу вершей. Он делал ее несколько недель подряд, ему помогали жена и дети, а мы потешались над его затеей. Но когда все было готово, он в первый же день наловил столько рыбы, сколько не удавалось целому племени за неделю, и мы веселились такой удаче. На реке оказалось другое подходящее для верши место, и мы с отцом и еще человек десять решили последовать примеру Пустого Живота. Но из большой хижины, выстроенной для Собачьего Клыка, прибежали стражники. Они принялись колоть нас копьями и приказали убираться вон, потому что Пустой Живот по разрешению Морского Льва, который был подголоском Собачьего Клыка, сам задумал поставить там вершу.

Поднялся ропот, и мой отец потребовал собрать совет. Но когда он поднялся, чтобы говорить, Морской Лев проткнул ему горло копьем, и отец умер. А Собачий Клык, Пустой Живот, Трехногий и все, кто владел землей, сказали, что так надо. Жирный поддакнул: такова, дескать, воля господня. После этого люди боялись говорить в совете, и совет распался.

А был такой — звали его Свиное Рыло, — который надумал разводить коз. Он узнал, что так делают мясоседы, и скоро козы ходили у него стадами. Те, у кого не было ни земли, ни вершей, нанимались к Свиному Рылу, чтобы заработать на еду, — они ходили за козами, охраняли их от волков и тигров, гоняли на пастбища в горы. За это он давал им козлинное мясо и шкуры прикрывать тело, а они нередко меняли козлятину на рыбу, кукурузу и корни.

В то время как раз и появились деньги. Выдумал их Морской Лев, посоветовавшись с Собачьим Клыком и Жирным. Дело в том, что эта троица имела долю во всем, что добывалось в Приморской Долине. Из каждой трех корзин кукурузы, одну отдавали им. То же самое с рыбой и козами. Они кормили воинов и стражей, а остальное забирали себе. Иногда после большого улова они не знали, что делать со своей долей. И вот Морской Лев заставил женщин изготавливать из ракушек деньги — маленькие круглые пластинки, гладкие, красивые с отверстием посередине. Пластинки нанизывали на нитки, и эти нитки стали называть деньгами.

За одну нитку давали тридцать или сорок рыб, а женщинам, которые делали по нитке в день, давали по две рыбины каждой

из доли Собачьего Клыка, Жирного и Морского Льва, которую они не могли съесть. Поэтому они сказали Трехногому и другим землевладельцам, что будут брать свою долю кукурузы и корнеплодов деньгами; Пустому Животу тоже сказали, что долю рыбы будут брать деньгами, а Свиному Рылу сказали, что будут брать свою долю коз и сыра деньгами. Так получилось, что человек, у которого ничего не было, вынужден был работать на того, кто чем-то владел, и ему платили деньгами. На них он покупал кукурузу, рыбу, мясо, и сыр. А Трехногий и другие богатеи давали Собачьему Клыку, Морскому Льву и Жирному их долю деньгами. Эти трое платили деньги воинам и стражам, а те на деньги покупали еду. А поскольку деньги были дешевы, Собачий Клык многих сделал своими воинами. Деньги нетрудно было изготовить, и некоторые попытались сами делать пластинки из раковин. Но стражники били их копьями и засыпали стрелами, утверждая, что те, кто делает деньги, стараются расколоть племя, подорвать его могущество. А подрывать могущество племени нельзя, ибо тогда придут из-за гор мясоеды и всех перебьют.

Жирный толковал волю бога, но потом он призвал Сломанное Ребро и сделал его жрецом, чтобы тот толковал его, Жирного, собственную волю и держал вместо него речи. И оба заставили других служить им. Так же поступил и Пустой Живот, и Трехногий, и Свиное Рыло — подле их хижин постоянно валялись на солнышке какие-то бездельники, которых они посылали с разными поручениями. Таким образом, все больше и больше людей отрывали от работы, а остальным приходилось трудиться тяжелее, чем прежде. Оказалось, что иные не хотят работать и ищут способа, как заставить других работать на них. Один, по прозвищу Кривой, нашел такой способ. Он первым приготовил из кукурузы огненный напиток. И после он уже не работал, так как втихомолку сговорился с Собачьим Клыком, Жирным и другими хозяевами, что он будет единственным, кому разрешено делать огненный напиток. Но Кривой сам-то ничего не делал. За него работали другие, а он платил им деньги. Потом он продавал напиток, и люди охотно покупали. А сколько ниток денег он передал Собачьему Клыку, Морскому Льву и прочим — не счесть!

Когда Собачий Клык решил взять вторую жену, а потом и третью, его, конечно, поддержали Жирный и Сломанное Ребро. Они сказали, что Собачий Клык не такой, как все, и что над ним — только бог, которого Жирный прятал в своем закрытом доме.

Собачий Клык подтвердил их слова и сказал, что хотел бы знать, кто недоволен тем, что у него много жен. И еще Собачьему Клыку сделали большую лодку, и ради этого он оторвал много людей от работы: они подолгу болтались без дела, и лишь когда он решал выехать на лодке, садились за весла. Кроме того, он назначил Тигриную Морду начальником над стражниками, и тот стал правой рукой вождя и убивал людей, которые пришлись вождю не по сердцу. Тигриная Морда, в свою очередь, назначил себе помощника, и тот стал правой рукой начальника и убивал людей, которые пришлись начальнику не по сердцу.

И вот что странно: чем тяжелее становилась работа, тем меньше мы получали еды.

— Однако у вас были козы и кукуруза, корнеплоды и верши для рыбы, — возразил Боящийся Темноты. — Вы работали и не могли добыть себе пищу?

— Почему же, конечно, могли, — согласился Длиннобородый. — Три человека ловили вершей больше рыбы, чем все племя прежде, когда мы не знали вершей. Но разве я не сказал вам, что мы были глупцами? Чем больше пищи мы научились добывать, тем меньше мы ели.

— И вы не понимали, что все поедали те, кто не работал? — спросил Желтоголовый.

Длиннобородый печально покачал головой.

— Собаки у вождя отяжелели от мяса, и люди, которые не работали и валялись на солнце, заплыли жиром, в то время как маленькие дети плакали от голода и не могли уснуть.

Подавленный страшной картиной голода, Быстроногий Олень оторвал от туши кусок мяса и, наколов на палку, обжарил его на углях. С аппетитом, громко причмокивая, он съел мясо. Длиннобородый продолжал:

— Когда мы начали роптать, вставал Жирный и говорил, будто бог повелел избранным владеть землей и козами, рыбными вершами и огненным напитком, что без мудрых людей мы превратились бы в диких зверей — как в те времена, когда мы жили на деревьях.

За ним вставал бард, что был при Собачьем Клыке. Его прозвали Гнидой — такой маленький, уродливый, скрюченный, не умел ни работать, ни воевать. Но он любил сочные мозговые кости, вкусную рыбу, парное козье молоко, свежие побеги молодой кукурузы и удобное место у очага. Он стал слагать песни в честь вождя — сумел ничего не делать и быть сытым. А когда люди

начинали роптать, иные даже забрасывали камнями дом вождя, он затягивал песню о том, как хорошо быть рыбоедом. Он пел, что мы избранники божьи и самые счастливые люди на земле. Он называл мясоедов хищными воронами и грязными свиньями и призывал нас сражаться и доблестно умирать, выполняя волю господню, который повелел уничтожать мясоедов. От той песни в сердце у нас вспыхивал пламень, мы требовали, чтобы нас вели на мясоедов. Мы забывали о голоде, забывали о своем недовольстве и с криками шли за Тигриной Мордой через перевал, били мясоедов и радовались победе.

Но ничего не менялось от этого в Приморской Долине. Единственно, нанимаясь в батраки к Трехноному, Пустому Животу или Жирному можно было прокормить себя — ведь незанятой земли, где бы человек мог выращивать для себя кукурузу, больше не оставалось. Часто у Трехного и его друзей не хватало на всех работы. Тогда люди голодали, голодали их жены, дети и старые матери. Тигриная Морда объявил, что желающие могут стать стражниками, и многие соглашались и после ничем не занимались, кроме как колотили копьями тех, кто работал и ворчал, что приходится кормить столько бездельников.

Когда люди начинали роптать, Гнида пел песни. Он пел о том, что Трехногий, Свиное Рыло и остальные — сильные и мудрые вожди, и потому все принадлежит им. Мы должны гордиться ими, говорилось в песне, и благодарить судьбу. Не будь их, мы погибли бы от собственного ничтожества и от руки мясоедов. Поэтому мы должны быть счастливы, отдавая все, что они пожелают. Жирный, Свиное Рыло и Тигриная Морда довольно кивали головой.

«Тогда я тоже буду сильным», — заявил однажды Длиннозубый.

Он собрал кукурузы, наварил огненного напитка и начал продавать его за нитки денег. Кривой стал кричать, что у Длиннозубого нет на это права. А тот сказал, что он тоже сильный, и пообещал разmozжить Кривому голову, если он поднимет шум. Кривой испугался и побежал к Трехноному и Свиному Рылу. Потом втроем они пошли к Собачьему Клыку. Тот призвал к себе Морского Льва, а Морской Лев отправил гонца к Тигриной Морде. Тигриная Морда послал стражников, и те сожгли дом Длиннозубого вместе с огненным напитком, который он наварил. Жирный сказал, что это справедливо, а Гнида пел новую песню о том, что следует блюсти закон, что Приморская Долина — самое прекрас-

ное место на свете и каждый, кто любит ее, должен идти уничтожать злых мясоедов. У нас в сердце снова вспыхивало пламя, и мы забывали свой гнев.

Странные дела творились в долине. Когда у Пустого Живота случался хороший улов и приходилось за небольшие деньги отдавать много рыбы, он бросал ее обратно в море, чтобы за оставшуюся часть получить больше денег. Иногда Трехногий даже не засеивал свои огромные поля, чтобы выручить за кукурузу побольше. Женщины делали много-много пластинок из раковин, потому что требовалась уйма денег, чтобы купить что-нибудь. Тогда Собачий Клык запретил изготавливать пластинки. Женщины остались без работы, их стали нанимать на место мужчин. Я вот, помню, ловил рыбу вершей и получал нитку денег каждые пять дней. Пришла сестра, ей стали давать нитку за десять дней. Труд женщин обходился дешевле, да и еды им требовалось меньше. «А мужчины должны поступать в стражники», — заявил Тигриная Морда. Я-то не мог стать стражником: с детства прихрамывал на одну ногу, и начальник не взял бы меня. Много было таких, как я. Мы, убогие, могли только кланчить работу или ходить за детишками, пока женщины были заняты.

Желтоголовый тоже захотел есть и обжарил на углях кусок медвежатины.

— Почему же вы не восстали, не перебили их — Трехногого, Свиное Рыло, Жирного и всех остальных? — удивленно спросил Боящийся Темноты. — Тогда у вас была бы пища.

— Мы не понимали этого, — отвечал Длиннобородый. — Забот всяких по горло, да потом эти стражники с копьями, и болтовня Жирного насчет бога, и Гнида со своими песнями. А когда кто-нибудь начинал задумываться и делиться мыслями с другими, его забирали стражники Тигриной Морды, привязывали к скале у самой воды, и он погибал во время прилива.

Непонятная это штука — деньги! Точно те песни, что пел Гнида. Чем больше их, тем, казалось, лучше, а выходило наоборот. Мы долго не могли взять в толк, в чем тут дело. А Собачий Клык — так тот начал копить деньги. Он собирал их к груду в особом доме, и стражники охраняли этот дом денно и ночью. И чем больше там набиралось денег, тем они становились дороже, и приходилось дольше работать за нитку пластинок. Да еще все время говорили о войне с мясоедами, и Собачий Клык с Тигриной Мордой набивали свои хижины зерном, вяленой рыбой, копченой коз-

лятиной и сыром. Столько всяких запасов понаделали, а людям в горах не хватало еды. И что вы думаете? Как только люди начинали громко роптать, Гнида затягивал новую песню, Жирный говорил, что бог повелел уничтожать мясоедов, а Тигриная Морда снова вел нас через перевал убивать и умирать. Я не годился в воины, которые толстели, валяясь на солнце, но когда объявили войну, Тигриная Морда брал меня вместе с остальными. Мы сражались до тех пор, пока не выходили запасы еды. Тогда мы возвращались и принимались снова работать и заготавливать пищу.

— Какие-то ненормальные вы были! — изрек Быстроногий Олень.

— И вправду ненормальные, — согласился Длиннобородый. — Мы ничего не понимали, ровным счетом ничего. Раздробленный Нос твердил, что все устроено несправедливо и плохо. Верно, мы стали сильными лишь тогда, когда соединили силы, говорил он. Справедливо было и то, что в племени стали лишать силы тех, кто обижал и задирал других, кто отнимал у братьев жен и убивал соседей. Но теперь племя не набирает силы, а слабеет, говорил он, потому что появились люди с иной силой, они вредят племени. Это Трехногий, за которым сила земли, это Пустой Живот, за которым сила рыболовной верши, Свиное Рыло, за которым сила козьего мяса. Надо лишить их злой силы, говорил Раздробленный Нос, надо заставить таких людей работать и установить: кто не работает, тот не ест.

А Гнида уже пел о таких, как Раздробленный Нос: они, дескать, тянут назад, жить на деревьях.

Нет, отвечал Раздробленный Нос, нет, он не тянет назад, он хочет идти вперед. Мы стали сильными тогда, когда соединили свои силы. Если рыбоеды соединят свою силу с силой мясоедов, не будет ни сражений, ни воинов, ни стражей, все станут трудиться, и будет так много еды, что каждому придется работать не больше двух часов в день.

Но Гнида в песнях своих твердил, что Раздробленный Нос — лентяй. Он сочинил какую-то коварную «Песнь о пчелах», и те, кто слушал ее, терял рассудок, как от крепкого огненного напитка. В песне рассказывалось о трудолюбивом пчелином рое и о разбойной осе, которая таскала из сот мед. Оса была ленивая, она жужжала, что работать ни к чему и выгоднее подружиться с медведями, ибо они добрые и не таскают мед. Хотя Гнида говорил обиняками, все понимали, что пчелиный рой — это наше племя в Приморской

Долине, медведи — мясоеды, а ленивая пчела — Раздробленный Нос. Гнида пел, что пчелы послушались эту осу и рой начал погибать, и тут люди недовольно заворчали, у них сжимались кулаки. А когда он запел про то, как пчелы поднялись и зажалили осу до смерти, люди набрали камней и принялись забрасывать ими Раздробленного Носа. Тот упал, а они бросали и бросали, пока не завалили его грудой камней. И среди тех, кто бросал тогда камни, были самые что ни на есть бедняки, которые тяжело трудились, но никогда не ели досыта.

После смерти Раздробленного Носа нашелся лишь один, кто не боялся встать и высказать то, что он думает. То был Волосатый. «Куда девалась сила остальных? — вопрошал он. — Мы сильные, вместе сильнее Собачьего Клыка, Тигриной Морды, Трехногого, Свиного Рыла и остальных, которые не работают, а жрут и наносят нам урон своей злой силой. Рабы не бывают сильными. Если бы тот, кто первым высек огонь, захотел воспользоваться своей силой, мы стали бы его рабами, как сегодня мы рабы Пустого Живота, который придумал вершу, и людей, которые придумали, как возделывать землю, разводить коз и варить огненный напиток. Когда-то мы жили на деревьях, братья мои, и на каждом шагу нас подстерегали опасности. Потом мы перестали драться друг с другом, потому что соединили свои силы. Так зачем нам сражаться с мясоедами? Не лучше ли нам соединить наши силы? Тогда мы будем поистине сильными. Будем действовать сообща, рыбоеды и мясоеды, будем вместе уничтожать хищников, разводить на горных склонах коз, выращивать в долинах кукурузу и корнеплоды. Мы будем такими сильными, что хищники убегут и погибнут. И не будет нам преград, ибо сила каждого превратится в силу всех людей на земле».

Так говорил Волосатый, но они убили его, объявив, что он сумасшедший и тянул нас назад, жить на деревьях. Почему? Всякий раз, когда кто-нибудь хотел идти вперед, те, что топтались на месте, кричали: он тянет назад, уничтожить его! И бедняки тоже забрасывали такого камнями, потому что были глупы. Мы все были глупы, кроме тех, кто не работал и жирел. О, они знали свое дело! Глупцы назывались мудрыми, а мудрых забрасывали камнями. Те, кто работал, не ел вдоволь, а кто не работал, жирел.

Племя теряло былую силу. Дети рождались больными и хилыми. Мы мало ели, среди нас начались болезни, и люди гибли, как мухи. Вот тогда-то и нагрянули мясоеды. Мы слишком часто хо-

дили на них войной, теперь они пришли отплатить нам кровью за кровь. Племя было слабое, мы не смогли удержать стену. Мясоеды перебили почти всех, кроме нескольких женщин, которых увели с собой за перевал. Гниде и мне удалось спастись. Я спрятался в глухой чащобе, охотился и не голодал. Потом я выкрал себе жену у мясоедов, и мы поселились в пещере на вершине горы, где нас не могли найти. У нас родилось три сына, и когда они подросли, они, в свою очередь, выкрали жен у мясоедов. Ну, а остальное вам известно, ибо разве вы не сыновья моих сыновей?

— А где же Гнида? — спросил Быстроногий Олень. — Что стало с ним?

— Он неплохо устроился: пошел к мясоедам и сделался бардом тамошнего вождя. Теперь он глубокий старик, но песни у него старые, те же, что он пел прежде. Когда человек хочет идти вперед, Гнида поет, что тот тянет назад, жить на деревьях.

Рассказчик снова вытащил из туши кусок сала и принялся жевать беззубыми деснами.

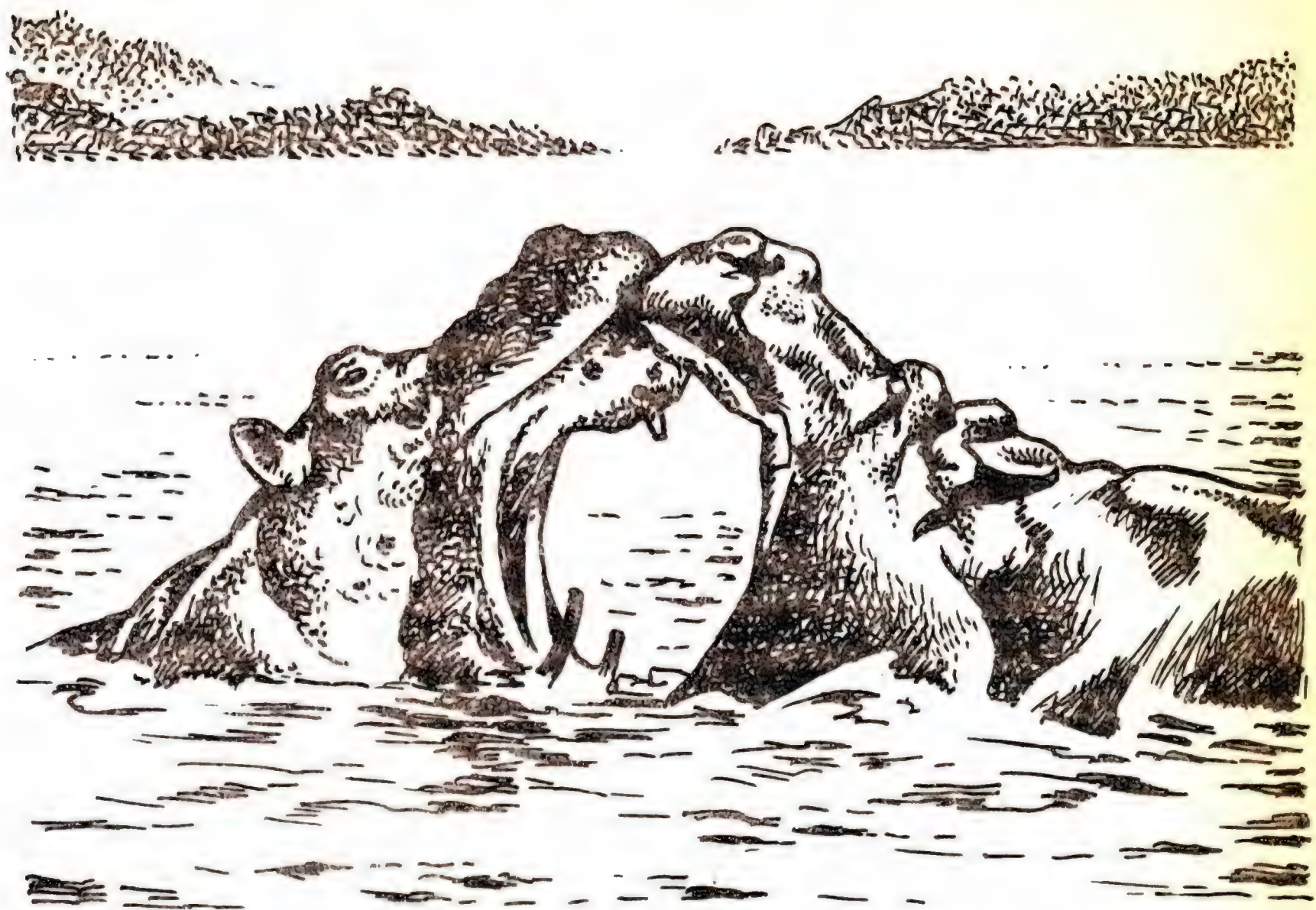
— Настанет время, — сказал он, вытирая пальцы о бедра, — когда глупцы сгинут, а остальные пойдут вперед. Они соединят свои силы и будут сильными из сильных. Никто не будет воевать друг с другом. Люди забудут о воинах и стражниках на стенах. Они уничтожат хищников, и на склонах холмов, как предвещал Волосатый, будут пастись стада овец, а в горных долинах начнут выращивать кукурузу и корнеплоды. Все люди будут братьями, и не останется лежебок, которых нужно кормить. Такое время придет тогда, когда сгинут глупцы и поэты, которые сочиняют «Песни пчел». Ибо мы люди, а не пчелы.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

**Это было
в каменном веке**

Глава первая

УГ-ЛОМИ И АЙЯ

Случилось это в доисторические времена, не сохранившиеся в человеческой памяти, во времена, когда можно было, не замочив ног, пройти из Франции (как мы теперь ее называем) в Англию и когда широкая Темза лениво несла свои воды меж топких берегов навстречу отцу своему, Рейну, пересекавшему обширную равнину, которая ныне находится под водой и известна нам как Северное море. В те далекие времена низменности у подножия меловых холмов Южной Англии еще не существовало, а на юге Сэррея тянулась гряда поросших елью гор, чьи вершины большую часть года были покрыты снегом. Остатки этих вершин сохранились и по сей день — это Лейс-Хилл, Питч-Хилл и Хайндхед. На нижних склонах за поясом лугов, где паслись дикие лошади, росли тисы, каштаны и вязы, и в темных чащах скрывались серые медведи и гиены, а по ветвям карабкались серые обезьяны. У подно-

жия этой гряды, среди лесов, болот и лугов на берегах реки Уэй и разыгралась та маленькая драма, о которой я собираюсь рассказать. Пятьдесят тысяч лет прошло с тех пор, пятьдесят тысяч, если подсчеты геологов правильны.

В те далекие дни, как и сейчас, весна вселяла радость во все живое и заставляла кровь быстрее струиться в жилах. По голубому небу плыли громады белых облаков, веял теплый юго-западный ветер, мягко лаская лицо. Взад-вперед носились вернувшиеся с юга ласточки. Берега реки были усеяны лютиками, на болотистых местах, всюду, где опустив свои мечи, отступали полчища осоки, сверкали звездочки сердечника и горел алтей, а в реке, неуклюже барахтаясь, играли откочевывающие к северу лоснящиеся черные чудовища — бегемоты, сами не зная, чему радуясь, охваченные только одним желанием — взбаламутить до дна всю реку.

Выше по течению, неподалеку от бегемотов, в воде плескались какие-то коричневые зверята. Между ними и бегемотами не было соперничества, они не боялись друг друга, не питали друг к другу вражды. Когда, с треском ломая тростник, появились эти громадины и разбили зеркало реки на серебряные осколки, маленькие создания закричали и замахали руками от радости: значит, пришла весна.

— Болу, — кричали они. — Байя, Болу!

Это были человеческие детеныши — над холмом у излучины реки поднимались дымки становища. Эти малыши походили на бесенят — спутанная грива волос, приплюснутые носы, озорные глаза. Их тела покрывал легкий пушок (как это и теперь бывает у детей). Бедра у них были узкие и руки длинные, лишенные мочек уши заострялись кверху, что изредка встречается и теперь. Совершенно голые коричневые цыганята, подвижные, как обезьянки, и такие же болтливые, хотя им не всегда хватало слов.

Гребень холма скрывал становище их племени от барахтающихся бегемотов. Оно представляло собой вытоптанную площадку среди сухих бурых листьев чистоцвета, сквозь которые пробивалась свежая поросль папоротника, раскрывавшего клейкие листочки навстречу теплу и свету.

Посредине тлел костер — груда углей под серым пеплом, куда время от времени старухи подбрасывали сухие листья. Мужчины почти все спали — спали они сидя, уткнув головы в колени. В то утро они принесли хорошую добычу — убили оленя, затравленного дикими собаками, и мяса хватило на всех, так что ссориться не

пришлось; некоторые из женщин до сих пор глодали кости, валявшиеся повсюду. Другие собирали и сносили в кучу листья и ветки, чтобы Брат Огонь, когда снова спустится ночь, мог снова стать высоким и сильным и отгонять от них диких зверей. А две женщины перебирали кремни, которые набрали у речной излучины, где играли дети.

Все эти бронзовые дикари были голыми, но на некоторых были пояса из змеиной кожи или невыделанных звериных шкур, и с них свешивались кожаные мешочки (не сшитые, а содранные целиком с лап животных), в которых хранились грубо обтесанные кремни — их главное оружие и орудие труда. На шее одной из женщин, подруги Айи-Хитреца, висело удивительное ожерелье из окаменелостей, которое до нее уже служило украшением многих. Возле некоторых из спящих мужчин лежали большие лосиные рога с остро отточенными концами и длинные палки, заостренные при помощи кремня. Только оружие да тлеющий костер и показывали, что это люди, а не стая диких зверей, каких было много кругом.

Но Айя-Хитрец не спал, он сидел, держа в руке кость, и старательно скоблил ее кремнем, чего не стало бы делать ни одно животное. Он был старше всех мужчин племени, бородатый, с заросшим лицом, нависшими бровями и выдвинутой вперед челюстью; жилистые руки и грудь покрывала густая черная шерсть. Благодаря своей силе и хитрости он управлял племенем, и его доля добычи всегда была самой большой и самой лучшей.

Эвдена пряталась в ольховнике, потому что боялась Айи. Она была совсем молоденькая, с блестящими глазами и приятной улыбкой. Когда все ели, Айя дал ей кусок печени — редкое угощение для девушки, так как печень предназначалась для мужчин. А когда она взяла лакомый кусок, женщина с ожерельем посмотрела на нее злыми глазами, а из горла Уг-Ломи вырвалось неясное ворчание. Тогда Айя вперил в него долгий, пристальный взгляд, и Уг-Ломи опустил голову. Потом Айя взглянул на нее. Она испугалась, и, пока все еще ели и Айя был занят тем, что высасывал мозг из кости, она незаметно ускользнула. Поев, Айя некоторое время бродил вокруг становища, — наверное, разыскивал ее. И вот теперь она лежала, припав к земле, в зарослях ольхи и ломала голову, зачем это Айя скоблит кость кремнем. А Уг-Ломи нигде не было видно.

Вскоре над ее головой запрыгала белка, и она замерла, так что белка заметила ее, только когда оказалась от нее всего в несколь-

ких шагах. Зверек тотчас же стремительно взлетел вверх по стволу и принялся болтать и браниться.

— Что ты делаешь здесь, — спрашивала белка, — вдали от других двуногих зверей?

— Не шуми, — сказала Эвдена, но белка только стала браниться еще громче.

Тогда Эвдена принялась отламывать черные ольховые шишечки и кидать в нее.

Белка увертывалась и дразнила ее, и, забыв обо всем, девушка вскочила на ноги, чтобы лучше прицелиться, и тут только увидела, что с холма спускается Айя. Он заметил, как мелькнула в кустарнике ее светло-золотистая рука — у него были очень зоркие глаза.

При виде Айи Эвдена забыла про белку и со всех ног пустилась бежать через ольховник и заросли тростника. Она не разбирала дороги, думая лишь о том, как бы укрыться от Айи. Увязая по колено, она перебралась через болотце и увидела впереди склон, поросший папоротником, все более стройным и зеленым по мере того, как он уходил в тень молодых каштанов. Через мгновение она уже была там — быстрые ноги легко несли ее вперед! — и бежала все дальше и дальше, пока не оказалась в старом лесу с огромными деревьями. Там, куда проникал солнечный свет, стволы их оплетали лианы толщиной в молодое деревцо и ветви плюща, крепкие и тугие. Она бежала все дальше, петляя, чтобы запутать след, и наконец легла в поросший папоротником ложбинке, на границе непроходимой чащи, и стала прислушиваться, а кровь стучала у нее ушах.

Вот она услышала, как далеко-далеко прошелестели в сухих листьях шаги и замерли, и снова наступила тишина, только комары звенели над головой — дело шло к вечеру — да неустанно шептались листья. Она усмехнулась при мысли, что хитрый Айя ее не заметил. Страха она не чувствовала. Играя со своими сверстниками, она иногда убегала в лес, хотя ни разу не забиралась так далеко. Приятно было оказаться одной, скрытой ото всех.

Она долго лежала, радуясь, что ей удалось ускользнуть, затем привстала и прислушалась.

Она слышала быстрый топот, все громче и ближе, и вот она уже различает хрюканье и треск веток. Это было стадо проворных и злобных диких свиней. Она вскочила, потому что кабан при встрече бьет клыками без предупреждения, и помчалась от них через лес. Но топот становился все ближе; значит, свиньи не пере-

ходили с места на место в поисках пищи, а быстро бежали вперед, иначе они бы ее не нагнали, и, ухватившись за сук, Эвдена подтянулась на руках и взобралась по стволу с проворством обезьяны. Когда она взглянула на землю, там уже мелькали тощие щетинистые спины свиней. Она знала, что их короткое резкое хрюканье означает страх. Чего они испугались? Человека? Нет, они не стали бы так поспешно убегать от человека!

А затем — так внезапно, что она невольно крепче схватилась за сук — из кустарника выскочил молодой олень и пронесся вслед за дикими свиньями. Еще какой-то зверь, промелькнул внизу — низкий, серый с длинным телом, — но какой, она не успела разглядеть, так как он появился всего на одно мгновение в просвете между листьями. Затем все стихло.

Она продолжала ждать, словно приросшая к дереву, за которое цеплялась, напряженно всматриваясь вниз.

И вот вдалеке между деревьями на миг показался и сразу скрылся, снова мелькнул в высоком папоротнике и опять пропал из виду человек. По светлым волосам она узнала Уг-Ломи — его лицо пересекала красная полоса. При виде его безумного бега и багровой метки на лице, Эвдене стало как-то не по себе. А затем ближе к ней, с трудом переводя дыхание, тяжело пробежал другой человек. Сначала она не разглядела, кто это, но потом узнала Айю, хотя сверху его фигура казалась приплюснутой. Выпучив глаза, он большими прыжками неся вперед. Нет, он не гнался за Уг-Ломи. Его лицо было совсем белым. Айя, охваченный страхом! Он пробежал мимо, но она еще слышала топот его ног, когда вдогонку за ним мягкими, мерными скачками промчалось что-то большое, покрытое серым мехом.

Эвдена вдруг вся оцепенела и перестала дышать. Руки ее судорожно сжали сук, в глазах отразился смертельный испуг.

Она никогда раньше не видела этого зверя, она и сейчас не разглядела его как следует, но сразу поняла, что это Ужас Темного Леса. О нем слагались легенды, его именем дети пугали друг друга и сами в испуге с визгом бежали к становищу. Человек еще ни разу не убил никого из его рода. Даже сам могучий мамонт опасался его гнева. Это был серый медведь, властелин мира в те далекие времена.

На бегу он, не переставая, сварливо рычал:

— Люди у самой моей берлоги. Драка и кровь. У самого входа в мою берлогу. Люди, люди, люди! Драка и кровь!

Ибо он был властелином лесов и пещер.

Еще долго после того, как он пробежал, Эвдена, окаменев, продолжала глядеть вниз сквозь ветви расширенными от страха глазами. В полном оцепенении она инстинктивно продолжала цепляться за дерево руками и ногами. Прошло довольно много времени, прежде чем она снова обрела способность думать, но и тогда она ясно осознала только одно: Ужас Темного Леса бродит между ней и становищем и спуститься вниз невозможно.

Когда страх ее чуть поулегся, она вскарабкалась повыше и устроилась поудобнее в развилке большого сука. Вокруг нее смыкались деревья, и Брат Огонь ей не был виден: ведь днем он черный. Зашевелились птицы, и мелкие твари, попрятавшиеся от страха перед ней, выбрались из своих убежищ.

Время шло, и вскоре верхушки деревьев запылали в лучах заката. Высоко над головой грачи, более мудрые, чем люди, с карканьем пролетели к своим становищам на вязах. Все предметы казались сверху потемневшими и резко очерченными. Эвдена решила вернуться в становище и начала спускаться, но тут страх перед Ужасом Темного Леса вновь овладел ею. Пока она колеба-

лась, по лесу разнесся жалобный крик кролика, и она осталась на дереве.

Сумерки сгустились, и в глубине леса началось движение. Эвдена вновь поднялась повыше, чтобы быть ближе к свету. Внизу под ней из своих убежищ вышли тени и стали бродить вокруг. Синева неба быстро темнела. Наступило зловещее затишье, а затем начали шептаться листья.

Эвдену пробрала дрожь, и она вспомнила о Брате Огне.

Теперь тени стали собираться на деревьях; они сидели на ветках и подстерегали ее. Ветки и листья превратились в грозные темные существа, готовые наброситься на нее, если только она шевельнется. Вдруг из мрака, бесшумно махая крыльями, возникла белая сова. Становилось все темнее и темнее, и, наконец, ветви и листья стали совсем черными, а земля потонула во тьме.

Эвдена провела на дереве всю ночь — целую вечность — и, не смыкая глаз, чутко прислушивалась к тому, что делается внизу, в темноте, боясь пошевелиться, чтобы ее не заметил какой-нибудь крадущийся мимо зверь. В те времена человек никогда не оставался в темноте один, если не считать таких редких случаев, как этот. Поколение за поколением он учился бояться мрака, а теперь нам, его бедным потомкам, приходится с мучительным трудом отучаться от этого страха. Эвдена по годам женщина, сердцем была, как дитя. Она сидела так тихо, бедная маленькая зверушка, как заяц, которого вот-вот испугают собаки.

На небе высыпали звезды и смотрели на нее, только это ее чуть-чуть и успокаивало. Она подумала, что вон та яркая звездочка немного похожа на Уг-Ломи. Затем ей представилось, что это и на самом деле Уг-Ломи. А рядом с ним, красная и тусклая, — это Айя, и за ночь Уг-Ломи убежал от него вверх по небу.

Эвдена попыталась разглядеть брата людей — Огонь, охраняющий становище от диких зверей, но его не было видно. Она слышала, как далеко-далеко затрубили мамонты, спускаясь к водопою, а один раз, мыча, как теленок, мимо пробежал, тяжело топая, кто-то огромный, но кто, ей разглядеть не удалось. По голосу она решила, что это Яаа, носорог, который дерется носом, ходит всегда в одиночку и без всякой причины впадает в ярость.

Наконец маленькие звезды начали исчезать, за ними и большие. Вот так и все живое срывалось при появлении Ужаса. Скоро должно было взойти солнце — такой же властелин небес, как медведь — властелин леса. Эвдена попробовала представить себе, что

случилось бы, если бы какая-нибудь из звезд дождалась его. Но тут небо побледнело и занялась заря.

Когда стало совсем светло, страх Эвдены перед тем, что тайлось в лесу, прошел, и она отважилась спуститься на землю. Руки и ноги у нее занемели, но не так, как (при вашем воспитании) занемели бы у вас, дорогая читательница, и, поскольку она не была приучена есть по меньшей мере каждые три часа, а наоборот, ей приходилось по три дня обходиться без пищи, голод ее не слишком мучил. Она осторожно соскользнула с дерева и, крадучись, стала пробираться по лесу, но стоило прыгнуть белке или оленю промчаться мимо, как ужас перед медведем леденил кровь в ее жилах.

Она хотела только одного — найти своих. Одиночества она боялась теперь больше, чем Айи-Хитреца. Однако накануне она бежала куда глаза глядят и теперь не знала, в какой стороне становище и нужно ли идти по направлению к солнцу или от него. Время от времени она останавливалась и прислушивалась, и наконец до нее донеслось слабое, мерное позвякивание. Хотя утро стояло тихое, звук был еще слышен, и ей стало ясно, что раздастся он где-то далеко. Но она знала: это человек затачивает кремень.

Скоро деревья начали редеть, потом путь ей преградила густая крапива. Эвдена обошла ее и увидела знакомое ей упавшее дерево, вокруг которого с гудением носились пчелы. Еще несколько шагов, и вдалеке показался холм, и река у его подножия, и дети, и бегемоты — все, как вчера, — и тонкая струйка дыма, колеблющаяся под утренним ветерком. Вдали у реки темнели заросли ольхи, где она пряталась накануне. При виде их ее вновь охватил страх перед Айей, и, нырнув в густой папоротник, откуда тотчас выскочил кролик, она притаилась там, чтобы посмотреть, что делается в становище.

Мужчин не было видно, только Вау, как всегда, изготавливал что-то из кремня, и это ее успокоило. Они, без сомнения, ушли на поиски пищи. Некоторые женщины бродили по отмели у подножия холма, ища мидий, улиток и раков, и, увидев, чем они занимаются, Эвдена почувствовала, что голодна. Она поднялась и побежала к ним через папоротник. Но, сделав несколько шагов, услышала, что кто-то тихо зовет ее. Она остановилась. За ее спиной слышался шорох, и, обернувшись, она увидела, что из папоротника поднимается Уг-Ломи. На лице его засохли полосы

грязи и крови, глаза свирепо сверкали, а в руке он держал белый камень Айи, белый Огненный камень, к которому никто, кроме Айи, не смел прикасаться. Одним прыжком он очутился возле Эвдены и схватил ее за плечо. Он повернул ее и толкнул к лесу.

— Айя, — шепнул он и махнул рукой.

Она услышала крик и, оглянувшись, увидела, что женщины, выпрямившись, смотрят на них, а две уже выходят на берег. Затем где-то ближе раздались громкие вопли, и бородатая старуха, стерегущая Огонь на холме, замахала руками, и Вау, который до того сидел и обтачивал кремень, вскочил на ноги. Даже маленькие дети с криком спешили к ним.

— Бежим, — сказал Уг-Ломи и потянул ее за руку.

Она все еще не понимала.

— Айя сказал мне слово смерти! — крикнул Уг-Ломи, и она оглянулась на приближавшуюся к ним изогнутую цепь пронзительно вопящих людей и поняла.

Вау, все женщины и дети, визжа и воя, подходили все ближе — нестройная толпа коричневых фигур с всклокоченными волосами. С холма поспешно спускались двое юношей. Справа в зарослях папоротника показался мужчина, отрезая им путь к лесу. Уг-Ломи отпустил плечо Эвдены, и они побежали бок о бок, перепрыгивая через папоротники. Зная, как быстро умеют бегать они с Уг-Ломи, Эвдена громко засмеялась, подумав, что преследователи ни за что не догонят их. Ведь у них были для тех времен необычно длинные и стройные ноги.

Вскоре поляна осталась позади, и Эвдена с Уг-Ломи бежали уже среди каштанов. Они не испытывали страха перед лесом, потому что были вдвоем, и замедлили бег, и так уж не очень быстрый. Вдруг Эвдена закричала и показала на что-то; Уг-Ломи увидел мелькающих между стволами мужчин, бегущих ему наперерез. Эвдена уже бросилась бежать в сторону. Он кинулся следом за ней, и тут к ним из-за деревьев донеслось яростное рычание Айи.

Тогда в их сердца закрался страх, но не тот, что вызывает оцепенение, а тот, что делает движения человека стремительными и бесшумными. Погоня приближалась к ним с двух сторон. Они оказались как бы зажатыми в угол. Справа, ближе к ним, тяжелой поступью быстро приближались мужчины — впереди бородатый Айя, с лосиным рогом в руке; слева, рассыпавшись, как пригоршня зерна по полю — желтые пятна на зелени папоротника и травы, — бежали Вау, и женщины, и даже маленькие дети, игравшие на

отмели. Обе группы преследователей уже настигали беглецов. Они бросились вперед — Эвдена, за ней Уг-Ломи.

Они знали, что пощады им не будет. Для людей тех давних времен не было охоты приятней, чем охота на человека. Едва ими овладевал азарт погони, еще непрочные ростки человечности исчезали без следа. А к тому же Айя ночью отметил Уг-Ломи словом смерти. Уг-Ломи был добычей этого дня, предназначенной на растерзание.

Они бежали прямо вперед, не разбирая дороги, в этом было их единственное спасение: заросли жгучей крапивы, солнечная прогалинка, островок травы, из которой с хриплым рычанием метнулась от них гиена. Затем снова лес — обширные пространства покрытой листьями и мхом земли под зелеными стволами деревьев. Дальше крутой лесистый склон и снова уходящие вдаль стволы, поляна, поросшее сочной зеленой травой болото, опять открытое место и заросли колючей куманики, через которые вела звериная тропа. Погоня растянулась, многие преследователи отстали, но Айя бежал чуть не по пятам за ними.

Легким шагом, нисколько не запыхавшись, Эвдена по-прежнему бежала впереди — ведь Уг-Ломи нес Огненный камень.

Это сказалось на быстроте его бега не сразу, а спустя некоторое время. Вот топот его ног за спиной Эвдене стал стихать. Оглянувшись в то время, как они пересекали еще одну поляну, Эвдена увидела, что Уг-Ломи сильно отстал, а Айя настигает его и уже замахнулся рогом, чтобы поразить Уг-Ломи. Вау и другие только показались из-под сени леса.

Поняв, в какой Уг-Ломи опасности, Эвдена свернула в сторону и, замахав руками, громко крикнула в тот самый миг, когда Айя метнул рог. Ее крик предупредил Уг-Ломи, и он быстро наклонился, так что рог пролетел над ним, лишь слегка задев и оцарапав кожу на голове. Уг-Ломи сразу обернулся, обеими руками поднял над головой Огненный камень и швырнул его прямо в Айю, который с разгона не сумел остановиться. Айя закричал, но не успел увернуться. Тяжелый камень ударил его прямо в бок, и, зашатавшись, он рухнул на землю, даже не вскрикнув. Уг-Ломи поднял рог — один из отростков был окрашен его же кровью — и снова пустился бежать, а из-под волос его текла красная струйка.

Айя перекатился на бок, лежал немного, а потом вскочил и продолжал погоню, но и он бежал теперь куда медленней. Лицо его посерело. Его обогнал Вау, потом и другие, а он кашлял, задыхался, но не сдавался и все бежал за Уг-Ломи.

Наконец беглецы достигли реки — тут она была узкой и глубокой. Они все еще были шагов на пятьдесят впереди Вау, ближайшего из преследователей, человека, изготовлявшего метательные кремни. В каждой руке у него было зажато по большому кремню в форме устрицы, но в два раза больше ее, с остро отточенными краями.

Беглецы прыгнули с крутого берега в реку, пробежали несколько шагов вброд, в два-три взмаха переплыли глубокое место, и, роняя капли с мокрого тела, освеженные, выбрались из воды и стали карабкаться на другой берег, подмытый и густо поросший ивняком. На него нелегко было подняться, и в то время как Эвдена пробиралась сквозь серебристые ветви, а Уг-Ломи еще не вышел из воды — ему мешал лосиный рог, — на противоположном берегу появился Вау, и искусно брошенный кремневый дротик расшиб Эвдене колено. Напрягая последние силы, она выбралась наверх и упала.

Они слышали, что их преследователи обменялись возгласами. Уг-Ломи взбирался к Эвдене, кидаясь из стороны в сторону, чтобы Вау не мог в него попасть; второй камень все же задел его ухо, и он услышал внизу под собой всплеск воды.

И тут Уг-Ломи, юнец, показал, что он стал мужчиной. Бросившись вперед, он заметил, что Эвдена хромает и не может бежать быстро. Тогда, издав свирепый клич, он устремился мимо нее обратно на берег, размахивая над головой лосиным рогом; его окровавленное, искаженное яростью лицо было страшно. А Эвдена упорно продолжала бежать, хотя хромала при каждом шаге, и боль в ноге все усиливалась.

И вот, когда Вау, цепляясь за ветки ивы, поднялся над краем обрыва, он увидел над собой на фоне голубого неба громадного, как утес, Уг-Ломи, увидел, как он, откинувшись всем телом, замахнулся, крепко сжимая в руках лосиный рог. Рог со свистом рассек воздух, и... больше Вау уже ничего не видел. Вода над ивами закружилась воронкой, и по ней стало расплываться большое темно-красное пятно. Айя, войдя в воду следом за Вау, прошел несколько шагов и остановился по колени в воде, а мужчина, который уже переплывал реку, повернул обратно.

Остальные преследователи — ни один из них не был особенно силен (Айя отличался скорее хитростью, чем крепостью мышц, и не терпел соперников, которые могли оказаться сильнее его), — увидев страшного, окровавленного Уг-Ломи, который стоял на высоком берегу и, прикрывая хромающую девушку, размахивал огромным рогом, тотчас замедлили бег. Казалось, Уг-Ломи вошел в поток юношей, а вышел из него взрослым мужчиной.

Он знал, что у него за спиной широкий, покрытый травой луг, а за ним — чащи, в которых Эвдена сможет укрыться. Это он сознавал ясно, хотя его умственные способности были еще слишком слабо развиты, чтобы он мог себе представить, что будет дальше. Айя, безоружный, стоял по колени в воде, не зная, на что решиться. Массивная челюсть его отвисла, обнажив волчьи зубы; он часто и тяжело дышал. Волосатый бок побагровел и вздулся. Стоявший рядом с ним человек держал в руках дубинку с заостренным концом. Один за другим на высоком берегу появлялись остальные преследователи — волосатые длиннорукие люди, вооруженные камнями и палками. Двое из них побежали по берегу вниз, туда, где Вау выплыл на поверхность и из последних сил боролся с течением. Они уже вошли в реку, но тут он снова скрылся под водой. Двое других, стоя на берегу, осыпали Уг-Ломи бранью. Он отвечал им злобными криками, невнятными угрозами, жестами. Тогда Айя, все еще стоявший в нерешительности, взревел от ярости и, размахивая кулаками, бросился в воду. Остальные последовали за ним.

Уг-Ломи оглянулся и увидел, что Эвдена уже скрылась в чаще. Он, возможно, и подождал бы Айю, но тот предпочел грозить ему кулаками, не выходя из воды, пока к нему не подоспели остальные. В те дни, нападая на врага, люди придерживались тактики волчьей стаи и кидались него скопом. Уг-Ломи, почувствовав, что сейчас они все бросятся на него, метнул в Айю лосиным рогом и, повернувшись, пустился бежать.

Когда, добежав до тенистой чащи, он приостановился и посмотрел назад, то увидел, что только трое из преследователей переплыли реку вслед за ним, да и те возвращаются обратно. Айя уже стоял на том берегу потока, ниже по течению; рот его был в крови, и он прижимал руку к раненому боку, остальные вытаскивали что-то из воды на берег. На время по крайней мере охота приостановилась.

Сперва Уг-Ломи наблюдал за ними, сердито рыча, когда взгляд его падал на Айю. Потом повернулся и нырнул в чащу.

Через мгновение к нему быстро подбежала Эвдена, и они рука об руку двинулись дальше. Он, хотя и смутно, сознавал, что у нее болит разбитое колено, и выбирал самый легкий путь. Они шли весь день, не останавливаясь, миля за милей, через леса и чащи, пока не вышли к покрытым травой меловым холмам, где изредка попадались буковые перелески, а по берегам рек росла береза, и вот перед ними встали горы Уилдна, у подножия которых паслись табуны диких лошадей. Они шли, настороженно оглядываясь, держась поближе к зарослям, так как места эти были им не знакомы и все вокруг казалось им непривычным. Они поднимались все выше, и вдруг у их ног голубой дымкой легли каштановые леса и до самого горизонта раскинулась, поблескивая серебром, болотистая пойма Темзы. Людей они не видели: в те дни люди только-только появились в этой части света и очень медленно продвигались вдоль рек в глубь страны. К вечеру они снова вышли к реке, но тут она текла в теснине, между крутыми меловыми обрывистыми берегами, кое-где нависавшими над водой. Под самой кручей полоской тянулся молодой березовый лесок, где порхало множество птиц. А наверху, возле одинокого дерева, виднелся небольшой уступ, и на нем они решили провести ночь.

Со вчерашнего дня они почти ничего не ели: для ягод еще пора не наступила, а задержаться, чтобы поставить силок или ждать в засаде какого-нибудь зверя, у них не было времени. Голодные, усталые, они молча брели, с трудом передвигая ноги, и грызли побеги деревьев и их листья. Но все же по скалам лепилось

множество улиток, в кустах они нашли только что снесенные яйца какой-то птички, а потом Уг-Ломи убил камнем белку, прыгавшую на буке, и они наконец наелись досыта. Всю ночь Уг-Ломи просидел на страже, уткнувшись подбородком в колени; он слышал, как совсем рядом лаяли лисята, трубили у воды мамонты и где-то вдалеке пронзительно кричали и хохотали гисны. Он озяб, но не решился развести костер. Стоило Уг-Ломи задремать, как его дух покидал его и сразу встречался с духом Айи, и они сражались. И каждый раз его охватывало какое-то оцепенение, и он не мог ни нанести удара, ни убежать, и тут он внезапно просыпался. Эвдене тоже снились нехорошие сны про Айю, и когда они оба проснулись, в их душе был страх перед ним; при свете утренней зари они увидели, что по долине бредет волосатый носорог.

Целый день они ласкали друг друга и радовались солнечному теплу и свету: нога у Эвдене совсем онемела, и девушка до самого вечера просидела на уступе. Уг-Ломи нашел большие кремни, вкрапленные в мел на обрыве, — он еще никогда не видел таких больших, — и, подтащив несколько штук к уступу, начал их обтесывать, чтобы у него было оружие против Айи, когда тот снова придет. Один камень показался ему смешным, и он от всего сердца расхохотался, и Эвдена смеялась тоже, и со смехом они бросали его друг другу. В нем была дыра. Они просовывали в нее пальцы, и это казалось им очень смешным. Потом они посмотрели сквозь нее друг на друга. Уг-Ломи взял палку и ударил по этому глупому камню, но палка вошла в дыру и застряла там. Он сунул ее туда с такой силой, что никак не мог вытащить. Это было странно... уже не смешно, а страшно, и сперва Уг-Ломи даже боялся трогать камень: можно было подумать, что камень вцепился в палку зубами и держит ее. Но затем Уг-Ломи привык к этому странному сочетанию, которое он не мог разнять. Он стал размахивать палкой и заметил, что благодаря тяжелому камню на конце она наносит удары сильнее, чем любое другое оружие. Он ходил взад и вперед, размахивая палкой и ударяя ею по разным предметам, потом это ему наскучило, и он отбросил ее. Днем он поднялся на самый верх обрыва и лег в засаду возле кроличьих нор, поджидая, когда кролики выйдут играть. В тех местах не водилось людей, и кролики были беспечны. Он кинул в них метательным камнем и одного убил.

В эту ночь они высекли кремнем огонь, и развели костер из сухого папоротника, и, сидя у огня, разговаривали и ласкали друг друга. А когда они уснули, к ним снова пришел дух Айи, и в то

время как Уг-Ломи безуспешно попытался побороть его, глупый камень на палке внезапно очутился у него в руке, и он ударил им Айю, и — о чудо! — камень его убил. Но потом Айя снился ему опять и опять — духа не убьешь за один раз! — и снова приходилось его убивать. В конце концов камень не захотел больше держаться на палке. Проснулся Уг-Ломи усталый и довольно мрачный и весь день оставался угрюмым, несмотря на ласки Эвдены; вместо того чтобы пойти на охоту, он снова поднялся и принялся обтачивать удивительный камень и странно на него поглядывал. А потом он еще привязал этот камень к палке полосками из кроличьей шкуры. Вечером он расхаживал по уступу, наносил куда придется удары своей новой палкой — приятно было ощущать в руке ее тяжесть — и что-то бормотал про себя. Он думал об Айе.

Несколько дней (больше, чем в те времена люди могли сосчитать, может быть, пять, а может, шесть) провели Уг-Ломи и Эвдена на этом уступе над рекой; они совсем перестали бояться людей, и костер их ярко горел по ночам. Им было хорошо друг с другом; они каждый день ели, пили свежую воду и не опасались врагов. Колено у Эвдены зажило уже через два-три дня, — у первобытных людей все очень быстро заживало. Они были вполне счастливы.

В один этих дней Уг-Ломи толкнул вниз обломок камня. Он увидел, как камень упал и, подпрыгивая, покатился по берегу в реку. Засмеявшись и немного поразмыслив, он толкнул другой. Этот самым потешным образом смял ветки на кусте орешника. Все утро они забавлялись тем, что бросали с уступа камни, а к вечеру обнаружили, что этой новой игрой можно заниматься и стоя на самом верху кручи. На следующий день они забыли об этом развлечении. Так по крайней мере казалось.

Но Айя являлся им во сне и портил им блаженную жизнь. Три ночи он приходил сражаться с Уг-Ломи. Проснувшись утром после этих снов, Уг-Ломи беспокойно мерил шагами уступ и, размахивая своим топором, посылал Айе угрозы. А потом Уг-Ломи удалось разmozжить голову выдре, и они с Эвденкой устроили пир, и в эту ночь Айя зашел слишком далеко. На следующее утро Уг-Ломи проснулся, сердито насупив мохнатые брови, взял топор и, протянув к Эвдене руку, велел ей дожидаться его на уступе. Затем он спустился под откос, у подножия бросил еще один взгляд наверх и взмахнул топором: затем, ни разу больше не оглянувшись, широким шагом пошел вдоль берега реки и наконец скрылся у излучины за нависшим над водой утесом.

Два дня и две ночи просидела Эвдена у костра на уступе, поджидая Уг-Ломи; по ночам у нее над головой и в долине были дикие звери, а по утесу напротив, черными силуэтами вырисовываясь на фоне неба, крадучись, проходили в поисках добычи горбатые гиены. Но ничто дурное, кроме страха, не посетило ее. Один раз далеко-далеко она услышала рыканье льва, который охотился на лошадей, переходивших с наступлением леса на северные пастбища. Все это время она ждала — и ожидание это было мукой.

На третий день Уг-Ломи вернулся с низовья реки. В волосах его торчали перья ворона. На первом в истории человечества топоре были пятна крови и прилипшие длинные волосы, а в руке он нес ожерелье, украшавшее прежде подругу Айи. Он шел по сырым местам, не обращая внимания на то, что оставляет за собой следы. Если не считать кровоточащей раны под подбородком, он был цел и невредим.

— Айя! — с торжеством закричал Уг-Ломи, и Эвдена поняла, что все хорошо.

Он надел на нее ожерелье, и они стали есть и пить. А потом он принялся рассказывать ей все с самого начала, как Айя впервые заметил Эвдену и как, в то время когда Уг-Ломи сражался с Айей в лесу, их стал преследовать медведь; недостаток слов он восполнял избытком жестов, вскакивая на ноги и размахивая каменным топором, когда доходил в своем рассказе до схваток. Последняя из них была самой жаркой, — изображая ее, он топал ногами, кричал и раз так ударил по костру, что в ночной воздух взлетел целый сноп искр. А Эвдена, багряная в свете костра, сидела, пожирая его глазами; лицо ее пылало, глаза сверкали, на шее поблескивало ожерелье, сделанное Айей. Это была изумительная ночь, и звезды, смотрящие сейчас на нас, смотрели на Эвдену — нашу прародительницу, — умершую пятьдесят тысяч лет назад.

Глава вторая

ПЕЩЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ

В те дни, когда Эвдена и Уг-Ломи бежали от племени Айи через леса сладкого каштана и покрытые травой меловые холмы к одетым елью горам Уилдна и скрылись наконец у реки, зажатой между крутыми белыми берегами, людей еще было мало, и их становища лежали далеко друг от друга. Ближе всего к беглецам на-

ходились люди их племени, но до них был целый день пути по реке, а в ее верховьях среди гор людей не было вовсе. В те отдаленные времена человек еще только начал появляться в этих местах и медленно, поколением за поколением двигался вдоль рек, перенося свои становища все дальше на северо-восток. Звери, которые владели этими землями, — бегемоты и носороги в речных поймах, дикие лошади на покрытых травой равнинах, серые обезьяны на ветвях, олени и кабаны в лесных чащах, быки предгорий, не говоря уже о живших в горах мамонтах или слонах, которые приходили сюда на лето с юга, — нисколько не боялись человека. И у них не было причин для страха: ведь его единственным оружием против копыт и рогов, зубов и костей были грубо обтесанные кремни, которые он еще в то время не догадался насадить на рукоятку и кидать не слишком метко, да жалкие заостренные палки.

Энду, уважаемый всеми громадный, мудрый медведь, обитавший в пещере там, где река скрывалась в теснине, ни разу в жизни не встречал человека. И вот однажды ночью, рыская в поисках добычи у края обрыва, он увидел яркое пламя костра на уступе, Эвдену в красных отблесках огня и Уг-Ломи, который, встряхивая гривой волос и потрясая топором, — Первым Каменным Топором, — расхаживал по уступу, повествуя, как он убил Айю, а на белой стене утеса плясала гигантская тень, повторяя все его движения. Медведь стоял далеко, у начала ущелья, и эти неведомые существа показались ему скошенными и приплюснутыми. От удивления он застыл на краю обрыва, втягивая носом незнакомый запах горящего папоротника и раздумывая, не занимается ли нынче заря на новом месте.

Он был властелином скал и пещер, он — пещерный медведь, как его младший брат, серый медведь, был властелином густых лесов у подножия гор, а пятнистый лев (шкуры львов в те времена украшали пятна) — властителем колючих кустарников, тростниковых зарослей и открытых равнин. Он был самым крупным из хищников и ничего не боялся; на него никто не охотился, никто не осмеливался с ним сражаться; с одним только носорогом справиться ему было не под силу. Даже мамонт избегал его владений, и появление этих существ привело его в недоумение. Он заметил, что они по виду напоминают обезьян и покрыты редкими волосами, наподобие молочных поросят.

— Обезьяна и молодая свинья, — сказал пещерный медведь, — должно быть, недурно на вкус. Но это красное прыгающее чудище

и черное, которое прыгает вон там вместе с ним! Никогда в жизни я не видел ничего подобного!

Он медленно пошел к ним по краю обрыва, то и дело останавливаясь, чтобы рассмотреть их получше и втянуть носом воздух: неприятный запах от костра становился все сильнее. Две гиены были тоже так поглощены этим зрелищем, что Энду, ступавший легко и мягко, подошел к ним вплотную, прежде чем они его заметили. Они с виноватым видом шарахнулись в сторону и кинулись бежать.

Описав кривую, они остановились шагах в ста от него и принялись пронзительно завывать и осыпать его бранью, чтобы отплатить за свой испуг.

— Я-ха, — вопили они, — кто не может сам себе выкопать нору? Кто, как свинья, ест корни? Я-ха!

У гиен уже в те времена были столь же дурные манеры, как и теперь.

— Кто станет отвечать гиене? — проворчал Энду, вглядываясь в них сквозь туманную мглу и снова подходя к самому краю обрыва.

Уг-Ломи все еще продолжал рассказывать, костер догорал, и от кучи тлевших листьев шел едкий дым.

Некоторое время Энду простоял на краю мелового обрыва, тяжело переминаясь с ноги на ногу и покачивая головой; пасть его была раскрыта, уши насторожены, ноздри большого черного носа втягивали в себя воздух. Он был очень любопытен, этот пещерный медведь, куда любопытней нынешних медведей. Вид мерцающего пламени, непонятные телодвижения человека, не говоря уже о том, что человек вторгся в те места, где медведь считал себя неограниченным владыкой, вызвали в нем предчувствие неведомых событий. В ту ночь он выслеживал олененка — пещерный медведь охотился за самой разной добычей, — но встреча с людьми отвлекла его.

— Я-ха, — визжали гиены у него за спиной. — Я-ха-ха!

При свете звезд Энду увидел на фоне серого склона холма уже три или четыре тени кружащих на одном месте гиен. «Теперь они не отстанут от меня всю ночь... пока я кого-нибудь не убью, — подумал Энду. — Грязные твари!» И главным образом, чтобы досадить гиенам, он решил стеречь красное мерцание на уступе, пока рассвет не прогонит это отребье в их логова. Спустя некоторое время гиены исчезли, и он слышал, как они кричали и хохотали,

точно компания ночных гуляк, далеко в буковом лесу. Затем они снова, крадучись, приблизились к нему. Он зевнул и двинулся вдоль обрыва, но гиены затрусили за ним по пятам. Тогда он остановился и пошел обратно.

Была великолепная ночь, на небе сверкали бесчисленные звезды, те же самые звезды, к которым привыкли мы, но не в тех созвездиях, ибо с тех

пор прошло столько времени, что звезды успели переменить свои места. По ту сторону широкого луга, где с воем рыскали поджарые гиены с массивными передними лапами, темнел буковый лес, а за ним, почти невидимые во мгле, поднимались горы, — только снежные вершины, белые, холодные, четко вырисовывались на ночном небе, тронутые первыми бликами еще не взошедшей луны. Стояла всеобъемлющая тишина, лишь время от времени ее нарушал вой гиен, да вдалеке у подножия гор трубили бредущие с юга слоны, и легкий ветерок доносил сюда их перекличку. Внизу красное мерцание съежилось, перестало плясать и побагровело. Уг-Ломи окончил свой рассказ и готовился ко сну, а Эвдена сидела, прислушиваясь к незнакомым голосам неведомых зверей, и смотрела, как на востоке в темном небе забрезжила светлая полоса, возвещающая восход луны. Внизу вела свой неумолчный разговор река и проходили неразличимые в темноте звери.

Постояв немного, медведь ушел, но через час возвратился. Затем, будто ему неожиданно пришло что-то в голову, он повернул и двинулся вверх по реке...

Ночь близилась к концу; Уг-Ломи спал. Поднялась ущербная луна и озарила высокий белый обрыв бледным, неверным светом; ущелье, где бежала река, оставалось в тени и стало как будто еще темнее. Наконец совсем незаметно, крадучись, неслышными шага-

ми, по пятам лунного света пришел день. Эвдена взглянула на край обрыва над своей головой и второй раз и третий. Нет, она ничего не заметила на фоне светлого неба, и все же у нее возникло чувство, что там кто-то прячется. Костер становился все более багровым, покрывался серым налетом пепла, и уже можно было различить вертикальную струйку дыма над ним, а в дальних концах ущелья все, что растворялось раньше во тьме, стало явственнее проступать в сером свете рождающегося дня. Она незаметно задремала.

Внезапно Эвдена вскочила на ноги и, запрокинув голову, настороженно стала оглядывать обрыв.

Она издала чуть слышный звук, и Уг-Ломи, который спал чутко, как зверь, в тот же миг проснулся. Он схватил топор и бесшумно подошел к ней.

Еще только светало, весь мир был окутан черными и темно-серыми тенями, и на небе замешкалась одна чуть видная звездочка. Уступ, на котором они стояли, представлял собой небольшую, шагов шесть в ширину и около двадцати в длину, покатую площадку; она поросла травой, и недалеко от края к небу тянулся крошечный кустик зверобоя. Под ними белый обрыв круто уходил вниз футов на пятьдесят, в заросли орешника, окаймлявшего реку. Ниже по течению склон становился все более пологим и тощая травка покрывала его до самого гребня. Над ними над сорок-пятьдесят футов мел, как это обычно бывает, уходил вверх одной сплошной выпуклой массой, но сбоку от уступа тянулась почти вертикальная трещина, поросшая чахлыми кустами, цепляясь за которые Эвдена и Уг-Ломи поднимались и спускались с уступа.

Они стояли, застыв, как испуганные олени, напряженно вглядываясь и вслушиваясь. Сначала ничего не было слышно, потом из расселины донесся шорох осыпающейся земли и потрескивание веток.

Уг-Ломи крепче сжал топор и подошел к краю площадки, так как выпуклость склона над уступом заслоняла верхнюю часть трещины. И тут его сердце замерло от страха, — он увидел огромного пещерного медведя, который спускался, осторожно нащупывая плоской ступней точку опоры, и уже находился на полпути до уступа. Он был обращен к Уг-Ломи задом; цепляясь за выступы в скале и за кусты, медведь совсем распластался над обрывом, но выглядел от этого ничуть не меньше. От блестящего кончика носа до хвоста-огрызка он был длиной с целого льва и еще с половину льва, длиной в двух высоких людей. Он поглядывал через плечо,

и от усилия, с которым ему приходилось удерживать в равновесии свою тяжелую тушу, его огромная пасть была широко разинута и язык вывалился наружу.

Он нащупал место, куда поставить лапу, и опустился еще на фут.

— Медведь, — сказал Уг-Ломи, обернувшись; лицо его было совсем белым.

Но Эвдена с ужасом в глазах указывала вниз.

У Уг-Ломи отвисла челюсть. Внизу, под ними, упершись большими передними лапами в скалу, стояла другая серо-коричневая громада — медведица! Не такая большая, как Энду, она все-таки была очень велика.

Внезапно Уг-Ломи вскрикнул и, схватив горсть разбросанных по уступу листьев папоротника, кинул их на покрытые серым пеплом угли костра.

— Брат Огонь! — закричал он. — Брат Огонь!

Выйдя из оцепенения, Эвдена стала тоже собирать листья.

— Брат Огонь, помоги! Помоги, Брат Огонь!

Жар еще теплился в сердце Брата Огня, но он погас, когда они его разбили.

— Брат Огонь! — кричали они.

Но он зашипел и умер — от него остался один пепел. Уг-Ломи затопал ногами от ярости и ударил по черному пеплу кулаком. А Эвдена принялась бить огненным камнем о кремень. Глаза их то и дело обращались к трещине, по которой спускался Энду.

— Брат Огонь!

Вдруг из-под выступа, который скрывал их от глаз медведя, показались его покрытые густой шерстью задние лапы. Он продолжал осторожно опускаться по почти вертикальному обрыву. Головы его еще не было видно, но они слышали, как он разговаривал сам с собой.

— Свинья и обезьяна, — бормотал он. — Это, должно быть, недурно.

Эвдена выбила искру и подула на нее; искра вспыхнула и... погасла. Тогда она бросила кремень и огненный камень и растерянно посмотрела вокруг.

Потом вскочила и стала карабкаться на обрыв над уступом. Как она удержалась там хотя бы мгновение, трудно себе представить, так как обрыв поднимался совершенно отвесно и даже обезьяна не нашла бы, за что было уцепиться. Через несколько секунд, ободрав до крови руки, она снова соскользнула вниз.

Уг-Ломи метался по уступу, подбегая то к его краю, то к расщелине. Он не знал, что делать, он ничего не мог придумать. Медведица оказалась меньше своего супруга... куда меньше. Если они вместе бросятся на нее, один, может быть, останется в живых.

— Ух! — сказал медведь, и, обернувшись, Уг-Ломи увидел маленькие глазки Энду, устремленные на него из-за выступа.

Эвдена, съжившись от страха на другом конце площадки, завизжала, как пойманный заяц. Когда Уг-Ломи услышал это, он совсем обезумел. Подняв топор, он с громким криком бросился к Энду. Чудовище хрюкнуло от изумления. Через секунду он уцепился за куст прямо под медведем, а еще через мгновение, ухватившись за складку под его нижней челюстью, уже висел у него на спине, потонув в густом мехе. Медведь так был поражен этим дерзким нападением, что только и мог прижаться к скале. И тут топор, Первый Топор, гулко ударил его по черепу.

Медведь заворочал головой из стороны в сторону и раздраженно зарычал. Тут топор впился в кожу под левым глазом, и глаз

залила горячая кровь. Наполовину ослепнув, зверь заревел от удивления и злости, и его зубы лязгнули в шести дюймах от лица Уг-Ломи. Но в это мгновение топор тяжело опустился на самую челюсть.

Следующий удар ослепил правый глаз и вызвал новый рев, теперь уже рев боли. Эвдена увидела, как огромная плоская ступня вдруг начала скользить и медведь тут же неуклюже прыгнул в сторону, как будто собираясь попасть на уступ. Затем все исчезло, и снизу донесся треск орешника, рев боли и перебивавшие друг друга крики и рычание.

Эвдена пронзительно взвизгнула и, кинувшись к краю площадки, поглядела вниз. На какой-то миг все смешалось в одну кучу — человек и медведи, но Уг-Ломи был сверху и в следующее мгновение одним прыжком достиг расселины и начал взбираться на уступ, а медведи продолжали кататься среди кустарника, терзая друг друга. Однако топор Уг-Ломи остался внизу, а на его бедре багровели три красные полосы, заканчивавшиеся крупными каплями крови.

— Наверх! — закричал он, и Эвдена начала взбираться по трещине к вершине обрыва.

Вскоре они очутились в безопасности наверху — сердца гулко колотились у них в груди, — а Энду с супругой остались на дне ущелья. Энду сидел на задних лапах и быстро тер передними морду, пытался согнать с глаз слепоту, а взъерошенная медведица стояла в стороне, опираясь на все четыре лапы, и сердито рычала. Уг-Ломи кинулся плашмя на траву и, уткнув лицо в ладони, застыл; он тяжело дышал, а из его ран струилась кровь.

Несколько мгновений Эвдена смотрела на медведей, затем подошла к Уг-Ломи, села рядом и устремила на него пристальный взгляд.

Вскоре она робко протянула руку и, прикоснувшись к его плечу, издала гортанный звук — его имя. Он повернулся и приподнялся на локте. Лицо его было бледно, как у тех, кто боится. Мгновение он пристально смотрел на нее и вдруг засмеялся.

— Ва! — сказал он, ликуя.

— Ва! — ответила она.

Примитивный, но выразительный разговор.

Уг-Ломи встал, затем опустился рядом с ней на четвереньки, заглянул вниз и внимательно осмотрел ущелье. Дыхание его стало ровным, кровь из ноги больше не сочилась, хотя рваные царапины

от когтей медведицы еще не затянулись. Он присел на корточки и принялся разглядывать следы медведя-великана, ведущие к расселине, — они были шириной с его голову и в два раза длиннее. Потом вскочил на ноги и пошел вдоль края обрыва до того места, с которого мог увидеть уступ. Здесь он опустился на землю и задумался, а Эвдена смотрела на него. Вскоре она заметила, что медведи ушли.

Наконец Уг-Ломи поднялся, очевидно, приняв какое-то решение. Он повернулся к расселине, Эвдена подошла к нему, и они вместе спустились на уступ. Они взяли огненный камень и кремь, и затем очень осторожно Уг-Ломи спустился в ущелье и отыскал свой топор. Старясь как можно меньше шуметь, они поднялись наверх и быстрым шагом пошли прочь. Уступ больше не мог служить им убежищем, раз их стали навещать такие соседи. Уг-Ломи нес топор, Эвдена — Огненный Камень. Вот как просто переезжали на новую квартиру в эпоху палеолита!

Они шли вверх по течению реки, хотя это могло привести их к логову медведя, но другого пути для них не было. В низовье жило их племя, а разве Уг-Ломи не убил Айю и Вау? А уйти от воды они не могли: ведь им надо было пить.

Они шли буковым лесом, а ущелье становилось все глубже, и вот уже река пенящимся потоком неслась в пятистах футах под ними. Из всех изменчивых вещей в нашем изменчивом мире меньше всего меняются направления рек, протекающих в глубоких лощинах. Это была река Уэй, река, которую мы знаем и сегодня; Эвдена и Уг-Ломи, первые люди, появившиеся в этой части земли, проходили по тем самым местам, где сейчас расположены города Гилдфорд и Годалминг. Один раз они заметили серую обезьяну — она прокричала что-то и скрылась, а всю дорогу вдоль края обрыва шел четкий след пещерного медведя-великана.

Внезапно след медведя свернул в сторону от обрыва, и Уг-Ломи подумал, что логовище, наверное, где-то слева. Они пошли дальше, вдоль обрыва, но вскоре им пришлось остановиться. Перед ними была огромная полукруглая выемка — некогда тут обвалился берег. Обвал перегородил ущелье, образовав запруду, которую река, разлившись, прорвала в одном месте. Обвал произошел давным-давно. Земля заросла травой, но стена скал над полукруглой площадкой внизу выемки оставалась белой и гладкой, как в тот же день, когда часть берега оторвалась и сползла вниз. У подножия этой белой стены четко вырисовывались темные пасти пещер.

И в то время как Эвдена и Уг-Ломи стояли, глядя на оползень и не испытывая особой охоты его огибать, так как думали, что медвежье логово расположено где-то слева, в том направлении, куда им придется идти, они вдруг увидели сначала одного, затем другого медведя, которые поднимались справа от них по травянистому склону и затем пересекли полукруглую площадку, направляясь к пещерам. Впереди шел Энду, немного прихрамывая на переднюю лапу, и вид у него был унылый; за ним, тяжело ступая, брела медведица.

Эвдена и Уг-Ломи попятились от края обрыва так, что им видны были только спины медведей. И тут Уг-Ломи остановился. Эвдена дернула его за плечо, но он отрицательно покачал головой, и она опустила руку. Уг-Ломи стоял, сжимая в руке топор и глядя на медведей, пока они не скрылись в пещере. Он еле слышно проворчал что-то и потряс топором вслед медведице. А затем, к ужасу Эвдены, вместо того чтобы им потихоньку уйти вдвоем, Уг-Ломи лег на землю и пополз вперед до места, откуда была видна пещера. Это были медведи, а он держался так спокойно, будто подстерегал кроликов!

Он лежал в тени деревьев, весь в пятнах солнечного света, неподвижный, как поваленный ствол. Он думал. А Эвдена с детства знала, что когда Уг-Ломи застывал таким образом, подперев кулаками подбородок, вслед за тем случались небывалые вещи.

Пока он думал, прошло не менее часа. Настал полдень, когда два жалких человечка подошли к краю обрыва, нависшего над медвежьей пещерой. И до самого вечера они отчаянно сражались с огромным обломком известняка, вкатывая его голыми руками, с помощью одних только крепких мышц, вверх по склону из оврага, где он торчал, как шатающийся зуб. В добрых два обхвата, высотой Эвдене по пояс, он оцетинился острыми кремнями. К заходу солнца они установили его у края обрыва над входом в логово большого пещерного медведя.

В тот день беседа в пещере шла вяло. Медведица с обиженным видом — она любила лакомиться мясом кабанов и обезьян — дремала в углу, а Энду занимался тем, что лизал лапу и тер ею морду, чтобы охладить горящие раны. Потом он подошел к самому выходу из пещеры и сел там, щурясь здоровым глазом на вечернее солнце и размышляя.

— Никогда в жизни я не был так поражен, — проговорил он наконец. — Какие страшные звери! Напасть на меня!

— Мне они не нравятся, — отозвалась позади него медведица.

— Более хилых зверей мне никогда не приходилось видеть. И

куда это только идет мир! Лапы тощие, как былинки... И как это они не замерзают зимой?

— Очень вероятно, что и замерзают, — сказала медведица.

— Я думаю, это что-то вроде неудавшейся обезьяны.

— Разновидность, — обронила медведица.

Молчание.

— Его успех — чистый случай, — снова начал Энду. — Такие вещи иногда бывают.

— Нет, я все-таки не понимаю, почему ты его отпустил, — проворчала медведица.

Вопрос этот уже неоднократно обсуждался и был решен. Поэтому Энду, умудренный жизненным опытом, на время умолк. Затем перевел разговор на другую тему:

— У него что-то вроде когтя... длинный коготь, сначала он торчал из одной лапы, потом из другой. Всего один коготь. Очень странные звери. У них есть еще такая штука... как блеск, что ходит днем по небу... Только она прыгает... Право, стоит посмотреть. У этой штуки есть корень... И еще она похожа на траву в ветреный день.

— Она кусается? — поинтересовалась медведица. — Если кусается, какая же это трава!

— Нет... не знаю, — сказал Энду. — Но, во всяком случае, любопытная штука.

— Хотела я бы знать, действительно ли они вкусные, — вздохнула медведица.

— На вид — да, — ответил Энду плотоядно. Пещерный медведь, подобно белому, был убежденным хищником: корни и мед его не интересовали.

Некоторое время медведи молча размышляли, затем Энду снова принялся лечить свой глаз. Солнечные блики на зелени склона перед входом в пещеру становились золотистее, пока не достигли теплого багряно-янтарного тона.

— Странная это штука — день, — заметил пещерный медведь, — и чересчур длинная, по-моему. Совсем не годится для охоты, всегда слепит мне глаза. И чую куда хуже, чем ночью.

Вместо ответа из темноты донесся хруст. Медведица грызла кость. Энду зевнул.

— Ну что ж, — сказал он.

Подойдя ко входу в пещеру, он высунул наружу голову и стал обозревать окрестность. Он обнаружил, что для того, чтобы увидеть что-нибудь справа от себя, ему приходится поворачивать всю

голову. «Ну, к завтрашнему дню глаз, без сомнения будет видеть, как раньше!» — решил Энду.

Он снова зевнул. Над его головой послышался легкий шорох, и с обрыва сорвалась большая глыба известняка; упав в трех футах от его носа, она разлетелась на дюжину неравных осколков, Энду даже подпрыгнул от неожиданности.

Немного придя в себя, он приблизился к обломкам и с любопытством стал их обнюхивать. У них был особенный запах, странным образом вызвавший в его памяти двух светло-коричневых зверьков с уступа. Энду сел, тронул лапой самый большой обломок, затем несколько раз обошел вокруг него, высматривая, нет ли здесь где-нибудь человека.

Когда наступила ночь, Энду отправился вниз по ущелью разведать, не удастся ли ему полакомиться хоть одним из тех, кто жил на уступе. Однако уступ оказался пуст. От красной штуки не осталось и следа, и так как в эту ночь он был голоден, то долго там не мешкал, а поспешил дальше на поиски олененка. О коричневых зверьках он забыл. Энду нашел олененка, но рядом с ним паслась его мать, и она отчаянно защищала детеныша. Ему пришлось оставить олененка, но лань была так разъярена, что продолжала драться, пока наконец Энду не ударил ее лапой по носу и не убил. Мяса в ней, правда, было больше, но зато оно не отличалось нежностью. Медведица, которая шла за ним следом, тоже получила свою долю.

На другой день, как это не странно, сверху на него упал в точности такой же белый камень и разбился вдребезги таким же образом, как и предыдущий.

Однако третий, свалившийся на следующий вечер, попал в цель; он ударил по толстому черепу Энду с такой силой, что по ущелью прокатилось эхо, а осколки брызнули во все стороны. Медведица вышла за ним следом, с любопытством повела носом и тут увидела, что Энду лежит как-то странно, а голова у него мокрая и бесформенная. Медведица была молодая, неопытная, поэтому, пофыркав и несколько раз его лизнув, она решила оставить его в покое, пока у него не пройдет это непонятное настроение, и отправилась на охоту одна.

Она искала детеныша той лани, которую они убили два дня назад, и нашла его. Но ей показалось скучно охотиться одной без Энду, и она повернула к дому еще до того, как начало светать. Небо, покрытое тучами, хмурилось, черные деревья в глубине ущелья казались незнакомыми, и в ее медвежьем мозгу зашеве-

лилось смутное предчувствие беды. Она громко позвала Энду по имени. Отозвалось ей только эхо.

Подходя к пещерам, она заметила в полумраке двух шакалов и услышала затихающий топот; вслед за тем раздался вой гиены, и несколько неуклюжих теней тяжело пробежали вверх по склону, а затем остановились и стали насмехаться.

— Властелин скал и пещер, я-ха! — донес ветер их пронзительный крик.

Уныние, охватившее медведицу, перешло вдруг в острую тоску. Она затрусила к логову.

— Я-ха! — визжали гиены, отступая. — Я-ха!

Пещерный медведь лежал уже не так, как раньше, над ним успели потрудиться гиены, и в одном месте из-под шерсти белели ребра. Вся трава вокруг него была усеяна обломками известняка. И в воздухе стоял запах смерти.

Медведица остановилась как вкопанная. Даже сейчас она не могла поверить, что великий Энду, удивительный Энду убит. И тут она услышала над головой какой-то звук, странный звук, похожий немного на крик гиены, но не такой пронзительный и вы-

сокий. Она взглянула вверх; ее маленькие, ослепленные рассветом глазки почти ничего не видели, ноздри трепетали. Там, на краю обрыва, высоко над ней, над розовой фоне утренней зари чернели два небольших косматых шарика — головы Эвдены и Уг-Ломи, — люди осыпали ее насмешками. Разглядеть их как следует она не могла, но слышала хорошо и начала что-то смутно понимать. В ее сердце закралось незнакомое раньше чувство страха перед грозящей неведомой опасностью.

Она принялась рассматривать обломки, разбросанные вокруг Энду. Несколько минут она стояла неподвижно, глядя вокруг и издавая низкое протяжное рычание, почти стон. Затем, все еще не веря, снова подошла к Энду, чтобы в последний раз попытаться его разбудить.

Глава третья

ПЕРВЫЙ ВСАДНИК

До того как на свет появился Уг-Ломи, у диких лошадей не бывало с людьми никаких недоразумений. Жили они далеко друг от друга: люди — в чащах и низинах по берегам рек, лошади — на открытых пастбищах, где росли каштаны и сосны. Случалось, лошадь, отбившись от табуна, попадала в трясину, и скоро кремневые ножи уже кромсали ее тушу, случалось, люди находили растерзанного львом жеребенка и, отогнав шакалов, пировали, пока солнце стояло высоко. Эти древние лошади были серовато-коричневой масти, с тяжелыми бабками, большой головой и жесткими хвостами. Каждую весну, когда равнины покрывались сочной травой, они приходили сюда с юго-востока, вслед за ласточками и перед бегемотами. Приходили небольшими табунами: жеребец, две-три кобылы и один или два сосунка; и у каждого табуна было свое пастбище, которое он покидал, когда начинали желтеть каштаны и с гор Уилдна спускались волки.

Паслись лошади обычно на открытых местах, прячась в тень только в самое жаркое время дня. Они избегали зарослей боярышника и бука, предпочитая отдельные группы деревьев, где можно было не опасаться засады и приблизиться к ним незаметно было очень трудно. Они не вступали в бой с врагом — копыта и зубы пускались в ход только схватке между соперниками-жеребцами, — но на открытых равнинах их не мог догнать никто, кроме, пожа-

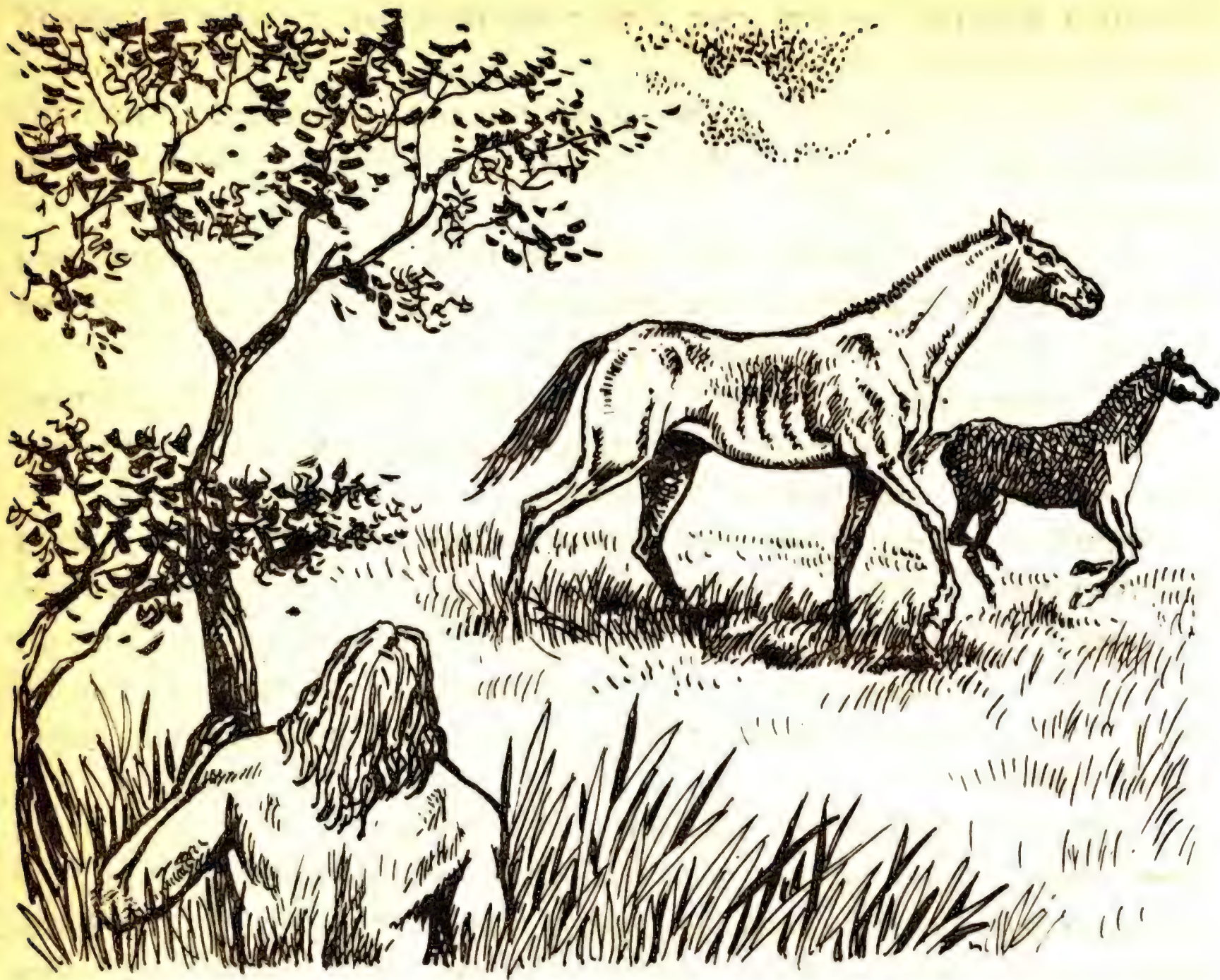
луй, слона, если бы ему вздумалось за ними погнаться. А человек в те дни казался совершенно безобидной тварью. Ничто не предсказало предкам нашей лошади, какое тяжелое рабство предстоит ее потомкам, им не являлись пророческие видения хлыста, шпор и вожжей, тяжелых грузов и скользких мостовых, вечного голода и живодерен — всего того, что ожидало их вместо широкого раздолья лугов и полной свободы.

В болотистых низовьях Уэй Уг-Ломи и Эвдене никогда не случалось видеть лошадей близко, но теперь они каждый день встречали их, когда выходили на охоту из своего убежища на уступе. Они вернулись на уступ после того, как Уг-Ломи убил Энду: медведицы они не боялись. Медведица сама боялась их и, когда чуяла поблизости, сворачивала в сторону. Они повсюду ходили вместе; с тех пор как они ушли от племени, Эвдена стала не столько его женщиной, сколько его подругой; она даже научилась охотиться — в той мере, конечно, в какой это доступно женщине. Да, она была несравненной женщиной. Уг-Ломи мог часами лежать, подстергая зверя или обдумывая какую-нибудь новую уловку, а она сидела рядом, устремив на него блестящие глаза и не надоедая ему глупыми советами, — безмолвно, как мужчина. Необыкновенная женщина!

Над обрывистым берегом расстился луг, дальше начинался буковый лес, а за ним тянулась холмистая равнина, где паслись лошади. Здесь, на опушке леса, в папоротнике было много кроличьих нор. И Эвдена с Уг-Ломи часто лежали под перистыми листьями, держа наготове метательные камни и дожидаясь заката, когда зверьки покидают норы, чтобы щипать траву и играть в лучах заходящего солнца. Но если Эвдена, вся внимание, молча смотрела на облюбованную нору, Уг-Ломи то и дело переводил взгляд на удивительных животных, пасшихся на зеленой равнине.

Сам того не сознавая, он восхищался их грацией, быстротой и ловкостью. Вечером, на закате, когда дневная жара спадала, они, повеселев, с громким ржанием, потрясая гривами, принимались гоняться друг за другом и порой проносились так близко, что топот копыт звучал, словно частые раскаты грома. Это было прекрасно, и Уг-Ломи хотелось самому поскакать вместе с ними. Иногда какая-нибудь из лошадей начинала кататься по земле, брыкаясь всеми четырьмя ногами, что выглядело, конечно, куда менее привлекательно, скорее даже страшно.

Пока Уг-Ломи, лежа в засаде, следил за лошадьми, в его уме

роились какие-то смутные видения и в результате два кролика избежали неминуемой смерти. А во сне, когда видения становились ярче, а дух смелее — так бывало и в те времена, — он подходил к лошадям и сражался с ними, камень против копыта; но потом лошади превращались в людей, вернее, в людей с лошадиными головами, и Уг-Ломи просыпался весь в холодном поту от страха.

И вот однажды утром, в то время как лошади щипали траву, одна из кобыл предостерегающе заржала, и все они увидели Уг-Ломи, который приближался к ним с подветренной стороны. Перестав жевать, они смотрели не него. Уг-Ломи двигался не прямо к ним, а с безразличным видом наискось пересекал луговину, глядя на что угодно, только не на лошадей. В его спутанных волосах торчали три листа папоротника, придавая ему весьма странный вид; шел он очень медленно.

— Это еще что такое? — спросил Вожак Табуна, жеребец, отличавшийся умом, но не умудренный жизненным опытом.

— Больше всего это похоже на переднюю половину зверя, — продолжал он, — передние ноги есть, а задних нет.

— Это всего лишь одна из розовых обезьян, — отозвалась

Старшая Кобыла, — которые живут по берегам рек. На равнинах их водится сколько угодно.

Уг-Ломи, незаметно меняя направление, продолжал приближаться к ним. Старшую Кобылу поразило отсутствие смысла в его действиях.

— Дурак, — заявила она свойственным ей безапелляционным тоном и снова принялась щипать траву. Вожак Табуна и Вторая Кобыла последовали ее примеру.

— Гляньте-ка, он уже близко, — сказал Полосатый Жеребенок.

Один из сосунков забеспокоился. Уг-Ломи присел на корточки и не отрываясь смотрел на лошадей.

Через некоторое время он убедился, что лошади не собираются ни спастись бегством, ни нападать на него. Он стал раздумывать, как ему быть дальше. Особого желания убивать он не испытывал, но топор его лежал рядом, и в нем заговорила охотничья страсть. Как убить одно из этих животных, этих громадных великолепных животных?

Эвдена, с боязливым восхищением наблюдавшая за ним из-за папоротников, увидела, что он встал на четвереньки и снова двинулся вперед. Но лошадям он больше нравился двуногим, чем четвероногим, и Вожак Табуна, вскинув голову, отдал приказ перейти на другое место. Уг-Ломи уже думал, что ему больше их не увидеть, но лошади, ринувшись галопом вперед, описали широкую дугу и остановились, втягивая ноздрями воздух. Потом, так как Уг-Ломи оказался скрыт от них небольшим холмиком, они построились гуськом — Вожак Табуна впереди — и, все суживая и суживая круги, стали к нему приближаться.

Лошади не знали, чего можно ожидать от Уг-Ломи, а Уг-Ломи не знал, на что способны лошади. И, насколько можно судить, он испугался. Его опыт говорил ему, что если бы он подкрался таким образом к оленю или буйволу, они напали бы на него. Как бы то ни было, Эвдена увидела, что он вскочил на ноги и, держа в руке листья папоротника, медленно пошел к ней.

Она встала ему навстречу, и он улыбнулся, чтобы показать, что получил от всего этого большое удовольствие, и сделал как раз то, что и собирался сделать. Так окончилась эта встреча. Но до самого вечера Уг-Ломи о чем-то раздумывал.

На следующий день это глупое светло-коричневое существо с львиной гривой, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом — щипать траву или охотиться, опять, крадучись, бродило

вокруг лошадей. Старшая Кобыла считала, что он не заслуживает ничего, кроме молчаливого презрения.

— Я думаю, он хочет чему-нибудь от нас научиться, — сказала она. — Пусть учится.

На третий день он снова принялся за свои штуки. Вожак Табуна решил, что у него нет никаких определенных намерений. На самом же деле намерения Уг-Ломи, первого из людей, почувствовавшего то странное обаяние, какое имеет лошадь для нас и по сей день, были весьма определенны. Лошади казались ему пределом совершенства. Боюсь, что в этом таились задатки сноба и ему хотелось быть поближе к этим прекрасным созданиям. Кроме того, в нем бродило смутное желание убить одно из них. Если бы только они подпустили его к себе! Но они, как он заметил, установили границу в пятьдесят шагов. Если он подходил ближе, они с достоинством удалялись. Пожалуй, мысль о том, чтобы вскочить одной на спину, подсказало ему воспоминание о том, как он ослепил Энду.

Спустя некоторое время Эвдена тоже стала выходить на равнину, и они вместе подкрадывались к лошадям, насколько те позволяли, но этим дело и ограничивалось. И в вот в один знаменательный день Уг-Ломи пришла в голову новая мысль. Лошадь смотрит вниз или прямо перед собой, но никогда не смотрит вверх. Ни одно животное не станет смотреть вверх, для этого у него слишком много здравого смысла. Только это нелепое создание — человек тратит время попусту, глаза на небо. Уг-Ломи не делал никаких философских умозаключений, он просто заметил, что это так. Поэтому он провел утомительный день, сидя на буке, одиноко стоявшем на лугу, а Эвдена подкрадывалась к лошадям со стороны леса. Обычно лошади после полудня прятались от солнца в тень, но небо было покрыто тучами, и, несмотря на все старания Эвдены, лошади к дереву не подошли.

И только два дня спустя желание Уг-Ломи осуществилось. Нависла гнетущая жара, тучи мух носились в воздухе. Лошади перестали пастись еще до полудня и, укрывшись в тень бука, на котором сидел Уг-Ломи, стояли парами, положив головы друг другу на круп и отгоняя хвостами мух.

Копыта Вожака Табуна давали ему право стоять у самого ствола. Внезапно раздался шелест, затем треск, и на спину ему с глухим стуком свалилось что-то тяжелое... Остро отточенный кремь впился ему в щеку. Вожак Табуна покачнулся, припал на одно

колени, затем подпрыгнул и понесся, как ветер. Вихрем взметнулись ноги, замелькали копыта, раздался испуганный храп. Уг-Ломи был подброшен на целый фут в воздух, опустился на спину жеребца, снова был подброшен, сильно ударился животом, и тут его колени обхватили что-то плотное. Он уцепился руками и ногами и почувствовал, что, удивительным образом качаясь из стороны в сторону, он с невероятной быстротой несется по воздуху, а топор его кто знает где! «Держись крепче», — сказал ему Отец Инстинкт, и так он и сделал.

Лицо его тонуло в густых жестких волосах, которые набивались ему даже в рот; он видел, как из под ног убегает покрытая травой земля. Перед его глазами было плечо Вожака Табуна, широкое, лоснящееся, с мягко перекатывающимися мускулами под кожей. Он понял, что руки его обвивают шею жеребца, и заметил, что отчаянные толчки повторяются довольно ритмично.

Стремительно неслись мимо стволы деревьев, затем веера папоротника и снова открытый луг. А там под быстрыми копытами замелькали камни — мелкие камешки косыми брызгами отскакивали далеко в стороны. Голова Уг-Ломи отчаянно кружилась, его стало мутить, но он был не из тех, кто отступает от задуманного, испугавшись неудобств.

Разжать колени он не решался, но попробовал устроиться половчее. Отпустив шею, он схватился за гриву, потом подтянул колени вперед и, выпрямившись, заметил, что сидит на том месте спины, где она начинает расширяться. Это было нелегко, но он все-таки добился своего: хотя он тяжело дышал и чувствовал себя не очень уверенно, по крайней мере его перестало так страшно трясти.

Понемногу Уг-Ломи собрался с мыслями. Быстрота, с которой они неслись, казалась ему чудовищной, но обуявший его поначалу безумный ужас стал уступать место чувству, близкому к восторгу. В лицо ему бил свежий ветер, стук копыт изменил ритм, потом вновь стал прежним. Они мчались сейчас по широкой прогалине в буковой роще, посреди серебряной лентой извивался ручеек, там и сям проглядывавший из сочной зелени, где звездами пестрели розовые цветы. Вот в голубой дымке промелькнула перед ними долина — далеко-далеко. Восторг его все возрастал. Впервые человек познал, что такое скорость.

Мелькнула поляна — пасшиеся на ней лани бросились врассыпную при их приближении, а два шакала, по ошибке приняв

Уг-Ломи за льва, поспешили за ними вслед. Когда они убедились, что это не лев, они все-таки продолжали бежать за ними дальше из любопытства. Жеребец несся вперед и вперед, обуреваемый одним желанием — убежать, а за ним, наострив уши, бежали шакалы, обмениваясь отрывистыми замечаниями.

— Кто кого убивает? — пролаял первый.

— Этот убивает лошадь, — ответил второй.

Они издали вой, который подействовал на жеребца, как в наши дни — шпоры, ибо так воют шакалы, когда следуют за львом.

Все вперед и вперед, как маленький смерч среди ясного дня, мчались они, вспугивая птиц, заставляя множество разных зверьков стремительно кидаться в норы, поднимая в воздух тысячи негодующих навозных мух, втапывая блаженствующие под солнцем цветы в землю, из которой они вышли. Снова деревья, а затем, разбрызгивая воду, они пересекли поток; вот у самых копыт Вожак табуна из травы выскочил заяц, и шакалы их сразу покинули. Вскоре они снова вырвались из леса на простор покрытых травой холмов — тех самых меловых холмов, которые можно разглядеть с ипподрома в Эпсоме.

Вожак Табуна давно уже перестал так бешено мчаться, как вначале. Он перешел на размеренную рысь, и Уг-Ломи, хотя он весь был в синяках и ссадинах и не знал, что его ждет впереди, чувствовал себя наверху блаженства. Но тут дело вдруг обернулось по-новому. Вожак Табуна опять переменял аллюр, описал небольшую дугу и остановился как вкопанный.

Уг-Ломи насторожился. Он пожалел, что у него не было с собой камня, — метательный кремь, который он привязывал к ремню, опоясывавшему его талию, остался, как и топор, неизвестно где. Вожак Табуна повернул голову, и Уг-Ломи увидел его глаза и зубы. Он убрал подальше ноги и ударил жеребца около глаза. В тот же миг голова исчезла из виду, а спина, на которой он сидел, взлетела кверху, изогнувшись в дугу. Уг-Ломи снова перестал мыслить и подчинялся только велениям Инстинкта, который говорил «цепляйся». Он обхватил бока жеребца коленями и ступнями, но его голова опустилась к самой траве. Его пальцы вцепились в густую жесткую гриву, и это его спасло. Скат, на котором он сидел, выровнялся и тут же...

— Ух! — выдохнул пораженный Уг-Ломи, когда его опрокинуло на спину.

Однако Уг-Ломи был на тысячу поколений ближе к природе,

чем современный человек: никакая обезьяна не могла бы уцепиться крепче. А лев давным-давно отучил лошадей опрокидываться на спину и кататься по земле. Правда, лягался жеребец мастерски и довольно ловко вскидывал задом. Пять минут показались Уг-Ломи вечностью. Он не сомневался, что жеребец убьет его, стоит ему упасть.

Затем Вожак Табуна решил применить прежнюю тактику и внезапно пустился в галоп. Он стремительно мчался вниз по крутому склону, не сворачивая ни вправо, ни влево, и по мере того, как они спускались, широко раскинувшаяся перед ними долина постепенно скрывалась из виду за приближавшимся авангардом дубков и боярышника. Вот они обогнули заросшую буйной травой ложбину, где между серебристыми кустами из земли пробивался родник. Почва делалась все сырее, трава — все выше, то и дело стали попадаться кусты шиповника, еще усеянные поздними цветами. Вскоре они очутились в сплошных зарослях, и ветки хлестали их так, что кровь выступила и у человека и у лошади. Затем путь снова расчистился.

И тут случилось удивительное происшествие. В кустах вдруг раздался злобный вопль, пронзительный вопль обиды и возмущения. И, с треском ломая сучья, за спиной у них появилась огромная серо-голубая туша. Это был Яаа, свирепый носорог; в припадке беспричинной ярости, которые нередко у него бывают, он ринулся прямо на них во всю мочь, как это обычно делают носороги. Прервали его трапезу, и поэтому кому-нибудь — не важно кому — нужно было вспороть брюхо, кого-нибудь надо было затоптать ногами. Он приближался к ним слева; его маленькие злые глазки налились кровью, толстый рог опустился к земле, хвост торчал кверху. В первое мгновение Уг-Ломи готов был уже соскользнуть с лошади и спрятаться в кустах, но тут... дробь копыт участилась, и носорог, торопливо перебиравший короткими ногами-тумбами, начал пятиться, и Уг-Ломи потерял его из виду. Через минуту кусты шиповника остались позади, и они вновь понеслись по открытой равнине. Сзади еще слышался тяжелый топот, но постепенно он затих, и Яаа словно вовсе не впадал в ярость, словно Яаа вовсе не было на свете.

И все тем же стремительным аллюром они летели вперед и вперед.

Уг-Ломи ликовал. А ликовать в те дни значило поносить побежденного.

— Я-ха! Большой нос! — закричал Уг-Ломи, выворачивая шею, чтобы увидеть далеко позади крошечное пятнышко — своего

преследователя. — Почему ты не носишь свой метательный камень в кулаке? — закончил он и испустил победный клич.

Это оказалось ошибкой. Неожиданный крик у самого уха напугал жеребца. Он метнулся в сторону, и Уг-Ломи внезапно снова очутился в самом неудобном положении, удерживаясь только одной рукой и коленом.

Остаток пути Уг-Ломи выдержал с честью, хотя удовольствия не получил. Ему не видно было ничего, кроме голубого неба, и ощущения при этом были самые неприятные. В конце концов его хлестнуло веткой шиповника, и он разжал пальцы.

Он ударился о землю скулой и плечом и, перекувыркнувшись в воздухе, снова ударился — на этот раз копчиком. У него из глаз посыпались искры. Ему чудилось, что земля под ним скачет, как лошадь. Затем он увидел, что сидит на траве, а кустарник остался в пяти шагах позади. Впереди расстилался луг, чем дальше, тем более сочный и зеленый, и виднелось несколько человеческих фигур; а жеребец несся быстрым галопом далеко справа.

Люди находились на той стороне реки, но и те, кто был на берегу и те кто бродил по воде, теперь со всех ног бросились от него прочь. Невиданное чудовище, на их глазах развалившееся надвое, было новинкой, которая пришлась им не очень по вкусу. Почти минуту Уг-Ломи сидел и смотрел на них безучастным взглядом. Излучина реки, холм среди зарослей тростника и цветочка, тонкие, тянувшиеся к небу струйки дыма — все это ему хорошо знакомо. Он очутился рядом со становищем Айи — Айи, от которого убежали они с Эвденной, Айи, которого он подстерег среди молодых каштанов и убил Первым Топором.

Уг-Ломи поднялся на ноги, все еще ошеломленный падением, и тут бегущие люди остановились и стали его разглядывать. Некоторые указывали пальцем на удалявшегося жеребца и быстро что-то говорили. Уг-Ломи пошел прямо на них, не отводя взгляда. Он забыл про жеребца, забыл о своих ушибах, — эта встреча казалась ему все более интересной. «Людей было меньше, чем раньше, — остальные, должно быть, попрятались», — подумал он, — и куча папоротника у огня, приготовленная на ночь, выглядела не такой высокой. У груды кремней должен сидеть Вау... Но тут он вспомнил, что он убил Вау. Теперь, когда перед ним вдруг встало это знакомое зрелище, ущелье, медведи и Эвденна словно ушли в далекое прошлое, в мир сновидений.

Уг-Ломи остановился на берегу и стоял, глядя на своих сопле-

менников. Его математические способности находились в самом зачаточном состоянии, но он был прав: людей действительно стало меньше. Мужчины могли быть на охоте, но куда девались женщины и дети? Он издал приветственный крик. Он ведь враждовал с Айей и Вау — не с ними.

— Дети Айи! — закричал он.

В ответ они называли его имя, немного робко, напуганные тем, как он появился.

Некоторое время они говорили все разом. Потом их заглушил пронзительный голос одной из старух.

— Наш властелин — Лев! — крикнула она.

Уг-Ломи не понял ее слов. И тогда ему крикнули несколько голосов сразу:

— Айя вернулся. Он теперь Лев. Наш властелин — Лев. Он приходит по ночам. Он убивает, кого захочет. Но никто другой не смеет нас убивать, Уг-Ломи, никто другой!

Уг-Ломи все еще не понимал.

— Наш властелин — Лев. Он больше не говорит с людьми.

Уг-Ломи внимательно смотрел на них. Это ему снилось уже... Он знал, что хотя он убил Айю, Айя все еще жив. И вот теперь они говорят ему, что Айя — Лев.

Сморщенная старуха, Старшая Хранительница Огня, внезапно повернулась и тихо сказала что-то тем, кто стоял с ней рядом. Она была очень стара, эта женщина — первая из женщин Айи, которой он дозволил жить дольше того возраста, до которого подобало оставлять в живых женщину. Она всегда отличалась хитростью, знала, как угодить Айе и раздобыть пищу. И теперь все к ней обращались за советом... Она тихо что-то говорила, а Уг-Ломи из-за реки смотрел на ее сгорбленную фигуру с необъяснимой неприязнью. Затем она громко позвала:

— Иди к нам, Уг-Ломи!

За ней закричала девушка:

— Иди к нам, Уг-Ломи!

И все принялись хором звать:

— Иди к нам, Уг-Ломи!

После того как с ними поговорила старуха, они все как-то странно переменились.

Уг-Ломи стоял неподвижно и смотрел на них. Ему было приятно, что его позвали, а девушка, первая позвавшая его, была красива. Но она напомнила ему об Эвдене.

— Иди к нам, Уг-Ломи! — кричали они и сгорбленная старуха — громче всех. При звуке ее голоса он снова заколебался.

Он стоял на берегу реки, Уг-Ломи — Уг-Думающий, и медленно его мысли обретали форму. А люди замолкали, один за другим, ожидая, что он сделает. Ему хотелось подойти к ним, ему хотелось повернуться и уйти. Наконец страх, а может быть, осторожность взяли верх, и, не ответив им, он повернулся и пошел по направлению к боярышнику тем самым путем, каким попал сюда. Увидев это, все племя стало звать его к себе. Он заколебался и повернул было, затем снова пошел вперед, опять оглянулся, раз другой, в глазах его отразилась тревожная нерешительность, — его все еще продолжали звать. Потом он сделал два шага назад, но его удержал страх. Они видели, как он еще раз остановился, затем вдруг тряхнул головой и исчез в кустах боярышника.

Тогда женщины и дети сделали последнюю попытку и хором прокричали его имя, но все было напрасно.

Ниже по течению реки, там, где легкий ветерок шевелил камыш, поближе к своей новой добыче, устроил логово лев, ставший на старости лет людоедом.

Старуха повернулась туда лицом и указала на заросли боярышника.

— Айя, — пронзительно закричала она, — вон идет твой враг! Вот идет твой враг, Айя! Почему ты пожираешь наших людей каждую ночь? Мы старались завлечь его в западню! Вон идет твой враг, Айя!

Но лев, облюбовавший их племя, отдыхал после еды, и крик ее остался без ответа. В тот день лев пообедал довольно толстой девушкой и пребывал в состоянии полнейшего благодушия. К тому же он не понимал, что он — Айя, а Уг-Ломи — его враг.

Вот так Уг-Ломи проскакал верхом на лошади и впервые услышал об Айи-Льве, который появился вместо Айи-Властелина и пожирал людей его племени. И в то время как он спешил к ущелью, все мысли его были заняты не лошадьми, а тем, что Айя все еще жив, что он может убить или быть убитым. Снова и снова он видел перед собой поредевшую кучку женщин и детей, кричавших, что Айя стал львом.

Айя стал львом!

Но тут, боясь, что его застигнут сумерки, Уг-Ломи пустился бегом.

Глава четвертая

АЙЯ-ЛЕВ

Старому льву повезло. Племя даже гордилось своим властелином, но этим и ограничивалась вся радость, которую они от него получали. Появился он в ту самую ночь, когда Уг-Ломи убил Айю-Хитреца, и поэтому они дали ему имя Айя. Первой его назвала так старуха Хранительница Огня. В ту ночь ливень почти погасил костер, и стало совсем темно. И вот, когда люди переговаривались, вглядываясь в темноте друг в друга и со страхом размышляли о том, что сделает умерший Айя, явившись к ним во сне, вдруг где-то совсем рядом заревел лев. Потом все стихло.

Они затаили дыхание: теперь слышен был только шум дождя да шипение капель на углях. А затем, через целую вечность — треск, крик ужаса и рычание. Они вскочили на ноги и с визгом и воплями заметались взад-вперед; но головешки не разгорались, и через мгновение лев уже волок свою жертву через папоротник. Это был Ирк, брат Вау.

Так пришел лев.

На следующую ночь папоротник еще не успел просохнуть после дождя, а лев явился снова и унес рыжего Клика. Льву хватило его на две ночи, а затем во время новолуния лев приходил три ночи подряд, несмотря на то, что костры горели хорошо. Лев был старый, со сточенными от времени зубами, но опытный и хладнокровный охотник; с кострами за свою долгую жизнь

он встречался и раньше: сыны Айи были не первыми людьми, которые питали его старость. Он прошел между двумя кострами, перескочил через кучу кремней и сбил с ног Ирма, сына Ирка, который, судя по всему, мог стать вождем племени. Эта ночь была страшной, они зажгли большие пучки папоротника и носились с пронзительными криками, так что лев даже выпустил свою жертву. При свете костра они увидели, что Ирм с трудом поднялся на ноги и пробежал несколько шагов им навстречу, но в два прыжка лев настиг его снова. И не стало Ирма.

Так пришел страх, и весна перестала их радовать. Племя уже не досчитывалось пяти человек, а через четыре ночи было покончено еще с тремя. Поиски пищи потеряли для них всякий интерес, никто не знал, чья очередь завтра. Весь день женщины, даже любимые жены, без отдыха собирали ветки и сучья для костра. Охотники охотились плохо, и теплой весной к людям подкрался голод, словно все еще стояла зима. Будь у них вождь, они бы ушли с этого места, но вождя не было, и никто не знал, куда уйти, чтобы лев не нашел их. Старый лев жирел и благодарил небо за вкусное людское племя. Двое детей и юноша погибли еще до полнолуния, и вот тогда-то сторбленная старуха Хранительница Огня в первый

раз вспомнила во сне об Эвдене и Уг-Ломи и о том, как был убит Айя. Всю жизнь она жила в страхе перед Айей, а теперь — в страхе перед львом. Она не могла поверить, чтобы Уг-Ломи — тот самый Уг-Ломи, который родился на ее глазах, — совсем убил Айю... Лев — это Айя, он рыщет в поисках своего врага!

А потом — внезапное и такое странное возвращение Уг-Ломи: далеко за рекой громадными скачками неслось какое-то удивительное животное и вдруг развалилось надвое — на лошадь и человека. И вслед за этим чудом на том берегу — Уг-Ломи... Да, все стало для нее ясно. Айя наказывал их за то, что они не поймали Уг-Ломи и Эвдену.

Золотой шар солнца еще висел в небе, когда мужчины один за другим вернулись к ожидавшим их превратностям ночи. Их встретили рассказами об Уг-Ломи. Старуха пошла вместе с ними на другой берег и показала им следы, говорившие о нерешительности. Сисс-Следопыт признал в отпечатке ногу Уг-Ломи.

— Айя ищет Уг-Ломи! — размахивая руками, кричала старуха, стоя над излучиной, и фигура ее, как бронзовое изваяние, пламенела в лучах заката. Нечленораздельные крики, вылетающие у нее из горла, лишь отдаленно напоминали человеческую речь, но смысл их был ясен: «Льву нужна Эвдена. Ночь за ночью он приходит в поисках Эвдены и Уг-Ломи. Когда он не может найти Эвдены и Уг-Ломи, он сердится и убивает. Ищите Эвдену и Уг-Ломи. Эвдену, которую он выбрал для себя, и Уг-Ломи, которому он сказал слово смерти. Ищите Эвдену и Уг-Ломи!»

Она повернулась к тростниковым зарослям, как когда-то поворачивалась к Айе.

— Разве не так, мой повелитель? — закричала она.

И, словно в ответ, высокий тростник наклонился под порывом ветра.

Уже давно спустились сумерки, а в становище все еще слышен был стук камня о дерево. Это мужчины оттачивали ясеновые копья для завтрашней охоты. А ночью, перед самым восходом луны, пришел лев и утащил женщину Сисса-Следопыта.

Рано утром, когда еще солнце не взошло, Сисс-Следопыт, и молодой Вау-Хау, который теперь обтачивал кремни, и Одноглазый, и Бо, и Пожиратель Улиток, и Два Красноголовых, и Кошачья Шкура, и Змея — все оставшиеся в живых мужчины из сыновей Айи, взяв копья и колющие камни и наполнив метательными камнями сделанные из лап животных мешочки, отправились

по следу Уг-Ломи. Они шли через заросли боярышника, где пасся Яаа-Носорог со своими братьями, и по голой равнине, вверх, к буковым лесам на холмах.

В эту ночь, когда занялся молодой месяц, яркое пламя костров поднималось высоко в небо и лев не тронул скорчившихся на земле от страха женщин и детей.

А на следующий день, когда солнце стояло еще в зените, охотники вернулись — все, кроме Одноглазого, который с проломленным черепом лежал мертвый под уступом. (Когда Уг-Ломи вернулся в этот вечер к обрыву после целого дня выслеживания лошадей, он увидел, что над Одноглазым уже трудились стервятники.) Охотники вели с собой Эвдену, раненую, в кровоподтеках, но живую. Таков был странный приказ старухи — привести ее живой. «Эта добыча не для нас, она для Айи-Льва». Руки Эвдены были стянуты ремнями, как будто охотники захватили мужчину, а не слабую женщину; слипшиеся от крови волосы падали ей на глаза, она еле держалась на ногах. Охотники окружили ее со всех сторон, и время от времени Пожиратель Улиток, получивший от нее свое прозвище, с хохотом бил ее ясеневым копьем. И всякий раз он оглядывался через плечо, словно пугаясь собственной смелости. Остальные тоже то и дело оглядывались, и все, кроме Эвдены, очень спешили. Когда старуха их увидела, она громко закричала от радости.

Они заставили Эвдену перебираться через реку со связанными руками, несмотря на быстрое течение, и когда она поскользнулась, старуха завизжала, сперва со злорадством, потом от страха, что Эвдена утонет. А когда Эвдену вытащили на берег, как ее ни били, она не могла встать. Так они оставили ее сидеть там — ее ноги касались воды, глаза глядели в пространство, а лицо оставалось неподвижным, что бы они ни говорили и ни делали. Все племя, даже маленькая кудрявая Хаха, только-только начавшая ходить, спустилось из становища к реке и стояло, во все глаза глядя на Эвдену и на старуху, — так мы смотрели бы сейчас на какого-нибудь диковинного раненого зверя и на того, кто его изловил.

Старуха сорвала с шеи Эвдены ожерелье и надела его на себя, — она первой когда-то носила его. Потом она вцепилась Эвдене в волосы и, выхватив у Сисса копье, изо всех сил стала ее бить. Излив свою злобу, она пристально посмотрела девушке в лицо. Глаза Эвдены были закрыты, все черты заострились, и лежала она так неподвижно, что на миг старуха испугалась, не мертва ли она.

Но тут ноздри Эвдены вздрогнули. Увидев это, старуха захохотала и ударила ее по лицу, а потом отдала копье Сиссу и, отойдя в сторону, принялась кричать и насмехаться над девушкой, как она одна это умела.

Старуха одна знала слов больше, чем кто-либо в племени. И слушать ее было страшно. Ее вопли и визг казались совсем бессвязными, и в гортанных выкриках проскальзывала лишь слабая тень мысли. И все же Эвдена поняла, что ее ожидает, — узнала про льва и про муки, которые он ей причинит.

— А Уг-Ломи! Ха-ха! Уг-Ломи убит?

И тут глаза Эвдены раскрылись, она приподнялась и села, и спокойно посмотрела прямо в глаза старухи.

— Нет, — медленно выговорила она, как бы пытаясь что-то припомнить. — Я не видела моего Уг-Ломи убитым. Я не видела моего Уг-Ломи убитым.

— Скажите ей! — закричала старуха. — Скажи ей тот, кто его убил. Скажи, как был убит Уг-Ломи.

Она переводила взгляд с одного мужчины на другого, а вслед за ней и остальные женщины и дети.

Ей никто не ответил. Они стояли, пристыженно понурившись.

— Скажите ей, — повторила старуха.

Мужчины переглянулись. Лицо Эвдены озарилось радостью.

— Скажите ей, — сказала она. — Скажите ей, могучие охотники! Скажите, как был убит Уг-Ломи.

Старуха, размахнувшись, ударила Эвдену по губам.

— Мы не могли найти Уг-Ломи, — пробормотал Сисс-Следопыт. — Кто охотится за двумя, не убьет ни одного.

Сердце Эвдены затрепетало от счастья, но она сумела скрыть то, что чувствовала. И так было лучше: быстрый взгляд, брошенный старухой, красноречиво говорил, что ей несдобровать бы.

Тогда старуха обрушила свой гнев на мужчин за то, что они побоялись выследить Уг-Ломи. С тех пор как не стало Айи, она больше никого не боялась. Старуха бранила их, как глупых детей. А они, поглядывая на нее с хмурым видом, сваливали вину друг на друга. А потом Сисс-Следопыт вдруг громким голосом велел ей замолчать.

Когда солнце стало клониться к закату, они повели Эвдену — хотя их сердца леденил страх — по тропе, которую проложил в тростниках старый лев. Ее вели все мужчины племени. Увидев рощицу ольхи, они торопливо привязали Эвдену к стволу, чтобы лев легко нашел ее, когда в сумерки выйдет из своего логова, а затем опрометью побежали обратно и остановились только у самого становища. Первым остановился Сисс и посмотрел назад, на деревья. Из становища была видна голова Эвдены — маленькое черное пятно под суком самой большой ольхи. Это получилось очень удачно.

Все женщины и дети собрались на вершине холма посмотреть на нее. А старуха кричала, чтобы лев шел за той, кого искал, давала ему советы, какие причинить ей муки.

Эвдена совсем обессилила от побоев, усталости и горя, и только ужас перед тем, что ее ожидало, не давал ей забыться. Вдали между стволами каштанов висело огромное кроваво-красное солнце, небо на западе пылало огнем; вечерний ветерок стих, и в теплом воздухе разлилось спокойствие. Над головой у нее роилась мошара, по временам рядом в реке всплескивалась рыба, и слышалось гудение пролетающего майского жука. Краем глаза Эвдена видела часть холма и маленькие фигуры стоявших там и глазевших на нее людей. И слышала хотя очень слабый, но отчетливый

стук камня о камень — это высекали огонь. Рядом с ней, тихий и неподвижный, темнел тростник, где устроил свое логово лев.

Вскоре удары огненного камня прекратились. Эвдена подняла глаза и увидела, что солнце уже зашло, над ее головой все ярче сияет молодой месяц. Эвдена посмотрела туда, где находилось логово льва, силясь разглядеть что-нибудь в тростнике, а затем вдруг стала метаться, со слезами призывая Уг-Ломи.

Но Уг-Ломи был далеко. Когда стоявшие на холме увидели, что Эвдена пытается освободиться, они громко закричали, и она снова застыла в неподвижности. Вскоре в воздухе замелькали летучие мыши, а звезда, похожая на Уг-Ломи, тихонько вышла из своего синего убежища на западе. Эвдена позвала ее, только шепотом, так как боялась льва. Но за все время, пока на землю спускалась ночь, тростник не шелохнулся.

Мрак окутал Эвдену, и луна засияла ярче; все тени, которые убежали вверх по холму, а затем с наступлением вечера совсем исчезли, вернулись к своим хозяевам, короткие и черные. В зарослях тростника и под ольхой, где обитал лев, стали собираться неясные существа и началось какое-то еле слышное движение. Но тьма сгущалась, а оттуда никто не выходил.

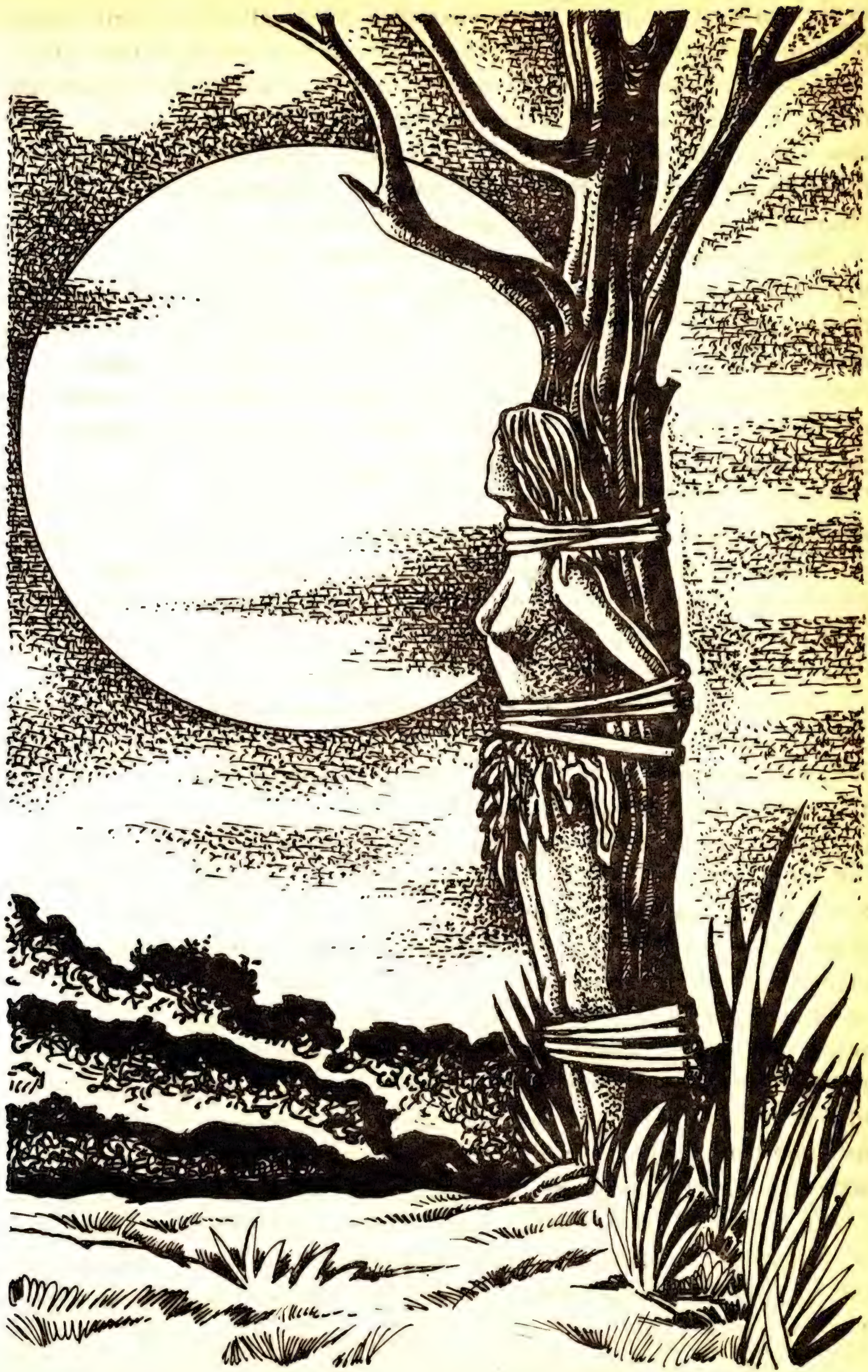
Эвдена посмотрела на становище и увидела дымные огни костров и людей, сновавших вокруг. В другой стороне, за рекой, курился белый туман. Откуда-то долетел жалобный визг лисят и пронзительный вопль гиены.

Время от времени она забывалась в напряженном ожидании. Спустя долгое время через реку с плеском перебралось какое-то животное и вышло на берег, выше логова, но кто это был, ей разглядеть не удалось. Она слышала, как к далекому водопою шумно спускались слоны, — такой тихой была ночь.

Земля потеряла все свои краски, превратившись в узор светлых пятен и непроницаемо-черных теней под синим небом. На серебряном серпе опускавшейся за лес луны тонким кружевом вырисовывались верхушки деревьев, а на востоке, над скрытыми тенью холмами, высыпали мириады звезд. Костры на холме горели теперь ярким пламенем, и на их фоне видны были стоявшие в ожидании фигуры. Они ждали вопля... Теперь уж, конечно, ждать оставалось недолго.

Внезапно ночь наполнилась движением. Эвдена затаила дыхание. Кто-то проходил мимо — одна, две, три бесшумно крадущихся тени — шакалы.

И снова долгое ожидание.

А затем, покрывая все звуки, которые ей чудились, в тростнике раздался шорох и отчаянная возня. Послышался треск. Тростник захрустел еще и еще раз — а затем все стихло, и только через ровные промежутки времени что-то со свистом рассекало воздух. Прозвучало глухое жалобное рычание, и вновь все смолкло. Тишина больше не прерывалась — неужели ей не будет конца? Эвдена, затаив дыхание, кусала губы, чтобы не закричать. Но тут по кустам что-то пробежало, и невольный крик вырвался из ее груди. Ответного хора криков с холма она не услышала.

В тростнике снова кто-то с треском задвигался. При свете заходящей луны Эвдена увидела, как заколыхался тростник, задрожали стволы ольхи. Она начала яростно вырываться из пут — последняя попытка. Но к ней никто не приблизился. Ей казалось, что по этому маленькому клочку земли носится не меньше десятка чудовищ, а потом вновь наступила тишина. Луна скрылась за дальним каштановым лесом, и мрак стал непроницаемым.

Затем послышался странный звук, словно прерывистое дыхание и всхлипывание — оно все учащалось и ослабевало. Опять тишина, и снова неясные звуки и храп какого-то животного.

И опять все смолкло. Далеко к востоку затрубил слон, из лесу донеслись рычание и вой, которые вскоре замерли.

Снова выглянула луна: теперь она светила сквозь стволы деревьев на гребне холма, посылая на поросшую тростником низину две широкие полосы света, разделенные полосой мрака. Раздался мерный шелест, всплеск, тростники закачались, раздвинулись в стороны и, наконец, расступились от корней до самых верхушек. Все кончено!

Эвдена напрягала зрение, стараясь рассмотреть, кто выйдет из тростника. На какое-то мгновение она как будто увидела, как и ждала, огромную голову с открытой пастью, затем голова съежилась, очертания ее изменились. Это было что-то темное, невысокое, безмолвное... но это был не лев. Вот оно застыло, и все кругом застыло. Эвдена прищурилась. Это существо походило на огромную лягушку — две лапы и за ними наклонно вытянутое тело. Голова поворачивалась из стороны в сторону, как будто оно всматривалось в темноту.

Раздался шорох, и оно неуклюжими толчками двинулось вперед и тихо застонало.

К сердцу Эвдены вдруг теплой волной прихлынула радость.

— Уг-Ломи! — шепнула она.

Существо остановилось.

— Эвдена, — тихо ответил Уг-Ломи, всматриваясь в чашу ольхи; в голосе его слышалось страдание.

И он снова двинулся вперед и выполз из тени в полосу лунного света. Все его тело было в темных пятнах. Она увидела, что он волочит ноги, а в руке сжимает свой топор. Первый Топор. Вот он с трудом поднялся на четвереньки и, пошатываясь, приблизился к ней.

— Лев! — произнес он голосом, в котором торжество странно смешивалось с болью. — Ва! Я убил льва. Вот этой рукой. Я убил его, как и большого медведя.

Он хотел жестом подкрепить свои слова и тут же, чуть слышно вскрикнув, замолк. Некоторое время он не двигался.

— Развяжи меня, — прошептала Эвдена.

Он ничего не ответил, но, уцепившись за ствол дерева, приподнялся с земли и принялся перерубать ее путы острым концом топора. Она слышала, как при каждом взмахе из его горла вырывается сдавленный стон. Он разрезал ремни, стягивавшие ей грудь и кисти, но тут его рука упала. Ударившись грудью о ее плечо, он соскользнул к ее ногам и замер.

Однако теперь она и сама могла освободиться. Торопливо сбросив путы, Эвдена отошла от дерева, и у нее закружилась голова. Она сделала шаг к Уг-Ломи — ее последнее сознательное движение, — пошатнулась и упала. Ее пальцы коснулись его бедра. Что-то мягкое и мокрое подалось под ее рукой. Уг-Ломи громко вскрикнул, дернулся от боли и снова затих.

Вскоре из тростника бесшумно вышла какая-то тень, похожая на собаку. Она остановилась, потянула носом воздух, постояла в нерешительности и, наконец, крадучись, снова ушла в темноту.

Очень долго они лежали неподвижно в свете заходящей луны. Медленно, так медленно, как клонилась луна к закату, надвигалась на них со стороны холмов тень тростника. Она легла на их ноги, и от Уг-Ломи осталось только посеребренные лунным светом плечи и голова. Тень наползла на его шею, покрыла лицо, и вот уже мрак ночи поглотил их обоих.

В темноте слышалось какое-то движение, легкие шаги, тихое рычание... удар.

В эту ночь женщины и дети в становище не сомкнули глаз, пока не слышали крика Эвдены. Но мужчины устали и сидя подремывали. Когда Эвдена закричала, они, решив, что теперь

им ничто не угрожает, поспешили занять места поближе к огню. Старуха, услышав крик, засмеялась; засмеялась она и потому, что заплакала Си, маленькая подружка Эвдены. Как только забрезжил рассвет, все поднялись и стали смотреть туда, под деревья. Убедившись, что Эвдены там нет, они обрадовались: наконец-то Айя умиротворен. Но радость мужчин омрачалась мыслью об Уг-Ломи. Они понимали, что такое мечь — ведь мечь существовала в мире испокон веков, — но мысль о возможности подвергнуться опасности ради другого еще не приходила к ним в голову.

Вдруг из зарослей выскочила гиена и помчалась через тростники. Ее морда и лапы были в темных пятнах. При виде гиены все мужчины закричали и, схватив метательные камни, кинулись ей наперерез — ведь нет животного трусливее, чем гиена днем. Люди ненавидели гиен, потому что они уносили детей и кусали тех, кто ложился спать далеко от костра. Кошачья Шкура, метко бросив камень, попал гиене прямо в бок, и все племя восторженно завопило.

Когда раздался крик, в логове льва слышалось хлопанье крыльев, и в воздух медленно поднялись три белоголовых стервятника. Описав несколько кругов, они снова опустились на ветки ольхи под логовом.

— Наш властелин ушел, — сказала старуха, указывая на них. — Стервятники тоже поживились Эвденкой.

Птицы еще посидели на дереве, потом вновь слетели вниз.

Между тем на востоке, из-за леса, расцвечивая мир и пробуждая его к жизни, как ликующие звуки фанфар, хлынул свет восходящего солнца. Дети хором закричали, захлопали в ладоши и, обгоняя друг друга, помчались к реке. Только маленькая Си не побежала с ними и недоуменно смотрела на деревья, где она накануне видела голову Эвдены.

Но Айя, старый лев, никуда не ушел. Он лежал совсем тихо, свалившись на бок, и лежал не в логове, а в нескольких шагах от него, на измятой траве. Под глазом виднелась запекшаяся кровь — слабый укус Первого Топора. Но вся земля вокруг была испещрена яркими ржаво-красными пятнами, а на груди у льва темнела рана, нанесенная острым копьем Уг-Ломи. Стервятники уже оставили свои отметины на его боку и шее.

Уг-Ломи убил льва, когда, поверженный его лапой на землю, он ткнул наудачу копьем ему в грудь и, собрав все силы, пронзил

сердце великана. Так окончил свое царствование лев, второе воплощение Айи-Властелина.

На холме шумно готовились к охоте — оттачивали копья и метательные камни. Никто не произносил имени Уг-Ломи, боясь этим вызвать его. Мужчины решили в ближайшие дни во время охоты держаться вместе, тесной кучкой. И охотиться они собирались на Уг-Ломи, чтобы он не напал на них первым.

Но Уг-Ломи, безмолвный, неподвижно лежал неподалеку от логова льва, а Эвдена сидела подле него на корточках, сжимая в руке копье, обагренное львиной кровью.

Глава пятая

БИТВА У ЛЬВИНОГО ЛОГОВА

Уг-Ломи лежал, привалившись спиной к стволу ольхи, и на его бедро — сплошное кровавое месиво — страшно было смотреть. Ни один цивилизованный человек не выжил бы, получив такие тяжелые ранения. Но Эвдена дала ему шипы, чтобы стянуть рану, и сидела возле него, днем отгоняя мух пучком тростника, ночью топором отпугивая гиен. И скоро Уг-Ломи стал поправляться. Лето было в самом разгаре, и дожди давно не выпадали. В первые два дня, пока раны Уг-Ломи еще не затянулись, они почти ничего не ели. В низине, где они укрылись, не было ни съедобных корней, ни маленьких зверьков, а река, в которой водились улитки и рыба, протекала на открытом месте, шагах в ста от них. Отойти далеко Эвдена не могла, так как днем боялась людей племени, своих братьев и сестер, а ночью — диких зверей, угрожавших жизни Уг-Ломи. Поэтому они делили со стервятниками останки льва. Зато поблизости пробивался из земли родничок, и Эвдена поила Уг-Ломи водой из пригоршни.

Место, где они нашли себе приют, было надежно укрыто от племени густым ольховником и окружено высоким тростником. Мертвый лев лежал на истоптанной траве у своего логова, в пятидесяти шагах от них, и они видели его сквозь стебли тростника. Стервятники сражались над трупом за лучшие куски и не подпускали к нему шакалов. Скоро над ним нависло облако огромных, с пчелу, мух, и до слуха Уг-Ломи доносилось их гудение. И когда раны Уг-Ломи начали заживать — а на это понадобилось не так

уж много времени, — от льва осталась только кучка отполированных белых костей.

Днем Уг-Ломи то неподвижно сидел, глядя в одну точку, иногда часами бормоча что-то о лошадях, медведях и львах, то ударял по земле своим Первым Топором, называя имена людей своего племени, — он, казалось, ничуть не боялся, что это привлечет их сюда. Но большую часть дня он спал, почти без сновидений, — из-за потери крови и скудной пищи. Короткие летние ночи оба они бодрствовали. И пока не наступал рассвет, вокруг них двигались какие-то существа — существа, которых они никогда не видели днем. Гиены в первое время не появлялись, а затем в одну безлунную ночь их пришло сразу около десятка, и они устроили драку из-за костей льва. Ночь наполнилась воем и хохотом, и Уг-Ломи с Эвденкой слышно было, как трещат кости у них на зубах. Но они знали, что гиены осмеливаются нападать только на мертвых и спящих, и поэтому не очень боялись.

Днем Эвдена иногда пробиралась к излучине реки по узкой тропе, проложенной старым львом в тростниках, и, спрятавшись в

зарослях, смотрела, что делается в становище. Она лежала неподалеку от дерева, к которому ее привязали, отдавая в жертву льву, и видела маленькие фигурки у костра так же отчетливо, как и в ту ночь. Но она редко рассказывала Уг-Ломи о том, что видела, так как боялась привлечь людей в свое убежище. В те дни верили, что назвать живое существо — значило позвать его.

Она видела, как на следующее утро, после того как Уг-Ломи убил льва, мужчины готовили копья и метательные камни и затем ушли на охоту, оставив женщин и детей в становище. Когда охотники, вытянувшись гуськом, во главе с Сиссом-Следопытом двинулись с холма на поиски Уг-Ломи, они и не подозревали, что он совсем рядом. Эвдена смотрела, как после ухода мужчин женщины и старшие дети собирали ветки и листья для костра, как играли и резвились мальчики и девочки. Но при виде старой Хранительницы Огня ей становилось страшно. Незадолго до полудня, когда почти все спустились к реке, она вышла на обращенный к Эвдене склон холма и стояла там — скрюченная коричневая фигура, — размахивая руками, так что Эвдена решила было, что ее заметили. Эвдена лежала, как заяц в ложбинке, не отрывая блестящих глаз от сгорбленной ведьмы, и в конце концов смутно поняла, что старуха возносит моления льву — тому льву, которого убил Уг-Ломи.

На следующий день вернулись усталые охотники и принесли молодого оленя, и Эвдена с завистью смотрела на их пир. А затем произошло что-то непонятное. Она совершенно ясно видела и слышала, как старуха кричит, машет руками и указывает прямо на нее. Она испугалась и, как змея, уползла подальше в тростник. Но все же любопытство превозмогло, и она вернулась на прежнее место. Когда она выглянула между стеблями, сердце у нее перестало биться: все мужчины, держа в руках оружие, шли с холма прямо к ней.

Она не смела шевельнуться, чтобы движением не выдать себя, и только еще плотнее прикинула к земле. Солнце стояло низко, и его золотые лучи били в лица охотников. Она увидела, что они несут одетый на ясеновое копьё кусок жирного окровавленного мяса. Вскоре они остановились.

— Дальше! — завизжала старуха.

Кошачья Шкура заворчал, но они пошли дальше, вглядываясь в заросли ослепленными глазами.

— Здесь! — сказал Сисс, и они всадили в землю ясеновое копьё с куском мяса.

— Айя, — закричал Сисс, — вот твоя доля! А Уг-Ломи мы убили, правда, мы убили Уг-Ломи. Сегодня мы убили Уг-Ломи, а завтра принесем его тело.

И остальные повторили его слова.

Охотники посмотрели друг на друга, оглянулись и боком попятнулись от зарослей. Сперва они шли медленно, затем повернулись к холму и только оглядывались через плечо, убыстряя шаг; скоро они уже бежали и, наконец, помчались, перегоняя друг друга. Только у самого холма Сисс, бежавший позади всех, первый замедлил шаг.

Солнце закатилось, спустились сумерки, костры на фоне подернутых голубоватой дымкой далеких каштановых лесов казались ярко-красными, и голоса на холме звучали весело. Эвдена лежала не шевелясь, поглядывая то на холм, то на мясо, то снова на холм. Она была голодна, но прикоснуться к мясу боялась. Наконец она потихоньку вернулась к Уг-Ломи.

Услышав, как под ногами ее тихо зашуршали листья, он обернулся: Лицо его было в тени.

— Ты принесла мне еду? — спросил он.

Она ответила, что ничего не могла найти, но поищет еще, и пошла обратно по львиной тропе, пока снова не увидела холм, но принудить себя взять мясо она не могла: смутный инстинкт заставлял ее остерегаться ловушки. Эвдена почувствовала себя очень несчастной.

Она прокралась обратно к Уг-Ломи и услышала, как он ворочается и стонет. Тогда она снова повернула к холму; возле мяса в темноте что-то шевелилось, и, всмотревшись пристальнее, она разглядела шакала. Вмиг страха Эвдены как не бывало: рассердившись, она выпрямилась во весь рост, громко крикнула и кинулась к жертвенному дару. Но споткнулась, упала и услышала, что шакал с рычанием убежал.

Когда она поднялась, только ясеновое копье лежало на земле, а мясо исчезло. И вот она пошла обратно, чтобы всю ночь страдать от голода с Уг-Ломи; Уг-Ломи очень сердился, что она не принесла поесть, но она ничего не рассказала о том, что видела.

Прошло еще два дня, и они совсем изголодались, но тут племя убило лошадь. С той же церемонией на ясеновом копье у зарослей была оставлена задняя нога, но на этот раз Эвдена не колебалась.

Помогая себе жестами, она рассказывала обо всем Уг-Ломи, но

он понял, что она говорит, только когда доел почти все мясо. А тогда он очень развеселился.

— Я — Айя, — сказал он. — Я — Лев. Я — Большой Пещерный Медведь. Я, который был раньше Уг-Ломи. Я — Хитрый Вау. Это хорошо, что они меня кормят, потому что скоро я всех их убью!

Сердце Эвдены наполнилось радостью, и она смеялась вместе с ним, а потом, довольная, доела остатки лошадиного мяса.

И вот после этого Уг-Ломи приснился сон, и на следующий день он велел Эвдене принести ему львиные зубы и когти — столько, сколько она сможет найти, — и вырезать ему из ольхи дубинку. Он очень искусно вставил зубы и когти в дерево так, что острые концы торчали наружу. Это заняло у него много времени, и вколачивая зубы в дерево, он затупил два из них и очень рассердился и бросил всю эту штуку прочь; но после, с трудом волоча тело, он подполз туда, куда кинул ее, и доделал дубинку; она вышла совсем не похожей на прежние — вся утыканная зубами. В тот день они опять ели мясо, принесенное племенем в жертву льву.

Как-то раз (с тех пор как Уг-Ломи сделал новую дубинку, дней прошло больше, чем пальцев у человека на руках, больше, чем можно сосчитать) Эвдена, пока он спал, лежала в зарослях и смотрела на становище. Уже три дня им не приносили мяса. Но старуха пришла и возносила моления льву как обычно. А в это время Си, маленькая подружка Эвдены и еще одна девочка — дочь первой женщины, которую любил Сисс, — спустились по склону холма и стояли, глядя на ее костлявую фигуру, а затем принялись ее передразнивать. Эвдене это показалось очень забавным. Но тут старуха вдруг обернулась и увидела их. На миг все они застыли неподвижно, затем старуха с криком ярости бросилась на детей, и все трое исчезли за гребнем холма.

Но вот девочки снова появились в папоротниках на склоне. Маленькая Си бежала впереди, она была легка на ногу, но другую, визжавшую от страха, старуха уже почти настигла. В это время на холме показался Сисс с костью в руке, за ним почти-тельно следовали Бо и Кошачья Шкура, каждый с куском мяса, и увидев, как разъярена старуха, они разразились смехом и криками. Старуха схватила девочку, испустившую жалобный вопль, и стала ее бить, а девочка громко плакала, и все это было для мужчин хорошим послеобеденным развлечением. Маленькая Си еще отбежала на несколько шагов и остановилась — страх боролся в ней с любопытством.

Но тут появилась мать девочки, всклокоченная, запыхавшаяся, с камнем в руке. Старуха повернулась к ней, как разъяренная кошка. Несмотря на свои годы, она еще могла потягаться с молодой, она — Главная Хранительница Огня; но, прежде чем она успела замахнуться, Сисс закричал на нее, и поднялся невероятный шум. Из-за гребня вынырнуло еще несколько лохматых голов. Эвдена поняла, что все племя сейчас находилось в станови-

ще и пирило. Старуха не посмела больше бить ребенка, который находился под защитой Сисса.

Все кричали и бранились, даже маленькая Си. Внезапно старуха выпустила девочку и бегом кинулась к Си, потому что за Си некому было заступиться. Си только в последний миг догадалась, какая ей грозит опасность, и, вскрикнув от ужаса, очертя голову бросилась от старой ведьмы, не разбирая дороги, прямо к логову льва. Но тут же, увидев, куда она бежит, свернула в сторону, к тростникам.

Однако это была поистине удивительная старуха, столь же проворная, как и злая. Она поймала Си за развевавшиеся волосы в тридцати шагах от Эвдены. А все племя со смехом и криками бежало вниз с холма в предвкушении интересного зрелища.

Сердце Эвдены дрогнуло, какое-то неведомое чувство шевельнулось в ней и, думая только о Си, совсем забыв о страхе перед племенем, она выскочила из своего убежища и бросилась к девочке. Старуха ее не видела, она в упоении хлестала маленькую Си по лицу, и вдруг что-то твердое и тяжелое ударило ее в щеку. Она зашаталась и, обернувшись, увидела Эвдену, покрасневшую-

ся, со сверкающими гневом глазами. Старуха взвизгнула от изумления и ужаса, а маленькая Си, так и не поняв, что произошло, стремглав пустилась бежать к пораженным людям своего племени. Они были теперь совсем рядом, появление Эвдены заставило их забыть и без того уже угасший страх перед львом.

В один миг Эвдена, бросив съезжившуюся от страха старуху, догнала Си.

— Си! — закричала она. — Си!

Она подхватила остановившуюся на бегу девочку, прижав к себе ее исцарапанное ногтями личико и кинулась назад к своему логову, логову старого льва. Старуха стояла, по пояс скрытая тростником, и ожесточенно поносила Эвдену, но не осмелилась преградить ей путь. На повороте Эвдена оглянулась и увидела, что мужчины криками сзывают друг друга, а Сисс рысцой бежит по проложенной львом тропе.

Эвдена промчалась по узкому проходу в тростнике прямо к тому месту, где был Уг-Ломи. Нога его уже заживала; разбуженный криками, он сидел под деревом и тер глаза. Она подбежала к нему, его женщина, с маленькой Си на руках. Она задыхалась от страха.

— Уг-Ломи! — закричала она. — Уг-Ломи, племя идет!

Уг-Ломи оторопело посмотрел на нее и на Си.

Не спуская девочку с рук, Эвдена указала назад. В своем скудном запасе слов она пыталась найти те, которые объяснили бы ему, что случилось. Она слышала, как перекликались мужчины. Должно быть, они остановились перед тростниковыми зарослями. Эвдена опустила Си на землю, схватила новую дубинку, утыканную львиными зубами, и вложила ее Уг-Ломи в руку, затем быстро подняла с земли лежавший в стороне Первый Топор.

— О, — сказал Уг-Ломи, взмахнув над головой новой палицей, но тут он наконец все понял и, перевернувшись на живот, напряг свои силы и встал.

Но стоял он не очень уверенно. Держась одной рукой за дерево, он только чуть касался земли больной ногой. В другой руке он сжимал палицу. Он взглянул на свое заживающее бедро; внезапно тростник зашелестел, затих, зашелестел снова, и, опасливо пригнувшись, подняв над головой обожженное на огне ясеновое копье, на тропе появился Сисс. Встретившись взглядом с Уг-Ломи, он замер. Уг-Ломи забыл о ране в бедре. Он твердо встал на обе ноги. На землю упала капля. Он глянул вниз и увидел, что из

подживающей раны сочится кровь. Он смочил кровью ладонь, чтобы крепче ухватить палицу, и снова посмотрел на Сисса.

— Ва! — закричал он и прыгнул вперед. Сисс настороженно следил за ним и быстрым движением метнул снизу в Уг-Ломи копье. Но оно только вспороло кожу на руке, поднятой для защиты, и в тот же миг палица опустилась — встречный удар, который Сиссу не суждено было оценить. Как бык под обухом мясника, он свалился к ногам Уг-Ломи.

Бо тоже ничего не понял. До этого он считал себя в безопасности: с двух сторон высокие стены тростника, а между ним и Уг-Ломи непреодолимая преграда — Сисс. По пятам за Бо следовал Пожиратель Улиток, так что и сзади опасаться было нечего. Бо был готов следовать за Сиссом, предоставив ему победу или смерть. Таково было его место, место Второго мужчины. И вот он увидел, как толстый конец копья в руках Сисса взметнулся и исчез, затем раздался глухой удар, широкая спина впереди рухнула, и он оказался лицом к лицу с Уг-Ломи, отделенным от него только телом простертого на земле вожака. Сердце Бо покатилося в пропасть. Он держал в одной руке метательный камень, в другой —

копье, но Уг-Ломи не дал ему времени решить, что из них пустить в ход.

Пожиратель Улиток был проворней, к тому же Бо, когда утыканная зубами палица опустилась ему на голову, не свалился ничком, как Сисс, а медленно осел на землю. Пожиратель Улиток быстро метнул копье прямо вперед и попал Уг-Ломи в плечо, а затем с отчаянным криком больно ударил его колющим камнем по другой руке. Палица, не задев врага, со свистом рассекла воздух и врезалась в тростник. Эвдена увидела, как Уг-Ломи, шатаясь сделал несколько шагов назад из узкого прохода на прогалину и, споткнувшись о тело Сисса, упал; из плеча его на целый фут торчало древко ясеневого копья. И тут Пожиратель Улиток, которому она еще девочкой дала это прозвище, получил от нее смертельную рану; когда вслед за копьем из зарослей тростника появилось сияющее торжеством его лицо, Эвдена, с молниеносной быстротой взмахнув Первым Топором, угодила ему прямо в висок, и он свалился на Сисса рядом с распростертым на земле Уг-Ломи.

Однако Уг-Ломи не успел еще подняться, когда из тростника выскочили два брата Красноголовых — с копьями и камнями наготове, а сразу за ними — Змея. Одного Красноголового Эвдена ударила по шее, но свалить его ей не удалось; покачнувшись он только помешал удару своего брата, который целился Уг-Ломи в голову. Уг-Ломи мгновенно бросил палицу, схватил своего противника поперек тела и со всего размаха швырнул на землю. Затем снова сжал в руке палицу. Красноголовый, которого чуть не сшибла с ног Эвдена, тут же поднял на нее копье, и, уклоняясь от удара, она невольно отступила в сторону. Он колебался, не зная, кинуться ли на нее или на Уг-Ломи, повернул голову и испуганно вскрикнул, увидев того совсем рядом, — через мгновение Уг-Ломи уже сжимал его горло, и палица получила свою третью жертву. Когда он упал, Уг-Ломи издал крик — крик торжества.

Второй из Красноголовых лежал спиной к Эвдене в нескольких шагах от нее, и по голове его текли струйки, еще более красные, чем его волосы. Он пытался встать на ноги. Эвдена думала только о том, чтобы помешать ему подняться, она кинула в него топор, но промахнулась и увидела, как он повернул и, обежав маленькую Си, помчался сквозь тростник. На мгновение на тропе показался Змея, но тут же она увидела его спи-

ну. В воздухе мелькнула палица, и Эвдена заметила, как лохматая, с запекшейся на волосах кровью голова Уг-Ломи нырнула в заросли вслед за Змеей. И тут же раздался его пронзительный, почти женский визг.

Пробежав мимо Си к папоротнику, где торчала рукоятка топора, Эвдена, еле переводя дыхание, обернулась и вдруг увидела, что на поляне, кроме нее, осталось только три бездыханных тела. Воздух звенел от криков и воплей. Голова у нее кружилась, перед глазами все плыло, но тут ее пронзила мысль, что на львиной тропе убивают Уг-Ломи, и, с невнятным возгласом перескочив через тело Бо, она помчалась вслед за Уг-Ломи. Поперек тропинки лежали ноги Змеи, его голова была скрыта в тростнике. Эвдена бежала, пока тропинка не повернула и не вывела ее на открытое место возле ольхи, и тут она увидела, что оставшиеся в живых люди племени бегут к становищу, рассыпавшись по склону, словно сухие листья, гонимые ветром. Уг-Ломи уже настигал Кошачью Шкуру.

Но быстроногий Кошачья Шкура ускользнул от него; не смог он догнать и молодого Вау-Хау, хотя преследовал его, пока не очутился далеко за холмом. Уг-Ломи был полон воинственной ярости, а кусок копья, застрявший у него в плече, действовал на него, как шпора. Убедившись, что ему не угрожает опасность, Эвдена остановилась и, тяжело дыша, смотрела, как вдалеке маленькие фигурки поспешно взбегают на холм и одна за другой скрываются за его гребнем.

Скоро она снова оказалась в одиночестве. Все произошло удивительно быстро. Дым Брата Огня ровным столбом поднимался над становищем к небу, точь-в-точь как еще недавно, когда старуха стояла на склоне, вознося моления льву.

Ей показалось, что прошло очень много времени, прежде чем Уг-Ломи показался на вершине холма. Тяжело переводя дыхание, он с торжествующим видом подошел к Эвдене, стоявшей на том самом месте, где несколько дней назад племя оставило ее в жертву льву. Волосы падали ей на глаза, лицо горело, в руке она сжимала окровавленный топор.

— Ва! — закричал Уг-Ломи и потряс в воздухе палицей, теперь красной от крови, с налипшими волосами. Он с признательностью посмотрел на бившуюся вместе с ним Эвдену. И она, взглянув на него, сияющего от счастья, почувствовала, как слабость разливается по ее телу, и заплакала и засмеялась.

При виде ее слез сердце Уг-Ломи сжала какая-то непонятная ему сладкая боль. Но он только громче крикнул: «Ва!» — и потряс топором. Как подобает мужчине, он велел Эвдене следовать за собой и, размахивая палицей, большими шагами направился к становищу, словно он никогда не уходил от племени; перестав плакать, Эвдена торопливо пошла за ним, как и подобает женщине.

Так Уг-Ломи и Эвдена вернулись в становище, из которого за много дней до этого убежали от Айи. Возле костра лежал наполовину съеденный олень, точь-в-точь как это было до того, как Уг-Ломи стал мужчиной, а Эвдена — женщиной. И вот Уг-Ломи сел и принялся есть, и Эвдена села рядом с ним, как равная, а все племя смотрело на них из безопасных убежищ. Через некоторое время одна из старших девочек, робея, пошла к ним с маленькой Си на руках, и Эвдена позвала их и предложила им пищи. Но девочка испугалась и не захотела подходить к ним близко, хотя Си и рвалась от нее к Эвдене. А потом, когда Уг-Ломи кончил есть, он задремал и наконец заснул, и мало-помалу все остальные вышли из своих убежищ и приблизились к ним. И когда Уг-Ломи проснулся, все (если не считать того, что нигде не было видно мужчин) выглядело так, будто он никогда и не покидал племени.

И вот что странно, хотя так это и было: пока Уг-Ломи сражался, он забыл о раненой ноге и не хромал, но, после того как он отдохнул, он стал хромым и хромал до конца своих дней.

Кошачья Шкура, и второй из Красноголовых Братьев, и Вау-Хау, который искусно обтачивал кремни, как это делал раньше его отец, убежали от Уг-Ломи, и никто не знал, куда они скрылись. Но через два дня они пришли и, сидя на корточках поодаль в папоротнике под каштанами, смотрели на становище. Уг-Ломи хотел было их прогнать, но гнев его уже остыл, и он не тронулся с места, и на закате они ушли. В тот же день они набрели в папоротнике на старуху, там, где Уг-Ломи наткнулся на нее, когда преследовал Вау-Хау. Она лежала мертвая и в смерти стала еще безобразнее, но тело ее не было тронуто. Шакалы и стервятники, отведав, оставили ее — она была поистине удивительной старухой!

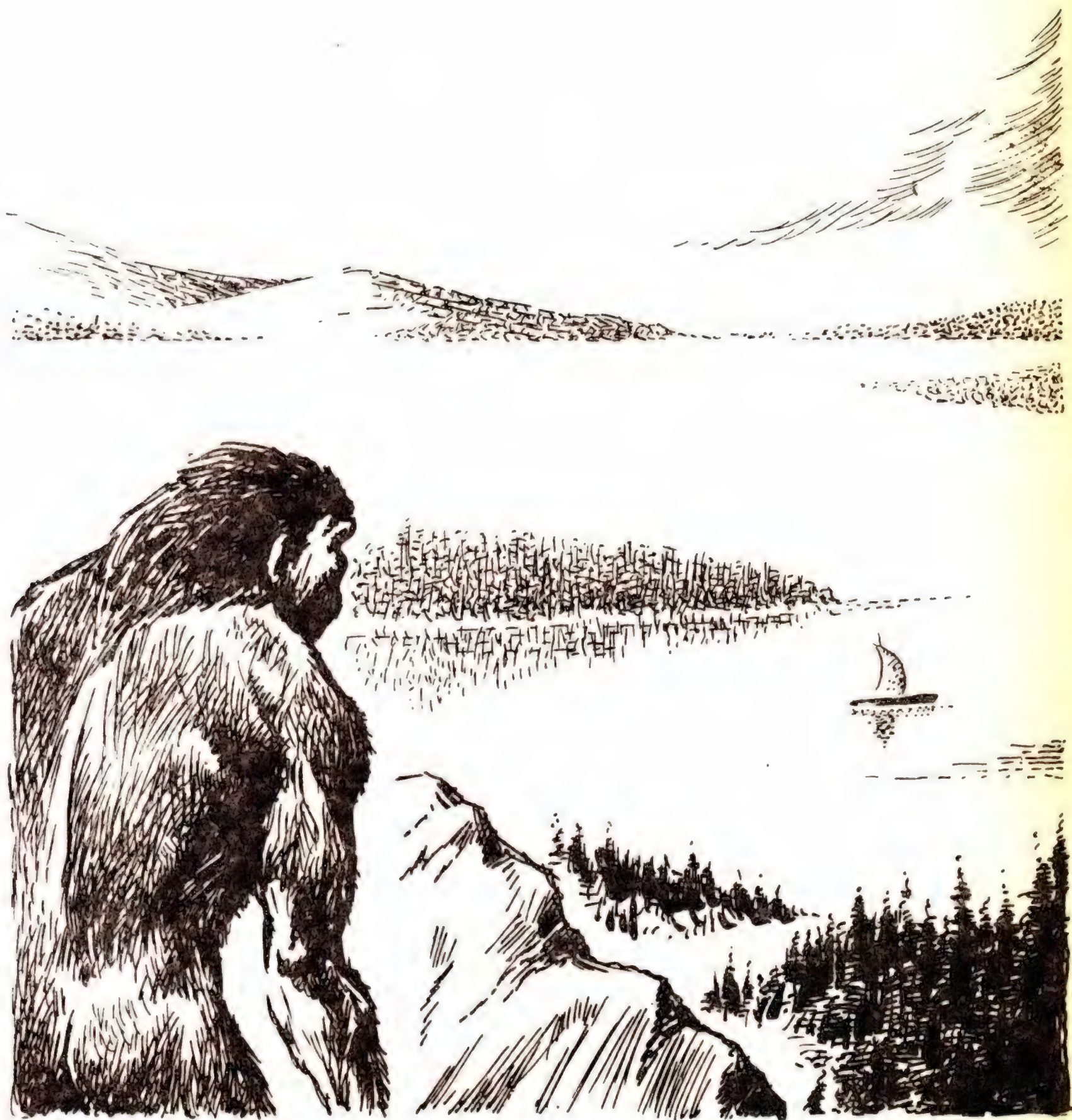
На следующий день мужчины пришли снова и сели ближе, и Вау-Хау держал в руке двух кроликов, а Красноголовый — лесного голубя, но Уг-Ломи встал и на глазах у женщин насмехался над пришедшими.

На третий день они сели еще ближе — у них не было ни камней, ни палок, только те же дары, что и накануне, а Кошачья Шкура принес форель. В те времена людям редко удавалось поймать рыбу, но Кошачья Шкура часами стоял в воде и ловил ее без всякой снасти. И на четвертый день Уг-Ломи дозволил им с миром вернуться в становище и принести с собой пищу, которую они добыли. Форель съел Уг-Ломи. С этого дня и на многие годы Уг-Ломи стал главой племени, и никто не осмеливался противиться его воле. А когда пришло его время, он был убит и съеден точно так же, как Айя.

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

Наследники

...Мы, по сути дела, имеем весьма слабое представление о внешности неандертальца, но все... позволяет предположить, что у него был густой волосяной покров, уродливая, а, можно сказать, и отвратительная с современной точки зрения внешность с округлым и узким лбом, заросшими бровями, с шеей, как у обезьяны и кряжистой фигурой... Сэр Гарри Джонстон в своем капитальном труде о происхождении современного человека «Изложение и гипотезы» заявляет: «Туманные воспоминания об этих гориллоподобных существах с хитрым умом, неустойчивой походкой, с заросшей густой шерстью шкурой, мощными зубами и, возможно, каннибальскими привычками, вероятно, и отражены в облике людоеда из легенд и преданий...»

Г. Д. Уэллс. Очерк истории.

I

Лок мчался изо всех сил. Он опустил голову и нес терновую дубинку над землей, чтобы легче сохранять равновесие, а другой, незанятой рукой расчищал дорогу среди ветвей. Лику, хохоча, прыгала на нем, одной рукой крепко вцепившись в густые каштановые завитки на его шее и спине, другой же прижимала к его загривку маленькую Оа. Ноги Лока были умны. Они видели. Они сами собой огибали голые острые камни среди стволов бука, сами перескакивали через лужи, пересекавшие тропу. Лику барабанила ногами по его брюху.

— Скорей! Скорей!

Но тут его ноги начали сопротивляться, он повернул и побежал медленнее. Теперь они оба слышали слева от тропы пока незаметную взгляду реку. Лес тут поредел, кусты отошли, и, сразу перед ними открылось вязкое, гладкое болото. Раньше здесь всегда лежало бревно.

— Тут, Лику.

Мерцающая болотная жижа лежала перед ними и тянулась

вбок, к реке. Тропа вдоль болота вилась на другом берегу, где высился склон, а дальше терялась среди деревьев. Лок, довольный, усмехнулся, сделал еще пару шагов к воде и застыл. Усмешка сошла с его лица, он широко открыл рот, нижняя челюсть опустилась. Лику прыгнула сперва к нему на колено, а потом на землю. Она прижала головку маленькой Оа ко рту и смотрела поверх нее.

Лок засмеялся от неожиданности.

— Бревно убежало.

Он закрыл глаза, напрягся и увидел бревно. Раньше оно, сероватое и подгнившее, пересекало воду, соединяя этот берег с противоположным. Когда очутишься на середине его, то ощущаешь, как под тобой дышит вода, страшная вода, кое-где очень глубокая, мужчине по шею. Она была не бессонной, как река или водопад, она сейчас дремала рядом с рекой, и только справа проснулась и бежала по голой топи, зарослям и трясине. Он так верил в это бревно, никогда не подводившее людей, что снова раскрыл глаза как после дурного сна, но бревно ушло на самом деле.

Их догнала Фа. Новый человечек крепко спал на ее спине. Она знала, что он не упадет, потому что ощущала, как он ручонками вцепился в шерсть у нее на шее, а ножками ухватил за волосы на спине, но все же двигалась осторожно, чтобы его не разбудить. Лок услышал ее шаги еще до того, как Фа приблизилась к деревьям.

— Фа! Бревно убежало!

Она приблизилась к воде, понюхала и с упреком посмотрела на Лока. Говорить было не о чем. Лок замотал головой.

— Нет, нет. Я не прятал бревно, чтобы удивить людей. Оно убежало само.

Он взмахнул руками, объясняя, как велика потеря, увидел, что она это понимает, и снова опустил руки.

Лику попросила:

— Покачай меня.

Она показывала на ветку бука, длинную, как обвислая шея, усыпанную словно веснушками, зелеными и бурными почками. Лок тут же забыл о пропавшем бревне и посадил Лику на ветку. Сам он, встав сбоку, прижимал ветку к земле и отступал шаг за шагом, пока она не затрещала.

— Хоп!

Он отпустил ветку и шлепнулся на землю. Ветка сразу разогнулась, и Лику завизжала от радости.

— Нет! Нет!

Но Лок снова сгибал и отпускал ветку, и Лику, с визгом, хохотом, и упреками, летела вверх, а потом вниз, прямо к самой воде. А Фа посматривала на эту воду, и на Лока, и снова на воду. Она была серьезна.

Ха приблизился по тропе, быстро, но не бегом, у него было больше мыслей, чем у Лока, и этот мужчина всегда находил выход из самых трудных положений. Когда Фа его позвала, он ответил ей не сразу, а сперва посмотрел на опустевшую воду, затем влево, где за стволами буков поблескивала река. Потом он прислушался и принялся, проверяя, нет ли опасности в лесу и, убедившись, что людям ничего не грозит, положил дубинку и опустился на колени у воды.

— Смотрите!

Пальцем он показал на следы под водой, где протащилось бревно. Края их еще были четкими, особенно там, где лежали неразмытые комья земли. Ха взглядом проводил следы до их исчезновения в черной воде. Фа посмотрела на противоположную сторону, где тропа продолжала свой путь. И там, в том месте, где недавно лежал другой конец бревна, почва была взрыта. Фа взглядом спросила Ха, и он ответил:

— Один день. Или два. Не три.

А Лику все еще весело визжала.

На тропе показалась Нил. Она слабо скулила, как всегда, когда ощущала голод и усталость. Но, хоть шкура на ее расплывшемся теле обвисла, груди все равно оставались упругими и полными молока. Любой из них мог быть голодным, но только не новый человек. Нил убедилась, что он в полной безопасности спит на шее Фа, затем подошла к Ха и тронула его руку.

— Почему ты бросил меня? Ты же видишь лучше Лока внутри себя.

Ха показал на воду.

— Я торопился найти бревно.

— Но бревно пропало.

Теперь Ха, Фа и Нил смотрели друг на друга. Скоро, как это всегда происходило у людей, чувства их соединились. Фа и Нил разделяли все мысли Ха. Он же думал, что обязан отыскать бревно, ведь если вода унесла его или бревно ушло само, им придется обходить болото еще целый день, а это так трудно и опасно, как никогда еще с ними не было.

Лок прижал ветку к земле и уже не отпускал. Он успокоил Лику, она слезла с дерева и встала возле Лока. Старуха приближалась к ним, они уже слышали ее шаги, она плелась согбенная, отрешенная от мира, погруженная в себя, помня только об обернутой листьями ноше, которую прижимала к своей высохшей груди. Люди стояли толпой и ждали ее в трепетном молчании. Она тоже не произнесла ни слова, терпеливо ожидая дальнейших событий, и лишь на миг опустила и тут же снова подняла свою кладь, как бы подчеркивая ее огромную важность для людей.

Лок прервал молчание первым. Он говорил со всеми сразу, пьянея от потока слов, слетавших с его губ, смеясь и пытаясь развеселить других. А Нил снова поскуливала.

Наконец они услышали последнего из своих. Это был Мал, он еле переставлял ноги и надрывно кашлял. Выйдя из леса, он остановился на окраине пустоши, тяжело оперся на тонкий конец дубинки и снова раскашлялся. Когда он наклонился, люди увидели, как он постарел. Гриву седых волос пересекала длинная плешь от бровей до затылка, достигавшая самых плеч. Люди ждали, пока он откашляется, застыв в молчании, как выжидает встревоженный олень, а жидкая земля заливала их ступни, просачиваясь между пальцами. Густое белое облако отползло, освободив солнце, и его холодные лучи осветили голые тела.

Наконец Мал отдышался. Он начал выпрямляться, опираясь на палицу. Потом оглядел воду и каждого из людей, а они терпеливо молчали.

— Я вижу так.

Он поднял одну руку и обхватил ладонью темя, словно пытался задержать в голове убегающие картины.

— Мал — ребенок, он сидит за спиной у матери. Воды много, она залила все здесь и тропинку тоже. Один мужчина мудрый. Он нашел упавшее дерево и...

Его усталые, ввалившиеся глаза с мукой глядели на людей, они просили их увидеть то, что видел он. Затем кашлянул снова, очень слабо. Старуха осторожно подняла свою ношу.

Ха наконец произнес:

— Я так не вижу.

Старик вздохнул и опустил руку с головы.

— Ищите упавшее дерево.

Люди послушно побрели вдоль воды. Старуха подошла к дере-

ву, на котором недавно качалась Лику, и положила на ветку уставшие руки. Ха подал голос первым. Они подбежали к нему и напугались, увязнув в жидкой трясине. А Лику отыскала какие-то ягоды, жухлые и старые, напоминающие о времени, когда плодов и ягод было много. Мал подошел и насупился, рассматривая бревно. Это была береза толщиной с человеческую ляжку; она наполовину была залита водой и покрыта тиной. Кора кое-где отстала, и Лок начал сдирать с нее разноцветные грибы. Некоторые из грибов можно было есть, и Лок протянул их Лику. Ха, Нил и Фаробко наклонились к бревну. Мал снова вздохнул.

— Погодите. Ха тут. Фа там. И Нил тоже. Лок!

Бревно подняли легко. Но сучья цеплялись за кусты, пока люди с трудом тащили его к черной болотной воде. Солнце снова скрылось.

Когда бревно приволокли к воде, старик нахмурился, рассматривая взрыхленную землю на другой стороне.

— Заставьте бревно плыть.

Сделать это было тяжело и сложно. Как ни заноси мокрое бревно, все равно приходилось залезать в воду. Но все же оно легло на воду, и Ха, навалившись всем телом, стал обеими руками толкать его. Сучковатая вершина не спеша сдвинулась и застряла в трясине на другой стороне. Лок что-то весело бормотал, закинув голову, слова бессвязно срывались с его губ. Никто его не слушал, но старик хмурился, обхватив руками голову. Поскольку ствол лег наискосок, то он не дотянулся до другого берега. Там ствол был очень тонким. Ха поглядел на старика, а тот снова прижал ладони к темени и закашлялся. Ха вздохнул и осторожно поставил одну ногу в воду. Увидев, что он делает, люди, сопереживая, застонали. Ха ступал медленно, морщился, гримасничал, и люди морщились как и он. Ха отдышался, заставил себя сделать еще усилие, и теперь вода доставала до его коленей. Он с такой силой сжимал березовый ствол, что кора трещала. Теперь он давил одной рукой и балансировал другой. Ствол перекатился, сучья повернулись, сбрасывая остатки вялых листьев, вершина дерева поднялась и легла совсем рядом с другим берегом. Ха нажимал изо всех сил, но справиться с растопыренными сучьями не мог. На другой стороне березовый ствол прятался под водой, не достигая берега. Ха отошел назад, на берег, под мрачными взглядами людей. Мал посмотрел на него терпеливо и снова обеими руками сжал палицу. Ха отошел к краю леса, где тропа появлялась из кустов. Он поднял свою ду-

бинку и присел. На секунду он резко наклонился вперед и почти упал, но тут же ноги рванулись, и он помчался вперед. Он сделал по бревну четыре шага, наклоняясь вперед все больше и больше, так что голова была готова удариться о колени; потом бревно бурно рассекло воду, но Ха уже несея по воздуху, поджав ноги и раскинув руки. Он шлепнулся на землю в кучу опавших листьев. Потом вскочил, взялся за вершину дерева и сильно дернул. Тропа через болото была восстановлена.

Люди зашумели радостно и облегченно. Тут же снова выглянуло солнце. Теперь весь мир как будто радовался вместе с ними. Они хвалили Ха, колотя ладонями по бедрам, а Лок делился своим восторгом с Лику.

— Видишь, Лику? Бревно теперь легло через воду. Ха очень много видит внутри себя!

Когда все уgomонились, Мал указал дубинкой на Фа.

— Фа и маленький.

Фа потрогала нового человечка. Ее густая грива прятала его целиком, и люди не видели ничего, кроме ручонки и ножек, крепко вцепившихся в жесткие завитки ее шерсти.

Фа подошла вплотную к воде, расставила руки, легко пробежала по стволу, и спрыгнула с веток рядом с Ха. Малыш проснулся, глянул ей за спину, одной ножкой захватил другую прядь шерсти и снова заснул.

— Теперь Нил.

Нил сморщилась, нахмурила брови. Она сдвинула назад завитки над глазами, разгладила их, нахмурилась, как от боли, и побежала по бревну. Руки она подняла высоко к небу и на середине ствола начала кричать:

— Аи! Аи! Аи!

Ствол стал прогибаться и увязать в зыбком дне. Нил добежала до самой вершины, высоко подпрыгнула, ее налитые молоком груди колыхнулись, и вдруг она провалилась по колено в воду. Она завизжала, выдернула ноги из жижи, вцепилась в протянутую руку Ха и потом долго переводила дыхание и дрожала, хотя стояла уже на твердой земле.

Мал приблизился к старухе и почтительно спросил:

— Можешь теперь перенести это туда?

Старуха была так отрешена от всего, что едва вернулась к реальности. Она побежала к бревну, все так же не разжимая сцепленных на груди рук. Была она худая, одни кости и кое-где редкие

седые волосы. Когда она быстро пересекала болото, березовый ствол был почти неподвижен.

Мал повернулся к Лику:

— Теперь побежишь ты?

Лику отняла ото рта маленькую Оа и прижалась густыми рыжими вихрами к бедру Лока.

— Хочу с Локом.

От этих слов у Лока в голове будто вспыхнуло солнце. Он широко раскрыл рот, и смеялся, и болтал, обращаясь к людям, хотя смутные картины, кружившие в его голове, вряд ли отвечали словам, которые лились из его рта. Он видел, как Фа добродушно посмеивается над ним и даже Мал грустно улыбается.

Нил предупредила:

— Осторожно, Лику. Держись крепче.

Лок потянул Лику за рыжую прядь.

— Лезь.

Лику, держась за его руку, одной ногой стала на его колено и без труда влезла наверх по завиткам на хребте. Маленькую Оа

она обняла теплой рукой и разместила снизу на его шее. Она крикнула:

— Готово!

Лок отступил назад к тропе на опушке. Он сурово поглядел на воду, побежал, но сразу остановился. Люди по ту сторону воды развеселились. Лок метался вперед и назад, но все время удерживал себя перед бревном. Он кричал:

— Смотрите, какой Лок великий прыгун!

Любуясь собой, он рванулся вперед, но снова, как бы в испуге, присел и побежал назад. Лику прыгала у него на спине и визжала:

— Скок! Скок!

Ее голова скользила по его темени. Наконец он приблизился к воде и, как Нил, высоко вскинул руки.

— Аи! Аи!

Теперь даже Мал смеялся. Лику подавилась смехом и замолчала, из глаз ее лилась вода. Лок спрятался под деревьями, а Нил от смеха держалась за грудь. Наконец Лок вновь выскочил. Он рванулся вперед, опустив голову. По бревну он пронесся с громким воплем. Затем прыгнул, опустился на суше, развернулся одним прыжком и долго еще прыгал и насмехался над побежденной водой, пока Лику не начала икать у него над ухом, а остальные не повалились на землю от смеха.

Наконец они успокоились и Мал сделал шаг к воде. Он кашлянул, посмотрел на людей и тревожно сказал:

— Теперь Мал.

Он нес палицу за середину для равновесия. Вот он взбежал на ствол, но его усталые ноги слабели и замедляли бег. Он перебирался, балансируя палицей. Ему не хватило скорости, чтобы добежать до конца. Люди увидели, как мука исказила его лицо и он оскалил зубы. Потом из-под одной ноги вырвался большой кусок коры и обнажил ствол, а перепрыгнуть он опоздал. Вторая нога заскользила, и Мал рухнул прямо в воду. Он рванулся вбок и тут же пропал в грязном бурном омуте. Лок заметался по берегу, крича что было сил:

— Мал тонет!

— Аи! Аи!

Ха шел вброд и мученически морщился от ледяных объятий воды. Он поймал конец палицы, а Мал крепко ухватился за другой конец. Потом Ха сжал кисть руки Мала, и они оба стали крутиться в болотине, как два борца. Мал выбрался и на четвереньках

прополз вперед, к земле. Тут он укрылся от воды за широким стволом бука, лег, сжался и непрерывно дрожал. Люди стеной обступили его. Они присели и прижимались к нему телами, они соединили руки, чтоб обезопасить и спасти его. Воды на нем уже не было, лишь на шкуре оставались мелкие капли. Лику протиснулась в центр группы и прижалась животом к его голени. Лишь старуха не шевелилась. Люди тесно окружали Мала, они дрожали его дрожью.

Лику сказала:

— Хочу есть.

Люди отступили, и Мал поднялся. Он все еще трясся. Дрожь эта не просто трепала шкуру, но проникала внутрь тела, так что дубинка в его руке трепетала как листок.

— Пойдем.

Он вел их вперед по тропе. Здесь было больше свободного пространства среди деревьев, и много кустов. Скоро они вышли на полянку, где царило гигантское, теперь мертвое дерево. Полянка подходила вплотную к реке, а остов дерева все еще величественно поднимался над нею. Вьюнок густо его опутал, цепкие, узловатые плети обхватывали дряхлый ствол и добрались до самой вершины, еще совсем недавно такой густой и зеленой. Грибы тоже поедали гиганта — крупные пластины, пропитанные дождевой влагой, и студенистые бугры помельче, разных цветов, — так что старое дерево постепенно становилось трухой. Нил набрала еды для Лику, и Лок тоже доставал ногтями белые личинки. Мал ждал конца их работы. Он уже не трясся всем телом, но порой его пронзала судорога. После очередного приступа он тяжело наваливался на палицу и медленно сползал по ней все ниже к земле.

Теперь до людей донесся новый звук, точнее шум, постоянный и вездесущий, который они хорошо знали. За поляной начинался высокий подъем, каменистый и голый, лишь кое-где отмеченный низкорослыми деревцами; здесь открывался скелет земли, круглые каменные суставы. За подъемом между гор лежала равнина, и оттуда река бросалась вниз могучим водопадом с огромной высоты. Люди тихо прислушивались к далекому шуму воды. Потом они оживились, начали смеяться и разговаривать. Лок сказал Лику:

— Сегодня мы будем спать у падающей воды. Ведь она не убежала. Ты помнишь?

— Я вижу внутри себя воду и пещеру.

Лок ласково похлопал ствол умершего дерева, а Мал быстро

повел их по склону. Теперь, успокоенные, они постепенно начали понимать, что он болен, но еще не сознавали до конца, как тяжела его болезнь. Мал волочил ноги, как бы вытаскивая их из трясины, и его ноги уже перестали быть умными. Они ступали бестолково, словно кто-то ставил их косо и криво, так что Мал вынужден был все время опираться на палицу. Люди за его спиной легко повторяли каждое его движение, от избытка сил им хотелось забежать вперед. Соперничая друг с другом в подражании, они безобидно, сами того не понимая, передразнивали его усилия. Когда он сутулился и задыхался, они тоже пыхтели, горбились, и ноги их нарочно становились глупыми. Они кружили по крутому склону среди редких деревьев и каменных суставов, а потом деревья оказались у них за спиной, и они вышли на голый склон.

Тут Мал остановился, сотрясаемый кашлем, и они поняли, что пора, наконец, дать ему отдых. Лок взял Лику за руку.

— Смотри!

Склон вел к долине, а впереди вздымалась гора. Слева был обрыв, где утес навис над рекой. На реке расположился остров, который так резко взлетел вверх, точно поднялся на задние лапы, одним концом упираясь в водопад. Река бурлила по обоим сторонам острова тесным потоком, который дальше становился широким и мощным; а куда она рушилась, невозможно было разглядеть за брызгами и пеленой тумана. На острове росли деревья и частые кусты, но край его, бросивший вызов водопаду, был будто укутан летучей пеной, и река по обеим сторонам его только слабо мерцала.

Мал двинулся дальше. К истоку водопада вели два пути, один извивался вправо и терялся среди скал. Этот путь был бы легче для Мала, но он не выбрал его, видимо, потому, что стремился скорей добраться до места, где можно было бы отдохнуть. Он не задумываясь свернул влево. Здесь изредка встречались кустики, за которые можно было держаться, поднимаясь по гребню скалы. Когда они пробирались по вершине, Лику снова обратилась к Локу. Гул водопада глушил ее слова и донес лишь немногие из них.

— Хочу есть.

Лок стукнул себя в грудь. Он закричал громко, чтобы его слышали все:

— Я вижу, как Лок находит дерево, где много-много почек...

— Ешь, Лику.

Ха оказался рядом с ягодами в руке. Он высыпал их на ладонь

Лику, и она ела, давя их губами; маленькая Оа безропотно висела у нее под мышкой. Лок понял, что он тоже голоден. Теперь, когда они покинули сырую зимнюю пещеру у моря и не питались больше залежалой, горькой на вкус едой, которую находили на отмелях и соленых болотах, он вдруг представил лакомства: мед и юные побеги, луковки и личинки, запретное и потому особенно сладкое мясо. Он поднял камень и стал колотить по голой скале над собой, будто долбил твердый древесный ствол.

Нил сняла с палицы сморщенную ягоду и сунула в рот.

— Смотрите, как Лок бьет скалу в бок!

Над ним смеялись, а он веселился, притворяясь, будто подслушивает у скалы, и кричал:

— Вставайте, личинки! Вы не спите?

Но Мал уже вел их вперед за собой.

Лик утеса отклонялся назад, и вместо того, чтобы преодолевать избороздившие его трещины, люди могли обойти его кругом, следуя над рекой, которая ниже водопада снова становилась стремительной и бурной. Тропа с каждым шагом делалась все круче, трудный подъем по скатам и уступам, трещинам и глыбам заставлял цепляться ногами за каждую ничтожную шероховатость. Скала под ними откидывалась назад, и только бездна отделяла их от пелены тумана и острова. Здесь стервятники уже плыли под ними, как черные хлопья над огнем костра, густые травы в реке волновались, и только по слабым промелькам меж стеблей угадывалась вода; остров же, поднявшийся на дыбы наперекор водопаду, против порога, откуда стремился потоп, был недостижим, как луна в небе. Дальше утес склонялся к земле, словно пытался разглядеть свое основание в воде. Хвостатые травы были как молодые деревья, выше многих мужчин, они качались рядом с поднимавшимися людьми взад и вперед, равномерно, как колотится сердце или бьется морской прибой.

Лок вспомнил, как звучит крик стервятников. Он погрозил им руками.

— Крок!

Новый человечек повернулся на спине у Фа, крепко хватая завитки шерсти ручонками и ножками. Ха — полный и грузный — двигался очень медленно и осторожно. Он полз на карачках, его руки и ноги цеплялись за уступы и подтягивались по каменной круче. Мал снова сказал:

— Стойте.

Они прочли это по губам, когда он повернулся, и плотно окружили его. Здесь тропа расширялась, и было просторно. Старуха положила руки на край обрыва, чтобы они отдохнули от тяжелой ноши. Мал скривился и кашлял так долго, что плечи передернула судорога. Нил под села к нему, одной рукой обхватив его живот, а другой плечо.

Лок смотрел далеко за реку, чтобы не вспоминать о голоде. Он раздул ноздри и сразу же ощутил смесь разнообразных запахов. Туман над водопадом до предела обострял любой запах, так же как дождь придает свежесть и яркость полевым цветам. Запахи людей были у каждого свой, но каждый смешался с запахом топкой тропы, по которой они двигались.

Это так убедительно говорило о приближении к их летнему стойбищу, что он засмеялся от восторга и повернулся к Фа с вожделением, забыв о своем голоде. Дождевая вода, которая пролилась на нее в чаще леса, высохла, и жесткие завитки у нее на загривке и на голове нового человечка стали искристо-рыжие. Лок протянул руку и тронул ее грудь, а она тоже засмеялась и отвела волосы с ушей за плечи.

— Мы отыщем еду, — сказал он, улыбаясь во весь свой рот, — и отдохнем с тобой.

Стоило упомянуть о еде, как голод стал столь же реальным, сколь и запахи. Он снова повернулся к обрыву, где пахло старухиной ношей. И сразу все исчезло, лишь пустота вокруг да густой туман от водопада плыл к нему из-за острова. Он повис, прижимаясь к скале, и цеплялся за ее неровности пальцами рук и ног, как вьюн своими усиками. Он видел хвостатые травы в реке через просвет у себя под рукой, они не шевелились, а словно замерли в этот миг удивительной зоркости. Лику визжала над обрывом, Фа лежала ничком у самого края и сжимала его кисть, а новый человечек поскуливал и старался вылезти из ее волос. Остальные люди торопились к ним. Ха был виден выше бедер. Он действовал осторожно, но быстро и уже нагнулся, чтобы схватить вторую руку. Лок ощущал, как ладони их вспотели от испуга за него. Поочередно подтягивал он вверх то ногу, то руку, пока не выбрался на тропу. Он перекатился набок и зарычал на густые травы, которые вновь зашевелились. Лику выла. Нил склонилась над ней, прижала ее голову к груди и стала успокаивать, глядя по заросшей шерстью спине. Фа резко развернула Лока к себе лицом.

— Зачем?

Лок опустил на колени и почесал щетину под губой. Потом показал на капли воды, летевшие к ним через остров.

— Старуха. Она была там. И ее ноша.

Стервятники взлетали из-под его руки в воздухе, обтекая скалу. Фа отпустила Лока, когда он заговорил о старухе. Но он продолжал смотреть ей в глаза.

— Она была там...

Оба ничего не могли понять и замолчали. Фа снова нахмурилась. Ее невозможно было обмануть. Что-то загадочное исходило от старухи и плавало в воздухе вокруг ее головы. Лок умолял Фа поверить ему:

— Я обернулся и упал.

Фа опустила веки и сказала строго:

— Я так не вижу.

Нил уводила Лику за другими. Фа тоже пошла, будто Лока не было вообще. Он послушно плелся за ней, понимая свою оплошность, и все же повторял на ходу:

— Я обернулся к ней...

Люди дожидались их впереди на тропе. Фа крикнула:

— Мы идем!

Ха ответил ей:

— Тут ледяная женщина.

Впереди и выше Мала лежала падь, забитая слежавшимся снегом, до которого еще не дотянулось солнце. Собственная тяжесть и стужа, а в начале ранней весны ливни превратили его в лед, который грозно нависал, и между отсыревшей кромкой и нагретой скалой лилась вода. Хотя раньше люди никогда не видали, чтобы ледяная женщина еще жила здесь, когда они возвращались со своей зимовки у моря, никто не подумал, что Мал повел их в горы прежде срока. Лок забыл про свое падение и про удивительную, ни с чем не сравнимую новизну запаха водных брызг и кинулся вперед. Он стал рядом с Ха и закричал:

— Оа! Оа! Оа!

Остальные подхватили возглас:

— Оа! Оа! Оа!

Средь вечного шума водопада голоса их были слабы и немощны, но стервятники их расслышали и насторожились, но потом плавно продолжили полет. Лику кричала и подкидывала вверх маленькую Оа, сама не зная зачем. Новый человечек вновь проснулся, облизнул губки розовым, как у котенка, язычком и поглядел сквозь пряди за ухом у Фа. Ледяная женщина свисала над людьми и впереди их. Хотя смертоносная вода струилась из ее чрева, она была неподвижна. Люди замолчали и заторопились уйти, пока она не исчезла за скалой. Молча дошли они до скал у водопада, где огромный утес рассматривал свою подошву в хлопьях белой пены и воронках. Здесь вода переливалась через порог, такая чистая, что через нее все было видно. Водоросли тут не шевелились тихо и торжественно, а бурно трепетали, точно рвались в побег. Близ водопада скалы были покрыты влагой и папоротники нависали над пустотой. Люди чуть глянули на водопад и заторопились дальше.

Над водопадом река струилась через долину и исчезала в горах.

Сейчас, в конце дня, солнце спустилось в долину и пламенем отражалось в воде. По ту сторону река омывала крутую гору, темную, не глядящую на солнце; но эта сторона не была такой неприступной. Тут был косогор, косой уступ, который плавно соединялся с другим утесом. Лок не смотрел ни на остров, где ни-

кто из людей не бывал, ни на гору на другой стороне долины. Он заторопился вслед за людьми, вспоминая, как спокойно на этом уступе. Снизу их защищала вода, потому что течение сбросило бы любого врага в водопад; а утес над уступом был доступен лишь горным козлам да птицам. Спуск с уступа к лесу преграждала такая трясина, что его мог защитить даже один человек, вооруженный палицей. И по этой тропе на крутом утесе над каскадом брызг и мятежными водами не ходил ни один зверь, ее протоптали лишь ноги людей.

Когда Лок повернул в конце тропы, лес за его спиной потемнел и тени из долины поднялись к уступу. Люди шумно располагались на земле, но Ха с размаху опустил дубинку, так что колючки на конце ее впились в почву у его ног. Он присел и принялся. Люди сразу замолчали, став полукругом перед пологим откосом. Мал и Ха с палицами в руках крадучись взобрались на низкий земляной склон и осмотрелись.

Но гиены ушли. Хотя их запах еще пластался по каменной крошке и по тощей траве, произраставшей из праха многих поколений, это был запах вчерашнего дня. Люди увидели, что Ха теперь держит палицу уже не как оружие и расслабились. Они поднялись вверх еще на несколько шагов и остановились у откоса, где закатные лучи солнца делали их тени косыми. Мал удержал кашель, который бился у него в груди, повернулся к старухе и стал ждать. Она стала на колени и положила в центре отлога глиняный шар. Потом раздвинула глину, распластала и разгладила ее поверх прежнего слежавшегося на земле слоя. Она низко склонилась над глиной и подула. В глубине откоса стоял высокий утес с нишами по бокам, и в этих нишах были заготовлены кучи хвороста, сучьев и больших веток. Старуха быстро подошла к кучам, взяла сучки, листья и сухое, трухлявое бревнышко. Она разложила их на распластанной глине и начала дуть. Показался дымок, затем в воздухе мелькнула первая искра. Сучки затрещали, красный с синеватым отливом язычок огня побежал по дереву и поднялся вверх, осветив щеку старухи. Ее глаза заблестели. Она снова сходила к впадинам, подкинула еще дров, и огонь предстал перед ними в полном великолепии своего пламени и в короне искр. Она принялась мять влажную глину, выпрямляя края, и теперь огонь оказался в центре плоского круга. Тогда она выпрямилась и произнесла:

— Огонь снова проснулся.

В ответ люди радостно зашумели. Они поспешили на откос. Мал сразу сел у костра и начал греть руки, а Фа и Нил притащили еще дров и уложили их рядом. Лику тоже взяла ветку и протянула ее старухе. Ха присел на корточки рядом с утесом, перзал и удобно прислонился к нему спиной. Его правая рука отыскала и подняла камень. Он показал его людям.

— Я вижу такой камень внутри себя. Вот Мал рубит им сучья. Смотрите! Этот край может рубить.

Мал взял камень у Ха, прикинул на ладони, сперва нахмурился, вспоминая, затем улыбнулся людям.

— Этим камнем я рубил, — сказал он. — Смотрите! Тут я держу его большим пальцем, а тут беру в руку тупой конец.

Он поднял камень и энергично показал, как им можно пользоваться.

— Замечательный камень, — сказал Лок. — Он ждал нас. Он лежал у костра и никуда не ушел, пока Мал не появился здесь.

Лок поднялся и глядел со склона поверх земли и камней. Никто не ушел, ни река, ни горы. И откос их дождался. Вдруг его охватил поток радости и восторга. Все их дождалось, дождалась и Оа-весна. Теперь она торопила к жизни вкусные ростки и побеги, откармливала личинки, источала запахи из почвы, распускала набухшие почки на ветках кустов и деревьев. Он запрыгал по уступу над рекой, широко разведя руки.

— Оа!

Мал отодвинулся от огня и осмотрел край откоса. Он присмотрелся к земле, убрал редкие сухие листья и звериный помет под скалой. Потом присел на корточки и выпятил грудь.

— Вот тут сидит Мал.

Он нежно погладил камень скалы, как Лок или Ха могли бы приласкать Фа.

— Мы вернулись домой!

Лок вернулся с уступа. Он поглядел на старуху. Свободная от ноши с огнем, она уже не была такой чуждой и отстраненной от остальных. Теперь он не боялся смотреть ей в глаза, говорить с

нею и даже верил, что она ответит ему. А говорить ему хотелось, чтобы лучше скрыть от других ту тревогу, которую всегда вызывало у него пламя костра.

— Ну вот, огонь снова в своей пещере. Тебе тепло, Лику?

Лику перестала лизать малую Оа и отодвинула ее ото рта.

— Есть хочу.

— Завтра мы отыщем еду и накормим всех людей.

Лику показала на малую Оа.

— Она тоже хочет есть.

— Ты возьмешь ее с собой и сама накормишь.

Он смеясь посмотрел на остальных людей.

— Я вижу...

Люди рассмеялись, потому что Лок обычно ничего и никого кроме себя самого не видел, и они знали это и он тоже знал.

— ...вижу, как появилась малая Оа...

Старый корень, на который он показывал, своими изгибами и утолщениями действительно напоминал толстую женщину.

— ...я стою среди деревьев. Я нащупываю. Вот здесь, под ногой нащупываю... — Он показал, как это происходило. Всю тяжесть тела он перенес на левую ногу, правая шаркала по земле. — ...Я ощущаю. Что ощущаю? Луковицу? Палку? Кость? — Пальцы правой ноги схватили что-то и передали левой руке. Он посмотрел. — Это малая Оа! — Он просиял, радуясь от души. — И теперь малая Оа всегда вместе с Лику.

Люди хлопали себя по бедрам, поощряя его и одновременно посмеиваясь и над ним, и над его сказками. Довольный такой наградой, он присел у костра, а люди утихли и задумчиво глядели на огонь.

Солнце спряталось в реке, и свет пропал вместе с ним. Теперь один костер приковывал общее внимание, его седая зола, пятно ярко-красного света, а над ним высокое дрожащее пламя. Старуха тихо двигалась, поднося дрова, красное пятно их грызло, и пламя вновь поднималось. Люди глядели, и лица их будто слегка вздрагивали в неверном свете. Конопатая кожа заалела, и у каждого в глубине глаз прыгали похожие, как близнецы, огоньки. Теперь, когда им стало тепло, люди дали отдых своим мышцам и блаженно нюхали дымный воздух. Они поджали пальцы ног, вытянули руки и даже чуточку отодвинулись от костра. Глубокое молчание, в которое они погрузились, было гораздо ближе их природе, чем речь, молчание помогало им забыть о времени и слить воедино свои

мысли. Потом они задремали. Рев воды стал почти неслышным, ощущался легкий ветерок. Уши людей жили особой жизнью, в общем ансамбле звуков они различали каждый в отдельности, будь то шелест дыхания, шорох влажной, подсыхающей глины и даже падение пепла.

Вдруг Мал спросил с необычной для него неуверенностью:

— Холодно тут?

Снова в каждом проснулся собственный разум, и все повернулись к Малу. Он уже обсох, и шкура его топорщилась. Он резко подался вперед, проехал коленями по глине и оперся на расставленные руки, так что костер дышал ему прямо в грудь. Ночной ветер дунул на огонь, и струйка дыма угодила Малу в широко открытый рот. Он поперхнулся, закашлялся и не мог остановиться, не в силах был справиться с кашлем. Все его тело тряслось, и он никак не мог отдышаться. Он упал на бок и дрожал. Они увидели страх в его глазах.

Старуха сказала:

— Это холод воды, в которую тогда он упал с бревна.

Она подошла, стала на колени и начала руками растирать Малу грудь, разминать мускулистую шею. Она положила его голову к себе на колени, телом укрыла от ветра, и кашель незаметно утих, и он лежал уже неподвижно, лишь иногда вздрагивая. Новый человечек проснулся и сполз со спины Фа. Он полез вдоль частокола вытянутых ног, и его рыжие волосики поблескивали в неверном свете. Увидев костер, он пролез под согнутым коленом Лока, вцепился в ногу Мала, подтянулся и поднялся. Два маленьких огонька светились в его глазенках, а он стоял, клонясь вперед, и не выпуская подрагивающую ногу. Люди смотрели то на детеныша, то на Мала. В костре треснула ветка так неожиданно, что Лок подскочил, и во тьму полетел сноп искр. Новый человечек опустился на четвереньки быстрее, чем искры осели. Он прошмыгнул мимо ног взрослых, вскарабкался по руке Нил и зарылся в шерсть у нее на спине, под гривой. Потом один из огоньков глянул из-за ее левого уха пытливо и тревожно. Нил склонила голову на плечо и любовно потерлась щекой о головку малыша. Новый человечек снова замер. Собственная его шерстка и волосы матери прятали его, как пещера. Ее грива висела над ним, как полог. Вскоре огонек за ее ухом угас.

Мал напрягся и с трудом сел, опираясь на старуху. Он поглядел на каждого из людей. Лику открыла было рот, пытаясь что-то сказать, но Фа резко оборвала ее.

Потом Мал заговорил:

— Сперва была великая Оа. Она породила Землю и выкормила ее. Потом Земля родила женщину, а та родила из своего чрева первого мужчину.

Люди внимательно слушали. Они ждали продолжения рассказа о том, что знал Мал. Сейчас он покажет им те времена, когда людей было неизмеримо много, когда круглый год длилось лето и ветки ломились под грузом цветов и плодов. Они любили слушать длинный перечень имен, от Мала назад, в давно минувшее, в конце которого всегда назывался старейший из людей того времени, но Мал больше ничего не стал говорить.

Лок подсел к нему, закрывая Мала от ветра.

— Ты голоден, Мал. Когда человек давно не ел, в нем поселяется холод.

Ха широко раскрыл рот:

— Когда солнце проснется, мы отыщем еду. Сиди у костра, Мал, а мы найдем еду, и в тебя вольются сила и тепло.

Подошла Фа, прижалась к Малу своим широким телом, и теперь они втроем укрывали его от ветра. Он сказал им, борясь с кашлем:

— Я вижу, что нужно делать.

Он опустил голову и долго смотрел на пепел. Люди ждали. Они видели, как жестоко истрепала его жизнь. Длинная шерсть на голове местами выпала, и завитки волос, которые некогда буйно закрывали лоб, свалялись, так что над бровями оголилась широкая полоса морщинистой кожи. Глубокие и почерневшие глазницы окружали тусклые измученные глаза. Он поднес руку к лицу и внимательно изучал свои пальцы.

— Вот что надо людям. Еда сначала. Потом дрова.

Правой рукой он загибал пальцы на левой; он держал их крепко, словно пытался таким образом удержать ускользавшие мысли.

— Палец за еду, это сперва. Потом палец за дрова.

Он потряс головой и начал еще раз:

— Палец за Ха. За Фа. За Нил. За Лику...

Он загнул все пальцы левой руки и поглядел на правую, тихо покашливая. Ха нетерпеливо дернулся, но промолчал. Мал перестал морщить лоб и запнулся. Он сидел понурившись, дергая руками шерсть на своем загривке. По голосу они понимали, как он утомлен.

— Ха наберет дров в лесу. Нил пойдет с ним и возьмет с собой маленького.

Ха снова заерзал, а Фа сняла руку с плеч старика, но Мал продолжал:

— Лок пойдет за едой вместе с Фа и Лику.

Ха возразил:

— Лику еще не выросла, чтобы ходить далеко по склону горы и потом по равнине!

Лику закричала:

— Хочу с Локом!

Мал низко уронил голову и тихо закончил:

— Я сказал.

Теперь все было решено, и люди почувствовали тревогу. Они нутром ощущали неладное, но слово было произнесено. А когда слово сказано, это было равнозначно завершению дела и это успокоило их. Ха бессмысленно постукивал камнем по покато́й скале, а Нил снова тихонько подвывала. Только Локу, который видел меньше остальных внутри себя, снова представилась великая Оа и ее дары, как было недавно, когда он весело прыгал на уступе. Он подскочил и обернулся к людям, а прохладный ветерок играл завитками его шкуры.

— Я притащу еды в руках, — он изобразил огромную грудку, — так много еды, что буду качаться — вот сколько!

Фа рассмеялась:

— Столько еды нигде не бывает.

Лок опустил на корточки.

— Я вижу так внутри себя. Лок бежит к водопаду. Он тащит козла. Большой кот убил этого козла и выпил кровь, так что люди не виноваты. Вот тут. Слева под рукой. А тут, справа, — он показал на другую руку, — я несу ляжку козы.

Он метался по откосу и шатался, будто под тяжестью пищи. Люди смеялись вместе с ним, потом над ним. Один Ха молчал, с чуть заметной ухмылкой, и, когда люди увидели это, они посмотрели на него и вновь на Лока.

Лок продолжал хвастать:

— Я вижу хорошо!

Ха продолжал посмеиваться неподвижными губами. Потом на глазах у всех неторопливо и серьезно повернул к Локу оба уха, которые будто говорили за него: я тебя слышу!.. Лок оскалил зубы, шерсть на нем поднялась. Он глухо зарычал на эти наглые уши и ехидную ухмылку.

Фа вступилась:

— Слушайте. Ха много видит и мало говорит. Лок говорит много и ничего не видит.

Тогда Ха рывкнул от смеха и подпрыгнул перед Локом, а Лику беспричинно засмеялась. Лок вдруг остро ощутил, что завидует их беспечному, доброму согласию. Он смирил свой гнев, отполз назад к костру и притворился, что очень огорчен, люди же изобразили, что хотят его утешить. Затем на откосе вновь воцарилась тишина и общность в мыслях или просто единство людей.

Внезапно все оцепенели, сопереживая то, что каждый видел в этот миг внутри себя. Они увидели Мала далеко от них, ярко освещенного, беззащитного во всей его слабости. Кроме тела Мала, они видели все, что он ощущал, что медленно проникало в его мысли. Одна, самая горькая мысль, вытесняла остальные, прорывалась через завесу предположений, домыслов и сомнений, пока они наконец не прочли то, во что он уже безнадежно и тягостно верил:

«Завтра или еще через день меня не станет».

Люди вновь разобщились. Лок протянул руку и тронул Мала. Но Мал не ощутил этого, мучимый болью и укрытый женскими волосами. Старуха глянула на Фа.

— Это от холода воды.

Она склонилась и шепнула Малу на ухо:

— Завтра будет пища. Теперь спи.

Ха поднялся.

— И будут еще дрова. Не время ли дать еще пищи огню?

Старуха пошла к утесу и притащила дров. Она клала сучья один к другому так умело, что любой язычок пламени находил себе сухое дерево. Вскоре жаркий огонь полыхал в воздухе и люди отступили от костра. Их круг расширился, и Лику скользнула внутрь. Шкура ее стала опасно потрескивать, а люди безмятежно улыбались друг другу. Потом они стали глубоко зевать. Они тесно обступили Мала, потом легли и прильнули к нему, укачивая его в объятиях жарких тел, а костер согревал его спереди. Они шевелились во сне и бормотали. Мал чуть покашлял, и тоже заснул.

Лок присел в стороне, всматриваясь в даль над темными водами. Он тоже зевнул и ощутил боли в животе. Лок вспомнил о вкусной еде, облизнул губы и хотел что-то сказать, но вспомнил, что все уже заснули. Тогда он поднялся и почесал густые волосы

под нижней губой. Фа была здесь, и вдруг он снова ощутил, что его влечет к ней; но это чувство быстро уступило место мыслям о еде. Он вспомнил о гиенах и тихонько поднялся на край уступа, разглядывая спуск к лесу. Он посмотрел вверх и увидел, что небо чистое, лишь над морем висели маленькие тучки. Отблеск костра больше не слепил его, и теперь глаза его уколол луч яркой звезды. Потом возникли другие дрожащие огоньки, рассыпавшиеся по огромному небесному куполу. Лок не мигая смотрел на звезды, а его нос искал запах гиен и сказал, что вблизи их нет. Он перебрался через камни и глянул сверху на водопад. Там, где река стремилась вниз, всегда было светло. Лок бездумно оглядывал черные деревья и скалы, едва видные сквозь мглистую белизну. Остров напоминал длинную ногу сидящего гиганта. Чтобы добраться до него, людям пришлось бы прыгнуть с уступа на скалы через широкую полосу воды, которая готова была любого подхватить и швырнуть в водопад. Только очень быстрое существо, да еще подгоняемое страхом, могло решиться на такой риск. Поэтому на острове никто никогда не бывал.

Успокоенный тишиной, он вспомнил зимнюю пещеру у моря, потом повернулся и посмотрел на реку, чьи далекие излучины, как лужи, слабо светились в темноте ночи. Он смутно подумал о тропе, которая шла от моря к уступу через распластавшуюся под ним тьму. Он глядел и с удивлением понял, что тропа в самом деле там, куда он глядел. Забыв эти мысли, он раздул ноздри и снова стал вынюхивать гиен, и скоро убедился, что они покинули эти места. Наконец он возвратился к огню и присел сбоку от него. Он зевнул, снова ощутил близость Фа, почесался. Чьи-то глаза глядели на него со скал, глаза были и на острове, но он знал, что любой побоится приблизиться, пока угли тлеют в костре. Старуха будто услышала его мысли, очнулась, подкормила огонь и плоским камнем начала сгребать золу. Мал во сне зашелся в резком кашле, отчего люди задвигались. Старуха устроилась на старом месте, а Лок поднял руки и устало потер ладонями лицо. Перед глазами поплыли зеленые пятна. Ветер заколебал воду в реке; затем бурный порыв вырвался из леса и пронесся по долине. Остров был окутан мглой, влажный туман пробрался к откосу, завис над ним и опустился на людей. Ноздри Лока непроизвольно раздулись, изучая смешанные запахи, принесенные туманом.

Он замер на корточках, ничего не понимая и дрожа. Ладони он сложил вокруг ноздрей и жадно нюхал влажный воздух. Он

крыл глаза, весь напрягся, пытаясь понять то необыкновенное, что мелькало в этом запахе, но тот уже растаял, испарился. Лок развел ладони, успокоился и открыл глаза. Ветер переменял направление, туман, плывший от водопада, исчез, его окружали привычные запахи ночи.

Он мрачно глянул на остров и на черную воду, которая бежала к устью долины, потом зевнул. Он не умел удержать какую-либо мысль, если она не говорила об опасности. Костер затухал, а люди мирно спали, прильнув к земле. Он принял удобную позу перед сном, защитил ладонью ноздри от сырого холодного воздуха. Колени он прижал к груди, пытаясь лучше спрятаться от холода ночи. Левая рука поднялась, ее пальцы зарылись в шерсть на зашивке. Челюсть коснулась коленей.

Над долиной через гряду облаков пробился неясный желтоватый свет, предвестник появления луны. Лок спал, низко присев. При первой тревоге он мог рвануться с места, как спринтер, который мгновенно набирает скорость. Иней блестел на его шкуре, как лед на пике горы.

Луна не спеша и почти вертикально поднималась в небе среди

редких, почти не видных облачков. Снизу донесся шум, но грохот водопада перекрыл эхо, так что слышен был лишь слабый отголосок. Уши Лока дрогнули в свете луны, и пятна инея блеснули на их мочках. Уши Лока сказали Локу:

— ?

Но Лок спал.

3

Сквозь сон Лок ощущал, что старуха проснулась раньше других и стала хлопотать у огня с первыми бликами зари. Она подложила в костер еще дров, и он дремотно услышал, как ветки стали шипеть и трещать. Фа еще сидела, и голова старика судорожно дергалась на ее плече. Ха повернулся и встал. Он подошел к Фа и посмотрел на старика. Мал пробуждался не так, как другие люди. Он грузно сидел на корточках, терся лицом о шерсть Фа и трудно дышал, как самка, ждущая детеныша. Он широко раскрыл рот перед горячим костром, но его самого охватил другой, тайный огонь; этот огонь сжигал его изнутри, разливаясь по усталому телу. Нил сбегала к реке и в ладонях принесла воды. Мал выпил ее со все еще закрытыми глазами. Старуха подложила в костер еще дров. Она указала на опустевшую нишу в утесе и кивнула головой в сторону леса. Ха сказал Нил, коснувшись ее плеча:

— Пойдем!

Новый человечек тоже пробудился, он влез на плечо Нил, похныкал, затем переполз к ней на грудь. Нил неторопливо двинулась вслед за Ха к отлогой тропе, которая спускалась в лес, а новый человечек сосал ее грудь. Они прошли поворот и исчезли в утреннем тумане.

Мал открыл глаза. Люди должны были глубоко нагнуться, чтобы услышать, что он говорит.

— Я вижу.

Люди ждали. Мал поднял руку и опустил ее ладонью на темя. Два огонька прыгали в его глазах, но смотрел он не на людей, а мимо них на другую сторону реки. В его неподвижном взгляде было столько ужаса и муки, что Лок обернулся посмотреть, что же так напугало Мала. Ничего страшного не было — лишь ствол бревна, смытый ранним паводком с берега где-то выше по течению, проплыл мимо, поднялся торчком и пропал в водопаде.

— Я вижу. Огонь бежит по лесу и пожирает его.

Теперь, когда он проснулся, дыхание его стало совсем прерывистым.

— Вот огонь. Лес в огне. Утес в огне...

Он поочередно смотрел на каждого из людей. В голосе его дрожал страх.

— Где Лок?

— Вот я.

Мал впился в него взглядом, недоумевающий и мрачный.

— Нет! Лок за спиной у своей матери, а деревья съел огонь.

Лок, переминаясь с ноги на ногу, глупо засмеялся. Старуха взяла руку Мала и прижала к щеке.

— Это было давно. Все прошло. Ты увидел это когда спал.

Фа гладила его плечо. Потом ее рука скользнула по его шкуре и глаза расширились. Она сказала Малу терпеливо, словно говорила с Лику:

— Лок стоит здесь. Смотри! Он мужчина, а не детеныш.

Лок вздохнул облегченно и быстро заговорил, адресуясь сразу ко всем:

— Да, я мужчина. — Он протянул руки. — Вот я здесь, посмотри, Мал.

Проснувшись Лику, шумно зевнула, и малая Оа упала с ее плеча. Лику подхватила ее и прижала к груди.

— Хочу есть.

Мал повернулся так резко, что едва устоял на ногах, но Фа успела его поддержать.

— Где Ха и Нил?

— Ты их послал, — ответила Фа. — В лес, за дровами. А Лока, Лику и меня за едой. Скоро мы найдем ее и тогда накормим тебя.

Мал стал качаться с боку на бок, прикрыв руками лицо.

— Плохо, что я увидел это.

Старуха обхватила его за плечи.

— Теперь спи.

Фа отвела Лока от огня.

— Плохо, если Лику пойдет с нами за пищей. Пусть остается здесь.

— Но Мал велел...

— У него болеет голова. Он плохо видит в себе.

— Он видел большой огонь. Я напугался. Как может утес быть в огне?

Ха и Нил с новым человечком возвращались на уступ. Они несли большие охапки сломанных веток. Фа побежала к ним.

— Брать нам Лику с собой, как сказал Мал?

Ха покривился:

— Такого никогда не было. Но он сказал.

— Мал видел гору в огне.

Ха нашел взглядом далекую окутанную туманом вершину.

— Я этого не вижу.

Вдруг странная неловкость прошла, и Фа, Лок и Лику быстро побежали по уступу. Они прыгнули на утес и начали карабкаться вверх. Скоро они были уже так высоко, что им была видна белая завеса брызг внизу под водопадом и гул его терзал уши. Там, где утес круто изгибался, Лок встал на четвереньки и крикнул:

— Полезайте!

Вокруг заметно посветлело. Они направились по крутому гребню туда, где сгущался туман и наконец добрались до круглых камней, за которыми попадались нечастые кучки травы да кое-где хилый кустарник, до земли согнутый ветром. Трава была мокрой от росы, и паутина, переплетавшая стебли, хватала за ноги и прилипала к ним. Склон стал пологим, кустарник гуще.

— Солнце выпьет туман.

Фа не отвечала. Она обшаривала землю, так низко опустив голову, что своими прядями сбивала росинки с кустов. Вдруг какая-то птица закричала и нехотя поднялась в воздух. Фа бросилась к гнезду, а Лику от восторга стала бить Лока пятками по брюху.

— Яйца! Яйца!

Она спрыгнула с его спины и заплясала перед гнездом. Фа отломила от дубинки колючку и проткнула яйцо с обоих концов. Лику почти вырвала его из рук Фа и высосала в один присест. Фа и Локу тоже взяли по яйцу. Они выпили их моментально. Теперь чувство голода усилилось и люди занялись тщательными поисками. Они продвигались, низко пригнувшись и проверяя все вокруг. Они не поднимали головы, но знали, что туман перед ними отползает на равнину и уже начинают греть первые солнечные лучи. Они перебирали листья, раздвигали кусты, отыскивали невылупившихся личинок, бледные ростки, прячущиеся под камнями. Они искали и ели на ходу, а Фа успокаивала их и себя:

— Ха и Нил найдут еду в лесу.

Лок находил личинки, любимую пищу, прибавляющую силы.

-- Мы не можем возвратиться только с одной личинкой. Принести всего одну личинку.

Наконец они вылезли из кустарника. Сюда недавно сорвался с кручи камень и столкнул другой. Клочок голой земли был весь усыпан жирными белыми побегами, которые тянулись к свету. Они были маленькие и тучные, но зато ломались от легкого прикосновения. Люди, толкая друг друга, припали к земле и торопливо жевали. Пищи было столько, что они гортанно вскрикивали, выражая восторг и волнение, было столько пищи, что им удалось на время приглушить жестокий голод, хотя досыта насытаться они не могли. Лику молчала, она сидела, вытянув ноги, и жадно набивала рот. Чуть спустя Лок развел руки в стороны, как для объятия.

— Можно привести сюда людей, чтобы они тоже насытились. Фа ответила с набитым ртом:

— Мал не дойдет, и старая его не оставит. Мы должны возвратиться этим же путем, пока солнце не спустится за гору. Мы наберем для людей столько еды, сколько сможем дотащить.

Лок рыгнул и благодарно посмотрел вокруг.

— Это хорошее место.

Фа хмурилась и чавкала.

— Будь оно ближе...

Она жадно проглотила все, что держала во рту.

— Вот что я вижу. Растет сытная еда. Не здесь. У водопада.

Лок со смехом возразил.

— У водопада еда не растет!

Фа широко развела руки, пристально глядя на Лока. Потом начала их сводить. В ее опущенной голове и чуть поднявшихся вытянутых бровях таился вопрос, она не имела слов, чтобы его произнести. Она сделала еще попытку:

— Но если... увидеть вот так. Откос и огонь здесь, внизу.

Лок посмотрел на нее, скорчил гримасу и рассмеялся.

— Это место тут, внизу. А откос и костер вон там.

Он набрал еще побегов, затолкал в рот и принялся жевать. Потом посмотрел туда, откуда все ярче бил солнечный свет, и понял, что начинается день. Фа уже забыла свое видение и поднялась. Лок тоже встал и позвал ее:

— Пойдем!

Они начали спуск среди камней и кустов. Лок шел первым, за ним торопилась Лику, серьезная и собранная, ведь в первый раз ей доверили добывать еду вместе со взрослыми. Склон стал плоским и они подошли к горной гряде, а перед ними, на просторной, как гладь моря, равнине, качался вереск. Лок насторожился, и все замерли. Он оглянулся, вопросительно посмотрел на Фа, резко запрокинул голову. Вдруг он выдохнул воздух через нос, потом втянул его в себя. Он тщательно принюхивался, раздувал ноздри, задерживая воздух, согревая его кровью, чтобы поймать запах. В носу у него происходили чудеса, обоняние обострилось до предела. Запах чувствовался совсем слабо. Если бы Лок умел сопоставлять, он поразмышлял бы над тем, реальный ли это запах или давнее ожившее воспоминание. Запах был такой слабый и неощутимый, что, когда Лок пристально поглядел на Фа, она не поняла вопроса. Тогда он тихо шепнул:

— Мед?

Лику застонала от нетерпения, и Фа торопливо ее успокоила. Лок снова втянул в себя воздух, но поймал уже другую струйку и в ней ничего не почувствовал. Фа ждала.

Лок быстро понял, откуда веет ветер. Он влез на каменистый склон, обращенный к солнцу, и двинулся между камнями. Ветер

переменился и Лок вновь поймал запах. Этот запах возник трепетно близко и повел их к низкому утесу, разрушенному холодом и жарой, размытому ливнями, иссеченному щелями и трещинами. Одну из них окружали бурые пятна, напоминавшие отпечатки пальцев, и единственная пчелка, не ожившая даже под ярким солнцем, повисла недалеко от края трещины. Фа покачала головой:

— Меду мало.

Лок развернул палицу и сунул в трещину тонкий конец. Малочисленные пчелы, измученные холодом и голодом, слабо зажужжали. Лок вертел палицу в трещине. Лику подпрыгивала.

— Там мед, Лок? Хочу меду!

Пчелы выползли из щели и вились вокруг людей. Некоторые упали на землю и ползли, не в силах взлететь. Одна застряла в шерсти Фа. Лок вытащил дубинку. На конце были слабые следы меда и воска. Лику уже не скакала, она облизала палицу до блеска. Лок и Фа, утолившие острый голод побегами, теперь смеялись, глядя, как Лику ест.

Лок приговаривал:

— Мед лучше всего. Ведь мед дает силу. Вот как Лику любит мед. Я вижу — подойдет время, когда мед польется из этой расселины и можно будет брать этот вкусный мед прямо пальцами — вот так!

Он провел ладонью по камню и облизал пальцы, вспоминая сладость меда. Потом вновь засунул в щель конец палицы, чтобы еще побаловать Лику. Фа начала торопить его:

— Это старый мед, с тех дней, когда мы уходили отсюда к морю. Нужно искать еду для всех людей. Пойдем!

Но Лок все совал палицу в расщелину и радовался за Лику. Он смотрел на ее живот и думал о меде. Фа оставила их и пошла вниз по откосу. Она спустилась к скалистой кромке и исчезла с глаз. Вдруг они услышали ее крик. Лику прыгнула Локу на спину, и он помчался по откосу на крик, готовый пустить в ход дубинку. В скалах образовалась щель, а за ней была гладкая земля. Фа сидела у конца расселины и смотрела поверх травы и вереска на равнину. Лок подбежал к ней. Фа слабо вздрогнула и выпрямилась. Два желтоватых зверя, чьи лапы были не видны за бурыми кустиками вереска, оказались совсем рядом, так что она видела их глаза. Эти остроухие твари встrepенулись, услышав ее крик, перестали шевелиться и застыли в нерешимости. Лок снял Лику со спины.

— Лезь.

Лику вскарабкалась по скале над расселиной и прилегла так высоко, что Лок не мог до нее достать. Желтые твари оскалили пасти.

— Ну!

Лок осторожно двинулся вперед, держа палицу наготове. Фа обошла его слева. Она держала в руках два небольших камня с острыми краями. Гиены приблизились и зарычали. Фа резко кинула вперед правую руку, и камень ударил суку в ребра. Та завизжала и с воем кинулась наутек. Лок прыгнул, взмахнул палицей и попал рычащему кобелю по морде. Оба зверя отбежали на безопасное расстояние и рычали в бессильной злобе.

— Скорей, я чую большого кота.

Фа уже ползала на коленях и кромсала обмякшую тушу.

— Кот высосал кровь. Так что мы не виноваты. А желтые твари не успели даже тронуть печень.

Она яростно терзала козье брюхо острым камнем. Лок погрозил гиенам дубиной.

— Здесь много еды для всех людей.

Он слышал, как Фа урчит и тяжело дышит, полосую толстую кожу и кишки

— Быстрей.

— Не могу.

Гиены уже не рычали, они медленно подкрадывались с разных концов. Лок следил за ними, и вдруг его накрыла тень крыльев больших птиц, паривших в воздухе.

— Тащи козу к утесу.

Фа попробовала сдвинуть тушу, потом гневно закричала на гиен. Лок, не сводя глаз с хищников, попятился к ней, нагнулся и схватил козу за ногу. Он с трудом потащил тушу к расселине, не переставая грозить палицей. Фа взялась за заднюю ногу козы и помогала волочить ее. Гиены преследовали их не подходя слишком близко. Люди затолкали добычу в узкую щель под утесом, где таилась Лику, а птицы опустились ниже к земле. Фа вновь начала разделывать тушу острым осколком. Лок нашел тяжелый камень, которым удобно было наносить удары. Он колотил по туше, разбивая и выламывая суставы. Фа урчала от нетерпения. Лок что-то бормотал, а его большие руки тянули, крутили и рвали сухожилия. Гиены бешено кидались из стороны в сторону. Птицы опустились на скалу, близко от Лику, и она быстро соскочила к Локу

и Фа. Коза была уже изрезана и расчленена. Фа вскрыла брюхо, рассекла слоистый желудок, выбросила из него кислую жеванную траву и побеги. Лок расколол череп и достал мозг, потом концом дубины раздвинул зубы и вырвал язык. Они сложили лакомые куски в пустой желудок, перетянули его кишками, и получился дряблый мешок.

Лок урчал и быстро повторял:

— Это плохо. Очень плохо.

Ноги козы были раздроблены, мясо отделено от костей, и теперь Лику, присев рядом с тушей, ела кусок печени, который ей протянула Фа. Воздух меж скал стал тяжелым от запретного истязания и пота, от густого мясного запаха и ощущения зла, связанного со смертью.

— Быстрее! Быстрее!

Фа сама не понимала, чего она боится; кот не возвратится к обескровленной добыче. Его отделяет теперь от них полдня пути по равнине, он охотится там, где пасется стадо, возможно, он уже отыскал новую жертву и уже готов вонзить ей в шею свои зубы-сабли, а потом выпить кровь. И все-таки смутная тревога отравляла воздух.

Лок громко произнес, ощущая эту тревогу:

— Очень плохо. Оа родила козу из своего чрева.

Фа, которая разрезала камнем мясо, проговорила тихо:

— Не вспоминай о ней.

А Лику все ела, не замечая напряженности вокруг, ела теплую мягкую печень, пока не заболели зубы. Лок после выговора, который ему сделала Фа, уже не говорил громко, а лишь шептал:

— Плохо. Но тебя убил кот, вины людей тут нет.

Он шевелил губами, и слюна капала из широко открытого рта.

Солнце разогнало последний туман, и люди увидели волнистые заросли вереска на равнине, а за ними в ярком свете солнца зеленели кроны деревьев и блестела вода. Сзади поднимались горы, суровые сумрачные гиганты. Фа легла на спину и отдышалась. Она стерла пот со лба.

— Нам нужно лезть вверх, куда желтым тварям не подняться.

Почти вся туша была разделана, осталась только истерзанная шкура, кости и копыта. Лок передал свою палицу Фа. Она взмахнула ею и гневно прикрикнула на желтых хищников. Лок скрутил кишку в жгут, обвязал им окорока и намотал конец на запястье, чтобы можно было нести одной рукой. Потом наклонился и сжал

горловину желудка зубами. Фа взяла охапку мяса, а Лок две груды истерзанных кусков. Он начал отходить с грозным рычанием. Гиены пролезли в расселину, стервятники снялись с места и парили чуть поодаль, недоступные удару палицей. Лику так расхрабрилась под защитой взрослых, что замахнулась на стервятников остатком печени:

— Кыш, жадные клювы! Это мясо съест Лику!

Птицы закричали, отлетели назад, чтобы сразиться с гиенами, которые жадно пожирали оставленные людьми кости и окровавленную шкуру. Лок уже был не в силах говорить. Он с трудом мог бы нести столько еды на плечах даже по гладкому месту. Теперь же он тащил эту ношу вверх на весу и почти вся тяжесть приходилась на пальцы и плотно сжатые зубы. Они еще не поднялись по откосу, а он уже клонился к земле, и боль мучила его запястье. Фа поняла, как непосильна его ноша. Она повернулась, перехватила у него тяжело набитый желудок, и он перевел дух. Потом Фа и Лику двинулись вперед, оставив его. Он разделил мясо на три части и побрел за ними. В его голове странно переплелись и тревога и светлая радость, он слышал, как стучит его сердце. Он стал оправдываться перед темнотой, которая пряталась в расселине:

— Тут не хватает еды, когда люди приходят от моря. Еще не настала пора ягод, плодов, меда, нет почти никакой пищи. Люди изголодались, отощали, им надо есть. Люди не любят мясо, но если оно нашлось, надо его съесть.

Теперь он обходил гору по узкому каменистому гребню, и лишь цепкость ног спасала его от падения. Кружа среди утесов, он по-прежнему глотал слюну и внезапно высказал абсолютно новую и замечательную мысль:

— Это мясо для Мала, потому что Мал болен.

Фа и Лику нашли проход в крутом склоне и бегом заспешили наверх, к уступу над равниной. Лок остался сзади, он шел с трудом и искал какой-нибудь камень, куда мог бы положить мясо, чтобы отдохнуть, как делала старуха, когда несла огонь. Такой валун он увидел в начале прохода, он был плоский, а сбоку от него мерцала пустота. Он присел, мясо скользнуло на камень и осело, придавленное своим же весом. Внизу, под склоном, собралась уже целая стая стервятников, и там продолжался кровавый пир.

Лок отвернулся от расселины, где пряталась темнота, и оты-

скал глазами Фа и Лику. Они были уже далеко, торопились к уступу, скоро они расскажут людям про еду и, наверно, пришлют Ха на помощь. Он не торопился в путь, решив чуть отдохнуть. Он посмотрел в направлении водопада, где Фа и Лику, совсем крохотные, уже почти пропали из вида. Потом он нахмурился, пригляделся к воздуху над водопадом и поразился. Дым костра сместился в другое место и стал совсем непривычным. На миг он решил, что старуха перенесла костер, но тут же засмеялся над собственной дурью, недоумевая, как он мог увидеть такое. И никогда старуха не допустила бы, чтобы костер так дымил. Желтые струи переплетались с белыми, словно горели сырые жерди или ветви с молодыми свежими листьями; только глупец или кто-то совсем не знающий коварный характер огня, мог бы обращаться с ним так неосторожно. Лок подумал о двух различных кострах. Бывало, что огонь падал с неба и долго полыхал в лесу. Он загадочно возникал в долине среди вереска, когда цветы уже давно осыпались и солнце жгло, как огонь.

Лок снова рассмеялся над своим видением. Старуха не разрешила бы костру так дымить, а сам собой огонь никогда не приходит ранней сырой весной. Лок глядел, как дым опускается, плывет в долину и там рассеивается. Потом он понюхал мясо и сразу забыл про дым и про непонятное видение. Он поднял куски и, пошатываясь, побрел дальше вслед за Фа и Лику. Тяжесть мяса и гордость, что он несет людям много еды, а когда принесет, услышит их одобрение, отвлекли его, и он уже не видел дым внутри себя. Фа бегом возвратилась. Она взяла у Лока часть ноши, и они с трудом, почти валясь с ног, одолели последний подъем.

Горячие клубы синего дыма поднимались к небу. Старуха удлинила костер, и поток теплого воздуха разделял пламя и скалу. Огонь и дым хорошо ограждали откос от легких набегов ветра. Мал лежал на земле, в объятиях теплого воздуха. Он весь съежился, серый среди серых кочек, глаза его были закрыты, а рот широко открыт. Дышал он прерывисто и слабо, грудь колыбалась, словно откликаясь на биение сердца. Было видно, как кости просвечивали через кожу, а тело таяло, как воск на огне. Лок увидел, что Нил, новый человечек и Ха спускаются к лесу. Они жевали на ходу, и Ха приветственно помахал Локу рукой. Старуха стояла у костра и осматривала желудок, который принесла Фа.

Фа и Лок соскочили на уступ и бросились к костру. Лок бросил мясо у скопления скал и крикнул Малу сквозь огонь:

— Мал! Мал! Мы принесли мясо!

Мал открыл глаза и оперся на локоть. Он глянул через костер на обвисший желудок, вздохнул и одобрительно улыбнулся Локу. Потом посмотрел на старуху. Она улыбнулась ему и похлопала себя по бедру незанятой рукой.

— Это хорошо, Мал. Это дает силу.

Лику скакала рядом с нею.

— Я ела мясо. И малая Оа ела мясо. Я прогнала жадные клювы, Мал.

Мал улыбался и трудно дышал.

— Вот Мал и увидел радость.

Лок взял мяса и принялся жевать. Он засмеялся, побрел по уступу, показывая, как он сгибается под тяжестью груза, и сделал это так же выразительно, как и вчера вечером. Потом произнес невнятно, через заполненный рот:

— А Лок видел правильно. Мед для Лику и для малой Оа. И большие связки мяса козы, которую загрыз кот.

Люди тоже веселились, хлопая себя по бокам. Мал снова лег, улыбка на его лице угасла, и он молчал, вслушиваясь в свое прерывистое дыхание. Фа и старуха сортировали мясо, укрыв большую часть на скалах и в нишах. Лику схватила еще кусок печени, бежала костер и удобно пристроилась в теплом уголке, где лежал Мал. Старуха бережно перенесла желудок на скалу, развязала узел и заглянула внутрь.

— Принесите земли.

Фа и Лок прошли через мягкую траву у края уступа на взгорье, ближе к лесу. Они надергали охапку травы с комками земли на корнях и отнесли старухе. Та взяла желудок и положила его перед собой. Потом плоским камнем раздвинула золу в костре. Лок опустился на корточки и стал палкой размалывать землю. Трудясь, он приговаривал:

— Ха и Нил принесли дров на много дней. Фа и Лок принесли еды на много дней. И теплые дни скоро наступят.

Когда набралась кучка сухой истолченной земли, Фа полила ее речной водой. Она уступила место старухе, которая облепила землею желудок. Потом быстро выгребла из костра самую горячую золу и засыпала ею облепленный землей желудок. Зола облегла его толстым слоем, и воздух над ним трясся от жара. Фа принесла дерну. Старуха положила куски дерна поверх золы и плотно сдвинула их. Лок оставил свою работу, поднялся и смотрел, как гото-

вят еду. Он видел открытую горловину желудка и слой земли под дерном. Фа отодвинула его локтем, наклонилась и вылила в желудок воду из ладоней. Старуха внимательно следила за Фа, которая носила воду. Снова и снова бегала она к бормочущей реке, пока полностью не наполнила желудок мутной и пенистой водой. Мелкие пузырьки прорывались из пены, вздрагивали и лопались. Лок отступил и поднял горсть рыхлой земли. Он засыпал горящие дернины и болтал, адресуясь к старухе:

— Огонь легко удержать. Эти языки не убегут. Для них нет здесь никакой еды.

Старуха глянула на него с мудрой улыбкой, ничего не ответив, и сразу дала ему понять, какой он легкомысленный. Он оторвал кусок мяса от козьей ляжки и сошел на уступ. Солнце уже снизилось над долиной среди гор, и он понял, что скоро уже настанет ночь. День промелькнул так быстро, что он ощутил разочарование, точно что-то потерял. Он забылся, представив откос, когда Фа здесь не было. Мал и старуха ждали их, она думала про болезнь Мала, а он, прерывисто дыша, ждал, когда Ха принесет дрова, а Лок еду. Вдруг Лок понял, что Мал не до конца верил в него, посылая добывать еду. Но все равно Мал мудр. Хотя вспомнив о мясе Лок снова возгордился, все же он знал, что Мал не был уверен в нем, и ему вдруг стало холодно, как от ночного ветра. Потом ему стало трудно знать и думать, в голову пробралась усталость, но он прогнал ее, и снова возник беспечный, веселый Лок, который подчинялся старшим и делал то, что они говорили. Он вспомнил старуху, столь приблизившуюся к Оа, знавшую много больше других, хранительницу многих тайн, сокрытых в глубинах времен. Он вновь ощутил благоговейный трепет, и восторг, и облегчение.

Фа у костра жарила на пруте кусочки мяса. Прут обгорал, мясо плевалось и ворчало на огонь, ей жгло пальцы, когда она снимала кусок, чтобы положить его в рот. Старуха склонилась над Малом и смачивала его лицо водой из ладоней. Лику сидела, привалившись спиной к скале, малая Оа отдыхала у нее на плече. Теперь Лику ела не жадно, она вытянула ноги, и живот ее красиво округлился. Старуха подошла, присела рядом с Фа и смотрела, как из желудка сквозь пляску пузырей вылетает пар. Она подцепила всплывший кусочек, ловко подкинула его на ладони и бросила в рот.

Люди молчали. Жизнь обрела покой, уже не надо тревожиться о еде, на завтра пищи достаточно, а день, который наступит по-

том, был так далек, что никто не хотел о нем думать. Жить означало быть сытым. Когда Мал поест нежного мозга, ловкость и сила козы перейдут к нему. Люди верили, что так и будет, а потому не стремились к разговорам. Наступило долгое молчание, которое можно было принять за глубокую скорбь, если бы не размеренное движение челюстей, заставлявшее шевелиться завитки жестких волос на висках.

Лику опустила голову на грудь, и малая Оа свалилась с ее плеча. Пузырьки беспорядочно поднимались в горловине желудка, расползались по ее краям, клочья пара взлетали вверх, и их развеивал горячий поток воздуха. Фа взяла прут, потыкала его в горячее варево, облизнула конец и повернулась к старухе.

— Уже скоро.

Старуха тоже лизнула прут.

— Надо напоить Мала жаркой водой. Вода от мяса прибавляет силу.

Фа сморщилась и разглядывала желудок. Она положила ладонь себе на голову.

— Я вижу.

Она взобралась на утес и показала назад, туда, где виднелись лес и море.

— Я рядом с морем, я вижу. Вижу так, как еще не видел никто. Я... — она скривилась и насупила брови, — ...думаю. — Произнеся это новое для всех слово, она вернулась к огню и опустилась возле старухи. Медленно качнулась вправо и влево. Старуха, слушая ее, оперлась одной рукой о землю, а другой чесала шею под нижней губой. Фа заговорила вновь: — Я вижу, как люди у моря собирают ракушки. Лок выливает из ракушки вонючую воду.

Лок хотел заговорить, но Фа остановила его:

— ...и еще Лику и Нил... — Она смолкла в смущении, потому что видела все ярко и до мельчайших деталей, но не могла уловить важность того, что видела. Лок засмеялся, Фа нетерпеливо отмахнулась от него, — ...воду из ракушки.

Она ждала, что скажет старуха. Потом перевела дыхание и заговорила опять:

— Лику в лесу...

Лок смеясь показал на Лику, которая спала, привалившись к скале. Тогда Фа шлепнула его, точно ребенка, которого хотела унять.

— Я вижу так, Лику идет по лесу. И несет малую Оа...

Она пристально глядела на старуху. Потом Лок увидел, как напряжение ушло с ее лица, и понял, что видение стало общим. Он тоже видел бессмысленное скопище ракушек, и Лику, и воду, и откос. Он заговорил:

— Возле гор нету ракушек. В ракушках живут одни улитки, малый народ. Там они как в пещерах.

Старуха клонилась к Фа. Потом выпрямилась, оторвала от земли руки и неуверенно опустилась на свой тощий зад. Незаметно, безмолвно лицо ее изменилось, как бывало иногда, если Лику забиралась слишком далеко от взрослых, привлеченная ярким цветом ядовитой ягоды. Фа опустила плечи и руками спрятала лицо. Старуха сказала:

— Это новое.

Она оставила Фа, которая нагнулась над желудком и стала помешивать варево прутом.

Старуха приблизилась к Малу и осторожно потянула его за ногу. Мал открыл глаза, но остался недвижим. Из рта его текла струйка слюны, оставляя на земле маленькие темные пятна. Сол-

нечные лучи косо ложились из-за долины, где пряталась ночь, и ярко освещали Мала, так что его тень вытянулась во всю длину костра. Старуха коснулась губами его головы.

— Поешь, Мал.

Мал, тяжело дыша, облокотился на землю.

— Воды!

Лок побежал к реке, принес воду в горсти, и Мал напился. Потом Фа встала на колени рядом с ним, чтобы он мог на нее опереться, а старуха подняла палку, и стала окунать ее в бульон много раз, больше, чем пальцев у всех людей на земле, и вкладывать ему в рот. Он дышал так трудно, что почти не мог глотать. Наконец он стал отворачивать голову, избегая палки. Лок принес еще воды. Фа со старухой ласково уложили Мала на бок. Он уже не замечал их. Они видели, как глубоко прячется его мысль, как она тяжела и навязчива. Старуха застыла у костра, глядя на Мала. Они видели, что она поняла проблески его тайных дум, и лицо у нее потемнело, как грозовая туча. Фа рванулась с места и кинулась к реке. Лок уловил движение ее губ:

— Нил?

Он нагнал Фа в наступающих сумерках, и они вместе тщательно осмотрели утес над рекой. Нил там не было, Ха тоже, а лес за водопадом уже погрузился во тьму.

— Они взяли слишком много дров.

Фа издала звук, показывающий согласие.

— Но с большими дровами они пойдут по склону. Ха много видит. Носить дрова через утес нехорошо.

Потом они ощутили, что старуха смотрит на них и думает, что одна она понимает переживания Мала. Они вернулись к костру, и лица их помрачнели. Девочка Лику спала у скалы, ее округлый живот поблескивал при вспышках костра. Мал лежал неподвижно, но глаза его были открыты. Последние лучи солнца стремительно угасали. С утеса над рекой донесся глухой топот, потом с шумом обвалились камни и кто-то спешно обогнул поворот. Нил побежала к ним по уступу, ее руки были пусты. Она выкрикнула только два слова:

— Где Ха?

Лок тупо смотрел на нее.

— Несет дрова вместе с Нил и новым человечком.

Нил качнула головой. Она тряслась всем телом, хотя стояла так близко от огня, что могла бы тронуть его рукой. Потом быстро заговорила, обращаясь к старухе:

— Ха не вместе с Нил. Смотри!

Она обежала уступ, показывая, что там никого нет. Потом вернулась обратно. Зорко осмотрела откос, схватила кусок мяса и впилась в него зубами. Новый человечек у нее под гривой проснулся и высунул головку наружу. Тогда она достала мясо изо рта и внимательно посмотрела в лицо каждому.

— Где Ха?

Старуха положила ладони себе на голову, подумала какое-то время, но отступилась, не решив эту задачу. Она опустилась на корточки возле желудка и начала вылавливать из него куски мяса.

— Ха собирал дрова вместе с Нил.

Нил пришла в иступление:

— Нет! Нет! Нет!

Она то приседала, то выпрямлялась. Грудь ее тряслась, и на сосках показалось молоко. Новый человечек принюхался и полез через ее плечо. Она схватила его обеими руками так небрежно, что он пискнул, потом стал сосать. Она присела на скалу и посмотрела на людей тревожными глазами.

— Надо, чтобы вы увидели. Мы кладем дрова в кучу. Около большого мертвого дерева. На голой земле. Мы говорим про козу, которую принесли Фа и Лок. Мы смеемся.

Она глянула поверх костра и протянула руку.

— Мал!

Его глаза повернулись к ней. Дышал он все так же трудно. Пока Нил рассказывала, новый человечек сосал ее грудь, а солнечные пятна на воде за ее спиной поблекли.

— Потом Ха идет к реке попить, и я жду его возле дров. — Ее лицо напряглось, как у Фа, когда та видела детали, которые не могла осознать. — И еще он идет справить нужду. А я жду возле дров. Но он зовет: «Нил!» Я встаю, — она показала это, — и вижу, как Ха бежит вверх к утесу. Бежит и хочет догнать. Он оглядывается и чувствует радость, потом испуг и радость — вот так! И я уже не вижу Ха. — Они посмотрели на утес вслед за ее взглядом и тоже не увидели Ха. — Я все жду, жду. Потом иду к утесу, чтобы отыскать Ха и вернуться к дровам. На утесе нету солнца.

Шерсть на ней поднялась, она оскалила зубы.

— На утесе запах. От Ха и от другого. Это не Лок. Не Фа. Не Лику. Не Мал. Не она. Не Нил. Это чужой запах, он ничей, он другой. Вверх по утесу и назад. Но запах Ха кончается. Ха

влез на утес и прошел над высокими травами, а солнце село. И потом ничего.

Старуха принялась убирать дерн с желудка. Она сказала полуобернувшись:

— Ты видела это во сне. Другого нету в мире.

Нил снова забормотала тоскливо:

— Не Лок. Не Мал... — Принюхиваясь, она обошла скалу, подошла вплотную к повороту, за которым открывался утес, вернулась к костру, и шерсть на ней стояла дыбом. — Там кончился запах Ха. Мал!..

Остальные пытались осознать видение. Старуха открыла желудок, оттуда повалил пар. Нил перескочила через костер и опустилась на колени рядом с Малом. Она тронула его щеку.

— Мал! Ты слышишь?

Мал ответил через прерывистое дыхание:

— Слышу.

Старуха дала ей мяса, и Нил взяла кусок, но есть не стала. Она ждала, что скажет Мал, но старуха заговорила вместо него:

— Мал сильно болен. Ха видит много. А теперь ешь, и тебе будет хорошо.

Нил завизжала на нее так гневно, что все перестали жевать:

— Ха нету. Запах Ха кончился.

Сначала никто не двигался. Потом все повернулись к Малу и смотрели на него. С великим трудом он приподнялся с земли и сел, едва сохраняя равновесие. Старуха хотела что-то сказать, но промолчала. Мал положил руки себе на голову. Теперь ему было совсем трудно удерживать равновесие. Он стал беспокойно дергаться.

— Ха ушел к утесам.

Он закашлялся, его тяжелое дыхание прервалось. Все ожидали, и он вновь задышал трудно, вздохнул.

— Там запах другого.

Он обхватил голову обеими руками. Его тело пронзила дрожь. Он быстро вытянул ногу и уперся в скалу пяткой, чтобы не свалиться. Люди ждали в багровом свете костра и заката, а пар от бульона взлетал вверх и вместе с дымом растворялся в темноте.

— Там запах других.

На секунду он перестал дышать. Потом его обессиленные мышцы отказали, и он рухнул на бок так равнодушно, словно уже не ощущал боли от ушиба. Они поймали его шепот:

— Я этого не вижу.

Даже Лок молчал. Старуха пошла к утесу и притащила дров, двигаясь как сомнамбула. Она все делала наощупь, глаза ее смотрели далеко в пустоту, мимо людей. Люди не разделяли ее видение, и потому стояли неподвижно и растерянно, не представляя свою жизнь без Ха. Но Ха оставался с ними. Они знали каждую его черту, каждый взгляд, ему одному присущий запах и спокойное молчаливое лицо. Под скалой валялась его дубинка, узкий конец которой он так недавно держал в твердой руке. Знакомая скала дожидалась его, и в том месте, где он обычно сидел, на земле виднелась четкая вмятина. Все это заполнило голову Лока. Сердце его заколотилось, он ощутил себя таким могучим, словно мог усилием воли возвратить Ха людям прямо из пустоты.

Нил вдруг произнесла:

— Ха ушел.

4

С недоумением смотрел Лок, как вода лилась из ее глаз. Вода эта собиралась у краев глазных впадин, а потом градом капель покрывала губы и нового человечка. Вдруг она убежала к реке и жалобно завывала. Он увидел, что из глаз Фа тоже бегут капли, сверкая в отблеске огня, а потом она подбежала к Нил и завывала вместе с ней. Лок по многим признакам ощущал Ха рядом с собой, это чувство стало теперь особенно бурным, неодолимым. Он подбежал, дернул Нил за руку и развернул лицом к себе.

— Нет!

Она стиснула нового человечка так сильно, что он заскулил. Капли все текли по ее лицу. Она закрыла глаза и снова завывала горестно и протяжно. Лок гневно затряс ее:

— Ха не ушел! Смотри...

Он бегом возвратился к костру и указал на палицу, скалу и след на земле. Ха был везде. Лок торопливо объяснял старухе:

— Я вижу Ха. Я его отыщу. Как мог Ха встретить другого? Ведь другого нету в мире...

Фа бурно заговорила. Нил слушала, продолжая громко рыдать.

— Если есть другой, значит Ха ушел с ним. Пусть Лок и Фа пойдут...

Старуха жестом прервала ее.

— Мал сильно болен, а Ха ушел. — Она посмотрела на каждого из них. — Теперь остался Лок...

— Я его отыщу.

— ...а Лок много говорит, но мало видит. На Мала надежды нету. Поэтому дайте сказать мне.

Она торжественно опустилась у желудка, над которым клубился пар. Лок поймал ее взгляд, и все, что он видел внутри себя, пропало. Старуха говорила твердо, как говорил бы Мал, будь он здоров:

— Без помощи Мал умрет. Фа нужно пойти с подарком к ледяным женщинам и просить у Оа милости.

Фа опустилась рядом с ней.

— Кто может быть этот другой человек? Разве живет тот, кто стал мертвым? Неужто он снова родился из чрева Оа, как мой ребенок, что умер в пещере у моря?

Нил снова зарыдала:

— Пусть Лок пойдет искать Ха.

Старуха возразила с укором:

— Женщина служит Оа, а мужчина видит внутри себя. Пусть скажет Лок.

Лок вдруг осознал, что глупо ухмыляется. Теперь он как бы шел впереди других, а не прыгал сзади с Лику на плечах, не знающий тревог. Внимание трех женщин смущало его. Он отвел взгляд и почесал одну ногу об другую. Потом нерешительно отвернулся от женщин.

— Скажи, Лок!

Он старался остановить взгляд на чем-нибудь значительном, чтобы собрать мысли и забыть про женщин. В темноте он смутно увидел палицу у скалы. И сразу Ха — подобие Ха — встал перед ним на откосе. Его охватило страшное возбуждение. Он быстро заговорил:

— У Ха пятно вот тут, под глазом, где его тронула головешка. Он нюхает — вот так! Он говорит. На большом пальце ноги у него пучок шерсти...

Резким движением он повернулся.

— Он встретил другого. Смотрите! Ха падает со скалы — так я вижу. Потом сюда бежит другой. Он кричит Малу: «Ха упал в воду!»

Фа внимательно поглядела ему в глаза.

— Другого не было.

Старуха тронула ее руку.

— Значит, Ха не падал. Иди быстрее, Лок. Отыщи Ха и другого.

Фа насупилась:

— Как другой знает Мала?

Лок вновь рассмеялся:

— Мала знают все!

Фа властным жестом прервала его. Она подняла руку ко рту и оттянула челюсть. Нил оглядывала каждого из людей, не понимая смысла их слов. Фа закрыла рот, подняла указательный палец и направила в лицо старухе.

— Я вижу так. Это кто-то... другой. Не из людей. Он говорит Ха: «Пойдем! Там больше еды, чем я могу съесть». А Ха говорит...

Она замолчала. Нил всхлипывала:

— Где Ха?

Старуха ответила:

— Он пошел с другим.

Лок осторожно потряс Нил за плечи.

— Они говорили или увидели вместе. Ха нам расскажет, и я пойду за ним. — Он оглядел остальных. — Люди понимают друг друга.

Они подумали над его словами и кивком головы показали, что согласны.

Лику пробудилась и с улыбкой смотрела на них. Старуха начала хозяйничать на откосе. Она и Фа бормотали, не умолкая, сравнивали куски мяса, прикидывали на вес кости, потом снова подошли к желудку и начали выяснять что-то. Нил сидела рядом, рвала мясо зубами и жевала механически, с тупой пассивностью. Новый человек тихонько перелез через ее плечо. Он повисел там, глядя на огонь, и спрятался в копне ее волос. Потом старуха внезапно взглянула на Лока так странно, что он даже на миг потерял внутри себя Ха вместе с другим и стал переминыться с ноги на ногу. Лику потянулось к желудку и обожгла пальцы. Старуха не отводила взгляда, а Нил всхлипнула и спросила его:

— Ты видишь Ха? Видишь хорошо?

Старуха подняла с земли его дубинку и вложила ему в руку. На теле ее сливались блеск огня и свет луны, и ноги Лока сами понесли его за откос.

— Я вижу хорошо.

Фа протянула ему еду из желудка, эта еда была такая горячая, что она перекидывала ее с руки на руку. Он окинул остающихся женщин нерешительным взглядом и двинулся к повороту. Вдруг в темноте ночи его охватило такое горькое одиночество, что Лок снова не смог увидеть Ха внутри себя. Он поглядел на откос, как бы ища поддержки. Там темнел холмик земли, за которым прятался костер, и красное зарево дрожало над ним. Он увидел Фа и старуху, они сидели лицом друг к другу на корточках, разбирая куски мяса. Покидая их, он обогнул скалу, и гул водопада встретил его. Он опустил палицу на землю, присел и начал есть. Мясо было нежное, горячее, вкусное. Он уже утолил первый голод, но аппетит остался, и он ел, не торопясь, смакуя пищу. Он поднял кусок к лицу, изучая его бледную поверхность, где лунный свет замирал, а не скользил, как по воде. Он забыл про откос и про Ха. Теперь оставался лишь живот Лока. Сидя над грохочущим водопадом, с лицом, блестящим от жира, Лок блаженствовал. Лок глядел на остров, но не видел его, он упивался сладостью, бегущей

по языку, глотал, громко чавкая, и ощущал, как вздрагивает его тугая шкура.

Наконец с едой было покончено. Он утер лицо руками, оторвал колючку с палицы и поковырял в зубах. Теперь он снова вспомнил про Ха, и про откос, и про старуху и сразу поднялся. Уверенный в чуткости своего носа, он переходил из стороны в сторону и обнюхивал утес. Запахи совсем перемешались, а нос как будто перестал понимать. Лок знал, отчего это, и пополз вниз, наклонив голову, пока не достал губами воды. Он утолил жажду и прополоскал рот. Потом взобрался назад и присел на старой треснувшей скале. Дожди размыли ее крутой склон, но у поворота была тесная щель, протоптанная людьми, подобными Локу, которые прошли тут в огромном количестве. Он задержался над ревущим водопадом и втянул носом воздух. Запахи были разные, как во времени, так и в пространстве. Вот здесь, над его плечом, где Нил держалась за утес, был самый свежий запах ее тела. Ниже он отыскал множество запахов людей, прошедших здесь вчера, запахи пота и молока, неприятный запах Мала, страдающего и больного. Лок разобрал и отмел их, потом весь сконцентрировался на последнем запахе Ха. Каждый запах становился ощутимой реальностью и лучше памяти воспроизводил некое живое, но спрятанное присутствие, так что теперь Ха снова был жив. Напрягшись, он увидел Ха внутри себя и старался удержать его там, чтобы не потерять.

Он стоял наклонившись и сжимал палицу в руке. Потом тихо поднял ее и взял обеими руками. Его пальцы напряглись, и он медленно отступил на шаг. Ему почудилось что-то еще. Это было неувовимо, когда запахи всех людей перемешались, но после того, как он их различил и отодвинул от себя, остался запах без облика. Теперь, когда Лок его уловил, он сильнее всего ощущался у поворота. Совсем недавно кто-то стоял здесь, придерживаясь за скалу и наклонившись вперед, и разглядывал уступ и откос. Лок чутьем понял теперь, что так глубоко поразило Нил. Он пошел дальше по утесу, сперва тихонько, потом побежал и несясь вперед, легкими скачками одолевая каменистый склон. На бегу он многое видел внутри себя, все там сливалось и путалось: вот Нил, растерявшаяся, напуганная, вот другой, вот показался Ха, он тропится...

Лок повернулся и побежал обратно. У обрыва, где его вчера угораздило так глупо сорваться, запах Ха вдруг пропал, будто на утесе не осталось места.

Лок наклонился и посмотрел вниз. Ему видно было, как шевелятся хвостатые травы в серебре реки. Он ощущал, что жалобные крики разрывают его горло, и закрыл рот рукой. Локу представилось, что Ха бьется в реке и течение сносит его к морю. Он снова принюхался и обнаружил запах Ха и другого, и запахи эти уходили вниз, к лесу. Он прошел кустарник, где Ха отыскивал ягоды для Лику, увядшие ягоды, но и теперь Ха жил здесь, среди этих кустов. А тогда его ладонь пробежала по веткам, срывая ягоды. Он был жив внутри Лока, но повернул назад, уходя к дню их весеннего возвращения от моря. Лок резво сбежал по склону меж скал и шмыгнул в лес, под деревья. Гигантские стволы плотно стояли в темноте, но когда Лок начал пролезать между ними, луна послала ему в помощь свою золотистую паутинку. Здесь был Ха, весь в тревоге. Тут он подходил к реке. А вон там, у кинутной кучи дров, Нил терпеливо ждала, пока не отчаялась, и следы ее ног виднелись в лунном свете. Здесь она догоняла Ха, ошеломленная, напуганная. Беспорядочные следы поднимались по скалам назад, к утесу.

Лок вспомнил, что Ха был в реке. Он бросился бежать, стараясь держаться поближе к берегу. Он миновал полянку, где стояло мертвое дерево, и спустился к воде. Кусты здесь торчали прямо из реки и наклонялись к воде. Ветки подрагивали от течения, и видно было, как река струится под лунным светом, прорезающим темноту. Лок позвал:

— Ха! Где ты?

Река молчала. Лок позвал снова, подождал, увидел, что Ха стал растворяться и пропадать, и тогда понял, что Ха ушел. Потом с острова донесся крик. Лок вновь закричал и заскакал на месте. Но, прыгая, он уже ощущал, что голос Ха не ответит. Это был совсем не такой голос; не голос одного из людей, а голос другого. Вдруг Лок почувствовал трепет. Было необычайно важно найти этого другого, которого он чуял и слышал. Он обежал прогалину без всякого смысла, крича изо всех сил. Потом запах другого донесся до него от сырой земли, и он двинулся за этим запахом прочь от реки к склону под краем горы. Он шел по запаху, наклонившись в неверном свете луны. Запах уводил в сторону от реки, под деревья, и подвел к разбросанным валунам и кустам. Здесь могла скрываться опасность: коты, или волки, или даже гигантские лисы, рыжие, как сам Лок, и особенно злобные после весенней голодовки. Но след другого был ясен, и его нигде даже не

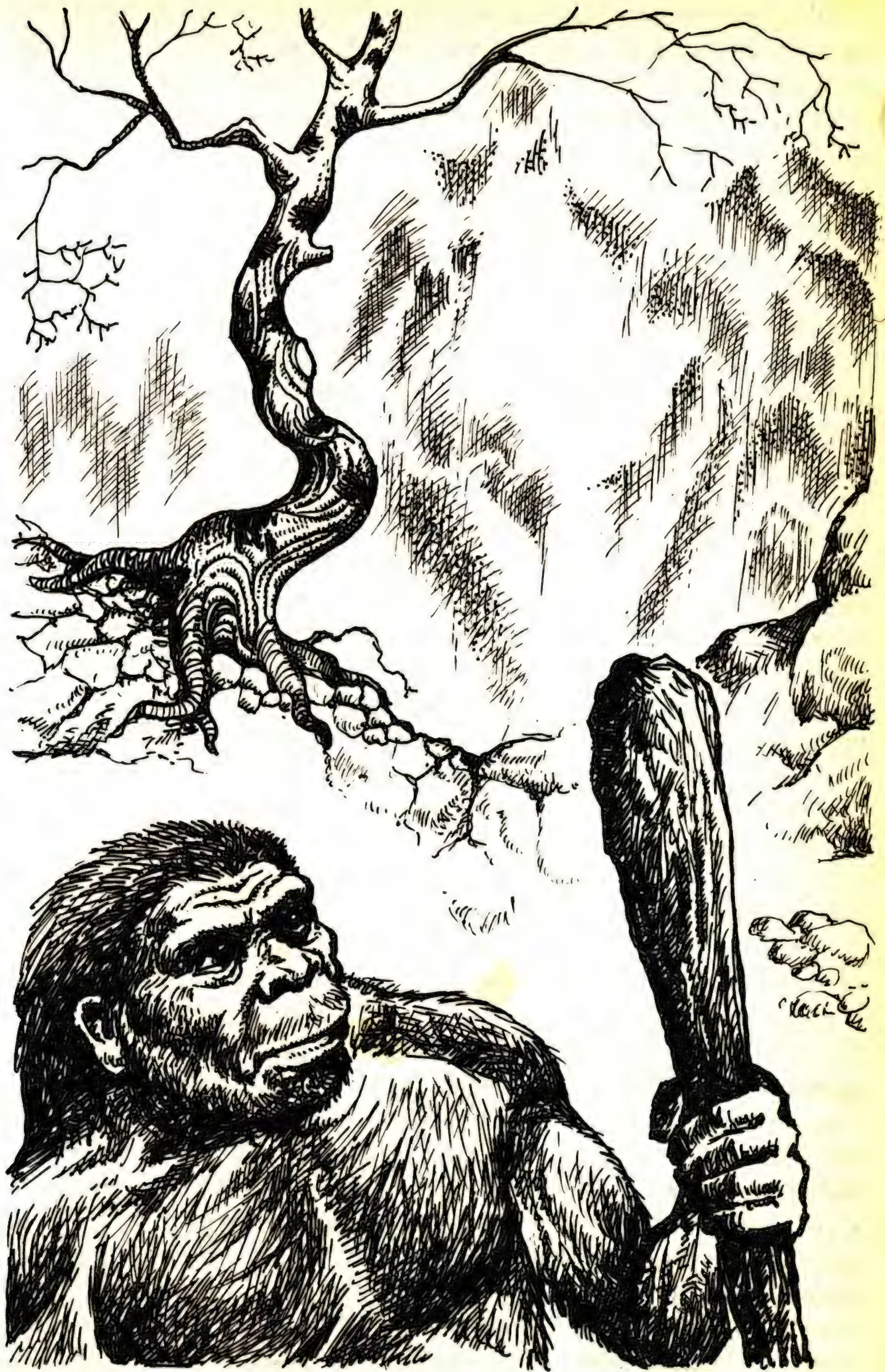
пересекал запах хищников. Он все отходил от тропы, которая вела на откос, явно стараясь двигаться по дну расщелины, а не по ее высоким склонам. В некоторых местах другой останавливался, иногда стоял непонятно долго, и отпечатки его ступней были глубокими. В одном месте, где путь лежал по крутому гладкому склону, другой возвратился назад, сделав больше шагов, чем пальцев на руке. Он снова повернул и побежал вверх по расщелине, и ногами выворачивал комки земли всюду, где он становился на тропу. Вот он опять задержался, вылез из расщелины, опустился на ее край и полежал там короткое время. Внутри себя Лок увидел этого мужчину, не напряжением ума, а потому что каждый раз запах подсказывал ему движения другого. Точно так же, как запах большого кота вызвал бы у него кошачью настороженность, чтоб избежать рискованной встречи, и даже кошачье урчание. Как глядя на Мала, когда он тяжело поднимался по склону, люди непроизвольно подражали ему, так теперь запах другого перевоплотил Лока в того, кто прошел раньше этим путем. Он уже начинал познавать другого, сам не понимая, как это получается, что он знает. Лок-другой присел у края утеса и вгляделся в шершавый бок скалы. Он кинулся в тень горы, рыча и медля. Он тихо двинулся вперед, стал на четвереньки, осторожно подполз и заглянул с края утеса в долину, где текла полноводная река.

Он смотрел вниз, на откос. Над откосом висела скала, и никого из людей не было видно; но из-под этой скалы танцующий круг багряного света расползлся по уступу, медленно бледнея, пока не сливался наконец со светом луны. Полоска дыма струилась вверх и плыла вдоль долины. Лок-другой начал боком спускаться по скале с уступа на уступ. Когда он подкрался к самому откосу, то стал двигаться еще осторожней и всем телом прижался к скале. Он подполз вперед, наклонился и посмотрел вниз. Глаза его ослепли от яркого пламени, плясавшего над костром; теперь он снова был Лок, у себя дома, вместе с людьми, а другой ушел. Лок оставался на месте, бездумно рассматривая землю, и валуны, и твердый удобный уступ. Фа что-то произнесла прямо под ним. Он не понял ее слов, и смысл их был ему недоступен. В руках у Фа был большой сверток, она резво побежала по уступу к почти отвесной, чуть видной тропе, которая вела к ледяным женщинам. Старуха подошла, посмотрела ей вслед, затем возвратилась назад к костру. Лок услышал треск дерева, потом сноп искр взметнулся прямо к его лицу, и свет костра на уступе расширился и задвигался.

Лок отодвинулся назад и медленно поднялся. Голова у него была пустая. Он ничего не видел в себе. Тем временем Фа уже прошла плоскую скалу и полосу земли и полезла вверх. Старуха сошла с откоса, сбегала вниз к реке и возвратилась, неся воду в обеих горстях. Она была совсем рядом, Лок видел капли, которые пробивались у нее между пальцев, и два огня, которые, как близнецы, светились в ее глазах. Она прошла под скалой, и Лок понял, что она его не видит. Вдруг он испугался того, что она его не видела. Старуха столько знала, и все-таки она его не видела. Он ощущал себя изгоем, а не одним из людей; словно слияние с другим так изменило его, что он стал непохож на них, и они уже не могли его видеть. Он не мог подобрать слова, чтобы высказать эти мысли, но ощущал себя чуждым и незримым, будто ледяной ветер пронизывал его кожу. Другой рванул за нити, которые соединяли его с Фа, и Малом, и Лику, и с остальными людьми. Эти нити были не пустой игрушкой, а самым смыслом его жизни. Если они разорвутся, человек сразу умрет. Вдруг Лок испытал томительное, как голод, желание, чтобы чьи-то глаза встретились с его глазами и узнали его. Он повернулся, думая промчаться по зубцам и прыгнуть на откос; но вдруг снова почуял запах другого. Другой не был уже пугающей частью Лока, но его неизвестность и сила требовали внимания. Лок пошел за запахом вдоль зубцов, тянувшихся над уступом, пока не подошел к обрыву у воды, а путь к ледяным женщинам проходил выше, над его головой.

Запах сошел к воде, и Лок сошел тоже. Он стоял, тихонько вздрагивая от непонятной тоски, навеванной водой, и рассматривал ближнюю скалу. Он уже видел внутри себя прыжок, который покрыл пустоту, и тот, другой, долетел до этой скалы, а оттуда, прыжок за прыжком над смертоносной рекой, перебрался на темный остров.

Лок стоял, разрешив видениям наплывать и растворяться внутри себя. Вот возник пещерный медведь, которого он однажды в самом деле увидел, когда тот вышел из скалы и заревел, как море. Лок, по сути дела, ничего не знал про медведя, потому что, когда тот взревел, люди кинулись бежать и не останавливались в течение целого дня. А этот другой, его темный меняющийся облик нес в себе что-то от тяжелой медвежьей неторопливости. Лок сощурился и внимательно посмотрел на скалу. Одинокая береза на острове поднималась над прочими деревьями и была четко видна под лунным диском. Она была очень толстая у корня, на редкость толстая, даже, как решил Лок, присмотревшись, невероятно толстая. Тем-

ное пятно, обнимавшее ствол, было похоже на каплю крови, которая запеклась на конце дубинки. Пятно потянулось, разбухло, снова потянулось. Оно ползло по березе не спеша, как вялый ленивец, оно зависло высоко в небе над островом и водопадом. Оно ползло без единого звука и наконец застыло, замерло. Лок закричал, что было сил, но или существо было глухим, или же могучий водопад заглушил его крик:

— Где Ха?

Существо не двинулось. Легкий ночной ветерок пронесся через долину, и верхушка березы качнулась, крона же была неподвижной, поникшей под тяжестью черного пятна. Шерсть на Локе стала дыбом, и тревога, которую он ощутил на склоне, теперь вновь пробудилась в нем. Он почувствовал жгучее желание очутиться под защитой людей, но вспомнил, что старуха его не видала, и не осмелился подойти к откосу. Поэтому он не двинулся с места, а черный ком между тем спустился с березы и пропал среди бесформенных теней, покрывавших эту часть острова. Потом он возник снова, в ином облики, на самой далекой скале. В растерянности Лок поднялся при свете луны высоко на склон. Прежде чем он сумел восстановить четкое видение внутри себя, он уже быстро поднимался по едва заметной тропе, где незадолго до него проходила Фа. Лишь на высоте дерева над речной долиной он задержался и оттуда посмотрел вниз. Черное существо на миг промелькнуло в воздухе, перелетев со скалы на скалу. Лок вздрогнул и полез дальше вверх.

Этот утес не был наклонным, он стремился прямо к небу и местами поднимался вертикально. Лок добрался до расщелины, из которой вода струилась вниз, а потом в сторону и оттуда бежала в долину. Вода была такая холодная, что капля, попавшая Локу в лицо, обожгла кожу. Тут он почуял Фа и мясо и протиснулся в расщелину. Она шла напрямую вверх, кусочек неба над ней был освещен луной. Скала была скользкой от воды и все время старалась его сбросить. Но запах Фа все вел его за собой. Наконец Лок достиг места, где расщелина расширилась и устремилась будто прямо внутрь горы. Он посмотрел вниз. Река в долине казалась тоненькой ниточкой, и вокруг все изменилось. Теперь он желал Фа больше, чем когда бы то ни было. Он прыгнул в расщелину, услышал Фа впереди, совсем рядом, и крикнул. Она сразу вернулась назад по расщелине, перескакивая через камни, под которыми гудела вода. Камни хрустели под ее ногами, и этот звук эхом

отражался от утесов, так что казалось, словно рядом большая толпа людей. Она приблизилась к нему вплотную, лицо ее было искажено злобой и тревогой.

— Молчи!

Лок не слышал. Он горячо говорил:

— Я видел другого. Ха упал в реку. Другой приходил и рассматривал откос.

Фа дернула его за руку. Сверток она прижимала к груди.

— Не говори! Оа позволит услышать ледяным женщинам, и они обрушатся!

— Разреши мне пойти с тобой!

— Ты мужчина. Там страх. Возвращайся!

— Я не хочу ничего видеть или слышать. Я буду с тобой. Разреш.

Фа отвернулась и стала карабкаться по расщелине, а Лок топился по ее следам. Она остановилась и гневным жестом велела ему возвращаться назад, но, когда она двинулась вперед, он пошел тоже. Фа снова остановилась, потом заметалась взад-вперед среди утесов, молча посылая Локу страшные гримасы и скаля зубы, но он все равно не уходил. Путь назад приводил к Локу-другому, который был до ужаса одинок. Наконец Фа отступилась и больше не смотрела на него. Она пробиралась вверх по расщелине, и Лок крался за нею, лязгая зубами от стужи.

Здесь уже не было следов воды под ногами. Вместо нее были высокие ледяные валуны, которые намертво пристыли к утесу, а с теневой стороны, под боком у каждой громады лежал снежный сугроб. Лок снова ощутил все невзгоды зимы и страх перед ледяными женщинами, так что потянулся к Фа, будто к жаркому костру. Над головой у них виднелась узкая полоса неба, холодного, сплошь усыпанного звездами, и там проносились хлопья облаков, которые приглушали лунный свет. Теперь Лок видел, что лед карабкается по бокам расщелины, как плющ, широкий внизу, выпускающийся выше тысячью усиков и плетей, на которых блистали белые листья. Лед был у Лока под ногами, обжигая их, и они совсем окоченели. Вскоре он побежал на четвереньках, и руки тоже замерзли не меньше, чем ноги. Спина Фа шевелилась впереди, и он шаг за шагом шел за ней. Расщелина раздвинулась, здесь было светлее, и он увидел прямо перед ними голую вертикальную кручу. Внизу, на левом склоне, лежала полоса сплошной черноты. Фа подползла прямо к этому мраку и нырнула в него. Лок пополз за

ней. Он оказался в такой теснине, что задевал обе стены раздвинутыми локтями. Но он сумел пробраться.

Свет ударил ему в лицо. Он сморщился и прикрыл глаза руками. Мигая, он посмотрел вниз и увидел глыбы, которые ярко блестели, ледяные валуны и густые синие тени. Он увидел ноги Фа, они были совсем близко, белые от холода, усыпанные блестящими льдинками, и ее тень, изменчивую на льду и скалах. Он глянул вперед и увидел клубы пара от их дыхания, которые поднимались вокруг, как тучки брызг у водопада. Он застыл на месте, и Фа стала исчезать в дымке собственного дыхания.

Пространство было огромное и совсем чистое. Его плотной стеной окружали скалы; и везде ледовые плющи ползли кверху и расползались вширь по скалам высоко над головой. Там, где они поднимались к священному долу, они становились все толще и наконец делались гигантскими, как стволы вековых дубов. Их высокие плети пропадали в ледяных гротах. Лок шагнул назад и посмотрел на Фа, которая уже поднялась выше, на другой край святилища. Здесь она опустилась на корточки и протянула сверток с мясом. Была полная тишина, даже гул водопада будто замолк.

Фа говорила тихо, почти шептала. Сначала Лок еще различал отдельные слова, «Оа» и «Мал», но крутизна не принимала их, они отлетали назад, а Фа снова кидала их все туда же. «Оа», — произнесли круча и огромный плющ, и другая круча за спиной Лока запела: «Оа, Оа, Оа». Теперь они уже не произносили отдельные слова, а пели их на одном дыхании. Пение росло, как вода во время прилива, и заполняло пространство, как вода, и вот оно уже обратилось в звенящее «А», которое оглушало Лока. «Болен, болен», — говорила крутизна в конце святилища; «Мал», — сказали скалы за спиной, и весь воздух наполнило пение безбрежного накатывающегося прилива, над которым царила Оа. Шерсть на Локе поднялась дыбом. Он двинул губами, словно хотел сказать «Оа». Потом посмотрел вверх и увидел ледяных женщин. Пещеры, куда уходили плети огромных вьюнков, были их чреслами. Их бедра и чрева проступали из скалы в вышине. Они нависали так плотно, что небо казалось меньше, чем дол святилища. Тело переплеталось с телом, они наклонялись, сгибались, и заостренные их главы блестели под луной. Лок увидел, что чресла их подобны пещерам, синим и заполненным ужасом. Они отходили от поверхности скалы, и вьюнок был водою, которая пробивалась между скалой и льдом. Волна звука накатилась на них.

— Аааа, — пела скала. — Аааа...

Лок упал ниц, пряча лицо в лед. Хотя иней сверкал на шкуре, он был весь в поту. Он ощущал, как падь сдвигается вбок. Фа дергала его за плечо.

— Пойдем!

В животе у него было такое ощущение, словно он объелся травой и вот сейчас его вывернет наизнанку. Он ничего не видел, словно ослеп, лишь зеленые огоньки с неотвратимой беспощадностью плыли в черной пустоте. Глас святилища проник в него и теперь жил там, как голос моря живет в раковине. Губы Фа шепнули у него над ухом:

— Покуда они тебя не заметили.

Он вспомнил про ледяных женщин. Не поднимая взгляда от земли, чтобы не увидеть ужасного света, он пополз прочь. Тело у него стало безжизненным, мертвым, и он не мог управлять им. Оступаясь, он безвольно двигался за Фа, а потом они вылезли через расселину в круче, и падь перед ними повела их вниз, а там следующая расселина звала к долине. Он побежал за Фа и начал с трудом спускаться. Вдруг он упал и покатился вниз, перевернул-

ся, неуклюже заскакал среди снега и глыб. Потом он сумел задержаться и привстать, он был слаб, оглушен и подвывал, как недавно скулила Нил. Фа подошла к нему. Она обняла его одной рукой, и он оперся на нее, глядя вниз, на тонкую ленточку воды в долине. Фа шепнула ему на ухо:

— Там чересчур много Оа для мужчины.

Он обернулся и спрятал голову у нее на груди.

— Я испугался.

Оба помолчали. Но в них глубоко проник холод, и тела их снова тряслись от дрожи.

Уже преодолев немного свой страх, но все еще объятые холодом, они начали ощупью спускаться по склону, который становился все отвеснее, и вот уже гул водопада встречал их. Теперь Лок нашел откос внутри себя. Он стал рассказывать Фа:

— Другой на острове. Он великий прыгун. Он был здесь, на горе. Подходил к откосу и смотрел вниз.

— Где Ха?

— Упал в воду.

Облачко пара от дыхания на миг окутало ее, и из этого облачка прозвучали ее слова:

— Никакой мужчина не упадет в воду. Ха на острове.

Потом она помолчала. Лок изо всех сил пытался увидеть в себе, как Ха прыгает через поток на остров. Но так и не смог увидеть. Фа заговорила вновь:

— Другой — это женщина.

— У него запах мужчины.

— Все равно должна быть еще другая женщина. Разве может мужчина выйти из чрева мужчины? Значит, была и женщина, а потом другая женщина, и еще другая. Самая первая.

Лок пробовал это понять. Пока были женщины, была и жизнь. Что могут мужчины, кроме как вынюхивать и видеть внутри себя? Смирившись, он не пытался сказать Фа о том, что видел другого, или о том, как видел старуху и при этом понимал, что его самого та не видела. Вдруг все картины и даже мысль о словах оставили его, потому что теперь они добрались до того места, где тропа круто падала вниз. Молча начали они спускаться, и рев воды захватил их, ударяя в уши. Лишь когда они оказались на уступе и рысцой помчались к откосу, он вспомнил, что пошел искать Ха, а возвращается без него. Словно ужас святилища все еще гнался за ними, оба бежали изо всех сил.

Но Мал не стал новым человеком, как они надеялись. Он по-прежнему лежал пластом, и дышал с таким трудом, что грудь почти не поднималась. Они видели, что лицо у него темное, влажное и блестящее от пота. Старуха сохраняла в костре жаркий огонь, и Лику отползла подальше. Она снова ела печень, медленно и важно, не отводя взгляда от Мала. Обе женщины сидели на корточках справа и слева от него, Нил нагнулась и своими волосами промокала пот на его лбу. Казалось, на откосе не к месту было Локу рассказывать про другого. Нил, услышав их, подняла голову, увидела, что Ха нет, и вновь вернулась к старику, утирая ему испарину с лица. Старуха тихонько погладила его по плечу.

— Будь здоровым и могучим, старик. Фа отдала за тебя подарки Оа.

Тут Лок вспомнил свой панический страх, когда над ним нависли ледяные женщины. Он хотел сказать об этом, но Фа, которая разделяла его мысли и видения, сразу закрыла его рот рукой. Старуха не увидела этого. Она достала из желудка, все еще источающего пар, вкусный кусок.

— Теперь сядь и ешь.

Лок обратился к Малу:

— Ха ушел. На свете есть другие люди.

Нил вскочила, и Лок понял, что сейчас она начнет причитать, но старуха сказала резко, как недавно оборвала его Фа:

— Молчи!

Она и Фа осторожно приподняли и усадили Мала, а он повис у них на руках, и голова его моталась по груди Фа. Старуха протолкнула кусок ему в рот, но он вяло выплюнул еду. Он сказал:

— Не раскалывайте мой череп и кости. Вы найдете в них одну слабость.

Лок посмотрел на женщин, раскрыв рот. Оттуда вырвался непроизвольный смех. Потом он принялся быстро объяснять Малу:

— Но ведь есть другой. И Ха ушел.

Старуха подняла голову:

— Дай воды.

Лок быстро сбегал к реке и принес воду в ладонях. Он смочил ею лицо Мала. Новый человечек вылез на плечо Нил, зевнул, перебрался к ней на грудь и принялся сосать. Люди видели, как Мал снова пытается заговорить.

— Положите меня на жаркую землю у огня.

Среди гула водопада наступило гробовое молчание. Даже Лику

перестала жевать и глядела во все глаза. Женщины не шевелились, не отрывали взгляда от глаз Мала. Молчание, заполнившее Лока, обернулось водой, которая вдруг выступила из его глаз. Потом Фа и старуха осторожно уложили Мала на бок. Они прижали его шишковатые, костлявые колени к груди, подтянули ноги, чуть приподняли с земли голову и опустили ее на сложенные ладони. Мал лежал вплотную к костру, и глаза его, не отрываясь, глядели в огонь. Волосы на его голове начали потрескивать, но он, казалось, даже не ощущал этого. Старуха взяла палку и нарисовала на земле круг возле его тела. Потом они приподняли его, лежавшего на боку, в том же скорбном молчании.

Старуха взяла плоский камень и протянула Локу.

— Копай!

Лику снова принялась есть. Она прокралась за спины взрослых и уселась, опершись на утес в глубине откоса. Земля была жесткая, и Лок должен был нажимать на камень всем весом своего тела, чтобы ее разрыхлить. Старуха принесла ему острый обломок кости из туши козы, и тогда он ощутил, что может справиться с верхним слоем. Слой этот снялся целым пластом, зато дальше земля уже легко рассыпалась у него под руками, и он мог отбрасывать ее камнем. Так он и делал, а луна тем временем скользила по небу. Он увидел внутри себя Мала, когда тот был совсем молодой и сильный и копал так же, как теперь он сам, только с противоположной стороны костра. Вскоре он достиг другого, нижнего кострища, затем докопался еще до другого. Там был маленький холмик из обожженной глины. Чем глубже вниз, тем тоньше были глиняные прослойки, и вот, когда яма была уже довольно глубокой, слои стали твердыми, как камень, и тонкими, как береста. Новый человечек насосался, зевнул и сполз на землю. Он поднялся, держась за ногу Мала, подался вперед и смыслено, не мигая, разглядывал костер. Потом шагнул назад, быстро прошмыгнув за спину Мала и глянул в яму. Он оступился, упал и с обиженным писком вскарабкался по мягкой земле под руками Лока. Он вылез, пятась, быстро шмыгнув назад к Нил и примостился у нее на коленях.

Лок сел, отвалившись назад и с трудом дыша. По шкуре его струился обильный пот. Старуха тронула его за локоть.

— Рой! Теперь есть один Лок!

Обессиленный, он снова нагнулся над ямой. Он достал из нее какую-то древнюю кость и откинул далеко, в лунный свет. Потом снова налег на камень и вдруг рухнул ниц.

— Не могу.

Тогда, хоть раньше такого никогда не бывало, женщины сами взялись за камни и принялись копать. Лику молча глазела на них и на растущую яму. Мал начал дрожать. По мере того, как они углублялись, глиняные слои от кострищ становились уже. Последний слой скрывался глубоко внизу, в давно позабытых далеких недрах откоса. После каждого слоя глины копать становилось легче. Теперь уже было нелегко сохранять ровность боковин. Им встречались кости, иссохшие, потерявшие запах, кости, столь давно расставшиеся с жизнью, что они не несли никакого смысла, и люди выкидывали их, берцовые кости, ребра, раздробленные и размозженные кости черепов. Попадались и камни, одни с острыми краями, которыми удобно было резать, другие с острыми концами, чтобы сверлить, такие камни люди использовали при случае, но не берегли их. Выкопанная земля образовала остроконечную горку. Лику сыто играла осколками черепа. Тут Лок снова обрел силу, и он тоже принялся копать, так что теперь яма углублялась много быстрее. Старуха вновь подкинула дров в костер, а над языками пламени уже просыпалось серое утро.

Наконец яма была вырыта. Женщины снова окропили водой лицо Мала. Теперь от него действительно оставались лишь кожа да кости. Рот его широко раскрылся, будто он хотел укусить воздух, дышать которым уже не было сил. Люди опустились полукругом перед ним на колени. Старуха взглядом призвала всех к молчанию.

— Когда Мал был сильным, он находил много еды.

Лику сидела на корточках, опираясь на утес в глубине откоса и держа малую Оа у груди. Новый человечек спал под гривой у Нил. Пальцы Мала бессмысленно двигались, он то открывал, то закрывал рот. Фа и старуха поднимали его и поддерживали голову. Старуха скорбно сказала ему на ухо:

— Оа дает тепло. Спи.

Его тело стало дергаться. Голова откинулась на грудь старухи и осталась там.

Нил запричитала. Ее крик разлетелся по всему откосу, разрезал воздух и улетел через воду к острову. Старуха положила Мала на бок и прижала колени старика к его груди. Она и Фа подняли его и опустили в яму. Старуха подложила его руки под щеку и проследила, чтобы ноги лежали ниже, чем голова. Потом она поднялась, и люди не прочитали на ее бесстрастном лице никакого выражения. Она подошла к плоской скале и взяла мясистую ляжку. Опустившись на колени, она положила мясо перед его лицом.

— Съешь, Мал, когда ощутишь голод.

Взглядом она приказала людям идти за ней. Они сошли к реке, оставив Лику с малой Оа. Старуха набрала в ладони воды, и остальные сделали то же. Она возвратилась и вылила воду на лицо Мала.

— Выпей, когда наступит жажда.

Нил, Фа и Лок тоже окропили водой серое, уже мертвое лицо. И каждый повторил эти слова. Лок был последним, и, вылив из горстей воду, он ощутил к Малу глубокую нежность. Он побежал к реке и принес второй дар.

— Выпей, Мал, когда наступит жажда.

Старуха взяла горсть земли и бросила Малу на голову. Последней подошла Лику, и очень робко тоже сделала так, как старуха приказала ей взглядом. Потом она возвратилась к утесу. По знаку старухи Лок начал сбрасывать землю с окончечной кучки в яму. Земля падала с легким шорохом и скоро скрыла под собой Мала. Лок примял землю руками и ногами. Старуха отрешенно

смотрела, как тело медленно теряет свои контуры и пропадает с глаз. Земля росла все выше и заполняла яму, росла до тех пор, покуда там, где только что лежал Мал, не вырос на откосе маленький бугорок. Немного земли все же осталось. Лок смел ее прочь, затем утоптал бугор как мог плотно.

Старуха села на корточки возле последнего приюта Мала и дождалась, пока глаза всех людей не сошлись на ней.

Тогда она произнесла:

— Оа вернула Мала в свое чрево.

5

После долгого безмолвия люди поели. Они ощутили, что усталость окутывает их, как туман. На откосе не было Ха, ушел Мал. Правда, огонь еще горел, и еда была вкусной, но люди обессилели. Один за одним они опускались на землю между костром и утесом и засыпали. Старуха сходила к нише и принесла еще дров. Она насыщала огонь до тех пор, пока он не загудел, как водопад. Потом она собрала оставшуюся пищу и спрятала ее во впадинах, подальше от любой опасности. Наконец она присела у холмика, под которым лежал теперь Мал, и стала смотреть через воду.

Люди редко видели сны, но теперь, когда над ними, поднимался рассвет, их окружала целая толпа призраков, налетевших откуда-то издалека. Старуха краем глаза замечала, что они, напуганные и заблудившиеся, мучаются болью. Нил что-то говорила. Левая рука Лока сгребла горсть земли. Невнятные слова, неразборчивые возгласы радости или ужаса то и дело срывались с губ у каждого. Старуха не шевелилась, она все время следила за чем-то своим внутри себя. Запели птицы, воробьи собрались на уступе и принялись клевать. Лок во сне резко выбросил руку и попал старухе в бедро.

Когда поверхность воды уже стала сверкающей, старуха поднялась и принесла еще дров из ниши. Огонь радостно встретил еду громким треском. Старуха стояла рядом, опустив глаза.

— Теперь все опять как тогда, когда огонь убежал и сожрал все деревья в лесу.

Рука Лока оказалась рядом с огнем. Старуха наклонилась и вернула ее назад, ему на лицо. Он повернулся на бок и вскрикнул.

Лок бежал. Запах другого нагонял его, и он был не в силах

убежать. Стояла темнота, а у запаха были когтистые лапы и зубы, как у огромного кота. Лок был на острове, где никогда не бывал. Водопад гудел по бокам от него. Он несся по берегу, зная, что сейчас упадет, теряя силы, и окажется в лапах у другого. Он рухнул, и борьба тянулась бесконечно. Но нити, которые соединяли его с людьми, еще не оборвались. Напрягаясь от безнадежной борьбы, они возникали, спешили, проворно неслись через воду, обязанные помочь ему. Другой исчез, а все люди собрались вокруг Лока. Он не мог их четко различить в темноте, но знал, кто они. Они подходили все ближе и ближе, не так, как всегда приходили на откос, где был их дом и отдых, где остальной мир был им не страшен; они торопились, покуда не слились с Локом в одно целое, плоть с плотью. Они слились в эту общую плоть, как это было, когда они сопереживали видения. Лок был спасен.

Проснулась Лику. Малая Оа во время сна свалилась с ее плеча, теперь Лику ее подняла. Она зевнула, увидела старуху и сказала, что хочет есть. Старуха пошла к нише и принесла ей остаток печени. Новый человечек играл шерстью Нил. Он дергал за пряди, качался на них, а она уже не спала и снова поскуливала. Фа села, распрямившись, Лок перекатился на бок и чуть не попал в костер. Он с рыком отпрыгнул в сторону, увидел остальных и стал наивно оправдываться:

— Я спал.

Люди сошли к воде, утолили жажду и облегчились. Когда они возвратились, на откосе возникло чувство большой недоговоренности, и они оставили свободными оба опустевших места, будто когда-нибудь, в один радостный день, те, которые там всегда сидели, снова возвратятся. Нил кормила грудью нового человечка и пальцами расчесывала гриву.

Старуха отвернулась от костра и обратилась к людям:

— Теперь есть только Лок.

Он посмотрел на нее, не понимая. Фа наклонила голову. Старуха подошла к нему, крепко взяла за руку и повела за собой к месту, где всегда сидел Мал. Она усадила Лока, заставив облокотиться спиной об утес, так что зад его оказался в гладкой ямке в земле, оставленной Малом. Для Лока это было так ново, что он взволновался. Он посмотрел в сторону, на воду, затем снова на людей и засмеялся. Все смотрели на него и ждали его слова. Он шел первым, а не в хвосте, и все, что он видел внутри себя, было единственно правильным для остальных. Жаркая кровь ударила ему в лицо, и он при-

крыл глаза руками. Через растопыренные пальцы он смотрел на женщин, на Лику, потом вниз, на земляной холмик, под которым лежал Мал. Он ощущал острую потребность поговорить с Малом, молча дожидаться, пока тот не скажет, как же теперь быть. Но из-под холмика не прозвучал голос, никто не помог увидеть хоть что-нибудь внутри себя. Он сделал первое, что пришло ему в голову.

— Мне снилось так. Другой бежал за мною. А потом мы с ним были вместе.

Нил приподняла нового человечка над своей грудью.

— А мне снилось так. Ха лежал со мной и с Фа. Лок лежал с Фа и со мной.

Она заскулила. Старуха одним жестом остановила ее.

— Мужчина видит внутри себя. Женщина знает Оа. Ха и Мал ушли. Теперь есть только Лок.

Голос Лока стал тонким, как у Лику:

— Сегодня мы пойдем искать еду.

Старуха сохраняла беспощадное молчание. В нишах утеса еще была еда, хотя ее запас был не так уж велик. Для чего же людям искать еду, если они не голодны, а оставшейся пищи еще хватает?

Фа подползла на четвереньках. Когда она заговорила, Лок стал постепенно приходить в себя. Он даже не слушал Фа.

— Я вижу так. Другой ищет еду, и люди ищут тоже...

Она смело посмотрела старухе прямо в лицо.

— Значит, люди хотят есть.

Нил потерлась спиной об утес.

— Ты видишь плохо.

Старуха оборвала их:

— Теперь только Лок!

И Лок вспомнил. Он опустил руки и уже не прятал лицо.

— Я видел другого. Он на острове. Он прыгает со скалы на скалу. Взбирается на высокие деревья. Он черный. И меняет свой облик, как пещерный медведь.

Люди поглядели на остров. А он теперь был ярко освещен солнцем и украшен зеленой листвой. Лок приказал всем слушать.

— И я шел по его запаху. Он был вон там... — Лок указал на скат над откосом, и все люди посмотрели туда. — Там он стоял и смотрел на нас. Он похож на большого кота, но это не кот. А еще он похож, похож...

На миг Лок совсем перестал видеть внутри себя. Он почесал под нижней губой. Столько он хотел сказать.

— Может, Ха не в реке. Может, он на острове вместе с другим. Ведь Ха великий прыгун.

Нил отняла нового человечка от груди и опустила его ползать по земле. Вода бурно бежала из ее глаз.

— Это ты увидел хорошо.

— Я поговорю с другим. Как может он все время быть на острове? Я снова поищу запах.

Но Фа уже хлопала его ладонью по губам.

— А если он вышел из острова. Как из чрева женщины. Или из водопада.

— Так я не вижу.

Вот теперь Лок понял, как просто говорить слова другим, если тебя внимательно слушают. Тогда слова могут даже не иметь образа.

— Фа пускай ищет запах, а Нил, Лику и новый...

Старуха ему не возражала. Вместо этого она взяла толстую ветвь и кинула в огонь. Лок вскрикнул и поднялся на ноги, сразу замолчав. Тогда заговорила старуха:

— Лок не хочет, чтобы Лику пошла. Ведь больше нет мужчины. Пойдут Фа и Лок. Так сказал людям Лок.

Он посмотрел на нее с недоумением, но ее лицо было бесстрастным. Он затряс головой.

— Так, — сказал он. — Так.

Фа и Лок рядом спешили к краю уступа.

— Не говори старухе, что ты был у ледяных женщин.

— Когда я сошел с горы по следу другого, старуха меня не видела.

Он вспомнил лицо старухи.

— Кто может знать, что она видит, а чего не видит?

— Не говори ей.

Он пытался растолковать:

— Я видел другого. Он и я, мы перелезли через бок горы и незаметно подкрались к людям.

Фа остановилась, и оба глядели в пустоту между ближним к берегу утесом и уступом. Она указала пальцем:

— Даже Ха разве мог бы перепрыгнуть это?

Лок размышлял над пустотой. Зажатые утесами воды пенились. Лок начал наглядно показывать то, что видел внутри себя.

— При запахе другого сам я стал он, другой. Я крадусь, как

большой кот. Я встревоженный и жадный. Я сильный. — Он прекратил показывать и быстро обогнал Фа, потом повернулся и посмотрел ей прямо в глаза. — А теперь я стал Ха и другой. Я сильный.

— Так я не вижу.

— Другой на острове.

Он развел руки так широко, как только мог. Захлопал ими, как крыльями. Фа улыбкулась, потом рассмеялась. Лок тоже захохотал, все веселей и веселей, думая, что его одобряют. Он бежал уступ, крикая, как утка, и Фа засмеялась над ним. Он хотел уже было вернуться, хлопая руками, как крыльями, назад, на откос, чтобы остальные тоже оценили его шутку, но вдруг очнулся. Он одернул себя и остановился.

— Теперь есть только Лок.

— Найди другого, Лок, и поговори с ним.

Сейчас он вспомнил про запах. И принялся обнюхивать землю. Дождь с тех пор еще не пролился, и запах, хоть и очень слабый, сохранился. Лок вспомнил про смесь запахов на утесе над водопадом.

— Пойдем.

Они вернулись назад по уступу, минуя откос. Лику увидела их и высоко подняла малую Оа. Лок осторожно обогнул поворот и спиной почувствовал теплое тело Фа.

— Бревно убило Мала.

Лок повернулся к ней и с недоумением пошевелил ушами.

— Я про то бревно, которого не было. Это оно убило Мала.

Он открыл рот, готовый заговорить, но она сказала настойчиво:

— Идем.

Приметы другого они увидели сразу же. Его дым подымался с центра острова. На острове было множество деревьев, и некоторые из них наклонялись так низко, что купали свои ветки в воде, и за ними не видно было берега. Среди деревьев поднимался кустарник, такой густой и дремучий, что под его буйной зеленью земля пряталась от глаз. Дым подымался густым облаком, растекавшимся и пропадавшим в воздухе. Все было ясно. Другой разжег свой огонь и, видимо, бросал в него такие толстые и сырые бревна, какие всем людям было не поднять. Фа и Лок разглядывали этот дым, совсем ничего не видя внутри себя, а потому и не сливаясь мыслями. На острове был дым, там был другой человек. Во всей своей прошлой жизни они не встречались ни с чем подобным.

Когда Фа повернулась, Лок увидел, что она трясется.

— Почему?

— Я боюсь.

Он немного подумал.

— Я спущусь вниз к лесу. Там ближе всего к этому дыму.

— Но я не хочу идти.

— Иди назад на откос. Теперь только Лок остался.

Фа снова посмотрела на остров. Потом, абсолютно внезапно протиснулась за поворот и исчезла из виду.

Лок помчался вниз с утеса, видя внутри себя, как шли люди, и быстро прибежал к лесной опушке. Здесь по травам струями бежала вода, принесенная половодьем. Деревья же росли на высоком сухом месте, и здесь ноги Лока оставили следы, показывавшие одновременно его страх перед водой и стремление поскорей увидеть нового мужчину или же всех новых людей. Он приближался к месту на берегу, прямо против которого поднимался дым, и волнение его все усиливалось. Теперь он даже решился шагнуть в воду, она была ему по шиколотки, и он, вздрагивая, неся по ней прыжками. Когда он замечал, что теряет из виду реку или не может при-

близиться к берегу, он скрипел зубами и уходил правее, огибая препятствия. Под водой пряталась трясина, и в ней росли бледные остроконечные луковки. В других обстоятельствах его ноги немедленно выдернули бы их и услужливо подали ему, но сейчас он воспринимал эту еду лишь как слабые, но ощутимые уколы его дрожащих ступней. Его и реку разделяли целые рощи деревьев, усыпанных молодыми зелеными почками. Теперь он хватался за ветки, которые так прогибались под его тяжестью, что он в ужасе едва не падал. Собственно, молодые ветки и не могли выдержать его, и он, как орел с расправленными крыльями, парил среди них. Потом он ощутил под собой воду, не малый слой под поверхностью земли, а глубокую воду, в которой притаились, пропадая из вида, кусты. Качаясь, он спускался, и кусты начали вырываться из его рук; он закричал и стремительным рывком вырвался на спасительную, хотя и мерзкую, трясину. Здесь никто из людей не сумел бы добраться до реки, туда долетали одни суетливые болотные курочки. Он побежал отсюда к низовьям реки, отклоняясь к лесу, где была не такая болотистая земля, и добрался до полянки, где замерло мертвое дерево. Потом поднялся на низкий голый холмик, под которым шумела глубокая вода. На другой стороне воды среди густой чащи деревьев и кустов дым был четко виден. Лок увидел внутри себя, как другой влезает на березу и смотрит через реку. Он побежал по тропе, где еще сохранился запах людей, пока не оказался у болота. Новое бревно, которое они день назад перебросили через него, тоже ушло. Зато дерево, на котором он раскачивал Лику, стояло на старом месте, за болотом. Лок осмотрелся и нашел бук, такой высокий, что казалось, будто он макушкой задевает за облака. Он вцепился в ветку и быстро залез по ней наверх. Там была развилка, где сохранилась дождевая вода. Он полез по той стороне, которая была шире, ловко действуя руками и ногами, пока не ощутил угрожающее покачивание дерева, которое клонилось под ветром и его весом. Он взобрался еще выше, пока не достиг самой вершины, а там начал отгибать и выламывать ветки, которые мешали ему смотреть на остров. Через просвет он видел часть острова.

Ниже столба дыма, там, где пылал костер, горело огненное око, оно моргало и подмигивало Локу сквозь движение веток. Внимательно всматриваясь в этот огонь, Лок отыскал возле него и землю, она была серая и тверже, чем на этом берегу реки. Там должно было расти множество луковиц, и на земле лежали опав-

шие орехи, и водились личинки, и тучами росли грибы. Несомненно, у другого хватало вкусной пищи.

Вдруг огонь коротко мигнул. И Лок мигнул тоже. Огонь мигал не потому, что качались ветки, а оттого, что кто-то возник перед ним, заслоняя этот свет, кто-то был темным, как ветки бука, на которые взобрался Лок.

Он затряс вершину дерева.

— Э-ей, человек!

Огонь мигнул дважды. И вдруг Лок понял по этим вспышкам, что там несколько человек. Острое волнение, которое раньше вызывал запах, снова охватило его. Он так энергично тряс вершину, словно хотел ее сломать.

— Э-ей, новые люди!

Лок вдруг почувствовал бурный прилив сил. Ему чудилось, что он может перепрыгнуть через невидимую отсюда реку, которая лежала между ними. Он рискнул ухватиться за самые тонкие ветки кроны бука и закричал, что было мочи:

— Новые люди! Новые люди!

И вдруг он оцепенел на гнущихся ветвях. Новые люди услышали его крик. По блеску пламени и колыханию низких веток он понял, что сейчас они появятся перед его глазами. Огонь мигнул снова. Лок услышал треск кустов. Он выглянул.

Но больше ничего не было. Зеленый дым то застывал, то качался на ветру. Огонь мигал.

Лок застыл и услышал гул водопада, могучий, неумолкающий. Напряжение воли, которое соединяло его мысли с новыми людьми, стало слабеть. Сейчас он видел уже совсем иное внутри себя.

— Новые люди! Где Ха?

Зеленая волна листьев у берега дрогнула. Лок глядел внимательно. Потом он по прочным веткам спустился ниже развилки и сощурил глаза. По ту сторону дерева мелькнула рука или, точнее, плечо, оно было темное и волосатое. Зеленая волна снова задрожала, а темная рука исчезла. Лок смахнул воду с глаз. Внутри себя он снова увидел Ха на острове, Ха и медведя, Ха в опасности.

— Ха! Где ты?

Кусты на том берегу качнулись и опустились. Среди них было заметно какое-то движение, что-то быстро удалялось вглубь от берега среди деревьев. Огонь вновь мигнул. Потом огненные языки потухли и большая туча белого дыма проявилась через зелень, истощилось, поблекла, стала таять, побелела еще больше и тихо под-

нялась в небо, выворачиваясь наизнанку. Лок неуклюже отодвинулся в сторону, чтобы рассмотреть деревья и кусты. Им овладело чувство, что надо торопиться. Он прыгал с ветки на ветку, дергая их, и опускался все ниже, пока не нашел ближайшее к реке дерево. Он перепрыгнул туда, на мощную ветвь, устроился на нем поудобнее и легко, как рыжая белка, запрыгал с дерева на дерево. Потом вскарабкался по стволу, раздвинул ветви и посмотрел вниз.

Гул водопада здесь был тише, и Лок видел облако брызг. Они кружили над островом, скрывая за своей завесой деревья. Он перевел взгляд ниже, туда, где только что шевелились кусты и мигал огонь. Там он разглядел, хотя и с трудом, прогалину среди деревьев. Струйка дыма все еще поднималась над мертвым уже костром и тихо таяла в воздухе. Людей видно не было, но Лок рассмотрел место, где кусты были поломаны и полоса взрытой земли шла от берега к прогалине. В дальнем конце ее были свалены стволы деревьев, огромные, мертвые и трухлявые, источенные временем. Он увидел эти бревна и широко открыл рот, а свободной рукою нажал себе на темя. Зачем люди притащили столько пищи — он отлично разглядел за рекой бледные грибы — и вместе с ней такие плохие дрова? Эти люди ничего не видели внутри себя. Потом он углядел на земле темное пятно там, где только что горел огонь, и такие же гигантские стволы, которыми его кормили. Ожидание и надежда вдруг уступили место страху, такому же огромному и необъяснимому, какой охватил Мала, когда тому снилось, как огонь пожирает лес. И раз Лок был одним из людей, связанных с ним тысячью невидимых нитей, страх его был за людей. Он затрепетал. Губы раскрылись, он оскалил зубы, глаза потеряли зоркость. Он услышал собственный вопль сквозь оглушительный гул водопада:

— Ха! Где ты? Где ты?

Кто-то толстоногий неловко перебежал прогалину и исчез. Огонь оставался мертвым, кусты качнулись под легким ветерком, который пролетел к воде, а потом замерли недвижимо.

Надрывно:

— Где ты?

Уши Лока сказали Локу:

— ?

Он так сосредоточенно рассматривал остров, что некоторое вре-

мя не слушал свои уши. Он обнял вершину дерева, которая легонько покачивалась, а водопад ворчал на него, и свободное место на острове пустовало. Потом он услышал. Двигались люди, не по ту сторону реки, а по эту и еще очень далеко. Они спускались с откоса, смело шагая по камням. Он услышал, как они странно говорят друг с другом. Этот голос-смех пронесся между деревьями к воде. Точно такой же голос-смех откликнулся на острове, и вот он начал перелетать взад и вперед через реку. Лок чуть не упал, спускаясь с дерева, и выскочил на тропу. Потом понесся по ней, ощущая давний людской запах. Голос-смех прозвучал совсем рядом, на берегу реки. Лок добежал до места, где совсем недавно лежало бревно, перекинутое через болото. Чтобы снова попасть на тропу, Локу пришлось добираться до кроны дерева, раскачаться там и прыгнуть. Потом сквозь голос-смех по эту сторону реки закричала Лику. В крике ее не было злобы, или страха, или боли, в нем был тот непроизвольный и всеобъемлющий ужас, который охватил бы ее при виде медленно подползающей змеи. Лок бросился вперед, шкура на нем стала дыбом. Неотложный долг лететь на этот крик мигом сбросил его с тропы, и он заблудился. Крик раздирал на куски все его нутро. Этот крик не походил на визг Фа, когда та рожала ребенка, который потом умер, или на причитания Нйл, когда похоронили Мала; такой звук издает лошадка, когда саблезубый тигр пронзает ей шею своими изогнутыми клыками, повисает на ней и высасывает кровь. Теперь Лок сам кричал, даже не думая об этом, и продирался через цепкие кусты. Все его чувства твердили ему сквозь этот крик, что Лику делает такое, чего никогда не посмел бы сделать ни один мужчина или женщина. Она переходит реку.

Лок все еще рвался сквозь кусты, когда крик вдруг смолк. Теперь он снова услышал голос-смех, а также писк нового человечка. Он вырвался из объятий кустарника и очутился на прогалине возле мертвого дерева. На земле вокруг ствола плавал противный запах другого, и Лику, и страха. По ту сторону много людей ныряли, и плескались, и шумно разрезали зеленые воды. Вдруг Лок увидел рыжую голову Лику и нового человечка на темном, волосатом плече. Он подпрыгнул и закричал:

— Лику! Лику!

Зеленые потоки внизу у воды сомкнулись, и люди на острове пропали из глаз. Лок метался по берегу реки под мертвым деревом с гнездом из плюща. Он был так близко к воде, что куски земли, выбитые его ногами, с шумом обрушивались в бурный поток.

— Лику! Лику!

Кусты вновь шевельнулись. Лок прильнул к дереву, напряженно всматриваясь. Он видел голову и грудь, точнее, только часть их. За листьями и волосами проглядывали странные костяные пластины. Эти белые пластины были у человека над глазами и подортом, так что лицо его казалось странно удлинненным. Мужчина развернулся боком к кустам, и смотрел на Лока через плечо. Перед ним торчала какая-то палка, а в центре ее белела острая косточка. Лок вгляделся в эту палку, и в косточку, и в маленькие глазки, глядевшие сквозь пластины на лице. И вдруг он осознал, что мужчина хочет подарить ему свою палку, но они с Локом не могут дотянуться друг до друга через большую реку. Он засмеялся бы весело и легкомысленно, если бы не отзвуки крика у него в ушах. Палка стала укорачиваться с обоих концов. Потом сразу вся выпрямилась.

Мертвое дерево над ухом у Лока вдруг заговорило:

— Цок!

Лок насторожился и повернулся к дереву. Перед его лицом внезапно вырос новый сук: сук этот нес запах другого, и гуся, и горьких ягод, которые, как говорил Локу его живот, нельзя было есть. Сук заканчивался острой белой косточкой. На косточке были зазубрины, и в бороздках между ними висело что-то бурое и липкое. Нос Лока изучил эту липкость, и она ему не понравилась. Он обнюхал самый сук. Вместо листьев на нем росли рыжие перья, которые и несли запах гуся. Лок ничего не понимал, чувствуя тревогу, удивление и волнение. Он крикнул потоку зеленых кустов за плещущей водой и услышал ответный крик Лику, но не мог разобрать слов, и к тому же крик вдруг прервался, точно кто-то закрыл ей рот рукой. Он подбежал прямо к воде, затем возвратился. По обеим сторонам берега из воды поднимались кусты; они продвинулись так далеко, что у передних листья купались в воде, и эти кусты опускались к реке.

Отголоски крика Лику в голове вынудили Лока задрожать, и он начал рискованный путь через кусты на остров. Он бросился туда, где обычно кусты росли на твердом грунте, а теперь проступала вода. Лок рвался вперед, крепко цепляясь за ветки пальцами рук и ног. Он выкрикнул:

— Я иду!

То глубоко нагибаясь, а то ползком, все время скаля зубы от испуга, перебирался он через реку. Впереди везде была вода, за-

гадочная и насквозь пронизанная черными, низко опущенными стволами. Не находилось такого места, которое могло неподвижно удержать всю его тяжесть. Он должен был распределять свой вес по всем четырем конечностям и постоянно следить за тем, чтобы было одновременно не меньше двух точек опоры, и все это на бегу, стремясь все вперед, перехватывая гибкие ветки. Вода под ним стала черной. Лок добрался до крайних высоких кустов, которые до середины утонули в реке и склонились над самым ее руслом. Краем глаза он увидел ленту воды и часть острова. Затем он прекратил движение вперед, ветки под ним начали прогибаться. Они расходились в стороны, наклоняясь вниз, и он перевернулся вниз головой. Он окунулся целиком, затараторил в испуге, вода набежала, и перед ним возник Лок-отражение. Вокруг Лока-отражения бежала вода, но он все же рассмотрел зубы. Ниже зубов колебались взад и вперед хвостатые травы, каждая выше взрослого мужчины. Но все остальное под зубами и рябью отступало в даль и в темноту. Ветерок пролетел над водой, и кусты чуть склонились вбок. Руки и ноги Лока непроизвольно судорожно сжались, и все мышцы его тела напряглись. Он уже не думал ни о прежних, ни о новых людях. Он ощущал одного себя, Лока, который висит вниз головой над глубокой водой, ухватившись за спасительную ветвь.

Никогда раньше Локу не удавалось добраться так близко к центру реки. В глубине ее были валуны, которые переливались зеленью и мелькали в воде. Хвостатые травы то закрывали, то обнажали их. Ветерок утих, кусты то склонялись, то выпрямлялись, как и хвостатые травы. Он больше ничего не мог видеть внутри себя. Даже страх стал неясным, как и муки голода. Руки и ноги все время хватались за пучки веток, а зубы скалились в воде.

Темнота в реке приобрела странную форму, двигаясь осторожно, словно во сне. Как и черные пятна, она тоже вращалась, но с каким-то тайным смыслом. Она достигала корней хвостатых трав, отталкивала их хвосты, переворачивалась, отгибала хвосты в сторону Лока. Руки слабо двигались, а глаза светились так же тускло, как камни. Они переворачивались вместе с телом, смотрели то на поверхность, то вглубь воды, на неразличимое отсюда дно, и в них не оставалось ни одного признака жизни, ни капли смысла. Ком переплетенных водорослей, плывущий рядом, коснулся лица, и глаза даже не мигнули. Тело перевернулось так же бесцельно и тяжело, как струилась сама река, и вот уже Лок увидел спину, поднимающуюся вверх вдоль хвостатых трав. Затем голова обра-

тилась к нему все так же замедленно, точно во сне, всплыла в воде совсем близко к его лицу.

Лок всегда ощущал перед старухой священный трепет, хотя она и была его матерью. Слишком близка была она к великой Оа, в сердце и в голове, чтобы мужчина мог смотреть на нее без страха. Она столько знала, она жила на свете так долго, ощущала многое такое, о чем он боялся даже смутно помыслить, словом, она была Женщина. Хотя она проявляла к каждому из них и понимание и сочувствие, временами величественная отчужденность ощущалась в ее действиях, внушая ему трепет и удивление. Поэтому-то все ее любили и боялись, а не страшились, и всегда ощущали неодолимое желание опустить перед нею взгляд. Но сейчас Лок смотрел ей прямо в лицо, пристально, глаза в глаза. Она уже не ощущала своего израненного тела, рот ее был раскрыт, язык вывалился, а темные пятна, медленно вращаясь, всплывали и наплывали, будто были всего лишь впадинами на камне. Глаза ее скользнули по ветвям, по лицу Лока, посмотрели через него, дрогнули и пропали.

6

Ноги Лока уже не держались за ветки кустов. Они сорвались вниз, и теперь он повис на руках, по грудь в воде. Он подтянул колени, и шерсть на нем поднялась. Он не мог даже кричать. Его страх перед водой был лишь частью общей тревоги. Он резко повернул, сжал руками еще веток и, оступаясь в воде, полез напролом сквозь кусты и реку к берегу. Там он остановился, отвернувшись от воды, задрожал так же пронзительно, как Мал перед смертью. Зубы его оскалились, руки были подняты вверх и скованы, точно он продолжал висеть над водой. Он поднял глаза, а голова его вертелась во все стороны. Сзади вновь зазвучали знакомые уже голоса-смехи. Постепенно они отвлекли внимание Лока, хотя напряженность всех мускулов и оскал зубов сохранились. Голосов-смехов было теперь так много, точно новые люди в самом деле все сходили с ума, и один из этих звуков слышался громче других, это был голос мужчины и он кричал. Другие голоса смолкли, а мужчина все еще кричал. Какая-то женщина засмеялась пронзительно и истошно. Потом наступила тишина.

Солнце уронило на подлесок и сырую бурую землю огненные

искры. Пара лесных голубей нежно ворковала между собой о том, что время уже вить гнездо.

Постепенно, очень медленно голова и руки Лока расслабились. Теперь он уже не скалил зубы. Он сделал шаг вперед и повернулся. Затем побежал вдоль реки, не очень быстро, но стараясь держаться поближе к воде. Он внимательно всматривался в кустарник, потом перешел с бега на ходьбу и наконец остановился. Глаза его затуманились, и он вновь оскалил зубы. Он стоял, держась одной рукой за изогнутую ветку бука, и смотрел в пустоту. Он взялся за ветку обеими руками. Затем начал ее раскачивать все быстрее, быстрее. Роскошный букет почек на ее конце со свистом носился над кустами. А Лок кидался из стороны в сторону, не переводя дыхания, и пот катился с его тела, стекал по ногам, смешиваясь с речной водой. Потом он освободил ветку, горько всхлипывая, и снова стоял недвижимо; руки его были согнуты, голова опущена, зубы сжаты, словно неведомый огонь сжигал его тело изнутри. А чета голубей продолжала ворковать, и солнечные лучи обливали его с головы до ног.

Он отошел от бука назад, туда, где пролегала тропа, сделал несколько робких шагов, остановился, потом кинулся бежать. Он вбежал на прогалину, где застыло мертвое дерево и солнце озаряло горсть рыжих перьев. Он осмотрел остров, увидел, что кусты шелохнулись, а потом прут, вращаясь, перелетел через реку и, просвистев над ухом, пропал в глуши леса. У Лока возникла неясная мысль, что кто-то хочет послать ему подарок. Сам он рад был бы улыбнуться мужчине с белым, как кость, лицом, но он не видел никого, а на прогалине все звучали раздирающие его душу отзвуки вопля Лику. Он вытащил прут из ствола дерева и снова побежал. Он вскарабкался по склону горы и дошел до уступа, где почуял запах другого и Лику; отсюда он двинулся по запаху, возвращаясь к откосу. Он так торопился, опираясь на фаланги сжатых в кулак пальцев, что, если бы не стрела, которую он держал в левой руке, можно было бы подумать, что он бежит на четвереньках. Потом он взял стрелу в зубы поперек рта, раздвинул руки и то бежал, то карабкался по склону. Когда же он оказался совсем рядом с подъемом на уступ, он снова взглянул вверх скалы на остров. Там он увидел одного из мужчин с белым, как кость, лицом, который до середины вылез из кустов. Раньше, при свете дня, он никогда еще не видал новых людей так близко, и теперь лицо это выглядело как светлое пятно на крестце оленя.

За спиной у нового мужчины, среди деревьев снова поднимался дым, но этот дым был голубоватым и прозрачным. Лок очень неясно и очень много видел внутри себя — это было много труднее, чем не видеть ничего вообще. Он взял прут изо рта. Потом, сам не осознавая своих слов, крикнул:

— Я иду вместе с Фа!

Он проскочил через проход и оказался на уступе, но там никого не было, он сразу понял, ощутил это, потому что холодом пахнуло с откоса, где так недавно горел огонь. Он быстро взошел вверх по земляному склону и там остановился, глядя на откос. Костер был разбросан, и из всех людей тут оставался один Мал, лежащий под земляным холмиком. Но запахов и различных следов было великое множество. Вдруг он услышал шаги, выскочил из круглого кострища, усыпанного пеплом, и увидел Фа, которая спускалась по круче со скалы над откосом. Она вся трепетала и крепко обхватила его обеими руками. Они заговорили, перебивая друг друга:

— Мужчины с костями на лицах подарили мне вот это. Я побежал наверх. Лику кричала по ту сторону воды.

— Ты сходишь со скалы. А я лезу вверх, потому что боюсь. На откос пришли чужие мужчины.

Теперь они умолкли, плотно прижавшись друг к другу и дрожа. Множество неясных мелькающих картин, которые они напряженно сопереживали, измучило обоих. Они растерянно смотрели друг на друга, потом Лок стал тревожно вертеть головой в разные стороны.

— Огонь умер.

Они подошли к кострищу, плечами касаясь друг друга. Фа опустилась на корточки и поворошила остывшие головешки. Без цели, просто по привычке. Потом оба сели, каждый на привычном своем месте, и молча смотрели на воду и на серебристую струю, которая скользила с утеса. На откос косо опускались лучи уходящего солнца, но теперь уже умер багровый мерцающий свет, который светил и согревал даже ночью. Наконец Фа зашевелилась и сказала:

— Я вижу так. Я смотрю вниз. Приходят мужчины, и я прячусь. Когда прячусь, вижу старуху, и она идет к ним.

— Она была в воде. Смотрела на меня сквозь воду. Я покатился кубарем.

И снова оба напряженно смотрели друг на друга, пытаясь понять.

— Я спускаюсь на уступ, как только мужчины уходят. Они уносят Лику и нового человечка.

Воздух вокруг Лока взорвался призрачным воплем.

— Лику кричала за рекой. Она на острове.

— Так я не вижу.

Так не видел и Лок. Он широко раздвинул руки и оскалился, вспоминая крик Лику.

— С острова ко мне прилетел этот прут.

Фа внимательно оглядела прут от острого наконечника до рыжих перьев и аккуратной зазубрины на другом конце. Потом вернулась к острию и вся передернулась, увидев нечто коричневое и клейкое. А Лок видел внутри себя уже немного ярче и разборчивее.

— Лику на острове у других людей.

— У новых людей.

— Они перекинули этот прут через воду прямо в мертвое дерево.

— ?

Лок напрягся, чтобы Фа увидела внутри себя, сопереживая с ним это, он сам чересчур устал, и оставил попытку.

— Идем!

Они направились по запаху от следов крови к берегу реки. У воды на скалах тоже была кровь и капельки молока. Фа положила ладони на темя и выговорила словами то, что видела внутри себя.

— Они убили Нил и кинули в воду. Старуху тоже.

— Они унесли Лику и нового.

Теперь они сопереживали внутри себя нечто объединенное какой-то общей мыслью. Потом рядом побежали по уступу. У поворота Фа чуть отстала, но, когда Лок выбрался на кручу, догнала его, и оба застыли на каменистом склоне, смотря вниз, на остров. Они видели прозрачный голубой дым, который все еще парил в вечернем свете; но вскоре тень горы опустилась на лес. Лок многое увидел в эту минуту внутри себя. Он увидел самого себя, когда ползал по утесу, чуя запах костра, но страшась заговорить со старухой. Но это только запутывало впечатления от минувшего трудного дня, и он заставил себя погасить то, что было внутри него. Кустарник на берегу острова шевелился. Фа сжала руку Лока, и оба прижались к каменному склону. Встревоженные, они долго дрожали.

А потом оба полностью превратились в зрение, глядя, и впитывая в себя, и ни о чем не думая. Под кустами по реке плыло

длинное бревно, и один его конец сносился по течению. Бревно было темное и гладкое, а изнутри пустое. Один из мужчин с костью на лице сидел на том конце, которым бревно разворачивалось. Переплетенные ветки прятали противоположный конец, а затем бревно вынырнуло из кустов, и они увидели, что мужчин было двое. Бревно тянулось к водопаду и чуть повернулось поперек реки. Течение начало тащить его вниз. Двое мужчин подняли палки, к концам которых были прикреплены большие бурые листья, и опустили их в воду. Бревно выравнилось и теперь не двигалось с места, в то время как река под ним продолжала движение. От бурых листьев на воде появились ошметки белой пены и зеленые водовороты. Бревно продвигалось вперед, и по бокам его теперь находилась неизмеримая глубина. Люди видели, как мужчины всматриваются в берег, и в мертвое дерево, и в подлесок сквозь отверстия в своих костяных масках.

Мужчина, сидевший впереди бревна, отложил палку и вместо нее поднял другую, согнутую. На поясе у него висел пучок рыжих перьев. Палку он держал за середину, как и тогда, когда прут впервые перелетел к Локу через реку. Бревно боком подошло к

берегу, передний мужчина выпрыгнул и исчез в кустах. Бревно осталось на месте, и мужчина на другом конце постоянно опускал в воду бурый лист. Они видели волосы, которые росли у него на лице под костью. Они сливались в большой ком, похожий на грачиное гнездо среди веток большого дерева, и каждый раз, как он налегал на лист, волосы шевелились и подрагивали.

Фа дрожала тоже.

— Он поднимется на уступ?

Но тут появился первый мужчина, конец бревна пропал из виду, упершись в берег, а когда снова появился, первый мужчина вновь сидел, держа в руке новый прут с рыжими перьями на конце. Бревно развернулось передним концом к водопаду, и оба мужчины дружно опустили в воду свои бурые листья. Бревно боком пошло к центру реки.

Лок торопливо говорил:

— Лику переплыла реку в таком вот бревне. А где растет такое бревно? Теперь Лику возвратится в этом бревне, и мы снова будем вместе.

Он показал рукой на мужчин в бревне:

— У них прутья.

Бревно возвращалось к острову. Оно врезалось в прибрежные кусты, как речная крыса, которая ищет добычу. Тот мужчина, который был впереди, осторожно поднялся. Он раздвинул кусты, подтянулся, держась за них, и подтащил за собой бревно. Задний конец бревна тихо развернулся по течению, потом пошел вперед, пока ветки не склонились над ним так низко, что задний мужчина согнулся и отложил палку.

Фа вдруг схватила Лока за правый локоть и сильно дернула. Она смотрела ему прямо в глаза.

— Верни им прут!

Лок прочитал страх на ее лице и отчасти разделял его. Он поднял прут и осмотрел его внимательно.

— Кидай его. Скорей.

Он отрицательно затряс головой:

— Нет! Нет! Его подарили новые люди.

Фа отступила на шаг и сразу подошла. Она бросила взгляд на холодный откос и на остров. Потом двумя руками схватила Лока за плечи и сильно затрясла.

— Новые люди много видят внутри себя. И я много вижу тоже.

Лок неуверенно рассмеялся:

— Мужчина видит внутри себя. Женщина служит Оа.

Ее пальцы впились в его тело. Лицо у нее было искажено, словно она ненавидела его смертельной ненавистью. Она гневно спросила:

— Как будет жить новый человечек без молока Нил? И кто даст еду Лику?

Лок раскрыл рот и почесал под нижней губой. Фа опустила плечи и ждала молча. Лок все чесал под губой, а голове у него была мучительная пустота. Фа встряхнула его еще и еще:

— Лок ничего не видит внутри себя.

Она непостижимо изменилась и стала величественной, и в этой торжественности ощущалась великая Оа, невидимая, но близкая, точно нимб вокруг ее головы. Лок почувствовал, каким он стал незначительным. Обеими руками он держал прут и с трепетом отвернулся. Теперь, когда темнота опустилась на лес, он хорошо видел глаз костра новых людей, который ему подмигивал. Голос Фа сказал ему в самое ухо:

— Делай что я говорю. Не говори: «Фа, сделай так». Я тебе скажу: «Лок, делай так». Я сейчас много вижу внутри себя.

Лок еще тяжелее почувствовал свою никчемность, он глянул на Фа, потом на далекий огонь.

— Брось прут.

Он отвел правую руку и швырнул пернатый прут как мог выше. Перья колыхнулись, прут развернулся в воздухе, на секунду будто замер в закатном свете, потом наконечник опустился к земле, прут заскользил плавно, как парящий ястреб, и медленно исчез в реке.

Лок услышал, как Фа слабо охнула, словно скупно всхлипнула; потом она обнимала его, прижимаясь головой к его груди, и смеялась, и плакала, и вся тряслась, будто сделала что-то очень не легкое, но сделала хорошо. Она опять стала той Фа, у которой совсем мало Оа, и он, успокаивая, обнял ее. Солнце уже сошло в долину, и река как костер горела в закатном свете. По воде плыли, все ближе и ближе темные бревна, казавшиеся черными на светящейся воде. Это были целые деревья, корни их напоминали страшных морских чудовищ. Одно повернуло к водопаду прямо под ними; корни и ветки двигались, шевелились, опускались. На миг оно повисло на перекате, бурная вода ярко осветила его, а дерево уже плыло по воздуху так же беззвучно, как прут.

Лок произнес над плечом Фа:

— Старуха была в воде.

Внезапно Фа его оттолкнула.

— Пойдем!

Он вместе с ней обогнул поворот, они вышли на уступ, залитый спокойным светом, и тела сблизились как две слившиеся тени. Машинально они поднялись на откос, но там не оставалось ничего светлого, одна пустота. Ниши в утесе походили на темные впадины глаз, а сам утес был залит багровым огнем заката. Все головешки и зола уже перемешались с землей. Фа опустилась на землю у кострища и мрачно смотрела на остров. Лок ждал, а она прижала ладони к голове, но он не мог разделить с ней то, что она видела внутри себя. Он вспомнил про еду в нишах.

— Мясо.

Фа промолчала, и тогда Лок, немного смущаясь, точно он мог снова встретить взгляд старухи, наощупь добрался до впадины. Он понюхал мясо и принес побольше, чтобы они оба могли поесть досыта. Когда он возвратился, то услышал визг гиен, который доносился с утесов над откосом. Фа взяла мясо, не видя Лока, и стала есть, все еще переживая что-то внутри себя.

Лок, взяв еду, сразу понял, до чего он голоден. Он разорвал мышцу на длинные полосы, отодрав ее от кости, и набил полный рот. В мясе было много силы.

Фа проговорила невнятно:

— Мы кидаем камнями в желтых тварей.

— ?

— Прут.

Они продолжили молчаливую трапезу, а гиены выли и повизгивали. Уши Лока сказали ему, что гиены голодны, а нос подтвердил, что другой опасности вблизи нету. Он разгрыз кость, чтобы высосать мозг, потом поднял несгоревший сук из умершего костра и вогнал в кость как мог глубоко. Вдруг он увидел внутри головы, как Лок вставляет палицу в трещину, чтобы добыть мед. Страдание охватило его, как морская волна, перечеркнув все наслаждение от еды и даже сладостное ощущение от близости Фа. Он застыл на корточках, палка все еще оставалась в трубке кости, а страдание пронзило и окутало его всего. Оно пришло ниоткуда, как река, и было беспощадно. А сам Лок был точно палка в этой реке, точно утолший зверь, которого река несет, куда хочет, безропотно отдавшийся ее власти. Он поднял голову, как, бывало, скидывала Нил, и горькие клики вырвались у него, а солнечный

свет вдруг покинул долину и уже сгущались сумерки. Потом он ощутил рядом Фа, и она крепко обнимала его.

Когда они собрались уйти, луна поднялась уже высоко. Фа выпрямилась, косо взглянула на луну, затем на остров. Она спустилась к реке, утолила жажду и постояла там, опустившись на колени. Лок стоял рядом.

— Фа.

Она жестом показала, что просит оставить ее сейчас, и все смотрела на воду. Потом она внезапно вскочила на ноги и уже спешила вдоль уступа.

— Бревно! Бревно!

Лок побежал за ней, пока ничего не понимая. Она показывала на ствол, который вода несла в их сторону, качая и разворачивая. Она упала на колени и схватила сломанный ствол за корень, у самого основания. Бревно развернулось и потащило ее за собой. Лок увидел, как Фа скользит по скале, и бросился ей в ноги, пытаясь ее удержать. Он вцепился в ее колено; и теперь уже оба они тащили бревно к уступу, а другой его конец вертелся в воде. Фа одной рукой схватила Лока за волосы и тянула за них без всякого сострадания, так что в глазницах у него собиралась вода, набухала и струилась вниз, на губы. Противоположный конец ствола приблизился, сделав полукруг, и теперь вздрагивал вдоль уступа, лишь слегка пытаясь потянуть их за собой. Фа сказала не оборачиваясь:

— Я вижу внутри себя, как мы переправляемся через реку к острову на этом дереве.

Лок содрогнулся.

— Но люди не могут переплыть через водопад, как дерево!

— Молчи!

Она долго не могла перевести дух, но наконец ей все же удалось прийти в себя.

— Выше, на том конце уступа, мы сумеем перебросить дерево к скалам.

Она шумно выдохнула воздух.

— Люди, когда переходят воду, ту, которая покрывает тропы, бегут по бревну.

Лок вздрогнул от страха:

— Мы не можем перебраться через водопад!

Фа снова объяснила ему все, спокойно и внятно.

Они потащили бревно вверх по реке к оконечности уступа. Это было тяжело, и шкуры их напрягались от усилий, потому что уступ неровно поднимался над водой, по краю его шли каменистые бугры. Людям приходилось перестраиваться на ходу; и постоянно вода противилась им, то слабо, то с внезапной силой, будто они хотели отнять у нее пищу. А бревно не было таким мертвым, как дрова. Порой оно дергалось, стараясь вырваться из их рук, а сломанные ветки на тонкой макушке цеплялись за скалистый бок реки, как человеческие руки. Они еще далеко не дошли до оконечности уступа, а Лок уже давно забыл, для чего они, собственно, надрываясь, тащат по воде это бревно. Он помнил только, как Фа вдруг стала очень величественной и мудрой, да еще всплеск безнадежного страдания, которое его охватило. Толкая и дергая изо всех сил бревно, он испытывал дикий страх перед водой, а страдание чуть отпустило его, так что он мог уже видеть его со стороны, и ему стало совсем нехорошо. Страдание было вызвано людьми и близостью других.

— Лику захочет есть.

Фа промолчала.

К тому времени, когда они доволокли бревно до конечной цели пути, на небе светила только луна.

— Держи конец.

Покуда он держал этот конец, Фа толкала другой от себя в реку, но течение снова и снова сносило его к уступу. Тогда она присела на корточки и долго была неподвижной, опустив ладони на голову, а Лок молча и терпеливо ждал. Он глубоко зевнул, облизал губы и посмотрел на голубоватый отвесный утес на другой стороне. Там, на противоположном берегу реки, не было уступа, только крутой откос, обрывавшийся над голубой водой. Лок снова зевнул и обеими руками смахнул с глаз слезы. Потом поморгал, всматриваясь в ночь, поглядел на луну и почесал завитки над губой.

Фа закричала:

— Бревно!

Он глянул себе под ноги, но бревно уже ушло; он поглядел вправо, потом влево, поеживаясь от холодного воздуха, и тут увидел, что бревно скользит мимо Фа и медленно разворачивается по течению. Фа вскарабкалась по скале и схватила ветки, похожие на руки. Ствол тащил ее за собой, потом другой конец, про который Лок совсем забыл, стал разворачиваться поперек реки. Лок замахал руками, стараясь достать его, но не мог дотянуться. Фа

что-то бормотала и злобно визжала на Лока. Он послушно отступил назад. При этом он все повторял: «Бревно, бревно», повторял самому себе, не понимая, что говорит. Странствие отлетело, как ветерок, но все еще находилось рядом.

Дальний конец бревна зацепился за оконечность острова. Вода нажимала сбоку, и бревно дергалось, сердито пытаясь вырвать ветку из руки Фа. Ветка эта оставляла борозду, ерзая по уступу, затем изогнулась, щелкнула, выпрямляясь, и сломалась со звучным треском. Ствол заклинился, комель ударил по скале, трах, трах, трах; вода запрудилась у середины, а крона обрушилась на ломаный край уступа. Середина бревна, хоть она и была толщиной с человека, изогнулась под напором воды, потому что бревно по длине было во много раз больше человеческого роста.

Фа подошла к Локу вплотную и в раздумии посмотрела на него. Лок вспомнил, как она рассвирепела, когда бревно готово было уйти от них. Он осторожно погладил ее по плечу.

— Я много вижу внутри себя.

Она молча смотрела на него. Усмехнувшись, она тоже погладила его по плечу. Потом обеими руками легонько похлопала себя по бедрам, посмеиваясь над ним, и Лок тоже стал хлопать и смеяться вместе с нею.

Гиена завывала близ откоса. Лок и Фа перебрались через уступ, направляясь к ней. Не сказав ни одного слова, каждый из них видел внутри себя точно то же, что и другой. Когда они приблизились на такое расстояние, где гиены уже были видны, каждый держал в обеих руках по камню, и они далеко отошли друг от друга. Они принялись оба рычать и выть, и твари с настороженными ушами шарахнулись в кусты, чтобы там прятаться и подкрадываться, сами серые, а глаза, как четыре зеленые искры.

Фа взяла остатки еды из ниши, и гиены рычали им вслед, когда они спешили назад по уступу. Когда они добрались до бревна, оба уже жевали. Потом Лок вырвал кость с куском мяса у себя изо рта.

— Это для Лику.

Бревно уже было не одно. Второе такое же, но покороче, толкалось у него под боком, стучаясь и недовольно бормоча, и теперь вода перехлестывала через оба. Фа пошла вперед сквозь лунный свет и поставила одну ногу на тот конец бревна, который прижался к берегу. Потом она возвратилась и, сделав гримасу, покосилась на воду. Она вбежала вверх по уступу, посмотрела в сторону во-

допада, туда, где светились водные брызги, и рванулась вперед. Потом затормозила, одернула себя, остановилась. Большая жердина, крутясь по воде, присоединилась к бревнам. Фа сделала новую попытку, взяв более короткий разбег, и застыла, рыча на блестящую воду. Потом она заметалась перед бревнами, не произнося внятных слов, но издавая возгласы, в которых звучали гнев и безнадежность. Это снова было ему незнакомо, и Лок так испугался, что кинулся в сторону и чуть не свалился в воду. Но тут он вспомнил, как недавно баловался перед другим бревном, у лесной опушки, и издевательски засмеялся, чтобы пристыдить Фа, хотя чувствовал, что сейчас ей очень трудно. Она кинулась на него, оскалив зубы, глядя ему прямо в лицо, будто собиралась его кусать, и какие-то неведомые звуки вырывались у нее изо рта. Лок отскочил одним прыжком.

Она молча прижалась к нему и вся трепетала, теперь оба они отбрасывали общую тень на каменистый уступ.

Она шепнула ему голосом, в котором совсем не слышалась Оа: — Иди на бревно ты.

Лок отодвинул ее. Теперь, когда все было подготовлено, страдание возвратилось. Он посмотрел на бревно, увидел, что есть нечто вокруг и внутри Лока, и то, что вокруг, гораздо важнее. Он зажал в зубах мясо, оставленное для Лику. Теперь, когда Лику уже не прыгала на нем, а Фа вся тряслась и река струилась рядом, ему было не до дурачества. Он осмотрел бревно от комля до верхушки, отметил утолщение в том месте ствола, где раньше была развилка, и отступил назад по уступу. Затем отмерил на глаз расстояние, пригнулся и кинулся вперед. Бревно оказалось у него под ногами, оно было очень скользким. Оно тряслось, как Фа, оно сдвинулось в сторону по течению реки, так что его занесло и он шатнулся вправо, чтобы не рухнуть в воду. И все-таки он падал. Нога его обрушилась всем весом на другое бревно, которое сразу опустилось в воду, и он пошатнулся. Левая нога резко оттолкнулась, он подскочил, а вода нажимала на запруду еще сильнее, чем бурный ветер, ударявший под колени, и была стылая, как ледяные женщины. Он сделал панический прыжок, оступился, снова взлетел в прыжке, и вот уже уцепился всеми когтями за скалу и начал подтягиваться на руках, уткнувшись лицом в мясо для Лику. Ноги его скользили и срывались, когда он взбирался наверх, пока не ощутил, что крутизна заканчивается. Тогда он отчаянным усилием перебросил свое тело на скалу и повернулся к Фа. Он понял, что

все это время из его рта сквозь жесткое мясо рвался какой-то долгий пронзительный вопль, как у Нил, когда она перебиралась по бревну в лесу. Он смолк, задыхаясь. К бревнам присоединилось еще одно. Оно громко ударилось о другие, плотно прилегло к ним, и вода у запруды вскипела и завертелась сверкающими водоворотами. Фа осторожно стала на это бревно, испытывая его ногой. Потом осторожно двинулась через реку, широко расставляя ноги, сразу по двум бревнам. Она добралась до скалы, где в изнеможении лежал Лок, вскарабкалась на нее и прилегла рядом. Потом крикнула через шум водопада:

— Я шла тихо.

Лок выпрямился и заставил себя не думать, что скала унесит их обоих вверх по течению. Фа примерилась и ловко перепрыгнула на соседнюю ближайшую скалу. Лок последовал ее примеру, голова у него была пустая от шума и необычности происходящего. Они прыгали и лезли, пока не достигли скалы, на верхушке которой рос кустарник, и там Фа легла и впилась пальцами в землю, а Лок покорно ждал, зажав в руках мясо. Они были уже на острове, и по обе стороны от них водопад обрушивался вниз и бли-

стал, как летняя молния. Но был и другой звук, голос главного, огромного водопада за островом, к которому люди никогда не подходили так близко. С голосом этим ничто не могло сравниться. Те слабые отзвуки их собственных голосов, которые еще пробились через гул малого водопада, теперь безвозвратно тонули и исчезали.

Скоро Фа поднялась на ноги. Она шла вперед, пока не увидела рядом гигантскую голень, и Лок подошел к ней. Великанья нога утеса круто уходила вверх, и у ее лодыжки туманные водные струи грызли камень, так что оставался только узенький скат.

Луна с маленькой щербинкой повисла высоко над утесом, а на дальнем краю острова горел костер.

Люди даже словом не обменялись о головокружительной высоте. Они пригнулись и внимательно выискивали тропу на утесе. Фа тихо перебралась через закраину, видна была только ее голубоватая тень и, хватаясь руками и ногами, спустилась по корням плюща. Лок спустился следом, снова вцепившись в мясо зубами, и при любом случае искал взглядом зарево костра. Он испытывал жгучее желание кинуться стрелой к этому костру, словно там было лекарство, которое избавит его от всех терзаний. Этим лекарством были не только Лику и новый человечек. Другие люди, которые столько видели внутри себя, были для него как вода, которая и страшит, и одновременно влечет и заставляет человека приблизиться. Лок смутно ощущал это свое влечение, но не умел никак его объяснить и потому чувствовал себя очень беспомощным. Он оказался у гигантского обломанного корня среди голой, поблескивающей, и как будто рябой воды. Корень выгибался над его тяжестью, так что мясо ударяло Лока по груди. Ему пришлось отшатнуться в сторону, к сплетению корней и плюща, только там ему удавалось ползти вперед следом за Фа.

Она вела его через утесы и дальше через лес, который поднимался на острове. Здесь незаметно было ничего, хоть немного похожего на тропу. Другие люди оставили свой запах среди переломанных кустов, больше ничего. Фа шла по запаху не размышляя. Она знала, что костер находится на другом краю острова, но, чтобы объяснить, почему это так, ей нужно было бы остановиться и справиться с видениями, положив ладони на голову. На острове поселилось множество птиц, и они встретили людей с таким громким раздражением, что Фа и Лок стали передвигаться с большой опаской. Они шли уже не строго по новому запаху и про-

бирались через лес, стараясь меньше шуметь. Они сосредоточенно сопереживали видения. Почти в абсолютной темноте под куполом леса они видели ночным зрением, они уходили от невидимых опасностей, отставляли цепкие усики плюща, раздвигали кусты с ягодами и тайком пробирались все дальше. Скоро они услышали новых людей.

Услышали они и костер, или точнее, заметили его блеск и мерцание. От этого блеска весь остальной остров, казалось, был охвачен глубокой тьмой, а их ночное зрение так затуманилось, что им пришлось сбавить шаг. Костер теперь приблизился к ним, и освещенное место было окружено бахромой из молодых листьев нежной поблескивающей зелени, будто освещенной изнутри солнцем. Люди издавали ритмичные звуки, напоминающие удары сердца. Фа встала перед Локом и обратилась в густую черную тень.

Деревья на этом краю острова были высокими, а кусты среди них росли редко, так, что пройти между ними было несложно. Лок снова шел по следам Фа, а потом они остановились и присели, пружиня колени, напрягая пальцы ног, за кустом почти рядом с костром. Теперь они могли осмотреть открытое пространство, которое избрали для стойбища новые люди. Нелегко было рассмотреть все сразу. Главное, здесь деревья были уже другими, чем раньше. Они были наклонены и тесно переплелись ветвями, так что вокруг костра возникли как бы темные лиственные гроты. Новые люди сидели на земле между Локом и костром, причем голова каждого из них выглядела не так, как у остальных. Они были рогатые по бокам, или пушистые, как хвощи, или же круглые и невероятно большие. За костром Лок увидел много бревен, предназначенных для поддержания огня, и, при всей их тяжести, от света костра они трепетали.

Потом, как это было ни удивительно, у самых бревен протрубил олень, алчущий брачных игр. Звук был резкий, яростный, исполненный напряжения и похоти. Это был голос самого большого из оленей, которых уже немного осталось во всем огромном мире. Фа и Лок схватились за руки и внимательно рассматривали бревна, совсем ничего не видя внутри себя. Новые люди склонились так низко, что облик их стал другим и голов не было видно. Появился олень. Он упруго двигался, взвившись на дыбы, а передние ноги широко разбросал в воздухе. Его голова с ветвистыми рогами раздвигала листья деревьев, глаза смотрели вверх, выше новых людей, выше Фа и Лока, а сам он покачивался с боку на бок. Вот

он начал поворачиваться, и теперь уже они увидели, что хвост у него мертвый и беспорядочно хлопает по бледным, не поросшим шерстью ногам. Руки у него были человеческие.

Из одного листовенного грота они слышали писк нового человека. Лок заскакал из стороны в сторону за кустом.

— Лику!

Фа закрыла ему рот ладонью и заставила молчать. Олень остановился, танцуя на месте. Они слышали отчаянный призыв Лику:

— Лок, это я! Я здесь!

Вдруг прозвучал оглушительный голос-смех, шелест, кружение и гул птичьих воплей, все голоса заорали разом, завизжала женщина. Костер вдруг зашипел, и белый пар поднялся над ним, а свет угас. Новые люди метались взад-вперед. Все заполнили злоба и ужас.

— Лику!

Олень яростно раскачивался в слабеющем свете. Фа тащила Лока за собой и бормотала что-то непонятное. Люди придвигались с палками, согнутыми и прямыми.

— Быстрее!

Справа какой-то мужчина иступленно бил палкой по кусту. Лок размахнулся.

— Это мясо для Лику!

Он метнул пищу на прогалину. Кусок упал у самых ног оленя. Лок сумел заметить сквозь облако пара, как олень наклонился, но Фа уже тянула его прочь. Беспорядочный гам, поднятый новыми людьми, превратился в дружные крики, вопросы и ответы, повелительные возгласы, и горящие сучья неслись через прогалину, так что ветки, усыпанные ранней листвой, появлялись и пропадали. Лок наклонил голову и помчался, разбрасывая ногами мягкую землю. Над самой его головой пролетел свист, напоминавший глубокий вздох. Фа и Лок кинулись в сторону среди кустов и побежали медленнее. Они использовали свою удивительную способность чутьем отыскивать путь среди кустов и ветвей; теперь Лок дышал так же тяжело и трудно, как Фа. Они понеслись прочь, а факелы блестели под деревьями за их спиной. Они слышали, как новые люди окликают друг друга и оглушительно галдят в подлеске. Потом прозвучал громкий властный голос. Шум смолк.

Фа на четвереньках перелезла на сырую скалу.

— Быстрее! Быстрее!

Он еле слышал ее сквозь гром сверкающего водопада. Послуш-

но двигался он за нею, поражаясь ее ловкости, но сам ничего не видел внутри себя, разве лишь бессмысленную пляску оленя.

Фа быстро влезла на край утеса и легла поверх собственной тени. Лок ждал. Она спросила, с трудом обретя дыхание:

— Где они?

Лок внимательно посмотрел вниз, на остров, но она снова нетерпеливо спросила:

— Они лезут сюда?

Внизу, на крутом склоне утеса, еще раскачивался корень, который она дернула, карабкаясь наверх, но сам утес был недвижим и, запрокинув свою макушку, молча разглядывал луну.

— Нет!

Они помолчали. Лок вновь услышал гул воды, причем гул так усилился, что Лок не мог бы его перекрычать. Он нехотя попробовал вникнуть, соперещивают ли они оба видения или же говорят, произнося слова, потом понял причину неподъемной тяжести у себя в голове и во всем теле. Больше сомнений не было. Ощущение это было связано с Лику. Он нервно зевнул, утер ладонями глаза и облизнул губы. Фа вскочила на ноги.

— Пойдем!

Они рысцой побежали среди берез и спустились вниз, прыгая с валуна на валун. Бревно притянуло к себе новые, так что они лежали рядом, и их стало много, больше чем пальцев на руке, и все, что плыло у этого берега, запутывалось среди них. Вода быстро прорывалась через стволы и переливалась сверху. Возникла тропа шириной с ту, что шла через лес. Они быстро добрались до уступа и молча остановились здесь.

С откоса донесся шум, лай, лязганье клыков. Оба кинулись туда, и желтые гиены, поджав хвосты, пустились наутек. Луна освещала откос так ярко, что были видны даже ниши по сторонам утеса, и в темноте чернела одна яма, куда люди недавно уложили Мала. Они опустились на колени и смели грязь, золу и кости, прикрывавшие открывшуюся часть его тела. Бугор, который должен был его укрыть, был разрыт и разбросан по земле. Все так же не говоря ни слова они подкатали тяжелый валун и надежно прикрыли Мала.

Фа прошептала:

— Как же станут они кормить нового без молока?

Потом они обняли друг друга и долго стояли, прижавшись грудью к груди. Скалы вокруг были такими же как и везде; костер давно умер. Двое сильнее прижимались друг к другу, они слились

воедино, ища средоточие, главный смысл всей их жизни, потом рухнули на землю, не размыкая объятий, лицом к лицу. Трепет охватил их тела, и тогда они уступили ему целиком и полностью.

7

Фа оттолкнула Лока. Оба поднялись и осмотрели откос. На них падал тусклый свет первых утренних лучей солнца. Фа пошла к утесу и принесла кость, почти без мяса, да несколько кусочков, которые гиены не сумели достать. Теперь люди снова стали рыжими, будто сделанными из меди, с желтоватым песочным отливом, потому что темные цвета ночи их оставили. Они молча разорвали и разделили поровну клочки мяса, чувствуя друг к другу глубокую жалость и сострадание. Вскоре они вытерли руки о ляжки и сошли к реке напиться. Потом все еще молча и ничего не ощущая, они повернули направо и двинулись к повороту, за которым возвышался утес.

Фа остановилась.

— Не хочу смотреть.

Оба повернулись и все-таки глянули на осиротевший откос.

— Я схвачу огонь, когда он упадет с неба или пробежит среди вереска.

И тут Лок увидел огонь внутри себя. А вообще-то в голове была темная пустота, и лишь внезапное острое чувство, глубокое и явственное, никак не умирало в нем. Он пошел к бревнам, которые образовали тропу, начинавшуюся от дальнего края уступа. Фа дернула его за руку.

— Нам нельзя снова на остров.

Лок повернулся к ней, подняв руки к небу.

— Надо найти еду для Лику. Чтобы к ней вернулись силы, когда она возвратится.

Фа с жалостью посмотрела на него, и в лице ее было что-то, что он был неспособен понять. Он отошел в сторону, пожал плечами и развел руки. Потом затих и терпеливо ожидал.

— Нет!

Она снова схватила Лока за руку и повела его за собой. Он сопротивлялся, беспрестанно что-то повторяя. При этом он сам не понимал, что говорит. Она выпустила руку и посмотрела ему прямо в глаза.

Они молчали. Лок посмотрел на нее, затем на остров. Помял левую щеку. Фа вплотную подступила к нему.

— У меня будут маленькие, и они не умрут в пещере у моря. И огонь будет тоже.

— У Лику будут дети, когда она подрастет в женщину.

Фа снова взяла его за руку.

— Слушай. Слушай молча. Это новые люди унесли бревно, а Мал умер. Ха был на утесе, новый мужчина тоже был на утесе. Ха умер. Новые люди приходили на откос. Нил и старуха умерли.

Свет за ее спиной стал много ярче. На небе, прямо над их головами, краснела ранняя заря. Фа вдруг поднялась в глазах Лока. Она была женщина. Лок послушно закивал головой. После этих ее слов охватившее его чувство стало особенно острым.

— Когда новые люди отдадут Лику нам, я буду рад.

Фа визгливо и злобно закричала на него и двинулась к воде и тут же возвратилась. Она затрясла Лока за плечи.

— Где они найдут молоко для нашего нового? Разве олень дает молоко? А что будет, если они не вернут нам Лику?

Он ответил покорно, ощущая пустоту в себе:

— Я так не вижу.

Она выпустила его, дрожа от злости, отвернувшись и стояла, держась одной рукой за утес у поворота, близ края обрыва. Он видел, как она вся вдруг насторожилась и мышцы у нее на плечах напряглись. Она согнулась, наклонилась вперед, сжала правой рукой свое колено. Он услышал, как она бросила, все не оборачиваясь к нему:

— Ты видишь внутри себя меньше, чем наш новый.

Лок прикрыл глаза руками и надавил так сильно, что светлые искры запрыгали в них, как сверкала река.

— Ночи не было.

Это было похоже на правду. Там, где всегда полагалось быть ночи, стояла серая муть. Не одни уши и нос Лока пробудились после того, как они с Фа лежали вместе, но и Лок-внутренний проснулся тоже и наблюдал, как чувство заливает его и тут же уносится прочь. Под сводом его черепа разрастался большой куст бледных осенних побегов, их плоды заполнили нос, отчего он зевал и чихал. Он расставил руки и, мигая, глянул туда, где только что стояла Фа. Теперь она отступила на эту сторону скалы, и напряженно осматривала реку. Рука ее позвала его.

По реке снова плыло бревно. Оно приближалось к острову, и

снова двое с костяными лицами разместились по обоим его краям. Они перекапывали воду, и бревно постепенно пересекало реку. Когда бревно подошло к берегу и к кустам, усыпанным зеленью листьев, оно повернулось по течению, и мужчины перестали копать воду. Сейчас они всматривались в чистое пространство у реки, где торчало мертвое дерево. Лок увидел, как один обернулся и что-то сказал другому.

Фа тронула его руку:

— Они что-то ищут.

Бревно тихо перемещалось вниз по течению, а на небе уже появилось солнце. Река в отдалении засветилась таким ярким светом, что лес по обоим берегам сразу покрылся чернотой. Необъяснимое стремление к новым людям вытеснило бледный куст осенних ростков из головы Лока. Он даже перестал мигать.

Это бревно было меньше и шло от водопада. Когда оно направилось вкось, мужчина, сидевший на дальнем конце, снова начал вскапывать воду, и бревно смотрело прямо Локу в глаза. Оба мужчины не отрываясь смотрели в сторону берега.

Фа прошептала:

— Еще одно бревно.

Ветви в реке рядом с островом шевельнулись и задвигались. На секунду они даже разошлись, и теперь, когда Лок точно знал, куда нужно смотреть, он обнаружил конец другого бревна, спрятанного там же, вблизи. Какой-то мужчина показался по плечи среди изумрудного кустарника и недовольно махнул рукой. Двое на бревне принялись энергично копать воду, пока бревно не подошло к мужчине, который махал прямо против мертвого дерева. Теперь оба смотрели уже не на мертвое дерево, а на мужчину, и послушно кивали. Бревно поднесло их к нему и ударилось в берег под кустами.

Лок ощутил острый интерес к происходящему, он кинулся бегом к новой тропе на остров, так возбужденный, что Фа начала соперничать его видение. Она снова догнала его и схватила за руку:

— Нет! Нет!

Лок залепетал. Фа его одернула:

— Я сказала тебе — нет!

Она показала на откос.

— Что ты говоришь? Конечно, Фа много видит внутри себя...

Тут он смолк и ждал, что она прикажет. Она заговорила очень внушительно:

— Мы пойдем в лес. За едой. Станем наблюдать за ними через воду.

Они бегом спустились вниз по склону дальше от реки, скрываясь от новых людей за скалами. На опушке леса было много еды: луковицы с едва пробившимися зелеными стрелками, личинки и побеги, грибы, сочный слой под корою отдельных деревьев. Мясо козы пока еще оставалось внутри них, и они не чувствовали голода в том крайнем проявлении, в каком люди ощущали голод. Есть они могли всегда и всюду, где была пища, но и без нее они могли идти весь сегодняшний день, да и завтрашний, если это понадобится. Значит, не было необходимости в поисках, так что вскоре загадочное притяжение новых людей позвало их за кусты к краю воды. Они стояли, напрягая пальцы ног, в трясине и вслушивались в голоса новых людей, звучавшие сквозь шум водопада. Лок услышал птичьи голоса, которыми новые люди всегда разговаривали друг с другом, и еще всякие загадочные шумы, удары и скрипы. Фа пробралась к краю прогалины у мертвого дерева и прильнула к земле.

За водой ничего не удалось обнаружить, но стуки и скрипы продолжались.

— Фа. Влезь на дерево и посмотри.

Она повернулась к нему и посмотрела с сомнением. Внезапно он ощутил, что она сейчас скажет «нет», готова добиться, чтобы они оставили новых людей, и тогда широкая полоса времени отодвинет их от Лику; чувство сменилось убежденностью, знанием, которое подавляло его. Он стремительно на четвереньках пролез вперед и скрылся за мертвым деревом. Быстро он поднялся наверх и оказался в густой, как копна волос, куче запыленных, прошлогодних, пахнущих кислятиной листьев вьюнка. Он только успел подтянуть вторую ногу к подгнившей верхушке, как голова Фа показалась рядом.

Вершина дерева изнутри была полая, как крышечка гигантского желудя. Она была из гнилого дерева, которое мялось и крошилось под их весом, с редким обилием пищи. Вьюнок причудливо переплелся, образовав такое соединение веток, что казалось, будто они устроились на земле в густом кустарнике. Тихонько раздвинув листья, как при поисках яиц, Лок увидел, что можно получить просвет лишь немногим больше своего глаза и через это неровное отверстие наблюдать реку и другой берег. Рядом с ним Фа тоже открывала щелку, чтобы видеть перед собой, и на верхушке, по-

хожей на огромную желудевую чашечку, уже не оставалось места, куда можно было бы опереться локтями. Тяжелое чувство внутри Лока отступило, как происходило каждый раз, когда ему доводилось смотреть на новых людей. Он с облегчением расслабился. Потом они сразу забыли обо всем и застыли, не шевелясь.

Бревно показалось из кустов, которые закрывали остров. Двое мужчин осторожно копали реку и бревно поворачивалось в воде. Оно смотрело не на Лока и Фа, а по течению, и все-таки начало двигаться к ним, пересекая реку. В этом долбленном бревне было много такого, чего они еще не видели: нечто, похожее на камни, и заполненные мешки из шкур. А еще там лежали разнообразные палки, и длинные тонкие стволы без листьев или сучьев, и тощие побеги с умирающей зеленью. Бревно было совсем рядом.

Впервые они увидели новых людей так близко при солнечном свете. Люди эти выглядели загадочно и необычно. Волосы у них были черные и росли самым странным образом. У мужчины с лицом прикрытым костяной пластиной, который занимал место впереди, волосы поднимались, как хвощ, вытягиваясь кверху, так что голова его, и так-то очень длинная, была вытянута, словно кто-то

тянул ее кверху без капли жалости. У другого, с лицом также прячущимся за костяной пластиной, волосы поднимались густым кустом, который разбросался в стороны, точно выюнок на мертвом дереве.

И тела их также заросли густыми волосами, на бедрах, на животе и на ляжках вплоть до колен, так что внизу их тело было шире, чем вверху. Но Лок не сразу стал изучать их тела: все его внимание сосредоточилось на том, что было у них подле глаз. Под глазницами был закреплен кусок белой кости, подогнутой вплотную, и там, где должны были бы находиться широкие ноздри, виднелись тесные щели, между которыми торчала узкая белая кость. Ниже у них были еще щели напротив рта, и голоса их вылетали из этих щелей. Под щелями прорастали слабые черные волосы. Глаза, которые смотрели сквозь кость, были темные и настороженные. Выше расположились брови, они были уже, чем рот или ноздри, черные, загнутые вбок и вверх, так что мужчины выглядели опасными и, казалось, могли ужалить, как пчела. Связки клыков и морских ракушек болтались у них на груди, сверху серой мохнатой шерсти. Над бровями костяные пластины были выпуклыми и отклонялись назад, пропадая под густыми волосами. Когда бревно подошло ближе, Лок увидел, что на самом деле цвет был не белый и блестящий, как кость, а гораздо более тусклый. Цвет у этих пластин был такой же, как у больших грибов или початков, которые людям случалось есть, и они выглядели такими же мягкими. Ноги и руки у других были тонкими, как палки, так что сочленения напоминали узлы на древесных сучьях.

Сейчас, когда Лок смотрел почти прямо в середину долбленного бревна, он понял, что оно значительно шире, чем выглядело издали, а точнее, это были два бревна, которые шли рядом. В бревне было еще много мешков и разных интересных вещей, и среди них лежал на боку мужчина. Тело его и костяное лицо были такие же, как у всех остальных, только волосы на голове его густо торчали кверху, а концы их блестели и напоминали острые колючки на скорлупе каштанового ореха. Он вертел в руках один из заостренных прутьев, и его гнутая палка лежала сбоку.

Бревна подошли вплотную к берегу. Мужчина, сидевший первым, — Лок мысленно назвал его Хвощом, — что-то негромко произнес. Куст отложил деревянный лист и уцепился за траву, которая росла на берегу. Каштан поднял свою гнутую палку и заостренный прут и, крадучись, перелез с бревен на землю и

опустился на корточки. Лок и Фа затаились почти над его головой. Они ощущали его странный запах, запах моря и мясной запах, пробуждавший страх и одновременно волнение. Он находился так близко, что в любую минуту мог учуять их, хоть и был далеко внизу, и Лок отрекся от собственного запаха, неожиданно напуганный этой близостью, хотя сам и не понимал, что с ним происходит. Он затаил дыхание, так что даже сам почти не слышал его и теперь шорох листьев слышался яснее.

Каштан находился прямо под ними, и тело его было облитое солнцем. Оперенный прут лег поперек согнутой палки. Глядел Каштан то туда, то сюда, пристально обследуя взглядом мертвое дерево, потом опустил глаза на землю и снова перевел их в сторону леса. Затем через плечо он сквозь щель в кости что-то сказал другим, оставшимся в лодке; голос у него был слабый, напоминавший птичий говор; белизна шевельнулась.

Лока охватил тягостный страх, словно он завис над бездной, пытаясь удержаться за ветку, которой не оказалось под рукой. Он понял каким-то извращенным чувством, что это не лицо Мала, и не лицо Фа, и не лицо Лока, спрятанное под костяной пластинкой. Это просто кожа.

Куст и Хвощ трудились над узкими полосками, которыми бревна были прикреплены к прибрежным кустам. Они стремительно выбрались на берег, бросились бегом и пропали из виду. Скоро послышался звук ударов камня, который рубит дерево. Каштан, приближаясь, двинулся за ними и вскоре тоже скрылся.

Теперь не было ничего любопытного, кроме бревен. Они выглядели очень гладкими и блестящими внутри, где открывалась древесина, а снаружи обозначились продолговатые потеки, как на морской скале, после того как вода отошла и солнце ее высушило. Края плавно закруглялись, и там, где их трогали руки мужчин с костяными лицами, образовались вмятины. Вещи в глубине бревен были так многообразны и необычны, что нельзя было быстро в них разобраться. Там валялись круглые камни, палки, шкуры, мешки размером больше, чем Лок, какие-то алые кружева, кости, которым придали облик живых существ, а края листьев, куда мужчины их положили, напоминали бурых рыб, и еще были запахи, пробуждавшие вопросы, на которые не было ответа. Лок смотрел не видя, и скоро видение растаяло, но затем появилось вновь. За рекой, на острове, все было неподвижно.

Фа коснулась его руки. Она осторожно поворачивалась на вет-

ке мертвого дерева. Лок тихо пополз за нею, затем они сделали для себя новые дырки, чтобы видеть, и посмотрели вниз, на прогалину.

Здесь все, издавна такое привычное, стало другим. Сплетение кустов и застоялая вода по левую сторону прогалины не переменялись, как и опасная трясина справа. Но там, где тропа, ведущая через лес, проходила по краю прогалины, терновник теперь поднялся непроходимой стеной. В нем возникла брешь, и у них на глазах Хвощ миновал эту дыру со срубленным терновым кустом на плече. Ствол был зачищен до белизны и заострен с конца. В лесу за спиной Хвоща, если верить ударам, продолжали рубку.

Фа изливала страх, который вызывал такое же чувство у Лока. Теперь много явственнее, чем раньше, существовали два Лока, один извне, а другой внутри. Внутренний Лок мог лишь бесконечно смотреть и смотреть. Но внешний, тот, который дышал, и слышал, и чуял, и никогда не спал, требовательно тянул и окружал его собою, как вторая шкура. Он сеял в него свой ужас, свое ощущение опасности много раньше того, чем мозг успевал понять смысл увиденного внутри себя. Ни разу в жизни не было ему еще так страшно, теперь он был напуган даже сильнее, чем в тот раз, когда прижимался к утесу вместе с Ха, а большой кот прохаживался мимо своей добычи, из которой уже высосал всю кровь, поглядывал вверх и прикидывал, есть ли смысл заняться ими.

Губы Фа тихо коснулись уха Лока:

— Мы в ловушке.

Кустов терновника стало много больше. Они тесно росли там, где было легче всего пробираться на прогалину, но теперь возникли другие, в два ряда у стоячей воды и у болота. Прогалина оставляла свободный полукруг лишь в сторону реки. Трое с костяными лицами миновали последнюю дыру, и каждый тащил еще по кусту. Ими они и перекрыли дорогу.

Фа шепнула Локу на ухо:

— Они знают, что мы здесь. И не хотят нас выпустить.

Но мужчины с костяными лицами видимо не замечали их. Куст и Хвощ возвратились к воде, где бревна стукались друг о друга. Каштан стал не спеша огибать полукружье из кустов терновника, обратя лицо к лесу. И все время он удерживал прут по центру гнутой палки. Терновник прятал его по грудь, и когда вдалеке, на равнине, слышался рев быка, он замер на месте, поднимая голову, и палка еще более выгнулась. Лесные голуби продолжали

ворковать, а солнце посматривало с неба на макушку мертвого дерева и согревало двоих людей своим теплым дыханием. Кто-то шумно вскапывал воду, и бревна постукивали. Раздавались удары дерева о дерево, что-то тащили по земле, звучала щебечущая, птичья речь; затем еще двое мужчин появились из-за дерева на прогалине. Первый из них был похож на прочих. Волосы у него из темени лезли пучком и разрастались вширь так, что пук этот шевелился, когда мужчина двигался. Пук пошел прямо к кустам терновника и принялся внимательно осматривать лес. У него также были гнутая палка и прут.

Второй резко отличался от остальных. Он был шире в плечах и коренастее. Тело его покрывала густая шерсть, а волосы на голове блестели, точно смазанные жиром. На затылке эти волосы были схвачены узлом. Спереди на голове волос совсем не было, так что изгиб костяной кожи, удивлявшей своей грибной белизной, проходил как раз над ушами. Лишь сейчас, впервые, Лок увидел уши новых людей. Они были маленькие и тесно прижатые к головам.

Пук и Каштан присели на корточки. Они разводили листья и травы над следами, оставленными Фа и Локом. Пук поднял голову и позвал:

— Туами.

Каштан показал на следы. Пук вновь обратился к широкоплечему мужчине:

— Туами!

Широкоплечий подошел к ним от кучи камней и палок, с которыми что-то делал. Он произнес короткий птичий звук, странно тонкий, и они отвечали такими же звуками.

Фа шепнула Локу на ухо:

— Так его зовут...

Туами и двое других наклонились и качали головой над следами. Рядом с деревом, где земля была высохшей, следы уже не различались, и Лок ждал, что новые люди начнут принюхиваться, но они вдруг разогнулись. Туами засмеялся. Он показывал на водопад, смеялся и щебетал. Потом он замолчал, громко ударил в ладони, произнес какое-то слово и вернулся к куче.

Это единственное слово сразу изменило обстановку, новые люди перестали волноваться. Правда, Каштан и Пук все еще зорко посматривали на лес, они стояли по краям прогалины, глядя выше терновника, но палки свои разогнули. Хвощ не сразу взялся за

мешки, он поднес руку к плечу, рванул полоску кожи и внезапно вылез из своей шкуры. При этом Лок ощутил такую боль, словно у него на глазах под ноготь человеку загнали колючку, но затем он увидел, что Хвощу не больно, он даже доволен, ему было прохладно и свободно в белой коже. Теперь он был совершенно обнаженный, как Лок, лишь кусок оленьей шкуры тесно опутывал его поясницу и бедра.

Тут Лок осознал еще две вещи. Новые люди перемещались не так, как все другие твари, с которыми он встречался в своей жизни. Они не теряли равновесия на прямых ногах, туловища над бедрами были узкими, как у осы, так что люди эти слегка качались при ходьбе взад-вперед. Смотрели они не в землю, а прямо перед собой. И все они были непривычно голодны. Лок видел, как выглядит человек, гибнущий от голода. Новые люди умирали. Сквозь их тела кости проступали, как у Мала накануне его смерти. Движения их, хотя и напоминали изяществом гибкость молодой ветки, были замедленными, словно они передвигались во сне. Ходили они выпрямившись, и всех их поджидала скорая смерть. Казалось, им помогало что-то незримое Локу, они высоко держали головы, неспешно и упорно несли их вперед. Лок знал, что будь он сам таким истощенным, как они, он давно уже умер бы.

Пук швырнул свою шкуру на землю под мертвым деревом и попытался поднять большой мешок. Каштан поспешил к нему на подмогу, и вдвоем они справились. Лок видел, как лица их сморщились, словно они посмеивались друг над другом, и неожиданный всплеск теплоты к ним охватил его и вытеснил терзавшее его недоброе чувство. Он видел, как они, помогая друг другу, сгибаются под тяжестью, и сам ощутил это тяжкое бремя и свои трудные усилия. Вернулся Туами. Он скинул с себя шкуру, потянулся, почесался и опустился на колени. Затем принялся разгребать палую листву, пока не открылась серая земля. В правой руке он держал короткую палку, и при этом он что-то щебетал остальным. Те согласно кивали. Бревна колотились друг о друга, и от воды тоже доносились голоса. Люди на прогалине смолкли. Пук и Каштан снова принялись обходить терновник.

Потом показался еще один человек. Он был высокий и не такой худой, как другие. Волосы у него под ртом были совсем белыми, как у Мала. Они извивались, как облако, а по бокам с ушей опускались длинные кошачьи клыки. Лицо его было неразличимо, потому что он повернулся спиной к дереву. Про себя Фа и Лок

назвали его стариком. Он стоял, глядя сверху вниз на Туами, и его резкий голос бурлил и прерывался.

Туами сделал на земле еще какие-то пометки. Они соединились в одно целое, и вдруг Лок и Фа увидели внутри себя, как старуха обводит линию вокруг мертвого Мала. Взгляд Фа скользнул в сторону, глаза мигнули Локу, и она резко ткнула пальцем вниз, пронзив им воздух. Те люди, которые не стояли в охране, окружили Туами и переговаривались друг с другом и со стариком. Они почти не двигали руками и не пританцовывали, чтобы прояснить смысл своих слов, как делали бы Лок и Фа, но их узкие губы непрерывно двигались и шлепали. Старик двинул рукой в воздухе, затем склонился над Туами. И что-то ему сказал.

Туами качнул головой. Люди отступили от него и уселись на землю в ряд в небольшом отдалении, только Пук все стоял в охране. Фа и Лок наблюдали за работой Туами, поверх ряда черных голов. Туами теперь быстро орудовал по другую сторону голой земли, и лицо его было видно. Меж бровями у него легли вертикальные морщины, а кончик языка следовал за линией, которую он рисовал. Головы вновь защебетали. Один мужчина поднял с земли несколько коротких палок и изломал каждую из них. Он зажал обломки в кулаке, и каждый вытянул по одному из обломков.

Туами поднялся, подошел к мешку и достал кожаный сверток. Там лежали камни, и деревяшки, и еще какие-то штуки, которые он положил у отметин на земле. Затем он присел перед мужчинами, сидящими в ряд, между ними и землей, где были отметины. Мужчины начали произносить какие-то звуки. При этом они стучали в ладони, и звуки переплетались с резкими хлопками. Они взлетали, и опускались, и соединялись воедино, хотя при этом оставались неизменными, как струи у изножья водопада, где вода бурно неслась и все равно всегда была та же и сохранялась на том же месте. Голову Лока захлестнул водопад, заливая ее целиком, словно он смотрел на водопад чересчур долго и от этого его сморил сон. Его напряженная шкура расслабилась, когда он увидел, что новые люди любят друг друга. Теперь стая птиц ворвалась в его голову, потому что он вновь слышал голоса и — хлоп! хлоп! — эти непрерывные хлопки.

Громогласный рев оленя, зовущего самку, прозвучал под самым деревом. Птицы вырвались из головы Лока. Люди наклонились так низко, что их головы гладили волосами землю. Огромный

олень гарцевал на прогалине. Он обошел ряд голов, непрерывно вытанцовывая, приблизился к отметинам с другой стороны, повернулся, замер на месте. И вновь издал свой громоподобный призыв. Затем на прогалину опустилась тишина, лишь лесные голуби продолжали ворковать.

Туами быстро задвигался. Он принялся швырять какие-то комья поверх отметин. Он вытянул руки и торжественно делал что-то непонятное. Голая земля получала другие цвета, это были цвета желтых осенних листьев, красных ягод, снежного инея и мрачной копоти, которую огонь оставляет на скале. Волосы мужчин все еще лежали на земле, и все молча ждали.

Туами, сидя, откинулся назад.

Плотно облегающая шкура Лока задрожала, как в морозную зиму. На прогалине теперь возник второй олень. Он распластался поверх отметин, прижатый к земле; при этом он мчался со всех ног и все же, как клики людей и гул водопада, оставался на том же месте. У него была окраска, какую олени всегда обретают в брачную пору, только он был чересчур упитан, а его маленький черный глаз казалось разглядывал Лока сквозь густой вьюнок. Лок

ощутил, что он пойман и захвачен в плен на трухлявом дереве, где вокруг беспрестанно шевелилась и проступала обильная еда. Он не в силах был даже смотреть на все это.

Фа держала его за руку и снова тянула его вверх. Он со страхом снова взглянул сквозь листву на распростертого оленя; но ничего уже не мог увидеть, потому что оленя тесной толпой окружали люди. В левой руке у Хвоща была зажата гладко оструганная деревяшка, и с конца ее выглядывал камень или обломок кости. Вытянутым пальцем Хвощ удерживал этот сук. Туами стоял перед Хвощем. Он схватился за другой конец деревяшки. Хвощ что-то говорил стоящему оленю и другому оленю, распластанному на земле. Фа и Лок слышали, что он заклинает. Туами поднял вверх правую руку. Олень взревел. Туами нанес мощный удар, и сверкающий камень впился в дерево. На секунду Хвощ оцепенел. Потом осторожно снял руку с гладкой деревяшки, но палец остался прижимать сук. Хвощ повернулся, отступил и уселся на землю среди других. Теперь лицо его еще больше казалось высеченным из кости, и шел он с большим трудом, покачиваясь. Остальные протянули руки и помогли ему сесть. Он не произнес ни слова. Каштан достал кожаную полоску и перетянул ему руку, а оба оленя дожидались, когда это дело завершится.

Туами перевернул деревяшку, и палец помедлил на миг, но сразу соскользнул с тихим шлепком. Он упал прямо в рыжую шерсть оленя. Туами снова сел. Двое мужчин подхватили Хвоща, который плавно падал на бок. Опустилась тишина, такая глубокая, что водопад, казалось, придвинулся и грохотал где-то совсем близко.

Каштан и Куст поднялись и приблизились вплотную к лежащему оленю. У каждого была в одной руке гнутая палка, а в другой — прут с рыжими перьями на заднем конце. Стоящий олень помахал человеческой рукой, точно брызгал на них водою, потом потянулся и погладил каждого по щеке листом папоротника. Оба медленно склонились над лежащим на земле оленем, опустив руки вниз, а правые их локти подымались над спинами. Потом слышались щелчки: щелк! щелк! — и два прута впились оленю прямо в сердце. Люди наклонились, вытащили прутья, а олень даже не пошевелился. Сидящие мужчины хлопнули в ладони, опять и опять издавая звуки, напоминавшие плеск реки, так что утомлен-

ный Лок зевнул и облизал губы. Каштан и Куст все держали палки в руках. Олень затрубил, и люди наклонились так низко, что волосы их коснулись земли. Олень снова стал танцевать. Его пляска вызвала протяжные крики. Он приблизился, потом запрыгал под деревом и исчез с глаз, после чего крики смолкли. Позади, между деревом и рекой, олень взревел снова.

Туами и Пук быстро пересекли тропу, кинулись к терновнику и развели ветки в одном месте. Они стояли по разные стороны прохода, каждый тянул ветки к себе, и Лок увидел, что теперь глаза их закрыты. Каштан и Куст тихонько пробрались вперед, держа перед собой гнутые палки. Они двинулись через просвет, тихо исчезли в лесу, и тогда Туами и Пук выпустили ветви, которые сразу же прильнули друг к другу.

Солнце находилось уже так высоко, что олень, изготовленный Туами, издавал острый запах под мертвым деревом. Хвощ сидел на земле у ствола мертвого дерева и непрерывно дрожал. Мужчины стронулись с места нехотя и сонно, как люди, обессиленные продолжительной голодовкой. Старик вышел из-под мертвого дерева и заговорил с Туами. Теперь его волосы плотно облегали голову и на них плескались солнечные пятна. Затем он вышел вперед и посмотрел на оленя. Он вытянул ногу и начал разрывать землю вокруг оленьей туши. Олень не двигался и разрешил себя закопать. Через короткое время на земле не сохранилось ничего, кроме разноцветных пятен да головы с маленьким глазом. Туами повернулся, негромко произнося что-то про себя, подошел к одному из мешков, залез в него рукой и принялся искать. Он достал кусок кости, крепкий и узкий с одного конца наподобие зуба, а с другого округлый и гладкий. Затем он стал на колени, принялся тереть овальный конец камешком, и Лок услышал скрежет. Старик приблизился к Туами, ткнул пальцем в кость, громко расхохотался, потом показал, словно втыкает что-то себе в грудь. Туами склонил голову и, не останавливаясь, продолжал тереть. Старик показал на реку, затем на землю и долго говорил. Туами спрятал кость и камень за кожаную полосу, которая охватывала его поясницу, поднялся и пропал из виду.

Старик замолчал. Он с осторожностью опустил на мешок посреди прогалины. Оленья голова с маленьким глазом лежала у его ног.

Фа прошептала Локу на ухо:

— Он ушел быстро. Боится второго оленя.

И сразу же Лок увидел внутри себя оленя, который поднялся на задние ноги и трубил. Он согласно кивнул.

Фа пошевелилась с огромной осторожностью и снова замерла. Лок посмотрел на нее и увидел, как у нее между зубами показался розовый кончик языка. Молчание тесно объединило их, и на миг Лок увидел, как две Фа появились из одной, отделились, и, чтобы объединить их, требовалась великая сила. Под пологом вьюнка жило множество крылатых тварей, которые тихонько пищали или же касались его тела, так что шкура часто вздрагивала. Тени среди солнечных полос и пятен поднимались и опускались до той поры, пока солнце не поднялось гораздо выше, чем раньше. Слова, которые он раньше слышал от Мала или старухи, вновь звучали в ушах при всяком видении и переплетались с голосами новых людей, так что в конце концов Лок почти не мог отличить одни от других. Вряд ли этот старик под деревом говорил голосом Мала о земле, где вечное лето, и солнце жжет горячо, как пламя, и плоды поспевают круглый год, и не может откос превратиться в такую, как эта, прогалину, где терновник, и лежат мешки из звериных шкур. Чувство, всегда воспринимавшееся, как что-то очень тягостное, нахлынуло и разлилось, как вода. Теперь Лок уже стал привыкать к этому ощущению.

Он ощутил боль в запястье. Открыв глаза, он с недоумением посмотрел вниз. Фа стискивала его руку, и пальцы ее впились в его шкуру. Потом до него отчетливо долетел писк нового человечка. Птичий разговор и пронзительный смех новых людей зазвучали громче и веселее, чем раньше, словно все они внезапно стали детьми. Фа снова обернулась к реке. Сначала солнце, и все сны наяву, и новые люди занимали Лока. Но тут новый человечек пискнул снова, так громко, что Лок сам повернулся следом за Фа и стал вглядываться в направлении реки.

Одно из двух бревен вползало на берег. Туами сидел в конце его, взрывая воду, а в середине бревна тесно толпились люди. Это были женщины, Лок мог рассмотреть их обнаженные, дряблые груди. Ростом они много уступали мужчинам и несли на телах меньше меха, который легко можно было бы снять. Волосы у них были уложены не так причудливо и аккуратно, как у мужчин. Лица, изборожденные морщинами, выглядели совсем худыми. Кроме Туами, мешков и женщин с худыми лицами, в бревне сидел человек, вызвавший такое пристальное внимание Лока, что тот едва успел бросить взгляд на всех остальных. Это тоже была женщина, бедра

ее окружал блестящий мех, который подымался кверху, закрывал руки, а еще выше, у шеи, свисал небольшим мешком. Волосы были черные, блестящие и оттеняли белизну лица, как лепестки сердцевину цветка. Плечи и грудь были тоже белые, удивительно белые, что особенно бросалось в глаза, потому что по ним ползал новый человечек. Он пытался спрятаться от воды и пробирался напрямик к мешку и затылку, а женщина хохотала, наморщив лицо и открыв рот, так что Лок рассмотрел ее удивительные, ослепительно белые зубы. Так много хотел увидеть Лок, что снова весь превратился в большие зоркие глаза, которые все замечали и, может, после расскажут обо всем, что он сейчас не успел осознать. Женщина эта была откормленная, гораздо упитаннее других, как, впрочем, и старик; но она была не старая, как он, и на сосках ее груди выступало молоко. Новый человечек дергал за ее лоснящиеся волосы и теперь полз вверх все выше, а она старалась стянуть его назад; голова его наклонилась набок, лицо было устремлено вверх. Колыхнулся смех, похожий на чарующую трель скворцов. Лок уже не видел бревна через дырку, но слышал шум прибрежных кустов, напоминавший вздох.

Он обернулся к Фа. На ее лице замерла молчаливая улыбка, она качала головой. Она глянула на него, и он увидел, что вода собралась в ее глазницах, воды этой было так много, что в любую секунду она была готова переполнить впадины и хлынуть наружу. Фа уже не улыбалась, лицо ее медленно сморщилось, и вот уже казалось, точно в бок ей воткнулся длинный шип и она мучается от страшной боли. Губы сомкнулись, затем снова раскрылись, и, хотя они только беззвучно вздрогнули, он понял, что она произнесла одно слово:

— Молоко...

Смех смолк, и его сменил шумный гомон. Раздавались глухие удары, какие-то вещи вытаскивали из бревна и перекидывали на берег. Лок сделал новую дыру во вьюнке и посмотрел вниз. Он знал, что возле него Фа проделала то же самое.

Упитанная женщина успокоила нового человечка. Теперь она находилась на берегу, прямо у воды, а он сосал ее грудь. Другие женщины сустились рядом, волокли или развязывали мешки, и руки у них были умные, они что-то быстро скручивали и переносили. Одна из них, увидел Лок, была еще совсем девочка, длинная и тощая, бедра ее были укутаны оленьей шкурой. Она смотрела на мешок, который валялся у самых ее ног. Какая-то из женщин

развязывала этот мешок. Внимательно присмотревшись, Лок увидел, что мешок, лихорадочно дергаясь, постоянно меняет свою форму. Вот его развязали, и сразу же из него выпала Лику. Она упала на четвереньки, потом сразу прыгнула. Лок увидел, что длинная и узкая кожаная полоска охватывает ее шею и, когда она прыгнула, женщина кинулась к ней и схватилась за эту полоску. Лику перевернулась в воздухе и с глухим ударом рухнула на спину. Скворцы снова завели свою нежную трель. Лику рванулась, обошла круг, затем присела под деревом. Лок видел ее округлый живот, к груди она прижимала малую Оа. Та женщина, которая раскрывала мешок, обогнула дерево, потянув за собой кожаную полоску, и затянула ее конец крепким узлом. Потом она оставила ее. Полная женщина приблизилась к Лику, так что Лок увидел ее лоснящуюся макушку и точно посередине белую линию, которая делила волосы на две части. Она что-то сказала Лику, опустилась на колени, заговорила снова, со смехом, а новый человечек тянулся к ее груди. Лику в ответ молчала, лишь передвинула малую Оа с груди на живот. Женщина поднялась и отошла.

Девочка подошла тихо, медленно, будто истомленная голодом, и присела на расстоянии своего роста от Лику. Лику по-прежнему молчала, только внимательно присматривалась к девочке. Она содрала что-то со ствола дерева и сунула в рот. Тощая девочка тоже смотрела внимательно, между бровями у нее прорезались маленькие морщинки. Она встряхнула головой. Лок и Фа переглянулись и бурно затрясли головами. Лику отодрала от ствола новый кусочек гриба и протянула девочке, но та отскочила. Потом приблизилась снова, осторожно протянула руку и ловко схватила еду. Она посомневалась, но все же сунула еду в рот и принялась жевать. При этом она постоянно опасливо смотрела по сторонам, особенно внимательно поглядывая в ту сторону, куда ушли другие женщины, затем проглотила кусочек гриба. Лику протянула ей еще кусочек, такой маленький, какой едят одни лишь дети. Девочка проглотила и его. Потом они молча принялись разглядывать друг друга.

Девочка показала на малую Оа и что-то спросила, но Лику ничего не ответила, и снова наступило молчание. Лок и Фа видели, как девочка рассматривает Лику, всю, с головы до ног, и, возможно, хоть они и не видели лица Лику, та тоже рассматривала девочку. Лику показала малую Оа и посадила ее себе на плечо. Девочка неожиданно засмеялась, обнажив зубы, потом рассмеялась Лику, и теперь уже смеялись обе.

Лок и Фа смеялись тоже. Чувство, которое охватило Лока, стало горячим и светлым, как солнце. Он кинулся бы в пляску, если бы не Лок-внешний, который требовательно вынуждал его прислушиваться к опасности.

Фа прижалась головой к его голове.

— Когда наступит ночь, мы заберем Лику и убежим.

Сытая женщина сошла к воде. Там она сняла с себя мех и села, и они увидели, что нового человечка с ней уже нет. Мех упал с ее плеч, и она оказалась обнаженной до пояса, волосы и кожа сверкали в солнечном свете. Она подняла руки к затылку, нагнулась и занялась своими волосами. Вдруг, совсем внезапно, лепестки опали, скользнув черными змеями по ее плечам и грудям. Она встряхнула головой, точно лошадь, черные змеи мгновенно юркнули назад, и они снова увидели ее нагие груди. Она достала из волос длинные белые тернии и уложила их кучкой возле воды. Затем ощупала шкуру и достала кусок кости, похожий на растопыренные пальцы руки. Она подняла руку и начала водить костяными пальцами по волосам, пока они не перестали извиваться и стали падать вниз, черным, блестящим водопадом, но все равно белая черта аккуратно рассекала их точно по центру темени. Она прекратила игру со своими волосами и теперь смотрела на обеих девочек, изредка говоря им что-то. Худая девочка устанавливала на земле палочки одну к другой так, что они складывались в остроконечную деревянную горку. Лику опустилась на четвереньки и внимательно наблюдала за ней. Полная женщина вновь занялась своими волосами, она то и дело тормозила их руками, пропуская пряди среди пальцев, гладила их, проводила то там, то здесь костяной рукой, наклонялась и пригибала голову почти до земли; и волосы принимали совсем новый вид, они теперь поднимались бугром, а наверху тесно переплетались.

Лок услышал голос Туами. Сытая женщина торопливо подобрала с земли свой мех, просунула сквозь него голову и плечи, так что мех скрыл ее живот и широкий белый крестец. Теперь на виду оставались лишь ее груди, устроившиеся в мехах, как в колыбели. Она покосилась вбок, под дерево, и Лок понял, что она беседует с Туами. Она что-то говорила и при этом хохотала без умолку.

Старик громко заговорил с прогалины, и теперь, когда внимание Лока было уже не приковано только к девочкам, он сообразил, какое множество иных новых звуков раздается вокруг. Где-то с

шумом ломали ветки, и в костре звонко трещали дрова, а люди громко стучали по каким-то штукам. Не один старик, но и все другие кричали повелительными птичьими голосами. Лок сладко зевнул. Скоро придет ночь, и они тут же убегут отсюда, унося с собой Лику.

Туами возвратился под дерево и заговорил со стариком. Хвощ возник на заднем конце бревна. Там же крутой горой были наложены ветки, а в реке, чуть позади, виднелись огромные бревна с прогалины на острове. Тень Хвоща теперь совсем выпрямилась, потому что солнце уже стало клониться к закату от вершины своего быстрого полета по небосводу. Солнце било в глаза Лока, заставляя его моргать. Хвощ и откормленная женщина трянули свои густоволосые головы и что-то кратко сказали друг другу. Потом прямо под Локом остановился старик и взмахнул руками, что-то громко крича. Полная женщина засмеялась, задрав голову, посматривая на него искоса, а отблески воды прыгали и играли на ее снежно-белой коже. Старик снова ушел.

Дети вплотную приблизились друг к другу. Худошавая девочка

склонилась над своей пещеркой из палочек, а Лику сидела на корточках рядом с ней так близко, что узкая кожаная полоска натянулась. Худощавая девочка держала обеими руками малую Оа, поворачивала ее во все стороны и разглядывала с явным интересом. Она заговорила с Лику, потом аккуратно положила малую Оа в пещерку лицом кверху. Лику смотрела на нее с восторгом.

Сытая женщина поднялась, приглаживая на себе мех. Она надела на шею какую-то сверкающую вещь, которая опускалась между ее грудей. Лок увидел, что это один из тех ярких и выгнутых желтых камней, какие люди изредка поднимали с земли, чтобы полюбоваться, а потом отбрасывали прочь. Сытая женщина двинулась прочь, качая бедрами, и вскоре исчезла из виду на прогалине. Лику что-то объясняла худой девочке. Они показывали пальцами друг на друга.

— Лику!

Тощая девочка засмеялась, раскрыв рот до ушей. Она весело стукнула в ладоши:

— Лику! Лику!

Потом она показала пальцем на себя:

— Танакиль.

Лику не согласилась:

— Лику.

Тощая девочка качала головой, и Лику качала головой тоже.

— Танакиль.

Лику сказала старательно и с напряжением:

— Танакиль.

Худая девочка прыгнула прямо к ее ногам, громко закричала, забила в ладоши и засмеялась. Одна из женщин с морщинистым лицом приблизилась и стала смотреть на Лику. Танакиль что-то быстро проговорила ей, указала пальцем, кивнула, затем повернулась и боязливо сказала Лику:

— Танакиль.

Лицо Лику искривилось от усилия.

— Танакиль.

Все трое рассмеялись. Танакиль подошла к мертвому дереву, оглядела его, что-то приговаривая, оторвала кусочек желтого гриба, того же, которым ее кормила Лику. Она сунула этот кусочек себе в рот. Сморщенная женщина завизжала так звонко, что Лику от испугу бросилась на землю. Сморщенная женщина сердито стукнула Танакиль по плечу с визгом и воплями. Танакиль сразу

полезла пальцами в рот и достала кусочек гриба. Женщина выбила его у нее из руки таким злобным ударом, что гриб полетел прямо в воду. Она заверещала на Лику, и та испуганно прижалась к дереву. Женщина наклонилась к ней, не подходя все же вплотную, и внезапно издала угрожающий звук.

— А! — завывала она. — А!

Затем она злобно накинулась на Танакиль, постоянно что-то выговаривая, и толкала и выговаривала, заставляя Танакиль отойти на прогалину. Танакиль шла нехотя, порываясь назад. Теперь и она скрылась с глаз. Лику поднялась к пещерке, выхватила малую Оа и снова шмыгнула под дерево, прижимая малую Оа к себе. Морщинистая женщина возвратилась и внимательно смотрела на Лику. Морщины на ее лице немного расправились. Сначала она ничего не говорила. Просто наклонилась, все еще оставаясь от Лику в некотором отдалении.

— Танакиль.

Лику не двинулась. Женщина подняла с земли ветку и осторожно протянула ей. Лику неохотно приняла ветку, понюхала и бросила на землю. Женщина произнесла снова:

— Танакиль?

Ответа не было, только гульканье лесных голубей, и еще солнечные пятна, отраженные водой, прыгали по ее лицу.

— Танакиль!

Лику молчала. Женщина оставила ее и ушла.

Фа отвела ладонь, которой закрывала Локу рот.

— Не говори с ней.

Она смотрела на него мрачно. Шкура его теперь дрожала уже не так сильно, потому что женщина оставила Лику. Лок-внешний напомнил ему, что нужно помнить об опасности.

Посреди прогалины зазвучали громкие голоса. Лок и Фа снова перелезли по веткам на другое место. Оба увидели, что внизу произошли большие перемены. Огромный жаркий костер освещал прогалину, и черный густой дым валил прямо к небу. По бокам прогалины были выстроены пещеры из ветвей, которые новые люди доставили на своих долбленых бревнах. Мешки почти все куда-то пропали, и рядом с костром возникло просторное место. Люди сошлись здесь и что-то говорили. Они обращались к старику, и тот отвечал им. Они тянули к нему руки, все, кроме Туами, который отошел в сторону, словно был не из их числа. Старик тряс волосами и кричал. Люди медленно поворачивались к нему

спинами, продолжая что-то тихонько говорить друг другу. Потом они вновь окружили старика и закричали. Он качнул головой, отвернулся от них, нагнулся и пропал в лиственной пещере. Люди окружили Туами, неумолчно вопя. Он поднял руку, и все они сразу смолкли. Он показал на голову оленя, еще лежавшую на земле и смотрящую через бревна, охваченные пламенем костра. Он кивнул головой в направлении леса, а люди снова зашумели. Старик выбрался из пещеры и поднял руку, так же как это делал Туами. Люди на секунду замолчали.

Старик произнес всего одно слово, но громовым голосом. И люди тут же оглушительно загалдели. Даже их обычно замедленные движения ускорились. Полная женщина вытащила из пещеры загадочный с виду мешок. Это была цельная шкура неизвестного зверя, при этом она колыхалась и перекатывалась, словно зверь был жидким, как вода. Люди быстро притащили полые деревяшки и принялись подсовывать их под зверя, а тот мочился прямо в них. Он налил каждую до верха, и Лок видел, как блестела вода, переливаясь в деревяшки. Полная женщина весело играла со зверем, так же как забавлялась с новым человечком; другие люди тоже веселились, даже старик, он усмехался, а временами хохотал. Люди бережно тащили наполненные деревяшки к костру, стараясь не расплескать, хотя рядом, в реке, было много воды. Они становились на колени или же опускались на землю с осторожностью, подносили деревянные к губам и пили. Туами со сладостной улыбкой тоже встал на колени возле полной женщины, и зверь пустил струю прямо ему в рот. Фа и Лок сжались в комок на дереве, лица их перекосились. Тугой ком то подступал к самому горлу Лока, то низвергался глубоко в брюхо. Еда, которая мелькала среди сучьев дерева, касалась его шкуры, а он морщился, машинально, даже не глядя, бросая этих мелких тварей себе в рот. Он лизал языком губы, кривился и позевывал. Затем взглянул вниз, на Лику.

Тощая девочка уже возвратилась. Теперь она пахла совсем по-иному, пахла кислятиной, но выглядела оживленной. Она заговорила с Лику тоненьким щебечущим голоском, и Лику чуть отодвинулась от дерева. Танакиль скосила глаза в сторону, где люди сгруппировались возле костра, потом осторожно подобралась к Лику. Она взялась за кожаную полосу там, где полоса обвивала ствол, и принялась разматывать. Полоса упала со ствола. Танакиль намотала конец себе на кисть, при этом она все время клонила и покачивалась, моталась из стороны в сторону, и ее движения на-

поминали полет ласточки в середине лета. Она обогнула дерево, и кожаная полоса тянулась за нею. Затем она что-то сказала Лику, слегка дернула кожаную полосу, и обе девочки куда-то направились.

При этом Танакиль щебетала без умолку. А Лику все прижималась к ней и слушала очень внимательно. Лок и Фа четко видели, как она насторожила уши. Лок вынужден был провертеть новую дырку, чтобы посмотреть, куда они идут. Танакиль вела Лику, чтобы та посмотрела на мешок.

Лок замедленно, как во сне перелез на тот сук, откуда мог наблюдать происходящее. Старик тревожно обследовал прогалину, держась одной рукой за седые волосы у себя под ртом. Все люди, кроме тех, которые стояли в охране или кормили огонь в костре, лежали на земле, распластавшись, точно мертвые. Сытая женщина снова скрылась в пещере из веток.

Старик принял какое-то решение. Лок видел, как он отнял руку от лица. Потом сильно ударил в ладони и заговорил. Мужчины, свалившиеся ничком у огня, нехотя поднялись на ноги. Старик показывал на реку, что-то приказывая. Мужчины сначала молчали, потом затрясли головами и вдруг загалдели все разом. Голос старика зазвучал строго. Он подошел к воде, встал, что-то отрывисто бросил через плечо и показал на долбленые бревна. Заторможенно, как спящие, мужчины двинулись, ломая кустарник, по земле, покрытой облетевшими листьями. Они что-то недовольно бормотали и одновременно украдкой переговаривались. Старик завопил так же звонко, как женщина орала на Танакиль. Сонные мужчины добрели до берега, остановились и смотрели на долбленые бревна молча и неподвижно. Запах кислятины от колыхающегося зверя проникал в Лока, как промозглая осенняя слякоть. Туами миновал прогалину и стал за спиной у людей.

Старик много говорил. Туами, кивая, ушел, и скоро Лок услышал стук рубящего камня. Двое мужчин достали из кустов кожаные ленты, соскочили в воду, отвели задний конец первого бревна в глубину реки, а передний подтащили к берегу. Они стали с двух сторон у конца и начали подымать. Затем оба, задыхаясь, склонились над бревном. Старик снова закричал, воздев обе руки. Он показывал пальцем. Мужчины снова взялись за бревно. Подбежал Туами с обломком ветки, гладко затесанном на конце. Мужчины принялись копать мягкую землю на берегу. Лок повернулся в своей воздушной пещере и взглядом нашел Лику. Он увидел,

как Танакиль показывает ей различные замечательные и чудесные вещи, связку морских ракушек, надетых на гибкий стебель, и фигурку Оа, совсем как живую, так что Лок подумал, что она или спит, или же мертва. Танакиль продолжала держать в руке кожаную полосу, но полоса эта обвисла, потому что Лику сама тянулась к старшей девочке, глядя на нее с обожанием, как смотрела на Лока, когда он раскачивал ее на ветке или баловался, чтобы ее развеселить. Наклонные лучи солнца опускались на прогалину через долину. Старик снова закричал, и женщины, слышав его голос, принялись, громко зевая, выбираться из лиственных пещер. Он закричал снова, и они с трудом дотащились до дерева, перешептываясь друг с другом, как раньше переговаривались мужчины. Скоро все они пропали из виду, все, кроме мужчины, несшего караул, да детей.

Между деревом и рекой зазвучали какие-то совсем новые крики. Лок обернулся посмотреть, что творится там.

— Э-эх! Э-эх! Э-эх!

Новые люди, мужчины и женщины, все вместе отклонились назад. Долбленое бревно смотрело прямо на них, и нос его находился на другом бревне, которое притащил Туами. Лок понял, что этот конец был носом, потому что по бокам бревна были глаза. Он не увидел их прежде, потому что тогда они были спрятаны под какой-то белой пленкой, которая сейчас потемнела и стала какой-то расплывчатой. Люди были соединены с бревном кожаными полосами. Старик понуждал их, и они, тяжело дыша, отклонялись назад, ноги их вскапывали мягкую землю и комья разлетались во все стороны. Они двигались рывками, и бревно тащилось за ними. Все время пристально их разглядывая. Лок видел гримасы и пот на их лицах, когда они проходили под деревом, а потом, упираясь, пропали из виду. Старик шел вслед за людьми, и кричал, не умолкая.

Танакиль и Лику возвратились к дереву. Лику одной рукой держалась за кисть Танакиль, а другой прижимала малую Оа. Крик прекратился, люди мрачно вышли на прогалину и выстроились в ряд у реки. Туами и Хвощ залезли в воду близ второго бревна. Танакиль двинулась вперед, но Лику отстала. Танакиль принялась ей что-то объяснять, но Лику упорно отказывалась идти к воде. Танакиль дернула кожаную полосу. Лику на четвереньках, цепляясь за землю руками и ногами, упиралась. Танакиль визгливо заорала на нее, совсем как сморщенная женщина. Она подняла с земли палку, что-то прокричала резким злым голосом и

дернула снова. Лику все сопротивлялась, и Танакиль стукнула ее палкой по спине. Лику завизжала, а Танакиль рвала полосу и била.

— Э-эх! Э-эх! Э-эх!

Нос второго бревна ткнулся в берег, но не желал лезть дальше. Он соскользнул назад, и люди повалились на землю. Старик заорал что было сил. Он злобно указал на воду, на водопад, затем на лес, и голос его все более свирепел. Люди громко и яростно огрызались в ответ. Танакиль перестала бить Лику и смотрела на взрослых. Старик ходил кругами, пытаясь пинками поднять людей. Туами находился в стороне и смотрел на него пристально, как глядели глаза на конце бревна, не произнося ни слова. Люди медленно, с трудом, поднялись на ноги и снова взялись за кожаные полосы. Танакиль это надоело, она отвернулась и опустилась на колени рядом с Лику. Достав какие-то камушки, она подкинула их высоко вверх и пробовала поймать обратной стороной узкой руки. Теперь Лику снова смотрела на нее с жадным любопытством. Бревно вылезло из воды на сушу, шевельнулось, потом прочно легло на землю. Люди снова откинулись назад и вскоре исчезли из поля зрения.

Лок смотрел вниз на Лику, ему радостно было видеть ее округлый живот и убедиться, что теперь, когда Танакиль отбросила в сторону палку, она успокоилась. Он припомнил нового, который сосал грудь сытой женщины, и улыбнулся Фа, затаившейся рядом. Фа слабо улыбнулась в ответ. Она выглядела совсем не так радостно, как он. Тяжелое чувство внутри отступило и испарилось, как роса на каменистой равнине под лучами солнца. Эти люди, у которых было так много чудесного, уже не казались ему столь прямой и близкой опасностью, как еще совсем недавно. Даже Лок-внешний размягчился и потерял свою способность откликаться на звуки и запахи. Он глубоко зевнул, закрыл глаза руками и тут услышал у себя над ухом шепот Фа:

— Помни, мы возьмем детей, когда стемнеет.

Он увидел внутри себя, как сытая женщина смеется и дает грудь новому человечку.

— Чем ты будешь его кормить?

— Нажую еды и дам ему в рот. А может, у меня появится и молоко.

Он обдумал это. Фа сказала снова:

— Скоро новые люди заснут.

Новые люди пока не спали и похоже было, что они и не помышляют о сне. Они галдели теперь с новой силой. Оба бревна лежали на прогалине, и под них подсунули поперечно широкие круглые стволы. Новые люди собрались возле крайнего бревна и орали на старика. Он злобно показывал на тропу, которая шла к лесу, издавая трепетные, порхающие птичьи крики. Люди мотали головами, скидывали с себя кожаные полосы, отступали к своим пещерам. Старик тряс кулаками, взлетевшими к синеве неба, затем начал бить себя по голове, но люди двигались равнодушно и сонно, прямо к костру и пещерам. Когда старик остался возле долбленых бревен в полном одиночестве, он умолк. Под деревьями сгущалась темнота, и солнце покидало землю.

Старик тяжело потащился к реке. Потом остановился, но Лок и Фа не могли прочесть на его лице ничего, потом он вдруг быстро возвратился, подошел к своей пещере и шмыгнул в нее. Лок услышал голос сытой женщины, и старик снова появился. Он побрел к воде по своим же следам, но на этот раз не остановился подле бревен, а двинулся мимо, не сворачивая. Он прошел под деревом и задержался, глядя на детей.

Танакиль учила Лику ловить камешки, и обе девочки позабыли про палку. Когда Танакиль увидела старика, она вскочила, убрала руки за спину и принялась чесать одной ногой другую. Лику старательно подражала ей. Старик сначала помолчал. Потом указал головой в направлении прогалины и что-то резко произнес. Танакиль подобрала рукой конец кожаной ленты и направилась к дереву, таща за собой Лику. Тихо повернувшись, Лок увидел, что девочки исчезли в пещере. Когда он снова посмотрел в сторону воды, старик стоял и мочился у самого края берега. Потом он возвратился к дереву и постоял под ним, внимательно всматриваясь в кусты терновника, где находился страж. Он обогнул дерево с другой стороны и вгляделся снова, тревожно оглядываясь. Потом возвратился и оперся на дерево спиной, глядя на воду. Он пошарил рукой в своей шкуре на груди и достал какой-то ком. Лок принюхался, присмотрелся и понял, что это такое. Старик жевал то самое мясо, которое Лок бросил для Лику. Он стоял, упираясь спиной в дерево, нагнув голову, вывернув локти, и рвал, грыз, чавкал. Слышно было, как он упорно обрабатывает кус мяса, словно жук, грызущий ветви мертвого дерева.

Кто-то подходил. Лок слышал шаги, а старик, который неустанно жевал, не слышал. Человек обошел вокруг дерева, уви-

дел старика, застыл и взвыл от злости. Это был Хвощ. Он выско-чил на прогалину, подбежал к костру, и заорал, что было сил. Из лиственных пещер выползали люди, мужчины и женщины. Тем-нота над землей скрывала их, и Хвощ пнул бревна костра ногой так, что разлетелись искры и вспыхнули языки пламени. Потом бурный всплеск огня вытеснил мрачную темноту и озарил людей, стоявших под тихим, чистым небом. Старик орал возле бревен; Хвощ тоже орал, показывая на него, и полная женщина появилась из пещеры, с новым человечком, висящим на ее плече. Внезапно люди кинулись к старику. Он вскочил в одно из бревен, поднял деревянный лист и замахнулся. Сытая женщина закричала на лю-дей, и начался такой гвалт, что птицы, шумно хлопая крыльями, взлетели с деревьев. Голос старика был теперь мрачным, как опу-стившаяся темнота. Люди чуточку успокоились. Туами, который ни-чего не говорил, но все время держался рядом с сытой женщиной, теперь наконец произнес что-то, и люди шумно поддержали его. Старик показывал на голову оленя, лежащую у костра, но люди дружно повторяли вновь и вновь все то же слово и, если верить слуху, придвигались все ближе. Сытая женщина юркнула в пеще-

ру, и Лок увидел, что все сосредоточенно смотрят на вход. Она появилась, но не с новым человечком, а со знакомым зверем, который так и колыхался. Люди завопили и забили в ладони. Они быстро разбежались и возвратились, неся выдолбленные деревяшки, и зверь с плеча сытой женщины помочился в каждую. Люди выпили, и Лок видел при свете костра, как шевелились их кадыки. Старик махал руками, пытаясь вернуть их в пещеры, но они отказывались идти. Они вновь направились к сытой женщине и получили еще питья. Полная женщина сейчас уже не улыбалась, она взглянула на старика, на людей, а потом на Туами. Тот стоял вплотную к ней, улыбка расплзлась по его лицу. Сытая женщина попыталась вернуть зверя снова в пещеру, но Хвощ и другая женщина не позволили ей сделать это. Тут старик кинулся вперед, и в толпе началась драка. Туами стоял в стороне и смотрел на людей так, словно они были нарисованы его палкой в воздухе. Подбежали еще люди. Толпа кружилась на месте, все время дергаясь, а полная женщина визжала. Колыхающийся зверь спрыгнул с ее плеча и тут же пропал. Несколько человек бросились плашмя на него. Лок услышал лопающийся звук, и куча лежащих сделалась ниже. Затем люди расплзлись по сторонам, и открылся зверь, распластаный по земле, в точности как олень, которого рисовал Туами, но гораздо больший и гораздо более мертвый.

Лок зевнул. То, что он видел, было недоступно его пониманию. Глаза его закрылись, раскрылись снова. Старик поднял к небу обе руки. Он повернулся к людям, и голос его звучал так грозно, что они затряслись от испуга. Потом попятились. Сытая женщина тут же шмыгнула в пещеру. Туами куда-то пропал. Голос старика загремел, прервался, руки упали. Теперь везде наступила тишина и остался лишь страх, да запах кислятины отдохлого зверя.

Сначала люди молчали, чуть присев и отшатнувшись. Вдруг одна из женщин рванулась вперед. Она завизжала на старика, хлопая себе по животу, и устала в него свои сморщенные груди, открыв их напоказ, а потом плюнула в его сторону. Люди снова задвигались. Они кивали и орали. Но старик перекричал их, добился тишины и показал на оленью голову. Наступило молчание. Взгляды людей были направлены вперед и вниз, на оленя, который все рассматривал Лока маленьким глазом через дырку в густой листве.

В лесу за прогалиной слышался шум. И люди тоже, хотя и не сразу, этот шум слышали. Там кто-то выл. Кусты терновника заколебались, разошлись; Каштан, у которого левая нога была покрыта кровавыми потеками, возник в просвете, он скакал на одной

ноге, опираясь на Куста. Увидав костер, он упал на землю, и одна из женщин кинулась к нему. Куст приблизился к людям.

Веки Лока безвольно опустились и тут же раскрылись вновь. На одну секунду, словно во сне, он увидел внутри себя, как он рассказывает Лику про все это, а она, как и он сам, ничего не может понять.

Сытая женщина возникла возле пещеры, и с ней был новый человек, который трепал ее грудь. Куст что-то спросил. В ответ послышался вопль. Та женщина, которая открывала напоказ свою дряблую грудь, теперь показывала на старика, на мертвое дерево и на людей. Каштан плюнул на оленью голову, а люди снова завопили и еще придвинулись. Старик поднял руки и заговорил визгливо, грозно, но люди только фыркали и смеялись над ним. Каштан стоял вплотную к оленьей голове. Глаза его сверкали в огне костра, как два ярких камня. Он достал прут из-под своей шкуры, а другой рукой поднял гнутую палку. Он и старик неотрывно смотрели друг другу в глаза.

Старик шагнул в сторону и торопливо заговорил. Он приблизился к сытой женщине, вытянул руки, пытаясь отнять у нее нового человечка. Она быстро нагнулась и вцепилась в его руку острыми зубами, как поступила бы на ее месте любая женщина, отчего старик взвыл и запрыгал. Каштан положил прут на согнутую палку и потянул на себя рыжие перья. Старик перестал дергаться и двинулся прямо на него, выставив вперед ладони и защищаясь ими от прута. Когда старик уже почти мог дотронуться до волос Каштана, он остановился и стиснул в кулак пальцы на правой руке, выставив вперед указательный. Затем провел этим пальцем в воздухе и показал им на одну из пещер. Люди молчали, почти не дыша. Сытая женщина рассмеялась коротким птичьим смехом и снова стихла. Туами пристально смотрел старику в затылок. Старик бросил взгляд на прогалину, всмотрелся в темноту под деревьями, затем снова перевел взгляд на людей. Все они ждали, не говоря ни слова.

Лок зевнул и передвинулся в дупле под верхушкой дерева, чтобы не видеть ни этих людей, ни их стойбище, обозначенное теперь лишь отраженными проблесками костра, играющими на древесных листьях. Он поднял голову и посмотрел на Фа, приглашая ее прислониться к нему и выпаться, но она не обратила внимания на его призыв. Он видел ее лицо и глаза, которые зорко смотрели сквозь выюнок, широко распахнутые, немигающие. Она была так сосредоточена, что, даже когда он коснулся ее ноги, не шелохнулась и все смот-

рела. Он увидел, что рот ее раскрылся, дыхание стало прерывистым. Она с такой силой сжала трухлявый сук, что дерево захрустело и рассыпалось в ее ладони. Несмотря на все утомление, это вызвало у Лока удивление, а потом испуг. Он увидел внутри себя, как один из новых людей взбирается на дерево, вздрогнул и принялся раздвигать вьюнок. Фа кинула быстрый взгляд в сторону, и лицо у нее было как у спящего, которого мучают ночные кошмары. Она сжала руку Лока и заставила его опуститься ниже. Там она обняла его плечи и спрятала лицо у него на груди. Лок обнял ее одной рукой, и при этом объятии Лок-внешний почувствовал, как по телу растекается радостное тепло. Но Фа ощущала совсем другие чувства. Она снова стала на колени, привлекла Лока к себе, положила его голову на свою грудь, а сама все смотрела вниз сквозь листву, и сердце ее тревожно колотилось где-то у самой его щеки. Он хотел посмотреть, что ее так сильно испугало, но когда он попытался освободиться, она так сильно прижала его к себе, что он видел лишь ее тяжелую челюсть и глаза, широко открытые, открытые всегда, смотрящие сосредоточенно.

Летучая стая вернулась в него, а тело Фа было таким теплым. Лок смирился, зная, что Фа его поднимет, когда новые люди заснут, и они сумеют убежать вместе с детьми. Он прижался к ней теснее, обнял ее обеими руками, передвинул голову ближе к громкому сердцу, а руки Фа крепко держали его, и стая, которая теперь снова кружила, плавно перешла в далекий мир сна, наступившего от тяжелой усталости.

9

Он очнулся, стараясь вырваться из рук, которые прижимали его книзу, чьи-то локти давили на его плечи, а ладонь гладила по лицу. Он заговорил, забормотал бессвязно под пальцами, почти готовый их укусить, охваченный уже знакомым, но все-таки таким новым для него, страхом. Лицо Фа было совсем близко, она удерживала его, не давая вырваться, а он бил кулаками по листве и влажному, трухлявому дереву.

— Молчи!

Она произнесла это почти в полный голос, сказала так просто, обыденно, точно новых людей рядом уже давно не было. Он успокоился, совсем проснулся и увидел, как на густой листве пры-

гает и переливается лунный свет, блики его кое-где прорезают окружающую темноту и постоянно порхают из стороны в сторону. Небо над деревом было усыпано звездами, но они казались совсем маленькими и едва горели по сравнению с ярким костром. Пот обильно покрывал лицо Фа, и ее мохнатое тело, Лок это ощущал, тоже было в поту. Придя в себя, он тут же услышал и новых людей, которые шумели, как большая волчья стая. Они вопили, хохотали, пели, голосили на своем щебечущем языке, а огонь в костре буйно кидался вместе с ними в разные стороны. Лок повернулся и раздвинул рукой листья, чтобы увидеть, что творится внизу.

Вся прогалина была залита огненным светом. Новые люди вытащили на берег гигантские стволы, которые переправил через реку Хвощ, и укрепили их наклонно вокруг костра, так что верхними концами они подпирали друг друга. Костер не давал ни жара, ни покоя — он был ужасен, как водопад, как большой разъяренный кот. Лок увидел то дерево, которое убило Мала, его присоединили к общей куче, и твердые, напоминавшие уши, грибы, казалось, были раскалены добела. Из дымного шатра прорывались языки пламени, они были красные, и желтые, и белые, а вокруг рассыпались, тут же пропадая, маленькие искорки.

Да и сами новые люди напоминали огонь, они стали, как он, желтыми и белыми, потому что скинули свои меховые шкуры и остались нагими, лишь полосы кожи окутывали их чресла. Они скакали во все стороны, и волосы их распались и растрепались, так что трудно было различить женщин и мужчин. Сытая женщина опиралась на одно из долбленых бревен, обняв себя обеими руками, голая по пояс, тело у нее было белое с желтым отливом. Голову она откинула, шею изогнула, рот был широко раскрыт, она хохотала, а ее спутанные волосы рассыпались по дну долбленого бревна. Туами опустился на землю рядом с ней, прижимаясь лицом к ее левой руке; при этом он шевелился, не просто раскачиваясь то назад, то вперед, как пламя костра, нет, он двигался вверх, скользя губами, перебирая пальцами, поднимаясь все выше, словно глотал ее тело, и медленно приближался к нагому плечу. Старик свалился в другое полое бревно, и ноги его были перекинуты через боковины. В руке он держал овальный камень, ежеминутно поднося его ко рту, а в паузах пел. Остальные мужчины и женщины беспорядочно разместились на прогалине. У них в руках были такие же овальные камни, и теперь Лок понял, что новые люди

пьют из них. Он уловил острый запах питья. Это питье было вкуснее и крепче прежнего, оно было могучим, как огонь и водопад. Это была пчелиная вода, от нее несло медом, и воском, и прелью, она сразу и влекла, и отталкивала, страшила и возбуждала, как и сами новые люди. У костра лежало еще много таких камней с дырками наверху, и самый сильный запах шел как раз от них. Лок увидел, что люди, когда у них кончалось питье, подходили к этим камням, поднимали их и пили снова. Девочка Танакиль лежала, откинувшись навзничь перед одной из пещер, точно мертвая. Тут же мужчина и женщина дрались и целовались, гортанно вскрикивая, а другой мужчина безостановочно ползал вокруг костра, точно бабочка с опаленными крыльями. Он все ползал и ползал на карачках, но остальные даже не смотрели на него и только громче галдели.

Туами уже прикасался к шее полной женщины. Он тащил ее к себе, она хохотала и мотала головой, а руками сжимала его плечи. Старик распевал, люди дрались, мужчина все кружил на четвереньках возле костра, Туами тянулся к сытой женщине, а прогалина носилась взад-вперед и из конца в конец.

Света стало столько, что Лок ясно видел Фа. Глаза его утомились от постоянного мелькания, так как он пытался ничего не упустить, и теперь он, повернувшись, стал смотреть на нее. Тут, на далеком расстоянии от костра, лицо ее было совсем спокойным. Глаза смотрели сосредоточенно, они словно ни разу не моргнули и не глянули в сторону с тех пор, как она разбудила его. Картины в голове Лока сменяли одна другую, мечущиеся, как пламя костра. Они не несли никакого содержания и вдруг стремительно закружились, так что голова его, казалось, сейчас разорвется. Он искал слова, которые можно было бы сказать, но язык не слушался его, наконец он все-таки с трудом проговорил:

— Что это?

Фа не шевельнулась. Какое-то неясное понимание пришло к нему, такое нечеткое, что уже одно это сеяло ужас, будто он сопереживал с Фа видение, но внутри него не было глаз, чтобы его увидеть. Было здесь что-то сходное с чувством страшной опасности, которое Лок-внешний сопереживал с нею совсем недавно, но сейчас это чувство пришло к Локу-внутреннему, и он никак не мог с этим справиться. Тревога ворвалась в него, вытеснив и светлое чувство, которое пришло к нему после крепкого сна, и беспорядочные картины-видения, и проблески мысли, и жестокое

чувство голода, и мучительную жажду. Оно захватило его всего, и он не понимал, почему.

Фа медленно повернулась к нему. Глаза, в которых плавали крохотные костры, похожие друг на друга, как два близнеца, вращались точно глаза старухи, когда ее принесла к нему река. Губы ее задрожали, затрепетали совсем как у новых людей, сжались, потом раскрылись снова и тихо произнесли:

— Оа не рождала этих людей из своего чрева.

Сначала эти слова не сопровождались видением, но они соединились с чувством тревоги, переполнявшем Лока, и оно еще усилилось. Он снова всмотрелся сквозь листву, пытаясь уловить смысл услышанных слов, и тут увидел рот сытой женщины. Она брела прямо к дереву, опираясь на Туами, покачиваясь и пронзительно смеясь, так что Лок мог рассмотреть ее зубы. Они были узкие, отлично пригодные для того, чтобы кусать и жевать; а еще, они были маленькие, и два из них выглядели длинней остальных. Зубы эти были похожи на волчьи.

Костер обрушился с ревом, засыпая все вокруг потоком искр. Старик уже больше не пил, он валялся без движения в долбленном бревне, а другие люди сидели или лежали пластом, и звуки пения вокруг костра начинали затихать. Туами и сытая женщина, оступаясь, прошли под деревом и исчезли, так что Локу пришлось повернуться, чтобы не потерять их из виду. Сытая женщина двинулась было к воде, но Туами дернул ее за руку и заставил остановиться. Они стояли друг перед другом, сытая женщина казалась бледной с одного боку, откуда лила свет луна, и багровой с другого, где светился костер. Подняв голову, женщина расхохоталась прямо в лицо Туами и высунула язык, а он убеждал ее скороговоркой. Вдруг он обхватил ее обеими руками, грубо притиснул к груди, и они принялись бороться, задыхаясь от усилий, но не произнося ни слова. Туами рванул женщину книзу, схватил ее спутанные волосы и потянул, так что лицо ее запрокинулось в мучительной боли. Она вскинула правую руку, вцепилась ногтями в его плечо и дернула вниз с такой же силой, с какой он рвал ее за волосы. Тогда он прижал свое лицо к лицу женщины и опрокинул ее назад, через колено. Рука его скользила кверху, пока не обхватила ее затылок. Рука женщины, рвавшая мякоть его плеча, ослабела, скользнула неуверенно, обняла его, и тут они соединились, напряженно сливаясь в одно целое, чресла к чреслам, губы к губам. Сытая женщина сползала на землю, и Туами наклонялся

над ней. Он опустился на одно колено, а она обняла руками его шею. Она откинулась навзничь, закрыв глаза, тело ее обмякло, грудь высоко поднималась. Туами глухо зарычал и кинулся на нее. Теперь Лок снова увидел оскал ее волчьих зубов. Сытая женщина ворочала головой, и лицо ее снова исказилось, как тогда, когда она боролась с Туами.

Лок повернулся к Фа. Она не отрывала глаз от прогалины, особенно от горы светящихся в огне бревен, и шкура ее была мокрой от пота. Внутри него внезапно вспыхнуло видение: он вместе с Фа забирает детей и убегает подальше от этой прогалины. Прижавшись губами к ее уху, он шепнул:

— Может, заберем детей сейчас?

Фа вздрогнула, словно лунное сияние, проникавшее к ним сквозь густую листву, обожгло ее, как зимняя вьюга.

— Ждать!

Двое под деревом издавали странные звуки, точно ругались друг с другом. Сытая женщина ухала, как филин, а Туами рычал, как бывает, когда человек схватится со зверем, даже не веря в возможность победы. Лок посмотрел на них вниз и увидел, что Туами не просто лежит с сытой женщиной, но и кусает ее, потому что с уха у нее текла кровь.

Лок встревожился. Он протянул руку и коснулся Фа, но та только повернула к нему окаменелые глаза, и сразу ее тоже охватило то необъяснимое ощущение, которое было ужасней, чем ощущение близости Оа, которое он сразу узнал, но никак не мог осознать. Он сразу отдернул руку и принялся раздвигать листву, пока не провертел дырку, через которую были ясно видны костер и прогалина. Большинство людей исчезло в пещерах. Старика уже не было видно, лишь его ноги беспомощно болтались над боковинами долбленых бревен. Мужчина, вертевшийся вокруг костра, теперь опрокинулся на землю, уткнувшись лицом между овальных камней, в которых оставалась пчелиная вода, а страж все так же бодрствовал у стены из кустов терновника, опираясь на палку. Но, присмотревшись внимательно, Лок увидел, как он медленно сползает по этой палке, опускается под кусты и вот уже лежит неподвижно, а лунный свет пляшет на его обнаженной коже. Танакиль давно скрылась, и вместе с ней сморщенная женщина, теперь прогалина превратилась в пустынную землю вокруг все еще багровой, но сильно поблекшей груды дров.

Лок повернулся и снова посмотрел вниз на Туами и сытую

женщину: они уже испытали крайнее наслаждение, и теперь лежали, не шевелясь, в поту, который покрывал их тела, источая густой запах плоти и манящий медовый дух, который они влили в себя из овальных камней. Лок посмотрел на Фа, а она все еще молчала, облик ее вызывал страх, она явно видела внутри себя нечто такое, чего не было в темноте под плотной крышей вьюнка. Лок опустил глаза и непроизвольно стал шарить рукой по гнилому дереву, пытаясь найти любую еду. Но тут он, занятый поисками, сразу ощутил дикую жажду, а ощутив, уже не мог ее прогнать, избавиться.

Белая сова быстро пронеслась над деревом, а еще через секунду Лок услышал ее крик, который казался совсем далеким, хотя сама сова была еще близко. Теперь Лок снова смотрел на Туами и сытую женщину, и то, что они делали, уже не волновало его так остро, как раньше, когда они боролись, потому что и они не имели сил утолить его непомерную жажду. Он побоялся заговорить с Фа не только из-за ее необычной отстраненности, но больше потому, что Туами и полная женщина теперь совсем затихли и снова любое слово несло в себе опасность. Ему хотелось скорее забрать детей и убежать.

В костре дотлевали красноватые головешки, и свет его едва доставал переплетения веток, почек и побегов, плотным кольцом сомкнувшихся вокруг прогалины, так что они смотрелись темным пятном на фоне светлеющего неба. Земля на прогалине погрузилась в абсолютную тьму, и даже Лок мало что видел, несмотря на способность видеть ночью. Костер был сам по себе и словно уплывал прочь. Туами и сытая женщина, покачиваясь, вышли из-под дерева, но порознь, и разошлись в спустившихся сумерках к различным пещерам. Водопад шумел, звучали лесные голоса, треск и шелест чьих-то быстрых, незримых лап. Еще одна сова неслышно пролетела над прогалиной и исчезла за рекой.

Лок обернулся к Фа и шепнул:

— Пора?

Она тесно придвинулась к нему. Голос ее снова стал напряженным и властным, как он уже звучал, когда она вынудила его к повиновению на уступе:

— Я схвачу нового и перескачу через кусты. Когда убегу, прыгай и беги за мной.

Лок подумал, но ничего не увидел внутри себя.

— Лику...

Она затрясла его двумя руками:

— Фа говорит: сделай так!

Он резко повернулся, и листья вьюнка затрепетали, шумно шелестя.

— Но Лику...

— Я много вижу внутри себя.

Руки ее разжались и выпустили Лока. Он пригнулся к стволу дерева и увидел все, что случилось за прошедший день, видения эти снова завертелись в его голове. Он ощутил над ухом дыхание Фа, листья вьюнка шумно закачались, и он настороженно поглядел на прогалину, но там не было ни движения. Он видел только ноги старика, висящие над долбленным бревном, да еще сплошные черные дыры там, где расположились пещеры из веток. А костер все уплывал, охваченный бледным багрянцем, но центр его светился много ярче, и синие языки лизали сохранившиеся головешки. Туами вышел из пещеры и стоял у костра, глядя на умирающий огонь. Фа между тем показалась по грудь из вьюнка и прижалась к толстым ветвям дерева со стороны реки. Туами поднял сук и принялся сгребать им горячую золу в кучу, а оттуда вылетали искры, и поднимались дымные струи, и мерцали крохотные огненные глаза. Сморщенная женщина вылезла на прогалину и забрала у него сук, после чего некоторое время оба стояли, покачиваясь и обмениваясь короткими словами. Затем Туами скрылся в пещере, а еще через секунду Лок услышал шелест, значивший, что Туами откинулся на подстилку из сухих листьев. Лок понимал, что женщине теперь пора уходить; но она сначала принялась закидывать землей костер, пока он не превратился в черный холмик с огненной верхушкой. Женщина притащила большой кусок дерна и швырнула его поверх холмика, так что трава загорелась и затрещала, а прогалина озарилась внезапной волной красного света. Женщина стояла, покачиваясь у ног своей длинной тени, а свет вздрагивал, колебался и скоро угас вовсе. Лок слышал и ощущал, как она наощупь добралась до пещеры, опустилась на четвереньки и заползла в нее.

Сейчас он снова мог видеть в темноте. На прогалине установилось полное безмолвие, и в этой тиши он слышал, как шкура Фа трется о дряхлую кору на мертвом дереве, а это показывало, что она приближается к земле. Предчувствие неотвратимой беды охватило Лока; при мысли, что вот сейчас они обманут всех этих

людей, несмотря на их разнообразные удивительные выдумки, что Фа подбирается к ним, у него сжалось горло, так что ему стало трудно дышать, и сердце застучало, потрясая все его тело с головы до ног. Он сжал гниловатый ствол и спрятался за выюнком, закрыв глаза, бессознательно возвращаясь к тем часам, в течение которых они прятались на мертвом дереве в относительной безопасности. Запах Фа ощущался с той стороны, где недавно полыхал костер, сейчас он сопереживал с нею общее видение и увидел пещеру, возле которой гигантский медведь когда-то поднялся на дыбы. Запах Фа больше не ощущался внизу, видение исчезло, и он знал, что Фа превратилась в глаза, уши и нос, бесшумно приближаясь к пещере у кострища.

Сердце его билось уже чуть спокойнее, и он решился вновь глянуть на прогалину. Луна появилась из-за густого облака и осветила лес блеклым голубым светом. Он увидел Фа, она залегла, прижалась к земле, втиснулась в нее всем телом на расстоянии не больше чем в два ее роста от темного холмика на месте костра. Следом за первым облаком наплыло другое, и на прогалину опустилась темнота. Лок услышал, как у кустов, закрывавших путь к тропе, страж захрипел и с трудом встал на ноги. Потом стало

понятно, что его рвет, и слышался долгий стон. В голове Лока все смешалось. У него мелькнула неясная мысль, что новые люди думают остаться тут навсегда; они отдохнут, и примутся разговаривать, и будут осторожны или легкомысленны, твердо верящие в свое могущество, убежденные в абсолютной безопасности. К этому присоединилось другое видение, он увидел, как Фа не решается первой ступить на бревно, колышущееся на воде рядом с уступом; светлое чувство, которое он испытывал, и страстное желание оказаться сейчас рядом с ней глубоко слились со всеми другими его чувствами. Он двинулся под прикрытием вьюнка, раздвинул листья со стороны реки и нашел сучья, которые росли из ствола. Он полез вниз прежде, чем его чувства успели перемениться и сделать его прежним послушным, робким Локом; он соскочил в высокую траву под мертвым деревом. Теперь его целиком захватило воспоминание о Лику, и он крался мимо дерева, чтобы разыскать пещеру, в которой она находилась. Фа подкрадывалась к пещере справа от кострища. Лок направился левее, опустился на четвереньки и пополз к пещере, которая находилась за долблеными бревнами и горой неразобранных мешков. Бревна валялись там, где люди их бросили, будто и они тоже глотнули медового питья, а ноги старика все высывались из ближнего бревна. Лок скрылся за ним и осторожно понюхал свесившуюся ногу. На ней не было пальцев, или, точнее — сейчас он находился совсем рядом, — она была спрятана под шкурой, как бедра новых людей, и от нее остро пахло бычьей кожей и потом. Лок поднял голову и посмотрел за боковину бревна. Старик лежал внутри, растянувшись во всю длину, рот его был раскрыт, он храпел, пропуская воздух через тонкий длинный нос. Шкура Лока вздыбилась, он в страхе прижался к земле, словно глаза старика были открыты. Он съежился в комок среди рыхлой земли и высокой травы подле бревна и теперь, когда нос его свылся с запахом старика, не отвлекался на этот запах и принялся разбирать другие. Бревна пахли как море. Белизна на их боковинах была тоже белизной моря, горькой и заставляющей вспоминать о прибрежных песках и пенистом неумолчном прибое. Был здесь и запах сосновой смолы, и чего-то густого и липучего — запах, который нос Лока сразу определил, но только Лок не имел слова, чтобы его назвать. А еще были запахи многих мужчин, и женщин, и детей, и, наконец, самый неопределенный, но сильный запах, который состоял из многих, которые уже нельзя было разделить, потому что все они давным-давно соединились воедино.

Лок сдержал свою дрожь, теперь шкура его уже не щетинилась, и пополз мимо бревна, пока не достиг того места, где рядом с горячим, но уже мертвым кострищем валялись овальные камни. От них по-прежнему исходил стойкий, особенный дух, такой сильный, что Лок внутри себя видел его как свет или дым над дырами, в верхних концах камней. Запах этот, как и запах новых людей, отталкивал и властно манил к себе, страшил и соблазнял, он был как сытая женщина и одновременно как ужас, исходивший от оленя и старика. Локу так живо вспомнился олень, что он снова съехался в комок; но он не мог вспомнить, ни куда ушел олень, ни откуда пришел, он помнил лишь, что олень возник, появившись из-за мертвого дерева. Тут он обернулся, поднял голову и увидел мертвое дерево, опутанное густым вьюнком, огромное, с взъерошенной кроной, будто свисающей из облаков, как поднявшийся на дыбы пещерный медведь. Лок быстро пополз к шалашу, который находился слева. Страж у ограды из терновника снова захрапел.

Лок, ведомый нюхом, прячась под низкими ветвями, пробрался к пещере с задней стороны, где ощутил запах мужчины, еще мужчины, а рядом еще одного. Запаха Лику он не учуял, правда какой-то неопределенный запах проник в его ноздри, такой слабый, что он вообще почти не ощущался, но Лок чувствовал, что запах этот, видимо, чем-то связан с Лику. Где бы он ни принюхивался к почве, сознание это упорно сохранялось, но отыскать источник он никак не мог. Он осмелел. Оставив бесплодные случайные поиски, он перебрался к открытому входу в пещеру. Строя ее, люди сначала поставили стоймя две толстые палки, а на них положили поперек еще одну, длинную. Затем поверх длинной палки навалили наклонно огромное множество веток, так что на прогалине появился откос из зеленой листвы. Всего таких откосов возникло три, один слева, другой справа, а третий между кострищем и кустами терновника, где находился страж. Обрубленные концы веток были воткнуты в землю по кривой черте. Лок пробрался к концу этой черты и тихонько просунул голову внутрь. Шумное дыхание и храп, которые издавали люди, лежавшие внутри, были громкими и тяжелыми. Кто-то храпел так близко от лица Лока, что до спящего можно было свободно дотронуться рукой. Спящий заворчал, рыгнул, перевернулся на бок, и рука его дернулась так, что ладонь коснулась лица Лока. Он отпрянул, весь дрожа, затем, пригнувшись, вновь подался вперед и обнюхал руку. Она была бледная и

слегка блестела, слабая и безвредная, как рука Мала. Но она была уже и длинней и отличалась необычным цветом, белизной с трупным, как у гриба, отливом.

Сохранялось узкое пространство между этой рукой и тем местом, где ветки косо впивались в землю. Лок увидел внутри себя Лику, она была так неожиданно близко и при этом так далеко скрыта, что он, подчиняясь требовательному чувству, решительно пополз вперед. Он не знал, что именно заставит его делать это чувство, но точно знал, что вот сейчас, сразу, он обязан что-то сделать. Он неслышно полез дальше через узкое пространство, как змея ввинчивается в нору. Здесь дыхание ударило ему прямо в нос, и он застыл. Чье-то лицо оказалось рядом с его лицом, так что он мог легко тронуть его рукой. Он ощутил прикосновение странных волос, увидел необычно вытянутую голову, похожую на костяную скалу, которая высоко тянулась над бровями. Рассмотрел он и тускло поблескивающий глаз под неплотно сжатыми веками, кривые волчьи зубы и ощутил на своем лице дыхание с медово-кислым запахом. Лок-внутренний сейчас соперживал вместе с Фа кошмар, полный ужаса, но Лок-внешний был бесстрастен, отчаянно храбр и холоден как лед.

Он вытянул руку над храпящим мужчиной и нащупал пустое пространство, а затем листву и землю на внешней стороне. Он смело оперся ладонью об эту землю и готов был перепрыгнуть через спящего. Но мужчина внезапно заговорил. Слова бурлили глубоко в горле, точно языка у него совсем не было, и мешали ему дышать. Грудь принялась высоко подниматься и опускаться. Лок убрал руку и вновь прижался к земле. Мужчина принялся лупить руками по листьям; его кулак ударил Лока с такой силой, что у того из глаз посыпались искры. Он отпрянул, а мужчина весь выгнулся, так что его живот поднялся выше головы. Щебечущие слова лились без перерыва, а руки колотили, цепляясь за косые ветви. Голова мужчины обернулась к Локу, и он увидел, что широко распахнутые глаза смотрят на него в упор, вращаясь вместе с головой, так же, как глаза старухи, когда она плыла по реке. Глаза эти смотрели куда-то через Лока, и шкура его сжалась от холодного ужаса. Мужчина изгибался все круче, слова перешли в короткое карканье, которое раздавалось все громче и громче. В одном из ближайших шалашей слышался шум, разнесся пронзительный женский визг и тут же крик ужаса. Мужчина подле Лока рухнул на бок, затем, шатаясь, поднялся на ноги и стукнул кулаком

по веткам так мощно, что они обрушились и смешались. Мужчина, продолжая шататься, шагнул вперед, и его карканье превратилось в крик; на который тут же кто-то ответил. Остальные мужчины рвались из пещеры с отчаянными криками, сбивая ветки на землю ударами кулаков. Охранник у кустов терновника, запинаясь, бродил во тьме и размахивал руками, будто ловил невидимого призрака. Рядом с Локом кто-то вырвался из кучи сломанных ветвей, туманным взором окинул первого из мужчин и взметнул над ним здоровую палку. Неожиданно прогалина, погруженная в ночь, заполнилась людьми, которые с оглушительными воплями перемешались в большой свалке. Кто-то выворотил ногами дернины и пинками отбросил их в стороны от кострища, после чего слабое свечение, а затем огненные языки взлетели к небу, озарив землю, где метались люди, окруженные плотной стеной деревьев. Тут же метался выпрыгнувший из долбленого бревна старик, седые волосы обвевали его голову и лицо. Лок заметил и Фа, она убегала без маленького человечка. Она увидела старика и резко отпрянула в сторону. Еле различимый человек рядом с Локом взмахнул здоровенной палкой так грозно, что Лок непроизвольно задержал ее. Дальше он метался среди хаоса чужих рук, ног, зубов и клыков. Ему удалось выбраться, а в этой свалке не прекращалась драка и злобное рычание. Он увидел, как Фа гибко изогнулась, прыгнула в гущу терновника и исчезла за ним, увидел, как старик, страшный, как кошмар, одни лишь волосы и светящиеся глаза, колотил палкой с утолщением на конце прямо по куче суевившихся людей. Лок, перепрыгивая кусты терновника, увидел, как охранник ломится прямо через них. Лок опустил руки и кинулся бежать, но, когда кусты хорошо спрятали его, остановился. Он видел, как охранник пронесся рядом, держа наизготовку гнутую палку и прут, шмыгнул под низкую ветку бука и исчез в лесу.

Костер на прогалине уже ярко пылал. Старик стоял рядом с ним, а другие мужчины с трудом поднимались с земли. Старик орал, указывая рукой в темноту, и, наконец, один из мужчин, пошатываясь, дотащился до терновника, затем встряхнулся и побежал следом за охранником. Женщины плотно окружили старика, и среди них находилась девочка Танакиль, она протирала глаза обратной стороной руки. Двое мужчин возвратились, что-то прокричали старику и, ломая терновник, выскочили на прогалину. Теперь Лок увидел, как женщины швыряют в костер ветки, те ветки, из которых была построена одна из пещер. Сытая женщина тоже

появилась здесь, она заламывала руки и голосила, а новый человечек висел у нее на плече. Туами что-то торопливо объяснял старику, показывая в сторону леса, а затем на землю, где виднелась голова оленя. Костер поднимался все выше; огромные ветви вместе с листвой загорались и вспыхивали с громким треском, так что деревья, окружавшие прогалину, стали отчетливо видны. Люди сошлись вокруг костра, повернувшись к нему спинами и всматриваясь в мрачный лес. Затем они разбежались по пещерам и быстро вернулись назад, таща ветки, которые принялись подбрасывать в костер, и огонь с каждой охапкой прибавлял все больше света. Потом люди начали выносить цельные звериные шкуры и натягивать их на себя. Полная женщина успокоилась и кормила грудью нового человечка. Лок видел, как остальные женщины осторожно его гладили, что-то приговаривая, протягивая ему раковины, висевшие у каждой вокруг шеи, но постоянно озираясь на черные деревья, окружавшие поляну. Туами и старик тревожно разговаривали, прерывая слова кивками. Лок ощущал себя неуязвимым под защитой ночи и все же понимал, насколько могущественны эти люди, освещенные огнем. Он закричал:

— Где Лику?

И увидел, как люди оцепенели, и съежился в комок от страха. Одна лишь девочка Танакиль завизжала, но стихла, когда сморщенная женщина рванула ее за руку, затрясла и заставила замолчать.

— Верните Лику!

Каштан, освещенный костром, прислушивался, нагнув голову вбок и пытаясь уловить ухом, откуда слышится голос, и одновременно готовил гнутую палку.

— Где Фа?

Палка круто выгнулась и сразу распрямилась. Через краткий миг что-то просвистело в воздухе мимо Лока, как птичье крыло; послышался отрывистый щелчок, затем деревянный треск и хруст. Одна из женщин бросилась к той пещере, в которую недавно забрался Лок, и притащила целую кучу веток, и всю сразу кинула в огонь. Темные лица людей мрачно всматривались в чащу леса.

Лок повернулся и отдался своему нюху. Он пробежал через тропу, нашел запах Фа и запах двоих мужчин, которые гнались за ней. Он рысцой понесся вперед, опустив нос близко к земле,

следуя за запахом, который должен был помочь ему найти Фа. Он почувствовал жгучее желание снова услышать ее голос и прижаться к ней всем телом. Убыстрив бег, он кинулся через предрассветную тьму, и запахи объясняли ему, что и как здесь происходило. Вот следы Фа, далеко отстоящие друг от друга, такими длинными скачками она неслась, пальцы ее ног оставили на земле вмятины, похожие на маленькие полумесяцы. Он заметил, что сейчас, на далеком расстоянии от костра, видит гораздо лучше, потому что за лесом уже наступал рассвет. И снова он вспомнил о Лику. Он вернулся назад, взлетел на развилину бука и сквозь ветки осмотрел прогалину. Охранник, который преследовал Фа, теперь вытанцовывал перед новыми людьми. Затем он опустился на землю и, как змея, подполз к разваленным пещерам; здесь он поднялся на ноги; затем возвратился к костру, по-волчьи лязгая зубами, так что люди от него отпрянули. Он указал рукой на пещеру; затем изобразил бегущее наклонившееся существо, ударяя руками, как птица крыльями. Он подбежал к терновнику, провел рукою поверх него линию в воздухе, затем продолжил эту черту выше и выше до верхушек деревьев и закончил жестом, который показывал изум-

ление. Туами что-то быстро говорил старику. Лок видел, как он стал на колени около костра, и принялся рисовать что-то на земле. Лику там не было видно, а сытая женщина забралась в одно из долбленных бревен, и новый человечек сидел у нее на руках.

Лок соскочил на землю, снова нашел след Фа и помчался по этому следу. Отпечатки ее ног отражали ужас, и от сочувствия ей шкура Лока поднялась дыбом. Он добежал до того места, где преследователи задержались, и тут же увидел, как один из них ступил вбок, где его беспалые ступни оставили на земле четкие отметины. Увидел он и заминку между прыжками там, где Фа подпрыгнула на месте. А потом ее кровь, которая пятнала сырую траву и шла по неровной дуге от леса назад к болотине, через которую раньше было переброшено бревно. Он пронесся по следу через тесные колючие заросли, измятые преследователями. Он пробежал то место, где они прекратили охоту и повернули назад, он не ощущал колючек, раздиравших его шкуру. Затем он нашел место, где ее ноги, точно так же, как теперь его собственные, прятались в жадной трясине и оставили глубокий след, который уже заливала гнилая, мутная вода. Прямо перед ним тянулось болото, сверкающее и страшное. Пузыри уже не поднимались со дна, и тот растревоженный ил, который бурными разводьями всплыл тогда наверх, уже осел, точно ничего и не было. Даже пена, и тина, и липкая лягушачья слизь отплыли с этого места и неподвижно застыли на мертвой воде под грязными, опустившимися ветками. Тут следы и кровь пропали; тут был запах Фа, источавший ее ужас, а дальше все исчезло.

10

Стало светлее, и черная вода в болотинах засеребрилась. В тростниках и вересковых зарослях запели птицы. Где-то вдали многократно протрубил гигантский олень. Болото жадно хватало ноги Лока, опустившиеся уже по колени, и он должен был размахивать руками, чтобы не упасть. В голове у него был туман, а под ним скрывался глухой, гнетущий голод, который непонятным путем спускался по телу и подбирался к сердцу. Нос Лока произвольно нюхал воздух, чтобы узнать, нет ли рядом какой еды, и взгляд скользил то в одну сторону, то в другую, на трясину и густое кружево вереска. Он изловчился, подобрал пальцы ног, вы-

дернул ступни из трясины и на четвереньках добрался до берега, где земля была плотной. Воздух согревался, и крошечные насекомые звенели крыльями и тоненько жужжали, и гудели, как голова после сильного удара. Лок потрянул головой, но тонкий, противный звон не отступал и мучительная тяжесть лежала на сердце.

На опушке под деревьями таились в земле луковицы, их молодые ростки совсем недавно выбрались из почвы. Лок выдергивал их ногами, передавал руке и бросал в рот. Лок-внешний вроде бы совсем и не хотел есть, но Лок-внутренний заставлял зубы жевать, а горло раздуваться и глотать. Он ощутил, что его мучает жажда, и побежал снова к трясине, но хлябь стала совсем иной: сейчас она пугала, чего не было, когда он разыскивал Фа по ее запаху. Ноги его отказывались туда идти.

Колени Лока согнулись. Он ринулся назад по опавшей листве и веткам, причем голова его поднялась, повернулась, глаза дико озирались, удивленные глаза над раскрытым во всю ширь ртом. Из этого рта вылетел страдальческий крик, долгий и хриплый, в нем слышны были боль и горесть человека. Пронзительный писк летучих тварей не смолкал, и водопад все так же шумел у подножья горы. Где-то далеко снова затрубил олень.

Горестный крик Лока стих, теперь он прислушивался к земле и на время забылся. Он опустился на четвереньки, пополз, выковыривая пальцами съедобные луковицы и отправляя их в рот. Жажда вновь заговорила в нем, Лок опустился на корточки и стал искать рядом с собой твердую землю у края воды. Он повис вниз головой на ветке, опустившейся к самой воде, и принялся пить из черной, как агат, глади.

Со стороны леса слышались шаги. Лок выскочил на сушу и увидел двоих новых людей, которые стремительно пронеслись среди деревьев, с гнутыми палками в руках. Слышно было, как на прогалине шумно галдят другие, как ударяются друг о друга долбленные бревна, как рубят деревья. Лок вспомнил про Лику и кинулся к прогалине, добежал до кустов, из-за которых уже не было видно, что делают новые люди.

— Э-эх! Э-эх! Э-эх!

Внезапно Лок увидел внутри себя, как долбленное бревно выползло носом на берег, а потом неподвижно застыло на прогалине. Он пополз вперед и притаился. На реке уже не оставалось бревен, а значит, они оттуда уже не могли вылезти. Теперь он увидел внутри себя, как бревна возвращаются назад в воду, и это было

совсем необъяснимо, но столь явственно связано с прошлым видением и со звуками, которые разносились по прогалине, что он сообразил, почему именно первое видение вызвало второе. Это был какой-то перелом — Лок ощутил гордость и скорбь и превратился в Мала. Он тихо сказал зарослям вереска, усыпанного юными побегами:

— Теперь Лок стал Малом.

Внезапно ему показалось, что у него совсем другая голова и в ней множество видений, в которых он сумеет легко разобраться, лишь только пожелает. Видения неведомо как возникали в нем. Они свивались в ту общую нить жизни, которая навсегда соединила его с Лику и с новым человечком; видения не обходили и новых людей, к которым Лока-внешнего и Лока-внутреннего неудержимо влекло по зову крови, смешанному со страхом, потому что он знал: эти люди убьют его, как только сумеют это сделать.

Он увидел внутри себя, как Лику смотрит нежными, любящими глазами на Танакиль, и понял, почему Ха, поборов весь страх, рванулся навстречу своей неожиданной смерти. Он изо всех сил уцепился за кусты, а волны страстного чувства охватывали и заполняли его, и тогда он внезапно закричал, что было сил:

— Лику! Лику!

Люди на прогалине сразу же прекратили работу, и стук сменился грозным долгим треском. Прямо перед собой Лок увидел голову и плечи Туами, а затем это видение сразу сдвинулось в сторону, и целое дерево, сметая все вокруг густой яркой листвой и кривыми сучьями, обрушилось на землю. Когда зелень обрела покой, Лок снова увидел прогалину, потому что в терновнике открылся проход и через него лезли долбленные бревна. Новые люди отрывали бревна от земли и с трудом тащили все вперед и вперед. Туами кричал, а Куст рвал гнутую палку, пытаясь сдернуть ее с плеча. Лок отбежал подальше и остановился лишь когда новые люди стали выглядеть малыми детьми у самого начала тропы.

Бревна не уходили назад в реку, а лезли вверх, к горному склону. Лок старался вызвать внутри себя следующее видение, которое прояснило бы все это, но не смог, а потом голова его вновь стала прежней головой Лока, и в ней была одна пустота.

Туами рубил дерево, отсекая не ствол у основания, а тонкую верхушку, усыпанную ветками. Лок сразу понял это по стуку, который слышал еще издалека. Слышал он и крик старика:

— Э-эх! Э-эх! Э-эх!

Бревно показалось на тропе. Оно ехало на других бревнах, перекатывалось по ним, а те увязали в мягкой земле, и люди задыхались и кричали, надрываясь от трудных усилий и страха. Старик, который сам даже не притрагивался к бревнам, шумел больше всех. Он скакал, бегал, приказывал, уговаривал, копировал усилия людей и пыхтел вместе с ними; его пронзительный птичий голос неумолчно носился в воздухе. Женщины и девочка Танакиль двигались рядами по бокам долбленого бревна, и даже полная женщина толкала его сзади. В самом бревне находилось лишь одно живое существо: новый человек стоял на дне, ухватившись за боковину и недоуменно тараща глаза на всю эту сутолоку.

Из кустов на тропу вылез Туами, таща огромный обрубок древесного ствола. Он опустил его на землю и покатил к бревну. Женщины столпились у носа, откуда сурово смотрели глаза, затем дернули его вверх и вперед, обрубок закрутился под бревном, и оно свободно покатилося на нем по мягкой земле. Глаза пропали, а Куст и Туами уже подходили сзади с другим обрубком, так что бревно ни разу не дотронулось до земли. Всюду кипело безостановочное движение и круговорот, словно пчелы роились вокруг щели в утесе, какая-то бурная, но сосредоточенная торопливость. Бревно бежало по тропе, придвигаясь к Локу, а внутри новый человек покачивался, прыгал, иногда верещал, но все время смотрел, не отрываясь, на ближайшего к нему или же на самого заметного из новых людей. А Локу здесь не было; но Лок, вдруг научившись думать, как Мал, вспомнил, что сзади есть еще одно бревно и куча мешков.

Если новый человек увлеченно глазел вокруг, то Лок был целиком сосредоточен на приближении новых людей, так, любуясь приливной волной, иногда можно забыть, что надо отступить от берега, пока вода не залила ноги. Только когда новые люди подошли так близко, что стало видно, как каток мнет траву, Лок вспомнил об опасности, исходящей от этих людей, и быстро скрылся в лесу. Остановился он, когда они пропали из виду, но голоса их все еще доносились до него. Женщины надрывно кричали, изо всех сил толкая бревно все дальше и дальше, а в голосе старика уже проступала хрипота. Лок нес в себе столько разных чувств, что уже совсем ничего не понимал. Он страшился новых людей, но и жалел их, как пожалел бы заболевшую женщину. Он бродил под деревьями и машинально собирал еду, а если не находил сов-

сем никакой, то даже не сознавал этого. Он уже снова ничего не видел внутри себя и превратился в какую-то глубокую пропасть чувств, которые нельзя было понять или утратить. Вначале он думал, что виной этому голод, и заталкивал в рот все, что было под рукой. Но вдруг он увидел, что забивает себе рот мелкими скользкими веточками с кислой и несытной сердцевинкой. Он столько их проглотил, что ему стало плохо — он упал на четвереньки и извергнул из себя веточки все до последней.

Голоса постепенно удалялись, и теперь Лок уже слышал только старика, когда тот приказывал или ругался. Здесь, где лес переходил в трясину, где над кустами, одинокими ивами и водой виделось чистое небо, ничто не говорило о новых людях. Лесные голуби любезничали, увлеченные любовной игрой; вокруг все было по-старому, на том же месте оставалась даже толстая ветка, на которой совсем недавно раскачивалась и хохотала девочка, вся покрытая рыжей шерстью. Все вокруг отдыхало и благоденствовало в теплой тишине. Лок поднялся на ноги и поплелся вдоль края трясины к болоту, где обрывался след Фа. Быть Малом оказалось и сладко, и трудно. Изменившийся Лок понимал, что многое ушло навсегда, как уходит без следа морская волна. Он знал, что к страданию можно привыкнуть и жить с ним, если быть терпеливым, как терпелив мужчина к злобным уколам колючек, и еще он хотел понять новых людей, которые все перевернули в его жизни.

Лок открыл «Сходство». Сам того не понимая, он видел рядом с собой какое-то сходство всю свою жизнь. Грибы на стволе дерева, например, были очень сходны с ушами. Теперь, быстро схватывая столь многое, Лок увидел, что использует сходство как орудие так же естественно, как прежде рубил ветки или мясо. Сходство словно даже могло спрятать в кулаке чужих людей, могло перенести их в тот мир, где они становились уже чем-то понятным, а не выдуманным, посторонним и чуждым.

Лок увидел внутри себя, как эти люди-охотники выходят с гнутыми палками, непобедимые и устрашающие.

«Эти люди как изголодавшийся волк в дупле дерева».

Лок вспомнил, как полная женщина спасала нового человечка от старика, вспомнил ее смех, вспомнил и мужчин, которые все дружно тащили тяжесть и при этом еще улыбались друг другу. «Эти люди как мед, что капает из щели в утесе».

Он вспомнил играющую Танакиль, ее проворные пальцы, ее веселье и ее удары палкой.

«Эти люди как мед в овальных камнях, новый мед, который пахнет смертью и жгучим пламенем костра».

Стоило этим людям появиться, и они заполнили всю пустоту, которая возникла после ухода прежних людей.

«Они как река и водопад, они родились из водопада: против них не выстоит никто и ничто».

Лок вспомнил, как неимоверно велико было их умение терпеть, вспомнил Туами, сделавшего оленя из цветной земли.

«Они как Оа».

В голове у Лока образовалась путаница и возникла темнота; а затем он вновь стал прежним Локом и бессмысленно слонялся по трясине, и к нему возвратился голод, унять который не могла никакая пища. Он слышал, как новые люди вернулись по тропе на прогалину, где лежало другое бревно, теперь они молчали, но их выдавал звук шагов и шорох. Видение, яркое, как солнечный свет, вспыхнуло в голове у Лока, но пропало раньше, чем он смог как следует его разглядеть. Он остановился, запрокинув голову и раздувая ноздри. Уши его поймали следы суетливой жизни болота, отринув шум новых людей, и теперь хорошо были слышны болотные курочки, которые шумно рассекали воду округлыми грудками. Они сходились с разных сторон, потом заметили Лока, резко свернули и дружно умчались в сторону. Следом мелькнула водяная крыса, подняв нос и рывками разрезая воду. Из вересковых зарослей, которые кучками были раскиданы по болотинам, слышался плеск, шорох и чавканье. Лок отбежал немного, но тут же возвратился. Он пробрался по трясине и стал осторожно отводить густое кружево веток, которые мешали ему смотреть. Плеск затих, и только поднятая недавно рябь ласкала кустарник, заливая следы Лока. Он принюхался, втянул носом воздух, и кинулся напрямик, ломая кусты. Затем сделал несколько шагов по воде и начал вязнуть в трясине. Снова послышался плеск, и Лок, смеясь и что-то бормоча, как во хмелю, кинулся туда. Лок-внешний ошетинился от мокрого прикосновения к его бедрам и злобной хватки трясины, в которую все глубже опускались ноги. Ощущение тяжести и голода росло, оборачиваясь плотным облаком, которое светилось под лучами солнца. И вдруг тяжесть пропала, возникла легкость, и он принялся смеяться и повто-

рять, как хлебнувшие меда люди, смеялся и смахивал с глаз воду! И вспыхнуло четкое видение.

— Я тут! Я спешу!

— Лок! Лок!

Руки Фа были подняты, кулаки сжаты, зубы стиснуты, она согнулась и с великим трудом брела через воду. Вода все еще касалась их бедер, когда они прижались друг к другу и неловко двинулись к берегу. Еще до того, как они выволокли ноги из хлюпающей жижи, Лок уже смеялся и повторял:

— Плохо быть одному. Очень плохо быть одному.

Фа, опираясь на него, едва двигалась.

— Мне больно. Это сделал тот мужчина своей палкой с камнем на конце.

Лок бережно тронул ее бедро. Кровь уже не сочилась, и лишь черная корка закрывала рану, как распухший от жажды язык.

— Плохо быть одному...

— Когда тот мужчина ударил меня, я спряталась в воду.

— В воде страшно.

— Лучше вода, чем новые люди.

Фа сняла руку с его плеча, и они опустились на землю под рослым буком. Новые люди возвращались с прогалины и волокли второе долбленое бревно. На ходу они пыхтели и тяжело, с всхлипами, дышали. Двое охотников, которые ушли раньше, теперь встречали других криками с голого склона горы.

Фа вытянула раненую ногу.

— Я ела яйца, и камыши, и лягушачью слизь.

Лок увидел, что руки его сами собой стремятся к ней и касаются ее тела. Она глянула на него с сумрачной улыбкой. Он вспомнил ту их мгновенную связь, которая делала беспорядочные видения ясными как день.

— Теперь Мал — это я. Трудно быть Малом.

— Трудно быть женщиной.

— Новые люди как волк и как мед, как кислый мед и как водопад.

— Они как огонь в лесу.

Вдруг внутри у Лока возникло видение, оно поднялось из каких-то тайных глубин. На миг ему подумалось, что видение живет вне его и весь мир сразу стал другим. Сам он совсем не вырос,

остался таким же, каким был до сих пор, но все кругом неожиданно и резко выросло. Деревья стали высотой с гору. И он уже не стоял на земле, а мотался, вцепившись руками в гнедую, с рыжиной, шерсть, покрывавшую чей-то загривок. Перед ним была голова, и хотя он не мог увидеть лица, но это было лицо Мала, а впереди неслась Фа гигантского роста. Деревья над ними выплескивали в небо огненные языки и грозно обжигали Лока горячим дыханием. Нужно было спешить и спешить, и шкура вновь стала тесной — от ужаса.

— Теперь все совсем как тогда, когда огонь убежал и поедал в лесу деревья.

Шум, который издавали люди и продвигающиеся вперед бревна, доносился издалека. Убежавшие вперед с резким топотом возвратились по тропе на прогалину. Затем на мгновение послышалась птичья речь и тут же смолкла. Шаги протопали назад по тропе и стихли. Фа и Лок поднялись на ноги и двинулись к тропе. Они не обменялись ни одним словом, но в их извилистом, осторожном движении скрывалась мысль, что невозможно уже просто взять и уйти от новых людей. Пусть они были страшны, как огонь или река, но они манили к себе, как мед или мясо. Тропа тоже стала другой, как и все, к чему притрагивались новые люди. Земля была изрыта и разбросана, катки выдавили, а затем укатали такой широкий путь, что кроме Лока и Фа еще кто-нибудь третий мог пройти здесь, касаясь их плечом.

— Они катали свои долбленные бревна по толстым сучьям, которые вертелись. Новый человечек был в одном бревне. А Лику будет во втором.

Фа тоскливо посмотрела ему в лицо. Потом показала на след, оставленный на гладко укатанной земле.

— Они прошли по нам, как долбленное бревно. Они как холодная зима.

Прежнее щемящее чувство снова захватило Лока, но теперь, когда Фа была рядом с ним, эту тяжесть можно было выдержать.

— Теперь остались только Фа, и Лок, и новый, и Лику.

Потом она долго смотрела на него. Она дала ему руку, и он принял ее. Она шевельнула губами, пытаясь что-то сказать, но не произнесла ни слова. Только рванулась всем телом, а затем ее стала колотить дрожь. Лок видел, как она справилась с дрожью, словно вьюжным утром покидала теплую пещеру. Наконец она убрала руку.

— Идем!

Костер еще догорал, окруженный широкой полосой пепла. Ветки с шалашей были содраны, хотя опорные столбики еще сохранились. А земля на прогалине была взрыта, словно тут пронеслось целое стадо рогатых зверей, удирая от хищников. Лок пробрался к краю прогалины, а Фа держалась за ним. Он медленно прошелся по прогалине. В центре были рисунки и приношения.

Фа обнаружила их и вместе с Локом подошла с опаской, они обошли это место кругом, озираясь, насторожив уши, чтобы вовремя услышать новых людей, если те возвратятся. Рисунки были обожжены огнем, а оленья голова все так же бесстрастно, в упор, смотрела на Лока. Это был уже другой олень, откормленный и праздничный по весне, а на нем поперек лежал кто-то еще. Этот верхний был красного цвета, он широко разбросал огромные руки и ноги, а лицо глядело вверх на Лока, угрожающее и бессмысленное, потому что вместо глаз были круглые белые камешки. Волосы на голове, торчавшие дыбом, смотрели в разные стороны, словно этот человек творил какую-то звериную жестокость, а тело было проткнуто насквозь длинной палкой, и ее острый конец, расщепленный и обмотанный куском меха, глубоко утопал в оленьей туше. Люди отшатнулись в благоговейном ужасе, ведь они никогда не видели ничего подобного. Потом они возвратились и робко подошли к приношениям. Цельная оленья ляжка, сырая, но обескровленная, болталась на палке, и камень с медовым напитком стоял возле оленьей головы. Внутри него ощущался запах меда, как дым и огонь из костра. Фа коснулась мяса, оно резко качнулось, и она сразу отдернула руку. Лок кругом обошел тело, лежавшее поперек оленя, стараясь не коснуться раскинутых рук и ног, и осторожно протянул руку. Еще секунда, и оба принялись терзать приношение, разрывая мышцы в лохмотья и давясь сырым мясом. Прервались они, только когда наелись до такой степени, что их туго набитые животы готовы были лопнуть, а с палки свисала на кожаной полосе лишь белая, начисто обглоданная кость.

Наконец Лок вздохнул и вытер руки о ляжки. Все так же, ни слова не говоря, двое посмотрели друг на друга и опустились на корточки возле сосуда. Далеко на склоне, который вел к уступу, слышался голос старика:

— Э-эх! Э-эх! Э-эх!

Из открытой горловины сосуда поднимался густой дух. На краю сидела муха, неподвижно, как бы в забытии, но лишь только

Лок приблизил губы, она ощутила его дыхание, затрепетала крыльями, поднялась в воздух и тут же опустилась снова.

Фа тронула Лока за руку:

— Не бери это.

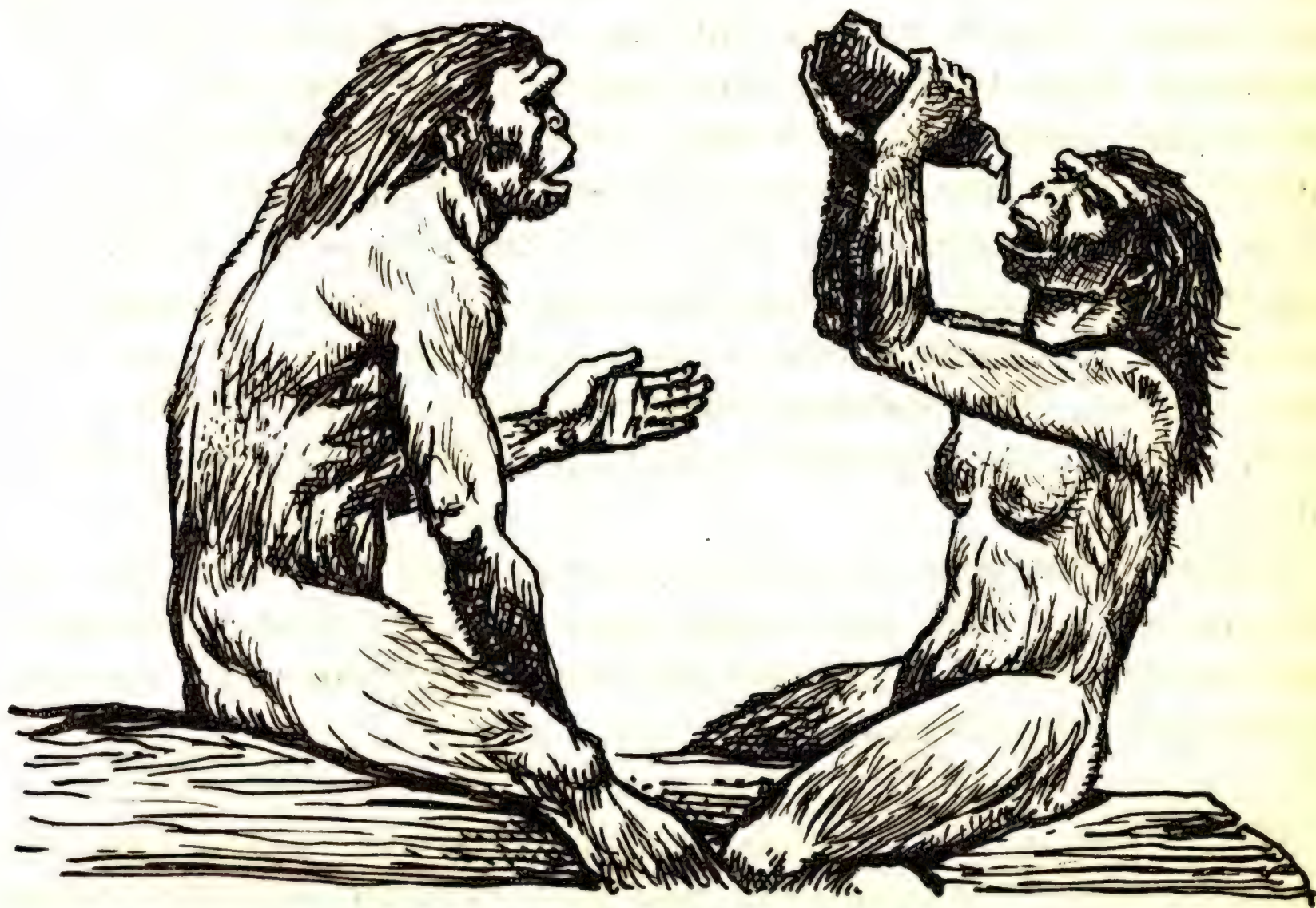
Но Лок уже почти дотронулся до сосуда губами, ноздри его раздувались и дергались. Он хрипло произнес:

— Мед.

И сразу припал к горловине, опустил в нее губы и начал пить. Прокисший мед обжег ему небо и язык, так что он откинулся на спину, а Фа кинулась бежать от питья мимо кострища. Потом она повернулась, глядя на Лока с испугом, а он отплевался и вновь подполз к вожаденному сосуду с медовым духом. Здесь он снова осторожно приник к горловине, пробуя напиток. Затем почмокал губами и отпил еще. В восторге он сел на землю и засмеялся ей в лицо:

— Пей.

Робко она склонилась над горловиной и окунула язык в огненное сладостное зелье. Внезапно Лок упал на колени, наклонился

вперед и, что-то бормоча, оттолкнул ее так резко, что она шлепнулась назад и очень удивилась. Пока она сидела и облизывалась, Лок присосался к сосуду и глотнул трижды подряд, но на третий раз он уже не достал до поверхности меда, напиток дразнил его, так что он втянул один воздух, захлебнулся им и громогласно, взახлеб, раскашлялся. Фа бесполезно попыталась достать мед языком и принялась сердито упрекать Лока. Подумав, она застыла на мгновение, затем подняла сосуд и поднесла ко рту, так же, как это делали новые люди. Лок, глядя на ее лицо, слившееся с камнем, засмеялся и пытался показать ей, как смешно она выглядит. Но тут он вспомнил про мед, вскочил на ноги и стал отнимать у нее каменный сосуд. Но сосуд этот словно прилип к ее лицу, и когда Лок дернул его вниз, ее лицо тоже опустилось. Потом они дергали сосуд, каждый в свою сторону, и вопили друг на друга. Лок услышал свой собственный голос, резкий, громкий и дикий. Он разжал руки, вслушиваясь в этот новый свой голос, и Фа отшатнулась вместе с сосудом. Тут Лок увидел, что деревья качнулись медленно, очень плавно, в сторону и кверху. Внутри него возникло замечательное видение, которое все расставило по своим местам, и он попробовал поведать об этом Фа, но она даже не слушала его. Тут наступила полная пустота, он лишь видел внутри себя, что уже смотрел на это раньше, и его охватила дикая злость. Он догнал это видение голосом и услышал себя как бы со стороны, отделенного от Лока-внутреннего, услышал, что хохочет и крикает, как селезень. Но одно самое важное слово было первоосновой видения, и хотя само видение пропало, точно испарилось, Лок попытался удержать хотя бы это слово. Он перестал хохотать и с важностью обратился к Фа, которая все стояла, спрятав лицо в каменном сосуде.

— Бревно! — произнес он. — Бревно!

Тут он вспомнил про мед и с возмущением вырвал сосуд из рук Фа. Перед ним качалось и плыло ее багровое лицо, она смеялась и тараторила. Лок поднимал сосуд в точности так же, как его совсем недавно поднимали новые люди, и мед лился ему на грудь. Он отвалился назад, выгнулся, и теперь его лицо оказалось под сосудом и он сумел подставить рот прямо под струю. Фа зашлась звонким смехом. Она свалилась на землю, перекатилась и откинулась навзничь, взбрыкивая ногами. Лок и медовый огонь, который полыхал в его нутре, нехотя отозвались на ее зов. Затем оба снова вспомнили про напиток и снова отбирали сосуд друг у

друга и бранились. Фа сумела отхлебнуть глоток, но мед внезапно загустел и уже отказывался течь. Лок вырвал у нее сосуд, встряхнул его, ударил по нему кулаком, заорал, но меду внутри уже не было ни капли. Тогда Лок в злобе ударил сосуд оземь, и тот раскололся надвое, будто в издевательской гримасе. Лок и Фа накнулись на осколки, прильнули к ним, вылизывали и вертели, удивляясь, куда же исчез мед. Гул водопада заливал и прогалину в голове у Лока. А деревья все убыстряли бег. Он резко вскочил на ноги и тут же понял, что земля так же неустойчива, как бревно. Он ударил по пробежавшему дереву, чтобы оно остановилось, но через секунду уже валялся на спине, и небо над ним вертелось, как ветка в водовороте. Он перевернулся и поднялся, с трудом оторвав от земли зад, неустойчиво, как новый человечек. А Фа, словно бабочка с обожженными крылышками, все ползала вокруг кострища, густо усыпанного пеплом. Она бормотала что-то несвязное про гиен. Лок вдруг ощутил, как сила новых людей вливается в него. Он был уже одним из них и стал отныне всемогущ. На прогалине валялось ещё много ветвей и несгоревших стволов. Лок подбежал к бревну, лежавшему в стороне, и приказал ему ползти. Он закричал:

— Э-эх! Э-эх! Э-эх!

Бревно скользило, как деревья, только уж слишком медленно. Лок все кричал, но бревно не ускоряло движения. Тогда он поднял ветку и принялся колотить ею бревно, снова и снова, как Танакиль била Лику. Внутри себя он увидел людей по сторонам бревна, они тянули его, разинув рты. Он закричал на них, как кричал старик.

Фа ползала рядом. Двигалась она плавно, неспешно, как бревно и деревья. Лок с диким воплем обрушил палку на ее крестец, конец сломался, отлетел в сторону и запрыгал среди деревьев. Фа взвизгнула и, пошатываясь, поднялась на ноги, так что Лок, который пытался ударить еще, промахнулся. Она повернулась к нему, и теперь они были лицом к лицу и кричали, а деревья всеплыли мимо. Лок увидел, как ее правая грудь колыхнулась, рука поднялась, раскрытая ладонь взметнулась в воздухе, и ладонь эта сейчас была важна, потому что в любую секунду могла превратиться в нечто такое, что требовало полного подчинения. Затем его щеку обожгла молния, которая на миг ослепила его и весь мир, земля под ним ушла из-под ног и нанесла ему в правый бок страшный и коварный удар. Он прижался к этой поднявшейся зем-

ле, а щека его тем временем то раздувалась, то опадала, и из нее вырывалось пламя. Фа теперь лежала, то отлетая, то приближаясь вплотную, как на качающейся ветке. Потом она тащила его то вверх, то вниз, а он вцепился в нее, и вот уже под ногами снова оказалась твердая земля. Оба плакали и хохотали, а водопад завывал уже здесь, на прогалине, и взъерошенная верхушка мертвого дерева взлетала к самому небу, но не уменьшалась в размере, а наоборот, делалась все больше. Лок напугался, ощущая себя брошенным, он думал, как хорошо было бы находиться рядом с Фа. Он изгнал из себя непостижимую странность и сонливость; затем начал искать Фа, старался удержать ее лицо, которое убегало, как дерево с растопыренной макушкой. Другие деревья непрерывно кружились, словно они так делали постоянно.

Лок проговорил Фа через мутную пелену:

— Я из новых людей.

При этих словах его подбросило в воздух. Затем он двинулся через прогалину, качаясь, медленной походкой, свойственной, как ему казалось, новым людям. Тут он увидел внутри головы, что Фа должна отрубить ему палец. Тогда он стал блуждать наугад по прогалине, чтобы отыскать Фа и сказать про это. Отыскал он ее за деревом близко от воды, и ее тошнило. Он рассказал ей про старуху в реке, но она опять не слушала его, тогда он возвратился к черепкам сосуда и вылизал последние остатки меда. Человек на земле, лежащий поперек оленя, теперь стал стариком, и Лок поведал ему, что новых людей теперь прибавилось. Затем он ощутил невероятную слабость, так что земля стала мягкой, а внутри него самого все вертелись и крутились видения. Он объяснил лежавшему, что теперь Лок обязан возвратиться на откос, но тут же вспомнил, хотя у него шла кругом голова, что откоса уже нет. Он заголосил, горько и непроизвольно, потому что горевать было сладостно. Оказалось, что, когда он смотрит на деревья, те разбегаются в стороны, и лишь крайним напряжением можно заставить их снова сойтись, но сделать такое усилие он уже не мог. Неожиданно рядом с ним не осталось ничего, кроме солнечного света и гульканья голубей сквозь равномерный шум водопада. Лок откинулся на спину, широко открытыми глазами рассматривая непонятный орнамент, который образовывали двоящиеся ветки на фоне чистого неба. Веки опустились сами собой, и он, точно сорвавшись с утеса, провалился в сон.

11

Фа тормошила его:

— Они уходят.

Руки, но не руки Фа, сжимали ему голову, вызывая страшные страдания. Он застонал и перекатился по земле, чтобы освободиться от этих тисков, но они не отпускали, сжимая все беспощадней, пока не загнали боль глубоко внутрь головы.

— Новые люди уходят. Они волокут свои долбленные бревна вверх по склону на уступ.

Лок открыл глаза и завизжал от жгучей боли, ему показалось, что он смотрит прямо на солнце. Вода полилась у него из глаз, и он опять закрыл их. Фа затормошила его снова. Он отыскал землю руками и ногами, медленно привстал. Желудок подкатил к горлу, и вдруг его вырвало. Желудок был сам по себе; он затянулся тугим узлом, не желая переносить мерзкое медовое питье и излил его прочь. Фа тронула Лока за плечо.

— Мой живот тоже мучается.

Лок оперся на землю и с трудом сел, не поднимая ресниц. На одной щеке он ощутил жаркие солнечные лучи.

— Они уходят. Мы должны забрать нового.

Лок отчаянным усилием раскрыл глаза, осторожно посмотрел сквозь тяжелые веки, пытаясь рассмотреть, что же происходит вокруг. Теперь все стало светлей. Земля и деревья не имели формы, а лишь цвет, и так бурно качались, что Лок снова закрыл глаза.

— Мне плохо.

Фа не отвечала. А Лок ощутил, что руки, которые как тисками сжимали его голову, принялись давить изнутри так беспощадно, что казалось, будто кровь взрывает череп. Он раскрыл глаза, мигнул, и мир стал обретать устойчивость. Слепящие цвета еще сохранялись, но они уже не плавали в воздухе. Прямо перед ним земля была жирного коричневого и красного цвета, деревья сделались серебристыми и зелеными, а ветки горели зеленым огнем. Лок сидел, моргая, ощущая, как по его телу расползается нежность, а Фа все говорила:

— Мне было плохо, и я не могла тебя поднять. Тогда я решила посмотреть на новых людей. Их долбленые бревна вползли уже высоко в гору. Новые люди опять спешат. Они стояли и двигались так, как это делают испуганные люди. Они тянули и потели, и все время оборачивались на лес. Но в лесу нет ничего опасного. Они словно боятся воздуха, а в воздухе нет ничего. Теперь нам нужно отнять нового.

Лок уперся обеими руками в землю.

— Нам нужно отнять Лику.

Фа вскочила на ноги и закружила по прогалине. Потом возвратилась и посмотрела на Лока. Он с трудом поднялся.

— Фа говорит — делай так!

Лок послушно ждал. Мал покинул его голову.

— Я вижу так. Лок идет по тропе за утесом, где новые люди не будут его видеть. Фа идет длинным путем и поднимается на гору выше новых людей. Они погонятся за ней. Мужчины погонятся за ней. Тогда Лок заберет нового у полной женщины и убежит с ним.

Она сильно сжала плечи Лока и умоляюще посмотрела ему прямо в глаза.

— А потом снова появится огонь. И у меня будут дети.

И Лок увидел все это внутри себя.

— Я сделаю это, — сказал он убежденно, — а когда найду Лику, заберу ее тоже.

На лице Фа, уже который раз, промелькнуло странное выражение, которого он никак не мог понять.

Они разошлись у основания горы, там, где кустарник еще прятал их от новых людей. Лок направился вправо, а Фа заспешила по опушке леса, чтобы обойти склон кружным путем. Лок обернулся и увидел, что она, как рыжая белка, бежит почти все время на четвереньках, прячась за деревьями. Потом он начал подниматься вверх, вслушиваясь в голоса. Он достиг тропы над рекой, и водопад гудел уже впереди. На острове, у отдаленного берега, Лок видел крупные деревья во всей красе весенней зелени.

Затем через оглушительный шум воды Лок различил голоса новых людей. Они были справа, за отрогом, за которым находилась падь, где жила ледяная женщина. Лок остановился и услышал, как новые люди окликают тонкими голосами друг друга.

Тут, где все было таким привычным, где среди скал еще не выветрилось живое прошлое его людей, он с новой силой ощутил приступ тоски. Мед не победил эту тоску, а только приглушил на время, а сейчас она вернулась и стала еще острее. Лок застонал, мучимый этой утратой, и испытал огромную нежность к Фа, карабкающейся по другой стороне склона. А где-то у новых людей находилась Лику, и он ощутил пронзительное желание, чтобы обе они были рядом или хотя бы любая из них. Он начал подъем к пади, в которой жила ледяная женщина, и голоса новых людей приблизились, слышались яснее. Вскоре он уже притаился на краю утеса, выглядывая из-за узкой полоски земли, где поднималась хилая трава, да кое-где невысокий кустарник.

Новые люди снова проделывали разные свои штуки. Они делали что-то непонятное и бессмысленное с бревнами. Некоторые были затиснуты между скал, на них поперек положены другие. Разрытая полоса земли на склоне тянулась прямо к уступу, и Лок сообразил, что одно долбленое бревно уже на откосе. А то, которое новые люди ворочали сейчас, было устремлено вверх по склону над закрепленными бревнами. Оно было обвязано полосами толстой и верченной кожи. Под задним концом долбленого бревна на каменном выступе лежал ствол, заклиненный поперек, причем

ближний его конец сгибался под весом валуна, который рвался слететь вниз. Едва Лок сумел все это осмотреть, как увидел, что старик дернул кожаную полосу и высвободил валун. Тот соскочил со ствола, который вырвался и понесся со склона, а долбленое бревно скользнуло в обратную сторону, наверх. Валун выполнил свое назначение и теперь с грохотом торопился спрятаться в лесу. Туами быстро закрепил камнем задний конец долбленого бревна, а люди галдели. Наверху, между бревном и уступом, не было других валунов, и теперь вместо них пришлось надрываться самим людям. Они перехватили и приподняли бревно. Старик был рядом, на его правой руке болталась мертвая змея. Он заорал: «Э-эх!» — и люди все навалились на бревно, а лица их перекосились от непомерных усилий. Старик взмахнул змеей и опустил ее на дрожащие спины. Бревно полезло вверх.

Чуть позднее Лок увидел и всех других людей. Сытая женщина не участвовала в работе. Она стояла в отдалении, между Локом и долбленным бревном, качая на руках нового человечка. Тут Лок понял, что имела в виду Фа, говоря о страхах новых людей, потому что сытая женщина постоянно оглядывалась и лицо ее было еще бледней, чем тогда, на прогалине. Танакиль находилась тут же, под ее охраной, и потому была видна не вся. Лока вдруг точно осенило, он ясно понял, какой страх подгоняет и направляет бурные усилия, с которыми люди тащили бревно. Они подчинялись мертвой змее, и она как бы находила в их телах, худых и изможденных, силу, в которую они сами не верили. В напряженных движениях Туами и визгливых воплях старика проступала исступленная спешка. Они спиной двигались вверх по склону, словно за ними гнались большие коты, оскалившие свои смертоносные клыки, будто сама река поднялась в гору и пыталась их унести. Но река бежала в обычном ложе, и на склоне не было ни одного живого существа, кроме самих новых людей.

— Они боятся воздуха.

Хвощ заорал, отпрыгнул, и тут же Туами закрепил большим камнем задний конец бревна. Люди окружили Хвоща и загалдели, а старик размахивал змеей. Туами показывал наверх, на крутой склон горы. Вдруг он отскочил, и камень гулко ударился в долбленое бревно. Гвалт превратился в пронзительный визг. Туами из последних сил один удерживал бревно кожаной полосой, не позволяя ему перевернуться на бок. Он закрепил полосу, обмотав ее вокруг дерева, и лишь после этого люди, стоя в ряд, дружно по-

вернулись к горе. Высоко над ними на каменистом откосе взад-
вперед носилась Фа. Лок увидел, как она взмахнула рукой, и но-
вый камень пролетел над стоящими в ряд людьми. Мужчины
изгибали свои палки и резко отпускали, позволяя им выпрямиться.
Лок видел, как прутья полетели вверх, на гору, но утратили ско-
рость, не долетев до Фа, и упали назад. Еще камень попал в скалу
рядом с бревном, и сытая женщина кинулась к утесу, на котором
прятался Лок. Затем она остановилась и обернулась назад, но Та-
накиль была уже у самого края утеса. Она увидела Лока и заора-
ла. Лок прыгнул и успел схватить ее раньше, чем сытая женщина
повернулась к нему снова. Схватив тонкую руку Танакиль, он по-
спешно заговорил с нею:

— Где Лику? Говори, где Лику?

Услышав имя Лику, Танакиль принялась дергаться и визжать,
словно рухнула в темную воду. Сытая женщина тоже вопила, а
новый человечек взобрался к ней на плечо. Старик уже прибли-
жался вдоль края утеса. Хвощ тоже летел от бревен. Он бросился
прямо на Лока, оскалив зубы. Вопли и оскал зубов вызвали у Лока
панический ужас. Он выпустил Танакиль так неожиданно, что она
упала. В падении она зацепила ногой колено Хвоща в то самое
мгновение, когда тот прыгнул на Лока. Со злобным рычанием
Хвощ перелетел в воздухе рядом с Локом через утес. Затем мель-
кнул над скатом, не задев поверхности, и пропал, не успев даже
вскрикнуть. Старик кинул в Лока длинную палку, но Лок увидел
на конце острый камешек и успел отшатнуться. Потом он вихрем
пронесся между сытой женщиной, широко раскрывшей рот, и Та-
накиль, упавшей на спину. Мужчины, которые до этого метали
прутья в Фа, дружно повернулись и прицелились в Лока. А он
уже стремительно летел поперек склона. Достигнув кожаной по-
лосы, которая удерживала бревно, он кинулся прямо через нее и
сильно ссадил голень, зато кожаная полоса разорвалась. Бревно за-
скользило назад, по склону. Теперь люди смотрели уже не на Ло-
ка, а на бревно, и он на ходу повернул голову, чтобы понять, куда
они глядят. Бревно разогналось на двух катках, и уже не нужда-
лось в их помощи. Оно оторвалось от склона на крутизне и про-
неслось в воздухе. Конец его ударился об острую макушку скалы,
и оно распалось на две части по всей длине. Обе половины неслись
далее уже порознь, все время вращаясь, и ворвались в лесную
гущу, ломая кусты и ветви. Лок прыгнул в падь, и новые люди
пропали из вида.

Фа металась наверху, над падью, и он кинулся к ней из последних сил. Мужчины близились, петляя среди скал и держа наготове гнутые палки, но он сумел их опередить. Он и Фа собрались уже подняться выше, но мужчины внезапно остановились, потому что старик что-то кричал им. Хоть и не понимая слов, Лок понял смысл его жестов. Мужчины повернули назад и скоро их уже не было видно.

Фа оскалилась. Она двинулась прямо на Лока, грозно размахивая руками и все еще зажав в кулаке острый камень.

— Почему ты не забрал нового?

Лок, обороняясь, вытянул перед собой обе руки.

— Я думал про Лику. Спрашивал у Танакиль.

Руки Фа тихо опустились.

— Идем!

Солнце опускалось, и в облаках над долиной загорались и гасли золотые и красные отблески. Фа вела Лока на утес, который высился над откосом, и оба они видели, как новые люди суетливо снуют по уступу. Они уже дотащили долбленое бревно до той оконечности уступа, которая находилась выше по реке, и сейчас пробовали протащить его через завал из древесных стволов, который образовался там, где Фа и Лок перебирались на остров. Новые люди стащили долбленое бревно с уступа, и оно плавало в воде среди других бревен. Мужчины толкали древесные стволы, пытаясь подать их к противоположному краю скалы, где они окажутся во власти водопада. Фа металась по каменистому склону.

— Они заберут с собой нашего нового.

Они быстро сбежали по крутизне, как солнце скатывалось в долину. Все горы теперь обняло багровое зарево, и ледяные женщины засветились ярким огнем. Неожиданно Лок закричал, и Фа посмотрела вниз, на воду. К завалу стремительно скатывалось целое дерево, не какой-нибудь тощий ствол или измочаленный обломок, а огромное дерево из далекого, неведомого леса. Оно скользило вдоль их берега острова по эту сторону долины, гигантская гора веток и побегов с распускающимися почками, неохватный, утопленный в реке до половины ствол и взметнувшиеся над водой корни, на которых осталось столько земли, что ее хватило бы, чтобы сложить пещеру для всех новых людей. Увидев его, старик принялся орать и пританцовывать. Женщины оторвали головы

от мешков, которые они бережно опускали в долбленое бревно, а мужчины поспешили назад через завал. Корни врезались в завал, и переломанные бревна взлетели в небо или резко встали торчком. Они запутались между корней и висели на них. Дерево остановилось, затем стало разворачиваться, пока не прижалось боком к утесу над уступом. Теперь между долбленным бревном и свободной водой хаотично и тесно сгрудились бревна, словно стена, образованная кустами терновника. Завал стал непреодолимым препятствием.

Старик замолк. Он подбежал к одному из мешков и стал торопливо его развязывать. Он что-то крикнул Туами, который бегом волок за руку Танакиль. Они быстро приближались вдоль уступа.

— Быстрее!

Фа понеслась вниз по склону к тому месту, где был проход на уступ и на откос. Она крикнула Локу на бегу:

— Мы заберем Танакиль! Тогда они вернут нового!

Все вокруг стало другим. Цвета, переполнявшие мир, когда Лок пришел в себя после своего медового сна, стали еще ярче, еще сочнее. Казалось, Лок летел и прорывался через нескончаемый поток багрового воздуха, а тени от скал стали розовыми и лиловыми. Он выскочил на склон.

Оба задержались у прохода перед уступом и опустились на корточки. Река несла алую воду, а на ней вспыхивали золотые пятна. Горы за рекой скрыла густая тьма. Но уступ и откос все еще оставались залитыми ярким огненным светом. Олень снова плясал, теперь уже на земляном склоне, который вел на откос, повернувшись к правой нише в утесе, возле которой умер Мал. Он тоже выглядел черным в алом свете уходящего солнца и, двигаясь, разбрасывал длинные лучи, слепившие глаза. Туами трудился на откосе, раскрашивая нечто, стоящее возле утеса, между двух ниш. Тут же находилась Танакиль, маленькая, тощая, черная. Она сидела на корточках там, где раньше был костер.

С другого конца уступа слышались ритмичные удары — тук! тук! Двое мужчин разрубали бревно, которое когда-то Лок столкнул в прибрежную воду. Солнце скрылось за облаком, багрянец залил небесный свод, а горы спрятались в темноте.

Олень затрубил. Туами быстро сбежал с откоса, он торопился к завалу, где из последних сил трудились мужчины, и Танакиль, увидев его, завизжала. Облака множились, укутывая солнце, и багрянец стал тяжелым, он словно поток струился в долину, как

вода, только был еще плотнее. Олень прыжками неся к завалу, а мужчины копошились над бревном, как жуки беспорядочно толкуются на дохлой птице.

Лок рванулся вперед, и на визг Танакиль отозвался крик Лику, который слышался из-за реки и был настолько горестным, что напугал Лока. Он остановился перед откосом, спрашивая:

— Где Лику? Что ты сделала с Лику?

Тело Танакиль выпрямилось, затем изогнулось дугой, у нее закатились глаза. Уже молча, она откинулась навзничь, и между ее ощеренных зубов проступила кровь. Фа и Лок опустились на корточки возле нее.

Отлог совсем преобразился, как и все остальное. Туами изготавил изображение для старика, оно торчало возле утеса и злобно тарашилось. Они сразу поняли, как торопливо и исступленно работал он над этим изображением, потому что оно вышло нечетким и не таким законченным, как те, которые они видели на прогалине. Это было отдаленное подобие мужчины. Руки и ноги были напряжены, словно перед прыжком, а сам он был сплошь красный, как закатная вода в реке. Волосы на голове стояли дыбом и торчали в разные стороны, как у старика, когда тот злился или пугался. Лицо заменял глиняный ком, но круглые камушки были на месте и смотрели равнодушным взглядом. Когда работа завершилась, старик взял висевшую на шее связку зубов, воткнул их в лицо этого страшного подобия и добавил к ним два больших кошачьих клыка, которые носил в ушах. В щель на груди глиняного колосса была забита палка, а к палке прикреплена кожаная полоса; к другому концу полосы была привязана Танакиль.

Фа издавала странные звуки. Это не были ни слова, ни повизгивание. Она схватилась за палку и попыталась ее выдернуть, но не смогла, потому что обратный конец, который Туами глубоко забил в глину, был обернут мехом. Лок отпихнул Фа и дернул, но палка не сломалась. Багровый свет поднимался от реки, а отлог был усеян тенями, среди которых глиняное чучело с выкаченными глазами грозно скалило зубы.

— Тащи!

Лок повис на палке всем телом и ощутил, что она сгибается. Тогда он уперся обеими ногами в брюхо глиняного чудища и потянул, пока мышцы не заныли от напряжения. Сама гора, казалось, тронулась с места, а чудовище наклонилось, так что руки

его, казалось, потянулись к Локу. Затем палка вырвалась из щели и Лок покатился по земле.

— Бери!

Лок, качаясь, поднялся, взял Танакиль на руки и следом за Фа побежал по уступу. Тени возле долбленного бревна завизжали, а у завала прозвучал громовой треск. Дерево тронулось с места, и бревна начали переступать, как ноги гиганта. У долбленного бревна женщина со сморщенным лицом яростно вырывалась из рук Туами; наконец она освободилась и помчалась Локу наперерез. Все вокруг бурно мелькало и визжало, кругом происходило что-то страшное и несбыточное; старик бежал к ним по рушившимся бревнам. Он что-то швырнул в Фа. Люди вцепились в долбленное бревно под уступом, а необъятная крона приплывшего дерева всей тяжестью веток и мокрых листьев старалась утащить их за собою. Полная женщина находилась в долбленном бревне, там же уже лежала и сморщенная женщина, обнимая Танакиль. Старик с трудом вскарабкался на задний конец бревна. Ветки затрещали и потащились по скале со страшным скрежетом. Фа присела у воды, закрывая лицо руками. И тут ветки схватили и понесли ее. Теперь она уносилась, захваченная ими, все дальше и дальше, а долбленное бревно также оторвалось от уступа и помчалось прочь. Дерево развернулось по течению, а Фа беспомощно застыла среди веток. Лок заметался и забормотал. Он носился взад и вперед по уступу. Но дерево не отвечало на его мольбы и просьбы. Оно неуклонно стремилось к водопаду и разворачивалось, пока не очутилось на перекате. Вода уже заливала ствол, увеличивала напор, и вот уже корни перевалили за перекат. На секунду дерево зависло на перекате, подставив крону бурному течению. Но вот комель вместе с корнями опустился, а крона взлетела к небу. Затем и она беззвучно скользнула вниз и исчезла.

Рыжее существо стояло на краю уступа, не шевелясь. Долбленное бревно выглядело теперь черной точкой в той стороне, где опустилось солнце. Рыжее существо повернулось вправо и мелкой рысцей побежало к отдаленному краю уступа. За уступом река бурно неслась с гор и заливала скалы, потому что наступила пора таянья льда. Вода поднялась высоко и хлестала через край уступа. Там, где течение протащило крону гигантского дерева, на земле и на каменной осыпи виднелись глубокие борозды. Рыжее существ-

во все той же мелкой рысцой побежало назад, к темной нише под боком утеса, где еще оставались следы обитания. Оно посмотрело на подобие другой твари, теперь уже совсем черное, которое скалилось из глубины с высоты своего роста. Затем существо повернулось и побежало через узкий проход, который связывал уступ с горным склоном. Оно задержалось, глянуло вниз, на борозды, на покинутые катки и оборванные кожаные ленты. Затем снова повернулось, осторожно обошло отрог, застыло на чуть заметной тропе, которая шла по голым камням. Все так же осторожно оно двинулось по тропе на четвереньках, опираясь на длинные руки почти так же твердо, как на ноги, осматривая и обнюхивая землю. При этом существо внимательно смотрело вниз, куда с громовым гулом рушились могучие струи воды, но там ничего не было видно, кроме отвесных полос тумана с отблесками, мелькавшими над огромной впадиной, вымытой в основании горы. Потом существо побежало значительно быстрее, передвигаясь странными рваными прыжками, так что голова дергалась вверх и вниз, а предплечья выдвигались вперед одно за другим, как лошадиные ноги. Существо остановилось в конце тропы и глянуло вниз, на длинные и

тонкие пучки водорослей, которые колебались в стремнине над речным дном. Оно подняло руку и почесало шерсть под ртом, где не было подбородка. Вдали, на серебряной глади реки, было видно дерево с зеленеющей кроной, течение вращало его в воде и волокло к морю. Рыжее существо, которое сейчас, в сумерках, выглядело серым с синеватым отливом, проскакало вниз по склону и шмыгнуло в лес. Оно бежало по тропе, широкой и изрытой, словно тут проложили колеи огромные колеса множества повозок, пока не добралось до прогалины, окружавшей мертвое дерево у реки. Там оно постояло возле реки, затем влезло на дерево и через зелень вьюнка долго смотрело вслед удаляющемуся дереву. Спустя немного времени оно спустилось вниз и побежало по тропе, проложенной сквозь прибрежный кустарник, к поперечной протоке, которая перелила тропу. Здесь оно помедлило, затем заметалось взад и вперед вдоль воды. Зацепившись за длинную свисающую ветку бука, существо принялось двигать ее то в одну, то в другую сторону, пока не задохнулось и грудь его не стало тяжело подниматься и опадать. Тогда существо возвратилось снова на прогалину, обошло ее не один раз, огибая кусты терновника, которые были грудами свалены вокруг. При этом существо не произносило ни одного звука. Небо уже прорезали острые лучи звезд, и сейчас оно было уже не зеленым, а темно-синим. Рыжее существо остановилось и принялось рассматривать следы на земле там, где недавно пылал огонь.

Теперь, когда солнце совсем спряталось, лишив небо даже последних своих лучей, весь небесный простор над землей залила луна. Тени делались все отчетливее, они падали от каждого дерева и переплетались с кустарником. Рыжее существо принялось обнюхивать землю вокруг кострища. Оно уперлось в землю фалангами пальцев передних конечностей и водило носом почти по самой земле. Речная крыса, торопившаяся возвратиться в воду, увидев четвероногую тварь, юркнула в сторону под куст и притаилась, выжидая. Рыжее существо застыло между густо усеянным пеплом кострищем и лесной гущей. Оно зажмурило глаза и судорожно ловило ртом воздух. Затем оно принялось разбрасывать землю, чутко ловя носом запахи. И вот в разрытой земле обнаружилась тонкая белая кость.

Рыжее существо медленно поднялось на ноги, смотря сквозь кость на что-то совсем далекое за ней. Это была странная тварь низкого роста, с туловищем, наклонившимся вперед. Голени и ляжки были изогнуты, ноги и руки с внешней стороны заросли

рыжей шерстью. Спина горбилась и тоже была вся в завитках волос. Ступни и кисти были широкие и плоские, а большие пальцы на ногах далеко отстояли от других, чтобы удобней было хватать. Узловатые руки опускались ниже колен. Голова слегка выдавалась вперед на мощной шее, которая сразу переходила в густоту рыжих завитков под нижней губой. Рот был крупный и широкогубый, а над завитками на верхней губе приплюснутые крупные ноздри трепетали, как крылья птицы. Гладкого перехода ото лба к носу не было, и конец его виднелся прямо из-под нависающих надбровий. Глубокие тени прятались в глазницах, где почти невозможно было увидеть глаза. Выпуклые надбровья окаймляла полоска густых волос; над нею уже ничего не было.

Рыжее существо стояло, не шевелясь, и на теле его переливался лунный свет. Глазницы рассматривали не кость, а что-то невидимое в стороне воды. Затем правая нога зашевелилась. Нога эта словно привлекла и собрала в себе все внимание существа, и ступня начала обшаривать землю, как рука. Большой палец копал и придвигал, а другие подхватывали то, что было, казалось, навечно схоронено под взрытой землей. Нога дернулась, согнувшись в колене, и передала что-то в скользнувшую вниз ладонь. Голова чуть наклонилась, взгляд оторвался от далекой невидимой точки и осмотрел то, что легло на ладонь. Это был корень, старый и отполированный, источенный с обоих концов, но хранивший неясные очертания женского тела.

Рыжее существо вновь глянуло в сторону реки. Обе его руки сжимали корень, надбровья отсвечивали при лунном свете над глубокими впадинами, в которых скрывались глаза. На скулы и широкие губы тоже падали пятна света, и в каждый завиток шкуры, точно седины, вплетались бледные лучи. Но глазные впадины были темны, точно голова стала уже мертвым черепом.

Водяная крыса поняла по неподвижности существа, что можно не опасаться. Она резво выпрыгнула из-под куста и, не боясь, пересекла свободное пространство, а потом вовсе отвлеклась от застывшего существа и занялась поиском добычи.

Теперь в обеих глазницах появился свет, два огонька, робкие, как звездочки, отражавшиеся в гранитных кристалликах на склонах утеса. Затем огоньки разгорелись, стали четкими и светлыми, засверкали и опустились к нижним краям впадин. Неожиданно в полном безмолвии огоньки превратились в узкие полумесяцы, излились из глазниц и на морщинистых скулах затряслись тонкие

блики. Огоньки снова засветились, просвечивая через серебристые завитки бороды. Они повисли, вытянулись книзу, закапали, перекачиваясь по бороде с одного завитка на другой, и собрались на нижнем конце. Отблески на скулах вздрагивали, когда по ним сбежали капли, а затем все эти капли сошлись вместе на конце бороды и превратились в струйку серебристых блесток, с шумом сбежавшую на сухую палую листву. Водяная крыса кинулась бежать.

Рыжее существо вытащило правую ногу из земляной каши и неуверенно двинулось вперед. Шатаясь, оно сделало полукруг и оказалось у прохода в больших кучах терновых кустов, откуда открывался широкий развороченный след. Существо двинулось по следу, и в свете луны оно казалось серым и голубоватым. Теперь оно стремилось из последних сил, и голова его безвольно дергалась то вверх, то вниз. Кроме всего существо еще и хромало. Когда оно добралось до склона, шедшего к водопаду, оно уже передвигалось лишь на четвереньках.

На уступе существо заспешило. Оно добежало до дальней его стороны, где талая вода с ледяных горных круч переливалась через скалы. Потом вернулось назад и спустилось туда, где под утесом застыло некое чуждое существо. Здесь оно безуспешно пыталось сдвинуть обломок скалы, который накрывал низкий земляной холмик, но сдвинуть этот валун у него не было сил. Наконец оно оставило безнадежные попытки и ползком добралось до разбросанного кострища. Оно подошло вплотную к толстому слою пепла и легло на бок, согнув ноги и прижав колени к груди. Затем подложило сложенные ладони под щеку и замерло без движения. Перекрученный и гладко отполированный корень лежал у самого лица. Существо не издавало ни звука и как бы вращало в землю, прижавшись к ней мягкой плотью так плотно, что ток крови и дыхание не ощущались.

Глаза, как зеленые огоньки, светились кругом, и желтые псы осторожно подбирались все ближе, прячась среди лунных теней. Они сошли на уступ и украдкой двинулись к откосу. Их влекло сюда, несмотря на страх, они обнюхали землю, но еще приблизиться не посмели. Над уступом тихо вставал серый рассвет, и последний ночной ветерок пронесся через долину в межгорье. Зола на кострище с шумом зашевелилась, взмыла в воздух, вращаясь на лету, и опустилась, покрывая недвижимое тело. Гиены присели у камней, вывалив языки и громко дыша.

А далеко, над морем, небо уже заалело и скоро стало золотиться. В земной мир возвратился свет а с ним и дневные оттенки. При блеклом пока, раннем свете были четко видны два существа,

одно — желтое, как песок, хищно уставилось от утеса на другое — каштановое, рыжее. Вода с ледяных гор все ширилась, сбегая сверкающей струей в виде длинного, изогнутого каскада. Гиены подняли зады с земли, двинулись в разные стороны и с двух концов подкрались к кострищу. Обледенелые горные вершины застыли в ослепительном сиянии. Они радостно встречали солнце. Вдруг послышался звук, подобный удару грома, и гиены, трусливо сжавшись, отскочили назад, к утесу. Звук этот заглушил шум воды, разнесся в горах, пролетел со скалы на скалу и поплыл со звучными отголосками над лесами, уже освещенными солнцем, и все дальше, дальше, к самому морю.

12

Туами откинулся на корме долбленки, прижав рулевое весло. Утро было ясное, и пятна соли на кожаном парусе уже больше не выглядели сквозными дырами. Туами с досадой вспомнил о большом мешке с прямоугольным парусом, который они забыли в безумной

суете среди утесов; ведь с тем парусом под ветром, стойко дувшем с моря, ему не пришлось бы терпеть это долгое тяжкое напряжение. Тогда не было бы необходимости мучиться без сна долгую ночь, гадая, не пересилит ли течение этот ветер и не отбросит ли их снова к водопаду, пока люди или, точнее, те из них, кто спасся, забылись в мертвом сне. И все-таки они, хотя и тихо, но двигались вперед, крутые горы медленно отступали, и вот уже вода разлилась так широко вокруг, что Туами уже не находил примет, чтобы направлять лодку, и лишь сидел на корме, пытаясь угадать, куда же все-таки плыть, а горы туманно поднимались над зеркалом реки и проплывали перед слезящимися, красными от усталости глазами. Он подвигался на месте, потому что округлое днище было жесткое, а кожаная подстилка, которая верой и правдой служила многим кормчим, валялась, забытая, на горном склоне, поднимавшемся от леса к уступу. Туами ощущал рукой легкий напор струи, передаваемый рукоятью весла, и знал, что стоит ему опустить руку за борт, и река тут же заструится вокруг ладони, обнимая запястье. Два темных следа на воде по сторонам носа лодки теперь уже не расходились косо за кормой, а бежали почти под прямым углом к лодке. А если ветер внезапно изменится или прекратится на время, следы эти уйдут вперед и растают, вода уменьшит давление на весло, и тогда лодку начнет сносить кормой назад к межгорью.

Туами закрыл глаза и потер рукой лоб. Ветер может утихнуть, и тут уж им придется грести из последних сил, какие они сумеют собрать после этого трудного плавания, лишь бы приблизиться к берегу и не позволить течению снести лодку назад. Туами опустил руку и глянул на парус. Что ж, парус был полон ветром, двойные полотнища, закрепленные здесь, на корме деревянными клиньями, то сближались, то расходились, раздувались и опадали. Туами повернул голову и обвел взглядом многие мили сейчас уж четко видимой речной глади, а совсем рядом, меньше чем в полукабельтове* по правому борту скользил гигантский корявый корень, нависающий над водной гладью, как бивень мамонта. Чудище стремилось к водопаду, к лесным демонам. Долбленка почти не продвигалась вперед, потому что ветер совсем упал. Голова у Туами раскалывалась от боли, но он все же старался прикинуть, как и что, сопоставить силу течения и ветра, но так и не пришел к какому-либо выводу.

* Кабельтов — 0,1 морской мили или 182,5 метра.

Тогда он раздраженно встряхнулся, и параллельные следы, подернутые слабой рябью, легли от бортов долбленки. Ветер попутный, лодка подчиняется рулю, а кругом бескрайняя вода — что ж еще нужно человеку? По обеим сторонам вдалеке вздымались зеленые облака. Это были поросшие лесом холмы. А впереди паруса расстилались низменности, возможно, чистые равнины, где люди могли беспрепятственно охотиться на просторе, не запинаясь о корни деревьев и не пробираясь среди черных скал, населенных призраками. Что ж еще нужно человеку?

Но все это ему лишь мерещится. Он тупо смотрел на свою левую руку и старался сосредоточиться. Еще недавно он верил, что с рассветом возвратятся здравый рассудок и смелость, которые, казалось, оставили их всех; но забрезжила, а затем ярко разгорелась заря, а они все оставались такими же, как и в долине, одержимыми призраками, запуганными дьявольским наваждением, охваченные удивительной, непонятной скорбью будто опустошенные, подавленные, беспомощные в кошмарных, глубоких снах. Перетащив лодки — или, точнее, лодку, потому что другая была вдребезги разбита, — от леса к истоку водопада, они как бы поднялись на новую высоту не только над земной твердью, но и над собственным опытом и ощущениями. Мир, в центре которого так трудно двигалась лодка, окутывала тьма среди света, и был он грязный, изгаженный, не оставляющий никакой надежды.

Туами повел рулевым веслом, и снасти зашевелились. Парус что-то лениво прошептал, а затем снова суетливо наполнился ветром. Возможно, если бы они сразу справились со снастями и сложили вещи как следует... что же было бы тогда? Частично пытаюсь оценить совершенную работу, но главное, стараясь уйти от своих тяжелых воспоминаний и переключиться на что-либо реальное, Туами осмотрел долбленку.

Тюки были свалены там, куда их пошвыряли женщины. В центре, у левого борта, расположилась под защитой двух тюков Вивани, хотя по своей обычной вздорности она, конечно, предпочла бы укрытие, сплетенное из листьев и ветвей. Под тюками валялась связка копий, теперь уже совсем бесполезных, поскольку на тюках мертвым сном забылся Бата. Очнувшись, он увидит, что древки согнулись или треснули, а добротные кремневые острия обломаны. У правого борта были в кучу свалены старые шкуры, которые вряд ли уже можно было использовать, но женщины побросали их в лодку вместо того, чтобы спасти второй парус. Один пустой сосуд

был разбит, второй валялся на боку, но глиняная пробка вышла из него. Значит, единственным питьем остается вода. Вивани, свернувшись клубком, спала на ненужных шкурах — неужели это она принудила женщин побросать сюда эти шкуры только для своего удобства, даже не подумав о драгоценном парусе? Что ж, это на нее похоже. А накрывалась она роскошной шкурой пещерного медведя, которая стоила жизни двум охотникам, и этой шкурой расплатился с ней за любовь первый ее мужчина. Что такое парус, горько подумал Туами, если Вивани захотела устроиться поудобней? Каким болваном был Марлан, в его-то возрасте, когда спутался с нею, плененный ее умом, любвеобильным сердцем и белоснежным, ослепительным телом! И какими болванами были мы, когда подчинились ему, замороженные его колдовством или какой-то великой силой, которой нет даже имени! Туами посмотрел на Марлана с ненавистью и вспомнил свой клинок из слоновой кости, который уже давно и неспешно оттачивал с таким старанием, что острее не бывает. Марлан сидел лицом к корме, протянув ноги и опираясь головой о мачту. Рот его был раскрыт, а белые волосы и густая с проседью борода напоминали куст. В прибывающем свете Туами увидел, что силы вовсе оставили Марлана. И раньше у него были морщинки возле рта, а книзу от ноздрей прорезались глубокие борозды, но сейчас бородатое лицо было не только в морщинах, но выглядело совсем изможденным. Откинутая голова бессильно клонилась набок, перекошенная челюсть отвисла. «Теперь осталось уже немного ждать, — думал Туами, — и мы будем в безопасности. Места, где живут лесные демоны, останутся далеко, и тогда я воспользуюсь острым кинжалом из слоновой кости».

Так будет, но все же видеть лицо Марлана и при этом думать об убийстве было трудно. Туами отвел глаза, мельком осмотрел тела, беспорядочно лежащие в носовой части лодки, за мачтой, и принялся смотреть себе под ноги. Там, совсем близко, вверх лицом спала Танакиль. Она не казалась такой безжизненной, как Марлан, даже напротив, жизнь в ней переливалась через край, новая жизнь, которая не подчинялась даже ей самой. Она почти не двигалась, лишь пятнышко запекшейся крови на нижней губе вздрагивало от частого дыхания. Глаза ее не спали, но и не бодрствовали. Сейчас, когда Туами мог близко видеть эти глаза, ему показалось, что в них все еще скрывается ночь, так глубоко они ввалились и прятали в себе темноту, блеклые и бессмыслен-

ные. Хотя Туами наклонился вперед и она, конечно, не могла его не видеть, глаза не задержались на его лице, а продолжали бродить где-то в глубинах ночи. Твал, лежавшая с нею рядом, накрыла ее рукой, как бы спасая от опасности. Тело Твал казалось совсем старым, хотя она была моложе Туами и Танакиль была ее дочерью.

Туами снова потер лоб ладонью. «Если бы я только мог оставить это кормило и приняться за кинжал, или имей я кусок древесного угля и огниво, — он в тоске осмотрел лодку, не зная, на чем бы остановить внимание, — но ведь я совсем как река, — думал он, — и загадочный поток заполняет меня, бурлит и поднимает песок со дна, воды замутнены, и что-то живое, но такое странное выползает из трещин и щелей у меня в голове».

Шкура в ногах Вивани зашевелилась, и Туами подумал, что Вивани просыпается. Но тут наружу показалась ножка, покрытая мелкими рыжими завитками, и была она не длиннее его руки. Она пошарила вокруг, задела каменный сосуд и тут же отдернулась, потом тронула шкуру, вновь принялась шарить и ощупывать густую шерсть. Наконец ножка вцепилась в шкуру, цепко сжимая тонкую прядку, и застыла в неподвижности. Туами дернулся, как в судороге, как эпилептик, и в такт его движениям забилося кормило, а параллельные следы на глади реки разбежались далеко по сторонам от бортов лодки. Эта рыжая нога была одной из шести, которые прорвались через трещины в памяти.

Туами закричал:

— Но что еще мы могли сделать?

Мачта и парус снова стали четко очерченными. Он увидел, что глаза Марлана распахнуты, но не знал, как давно они столь пристально за ним наблюдают.

Марлан заговорил глухо, словно из глубоких недр своего чрева:

— Лесные демоны боятся воды.

Это было правдой, и к тому же обнадеживающей. Ослепительно сверающая вода протянулась на много миль вокруг. Туами с мольбой смотрел на Марлана из глубины своего отчаянья. Сейчас он уже не помнил про кинжал, заточенный так, что острее не бывает.

— Не поступи мы так, нас уже не осталось бы в живых.

Марлан повозился на месте, чтобы размять онемевшие члены. Затем он взглянул на Туами и согласно кивнул.

Парус стал красновато-коричневым. Туами обернулся назад, на долину в межгорье, и увидел, что вся она заполнилась розовым

светом и там уже восходит солнце. Словно подчиняясь какому-то приказу, люди задвигались, начали садиться и оглядывать далекие изумрудные холмы. Твал склонилась над Танакиль, поцеловала ее и тихонько произнесла нужные слова. Губы Танакиль раздвинулись. Ее голос звучал хрипло, точно слышался из глубины ночи:

— Лику!

Туами услышал, как Марлан шепнул из-под мачты:

— Это имя демона. Лишь она одна смеет безнаказанно его называть.

Теперь Вивани уже просыпалась по-настоящему. Они услышали, как она шумно, сладко зевнула и откинула с себя медвежью шкуру. Затем села, потрясла головой, отбросив назад распавшиеся волосы, и взглянула сперва на Марлана, потом на Туами. И тут же его вновь охватили похоть и ненависть. Если бы она не была такой, какая есть, не будь Марлан ее мужчиной, сумей она спасти своего ребенка во время бури на соленой воде...

— У меня ноют груди.

Если бы она не захотела родить ребенка лишь из каприза и не спасла другого детеныша ради забавы...

Он заговорил резко и быстро:

— Там, за холмами, Марлан, лежат равнины, потому что холмы опускаются; там пасутся стада, и мы сможем охотиться. Давай направимся к берегу. Будь у нас вода... но у нас же она есть! Погрузили женщины еду или нет? Ты взяла еду, Твал?

Твал подняла голову, посмотрела на него, и лицо ее передернулось болью и ненавистью.

— Только мне и думать о еде, старший! Ты и этот старик отдали мою дочь демонам, а они взамен подбросили слепое и немое дитя.

Песок взвихрился в голове Туами. Он подумал в панике: тот Туами, которого и мне дали в обмен, стал совсем другим, чем прежний — как же теперь быть? Один Марлан не изменился — похудел, ослаб, и все же остался прежним. Туами пристально поглядел вперед, стараясь отыскать кого-нибудь, кто вовсе не изменился и мог бы стать ему опорой. Солнце блестело на парусе рыжим румянцем, и Марлан также казался рыжим. Его руки и ноги напряженно согнулись, волосы и борода взъерошились, зубы были как у волка, а глаза как приплюснутые камни. Рот то раскрывался, то захлопывался, как пасть.

— Говорю вам, они не могут преследовать нас. Потому что не могут плыть.

Рыжая дымка медленно таяла, и парус ярко засветился под

солнцем. Вакити ползком обогнул мачту, стараясь не задеть своими роскошными волосами, предметом его гордости, снасти, дабы не повредить прическу. Он шмыгнул мимо Марлана, выказав ему, сколь это было возможно в узкой лодке, свое уважение и извинение, что ему приходится беспокоить его. Он пробрался мимо Вивани и вылез к Туами на корму с виноватой улыбкой.

— Извини, старший. Иди спи.

Он зажал рулевое весло под левым локтем и опустился на место Туами. А тот, освободившись, перебрался через Танакиль и опустился на колени возле полного сосуда, мучимый жаждой. Вивани занялась прической, подняв руки и ловко двигая гребнем вдоль, поперек и книзу. Она осталась прежней или по крайней мере изменилась лишь по отношению к маленькому демону, который завладел ею. Туами вспомнил про ночь, прячущуюся в глазах Танакиль, и понял, что он не сможет уснуть. Может быть, чуть позже, когда будет уже не в силах бодрствовать, но обязательно отпив из сосуда. Руки его нетерпеливо коснулись пояса и нащупали остро отточенный клинок из слоновой кости с еще не отделанной рукоятью. Он нашел в кожаном мешочке нужный ка-

мень и вновь принялся точить, а кругом наступило молчание. Ветер посвежел, и вода бодро журчала за кормой, обнимая рулевое весло. Долбленка была такая тяжелая, что почти не поднималась на волнах и не болталась под натиском ветра, как это часто бывало с лодками, сделанными из коры. Поэтому ветер лишь касался их всех теплым дыханием и немного рассеял смятение в голове Туами. Он вяло точил клинок, не думая о том, нужна ли эта работа, лишь бы занять руки и забыться.

Вивани завершила прическу и обвела взглядом остальных. Она издала короткий смешок, который показался бы робким у любого, но только не у нее. Затем потянула шнурок, удерживавший кожаную колыбель, в которой прятались ее груди, и свободно показала их теплому солнцу.

Вивани склонилась и подняла конец медвежьей шкуры. Там на кожаной подстилке лежал маленький демон, крепко стиснув кулачки и поджав пальцы ножек. Когда на него пролился свет, он высунул из-под меха головку, поморгал, широко раскрыл глазенки. Потом оперся на передние лапки и принялся осматриваться смышлено, серьезно, проворно шевеля шеей и всем телом. Он зевнул, и все увидели, что у него начали прорезаться зубки, облизал губки розовым язычком. Затем принюхался, повернулся, скользнул к ноге Вивани и взобрался к ней на грудь. Она вся дрожала и смеялась, будто эта радость и любовь были одновременно ужасом и мукой. Звереныш вцепился в нее ручонками и ножками. Робко, даже как-то стыдливо, все так же растерянно смеясь, она склонила голову, обняла его и закрыла глаза. Люди улыбались, глядя на нее, словно и сами ощущали чужеродный чмокающий ротик, словно независимо от них, через любовь, смешавшуюся со страхом, нашел дорогу родник живого горячего чувства. Они издавали звуки, означавшие обожание и покорность, вытянув руки, но одновременно вздрагивали с отвращением, рассматривая две цепкие ножки и рыжие завитки шерсти. Туами, у которого в мозгу все бурлил и вращался песок, старался представить то время, когда это существо станет совсем взрослым. На этих далеких равнинах, где они могли не опасаться мести своего племени, но были спрятаны от людей за горами, среди которых живут демоны, какие еще жертвы придется им приносить этому смятенному миру? Они отличались от храбрых охотников и кудесников, уплывших вверх по реке к водопаду, так же, как мокрое насквозь перо отличается от сухого. Туами нервно крутил в руках слоновую кость. Есть ли смысл острить ее против человека? Кто отточит кинжал против тьмы мира?

Марлан произнес, покончив с размышлениями:

— Они живут в горах или в темноте под деревьями. Мы будем жить на безлесной равнине рядом с водой. Там нам не станет угрожать тьма, которая прячется под деревьями.

Туами непроизвольно взглянул на темную полосу, которая изгибалась и пропадала под деревьями вместе с уходящим берегом. Маленький демон наелся. Он сполз вниз по вздрагивающему телу Вивани и прыгнул на сухое дно лодки. Потом пополз, с любопытством озираясь, приподнялся на передних лапках и осмотрел мир глазками, в которых ярко отражалось солнце. Люди сжались, посмотрели на него с нежностью, отрывисто засмеялись и стиснули кулаки. Даже Марлан зашевелился и подтянул под себя ноги.

Утро уже проснулось, и солнце щедро изливалось из-за гор. Туами бросил точить кость камнем. Он трогал бесформенную выпуклость, которая стала бы рукоятью кинжала, если бы работа завершилась. Но руки утратили силу, и он ничего не видел внутри себя. В этих водах ни лезвие, ни рукоять не несли смысла. На секунду он даже ощутил соблазн выбросить эту штуку за борт.

Танакиль открыла рот и снова полились бессмысленные звуки: — Лику!

Твал с воплем схватила дочь и обняла ее так сильно, словно прижимала ребенка, которого уже не было.

В голове у Туами снова колыхнулся песок. Он опустился на корточки, раскачиваясь из стороны в сторону и бессмысленно крутя в руке слоновую кость. Детеныш пытливо изучал ступню Вивани.

С гор внезапно долетел громовой удар, оглушительный и раскатистый, нагнал лодку и трепетными, переплетающимися отзвуками пронесся над сверкающей водой. Марлан присел и широко показывал пальцами в направлении гор, а глаза у него блестели, как цветные камни. Вакити присел так глубоко, что выронил весло, и паруса заполоскали, потеряв ветер. Маленького демона тоже охватила паника. Он быстро взобрался по телу Вивани, шмыгнул между руками, которые она машинально вытянула вперед, как бы защищаясь, и спрятался в меховом наголовнике у нее за плечами. Он залез поглубже и тут же пропал. Но наголовник теперь двигался.

Звук, донесшийся с гор, уже исчезал вдали. Люди перевели дух, точно вдруг опустилось взметенное над их головами смертоносное оружие, и с чувством облегчения весело смеялись, смотря на малыша. Они взвизгивали, глядя на дергающийся под мехом комок. Вивани выгнула спину и ежилась, словно в мех залез паук.

Потом детеныш снова вынырнул, закинув задик, и маленький его крестец терся об ее затылок. Даже мрачный Марлан сморщил в ухмылке истомленное лицо. Вакити, дергаясь от смеха, никак не мог справиться с ходом лодки, а Туами выронил слоновую кость. Солнце сверкало, поливая голову и маленький крестец, и все кругом вновь стало хорошо, а взвихренный песок в голове Туами послушно опустился на дно водоема. Крестец и голова так гармонично сливались, что хотелось тронуть их рукой. Они дождались своего воплощения в нетронутой пока рукояти, которая стала теперь много важнее лезвия. Они несли в себе ответ, эта робкая, неохотная, через силу, любовь женщины и этот забавный пугающий крестец, прижимающийся к ее затылку, — они показывали путь. Туами нащупал на дне слоновую кость, и теперь пальцы ярко видели, что Вивани и ее маленький демон лучше всего подходили для воплощения его мыслей.

Наконец она справилась с малышом и пристроила его поудобней у себя на руках. Он спрятал мордочку ей в плечо, прижался к ее шее и угнездился там. А женщина потерлась щекою об его короткие рыжие пряди, посмеиваясь и дерзко смотря на всех других. Марлан произнес среди гробового молчания:

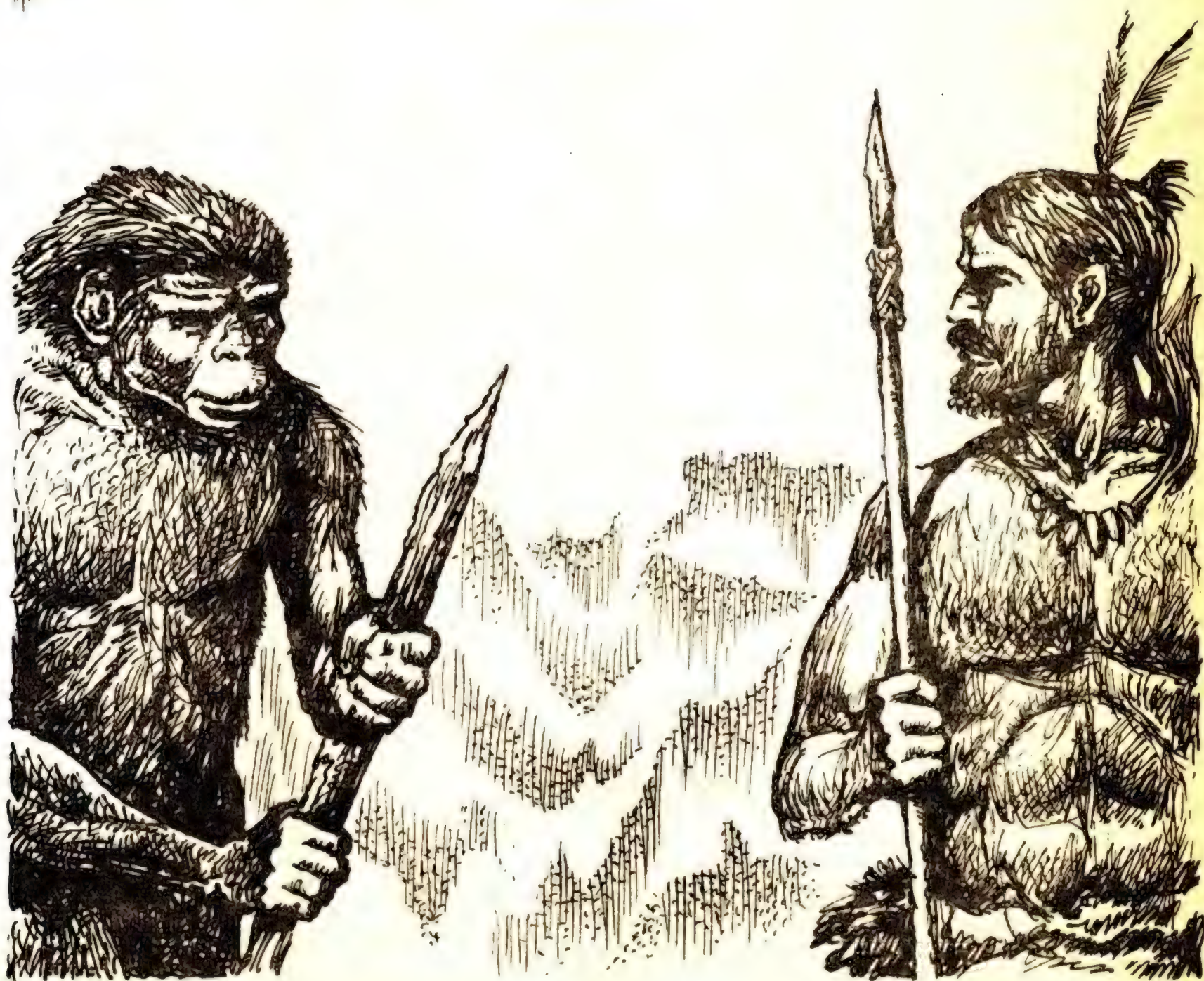
— Они живут в темноте под деревьями.

Крепко стискивая слоновую кость, ощущая, как его уже охватывает сон, Туами глянул на темную полосу. Она тянулась вдалеке, за речным простором. Туами внимательно всматривался в необъятную ширь перед парусом, отыскивая, что же там, в дальнем конце воды, но она была такой широкой и переливалась так ярко, что он так и не смог увидеть, есть ли вообще конец у этой темной полосы.

ЙОЖЕФ АУГУСТА

Великие открытия

Вокруг нас много еще неизвестного и таинственного. Но это не значит, что человек должен беспомощно опустить руки и застыть в смиренной покорности, не веря в свои силы и разум. Тем более человек наших дней, герой с бесстрашным сердцем, умелыми руками и блестящим умом, свободный от пут мистики, догм и ложных авторитетов. Он твердо уверен, что сумеет познать и объяснить все тайны, что знания помогут ему разорвать пелену тумана и темноты.

Путь к истине подчас труден и утомителен, однако это не пугает человека — стремление к познанию всегда побеждает. Именно оно влечет человека в далекие и негостеприимные края, дает ему силы преодолеть все тяготы и испытания, помогает дерзко проникать в сумрачную тишину подземелий и проводить там долгие часы, дни, даже месяцы, иногда в полном одиночестве. И все это человек делает во имя раскрытия чего-то еще не познанного; он жаждет правды, за утверждение которой готов бороться до последнего вздоха.

И чем глубже стремится человек познать окружающее, тем сильнее в нем желание узнать, как он появился на земле (ведь давно уже нет веры в сказки о сотворении мира!), представить себе своих предков, их жизнь, их чаяния и стремления. Именно они, эти далекие предки, столь настойчиво и неутомимо создавали основу деятельности современного человека, его культуры, его знаний.

Да, неизвестного и таинственного еще много. И все же человек в своем извечном стремлении к истине, познанию одну за другой срывает завесы с тайн природы.

ЧЕРНОЕ БОЛОТО

Среди зеленой равнины, кое-где поросшей кустарником и редкими деревьями, поднимался невысокий холм, пологий с одной стороны и круто обрывающийся с другой; здесь в голой скале зияла глубокая расщелина. Лишь несколько колючих кустов цеплялись за камни длинными крепкими корнями.

Все вокруг было погружено в сон, равнина казалась вымершей. Был час затишья перед самым рождением нового дня. Луна уже растаяла. Но вот на востоке, где-то за горизонтом, раскрылся гигантский веер солнечных лучей. Вслед за ним, заливая землю теплом и светом, показался солнечный диск.

Проснулись насекомые. Хор цикад и кузнечиков начал свои звенящие трели. Пестрые бабочки и крупные блестящие мухи, покружившись в воздухе, опускались на листья, чтобы, расправив крылья, погреться в потоке солнечных лучей. На лежащий у подножия скалы валун забралась большая зеленая ящерица. Она нежилась на солнце, стряхивая ночной холод и утреннее оцепенение.

Белизну известнякового обрыва, заблестевшего под лучами

солнца, нарушали только темные, резкие контуры ведущей вглубь расщелины. Но вот оттуда показалось странное существо. Прислонившись спиной к скале, оно долго осматривало все вокруг.

Существо было покрыто шерстью, глаза его глубоко прятались под козырьком густых бровей. Плоский нос лишь слегка выступал на этом обезьяньем лице. Руки его были короче, а ноги — длиннее и сильнее, чем у современных обезьян.

Существо зевнуло, обнажив длинные мощные клыки, еще некоторое время постояло неподвижно, потом сделало несколько шажков вперед и остановилось на краю скалы. Наполовину выпрямившись, оно продолжало напряженно вглядываться в равнину, по которой в этот момент проносилось стадо гиппарионов — трехпалых древних лошадок.

Гиппарионы уже давно исчезли вдали, а на скале все еще неподвижно стоял ореопитек — третичная человекообразная обезьяна*.

Много времени понадобилось, чтобы среди человекообразных обезьян появились такие виды, дальнейшее развитие которых привело к возникновению человека. Сегодня нет уже никакого сомнения, что человек, отличительными признаками которого можно считать вертикальное положение тела, разумные действия и труд, вышел из животного мира. Бесспорно также и то, что человек ведет свой род от одного из видов древних человекообразных обезьян. Мы знаем целый ряд таких видов. Однако определяющую роль в эволюции человека могли сыграть только человекообразные обезьяны, которые покинули лес и стали жить в степях, приспособившись к передвижению на нижних конечностях. Это был необычайно важный момент в истории человечества: началось разделение функций конечностей некоторых человекообразных обезьян и преобразование их в руки и ноги; руки служили для схватывания предметов и манипуляции ими, а ноги — только для опоры и передвижения. Выпрямление тела, уменьшение массивности челюстей, увеличение объема мозга явились лишь естественным следствием этого.

Человекообразная обезьяна ореопитек обладала многими из этих

* Мнения исследователей о месте ореопитека в системе ископаемых высших приматов расходятся. Многие ученые решительно не согласны с тем, что ореопитек был одним из предков человека. Под сомнение ставится его способность передвигаться на двух ногах. — *Прим. ред.*

особенностей, что дает основание считать ее одним из предков древнейшего человека.

Но вернемся к нашему ореопитеку — он все еще стоял на скале, неотрывно глядя на равнину и стадо пасущихся газелей, готовых в любую минуту обратиться в бегство. Когда испуганные чем-то животные унеслись прочь, ореопитек скрылся в расщелине. Вскоре он вновь вылез наружу, а за ним по пятам следовали несколько его сородичей, среди которых была и небольшая самка с детенышем. Негромко ворча, они спустились по крутому склону скалы. Во главе маленького стада шел ореопитек, который осматривал равнину.

Зеленая ящерица, с раннего утра гревшаяся на камне у подножия скалы, пробудившись от дремоты попыталась удрать. Но густая трава мешала ей, и достаточно было нескольких прыжков одного из ореопитеков, чтобы добыча оказалась у него в руках. Он жадно набросился на нее и вскоре уже с наслаждением облизывался. Тем временем все ореопитеки покинули скалу и осторожно двигались по траве в поисках пищи. Один поймал большую цикаду, другой — толстую саранчу, третий набивал рот плодами, которыми был усеян куст, еще кто-то пытался поймать грызуна, неосмотрительно покинувшего свое убежище.

Внезапно небо затянули черные тучи. Ореопитеки с беспокойством стали озираться. Очевидно, их угнетала воцарившаяся вокруг тишина, потому что они повернули назад к скале. Они были совсем близко от нее, когда первая молния разорвала черное небо.

Теперь молнии следовали одна за другой, непрерывно грохотал гром. Поднялся ветер, который, все усиливаясь, превратился в ураган.

Стадо ореопитеков достигло скалы; самые сильные, отталкивая тех, кто послабее, уже взбирались по узкой тропинке, ведущей к пещере. Упали первые крупные капли дождя, а через несколько минут из черных туч хлынули сплошные потоки воды, с ураганной силой хлеставшие по спинам последних карабкавшихся вверх ореопитеков.

Одного молодого самца резким порывом ветра сбросило со скалы. Он катился вниз по мокрому скользкому склону, тщетно стараясь за что-нибудь уцепиться. Колючий куст, за который ему все же удалось ухватиться, не выдержал тяжести, и ореопитек вместе с ним полетел вниз. С глухим стуком он упал на землю, правда довольно удачно — на четвереньки, но все же ушиб ногу об ост-

рый камень. Вскочив, но уже не столь проворно, как раньше, он с трудом, хромя, снова полез вверх по скале. Поднявшись, он забрался через отверстие в небольшую пещеру, где сгрудились его испуганные полуголодные сородичи.

Проходили часы, а ореопитеки не могли покинуть своего убежища. Правда, гроза кончилась, но дождь все еще лил.

В конце концов тучи разошлись, снова выглянуло солнце. Все живое, попрятавшееся от непогоды, вновь запрыгало и зашуршало в траве, в листве и густом кустарнике.

Покинули свою пещеру и ореопитеки. Снова брели они по равнине в поисках пищи. Часто кто-нибудь поднимал голову и осматривался — отовсюду им грозила опасность; но больше всего ореопитеки боялись хищников, перед которыми были беззащитны. Избежать нападения они могли, только заранее обнаружив врага, — тогда они спасались бегством, забираясь на крутую скалу или на одинокое дерево.

Довольно далеко от пещеры, где жили ореопитеки, простиралось обширное болото. Вернее, это была большая топь, наиболее опасная там, где ее поверхность покрывал сплошной ковер мха, осоки и других болотных растений. Каждый неосторожный шаг мог привести к гибели.

Местами над болотом возвышались хвойные деревья с воздушными корнями. Иногда попадались и лиственные — влаголюбивые болотные дубы, клены, тополя, магнолии. Их стволы опутывали тянувшиеся вверх, поближе к солнцу лианы. Заросли камыша и тростника обрамляли маленькие озерца, а поверхность воды покрывали крупные листья великолепных лилий. На более сухих местах росли пальмы, кое-где образуя небольшие рощицы. Эти красивые места были очень опасны. Лишь первобытные тапиры вида *Palaeotapirus* бесстрашно бродили по болоту, с давних пор избрав его своим основным местообитанием.

Стадо ореопитеков продолжало свой путь в поисках пищи, которая не была уже исключительно растительной, как у человекообразных обезьян, живших и поныне живущих в девственных лесах. На покрытых травой равнинах ореопитекам трудно было находить достаточно растительной пищи, тогда как лесные обезьяны в любое время года имеют сколько угодно молодых побегов и плодов. Поэтому ореопитеки, променявшие леса на степные просторы, переходили на мясную пищу. Однако, чтобы раздобыть ее, животным приходилось покрывать все большие расстояния.

Ореопитеки уже довольно далеко отошли от своего убежища. Еще вначале они отклонились от привычного пути, так как им повстречалось стадо мастодонтов — гигантских хоботных с четырьмя клыками, — направлявшееся к берегу далекой реки. Так ореопитеки, не подозревая об этом, оказались на краю торфяного болота, как раз в самой опасной его части.

Ореопитек, который упал со скалы, все больше отставал. От долгой ходьбы боль в ноге усилилась, и он не мог дождаться возвращения в пещеру. Однако покинуть стадо он не решался, так как чувствовал себя спокойнее, зная, что сородичи недалеко. Привыкнув жить в стаде, он боялся даже ненадолго оказаться в одиночестве — еще одна важная предпосылка для появления человека!

С трудом ковыляя за стадом, ореопитек не заметил, как впереди заколыхалась высокая трава. Еще немного — и перед ним вырос амфицион, крупный первобытный хищник, полуволок-полумедведь.

Они стояли друг против друга, один — готовый и нападению, другой — оцепеневший от страха. Хриплый рев вырвался из глотки ореопитека. Слишком долго бродил он по степи со стадом, чтобы не почувствовать, что угрожает его жизни. Всем его существом овладело желание спастись. Несмотря на боль в ушибленной ноге, он кинулся бежать. Хищник отрезал дорогу к стаду. Ореопитек отскочил в сторону и понесся к болоту.

Он не знал, куда бежит, не знал, найдет ли там спасение, — его гнал страх. Вскоре почва у него под ногами стала колыхаться все сильнее и сильнее. Ореопитек растерялся. Столько раз бегал он по зеленому ковру земли, но никогда не ощущал подобного. Однако бежать можно было только вперед — позади блестели оскаленные клыки неповоротливого, но сильного и выносливого хищника. И ореопитек в ужасе несся вперед. Однако с каждым шагом он все глубже и глубже погружался в болото. Крик ужаса вырвался из его горла, он бешено заколотил руками вокруг себя, ища опоры. Но чем больше ореопитек рвался и дергался, тем быстрее погружался в черную топь. Вот она ему уже по грудь, а еще через мгновение — по шею. И прежде чем амфицион настиг его, он исчез. Лишь несколько крупных пузырей появилось на поверхности болота, и опять все успокоилось: если не считать черных пятен на зеленом ковре, все было так, как будто ничего не произошло.

По меньшей мере 10 миллионов лет минуло с того дня. Сегодня от болотистой почвы на том месте не осталось и следа. За

столько лет она превратилась в залежи бурого угля. Однако ореопитек не исчез. Правда, тело его разложилось, но скелет, хотя и несколько видоизмененный, сохранился в толще угля.

«Найден первобытный человек, живший 15 миллионов лет назад!» «Открытие скелета «угольного» человека!» — такие заголовки появились на страницах многочисленных газет и иллюстрированных журналов в августе 1958 года. Было ли содержание статей столь же сенсационным, как заголовки? Если да, то насколько оно соответствовало действительности?

Отложим в сторону сообщения прессы и обратимся к фактам. Нужно сказать, что тогда действительно было сделано крупнейшее палеонтологическое открытие. Оно пролило свет на первые шаги эволюции человека; скелет принадлежал ореопитеку, человекообразной обезьяне, жившей в конце третичного периода, на границе между миоценом и плиоценом, то есть примерно 10 — 15 миллионов лет назад.

Для ученого мира открытие ореопитека не представляло чего-

либо принципиально нового; его костные остатки были известны давно. Но даже специалистов поразило, что в августе 1958 года нашли полный или почти полный скелет ореопитека. Если речь шла действительно о человекообразной обезьяне, это была поистине уникальная находка.

Как же произошло открытие?

Уже в 70-х годах прошлого столетия в буроугольной (лигнитовой) шахте на Монте-Бамболи в Тоскане (Италия) были обнаружены остатки неизвестного животного. Уголь, добываемый здесь в подземных выработках, относится к периоду верхнего миоцена.

Французский ученый Поль Жервез во время путешествия по Италии обратил внимание на эти кости и установил, что они представляют собой части скелета обезьяны, которую он назвал *Oreopithecus bambolii* — «горная обезьяна из Монте-Бамболи». Поль Жервез высказал предположение, что эта обезьяна была предком павиана, однако он не исключал и того, что ореопитек мог быть предком современных человекообразных обезьян, в пер-

вую очередь горилл. Дальнейшие находки не внесли ничего нового в уже существовавшие гипотезы, а дискуссия по-прежнему не выходила за пределы ученых кругов.

Но вот сравнительно недавно ореопитеком заинтересовался палеонтолог И. Хюрцелер из Базельского музея естественной истории. Он решил подвергнуть по-

вторному исследованию скелетные остатки европейских ископаемых обезьян. Хюрцелер обратился к многим итальянским музеям с просьбой предоставить ему для научной обработки скелетные остатки ореопитеков.

Проведенные им исследования показали, что по форме и строению зубов ореопитек совсем не относится к павианам, а близок скорее к человеческим формам, гоминидам. Это было большой неожиданностью для специалистов. А поскольку работа Хюрцелера внушала большое доверие и позволяла надеяться на будущие открытия, многие научные учреждения предоставили ему финансовую поддержку, с тем чтобы он смог лично провести в местах находок необходимые исследования и раскопки. В 1954 году Хюрцелер направился в Италию. К этому времени в шахте Баччинелло на Монте-Бамболи, неподалеку от Флоренции, были сделаны новые находки. Однако из-за плохой оснащенности шахты и сильной конкуренции работы была прекращена. Это обстоятельство не благоприятствовало исследованиям Хюрцелера; нужные материалы могла давать только действующая шахта — ученый убеждался в этом на каждом шагу. Например, он встретил ребенка, который играл зубами и нижней челюстью ореопитека. Стараясь выяснить происхождение странной игрушки, Хюрцелер узнал, что ребенок

извлек ее из ведра с углем. Ученый с горечью думал о ценных научных материалах, безвозвратно погибших в печи.

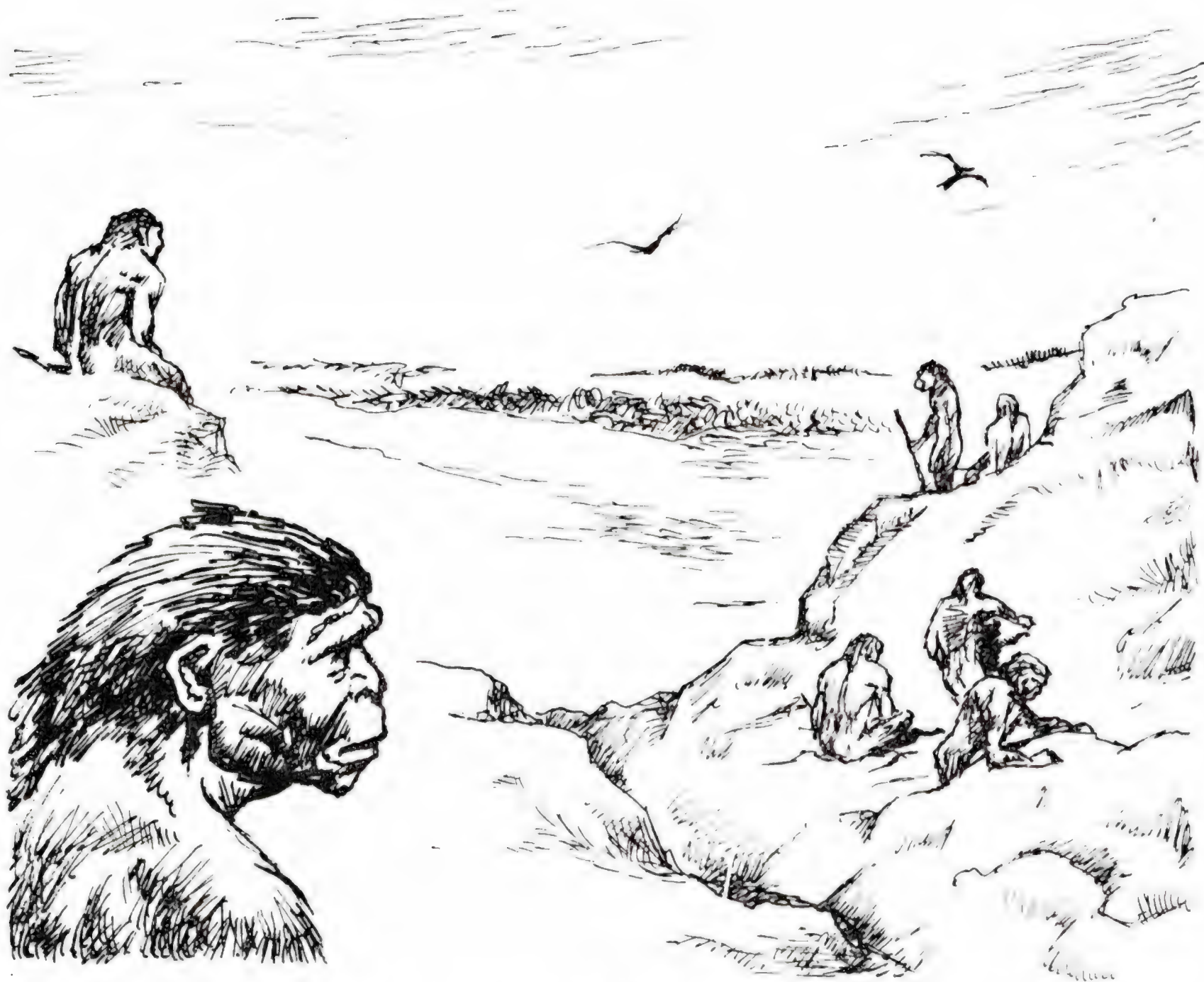
Прекращение добычи означало для местных горняков безработицу и лишения. Но шахтеры умели постоять за себя. В 1956 году с помощью государственного кредита они возобновили работы на шахте, создав производственный кооператив.

Вскоре после этого были сделаны новые находки, в основном благодаря шахтерам, которые проявляли большой интерес и уважение к научным исследованиям.

Однако через некоторое время положение вновь ухудшилось: кризис не миновал и шахты Баччинелло. Хюрцелеру пришлось приостановить исследования в одной из штолен, где работы были уже прекращены: из-за возросшего давления горных пород толстые бревна крепления начали трескаться. Кроме того, появились признаки опасного скопления рудничного газа.

При столь неблагоприятных обстоятельствах в ночь на 2 августа 1958 года и была сделана поразительная находка. Произошло это так. На глубине 200 метров обвалилась часть кровли. Молодой шахтер заметил в пласте угля над головой скелет ореопитека. О находке немедленно сообщили Хюрцелеру. Когда тот узнал, что грозит еще один обвал кровли, при котором скелет будет разбит вдребезги, он поспешно сделал беглую зарисовку скелета, чтобы точно зафиксировать его положение в угле. Как только рисунок был готов, он предпринял попытку спасти находку — и удачно. После нескольких часов кропотливой работы из свода штольни вырезали целую глыбу угля с заключенным в нем скелетом и доставили на поверхность. Пока Хюрцелер в своем кабинете в Базельском музее естественной истории тщательно изучал скелет ореопитека, весть о находке уже облетела весь мир. Крупнейшие газеты и иллюстрированные журналы в расчете на сенсацию публиковали краткие или пространные сообщения, часто сопровождавшиеся фантастическими рисунками и комментариями.

Трудно сказать, действительно ли этот скелет, найденный в буругольной шахте Баччинелло на Монте-Бамболи, принадлежит тому самому ореопитеку, который погиб в черной тине верхнемиоценового болота, спасаясь от дикого амфициона. Но, даже если все обстояло и не совсем так, факт остается фактом: миллионы лет пролежала в каменной могиле человекообразная обезьяна. Следовательно, уже в период раннего миоцена существовали виды, эволюция которых привела к возникновению человека.

ПОД ЮЖНЫМ НЕБОМ

С изрезанных широкими расщелинами скал, похожих на обрушившиеся крепостные стены или башни, открывался прекрасный вид на равнину, где паслись стада антилоп, зебр и жирафов и проносились табуны диких коней. В высокой траве прятались хищники. Здесь жили и павианы.

У скалистого отрога обосновалась группа странных существ, очень похожих на человекообразных обезьян. Несколько самцов копались в куче костей. Некоторые кости, отличавшиеся особой белизной, валялись здесь уже давно, но на попавших сюда позже еще были остатки мяса и сухожилий, а иногда и следы крови. Не первый раз перебирали их самцы, выскивая расколотые вдоль кости, походившие на острые кинжалы. Внимательно рассматривали они и длинные кости антилоп, то как бы взвешивая их на руке, то зажимая в кулак. Когда, примериваясь, они взмахивали ими в воздухе, кости преображались в опасные тяжелые палицы.

Вот одному самцу попался длинный острый осколок берцовой кости павиана. Внимательно рассмотрев его и, очевидно, решив

попробовать остроту края, он ударил им по бедру. То ли осколок был слишком острым, то ли удар слишком сильным, но лицо его, похожее на морду шимпанзе, исказилось от боли; он часто заморгал маленькими глазками, глубоко сидящими под нависшим лбом.

Это заметил проходивший мимо детеныш. Остановившись, он с любопытством уставился на взрослого, но уже через секунду удирал: раздраженный болью самец бросил на него грозный взгляд и, оскалившись, зарычал. В пасти, лишь отдаленно напоминавшей звериную, блеснули зубы, однако в ней не видно было мощных и страшных клыков, которые есть у сегодняшних горилл и шимпанзе. Клыки самца были немногим длиннее других зубов и напоминали уже клыки человека.

Как только детеныш скрылся, раздражение самца улеглось и он вновь занялся костяными кинжалами. Еще раз, теперь уже осторожнее, попробовал остроту краев, уколол себе сначала руку, а затем живот. По-видимому, он остался доволен «кинжалом», так как вскоре бережно положил его рядом с собой. Продолжая копать в куче костей, он время от времени с удовлетворением поглядывал на него.

Внезапно раздался шум и радостное ворчание. Все увидели двух приближавшихся к холму сородичей, которые, наполовину выпрямившись, тащили за собой убитого павиана. Это и было причиной шума и ворчания самок и детенышей, спешивших навстречу — добыча насытит пустые желудки.

Копавшиеся в костях самцы бросили свое занятие и поднялись. Они стояли, наполовину выпрямившись, и в этой необычной для человекообразных обезьян позе ожидали, когда поднесут охотничью добычу. Они не пошли навстречу прибывшим, как самки и детеныши, зная, что те сами придут к ним. Уже издавна на этом месте мирно делилась добыча. Длинные кости они разбивали камнями и, высосав мозг, выбрасывали в кучу.

Действительно, вскоре все сидели вокруг убитого павиана. Еда нравилась, и все были довольны и счастливы. Высоко в синеве южного неба сияло жаркое солнце...

Южная Африка, столь богатая золотом и алмазами, лишена известняка. Поэтому даже небольшие месторождения этого повсюду, кроме Африки, распространенного и очень важного промыш-

ленного сырья здесь тщательно разрабатываются. Благодаря этому на многих известняковых каменоломнях (Таунгс, Стеркфонтейн, Кромдрай, Сварткранс) были сделаны находки, представляющие огромный интерес для изучения древнейшего прошлого человечества.

Прежде всего это открытие австралопитековых, которые хотя и не являются непосредственными предками человека, но показывают, как выглядели животные — предки человека. Поэтому уделим им немного внимания.

Подходил к концу 1924 год, когда Раймонду А. Дарту, профессору анатомии Витватерсрандского университета в Иоганнесбурге, прислали из каменоломни в Таунгсе небольшой череп. После семимесячной препарировки оказалось, что он состоит из слепка мозговой полости, почти неповрежденной лицевой части с верхней и нижней челюстями и полным набором зубов. Двадцать молочных зубов и первые постоянные коренные зубы ясно свидетельствовали, что череп принадлежал детенышу в возрасте около семи лет. Но самым интересным было то, что череп имел признаки и человекообразных обезьян (шимпанзе) и человека. В предварительном сообщении, опубликованном Дартом в феврале 1925 года в английском журнале «Нейчер», была следующая примечательная фраза: «Экземпляр этот имеет большое значение, так как представляет собой вымершую породу обезьян, которую мы можем считать переходной ступенью между человекообразной обезьяной и человеком». Существо, которому принадлежал этот череп, Дарт назвал *Australopithecus africanus* —

«африканская южная обезьяна» (*australis* — «южный», а *pithecos* — «обезьяна»).

Английские и американские специалисты приняли сообщение Дарта весьма неблагоприятно. Для них достаточно было одного того, что оно было опубликовано вскоре после находки, а подобная спешка, по их мнению, всегда вредна. Возражали они и против вывода Дарта, что австралопитек представляет собой промежуточную форму между человекообразной обезьяной и человеком, то есть является тем знаменитым недостающим звеном — *missing link*, которое было столь популярно со времен Геккеля, но не получило признания. Коллеги упрекали Дарта и в неудачном выборе названия для своей находки, которое наводило на мысль, что она связана с Австралией.

Вскоре австралопитек получил в ученых кругах ироническое прозвище «бэби Дарта».

Все же двое ученых приняли открытие Дарта всерьез. Это были Алеш Хрдличка, директор антропологического отделения Национального музея в Вашингтоне, и в первую очередь Роберт Брум, врач по профессии, ставший выдающимся палеонтологом. Как раз в это время Брум закончил фундаментальный труд о южноафриканских древних пресмыкающихся и их значении для возникновения млекопитающих. Оба ученых исследовали заинтересовавшую их находку. Брум сразу принял сторону Дарта и начал пропагандировать его точку зрения, но и его усилия не привели к признанию австралопитека. Однако Брум был энергичен и не собирался капитулировать. Он оставил врачебную практику, занял должность куратора отдела палеонтологии позвоночных в Трансваальском музее и незамедлительно начал «охоту» за новыми черепами и скелетами австралопитеков, причем взрослых экземпляров, у которых скелетные признаки развиты полностью. Шел 1936 год, когда Брум закончил подготовку к поискам. Тогда он еще не представлял себе, сколько крупных открытий — и тяжелых испытаний — выпадет на его долю.

Свои исследования Брум начал несколько необычно, хотя и весьма успешно. Через печать Претории он обратился к общественности, рассказав, чем занимается и что ищет. Он был уверен, что местные жители охотно помогут исследователям, если будут знать, в чем суть поисков. Вера в людей вскоре принесла свои плоды. Однажды к нему пришли двое студентов — их звали Шеперс и Ле Риш — и сообщили что в небольшой пещере около

Роберт Брум

Стеркфонтейна, километрах в 50 от Йоганнесбурга, они обнаружили маленькие черепа павианов.

Именно такого сообщения и ждал Брум. Он немедленно отправился с обоими студентами к месту находки. Установив, что в каменоломне действительно попадаются кости, он попросил Дж. У. Барлоу, руководителя работ в каменоломне, собирать и сохранять для него за вознаграждение все черепа, которые будут найдены при

добыче камня. Барлоу знал, о чем идет речь, так как прежде работал в Таунгсе и помнил знаменитую находку — череп австралопитека. Когда через несколько дней Брум снова посетил его, тот передал ему слепок черепной коробки и показал место, где его нашли. Весь остаток дня до наступления темноты Брум тщательно перебирал мелкие куски породы, а на следующий день продолжал работу вместе с тремя специалистами и тремя рабочими. Результат был блестящим. Найденные обломки позволяли составить почти весь череп — повреждена была лишь лицевая часть.

Это был череп взрослого экземпляра, которого Брум вначале назвал *Australopithecus transvaalensis*, а затем переименовал в *Plesiantropus transvaalensis*, желая подчеркнуть, что в систематике он стоит по соседству с человеком: *plesius* означает «соседний». Несмотря на тщательные многомесячные поиски, на этом месте больше не было найдено ни одной косточки плезиантропа. Однако сообщение о плезиантропе, сделанное Брумом на конгрессе антропологов в Филадельфии в 1936 году, принесло ему полное признание.

Но сам Брум не был удовлетворен и продолжал исследования. В июне 1938 года Барлоу передал ему обломок черепа, в верхней

челюсти которого оставался один коренной зуб. Брум сразу понял, что это что-то новое, отличающееся от плезиантропа. Барлоу рассказал, что получил обломок черепа от школьника Герта Тербланча, который жил недалеко от фермы Кромдрай. Брум немедленно поехал к мальчику. Не застав его дома, он отправился в школу, где прежде всего зашел к директору. Узнав, какое дело у посетителя к маленькому Гертту, тот сразу вызвал ученика к себе. Герт выслушал его, улыбаясь, полез в карман брюк и вытащил оттуда четыре зуба. Брум сразу же установил, что два из них подходят к ячейкам челюсти. Герт повел Брума к месту находки у фермы Кромдрай и вручил ему хорошо сохранившуюся нижнюю челюсть с двумя зубами. Брум был очень доволен, но еще большее удовлетворение он испытал, когда ему удалось сложить из осколков почти целую левую сторону черепа и левую половину нижней челюсти со всеми коренными зубами. По остаткам резцов и клыков он легко установил, что зубы эти были небольшими. Теменной кости черепа не было — она давно развалилась. Этот череп существенно отличался от черепа плезиантропа. Лицо было более плоским, челюсти — мощнее, зубы — крупнее и крепче, что делало его похожим на черепа человекообразных обезьян. По форме зубов и сустава челюсти он очень напоминал человеческий. Брум был уверен, что этот череп относится к совершенно новому виду, который он назвал *Paranthropus robustus*. Название означало, что в систематике новый вид стоит рядом с человеком (*para* значит «рядом»). Это был большой успех, хотя некоторые специалисты и считали, что нельзя описывать новые виды по неполному черепу. Но Брум не обращал внимания на голоса «завистливых недоброжелателей», как он их называл. Однако ему пришлось столкнуться кое с чем худшим, чем человеческая зависть. После окончания второй мировой войны Брум сумел получить финансовую помощь южноафриканских властей для продолжения своих исследований. Казалось, теперь уже ничто не сможет задержать дальнейшие работы. Однако радость была вскоре омрачена неприятным, почти оскорбительным письмом, которое Брум получил от Южноафриканской комиссии по охране исторических памятников. В письме сообщалось, что Брум может заниматься исследованиями только под надзором опытного геолога, без советов и разрешения которого ему запрещается производить взрывы в местах раскопок. Это распоряжение рассердило и обидело Брума, но он не сдавался, а защищался в

соответствии со своим характером — энергично и страстно. Бюрократическая машина крутилась не так быстро, как ему хотелось бы. Он работал в Кромдрае уже три месяца, когда наконец пришло разрешение комиссии на проведение исследований. Едва прочитав его, он демонстративно прервал работу и перенес раскопки в Стеркфонтейн, где сделал важное открытие. Это было в апреле 1945 года.

И здесь одна находка следовала за другой. Брум обнаружил лицевую часть черепа молодого плезиантропа, шесть хорошо сохранившихся зубов, затем детский череп с несколькими молочными зубами.

17 апреля 1947 года вместе со своим ассистентом Джоном Тальботом Робинсоном он взорвал часть известнякового обрыва. Когда пыль улеглась и дым рассеялся, он увидел торчащий в отвалившемся при взрыве обломке и в самой скале череп. Брум тщательно препарировал находку и установил, что это хорошо сохранившийся череп, у которого отсутствовали только нижняя челюсть и все зубы верхней. После изучения оказалось, что череп принадлежал взрослой самке плезиантропа. Однажды сотрудники музея шутя называли его «миссис Плез», и очень скоро это название распространилось в научном мире.

Сенсационные находки Брума значительно подняли его авторитет. Однако комиссия вновь ополчилась на ученого и добилась официального подтверждения своего первоначального запрета. Бруму пришлось временно прекратить работы в Стеркфонтейне. Лишь когда П. В. Ломдаард, профессор геологии Преторианского университета, выступил в поддержку Брума, а печать и общественность осудили нападки на исследователя, комиссия отменила запрет. Так Брум получил возможность сделать еще целый ряд замечательных открытий, важнейшим из которых была находка нескольких позвонков и почти полного таза, подтвердившая ранее высказанное мнение, что южноафриканские австралопитеки передвигались в вертикальном положении. Таз австралопитеков нельзя отнести ни к человеческому типу, ни к типу человекообразных обезьян. Он занимает промежуточное положение между ними.*

К этому времени относится еще одна важная находка. В 1947 году А. Китчинг, сотрудник Дарта, отыскал недалеко от Макапан-

* Таз австралопитеков по форме и строению все-таки ближе к человеческому. — *Прим. ред.*

сгата заднюю часть черепа, близкую к человеческой. Уверенный, что рядом он обнаружил и остатки кострища, Дарт назвал существо, которому принадлежал обломок черепа, *Australopithecus prometheus*, желая подчеркнуть, что ему уже был известен огонь. Однако позже выяснилось, что остатки кострища не имели отношения к находке.

Между тем Брум начал раскопки на новом месте, около Сварткранса, примерно в двух километрах от Стеркфонтейна. Здесь он открыл новый вид парантропа, названный им *Paranthropus crassidens*, что значит «крупнозубый».

В 1909 году Брум уехал в Америку, и работу продолжил его ассистент Робинсон. Из нескольких его находок следует в первую очередь отметить челюсть, столь похожую на человеческую, что Робинсон назвал существо, которому она принадлежала, *Telanthropus*. Название это говорит о том, что данное существо достигло цели в процессе эволюции, стало человеком: *telos* означает «цель», а *anthropos* — «человек».

После возвращения из Америки Брум вновь принялся за работу, но ненадолго: 6 апреля 1951 года в возрасте 84 лет он умер. Не было, наверно, ни одного ученого-палеонтолога, который в день похорон Брума не вспомнил бы о нем с благодарностью, — ведь он очень много сделал для изучения происхождения млекопитающих и человека. Жизнь врача Брума, заполненная борьбой с превратностями судьбы, в конце концов увенчали признание и слава.

Остается досказать немного. В июле 1959 года появилось сообщение, что в Олдовайском ущелье на севере Танзании попечитель музея в Найроби С. Б. Лики и его жена Мэри нашли череп, который по ряду признаков близок к плезиантропу или парантропу, но во многом отличается от них и похож скорее на череп первобытного или даже современного человека. Самое интересное заключалось в том, что вместе с черепом этого примерно восемнадцатилетнего существа, которое Лики назвал *Zinjanthropus boisei* (*Zinj* — старое арабское название Восточной Африки, а Чарльз Бойз финансировал исследования Лики), были найдены также весьма грубо обработанные каменные орудия и, кроме того, кости грызунов, пресмыкающихся, птиц и детенышей крупных млекопитающих, явно представляющие собой остатки убитых и съеденных животных. Но если зинджантроп умел изготавливать каменные орудия, пусть даже самые примитивные, то он, вне всяких сомнений,

принадлежит уже не к австралопитекам, а к более поздним человеческим существам, поскольку изготовление орудий — один из основных признаков человека.*

Некоторые исследователи выделяют из группы австралопитеков также и телеантропа, считая его примитивным человеческим существом.

Открытие австралопитеков принадлежит к крупнейшим за последнее время. Уилфрид Э. Ле Гро Кларк, профессор анатомии Оксфордского университета, очень подробно и полно обработал найденные кости австралопитеков. В его распоряжении были остатки более чем тридцати особей различного возраста — детенышей, подростков и взрослых. Он писал, что австралопитеки — это обезьяноподобные существа с небольшим мозгом и мощными челюстями. На основании пропорций мозговой коробки и лицевых костей скелета можно установить, что по уровню развития они лишь незначительно отличаются от современных видов человекообразных обезьян. Отдельные признаки черепа и костей конечностей, а также зубов, свойственные современным и ископаемым человекообразным обезьянам, сочетаются у них с целым рядом признаков, близких гоминидам, то есть тому семейству, к которому принадлежат и современные люди. Строение грудной клетки, конечностей и таза показывает, что австралопитеки ходили в почти выпрямленном положении. Огня они еще не знали. По мнению некоторых специалистов, австралопитеки лишь случайно пользовались костями убитых животных в качестве орудий или оружия. Жили они в Южной Африке примерно 900 — 400 тысяч лет назад.

Для истории эволюции значение австралопитеков, хотя они и не являются непосредственными предками человека, несомненно, весьма велико. По мнению Г. Х. Р. Кенигсвальда, профессора палеонтологии и исторической геологии Утрехтского университета в Голландии, группа людей в самом широком смысле этого слова (то

* В 1960 году Л. Лики в том же Олдовайском ущелье, но на 60 сантиметров глубже обнаружил кости черепа, кисти, стопы и другие части скелета более прогрессивного существа, впоследствии названного *Homo habilis* (человек умелый), и отказался от своего первоначального мнения, согласно которому зинджантроп был творцом примитивных каменных орудий, а следовательно, древнейшим человеком. В настоящее время Л. Лики и его коллеги придерживаются мнения, что творцом этих орудий был *Homo habilis* — древнейший человек на земле, а зинджантроп представляет собой ископаемую человекообразную обезьяну, близкую к австралопитекам.

есть семейство гоминид) давно уже отделилась от обезьян, однако в первое время она заметно не отличалась от группы современных человекообразных обезьян. Затем от этой группы отделилась ветвь, которую, по-видимому, и представляют южноафриканские австралопитеки; развитие этой ветви проходило более или менее параллельно развитию группы человекообразных обезьян. Первая группа отличалась от последней вертикальным положением тела при ходьбе и более короткими клыками. На какой-то очень ранней стадии от ветви австралопитеков отделилась другая ветвь, которая, развиваясь затем самостоятельным путем, характеризующимся прежде всего уменьшением зубов и увеличением мозга, привела к современному человеку.

Многие сотни тысяч лет прошли с тех пор, когда в саваннах жили австралопитеки. Мы не знаем, служили ли им убежищами пещеры и расщелины в известняковых скалах. Эти животные питались в основном мясной пищей, чем резко отличались от всех ископаемых и ныне живущих человекообразных обезьян. Чтобы добыть мясо, они начали охотиться, в первую очередь на павианов, антилоп и газелей, объединяясь для этого в группы. О методах их охоты нам ничего не известно, но по некоторым находкам можно заключить, что очень часто они погибали насильственной смертью. Возможно, что австралопитеки (во всяком случае, некоторые) становились жертвами своих сородичей.

Долгое время мы ничего не знали о существовании австралопитеков. Но стремление к познанию помогло раскрыть под южным небом еще одну тайну древней истории человека.

ТРИНИЛЬСКИЙ ПАМЯТНИК

Река, извиваясь, неторопливо катит свои воды по широкой равнине. Иногда полоса песчаного берега исчезает, проглоченная дремучим лесом. Огромные деревья, обросшие мхом и лишайником, нависли над мутными водами, которые с незапамятных времен несут к востоку глину и вулканический пепел. Ветви, папоротники, гирлянды лиан сплетают такие непроходимые завесы, что их сторонится даже ищущий убежища зверь. На темной зелени кожистых листьев и светло-зеленых пятнах папоротников выделяются яркие орхидеи. Встречаются здесь и пальмы; к болотам и обмелевшим заливам реки подбираются заросли бамбука.

Джунгли наступают на берег стеной буйной зелени. А лес теснят поросшие травой и кустарником склоны вулканов. Когда они изрыгают потоки раскаленной лавы, гибнет все живое, поросшие травой прогалины и дикие заросли вековых деревьев превращаются в пепел. Застывая, огненный поток становится черным камнем. Проходят годы. Вода, солнце и ветер делают свое дело. Вот уже из трещин, куда занесло семена, выглядывает трава, поднимается

низкорослый кустарник. Но тучи пепла и грязи снова застилают небо — и снова гибнет все вокруг. Гор, извергающих огонь и смрад, много. Они курятся — не спят, в их недрах, словно вода и пар в перегретом котле, клокочет огненная лава.

Ясное свежее утро. Небо безоблачно, река, джунгли, песчаный берег, заросли трав, верхушки остроконечных гор освещены солнцем.

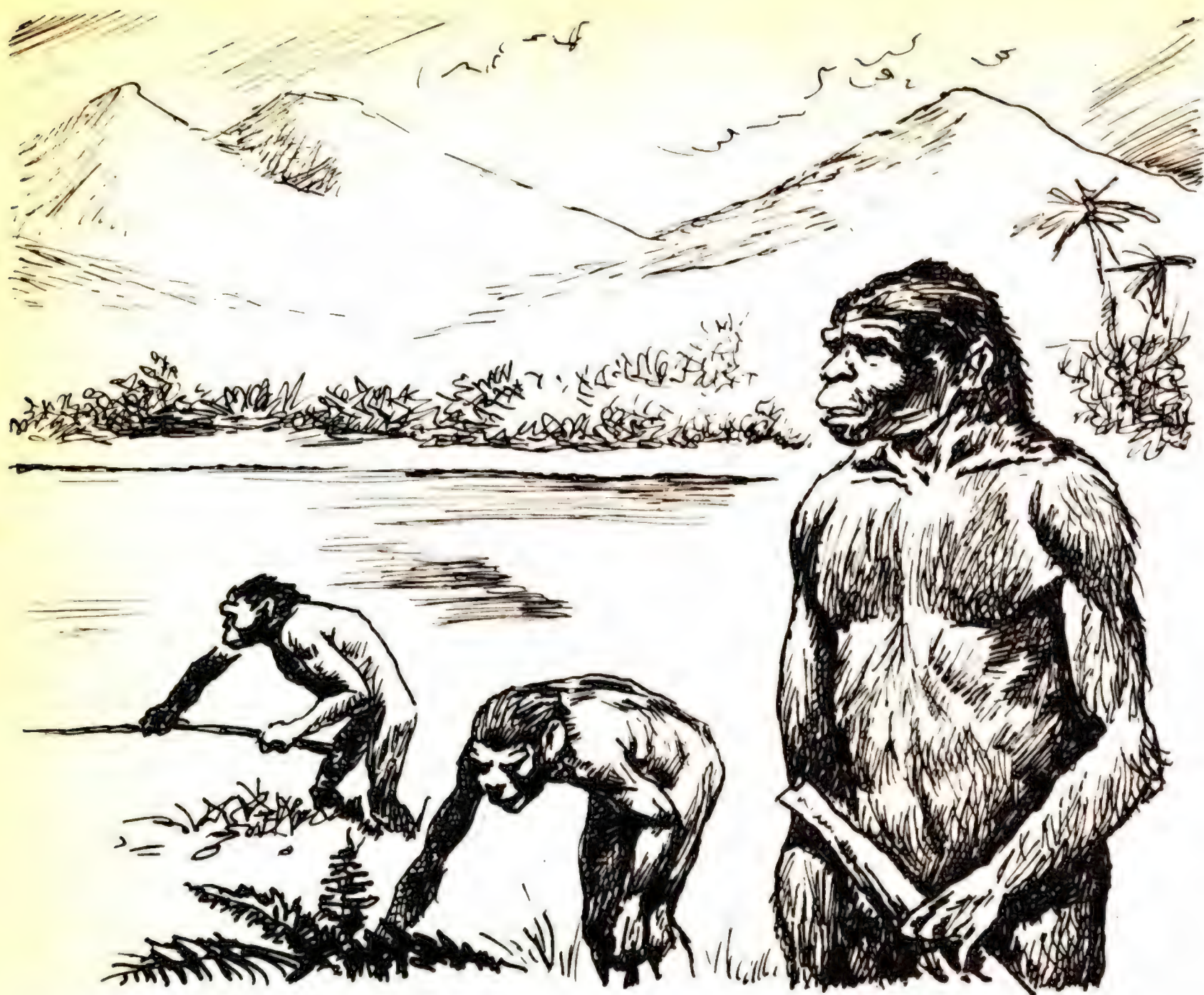
Но синева небосвода здесь изменчива — совершенно неожиданно небо покрывается тучами и проливной дождь обрушивается на землю. Глухой шум воды перекрывают раскаты грома. Сверкают молнии. Кроны лесных великанов шелестят в потоках хлещущей сверху воды.

Однако непогода проносится так же быстро, как и приходит. Едва утихают разбушевавшиеся стихии, как все живое покидает свои убежища. Снова раздаются пение и крики птиц, в высокой траве стрекочут цикады, над цветами порхают большие яркие бабочки. Выползают из нор грызуны, показываются из кустов мелкие хищники. Среди ветвей, высоко над землей скачут, преследуя друг друга, ссорящиеся обезьяны. На плоском камне греется пес-трая ящерица, а на прибрежный песок вылез подремать на солнце гигант крокодил. Пасутся на лесных прогалинах олени, антилопы, а сквозь чащу пробирается огромное животное с хоботом — стегодонт. Саблезубый тигр, оставив свое убежище, отправляется искать добычу.

Вдоль берега движется несколько странных существ, похожих на человекообразных обезьян. У них довольно стройные, прямые тела и слегка наклоненные вперед косматые головы, грубо вылепленные лица с маленьким широким носом, сильно развитыми скулами, низким, покатым лбом и прикрывающими глаза надбровьями. Нижняя челюсть лишена подбородка, тело покрыто короткими мягкими волосами.

Это племя примитивнейших первобытных людей. Впереди, то и дело внимательно осматриваясь, с палкой в руке идет самый рос-лый и сильный. Остальные в поисках пищи рассыпались по берегу.

Вот один пытается длинной веткой достать из воды дохлую ры-бу. Не дотянувшись, он рассердился, запрыгал на месте, однако войти в воду не решился. Рыбу понесло дальше, а он пошел вдоль берега, не сводя с нее глаз. Заметив, что течение прибывает до-бычу к берегу, он оскалил зубы и той же веткой вытащил ее на песок. Схватив рыбу, он тут же вцепился в нее зубами. Через не-сколько минут от дохлой рыбы остались только голова и плавники.

Один из спутников «рыболова» пытается откатить тяжелый камень, рассчитывая найти под ним вкусного червяка, крупного жука или даже небольшого грызуна. Но под камнем не оказалось ничего съедобного. Тогда, увидев, что женщина с детенышем за спиной лакомится плодами с низкорослого дерева, он подошел к ней, немного помедлил и тоже стал рвать и жадно поедать плоды. Оборвав все с одной ветки, он сделал шаг в сторону женщины. Испуганный детеныш крепче схватился за шею матери, испустившей крик возмущения. Выпрямившись и злобно сморщив лицо, она угрожающе закричала, однако, сообразив, что против нее не замышляют ничего плохого, вскоре успокоилась.

Солнце поднималось все выше, нагретый воздух струился над песчаным берегом. Маленькое племя первобытных людей направилось к лесу и вскоре скрылось.

Долго пробирались они через тенистый лес и по склонам гор, поросших травой и кустарником.

В этих краях кочевали и другие племена, но у каждого были «свои» места для охоты и поисков пищи.

Как всегда, восход солнца разбудил племя. Первобытные люди отправились на поиски пищи. Они срывали с деревьев и тут же съедали сочные плоды. На заросших травой прогалинах камнями и палками выкапывали мясистые клубни, корни, луковицы. Ловили ящериц, искали в кустах птичьи гнезда. Не брезгали и падалью, если она еще не совсем разложилась.

Жизнь в лесу, переходы с места на место в поисках пищи приучили их всегда быть настороже — опасности подстерегали повсюду. В этих первобытных людях еще сильны дикие инстинкты — они лишь недавно отделились от животного мира. Однако не только инстинкты защищали их в борьбе за существование. Ведь, освободив передние конечности, люди уже могли сделать простейшие орудия, и не только для того, чтобы легче было добывать пищу, но и для самозащиты. А главное, они уже были мыслящими существами, поднявшимися над стихией звериных инстинктов; как ни примитивно было их мышление, оно существовало: древнейшие люди уже пытались сопоставлять, находить, придумывать.

Уже несколько дней из кратера вулкана, закрывая небо, поднимался столб дыма. Иногда, словно предупреждая все живое о пробуждении огненной горы, содрогалась земля.

Племя кочующих первобытных людей наблюдало за ней с любопытством, но за грохотом и дымом ничего не следовало, и люди продолжали свои поиски. Между тем столб дыма разрастался, становясь все темнее, нараставший гул пугал, и людям хотелось уйти подальше от этой горы.

Вдруг оглушительный подземный грохот возвестил, что вулкан ожил. Столб черного дыма вырвался из кратера, в небо полетели грязь, пепел, обломки камней и комья раскаленной лавы. С вершины по склонам поползло ядовитое облако газа, которое не оставляло за собой ничего живого. И вот уже, растекаясь по склонам, шипя, сжигая все на своем пути, хлынули вниз потоки лавы.

Гигантская туча пыли и пепла затмила солнце. Первобытные люди мчались к лесу, чтобы укрыться от огня и дыма.

Из кратера вулкана рвались к небу языки пламени, ползли потоки лавы и газов, со свистом вылетали лапилли — комья застывшей лавы. Один из таких почти превратившихся в камень обломков обрушился на бегущего человека. Смерть наступила

мгновенно. И он навсегда остался там, где его настиг удар. А соплеменники погибшего успели добежать до леса и укрыться в нем.

Шло время. Все живое избегало сожженной земли, смрада отравивших ее газов, дыма тлеющей травы. Труп человека, застигнутого извержением, быстро разлагался под палящими лучами тропического солнца.

Но вот тучи затянули небо и хлынул проливной дождь. Иссущенная земля напилась досыта и уже не могла вбирать в себя воду, а ливень все продолжался. Река вышла из берегов. Вода смыла останки, понесла с собой и сбросила там, где поток ослабел. Их покрыло глиной, песком и пеплом.

Погиб ли первобытный человек при извержении вулкана или что-то другое послужило причиной его смерти, но так или иначе то, что сохранилось от его скелета, было найдено спустя несколько десятков тысяч лет и поразило ученых, вызвав среди них серьезные разногласия.

Небольшой поселок Триниль на реке Соло, протекающей по острову Ява, где были обнаружены части скелета, стал одной из самых известных антропологических сокровищниц. Именно здесь впервые были найдены кости питекантропа — одного наиболее древних и примитивных представителей человеческого рода.

Мне хочется рассказать об истории этой находки.

Шел 1859 год, когда английский естествоиспытатель Чарльз Дарвин издал свою знаменитую книгу «О происхождении видов путем естественного отбора». Основываясь на фактах, собранных за пять лет кругосветного путешествия на корабле «Бигль», и на богатом опыте сельскохозяйственной практики, Дарвин выступил со своей эволюционной теорией, поставившей естествознание на совершенно новую и надежную основу.

В книге Дарвина впервые приводились убедительные доказательства того, что растительный и животный мир возник не в результате божественного акта творения. Вопреки утверждениям знаменитого шведского натуралиста Карла Линнея (и многих его единомышленников) этот мир не является неизменным. Наоборот, на протяжении геологических эпох он непрерывно изменялся от

простейших форм к сложным, все более совершенным. Эти эволюционные изменения происходили всегда в результате естественных причин, подчинялись естественным закономерностям, действующим и сегодня.

Теория Дарвина взбудоражила умы. Большинство ученых немедленно выступили против Дарвина, многие заняли выжи-

дательную позицию и лишь кое-кто приветствовал новое учение, стал его последователем и убежденным борцом за его признание.

Провозглашенная Дарвином теория опрокидывала устоявшиеся представления, выбивала из привычной колеи, — принять эту новую веру многим было нелегко.

Примечательно, что в «Происхождении видов» Дарвин совершенно не говорит о человеке, разумеется, намеренно: в письме к одному из друзей ученых он признается, что обошел вопрос о происхождении человека от древних обезьян потому, что эта проблема затрагивает слишком много предрассудков. И тем не менее мы находим в его книжке такую фразу: «Свет озарит и происхождение человека, и его историю». В этих обыденных словах достаточно четко выражена мысль, что и человек является плодом эволюционного прогресса.

Среди страстных приверженцев Дарвина, с самого начала распространивших его учение и на человека, был известный немецкий ученый Эрнст Геккель, профессор Иенского университета. В своей книге «Естественная история мироздания» он дал полное, хотя и основанное на предположениях, родословное древо человека и научно аргументировал с точки зрения эволюции существование переходной формы между человекообразными обезьянами и чело-

веком. Эту гипотетическую особь Геккель назвал *Pithecanthropus*, образовав название из двух греческих слов — *pithecos* — (обезьяна) и *anthropos* — человек, иначе говоря, обезьяночеловек. Следует подчеркнуть, что в 1868 году, когда книга Геккеля впервые увидела свет, доказательства существования питекантропа отсутствовали — не было найдено ни куска черепа, ни какой-либо другой кости, ничего.

И только в 90-х годах прошлого столетия появился исследователь, который решил добыть эти доказательства, — Эжен Дюбуа.

Дюбуа родился 28 января 1858 года. Окончив университет в Амстердаме, где он изучал естествознание и медицину, Дюбуа поступил ассистентом к выдающемуся анатому Максу Фюрбрингеру. Еще в годы учебы Дюбуа с интересом следил за борьбой вокруг признания эволюционного учения и роли эволюции в происхождении человека. Горячий сторонник теории Дарвина, он сразу ухватился за гипотезу Геккеля о питекантропе. Дюбуа поверил в существование питекантропа. Он был твердо убежден, что подтверждение этой гипотезы послужит лучшим доказательством истинности эволюционного учения Дарвина.

Первое препятствие было уже само по себе достаточно серьезным: Дюбуа не знал, где искать. Но однажды он прочел в научном журнале статью, которая утверждала, что если уж верить в существо, стоявшее между животными и человеком, то искать его кости можно только на островах Малайского архипелага. Лишь там живут гиббоны — единственная группа обезьян, которая имеет какое-то отношение к человеку. Вскоре Дюбуа узнал, что на острове

Чарлз Дарвин

Эрнст Геккель

Суматра обнаружены поздне третичные млекопитающие, и окончательно решил, что питекантропа следует искать на Малайском архипелаге. Дюбуа считал, что питекантроп мог жить в конце третичного периода.

Однако все ходатайства Дюбуа об оказании финансовой поддержки экспедиции за питекантропом оставались без ответа. Сам Дюбуа не был состоятельным человеком, но обладал таким ценным качеством, как

упорство исследователя. Он решил оставить работу в университете и поступить врачом в голландскую колониальную армию. Фюрбрингер, которому Дюбуа сообщил о своих намерениях, дружески отговаривал молодого ученого, убеждая, что многолетнее пребывание в экваториальной Азии погубит его университетскую карьеру. Но Дюбуа не изменил своего намерения. Мысль найти питекантропа, доказать, что законы эволюции действительны и для человека, была слишком заманчивой.

В конце октября 1887 года Дюбуа отплыл из Голландии на Суматру. Там, на западном побережье острова, в Паданге, он и начал свою службу в больнице. На Суматре Дюбуа сразу приступил к раскопкам, уделяя им все свободное время. С помощью туземцев он обследовал все пещеры в окрестностях Паданга, но безрезультатно. Вероятно, только отсутствием опыта можно объяснить, что здесь, в тропиках, Дюбуа начал раскопки с пещер. Ведь то, что в Европе приводило к успеху, здесь оказывалось бессмысленным. В Европе древнему человеку приходилось прятаться в пещерах в холодное время года, при наступлении ледников, а во влажном и жарком климате тропиков, где не существует резкой разницы между летом и зимой, пещеры никогда не служили людям жильем.

Дюбуа копал год, второй, третий и все безрезультатно. Раскопки поглотили все его сбережения, но и самой маленькой косточки питекантропа он не обнаружил. Правда, попадалось много костей животных. К счастью, Дюбуа был не только упрям, но и терпелив — неудачи не остановили его.

Эжен Дюбуа

Однажды Дюбуа получил с соседнего острова Ява обломки черепа, найденные неким ван Ритшотеном в каменоломне, где добывали мрамор. Обра-

ботав и соединив обломки, Дюбуа решил, что это череп австралоидного типа, но ни в коем случае не череп жителя Явы. Однако находка побудила ученого просить перевода на Яву. Его желание удовлетворили.

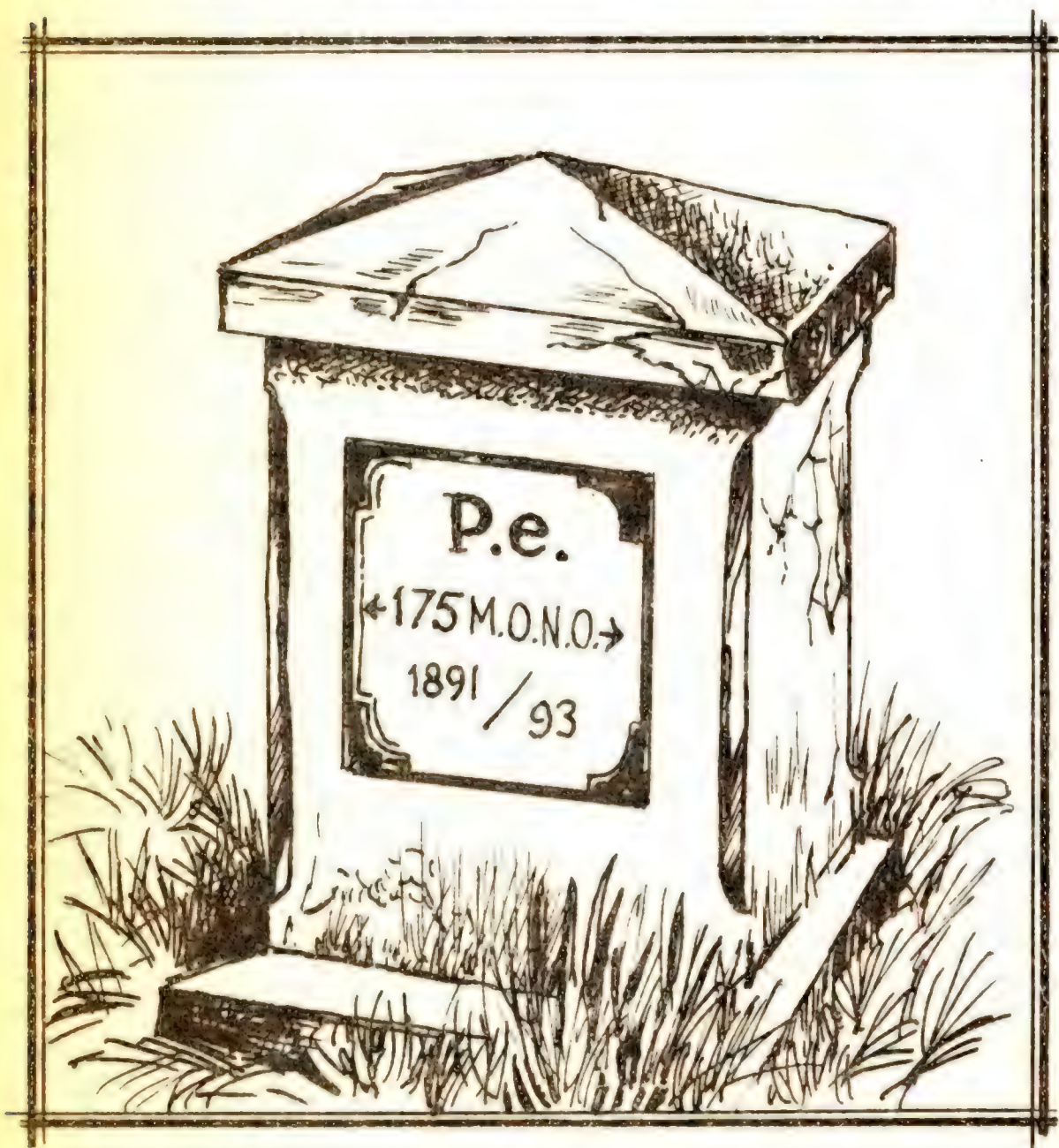
14 апреля 1890 года Дюбуа прибыл на Яву и немедленно начал раскопки неподалеку от Вадьяка, на южном берегу острова. Вскоре ему удалось найти обломки черепа. Но Дюбуа был хорошим анатомом и понимал, что ни этот череп, ни ранее найденный не принадлежат предкам человека. Следовательно слои, в которых они обнаружены, относятся к более позднему геологическому времени, а значит, и искать в них кости питекантропа бесполезно. Поэтому Дюбуа изменил место раскопок: сначала он перенес их к Кедунг-Брубусу, в сторону от побережья, а потом — в окрестности селения Триниль, где местные жители давно находили древние кости. Самые крупные, принадлежавшие животным с хоботом, они считали костями великанов.

Дюбуа начал копать в этом районе в августе 1891 года. К концу сухого времени года уровень воды в реке понизился, обнажив слои пород, в которых находили кости. Вскоре и Дюбуа обнаружил

здесь множество костей и зубов вымерших млекопитающих. Самой интересной из первых находок был зуб — третий верхний коренной, который сразу привлек внимание Дюбуа. Он принял его за коренной зуб большого шимпанзе, к тому времени на Яве уже вымершего. Спустя месяц всего в трех метрах от места, где был найден зуб, он откопал черепную крышку с сильно развитым надглазничным валиком. Однако Дюбуа все еще продолжал считать, что и это кости вымершего шимпанзе.

Период дождей прервал работы. Возобновились они только на следующий год. И вот в августе 1892 года в том же слое, на расстоянии всего пятнадцати метров от места первых находок, Дюбуа раскопал неповрежденную левую бедренную кость. И если зуб и черепную крышку можно было с большей или меньшей уверенностью приписывать шимпанзе, то в отношении этой кости у опытного анатома не могло быть никаких сомнений: она принадлежала существу, передвигавшемуся в вертикальном положении.

До окончания сезона Дюбуа нашел на том же месте еще один коренной зуб — на этот раз второй верхний. Ученый сразу опубликовал краткое предварительное сообщение о своих находках, но оно не привлекло особого внимания, так как было напечатано на страницах малоизвестного специального журнала.

Только в 1894 году Дюбуа издал в Батавии (нынешняя Джакарта) на немецком языке обширный иллюстрированный труд о своих находках. Название его было и впрямь сенсационным: «Питекантроп прямоходящий — человекообразный промежуточный тип с острова Ява». Дюбуа писал: «Питекантроп есть переходная форма, которая, со-

гласно эволюционному учению, должна была существовать между людьми и антропоидами (человекообразными обезьянами). Он — предок человека!» На посланном Геккелю экземпляре автор сделал интересное посвящение: «Изобретателю питекантропа».

Итак, мечта Дюбуа осуществилась. В слоях туфа на берегу реки Соло у поселка Триниль на Яве он нашел остатки скелета, принадлежавшего существу с признаками одновременно и обезьяны, и человека. Дюбуа счел это существо промежуточным типом между обезьяной и человеком. К названию *Pithecanthropus*, данному Геккелем, он добавил *erectus* — прямоходящий, поскольку бедренная кость явно указывала, что существо передвигалось в вертикальном положении.

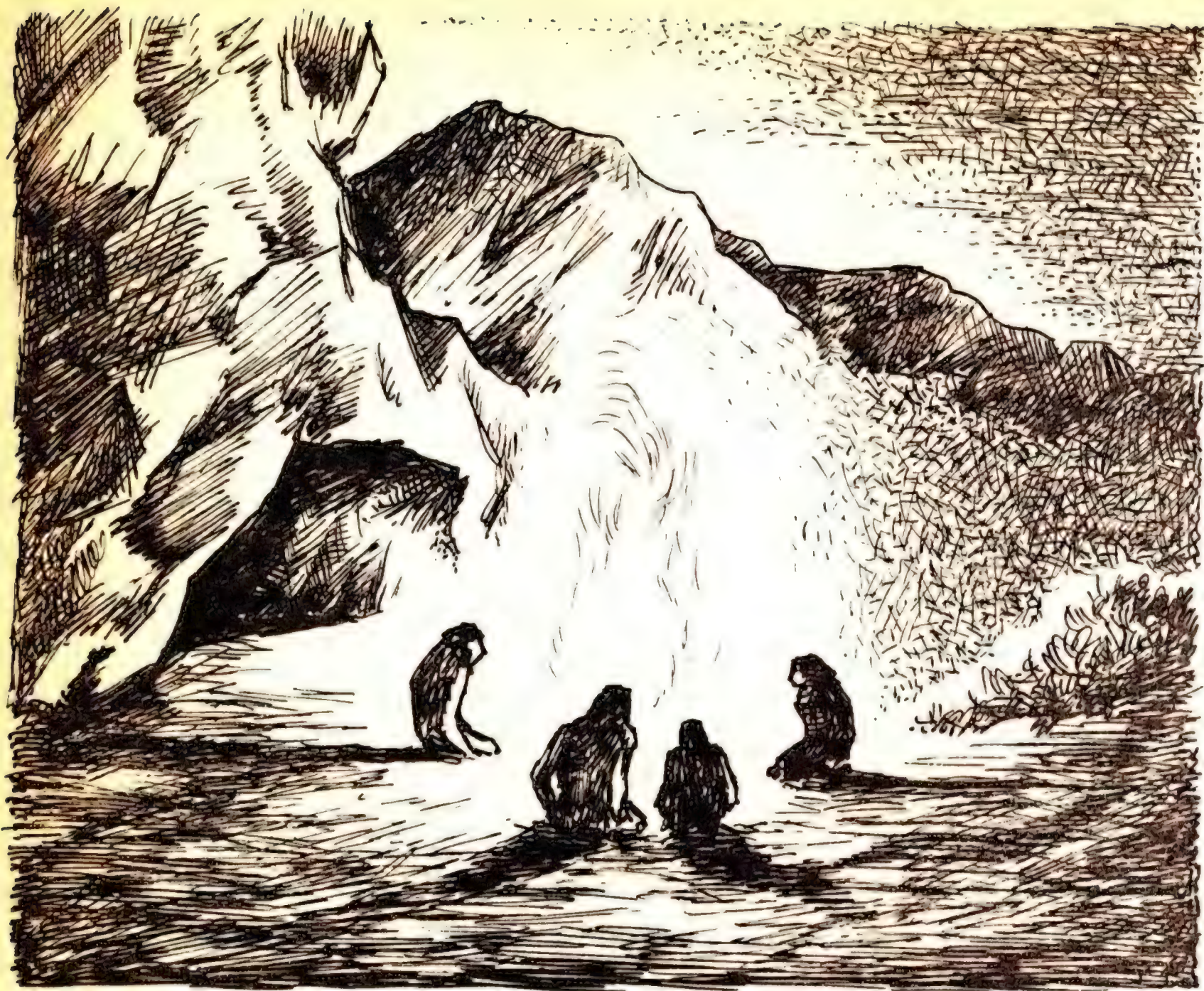
Новые находки и исследования показали, что питекантроп является не промежуточным, «недостающим» звеном между человекообразной обезьяной и человеком, а нашим далеким примитивным предком, но заслуга Дюбуа не становится от этого меньше.

Мы не забудем и место, где было сделано открытие. Окрестности поселка Триниль малопривлекательны. Но там стоит камень с лаконичной и загадочной для непосвященного надписью:

Р.е. — 175 м О— N— О— 1891/93

Мало кто приходит сюда и немногие понимают эту надпись, которая означает, что в 175 метрах отсюда на восток-северо-восток в 1891 — 1893 годах был найден *Pithecanthropus erectus*.

Этот камень и надпись на нем — не памятник, это постоянное напоминание о научном подвиге, о большом открытии, положившем начало разгадке тайны.

ОГОНЬ

В пещерах и широких расщелинах горных отрогов издавна находил прибежище первобытный человек. С одной стороны до самого моря простиралась бескрайняя равнина, покрытая небольшими перелесками и густым кустарником, а с другой — далеко в глубь гигантского континента тянулись горные цепи.

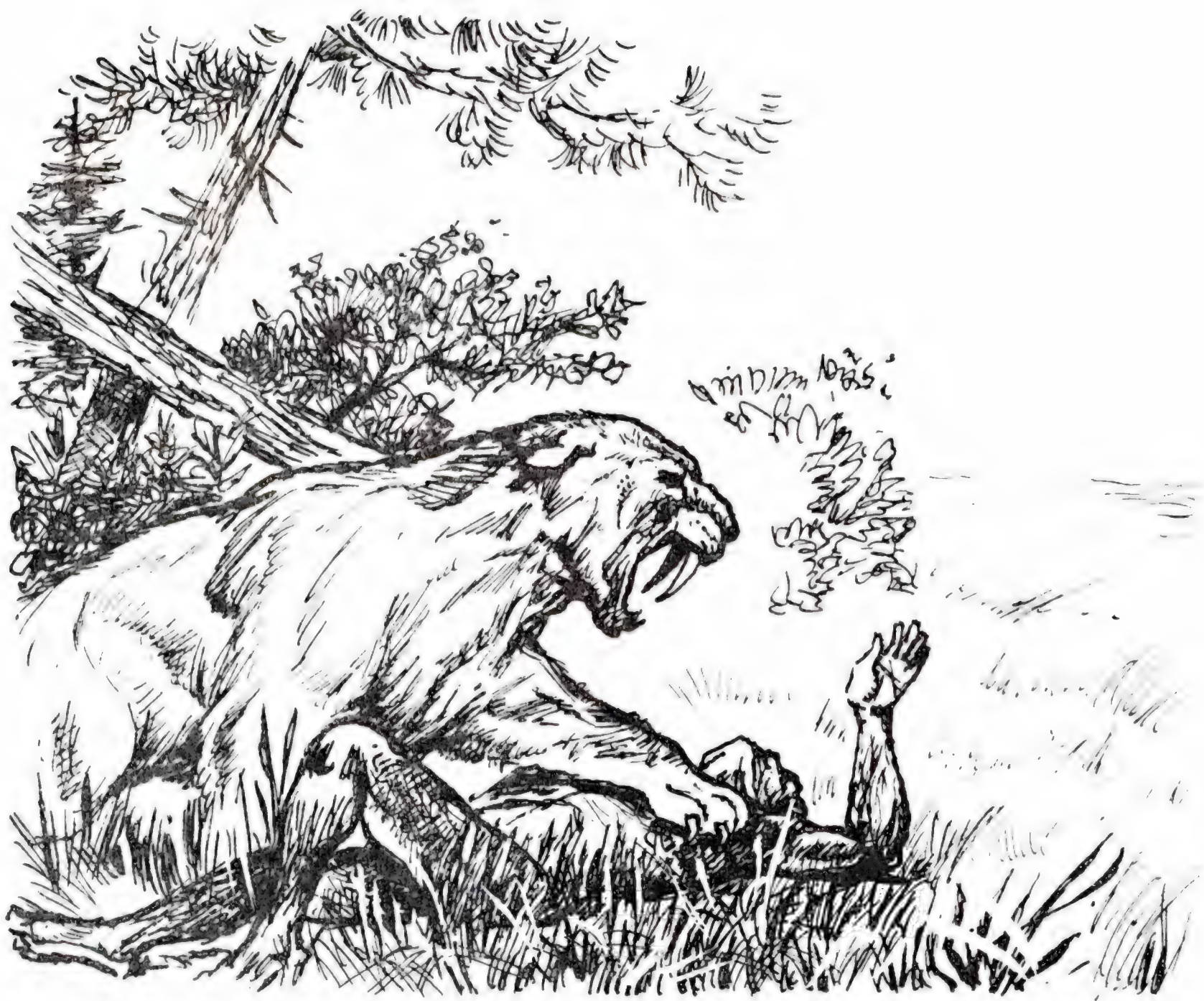
На равнине первобытные люди добывали пищу, собирая плоды, клубни, луковицы и сладкие корни. Здесь ловили мелкую и крупную дичь, с вождением поглядывая на стада гигантских первобытных слонов и на отшельников-носорогов, — охотиться на них они пока не решались. Простые деревянные палицы и грубо обработанные камни или даже кости, которыми они пользовались в качестве оружия, были для этого совершенно непригодны, да и им самим еще не хватало ловкости и хитрости. Зато иногда удавалось подстеречь у водопоя диких лошадей, убить в зарослях гиену, вытащить из норы какого-нибудь грызуна, а то и захватить врасплох на берегу реки зазевавшегося гигантского бобра — трогонтермия. Часто преследовали первобытные люди и стада страу-

сов. Однако настигнуть этих огромных птиц они могли, лишь загнав их в густой кустарник. Чаще всего им приходилось довольствоваться крупными яйцами, которыми были полны страусиные гнезда.

У входа в пещеру пылает большой костер. Люди очень заботятся о запасе сухих ветвей для него. Уже много времени прошло с тех пор, как они случайно овладели огнем. Это было после большой засухи, когда все вокруг высохло от жары. Острая молния, прорезав черное небо, расщепила и подожгла ствол сухого дерева. От падающих на землю горящих веток вспыхнула пожелтевшая трава, а ветер погнал огонь во все стороны. Это море огня не мог потушить даже начавшийся дождь. Несколько тлеющих угольков, которые люди, преодолевая страх, принесли в пещеру в полых костях, превратились в маленький костер, когда самые смелые положили на них немного сухой травы и веток. Сначала люди боялись огня — он больно кусал, если к нему неосторожно приближались. Но когда они научились обращаться с огнем и заметили, что от него исходит приятное тепло, он прогоняет темноту ночи и отпугивает хищных зверей, то подружились с ним.

Однажды люди очень испугались. Много дней с серого неба хлестали потоки дождя. Все вокруг промокло насквозь. В костер бросили последние сухие ветки. Языки пламени, похожие на нетерпеливых красных змей, жадно набросились на них. Но вскоре пламя стало спадать, гаснуть. Люди сидели на корточках вокруг потухшего костра, и глаза их были полны страха. Зачарованно смотрели они на тлеющие угольки, которые гасли один за другим. Обшарили всю пещеру, бросились наружу, пытаясь отыскать сухие ветви. К счастью, дождь начал стихать, но вот под нависшей скалой нашли несколько сучьев, до которых не добралась вода. С радостным ворчанием разгребли люди пепел костра и, собрав кучку еще тлеющих угольков, бросили на них несколько щепочек. Увидев пробивающиеся вверх маленькие язычки пламени, они испустили крик радости. Этот случай научил людей следить, чтобы для костра всегда было припасено достаточно сухих веток, так как сырые огонь не принимал и умирал под ними, если не был достаточно высоким и сильным.

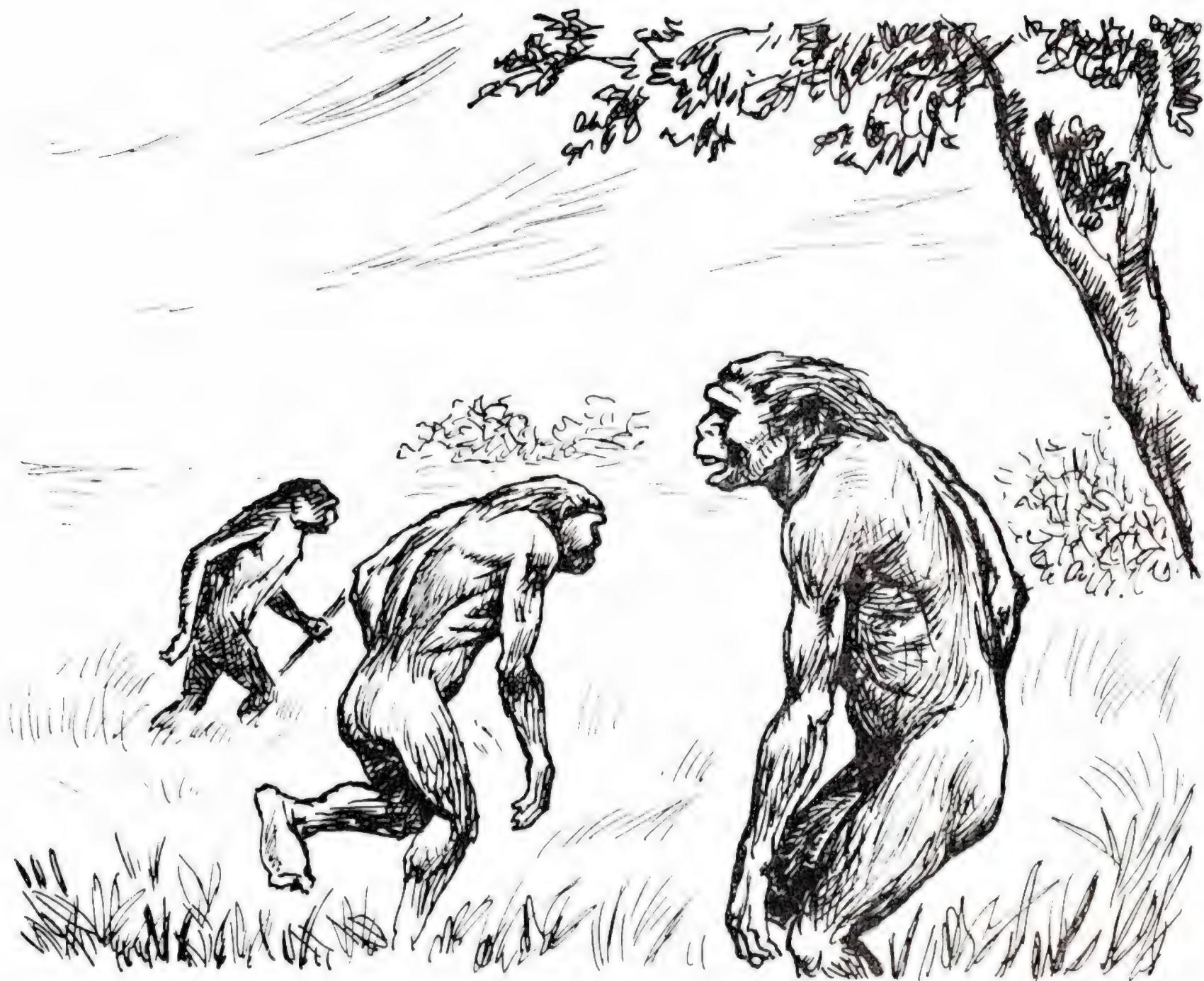
Несколько мужчин расположились у входа в пещеру. Из обломков песчаника и кремня они мастерят грубые, простые орудия.

Неподалеку лежат женщины, а вокруг них возятся малыши. Дети весело кричат, но голоса их не такие звонкие и высокие, какие мы привыкли слышать при выражении радости, а грубые и резкие.

Возможно, именно из-за шумной возни детей мужчины прервали свое занятие и вышли из пещеры. Осторожно, крадучись, продвигались они вперед, неотрывно следя за всем, что происходит вокруг. Малейшее движение, самый слабый звук не оставались без внимания — ведь повсюду их подстерегали опасности...

Люди шли долго и не заметили, как солнце склонилось к горизонту. На опушке густого леса они обменялись жестами и простыми, но понятными для них звуками и осторожно углубились в заросли кустарника. Местами ветви переплелись, и люди с трудом пробирались сквозь них. Но вот заросли поредели. Когда полоса мелколесья была уже почти позади, один из шедших вдруг остановился, с ужасом глядя под большой куст, потом в страхе закричал и бросился бежать. Соплеменники уже мчались следом. А за ними по пятам неслись огромный саблезубый тигр-махайрод. Это

был похожий на современного тигра хищник с торчащими из пасти саблевидными клыками.

Первобытные люди недолго бежали вместе — очень скоро они рассыпались в разные стороны, потеряв друг друга из виду.

Но саблезубый тигр не упускал намеченной жертвы. Он настиг человека, сбил его с ног и загрыз.

А остальные продолжали бежать.

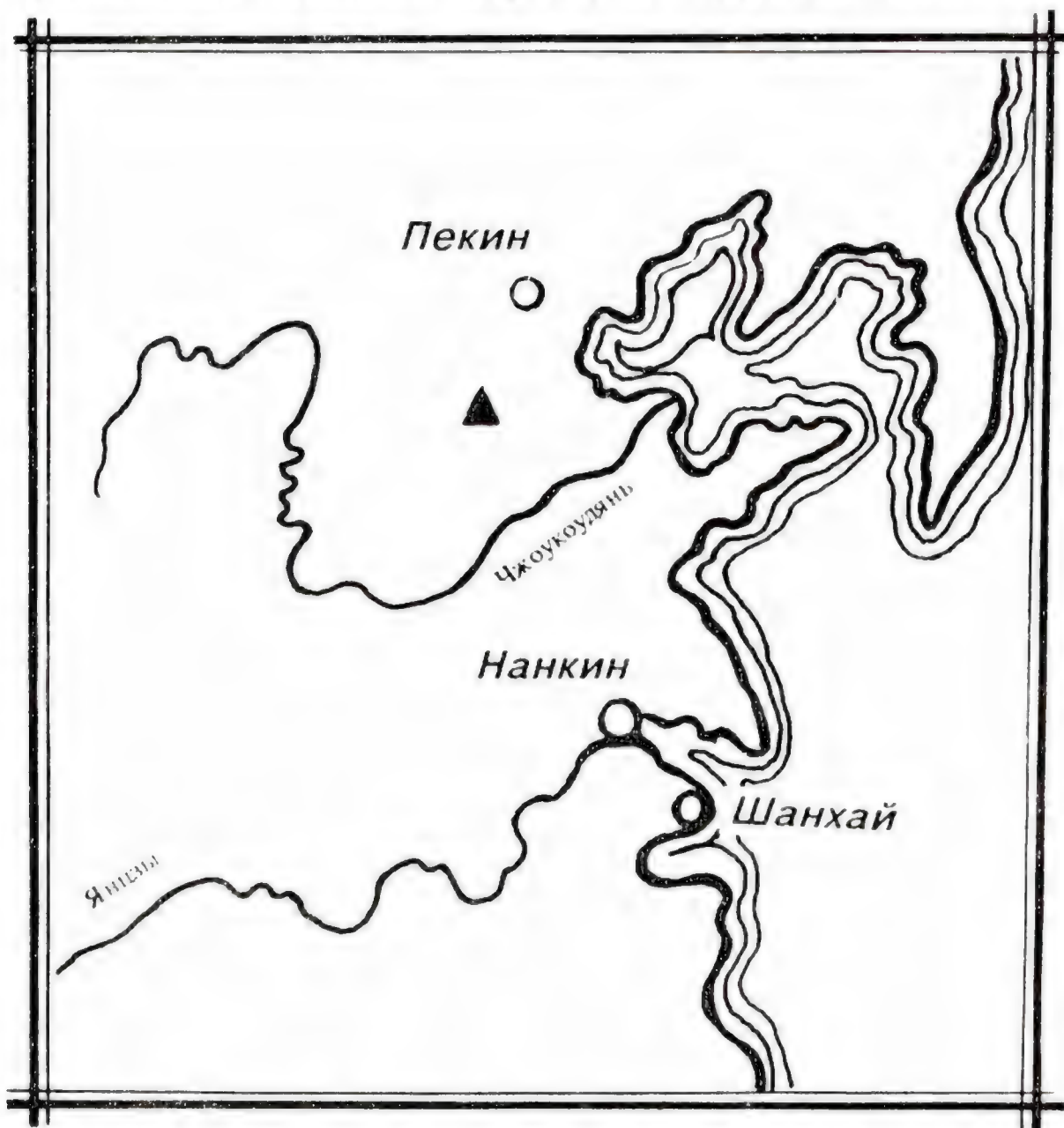
Сгущались сумерки, на потемневшем небе загорелись первые звезды. Ужас гнал людей все дальше через кустарник по заросшей травой равнине. Они уже перестали ориентироваться и не знали, куда загнал их страх.

Опустилась ночь, и тут пришло спасение. Один за другим люди замечали вдалеке светящуюся точку. Теперь они знали, куда идти, — ведь это свет пылающего в их пещере костра.

Минули десятки тысяч лет, и сюда пришли ученые, наслышанные о «горе драконовых костей» в общине Чжоукоудянь, примерно в 40 километрах от Пекина. Здесь в пещере была обнаружена стоянка китайского первобытного человека.

Палеонтологическими исследованиями в Китае последние десятилетия занимались шведы, в первую очередь (если не считать шведских миссионеров) шведский геолог И. Г. Андерссон, приглашенный в 1914 году тогдашним китайским правительством на должность советника по геологии и горной добыче. Его исследования и легли в основу изучения китайского первобытного человека.

Весной 1918 года, будучи в Пекине, Андерссон узнал, что под Чжоукоудянем есть «гора куриных костей», в которой находят ископаемые мелкие кости, и посетил это место. Вскоре вместе

с палеонтологом О. Здански они начали первые раскопки. Это было в 1921 году. Позже выяснилось, что для раскопок более интересна расположенная поблизости «гора драконовых костей», где находили крупные кости и множество зубов. Исследователи перенесли свои изыскания туда и обнаружили не только кости

олений, трехпалых лошадей, медведей, диких свиней и других животных, но и несколько осколков кварца, совершенно чужеродного минерала в этой известняковой скале. Только человек мог их принести, чтобы сделать какие-то орудия. Именно тогда Андерссон и сказал, что здесь погребен первобытный человек и его остается только открыть. Предсказание Андерссона сбылось. Среди огромного количества самых разнообразных костей и зубов Здански обнаружил два зуба, которые, как он считал, могли принадлежать человеку.

Сообщение Здански чрезвычайно заинтересовало еще одного ученого — канадца Дэвидсона Блэка, профессора анатомии в Пекинском медицинском колледже, который во время учебы в Манчестере у выдающегося антрополога Дж. Эллиота Смита занимался

проблемой происхождения человека. Блэк считал, что именно Азия явилась колыбелью человечества, и с радостью принял предложение занять должность профессора в Пекине. Исследовав зубы из Чжоукоудяня, Блэк подтвердил, что они действительно принадлежат человеку, однако, по его мнению, относятся к очень отдаленной геологической эпохе.

Блэк считал, что на месте находки в Чжоукоудяне следует немедленно начать более широкие раскопки. Раздобыв необходимые средства и заручившись поддержкой Китайского института геологии в Пекине, которому Блэк пообещал, что научная обработка находок будет осуществлена в Пекине и все они останутся в Китае, ученый начал работы.

Блэк намечал провести раскопки с 16 апреля по 19 сентября 1927 года. Можно было и не приводить этих дат, если бы не тот факт, что до 19 сентября здесь не было найдено ни одной человеческой кости, хотя из большой пещерообразной ямы вынули и тщательно перевероростили более 3000 кубических метров земли. И лишь 16 сентября, за три дня до окончания работ, молодой шведский геолог Биргер Болин, которого Блэк назначил руководителем раскопок, нашел зуб, явно принадлежащий человеку.

Болин сразу отвез зуб в Пекин Блэку, который установил, что это мощный нижний коренной зуб очень примитивного человеческого существа приблизительно восьмилетнего возраста. Сравнительные исследования показали, что этот зуб, который Блэк считал «самым важным зубом во всем мире», принадлежит неизвестному до того времени примитивному человеку, названному Блэком *Sinanthropus pekinensis* — китайским пекинским человеком. Правда, было несколько рискованно на основании одного зуба говорить о новом виде примитивного человека, очень похожего по своему строению на открытого на Яве питекантропа. Зато впоследствии гипотеза Блэка подтвердилась. После опубликования отчета об открытии синантропа Блэк отправился в Европу и Северную Америку — показать драгоценный зуб выдающимся специалистам и узнать их мнение. Причем, чтобы не потерять зуб, Блэк заказал у пекинского ювелира цепочку для часов, а в качестве брелока к ней — небольшую полую фигурку, в которой и поместил зуб.

Возвратившись из поездки, Блэк продолжил раскопки в Чжоукоудяне. Около шестисот ящиков было заполнено костями различных ископаемых млекопитающих. Были найдены и кости синантропа: правая половина челюсти взрослого индивида с тремя

Дэвидсон Блэк

зубами, осколок челюсти ребенка, несколько черепных костей и более двадцати зубов. Раскопки 1928 года подтвердили, что здесь когда-то жили очень примитивные человеческие существа, похожие на яванских первобытных людей.

Столь же богатые материалы принесли и раскопки 1929 года, которыми теперь руководил молодой китайский ученый Пэй Вень-чжун. Продолжительные дожди очень задержали работы, и они затянулись до позд-

ней осени. Теперь исследователям мешали холода. Но вот 1 декабря 1929 года в 16 часов Пэй нашел полную черепную коробку синантропа. Он осторожно освободил череп от песчаных отложений и твердого травертина — пористого известнякового туфа.

Уже 28 декабря 1929 года Блэк сделал первое предварительное сообщение на специальном заседании Китайского геологического общества. В нем отмечалось, что найденный череп был сравнительно небольшим и низким, а его кости — поразительно толстыми. Над глазами выступал сильно развитый валик. Емкость мозговой полости черепа составляла 1000 кубических сантиметров — значительно больше, чем у человекообразных обезьян. Слепки мозговой полости наглядно показывали, что мозг был уже на пути к типично человеческому. Человеческой по своему типу была и нижнечелюстная ямка — сильно углубленная она совсем не походила на плоскую ямку обезьян. Оказалось также, что профиль черепа близок профилю питекантропа.

После этой находки Блэк целиком посвятил свою жизнь изучению синантропа. В его кабинете накапливалось все больше материалов из Чжоукоудяня. Следует отметить, что к первона-

чальному месту раскопок прибавились пять новых. В обширном материале Блэк обнаружил обломки еще одного черепа. Тщательно и с большим трудом составив их воедино он получил целую черепную крышку и часть основания черепа, о чем сделал сообщение не только для специалистов, но и для представителей прессы. Теперь замечательное открытие стало достоянием широкой общественности.

Франц Вейденрейх

Однако здоровье Блэка было далеко не блестящим. Он знал, что у него больное сердце, но совершенно не щадил себя. К этому времени исследование синантропа и раскопки в Чжоукоудяне стали основным содержанием жизни ученого. Катастрофа наступила раньше, чем он закончил свой труд. 15 марта 1931 года в 9 часов утра секретарь Блэка нашла его в кабинете мертвым. Он лежал, опустив голову на письменный стол, и держал в руке череп синантропа.

Однако со смертью Блэка исследования синантропа не прекратились. В качестве преемника Блэка был приглашен профессор анатомии Чикагского университета Франц Вейденрейх — автор многочисленных работ по сравнительной морфологии и анатомии, а также эволюции человека и человекообразных обезьян. Пока Вейденрейх занимался дальнейшим изучением черепов, костей и зубов синантропов, подтверждая мнение Блэка что синантроп является уже человеком, хотя и весьма примитивным, и очень близок к питекантропу, Китайское геологическое общество продолжало раскопки в Чжоукоудяне, на «горе драконовых костей». Работы велись в нескольких местах и на различных уровнях. (Поэтому отдельные на-

ходки костей синантропов обозначены в специальной литературе не только римскими цифрами, но и буквами — по месту раскопок.) Число находок все возрастало, так что к началу войны с Японией известны были остатки около сорока особей, причем исследователи нашли двенадцать черепов и челюстей. Кроме скелетных остатков древних первобытных людей, в Чжоукоудяне обнаружили множество костей различных млекопитающих. Из полностью вымерших животных следует назвать прежде всего саблезубого тигра *Machairodus inexpectatus* и гигантского бобра *Trogontherium cf. cuvieri*, а из вымерших видов ныне существующих животных: из семейства медведей — *Ursus angustidens*, из семейства кошачьих — *Felis teilhardi*, из семейства гиен — *Hyaena sinensis*, *Hyaena zdanskyi* и *Hyaena ultima*. Из найденных остатков птиц наиболее интересны кости вымершего вида страуса *Struthio anderssoni*.

История исследования синантропа из Чжоукоудяня закончилась весьма печально. Когда японская армия, вторгшись в Китай, приближалась к Пекину, Вен Веньхао, директор Китайского института геологии, обратился к Генри С. Хафтону, президенту Медицинского колледжа в Пекине, с просьбой помочь спасти коллекцию скелетных остатков синантропов. Договорились, что коллекция будет перевезена в Нью-йоркский музей естественной истории, а после окончания войны ее возвратят в Пекин. Хафтон посетил военно-морского атташе при американском посольстве в Пекине Уильяма Э. Эшерста и просил его отправить коллекцию в Нью-Йорк с ближайшим военным транспортом. Сделать это было нетрудно, так как в то время Соединенные Штаты еще сохраняли нейтралитет в китайско-японской войне. К 5 декабря 1941 года коллекция находилась в специальном поезде, направлявшемся с американской воинской частью в портовый городок Ценьхуандао, где ее предстояло погрузить на американское судно «Президент Гаррисон». Однако, когда 7 декабря японские бомбы обрушились на Пирл-Харбор, война в полную меру разгорелась и здесь. Экипаж «Президента Гаррисона» затопил свое судно в устье реки Янцзы, чтобы оно не попало в руки врага, а специальный поезд был остановлен и полностью разграблен японцами почти у самого места назначения. С этого момента пропал всякий след коллекции синантропов из Чжоукоудяня.

Хорошо еще, что благодаря Блэку и Вейденрейху этот драгоценный материал полностью описан и проиллюстрирован в книгах и что сохранились слепки. Счастье также, что Вейденрейху уда-

лось закончить свой труд о синантропе. Ныне и его уже нет в живых: в июле 1947 года он скончался от сердечного приступа. Остается только надеяться, что дальнейшие раскопки в Чжоукоудяне возместят ущерб, причиненный войной.

В древнем мифе о Прометее говорится, что однажды он почувствовал жалость к роду человеческому, ведущему тяжелую жизнь, полную лишений и невзгод. Желая помочь людям, Прометей похитил огонь со священной горы Олимп — обители древнегреческих богов — и в полом посохе принес его на Землю. Зевс, верховный бог, разгневался за это на Прометея и в наказание приковал его к скале, где орел клевал ему печень, которая вновь и вновь вырастала до тех пор, пока одаренный сверхчеловеческой силой Геракл одним ударом не убил орла.

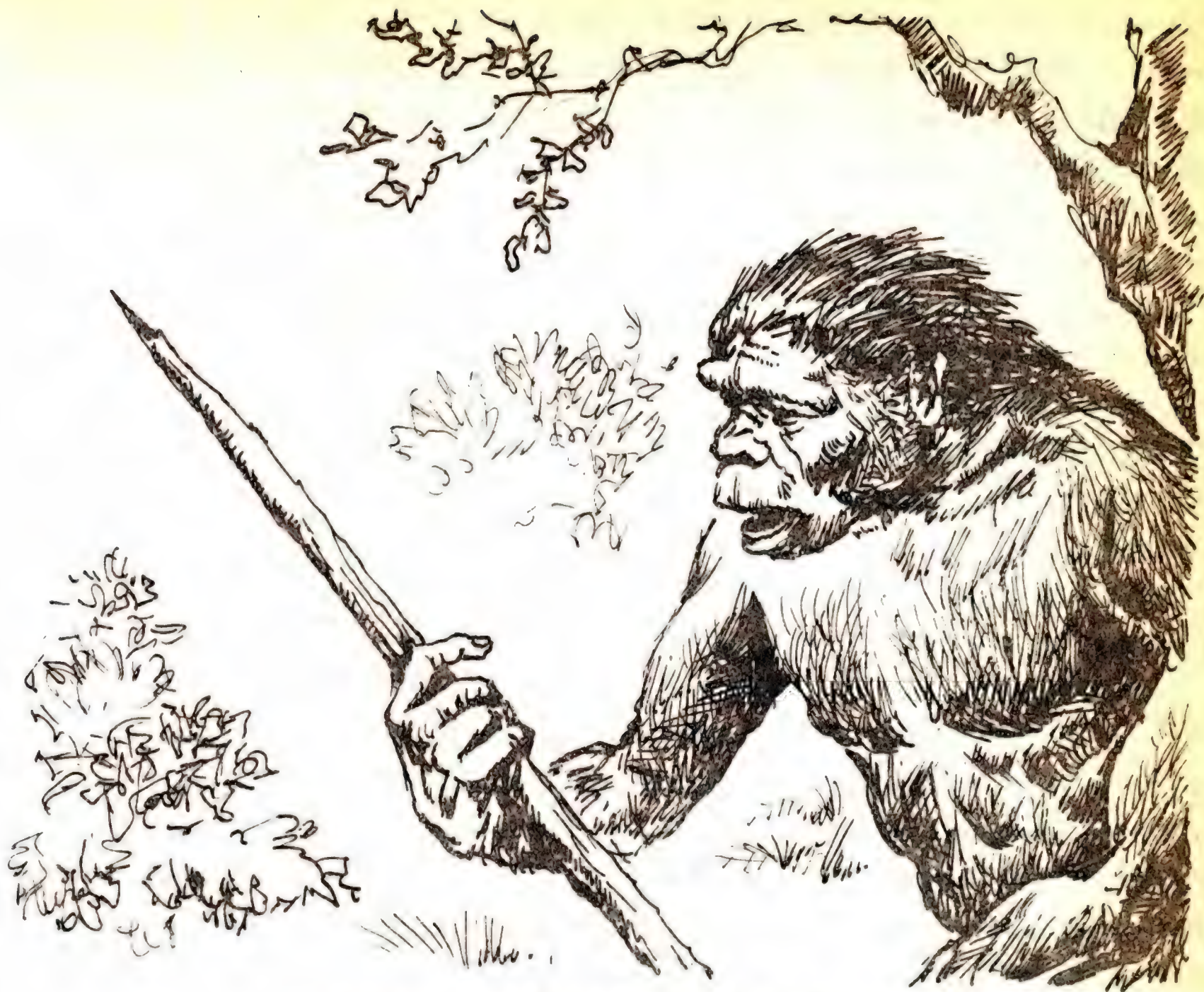
Если бы этот миф древнегреческого поэта Эсхила оказался правдой, Прометей, несомненно, сжалился бы уже над древнейшими первобытными людьми и именно им передал благотворный огонь.

Но, как бы то ни случилось, мы знаем, что синантропу из Чжоукоудяня огонь уже был известен. Установлено, что он еще не умел добывать его сам, а овладел им случайно. Возможно, источником огня был вызванный молнией пожар. По-видимому, вначале синантропы боялись огня, убегали и прятались от него в пещерах. Однако, когда нестерпимый жар спал, наверное,

самый отважный из людей стал с любопытством разглядывать тлеющие древесные угли. Очень может быть, что кто-то бросил на них горсть сухой травы или тонких веток и, когда они вспыхнули, синантропы поняли, какая пища нужна огню. Чтобы перенести тлеющие угли в пещеру, синантропы могли воспользоваться полыми продолговатыми костями убитых животных, в которые вкатали палкой горячие угольки, а может быть, они просто потащили горящую с одной стороны палку или сук. Во всяком случае, несомненно, что в пещерах синантропов пылал огонь, который они старательно поддерживали в течение долгого времени, о чем свидетельствует шестиметровый слой пепла, обнаруженный при раскопках в Чжоукоудяне. Ни в одном другом месте, даже относящемся к более поздним историческим периодам, не встречаются столь большие кострища, как в Чжоукоудяне.

Знакомство с огнем и его использование имели очень большое значение для жизни синантропа. Огонь не только защищал от хищников, но и позволял синантропам на протяжении многих поколений жить в местности с неблагоприятным климатом. Таким образом, не только совершенствование некоторых физических признаков и способность изготавливать каменные орудия, но и овладение огнем резко отличали синантропов, а вместе с ними и других древнейших первобытных людей от их животных предков.

РАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

Сквозь редколесье, тянувшееся вдоль берега широкой реки, крались несколько первобытных людей. Они осматривали каждый куст, каждое деревце, не оставляя без внимания и высокую траву. Передаваемый из поколения в поколение опыт учил их постоянной осторожности, тем более что в этих местах с ровным и мягким климатом водилось очень много самых различных животных. В рощах бродили стада лесных слонов, сквозь чащи поодиночке продирались первобытные носороги, в зарослях скрывались косули, в болотах и прибрежном камыше рылись стада кабанов, гигантские бобры выискивали в лесных чащах по берегам реки подходящие деревья для сооружения своих речных плотин, их вспугивали пробежавшие мимо первобытные лоси, бизоны, олени. К реке на водопой приходили неповоротливые дикие лошади, которых только постоянная настороженность спасала от неожиданного нападения хищников. В изобилии водилась здесь и дичь.

В руках у людей были грубо обработанные камни, а двое были вооружены крепкими, заостренными с одной стороны палками.

Эти деревянные копья изобрел один из них. Однажды — уже много времени прошло с тех пор — он мчался по лесу, преследуя раненую косулю, и в охотничьем пылу налетел на острый конец обломанной ветви, который воткнулся ему в бедро. Кровоточащая рана и острая боль оказались сильнее охотничьего азарта. Зажав рану рукой, человек заковылял к скале, под которой расположилось его племя. Много дней охотника была лихорадка, пока наконец он не забылся глубоким и продолжительным сном. Проснувшись, он почувствовал себя лучше, боль немного стихла, но не скоро еще рана зарубцевалась окончательно. Выздоровливая, человек не раз думал о приключившемся с ним несчастье. Однажды он снова оказался возле места, где едва не лишился жизни. Он долго осматривал обломанный сук со следами запекшейся крови, пока громкие крики спутников не заставили его поспешить за ними. Однако острый обломок ветви, легко вонзившийся в тело, неизменно всплывал в памяти человека, как только рука его касалась большого шрама на бедре. И вот в примитивном мозгу под низким, покрытым глубокими морщинами лбом появилась идея. Издав радостный клич, первобытный человек начал торопливо ломать ветви, он даже вырывал с корнем молодые деревца и обламывал их кроны, каждый раз рассматривая место излома. Он наломал уже целый ворох ветвей и все еще был недоволен. Но вот раздался крик удовлетворения — в руках первобытного человека был крепкий сук с длинным, постепенно суживающимся твердым и острым концом. Оборвав ветки и отбив острым камнем сучки, он превратил его в копье. А когда ему удалось в первый раз вогнуть новое оружие в тело преследуемого зверя и одним ударом свалить его, он ликовал так же громко, как и его спутники. Их торжествующие крики были данью не только человеческой ловкости, но и человеческому разуму. С того времени люди стали делать такие примитивные копья и постоянно пользовались ими на охоте.

Вот и сегодня двое были вооружены копьями. Медленно, осторожно продвигались люди по лесу. Однако, кроме нескольких птичьих гнезд, которые они моментально опустошили, им ничего не удалось обнаружить. Так они добрались до берега реки. Убедившись, что им не грозит опасность, люди вышли на песок и направились к воде. Утолив жажду, они немного побродили по мелководью в поисках рыбы, но, ничего не найдя, отправились дальше вдоль берега. Широкой дугой обогнули густые заросли кустарника и вновь вышли к реке. В небольшой рощице из ив, ольхи

и тополей с густым подлеском довольно близко от себя они вдруг услышали шум и треск ветвей. Люди замерли, готовые обратиться в бегство.

Однако ничего не произошло. Шум затих, и вновь воцарилась тишина. Но люди продолжали стоять, напрягая зрение и слух, сжимая в руках камни и деревянные копья. Затем один, прячась за стволы деревьев и заросли, осторожно двинулся вперед. Выглянув из-за ствола большой ольхи, он увидел в нескольких шагах от себя семейство трогонтериев — гигантских бобров, которые обгладывали кору с молодых побегов ольхи. Трогонтерии и были виновниками шума: перепилив зубами ствол, они свалили дерево. Глаза охотника радостно заблестели. Некоторое время он напряженно наблюдал за животными, которые, ничего не подозревая, продолжали лакомиться ветками, а потом бесшумно проскользнул назад к своим спутникам. Жестами и гримасами рассказал он им о том, что увидел.

И вот люди, прячась за кустами и деревьями, крадутся к берегу реки. А один направился туда, где трудились трогонтерии. В этом и заключалась охотничья хитрость. Подобравшись как можно

ближе к трогонтериям, охотник, немного выждав, с криком бросился на них. Животные помчались к реке, где они чувствовали себя в безопасности, но, прежде чем они успели добраться до воды, наперерез выскочили люди. Один трогонтерий в страхе понесся прямо на человека, и тот с размаху всадил в него деревянное копье. Пока двое охотников добивали животное, третий у самого берега догнал другого бобра и ударил его по голове зажатой в руке рукой камнем. Борьба была нелегкой: огромный грызун яростно защищался: бешено вырываясь, он царапал когтистыми лапами, бил мощным плоским хвостом, а когда ему удалось на мгновение освободить голову, всадил свои огромные, похожие на стальное долото резцы в волосатую ногу человека. Тот закричал от боли и отпустил бы, наверное, добычу, если бы на помощь не пришел другой охотник, тяжелой дубиной раздробивший гигантскому грызуну череп.

Так первобытным людям удалось убить двух трогонтериев. Это была богатая добыча. Бобры отличались осторожностью, и добыть их было нелегко. Но тут людям помогли опыт и в немалой степени — хитрость.

Усталые, возвращались первобытные люди к своему племени. С помощью грубо обработанных каменных орудий они разделали добычу, и началось пиршество — на время забылись и опасности, и трудности...

Около 400 тысяч лет прошло с того времени, когда героям нашего рассказа удалось с помощью хитроумной уловки убить двух гигантских бобров. Казалось бы, головокружительно далекое прошлое не выдаст ни одной из своих тайн. Но случилось иначе. Старательный, упорный и, что самое главное, терпеливый ученый вызвал из бездонных глубин прошлого удивительную и важную тайну: он установил, что и в Европе жили древние первобытные люди. Расскажем, как это произошло.

Километрах в десяти от Гейдельберга, на берегу Эльзенца, притока Неккара, расположилась деревушка Мауэр. Здесь в песчаном карьере, владельцем которого был некий Реш, очень часто встречались кости первобытных млекопитающих. Реш рассказал рабочим о научном значении этих находок и просил каждую найденную кость старательно очищать от песка и сохранять для Отто Шетензака, учителя гимназии в Гейдельберге. Шетензак много лет собирал и изучал кости первобытных млекопитающих, которые встречались в песчаной почве Мауэра. Ему уже удалось обнаружить

несколько интересных видов этих животных. Однако, будучи сторонником учения о эволюционном развитии человека, Шетензак надеялся найти костные остатки человека. «Уже больше двадцати лет, — писал Шетензак, — я ищу в разработках песчаного карьера Графенштейн под Мауэром следы человека. Безуспешно пытался я обнаружить остатки угля и костров. Небольшие роговики, в основном из встречающегося в окрестностях известняка, не носят никаких следов обработки. Острые осколки костей, которые я дома

старательно очищал от песка, окаменевшего от углекислой извести, с целью обнаружить следы обработки, сплошь оказывались обломками естественного происхождения. Оставалось только надеяться, что среди многочисленных костей млекопитающих когда-нибудь попадутся и костные остатки человека. Господин Реш, у которого научные изыска-

ния всегда вызывают большой интерес и полное понимание, любезно согласился немедленно известить меня о возможной находке».

Однажды Шетензак получил от Реша письмо, в котором тот сообщал, что 21 октября 1907 года «...у подошвы песчаного карьера найдена хорошо сохранившаяся нижняя челюсть первобытного человека со всеми зубами». Обрадованный Шетензак ближайшим поездом выехал в Мауэр, здесь он узнал, что челюсть была найдена рабочим Даниэлем Гартманом в самом нижнем горизонте песчаного карьера, на глубине 24 метров. Хотя Гартман извлекал челюсть очень бережно, она все же сломалась. Но обе половинки настолько хорошо подходили друг к другу, что места излома почти не было видно. Осмотрев

челюсть, Шетензак сразу определил важность этой находки и решил составить официальный протокол. Из расположенного неподалеку Неккаргемюнда вызвали нотариуса, который со слов Гартмана записал обстоятельства находки. Протокол подписали Гартман; один из его товарищей рабочих и возчик, который как раз в момент находки грузил песок на свою телегу, а также Реш и Шетензак. К протоколу были приложены фотографии и точный план местности.

Найденная челюсть, известная в специальной литературе как «гейдельбергская», отличается крупными размерами и массивностью. Ее отростки, несущие суставные поверхности, очень коротки, довольно широки и располагаются наклонно, подбородочный выступ отсутствует; эти признаки делают ее похожей на челюсть человекообразной обезьяны. Однако зубы типично человеческие. Клыки небольшие и не возвышаются над уровнем остальных зубов. А поскольку зубы имеют большое значение для определения принадлежности какого-либо существа к той или иной группе, существо, которому принадлежала челюсть, следовало исключить из группы человекообразных обезьян. Это сделал уже Шетензак. Еще в 1908 году он опубликовал работу «Нижняя челюсть *Homo heidelbergensis* из песков Мауэра около Гейдельберга», где подробно описал найденную челюсть, привел ее изображение и назвал существо, которому она принадлежала, *Homo heidelbergensis* — гейдельбергским человеком. Иногда гейдельбергского человека называют мауэрантропом.

Вероятнее всего, мауэрантроп жил в первый межледниковый период «интергляциал Гюнц — Миндель», хотя некоторые исследователи и утверждают, что позднее, в период потепления во время второго (миндельского) оледенения. Первобытные люди жили вблизи Неккара и его притоков. В этой покрытой лесами, кустарниками и лугами местности водилось множество животных — теплолюбивые лесные слоны, первобытные носороги, древние бизоны, олени, серны, лоси, дикие кабаны, гигантские бобры, дикие лошади и различные хищники, в первую очередь гиены, первобытные медведи, реже саблезубые тигры.

Хотя о существовании мауэрантропа узнали еще в 1908 году, его орудия были открыты лишь полвека спустя Альфредом Рустом, причем в тех же слоях песчаного карьера в Мауэре, где была обнаружена и челюсть.*

* Вопрос о том, являются ли найденные А. Рустом орудия творениями рук гейдельбергского человека, окончательно не решен. — Прим. ред.

Каменные орудия — а их около 130 — обработаны только по бокам, так что заострены лишь края. Эти орудия так долго не привлекали к себе внимания потому, что изготовлены из местного материала — пестрого песчаника, а не из кремня или роговика, которых здесь нет, а возможно, еще и потому, что они не отбиты по форме так называемых ручных рубил. Размеры орудий различны: длина колеблется от 6 до 25 сантиметров. Наиболее распространенным было орудие в форме ножа-рубанка. Отсутствие характерных ручных рубил явно свидетельствует, как считает Руст, о древнем возрасте и самостоятельности этой культуры. Руст назвал ее гейдельбергской ступенью. Мауэрантроп пользовался также мощными и острыми ручными рубилами, которые служили и удобным оружием, и лопатой для выкапывания корней, клубней или луковиц.

Много времени прошло с тех пор, когда мауэрантропы жили на берегу Неккара, который был тогда шире и полноводнее. Много воды утекло, пока на этом месте появились их преемники — неандертальцы. Но местность тогда уже выглядела иначе, а вокруг водились совершенно другие животные.

ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ

Над сплетением пышных трав, над густыми зарослями аира и островками высокого камыша под жаркими лучами солнца поднимаются болотные испарения. Стоит удушливый запах гниющих растений. Между зелеными стеблями травы, в мягком высоком мху скользнула пятнистая саламандра. Шорох спугнул лягушек, взобравшихся на подсохшие кочки, чтобы погреться на солнце, и они одна за другой, описав широкую дугу, пошлепались в воду. Но вот затих плеск воды и вокруг снова воцарилась тишина. В душном полуденном воздухе не слышно даже голосов птиц.

Болото окружает широкое кольцо густого кустарника. За ним, подобно колоннам, возвышаются гигантские стволы могучих дубов, ветви которых слились в одну широкую крону. Корни дубов, перекрешиваясь и сплетаясь, сплошной сетью пронизывают почву, иначе мощные стволы не удержались бы в мягком грунте. Но иногда деревья не могут противостоять яростным смерчам и резким порывам ветра. Гигантская сила вырывает их из мягкой земли. Над глубокими ямами, словно бесчисленные щупальца,

нависают ветви и корни. Полянки вокруг упавших дубов быстро покрывает молодая поросль, которая жадно тянется вверх в потоках солнечного света.

Из кустарника у края болота вышла семья диких свиней. Старая матка тут же легла в мягкую, теплую грязь и стала валяться, подминая под себя заросли аира. За ней последовали и поросята. Через несколько минут их красивые полосатые шкурки покрывала черная, резко пахнущая грязь. Поросята то разбегались в разные стороны, то вновь собирались вокруг матери, с хрюканьем и визгом толкая друг друга. Один поросенок, наигравшись, отправился вдоль края болота поискать улиток, червей. Увлечшись, он не заметил, как далеко отошел от матери и остальных поросят. Желание полакомиться оказалось сильнее осторожности.

А за отбившимся от стада поросенком из-за толстого дуба уже давно наблюдал человек. Охотник был средних лет, не очень высок ростом, но с сильным и мускулистым телом, несколько наклоненным вперед, но не под бременем лет и не потому, что он готовился к нападению, — скорее форма позвоночника не позволяла ему выпрямиться целиком. Черты его лица довольно грубы. Большой, по-звериному растянутый рот полон крупных, крепких зубов, сидящих на мощных челюстях, причем нижняя, напоминая обезьянью, не имела подбородка. Череп удлиненный, громоздкий, лоб сильно скошен. Над мясистыми губами — короткий, широкий нос. Глубоко скрытые под мощным надглазничным валиком глаза пылали от напряжения и охотничьего азарта. Руки судорожно сжимали большой, заостренный на конце камень и суковатую дубину. Крепкое тело, темное от загара и грязи, покрывали на груди, спине и ногах длинные черные волосы. Два больших шрама, возможно следы когтей пещерного медведя, пересекали грудь. Вокруг бедер был обмотан кусок грубой шкуры.

Охотник не спускал глаз с поросенка, который с довольным похрюкиванием копался в земле. Но вот он выступил из-за укрытия и с силой метнул острый камень в ничего не подозревающее животное. Просвистев в воздухе, камень угодил поросенку в голову, однако соскользнул, и удар оказался не только не смертельным, но даже не оглушил молодого зверя. Резкая, жгучая боль пронзила его голову. Полный ужаса визг пронесся над болотом. Животное завизжало еще сильнее, когда увидело приближающееся к нему большими скачками странное существо, которое вращало над головой дубину. Но, прежде чем охотник настиг свою жертву,

зеленая стена камыша под громкий треск ломающихся ветвей расступилась, и громадная дикая свинья вылетела ему навстречу.

Увидев ее, охотник отбросил свое оружие и побежал назад к старому дубу. Схватившись за сук, он попытался подтянуться, но опоздал лишь на мгновение. Доли секунды оказалось достаточно, чтобы взбешенная свинья, дотянувшись до его ноги, резким движением головы вверх и вниз до самой кости распорола ему клыками мышцы голени. Из огромной раны хлынула кровь. Лишь величайшим напряжением сил охотник сумел подтянуться на спасительный сук.

Со злобным хрюканьем самка продолжала носиться вокруг дерева, поражая клыками все вокруг, и только жалобное повизгивание поросенка и забота об остальных детенышах заставили ее скрыться в чаще.

Раненый охотник сидел на дереве, судорожно прижимаясь к могучему стволу. Из глубокой раны все еще текла кровь — под деревом образовалось большое красное пятно. Вместе с кровью уходили силы. Человека охватила слабость, апатия; иногда черная пелена застилала глаза. Лишь много времени спустя он с трудом сполз на землю и потащился — сам не зная куда.

Пройдя немного, человек упал. Он лежал как мертвый, без единого движения, без дыхания. Смертельная бледность залила лицо с редкой бородкой. Однако глубокий обморок освободил его от нестерпимой боли.

Не скоро пришел он в сознание, но и после этого продолжал лежать неподвижно, лишь иногда поглядывая на кровоточащую рану. Жажда жгла рот. Человек с трудом поднялся и, оставляя кровавый след, побрел вперед. Потом опять упал. Но жажда вновь подняла его. Он едва шел, часто прислоняясь к стволам деревьев, чтобы отдохнуть, тяжело дышал, но ни один стон не сорвался с его губ.

Долго добирался человек до реки. Но вот, смертельно измученный, он свалился на берегу. Сначала смочил пересохшие губы, а потом напился. Сполоснув лицо, грудь и руки, он лег в тени невысокой ивы.

Но отдых был непродолжительным. Внезапно боль вернулась, она рвала и терзала тело. Страх сковал сердце смелого охотника, когда он осознал, что совершенно беспомощен даже перед трусливой пещерной гиеной. Человек понимал, что здесь нельзя оставаться, что необходимо укрыться от диких зверей и ночной темноты.

И он снова двинулся в путь. Тащился по берегу, местами полз, и когда непроходимые заросли преграждали путь, брел прямо по воде. Поток срывал сгустки запекшейся крови, и рана опять начинала кровоточить, окрашивая прозрачную воду.

Измученный и терзаемый болью, он вновь опустился на землю, Осмотревшись, раненый заметил на крутом склоне известняковой скалы вход в пещеру. Теперь единственным его желанием стало добраться до этого убежища — охотник понимал, что жизнь его на исходе.

Напрягая оставшиеся силы, он направился к пещере. Раненый уже больше полз. Особенно трудно было карабкаться по крутой скале. Человек цеплялся за щели и трещины, за кусты и последними усилиями мускулистых рук подтягивал тело. Когда куст или камень, не выдержав его тяжести, обрывались, раненый катился вниз до тех пор, пока окровавленные пальцы рук не хватались за что-нибудь. Не обращая внимания на боль, охотник снова карабкался к пещере. Когда он наконец вполз на небольшой выступ перед входом в пещеру, то был уже совсем без сил и опять потерял сознание.

Наступил вечер, на темном небе загорелись звезды. Луна бледным светом залила все вокруг. Охотник пришел в себя. Лишь несколько шагов оставалось до безопасного убежища. Он с трудом поднялся, сделал несколько шагов и очутился в пещере, где его со всех сторон обступил мрак. Человек боялся темноты, поэтому он подался назад, ближе к входу, туда, куда падал лунный свет. Но он не опустился на землю. Прислонившись к освещенной луной стене, он долго смотрел на этот залитый бледным светом уголок мира, где все доставалось ценой огромных усилий и жестокой борьбы, — он все-таки любил его.

Так стоял он, пока тяжело, как подрубленный, не упал на землю, сильно ударившись головой о камень. Из маленькой раны потекла тонкая струйка крови. Но человек уже не почувствовал новой боли. Он был мертв.

Долго, очень долго (кто знает, 100 000 или только 70 000 лет прошло с тех пор) лежал несчастный охотник в этой пещере. Время, теряясь в безграничной Вселенной, проносилось над его могилой. И все же не суждено было ему спать здесь вечным сном. Вот как это произошло.

Между Дюссельдорфом и Эльберфельдом (ФРГ) по живописной долине протекает речка Дюссель. Это ответвление долины Рейна известно как Дюссельталь (долина Дюссель) и издавна славится дикой романтической красотой. Одна из небольших долин возле Дюссельталя, связанная непосредственно с долиной Рейна, называется Неандерталь. Название это идет от имени Иоахима Неандера, ректора латинской школы в Дюссельдорфе, который в 1674 — 1679

годах часто посещал эти места. Неандер был уважаемым и любимым в округе теологом. Кроме того, он был известен как автор музыки церковных песен (кстати, некоторые из них исполняются и сейчас). В действительности Неандера звали Нейманн, но по тогдашнему обычаю он переделал свою фамилию на латинский, вернее

на греческий, лад. В честь пастора его любимая долина и была названа Неандерталь — долина Неандера. Гуляя по ней, этот благочестивый человек, несомненно, даже не помышлял о том, что много лет спустя эта долина станет известна всему миру и слава ее коснется и его имени, хотя он ничем этого не заслужил.

В этой долине издавна добывали девонский известняк. Порой каменотесам попадались пещеры, заполненные наносной глиной, иногда с костями различных плейстоценовых животных. Мешавшую в работе глину сбрасывали вместе с костями с крутой скалы в долину.

Летом 1856 года рабочие начали удалять землю из Фельдгоферского грота. Собственно, это были две небольшие расположенные рядом пещеры. И вот тогда-то в нижней части слоя глины, заполнявшей меньшую пещеру, недалеко от входа они обнаружили

лежавший параллельно продольной оси пещеры скелет, который был обращен головой в сторону выхода. Кости скелета казались очень старыми и были покрыты серым налетом. Каменотесы и на этот раз не обратили на свою находку особого внимания и, как всегда, сбросили ее вместе с глиной вниз с высокого откоса.

Хорошо, что именно в этот момент подошел один из владельцев каменоломни, некий Беккерсгофф. Увидев в глине крупные кости, он распорядился отложить их в сторону и тщательно подобрать те, что были выброшены в долину. Владелец каменоломни решил, что это кости пещерного медведя.

И снова как о большой удаче можно говорить о том, что найденные в Фельдгоферском гроте кости не канули в забвение, пылясь в коллекции какого-нибудь частного лица, а уже в августе 1856 года были переданы совладельцем каменоломни Пипером на экспертизу специалисту — Иоганну Карлу Фульротту. Фульротт, получивший в 1835 году в Тюбингенском университете степень доктора философии, был вначале преподавателем, а затем профессором математики и естественных наук в реальной гимназии Эльберфельда. Наряду с преподавательской деятельностью он занимался и научными изысканиями, увлекаясь геологическими и палеонтологическими исследованиями в рейнско-вестфальских пещерах.

Фульротт сразу обнаружил, — а один из его друзей, эльберфельдский врач Кун, поддержал эту точку зрения, — что древние кости принадлежат не пещерному медведю, а человеку. Фульротт заметил также, что все найденные кости (черепная крышка, две кости голени, одна целая и одна поврежденная локтевые кости, правая лучевая кость, часть правой плечевой кости, правое предплечье, часть тазовой кости, поврежденная ключица и, наконец, несколько небольших обломков ребер) принадлежат одному человеку. Из всех спасенных костей и обломков наиболее важной и ценной в научном отношении была черепная крышка.

После первого поверхностного осмотра костей Фульротт пришел к убеждению, что в Неандертале было сделано крупное открытие. Поэтому не удивительно, что ему захотелось узнать, как это произошло. Выяснилось, что скелет обнаружили при добыче камня в маленькой пещере, на крутом откосе, на высоте 18 метров над уровнем реки Дюссель и в 30 метрах от поверхности скалы. Пещера имела 5 метров в длину, 3,3 метра в ширину, 2,6 метра в высоту и на 1,5 метра была заполнена очень твердой наносной

глиной. Фульротту так и не удалось узнать, целиком ли сохранился скелет в пещерной глине и лежал ли, как обычно покоятся в земле человеческие скелеты, или кости были разбросаны, а некоторых вообще не хватало. Поэтому сегодня мы не можем с полной уверенностью сказать, умер ли этот человек в пещере естественной смертью или смерть была насильственной, а может быть, труп был разорван или принесен туда диким зверем. Обстоятельства находки позволяют строить самые различные предположения о причинах смерти этого человека.

Ошибка Фульротта заключалась в том, что он ограничился расспросами очевидцев и не только не провел геологических и палеонтологических исследований, но и сам не осмотрел пещеры. Однако, несмотря на это досадное обстоятельство, мы знаем, что при скелете не было обнаружено ни даров, ни каменных орудий, ни костей животных. В то же время именно это очень затрудняло определение возраста скелета, который очень скоро стал предметом жаркого научного спора.

«Я полностью убежден, что остеологические особенности и локальные условия дают основания отнести эти человеческие кости одного индивида к доисторическому времени, вероятно к дилuviальной эпохе, и, таким образом, сделать вывод о принадлежности их древнему представителю человеческого рода», — так Фульротт закончил свою речь. Посмотрев в зал, он увидел, что одни слушали с напряженным вниманием и удивлением, а другие иронически улыбались. Но всех поразили смелые выводы оратора, совершенно не совпадавшие с их собственными естественнонаучными воззрениями.

Когда удивление несколько улеглось, многие бросились к Фульротту, перед которым на столе были разложены кости из Неандерталя. Они разглядывали их с нескрываемым любопытством, не решаясь высказать собственное мнение. Те, кто отнесся к докладу Фульротта скептически, образовали отдельную группку и после краткой дискуссии решили, что с подобным необдуманым и научно не обоснованным утверждением мог выступить лишь дилетант.

Однако их ожидал еще один неприятный сюрприз!

Председатель собрания объявил, что о костях из Неандерталя желает высказаться всеми уважаемый анатом профессор Шааффхаузен.

Герман Шааффхаузен подробно изложил результаты исследований переданных ему Фульроттом костей. Слушателей, с необы-

чайным вниманием следивших за докладом, поразили слова, которыми профессор закончил свои выводы: «Человеческие кости и череп из Неандерталя превосходят все донныне известное. Особенности их строения (а именно сильно выступающая область надбровных дуг) позволяют сделать вывод, что это был грубый и дикий народ. Но независимо от того, каким путем эти костные остатки попали в грот, где были найдены, они принадлежат древнейшим обитателям Европы. Возможно, эти кости относятся ко времени, когда еще жили последние из вымерших животных дилювиальной эпохи, однако доказательств этого пока нет».

Шааффхаузен кончил. Теперь молчали и скептики: ведь они выслушали не сообщение провинциального учителя, а доклад широко известного исследователя. В зале царило молчание, но это было затишье перед бурей.

Заседание, о котором идет речь, состоялось весной 1857 года в Бонне по случаю сессии Нижнерейнского общества естественных и медицинских наук. На нем Фульротт впервые заявил о принадлежности найденных костей предку современного человека и подчеркнул, что они, по всей вероятности, относятся к плейстоценовой, или, как тогда говорили, дилювиальной эпохе. (Сегодня мы знаем, что геологический возраст этой находки 40 — 50 тысяч лет.) А Шааффхаузен впервые в присутствии общественности сделал сообщение, что кости из Неандерталя принадлежат существу, которое представляет древнейшую человеческую расу. Несмотря на разгоревшиеся позднее жаркие споры, Шааффхаузен всегда оставался верен своему утверждению, хотя сам сомневался в плейстоценовом возрасте костей, как и все другие участники собрания.

Много позже Фульротт вспоминал: «Когда весной 1857 года я представил эту находку собранию в Бонне... никто из присутствующих не присоединился к моему мнению о геологическом возрасте находки».

Первыми поддержали точку зрения Фульротта видный анатом Т. Гексли, историк древнего мира В. Кинг, антрополог П. Брока и геолог Ч. Лайель, который посетил Фульротта в 1868 году.

Правда, отдельные немецкие исследователи, придавая большое значение возрасту неандертальской находки, пытались продолжить раскопки. Однако Фельдгоферский грот к тому времени был непригоден для исследовательских работ, и можно было искать лишь косвенные доказательства. Так, в 1864 году недалеко от Фельдго-

ферского грота в нескольких слоях плейстоценового русла реки Дюссель Г. Дехен обнаружил кости и зубы типичных плейстоценовых животных — пещерного медведя, пещерной гиены, дикой лошади, мамонта, шерстистого носорога, а также типичные колонии плейстоценовых ракушек. А в 1898 — 1899 годах. О. Раутерт начал тщательные исследования неандертальской пещеры, расположенной на противоположном, правом, берегу, напротив Фельдгоферского грота. Раутерт нашел там зубы и кости пещерного льва и каменные орудия мустьерского типа. Благодаря этим более поздним исследованиям было установлено, что цвет и степень окаменелости найденных костей животных и человеческого скелета из Фельдгоферского грота совпадают. Это давало основание считать с определенными оговорками — так как неопровержимые доказательства отсутствовали, а сомнений было немало, — что возраст костей из пещер и плейстоценовых отложений реки Дюссель одинаков.

Мы уже говорили, как поражены были участники боннской сессии, увидев человеческие кости из Неандерталя и услышав доклады Фульротта и Шааффхаузена. Чтобы понять причины их изумления, познакомимся поближе с историей развития естествонаучного мышления.

В конце XVII столетия классификация животных и растений стала необходимостью. Благодаря бурному развитию торговли расширялись представления о мире; открытие новых стран обогащало знания о природе.

Описания новых видов животных нуждались в упорядочении и систематизации, но осуществить это было нелегко, хотя и делались наивные попытки предпринять что-либо в этом направлении. Только знаменитому шведскому натуралисту Карлу Линнею (1707 — 1778) удалось создать систему, которая и легла в основу нынешней классификации.

Однако Линней принадлежал к числу ученых, веривших в божественный акт сотворения мира и в неизменность всего живого. Именно поэтому он категорически заявил: «*Tot sunt species, quot ab initio creavit infinitum Ens*» (существует столько видов, сколько бог создал их с самого начала). Его авторитета оказалось достаточно, чтобы никто в этом не сомневался. Линней был убежден, что человек в отличие от всех остальных живых существ был сотворен по образу и подобию божьему и ему был дан божественный разум. Однако, несмотря на это, классификация Линнея объеди-

нила человека и обезьян в одну группу. Тем самым ученый, возможно сам того не желая, установил, что человек — это самая высоко-развитая форма млекопитающих, которая ближе всего к человекообразным обезьянам.

Однако уже к середине XVIII столетия вера в то, что мир и все живое созданы богом, была поколеблена новыми открытиями. Множились факты, которые

Карл Линней

нельзя было объяснить, исходя из религиозных воззрений. Отдельные ученые все яснее стали понимать, что виды совсем не неизменны и не постоянны. В числе первых выступили против устаревших представлений и несколько русских естествоиспытателей, и прежде всего Михаил Васильевич Ломоносов (1711 — 1765), а также некоторые французские ученые. Тогда-то впервые заговорили о родственных связях между всеми живыми существами, о развитии от низших существ к высшим и родстве человека и животных.

Появилось два направления. Представители первого, французские материалисты, пытались отрицать качественное различие между человеком и животными, второго, — убежденным сторонником которого был французский натуралист Жорж Бюффон (1707 — 1788), подчеркивали резкие различия между человеком и животным в области психики, допуская, впрочем, большое сходство в строении тел. Бюффон был хорошо знаком с работами многих анатомов о сходстве между человеком и высшими обезьянами. Кроме того, он изучал морфологию и привычки гиббонов. При этом Бюффон считал, что душа проявляется только в одной форме — в мышлении — и свойственна лишь человеку. В отличие от человека животные не

господствуют над своими более слабыми родичами, а пожирают их. У них нет речи, они не совершенствуют своих способностей. Поэтому, по мнению Бюффона, между человеком и животным существует непреодолимая пропасть. Бюффон справедливо, хотя и односторонне, подчеркивал большое принципиальное различие между психикой человека и обезьяны. Именно это не позволило ему пойти в своих рассуждениях дальше — он принципиально отрицал какую бы то ни было возможность перехода от животного к человеку.

В свою очередь философы-материалисты, напротив, ошибочно отрицали существование какой-либо грани между обезьянами и человеком. Но, несмотря на ошибки, положительные идеи обоих направлений стали основой, на которой развилась теория о происхождении человека от животных предков.

Однако официальная наука все еще считала ученых, придерживающихся такой точки зрения, по меньшей мере философствующими чудаками. Новое учение противоречило церковным канонам, поэтому его обходили молчанием.

К числу первых поборников новых взглядов о естественном развитии живой природы принадлежал английский врач Эразм Дарвин, дед знаменитого Чарлза Дарвина. В 1794 году он издал книгу «Зоономия, или Законы органической жизни», в которой писал о постепенном развитии и совершенствовании живых существ. Закончил он ее словами: «Мир развивался, а не был создан: он начался постепенно с малого, увеличивался благодаря деятельности присущих ему основных сил и скорее вырос, чем возник благодаря всемогущему слову «Да будет!»

Но все это было лишь прелюдией к выступлению первого крупного борца за признание новых, эволюционных идей — французского натуралиста Жана Батиста Ламарка (1744 — 1829). В юности родные прочили его в священники, но он выбрал военную службу, а вскоре отказался и от нее, посвятив себя изучению медицины и естественных наук. В 1793 году он занял кафедру зоологии беспозвоночных в Парижском ботаническом саду, к которой тогда никто не проявлял интереса. На этой должности Ламарк сумел проделать необычайно ценную работу. Его жизнь, заполненная неустанным научным трудом, закончилась трагично. Из-за многолетней напряженной работы с микроскопом зрение его стало слабеть. Последние десять лет жизни Ламарк был совершенно слепым. Окруженный заботой двух дочерей, он не прекращал работы и про-

диктовал дочери последний том своего выдающегося труда «Зоология беспозвоночных».

Изучение растений и главным образом животных позволило Ламарку сделать вывод, что, несмотря на большую изменчивость признаков, в животном мире все же существуют определенные единые основы. Такой вывод натолкнул его на мысль о постепенной эволюции животных видов. Свою теорию, в

Жан Батист Ламарк

основе правильную, хотя мы и не можем сегодня согласиться с многими ее положениями, он изложил в книге «Философия зоологии» (1809). Естественно, Ламарк не забыл и человека. О его эволюции он писал следующее: «Если какой-либо род обезьян, особенно род очень высокоразвитый, действительно был вынужден условиями или другими причинами отказаться от жизни на деревьях и если животные этого рода в течение многих поколений были вынуждены ходить только на ногах, то нет сомнения, что эти четверорукие существа в конце концов превратились в двуруких и большие пальцы на их ногах стали непротивопоставленными, то есть не располагались теперь напротив остальных пальцев. И если эти существа старались к тому же стоять прямо, чтобы как можно дальше видеть вокруг, и эта привычка сохранялась из поколения в поколение, то, несомненно, и ноги их приобрели форму, соответствующую вертикальному положению тела, и в конце концов они лишь с очень большим трудом могли передвигаться на четвереньках. Если далее эти животные использовали свои челюсти не как оружие, не для того, чтобы кусать, рвать и хватать, а только для жевания, то и морда их, постепенно уменьшаясь, превратилась в человеческое лицо». Дальше Ламарк описывал, как

эти существа приобрели преимущество над всеми остальными путем изменений не только в строении тела, но и в психической деятельности.

Иным путем пришел к таким же взглядам на эволюцию живых существ другой выдающийся французский натуралист, основатель Парижского зоопарка Этьен Жоффруа Сент-Илер (1772 — 1844). Изучая сравнительную анатомию и эмбриологию, он убедился, что основы строения живых существ едины и все они развиваются постепенно из основных форм, или основных типов. Важнейшей причиной отклонений от основного типа он считал воздействие внешних условий. Сент-Илер не забыл и о вымерших животных, считая, что среди них мы должны искать предков современных.

Крупным пропагандистом эволюции органического мира был также профессор Московского университета, известный зоолог и палеонтолог К. Ф. Рулье (1814 — 1858). Его работы также были близки работам Ламарка и Сент-Илера. Рулье подчеркивал неразрывное единство между организмом и средой. Основное значение в изменении живых существ он приписывал функции их органов.

Однако в то время голос этих выдающихся натуралистов не был услышан. Лишь в России у Рулье были преданные ученики и последователи, которые образовали тогда единственную в мире додарвинскую школу натуралистов-эволюционистов. К ней принадлежали и люди с довольно громкими именами, как, например, А. А. Усов, Н. А. Северцов, А. П. Богданов и В. А. Вагнер. Однако подавляющее большинство ученых все еще придерживалось взглядов, не противоречивших церковному учению и религиозным догмам.

Многие были слепыми приверженцами старых воззрений. К ним принадлежал и знаменитый Жорж Кювье (1769 — 1832), основатель сравнительной анатомии и палеонтологии, — в то время он считался одним из ведущих ученых. Кювье энергично выступал против учения об эволюции живых существ, полностью отвергая его, и твердо держался догм Линнея о сотворении и неизменяемости всего живого. Когда же, изучая вымерших животных, он увидел, что каждый геологический период имел своих типичных представителей, то сделал вывод, что мощные катастрофы в земной коре периодически уничтожали частично или полностью все живое. А затем происходил новый акт творения и земля опять заселялась новыми живыми существами. Это точка зрения, известная как «теория катастроф, или учение о катаклизмах Кювье», сильно тормозила развитие науки.

Кювье энергично выступал против всех теорий о постепенной эволюции живых существ. Учение Ламарка он игнорировал, даже не упомянул о нем в своем докладе об успехах естественных наук. Лишь в некрологе на смерть Ламарка он мимоходом заметил, что это учение нельзя принимать всерьез. Правда, с Сент-Илером Кювье вступил в спор, но ему нетрудно было выйти из него победителем.

Жорж Кювье

В ы с т у п л е н и я

Кювье и других ученых против идеи эволюции живых существ оказали пагубное влияние на естественнонаучное мышление той эпохи. Казалось даже, что новым идеям суждено забвение. Но, к счастью, они были так интересны и притягательны, что один лишь авторитет громких имен не мог их похоронить. Все же прошло около полустолетия (с момента первого выступления Ламарка), прежде чем учение об эволюции живых существ получило всеобщее признание естествоиспытателей благодаря работам Чарлза Дарвина (1809 — 1882).

Теперь мы знаем взгляды натуралистов в момент, когда в Неандертале были найдены ископаемые человеческие кости и состоялось то памятное заседание естественнонаучного общества в Бонне с докладами Фюльротта и Шааффхаузена. Неандертальская находка удивила и смутила ученых также и потому, что в то время знаменитое изречение Кювье «Ископаемый человек не существует!» пользовалось всеобщим и полным признанием, хотя сам Кювье уже давно умер, а знаменитый труд Чарлза Дарвина «О происхождении видов» еще не появился. Он был издан в Лондоне в 1859 году (через три года после того, как были найдены человеческие кости в Неандертале, и через два года после заседания

Боннского естественного общества) и вызвал настоящую революцию в естественном мышлении.

После появления книги Дарвина интерес к человеческим костям из Неандерталя все больше возрастал.

Выдающийся английский геолог Чарлз Лайель, первым из иностранцев посетивший в 1860 году Неандерталь, и знаменитый анатом Генри Гексли оценили огромное значение неандертальской находки для эволюционной теории. Эта находка позволяла сделать вывод, что отклонения от нормального человеческого типа полностью соответствовали эволюционной теории. Лайель не представлял себе достаточно точно, каков геологический возраст находки, поэтому он не исключал возможности, что скелетные остатки сравнительно поздние и, следовательно, вид человека, которому они принадлежали, имел явные атавистические признаки. Такого мнения придерживался даже Гексли, хотя он и подчеркивал, что с точки зрения истории эволюции человеческий скелет из Неандерталя стоит на весьма низкой ступени развития, а следующую за ним форму следует искать среди племен австралийских аборигенов. О черепе он сказал, что «из всех известных до сих пор человеческих черепов этот наиболее похож на животных; рассматривая его, мы постоянно находим обезьяньи признаки, так что из всех человеческих черепов неандертальский череп более всего похож на череп обезьяны». Однако Лайель подчеркивал, что этот череп не мог принадлежать существу, которое представляло собой переходную форму на пути развития от обезьяны к человеку; костные остатки таких предшествующих человеку форм должны были бы находиться в третичных слоях. К этим двум английским ученым присоединился и третий — анатом Уильям Кинг. Наличие обезьяньих признаков позволило ему сделать вывод, что человеческие остатки из Неандерталя принадлежат особому виду человека, названному им *Homo neanderthalensis*. Этим названием пользуются и сейчас (и не только в прямом смысле!).

Но все же гораздо многочисленнее были ученые, упорно отрицавшие принадлежность неандертальского скелета к какому-либо виду человека, стоящему на низшей ступени эволюции. Так, например, на заседании Парижского антропологического общества в мае 1863 года Прюне-Бей объявил, что скелет из Неандерталя — это скелет кельта, но не нормального человека, а идиота. Интересно, что эту точку зрения позднее разделяли и другие ученые, например Картер Блэк и Чельдер. Против них решительно высту-

пил парижский антрополог Поль Брока, хотя он и не считал скелет свидетельством в пользу эволюции человека. Боннский анатом Август Франц Мейер в 1864 году заявил, что это скелет казака из армии генерала Чернышова, — казак якобы заболел в этой местности после ранения и умер в пещере в 1814 году. Геттингенский анатом Рудольф Вагнер считал, что это останки старого голландца. Знаменитый Альфред Рассел Уоллес, который одновременно с Дарвином выдвинул идею естественного отбора и эволюционных факторов, тоже оказался в рядах противников эволюционной теории, считая, что речь идет об останках дикаря; правда, этим он практически не сказал ничего. Другой англичанин, Бернард Левис, высказал мнение, что череп из Неандерталья имеет особую форму вследствие преждевременно заросших швов, имея в виду патологические изменения.

Казалось, конец спору о неандертальском скелете мог положить берлинский ученый Рудольф Вирхов — общепризнанный авторитет в области патологии. И вот этот ученый на берлинском съезде антропологов публично заявил, что неандертальский скелет принадлежит не представителю примитивной человеческой расы, а просто старику с деформированным вследствие перенесенных заболеваний (рахита в юности и тяжелой формы подагры к концу жизни) скелетом.

Противники теории эволюции всего живого, в том числе и человека, ликовали. Знаменитый Вирхов блестяще разбил своих оппонентов. Но радость их была недолгой. Нашлись смельчаки, выступившие против Вирхова. Этому способствовало открытие новых подобных скелетов, на этот раз в одной из пещер в Бельгии.

В 1886 году Марсель де Пюи, Жюльен Фрэпон и Макс де Лоз в пещере Бек-о-Рош, расположенной в горном склоне на берегу ручья, недалеко от Спи сюр л'Орно в провинции Намюр в Бельгии, сделали важную и сенсационную находку. Они обнаружили два человеческих скелета, а вместе с ними большое количество кремневых орудий мустьерского типа и множество костей типичных плейстоценовых животных: пещерных медведей, мамонтов, шерстистых носорогов, зубров.

Во время раскопок исследователи установили следующий профиль пещерных отложений: сверху был щебень; ниже — примерно полутораметровый слой желтой глины с костями мамонтов; под ней слой красной глины толщиной около 10 сантиметров, содержащий кости мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя,

пещерного льва, пещерной гиены, дикой лошади, северного оленя и других животных; нижний слой толщиной около 1 метра, кроме костей, которые нашли в предыдущем слое, содержал также два человеческих скелета неандертальского типа, которые обозначаются в специальной литературе как Спи I и Спи II.

Профиль пещерных отложений вместе с их палеонтологическим содержанием был точно измерен и документально зафиксирован, благодаря чему удалось установить плейстоценовый возраст не только самих слоев, но и найденных в них человеческих костей. По типу каменных орудий и оружия можно было доказать, что люди, чьи скелеты были обнаружены в самом нижнем слое, жили в палеолите, причем в так называемый мустьерский период.

Мы уже упоминали, что оба скелета полностью соответствовали неандертальскому типу. Это имело огромное значение: ведь до тех пор многие исследователи считали, что неандертальский скелет — явление единичное и отличается от скелета нормального человека только деформацией костей вследствие болезней. Теперь стало ясно, что неандертальский тип — это тип здорового человека, который по форме отличается от современного. Но если скелет из Неандерталя можно было отнести к плейстоцену только по формальным признакам и по результатам раскопок в окрестностях Фельдгоферского грота, то геологический возраст находки в Спи был установлен совершенно точно — и это большая заслуга специалистов — по каменным орудиям и оружию, а также по костям животных. Находка в Спи неопровержимо доказывала, что первобытные люди жили одновременно с мамонтом, шерстистым носорогом, пещерным львом и пещерной гиеной, так как их скелеты были найдены вместе с костями этих плейстоценовых животных. То, что можно было лишь предполагать о находке в Неандертале, находка в Спи доказала со всей научной точностью. Ее изучали выдающиеся специалисты, и она стала холодным душем для тех, кто отрицал плейстоценовый возраст человеческого скелета из Неандерталя и эволюционную теорию в применении к человеку.

Научные сражения вокруг плейстоценового доисторического человека, который известен нам как неандерталец, или, согласно научной терминологии, *Homo neanderthalensis* (или *Homo primigenius* — название, предложенное Геккелем), приближались к концу. Завершил их страсбургский анатом Густав Швальбе.

В своих трудах, относящихся к 1901 году и основанных на тщательном изучении подлинного материала, в первую очередь на

Густав Швальбе

точных измерениях черепа, он убедительно доказал, что неандертальский череп нормальный, здоровый, а ни в коем случае не болезненно деформированный. Его отличия от черепа современного человека обусловлены не заболеванием, а степенью развития. «По своему примитивному типу, — писал Швальбе, — неандертальского человека с полным правом можно назвать *Homo primigenius*, то есть первобытный человек».

Вслед за этим значительным трудом Швальбе появилась важная работа анатома Германа Клаача, который тщательно изучил кости конечностей неандертальского скелета, сравнив их, так же как и Швальбе, с конечностями скелетов из Спи по изданной в 1887 году классической работе Фрэпона и Лоэ.

После трудов Швальбе и Клаача уже нельзя было не признавать, что неандерталец — представитель вымершего человеческого рода периода плейстоцена. Все последующие находки и более поздние исследования неизменно подтверждали точку зрения этих ученых и лишний раз свидетельствовали, как глубоко заблуждался знаменитый Кювье, а после него и не менее знаменитый Вирхов. Какая ирония судьбы, что известный исследователь допустил эту роковую ошибку именно в той области, в которой он был признанным авторитетом! Причем Вирхов продолжал упрямо стоять на своем. Вначале он вообще игнорировал находку в Спи, а когда в 1901 году все же вынужден был на собрании антропологического общества в Аметце изложить свою точку зрения о ней, то вновь попытался использовать свой авторитет, чтобы воздействовать на оппонентов. Но в теорию Вирхова уже перестали верить: результаты сравнительных исследований Швальбе и других ученых лишили ее почвы.

Итак, доисторический человек действительно существовал!

Теперь невозможно было цепляться за сказки и легенды о сотворении человека, преподносимые различными религиями, отрицать эволюцию человека. Перед учеными вставали новые задачи — изучить мир первобытного человека, узнать, как он рос и мужал в борьбе за существование. Сегодня уже раскрыто много тайн, и, несомненно, еще больше их будет раскрыто в будущем. Мы теперь знаем, что жизненный путь неандертальца был героическим путем первооткрывателя первых ростков человеческой культуры и зачатков всех человеческих стремлений.

Случайное открытие примитивного скелета в Неандертале около Дюссельдорфа в 1856 году, которое так много дало для дальнейшего прогресса науки, можно назвать великим — оно заслуживает вечной памяти.

Тот, кто приедет сегодня в Неандерталь, увидит на крутой скале Рабенштейн (Вороний Камень, расположенной напротив знаменитого места находки, мемориальную доску с надписью: «В память об открытии неандертальского человека профессором д-ром К. Фульроттом, Эльберфельд, 1856 год». Эта мемориальная доска была установлена в 1926 году по инициативе немецких натуралистов и врачей. А на месте находки позднее был создан небольшой музей. Правда, в нем нет скелетных остатков из Фельдгоферского грота: при жизни Фульротта они были собственностью ученого, а после его смерти (1887) Шааффхаузен приобрел их для музея в Бонне, где они бережно хранятся и поныне.

И все же скелет позднего доисторического человека из Неандертала, ставший предметом такой жаркой научной полемики, не был первым.

К 1848 году относится находка в Гибралтаре. Англичане вели в районе Гибралтарской скалы взрывные работы, намереваясь создать удобное место для новых артиллерийских позиций. После одного из взрывов перед изумленными рабочими открылась пещера, в которой они обнаружили человеческий скелет. Рабочие выбросили его вместе с землей вниз с крутого обрыва, то есть поступили точно так же, как восемь лет спустя сделали рабочие каменоломни в Неандертале. Несомненно, эта находка погибла бы без следа и о ней никто и не узнал бы, если бы не лейтенант Флинт, который, случайно подойдя к этому месту, нашел череп интересным и спас

его. Позднее лейтенант представил этот череп собранию научного общества Гибралтара, секретарем которого являлся, и передал местному музею, в коллекции которого череп пролежал незамеченным до 1862 года. Затем вся экспозиция была вывезена в Лондон. Первым обратил внимание на череп английский исследователь Хью Фальконер. Он совершенно правильно определил геологический возраст и морфологические признаки черепа и заявил, что череп принадлежит представителю какой-то особенной, очень древней человеческой расы, которого он назвал *Homo colpicus* — гибралтарский человек (старое название Гибралтар — Colfe). Более детально описал этот череп в 1869 году знаменитый французский исследователь Поль Брока, основатель французской антропологической школы, а после него — еще несколько ученых, из которых наиболее известны Солиас, Швальбе и Кис. У черепа из Гибралтара хорошо сохранилась лицевая часть. О каких-либо кремневых орудиях или костях животных с места находки мы ничего не знаем; неизвестно, остались ли они незамеченными или их там вообще не было.

Ответ на этот вопрос дали более поздние исследования, проводившиеся после 1917 года. Начаты они были французским историком древнего мира аббатом Анри Брейлем, который в качестве военного курьера разъезжал между Гибралтаром и Мадридом, где во время первой мировой войны располагалось командование французского военно-морского флота. Свободное от военной службы время Анри Брейль посвящал исследовательской работе. Ему удалось обнаружить в Гибралтаре под нависшей скалой следы пребывания неандертальцев. Позднее это место обследовала английский ученый Д. А. Э. Гаррод, которая в 1926 году нашла там череп ребенка-неандертальца примерно лет шести, причем в слое, который по типу каменных орудий можно отнести к мустьерской эпохе.

ЗОЛОТО И КАМЕНЬ

Из ущелья, озираясь, вышли несколько охотников-неандертальцев и, пораженные, замерли: перед ними, насколько хватало глаз, раскинулась залитая солнцем долина.

Из-за кустов орешника люди с интересом разглядывали широкую реку, ее отлогие берега с песчаными и галечными отмелями и зарослями ивняка, узкие тропки через них, по которым каждый вечер прибегали на водопой гонимые жаждой животные.

Люди долго смотрели на долину. Ведь они пришли сюда впервые. Их племя совсем недавно переселилось в эти места. Раньше они жили далеко отсюда. Там у них была теплая и сухая пещера, богатые охотничьи угодья, изобилие плодов, вкусных корней и клубней. Но шло время и меньше становилось лакомых растений, разбегалась непрерывно преследуемая охотниками дичь. Голод все чаще заглядывал в пещеру их племени, пока наконец им не осталось ничего другого, как покинуть насиженные места в поисках новой родины. После долгих скитаний они нашли другую пещеру и вот сейчас старались определить, богат ли пищей край, где они

хотят обосноваться, и не живет ли уже здесь какое-нибудь другое племя. Ведь если это племя сильнее, оно наверняка не допустит, чтобы вторглись в его охотничьи владения, и будет защищать их в упорной борьбе. Поэтому, проходя по новым местам, охотники были очень осторожны.

Не обнаружив ничего подозрительного, они повернули к реке и, достигнув берега, принялись внимательно рассматривать следы животных на рыхлом влажном песке. Это занятие так захватило их, что они отправились вдоль берега, стараясь определить, какие животные приходят сюда на водопой. Вот они пересекли всю песчаную отмель, пролезли сквозь заросли ивняка. Грубые лица охотников выражали удовлетворение: эти места действительно необычайно богаты и крупной, и мелкой дичью. Оставалось только выследить ее и перехитрить. А уж это-то они умели. Значит, теперь надолго исчезнет голод!

Довольные, люди направились дальше вдоль берега — можно рассчитывать на удачную охоту. Теперь они шли по широкой излуине. Песчаные отмели все чаще сменялись большими россыпями гальки и крупного щебня. Река собирала их, унося потоком, и откладывала на отмелях.

Вдруг один охотник, Мам, заметил среди валявшихся вокруг овальных голышей небольшой камень, сверкнувший к лучам солнца. Он наклонился и поднял его. Некоторое время он с любопытством и изумлением разглядывал находку, затем вскрикнул и замахал руками, подзывая спутников. На плоской ладони в ярком свете полуденного солнца сиял кусочек золота.

Охотники недоверчиво разглядывали этот странный камень — такого они еще никогда не встречали. Их восхищал блеск камешка, который Мам перекатывал на широкой ладони. Началась веселая игра. Охотники перебрасывали камень с ладони на ладонь, подкидывали его вверх и снова ловили, издавая радостные восклицания.

Впервые человек встретился с золотом и... не увидел в нем золота! Много времени пройдет, прежде чем далекие потомки за один кусок этого сверкающего металла забудут веления разума и голос сердца, отяготят свою совесть подлостью, ложью и изменой, принесут ему в жертву душу и тело, научатся в угоду ему обманывать, грабить и даже убивать!

Однако игра с золотым камешком продолжалась недолго. Седому Гуану она надоела первому, и он отправился дальше по бе-

реку. Вскоре он криком подозвал остальных охотников и, улыбаясь, показал им лежащие вокруг конкреции кремня. Выбрав подходящий камень, Гуан сел на землю и другим камнем стал оббивать его. Остальные последовали примеру Гуана, и вот уже слышался только монотонный стук и свист отлетающих осколков.

Мам подошел последним. Увидев множество кремневых конкреций, он подумал, какое хорошее место выбрало его племя для новой родины. Ведь оно богато не только дичью, но и кремнем — камнем, из которого можно делать прекрасные орудия труда и оружие для охоты. Вспомнив о золотом камешке, который он все еще сжимал в руке, Мам размахнулся и забросил его в реку. Когда кусочек золота, описав в воздухе широкую дугу, упал в воду, Мам тоже уселся мастерить каменный топор из кремня. Он уже забыл о золоте и его блеске — оно не представляло для него никакой ценности.

Долго сидели охотники на берегу реки, отбивая из конкреций кремня топоры и другие орудия. Они так углубились в работу, что не заметили даже, как солнце стало клониться к западу.

Да и что им время, когда сегодня на берегу реки сделано такое

большое открытие? Зачем думать о возвращении к костру своего племени, если ядрище кремня так легко можно превратить в нужный инструмент или оружие? Зачем же сразу покидать это место, вместо того чтобы радоваться, глядя на такой хороший материал! Да, этот камень был для первобытных охотников дороже всего золота мира: они делали из него орудия, помогавшие в борьбе за существование идти все дальше, все выше.

И все же охотники-неандертальцы не первыми стали изготавливать орудия и оружие. Они лишь продолжили то, что задолго до них начали другие.

За несколько сот тысяч лет до неандертальцев доисторические люди (питекантропы, синантропы и др.) пробовали свои силы в изготовлении первых орудий труда и оружия. Не довольствуясь случайно найденным острым камнем, они хотели сами придать ему необходимую форму и остроту. Однако человек прошел долгий и трудный путь, прежде чем сумел изготовить хорошее и целесообразное каменное орудие. Сегодня трудно представить, какое горь-

кое разочарование приходилось преодолевать, сколько сильных рук уставали от напрасной, казалось бы, работы, как приходилось компенсировать неловкость упрямым мастерам напряжением всех сил, какое непоколебимое упорство и твердая решимость многих и многих поколений потребовались, чтобы накопить необходимый опыт и открыть, как и какой камень лучше всего обрабатывать, чтобы сделать из него инструмент или орудие. Начало было трудным, но первое человеческое искусство — искусство раскалывать и обраба-

тывать конкреции кремня — постоянно совершенствовалось. Его двигали вперед не только опыт и ошибки, но и поразительные успехи самых одаренных умов и самых умелых рук. Более того, это искусство создавало основу всей человеческой культуры. Возможно, это покажется странным — ведь речь идет о каком-то неприглядном камне, —

но это так. Из кремня вылетела искра, которая, превратившись в яркое пламя, вывела человека из тьмы древних веков. Кремень был первым помощником человека в его нелегкой жизни. А ныне он предстает перед нами как надежный свидетель постепенного развития человеческой культуры. Кремень был первым символом власти человека над природой, первым его рабочим инструментом и первым оружием. С кремнем человек начал завоевывать мир.

Впервые каменные орудия, сознательно изготовленные рукой человека, встречаются в древнем четвертичном периоде — плейстоцене. Это очень ценные находки, так как древнейшие из них насчитывают по меньшей мере 600 000 лет. Но и их, по-видимому, нельзя считать самыми древними.

В 30-х годах прошлого столетия французский таможенный чиновник и археолог Жак Буше де Перт нашел в наносных слоях реки Соммы у Абвиля в Нормандии большое количество кремневых камней, которые выглядели так, как будто подверглись искусственной обработке и служили примитивными орудиями. Однако, когда в 1839 году Буше де Перт продемонстрировал свои находки парижским ученым и зая-

Жак Буше де Перт

вил, что это орудия людей плейстоценового периода, его никто не поддержал. Неудача не остановила Буше де Перта. В 1839 — 1841 годах он описал свои находки в пятитомном труде «О сотворении. Сочинение о происхождении и развитии живых существ», вокруг которого разгорелись жаркие споры. Автор подвергался нападкам со всех сторон. Его называли дилетантом — любителем древностей, который ничего не понимает в науке, обвиняли в подделке каменных орудий, призывали осудить книгу де Перта хотя бы уже потому, что она противоречила церковному учению о сотворении человека.

Пятнадцать лет продолжалась борьба Буше де Перта с противниками. Однако исследователь стоял на своем. Вслед за первой книгой он написал вторую, затем третью. С полной убежденностью отстаивал он свою точку зрения — и все же вряд ли дождался бы признания, если бы не поддержка известных в то время английских геологов Чарлза Лайеля и Джона Престуича. Они посетили долину реки Соммы, исследовали район, где были найдены обработанные кремни, тщательно изучили коллекцию Буше де Перта и пришли к выводу, что найденные камни действительно

Чарлз Лайель

представляют собой орудия доисторических людей, живших когда-то на Сомме. Именно книга Лайеля «Геологические доказательства древности человека», изданная в Лондоне в 1863 году, заставила замолчать противников Буше де Перта. Но, что самое интересное, те сразу перестроились и стали утверждать, что Буше де Перт, собственно, не открыл ничего нового, что каменные орудия доисторического человека находили

уже давно. Лайель ответил на эти высказывания: «Когда бы наука ни открыла что-нибудь важное, вначале всегда говорят, что это противоречит религии, а потом вдруг оказывается, что это уже давно известно».

Сегодня уже нет сомнений в том, что обработка кремня или других камней была делом рук первобытного человека. Время, когда изготовлялись эти примитивные каменные орудия и оружие, называли древним каменным веком, или палеолитом.

Изучая эволюцию человека, мы сталкиваемся с тем, что еще в доисторические времена вымершие человекообразные обезьяны, австралопитеки, о месте которых в истории человеческого рода (филогении) до сих пор ведутся споры, использовали в качестве орудий труда или оружия различные найденные ими острые камни или обломки костей. Несомненно, что австралопитеки пользовались ими от случая к случаю, возможно наткнувшись на острый камень или обрезавшись заостренной гранью. Следует отметить, что, согласно последним данным, среди австралопитеков были, по-видимому, и такие виды, которые преднамеренно обрабатывали камни, изготовляя примитивные орудия. Если это действительно так, неизбежно возникает вопрос, можно ли, в сущности, этих со-

здателей грубо обработанных орудий относить еще к австралопитекам, поскольку целесообразное изготовление орудий труда является характерным признаком человека, или наряду с австралопитеками жили действительно человеческие виды, скелеты которых до сих пор не известны? Будущие исследования, несомненно решат эту загадку.*

К такому же использованию камней и костей пришел и древний доисторический человек — питекантроп, синантроп и др. Поздний доисторический человек — неандерталец понял, что зажатым в кулаке острым камнем легче проломить голову хищнику или врагу, выкопать из земли клубни или расколоть кость, чтобы добраться до костного мозга. Он даже научился использовать очень острые отщепы и мелкие пластины кремня, отлетающие при изготовлении каменного топора. Конечно, доисторическому человеку пришлось проделать еще большую работу, прежде чем он достиг положительных результатов. Как часто, приходя в бешенство от ошибочных ударов, он отбрасывал кремень прочь, а через некоторое время опять брался за него и пытался придать желаемую форму. Неудачи не останавливали его, он начинал снова и снова, пока наконец терпение и упорство не приводили к победе — к умению изготавливать такие орудия и оружие из кремня, которые были ему нужны. Научившись этому, человек стал сильнее в борьбе за существование.

Основным и наиболее подходящим сырьем, из которого доисторический человек (прежде всего в Западной Европе) изготавливал свои каменные орудия и оружие, был кремень, но иногда использовался и роговик.

Кремень и роговик возникли как конкреции (вкрапления) в меловых отложениях и различных известняках. В результате вы-

* Открытия Л. Лики в Олдовайском ущелье (Танзания, 1959 — 1963 годы) дали костные остатки зинджантропа, близкого к австралопитекам, и более прогрессивного существа — презинджантропа (*Homo habilis*). Вместе с примитивными каменными орудиями так называемой галечной культуры они свидетельствуют о том, что некоторые существа, близкие по своим морфологическим особенностям к австралопитекам, уже умели изготавливать примитивные каменные орудия и, следовательно, их можно рассматривать как древнейших людей. Таким образом, первые люди на земле представляли собой высокоразвитых двуногих человекообразных обезьян типа австралопитеков.

Они первыми стали сознательно изготавливать орудия и оружие, в то время как их предшественники пользовались лишь тем, что давала им природа (камни, палки, кости животных и т. д.), — Прим. ред.

ветривания и разрушения этих пород конкреции выпадали; нередко реки или глетчеры уносили их довольно далеко.

Окраска кремня может быть различной — от светло-серой или желтой до темных тонов. Неповрежденные конкреции обычно покрыты коркой, возникшей в результате выветривания. Они имеют форму раковины, обладают блестящим стекловидным ядрищем и прочны, как кварц. Ударом или нажатием можно отколоть от кремневой конкреции оболочку и отбить от оставшегося ядрища (нуклеуса) пластинки, которые использовались для резания. Острые края таких пластинок через некоторое время притуплялись, поэтому их подтачивали несильной отбивкой по краям — ретушью. Ретушь производилась по кромке: ретушь кромки с одной стороны (при этом постепенно оббивалась вся сторона орудия) или по всей поверхности предмета — отжимная ретушь.

Человек палеолита, обитавший в Центральной, Южной и Восточной Европе, не всегда мог изготавливать свои орудия из кремня или роговика. Чаще ему приходилось использовать другой, менее подходящий материал — кварц, кварцит, кварцевый песчаник, известняк. Однако в этом случае каменные орудия никогда не достигали совершенства и типичного внешнего вида кремневых.

По типу обработки мы различаем обработку ядрища, когда орудие или оружие изготавливали из ядрища кремневой конкреции, гальки или другого камня, и отщепную, или пластинную, обработку — из отбитых отщепов.

Палеолит продолжался сотни тысяч лет (только период от начала первого до конца последнего оледенения, совпадающего с концом палеолита, длился около 500 000 лет), — естественно, возникла необходимость какой-то периодизации. Ступени человеческой культуры в эпоху палеолита характеризуются способами обработки камня, которые прошли определенные стадии развития. Значительная часть Европы была тогда покрыта ледниками, но на территории нынешней Франции условия для поселения были достаточно благоприятными. Ценные находки, сделанные во Франции, и позволили разработать первую периодизацию; места раскопок дали названия отдельным ступеням культуры.

Приоритет здесь принадлежат Г. Мортилье (1869). Теперь его периодизация — с некоторыми уточнениями — считается классической. Согласно ей, различают древний (нижний) палеолит — протолит — с древнейшими культурными ступенями абвильской, ашельской и мустьерской и поздний (верхний) палеолит — миолит — с культур-

ными ступенями ориньякской, солютрейской и мадленской. Все эти ступени различаются способами обработки камня.

Новая, более подробная периодизация основана на том, что в древнем палеолите существовали два крупных культурных очага — в Европе и в Азии; каждому из них свойственна особая техника изготовления каменных орудий*. Первый характеризуется в основном двусторонней обработкой каменных ядрищ (культура ручных рубил) и подразделяется на подпериоды (начиная опять-таки с самого древнего) абвильский, ашельский и микокский. Крупный очаг культуры ручных рубил, по-видимому, берет начало в Африке, откуда он распространился на Европу вплоть до Южной Азии. Для второго крупного очага вначале была характерна только отщепная обработка и отсутствие ручных рубил. Этот очаг, очевидно, также сместился в Европу из Африки. Он делится на подпериоды клактонский, леваллуазский, тайякский и мустьерский, причем некоторые ступени частично протекают параллельно друг другу. Известный французский историк древнего мира аббат А. Брейль детально охарактеризовал особенности обработки камня и ее техники на каждой ступени. Периодизация позднего палеолита в современной системе остается такой же, как и в классической — ориньякский, солютрейский и мадленский подпериоды.

Обе периодизации относятся прежде всего к Франции, хотя их можно применить и к Центральной Европе где, как, впрочем, и в других местах, встречаются и местные культуры.

Название «мадленская культура» происходит от пещеры Ла Мадлен около Тюрзака в департаменте Дордонь, «солютрейская» — от Солютре около города Макон в департаменте Сона и Луара, «ориньякская» — от названия местечка Ориньяк в департаменте Верхняя Гаронна, «мустьерская» — от Ле Мустье на правом берегу реки Везер, недалеко от городка Пейзак в департаменте Дордонь, «ашельская» — от Сент-Ашель под Амьеном в долине Соммы, «абвильская» — от названия города Абвиль, севернее Парижа в департаменте Сомма, «тайякская» — от Тайяка в долине Везера, «леваллуазская» — от Леваллуа-Перре под Парижем, «клактонская» — от Клактона в Эссексе (Англия), «микокская» — от Микок в долине Везера, департамент Дордонь.

* В советской археологической литературе концепция двух культурных центров в эпоху раннего палеолита неоднократно подвергалась серьезной критике и большинством исследователей не разделяется. — *Прим. ред.*

Орудие, преднамеренно изготовленное доисторическим и новым человеком, называют *артефактом*, а собрание артефактов, одинаковых по форме и технике изготовления, — *индустрией*.

Культурой называют сумму деятельности определенных людей, складывающуюся из типа индустрии и других особенностей образа жизни (в основу периодизации культур палеолита положены способы обработки каменных орудий, культур неолита — типы керамики).

За палеолитом следует неолит, характеризующийся началом возделывания растений, содержания домашнего скота и гончарного дела. В этот период человек изготовлял каменные орудия из серпентина (змеевика), роговой обманки, гранита, сланца, кремневого сланца, кремня, обсидиана и других минералов. Очень многие каменные орудия сглажены и отшлифованы, в этом их значительное отличие от каменных орудий палеолита, на поверхности которых всегда были видны следы обивки.

Иногда между палеолитом и неолитом выделяют еще так называемый средний каменный век — мезолит. Человек этого периода занимался в основном рыбной ловлей, он изобрел лодку и приручил собаку. Таким образом, становится ясно, что в те далекие времена камень действительно был дороже золота: сознательно обработанный человеком, он служил орудием и оружием, облегчал борьбу за существование.

Кроме того, человек умел превращать в орудия труда или в грозное оружие и дерево. К палеолиту относятся такие, например, находки, как копье из тисового дерева с закаленным на огне острием, найденное в Лерингене (Ганновер) вместе с костями лесного слона *Palaeoloxodon antiquus* и каменными орудиями леваллуазской культуры, или деревянное острие с осколками кремня из Клактона. Подобное оружие из дерева удастся обнаружить очень редко, так как оно сохраняется лишь при особенно благоприятных условиях. Не следует забывать, что в качестве оружия и орудий труда человеку палеолита служили и обработанные кости крупных животных.

ХИТРОСТЬ АГИ

Недалеко от довольно широкой реки, под могучим буком, устроило стоянку племя неандертальцев. Низкие хижины, покрытые ветвями и шкурами, построены прямо на траве из тонких древесных стволов. Эти безыскусные убежища трудно даже назвать хижинами: они едва защищают людей от ночной прохлады, ветра и дождя. Выручал главным образом благодатный климат последнего межледникового периода.

Возле угасшего костра сидят мужчины, чуть в стороне — несколько женщин. На берегу реки беззаботно играют дети. Их голые загорелые тела мелькают среди зелени.

Летнее солнце стоит высоко, теплом и светом заливая все вокруг.

К стоянке спешит молодой охотник. Пот струится по телу, он тяжело дышит, но продолжает бежать. Перескакивает через ствол поваленного дерева, переходит вброд болото, продирается сквозь густой кустарник — мчится напрямик, пренебрегая опасностью. Вот уже виден костер и сидящие вокруг соплеменники. Остановив-

шись, охотник приложил ко рту ладони и закричал, а когда люди, схватив острые каменные топоры и тяжелые дубины, проворно вскочили, подал им руками знак, что опасности нет, и опять побежал.

Когда охотник достиг стоянки, его покрытое пылью тело дрожало, как в ознобе, лицо исказилось от напряжения, но глаза сияли. Соплеменники окружили его. И тогда он начал рассказывать. Неумело и несвязно, больше жестами, чем словами, путаясь от волнения и гордости, поведал он о своем небывалом подвиге. Все были потрясены, грубые лица выражали изумление и восхищение.

Молодой Аги, самый храбрый и ловкий охотник племени, рассказывал о том, как он, бродя по лесу, увидел маленького слоненка, который упал в неглубокую яму и лишь огромными усилиями — ему помогла могучая мать — сумел выбраться. Он с интересом наблюдал за слонихой и слоненком, а позднее, когда, усталый и голодный, возвращался на стоянку без добычи, его осенила мысль, что племя лишилось целой горы мяса и многих-многих беззаботных дней. Так трудно выслеживать мелкую дичь, которая хотя и утоляла голод, но никогда не позволяла заснуть с полным желудком и надеждой, что и завтра, и послезавтра можно будет сытно поесть.

Аги на мгновение умолк и посмотрел вдаль через головы соплеменников. Он вспоминал, как много дней думал о спасшемся слоненке, страстно желая добыть огромного зверя, а не гоняться по кустам и чащам за какой-нибудь лисицей, не красться сквозь высокую траву, чтобы точно брошенным камнем подбить дикого кролика или птицу. Но он не знал, как справиться с крупным животным. Печально бродил он по долине, по лесной глуши, а спасительная идея все не приходила. И вот однажды, когда он увидел следы молодого слона около вырванного с корнем дерева, у него мелькнула мысль, которая привела его в восхищение. Он даже закричал тогда от этого неожиданного озарения...

Из задумчивости Аги вывело нетерпение слушателей, требовавших, чтобы он продолжил свой рассказ.

И Аги стал рассказывать дальше: долго следил он за молодым слоном, который обычно ходил к реке мимо ямы от сваленного бурей дерева. Аги углубил эту яму с помощью топора и острой палки, а потом забросал ее сучьями и травой и с нетерпением стал ждать, когда молодой слон снова пойдет по этой тропе.

Соплеменники слушали Аги восхищенно, их глаза были полны

охотничьего азарта. А узнав, что первобытный великан попался-таки в ловушку и, несмотря на все усилия, ему не удалось выбраться, они пришли в дикий восторг. Новые крики радости раздались, когда ловкий охотник, победивший слона, предложил им немедленно отправиться вместе с ним к своей добыче.

Ликующие охотники поспешили за Аги. Вслед за мужчинами, подгоняемые любопытством, заторопились и женщины с детьми.

У костра остался только один глубокий старик, беззубый и морщинистый, которого даже этот неслыханный подвиг не мог вывести из старческого покоя. На старика была возложена обязанность следить за огнем — больше он ничего не замечал.

Теперь Аги мог бы и не показывать своим соплеменникам дорогу — их вели трубные крики испуганного слона. Когда наконец все племя оказалось перед пойманным животным, людей охватила безграничная радость. Они видели перед собой не большого зверя, а гору вкусного мяса. Теперь много дней подряд у них будет довольство пищи, теперь они долго не будут испытывать голода.

Молодой слон испуганно моргал маленькими глазами, глядя на разбушевавшихся охотников, их жен и детей. Он перестал отчаянно трубить и ждал, что будет дальше.

Но вот большой камень просвистел в воздухе и попал ему в лоб. Прежде чем слон успел прийти в себя от боли и неожиданности, на его голову обрушился целый град камней. Молодой слон пришел в ярость. Он крутил хоботом, хватал валяющиеся вокруг сучья, нанося ими удары вокруг себя, ломая и перемалывая их в куски. В отчаянии он вставал на дыбы, бросался во все стороны, снова и снова пытаясь освободить свое громадное тело.

Но отчаянная борьба животного была напрасной. Камни непрерывно сыпались на его голову. Постепенно слон начал уставать, слабеть. Под конец, обессиленный, он уже лежал с закрытыми глазами. Из многочисленных ран струилась кровь. Он уже не чувствовал, как на его череп посыпались страшные удары суковатых палок и мощных дубин. Смерть не заставила себя долго ждать. Еще несколько раз дрожь пробежала по громадному телу, и все было кончено.

Когда охотники увидели, что слон мертв, они набросились на него, как стая голодных волков, но вскоре поняли, что добраться до добычи нелегко. Поэтому они начали расширять края ямы острыми камнями и палками, чтобы удобнее было подобраться к телу слона. Почва была мягкая, и вскоре им это удалось.

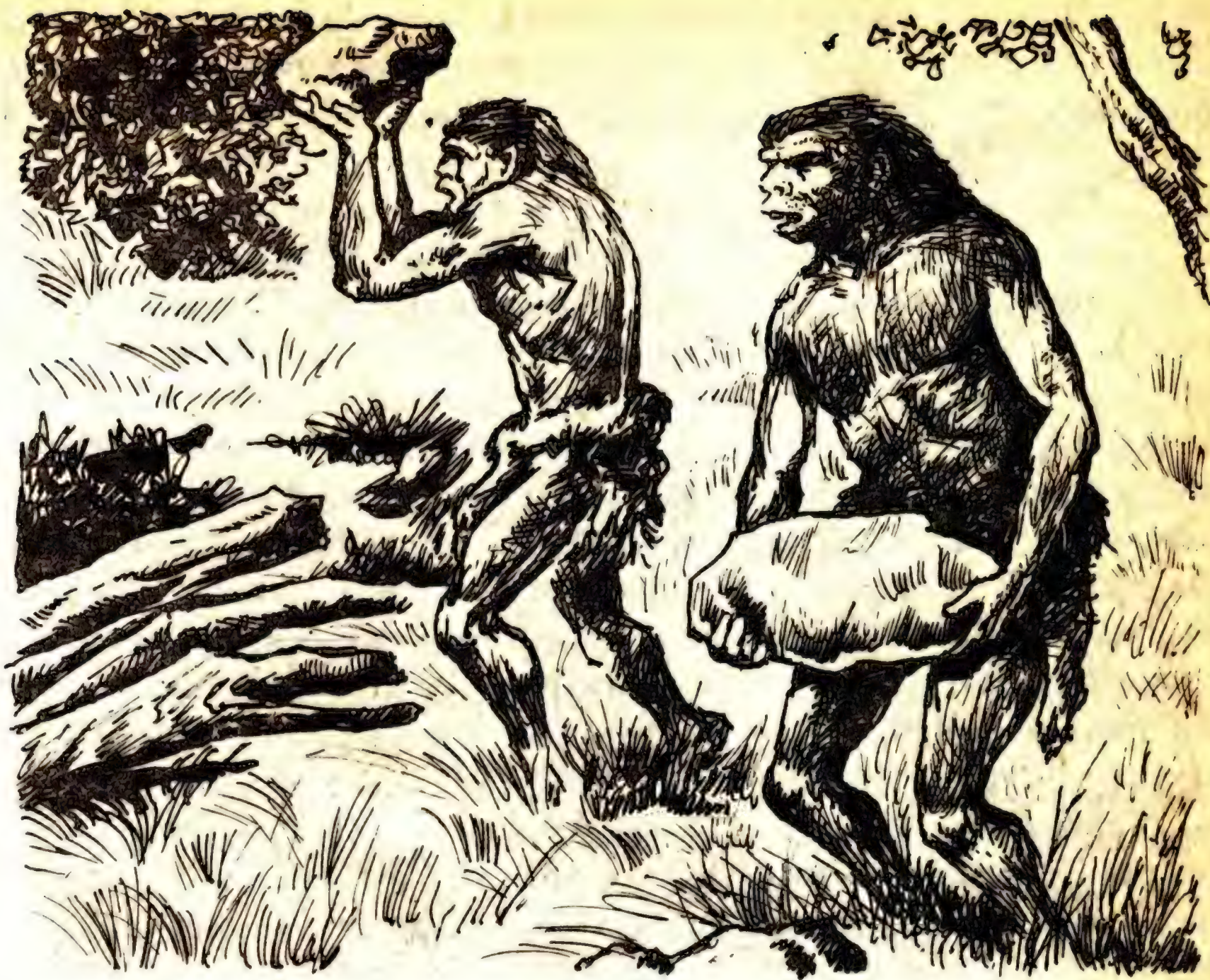
И вот Аги острым кремневым ножом начал вспарывать брюхо животного. Дело шло довольно медленно, так как шкура была толстая, а каменный нож — слишком мал для такой работы. Однако несовершенство орудия компенсировалось недюжинной силой Аги и помогавших ему соплеменников.

Вскоре туша слона была вскрыта. Один за другим припадали охотники к кровоточащей ране и торопливо глотали теплую кровь. Жадными глазами следили за ними женщины и дети, не решаясь подойти ближе, пока пили мужчины.

Стали разделывать тушу. Двое охотников растягивали в стороны края резаной раны, чтобы легче было забраться внутрь туши, а остальные вместе с Аги вырывали печень, легкие и сердце. Они тут же делили их на части, и каждый с аппетитом съедал свою долю. На этот раз и женщины с детьми тоже получили по куску.

Утолив голод, охотники снова занялись добычей. Каменными ножами они отрезали хобот, ноги, вырезали несколько полос мяса из груди. Остальное прикрыли ветвями, положив на них камни, чтобы хищники не добрались до туши.

Племя отправилось в обратный путь. Люди шли медленно,

утомленные, нагруженные. Солнце уже опустилось за горы, когда они достигли стоянки. Усталые дети бросились к своему ложу и сразу уснули глубоким, здоровым сном. Охотники опустились на землю около костра и подбросили на тлеющие угли охапку сухих ветвей, а когда пламя взметнулось вверх, положили в костер куски мяса и подождали, пока они обжарятся. Затем пир продолжался. Сегодня им не нужно экономить мясо — ведь запасов хватит надолго.

Огонь постепенно угасал. Уже были съедены последние куски, замолкли возбужденные голоса охотников. Люди ложились на бок, подтянув ноги и положив голову на руку, и засыпали со счастливой уверенностью, что завтра опять будет богатый пир, вкусное жареное мясо. Всю ночь им снилась еда, и только время от времени крики радости, вырывавшиеся во сне, тревожили ночную тишину и древнего старика, следившего за костром.

Аги тоже отправился на покой. Ему особенно необходим был безмятежный сон, который восстановил бы его силы после волнений и напряжения этого дня. Однако он никак не мог заснуть, ворочался с боку на бок, ложился на спину, потом на живот, сво-

рачивался и опять вытягивался, но все было напрасно — сон не приходил. Перед глазами стояли картины минувшего дня. Но вот и он наконец заснул.

Спустя сотни веков современный человек открыл место стоянки неандертальских охотников. Это произошло в 1878 году в Германии, в солнечной долине реки Ильм у деревни Таубах, примерно в часе пути от Веймара. Добывая травертин, рабочие натолкнулись на многочисленные каменные орудия, относящиеся к мустьерской культуре. Там же было обнаружено и кострище, а в нем — разбитые и частично обожженные кости лесного слона вида *Palaeoloxodon antiquus* и его верного спутника — лесного носорога вида *Dicerorhinus kirchbergensis*. Этих громадных животных неандертальцы из Таубаха могли добыть только хитростью: ведь со своим примитивным оружием они даже сообща не смогли бы противостоять этим гигантам.

Таубахская стоянка впервые доказала, что неандертальские охотники умели охотиться на таких громадных зверей, как древние слоны и носороги. Это открытие поразило ученых, хотя и раньше было известно, что неандертальцы убивали пещерных мед-

ведей, зубров и других громадных животных.

Свою добычу, особенно крупную, поздние первобытные люди разделяли сразу на месте. Лишь самые вкусные и легкие куски они забирали с собой на стоянку и жарили на костре. Убив особенно огромного зверя, такого, как древний слон, неандертальцы неоднократно возвращались за

мясом к месту, где была спрятана туша. Доказательства этого также нашли в Таубахе.

Наибольшим лакомством у неандертальцев считался костный мозг. Чтобы добраться до него, таубахские охотники, как правило, раскалывали длинные мозговые кости убитых животных в одном и том же месте, около сустава, но иногда и по всей длине. Вскрывали они и черепа убитых животных, доставая оттуда еще одно любимое лакомство — головной мозг. Найденные в Таубахе, да и в других местах кости крупных животных принадлежали, как было установлено, главным образом молодняку. Это говорит о том, что неандертальцы охотились, видимо, в основном на молодых животных — очевидно, убивать их было легче и безопаснее, чем старых, сильных.

Находка в Таубахе относится, таким образом, к числу крупных открытий, которые в значительной мере помогли изучить быт, образ жизни и способы охоты неандертальцев.

Необходимо упомянуть и еще об одном факте. Весьма возможно, что неандертальцы добывали древних слонов не только с помощью ям. В Лерингене, недалеко от Вердена, на реке Аллер, были найдены кости древнего слона, а вместе с ними — около тридцати кремневых инструментов и хорошо сохранившееся тисовое копье длиной 2 метра 15 сантиметров, острый конец которого был закален на огне*.

По всей вероятности, это копье использовали во время охоты. Конечно, огромного древнего слона нельзя было убить одним копьем, но если допустить, что конец его был отравлен, это возможно; неандертальским охотникам достаточно было подкрасться к стаду древних слонов и вогнать копье в тело выбранной жертвы. Так до сих пор делают пигмеи в Конго. Конечно, подобная рана не могла свалить слона. Иногда он в бешенстве кидался на ранившего его врага, но в конце концов все же покидал место боя и уходил в чащу. Неандертальцы следовали за раненым слоном по пятам, ожидая, чтобы яд, стекавший с копья в кровоточащую рану, оборвал его жизнь. Это могло произойти через несколько часов, а возможно и дней — в зависимости от возраста и размеров животного, места, куда попало копье, и количества яда на нем. Пока еще у нас нет доказательств, что неандертальцы, да и вообще люди древности использовали на охоте яд. Но это вполне вероятно, так как им были знакомы различные растительные яды и трупный яд.

* Находка в Лерингене относится к донеандертальской эпохе. — *Прим. ред.*

ПЕЩЕРА УЖАСА

Заходящее за вершины гор солнце окрашивало небо пурпуром и золотом. По земле стлалась белая пелена тумана. Приближались вечерние сумерки. Почти у самого подножия скалы темнел низкий вход в пещеру. Недалеко от него пылал в сумраке костер, вокруг которого собрались несколько неандертальцев-охотников. Они сидели на корточках молча и неподвижно; лишь когда языки пламени опадали и начинали исчезать в гряде пылающих углей, кто-нибудь подбрасывал в костер пару сухих ветвей.

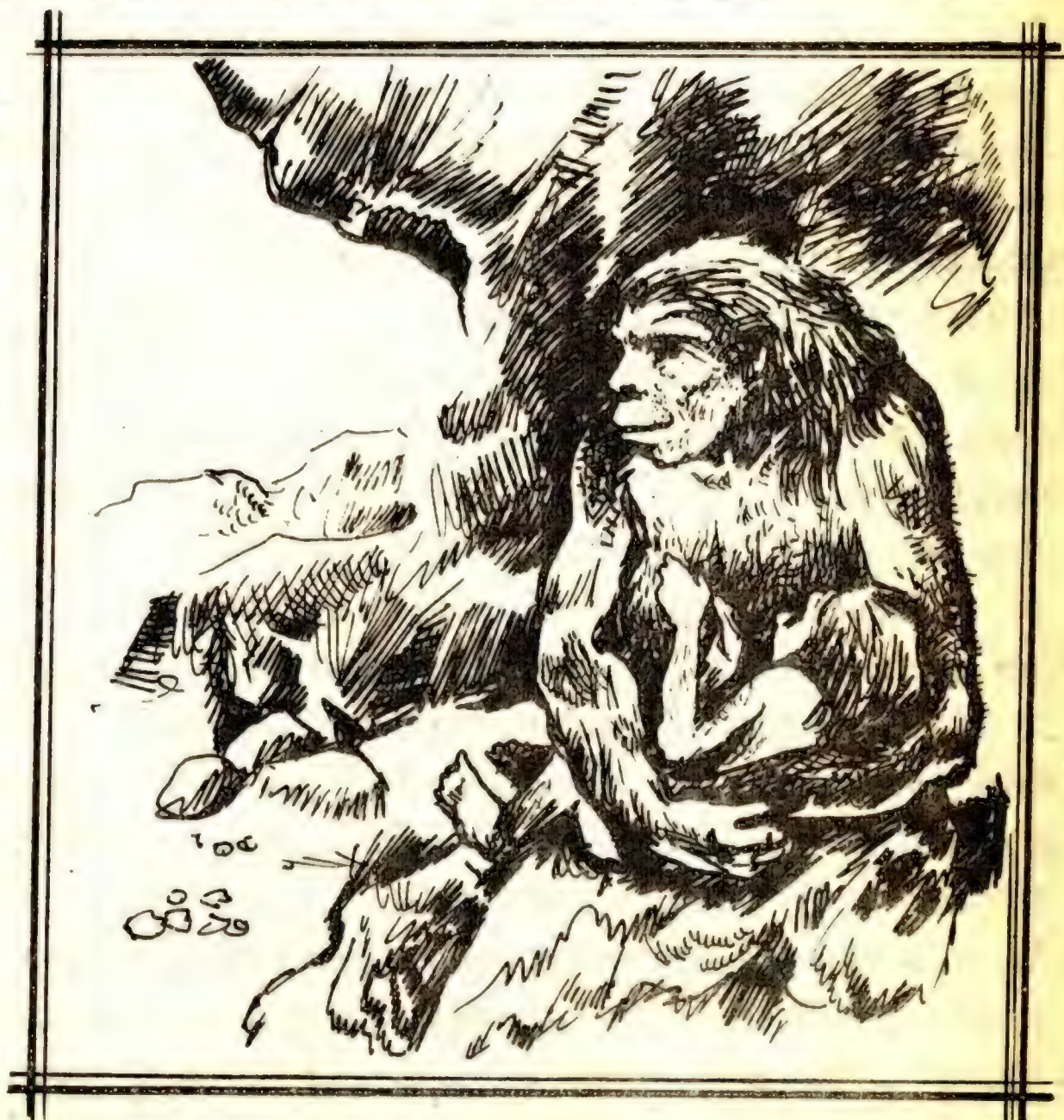
Люди уже давно вернулись с охоты. Они вошли в пещеру угрюмые и бросили к костру тощую лисицу — единственную добычу за целый долгий день охоты. Этот небольшой зверек не насытит всех — придется ложиться спать голодными. Хуже всего, что им не везло уже много дней. Усталые и запыленные, охотники возвращались в пещеру с пустыми руками или с ничтожной добычей. А ведь они были находчивее любого зверя и до сих пор всегда умели выследить дичь, приготовить ей смертельную западню. А теперь ничего не получалось — казалось, дичь обходила их изда-

лека или перекочевала в другие места. И то и другое несло с собой лишения и голод.

Да и женщинам было не до бесед. Они сидели вокруг небольшой ниши, где на сухой траве и мягких шкурах спали дети. Женщин тоже тревожили печальные мысли о начинающейся нужде — ведь и они уже много дней возвращались в пещеру с пустыми руками. Съедобные плоды и корни встречались все реже, того, что они собирали, не хватало даже для детей.

Молодая Маха сияющими глазами смотрела на маленького Рима, заснувшего у нее на руках. Он положил лохматую головку на ее плечо и улыбался во сне. Когда матери показалось, что пещера наполняется прохладой приближающейся ночи, она закутала его в мягкую волчью шкуру. Она очень боялась за своего маленького Рима — это был ее первый ребенок. Совсем недавно его коснулось ядовитое дыхание злой болезни, стерев с лица мальчика улыбку, — маленькое тельце горело как в огне. Много дней прошло, прежде чем Рим снова стал улыбаться, а щеки его опять окрасились румянцем. И еще больше времени прошло, пока он вновь не округлился и кости перестали выпирать из-под кожи. В сердце Махи запечатлелся образ больного ребенка и одновременно поселился страх за его жизнь, которой постоянно и отовсюду угрожали опасности. Она знала, что ей нужно старательно охранять его. Глаза матери излучали нежность, сердце переполняли любовь и самоотверженность — эти благородные и высокие чувства уже в те далекие времена рождались в сердцах матерей.

Все племя было охвачено печалью. У костра не звучали хваст-

ливые речи удачливых охотников, не слышно было перебранки женщин, перешептывания и смеха девушек, веселых криков детей. Тяжелая, давящая тишина заполняла пещеру. А снаружи уже наступила ночь...

У костра сидели два охотника, остальные уже спали. Вскоре у одного из них голова стала клониться все ниже и ниже, а глаза начали слипаться. Некоторое время он еще боролся со сном, тер глаза, выпрямлялся, но в конце концов сон сморил его. Охотник лег, поджал ноги, положил голову на руку и сразу уснул. У костра остался только молодой и сильный Нор. И его уже начинал одолевать сон, как вдруг вдали, в темноте ночи послышался волчий вой.

Нор встряхнулся, быстро подбросил в костер несколько сухих веток и подошел к выходу из пещеры. Долго он всматривался в темноту, но, как ни напрягал зрение, ничего не мог увидеть. Да и протяжный волчий вой больше не повторялся.

Нор в волнении продолжал стоять у входа в пещеру, освещенный пламенем костра. Вой волка заставил его забыть о неудачах последних дней и снова пробудил в нем чувства охотника, бойца, уверенного в себе, гордого победными схватками. Перед его глазами вставали картины преследования зверя, победы над ним, а иногда и бегства от него, когда удары узловатых дубинок оказывались недостаточно сильными или точными. Мелькнуло воспоминание о том, как однажды, уже давно, он предпринял охотничью вылазку далеко от родной пещеры. Это было, когда в окрестностях ненадолго поселилось семейство пещерных львов. Великий страх охватил тогда не только племя, но и всех животных. Богатый охотничий район опустел, и людям приходилось отправляться на охоту все дальше и дальше от пещеры. Однажды в пылу погони Нор потерял соплеменников и потом долго блуждал по незнакомой местности. Скоро долину, по которой он проходил, заполнили вечерние тени. Чем гуще они становились, тем сильнее его охватывало чувство страха перед темнотой ночи. Этот страх переходил из поколения в поколение, и люди не умели от него спастись, потому что источником его были незнание и беспомощность. Нор начал торопливо карабкаться вверх по крутому склону холма — ночь уже пришла в долину. Задыхаясь, он огляделся: где-то вдали терялась в вечерних сумерках покрытая травой равнина. Зная, что не сможет найти себе там прибежища на ночь, Нор направился к большому буку, возвышавшемуся над всей округой. Он забрался на него, уселся на крепком суку, обхватил руками ствол и затих.

В эту ночь он не сомкнул глаз. Страх перед темнотой, таинственные звуки ночи и неудобная поза отогнали от него сон — он даже не задремал. Нор был счастлив, когда наконец начало светать, а затем вслед за алой зарей показался золотой диск солнца. С восходом солнца его покинули все страхи и волнения. Он выпрямил занемевшее тело и, держась одной рукой за сук, потянулся. Потом стал быстро слезать с дерева. Но спустившись на несколько ветвей, резко остановился: сквозь просвет в зеленой стене листвы он заметил вдали на равнине пасущийся табун диких лошадей. Нор притаился и стал напряженно следить. Лошади спокойно щипали траву. Но вот одна подняла голову, понюхала воздух и с громким ржанием пустилась бежать. Весь табун последовал за ней и исчез в туче поднятой пыли. Нор снова забрался на вершину дерева, чтобы посмотреть, куда понесся табун, но не увидел ничего, кроме маленького облачка пыли где-то у горизонта. Некоторое время Нор еще смотрел туда, где только что был табун, а затем начал внимательно изучать местность. С одной стороны простиралась покрытая травой равнина, с другой — заросшая деревьями и кустами долина, по которой текла небольшая речка. За ней возвышались холмы с обширными лесами и голые, изрезанные ущельями скалы. В одной из них, далеко отсюда, была пещера его племени. Он сразу узнал эту скалу, потому что на ее вершине росли три древние, иссеченные ветрами сосны. Их вид напомнил ему, что пора возвращаться. Но хотя он спешил и шел к пещере напрямик, добрался до нее лишь поздним вечером.

Это воспоминание не покинуло Нора и тогда, когда он вновь уселся у костра. Оно заполняло все его мысли, пока не сложилось в одну спасительную: хорошо бы отправиться туда на охоту, там, наверно, еще много дичи. И Нор решил ранним утром, с первыми лучами солнца отправиться в путь. Он хотел идти один, чтобы вначале убедиться, действительно ли те места богаты дичью, а потом уже позвать соплеменников.

Приняв такое решение, Нор тоже лег спать.

На востоке поднималось солнце, под его лучами, как будто заменяя погасшие звезды, заблестели мириады росинок.

Первые солнечные лучи и утренняя прохлада разбудили старого охотника, который должен был следить за костром. Он тяжело поднялся и мелкими шаркающими шагами направился к нише,

где лежал большой ворох сухих сучьев — собирать их было обязанностью детей.

Старик отобрал две охапки сосновых веток с сухими иголками и начал старательно выискивать толстые смоляные сучья. Захватив все, что набрал, он медленно побрел обратно к костру. Бросил дрова на пол, сел, разгреб длинной палкой пепел и золу и собрал в середине кострища тлеющие угли, а на них бросил сухие сосновые ветки.

Послышалось легкое потрескивание, и потянуло слабым запахом смолы. Но дыма почти не было, огонь все еще прятался в тлеющих углях. Старый охотник склонился над костром и несколько раз сильно подул. Угли засверкали ярче, поднялись язычки пламени и жадно набросились на сухие иголки и мелкие веточки.

Потрескивание костра разбудило охотников. Заспанные, они оглядывались, опять закрывали глаза и погружались в сладкую дрему.

Проснулся и Нор. Он взглянул на костер и заметил, что старик подкладывает сучья потолще, а высоко поднявшееся пламя жадно набрасывается на них. Тепло от разгоревшегося костра окутало его, и он тоже снова закрыл глаза, повернулся на другой бок и, утомленный долгими блужданиями прошедшего дня и длительным ночным бдением, задремал.

Но теперь он спал беспокойно. Вчерашние мысли о новых охотничьих местах все сильнее стучались в его сон и звали к пробуждению. Нор ворочался с боку на бок, но никак не мог вырваться из дремоты.

Вдруг он вскочил — в полусне ему послышалось громкое восклицание. Нор огляделся. Все еще спали, а старик спокойно глядел в огонь, не обращая внимания на крик. Нор бросился к выходу из пещеры и выглянул наружу. Он увидел, как маленький Рим что-то показывал матери; та внимательно посмотрела, ответила ему, взяла за руку и повела куда-то в сторону.

Нор смотрел вслед Махе и Риму, пока они не исчезли за поворотом. Куда они могли направляться так рано? Он знал, что ранним утром женщины никогда не уходят на сбор плодов, съедобных клубней и сладких кореньев. Может быть, Маха хотела найти новое место, где они растут в изобилии? Но неужели она собиралась искать так далеко от пещеры, что отправилась в самую рань? И почему она пошла одна, когда отовсюду грозит опасность?

Все это пронеслось в голове Нора, когда Маха и Рим скрылись из виду. Но все же он вернулся в пещеру, сел к костру и долго смотрел в огонь. Он видел только, как колеблется пламя да раскаленные сучья распадаются на пылающие угольки. Не было мяса, которое можно было бы бросить в огонь, чтобы оно немного пообжарилось на углях. В пещере не было ни кусочка дичи, ни горсти плодов или клубней. Если охотникам не удастся сегодня убить крупного зверя, начнется голод.

Голод! Это слово вдруг отозвалось в нем, заполнив все чувства, и сразу созрело твердое решение — не откладывая, отправиться на поиски нового охотничьего района. Из сваленного в нише каменного оружия он выбрал кремь, обработанный так, что с одного конца он был овальный и хорошо умещался в кулаке, а с другой стороны был узким и острым. Взяв еще крепкую дубину, Нор вышел из пещеры и отправился в путь.

Он продвигался вперед со всей осторожностью опытного охотника: прятался за стволами больших деревьев, крался вдоль кустарника, осматривая все укромные, тенистые места, перепрыгивал через лесные ручейки, избегал склонов, поросших колючими кустами ежевики, обходил стороной сырые места, где росли громадные листья репейника, ловко пролезал под преграждавшими путь ветками. Дубину и крепко зажатый в кулаке камень он держал наготове.

Нор шагал ровно и неустойчиво, все время был настороже. И все же он шел к гибели.

Здесь же прошла и Маха с маленьким Римом. Собственно, цель ее была та же — найти для племени где-нибудь подальше от пещеры новое место, полное вкусных плодов, найти новые долины, где много растений со сладкими корнями или клубнями.

Солнце стояло уже высоко, когда Маха с ребенком добрались до небольшого озера под известняковой скалой. Рим бегом бросился к воде. На берегу он лег на живот, наклонил голову к кристально чистой воде и стал жадно пить. Утолив жажду, он забрался в мелкую воду и с радостными криками стал плескаться.

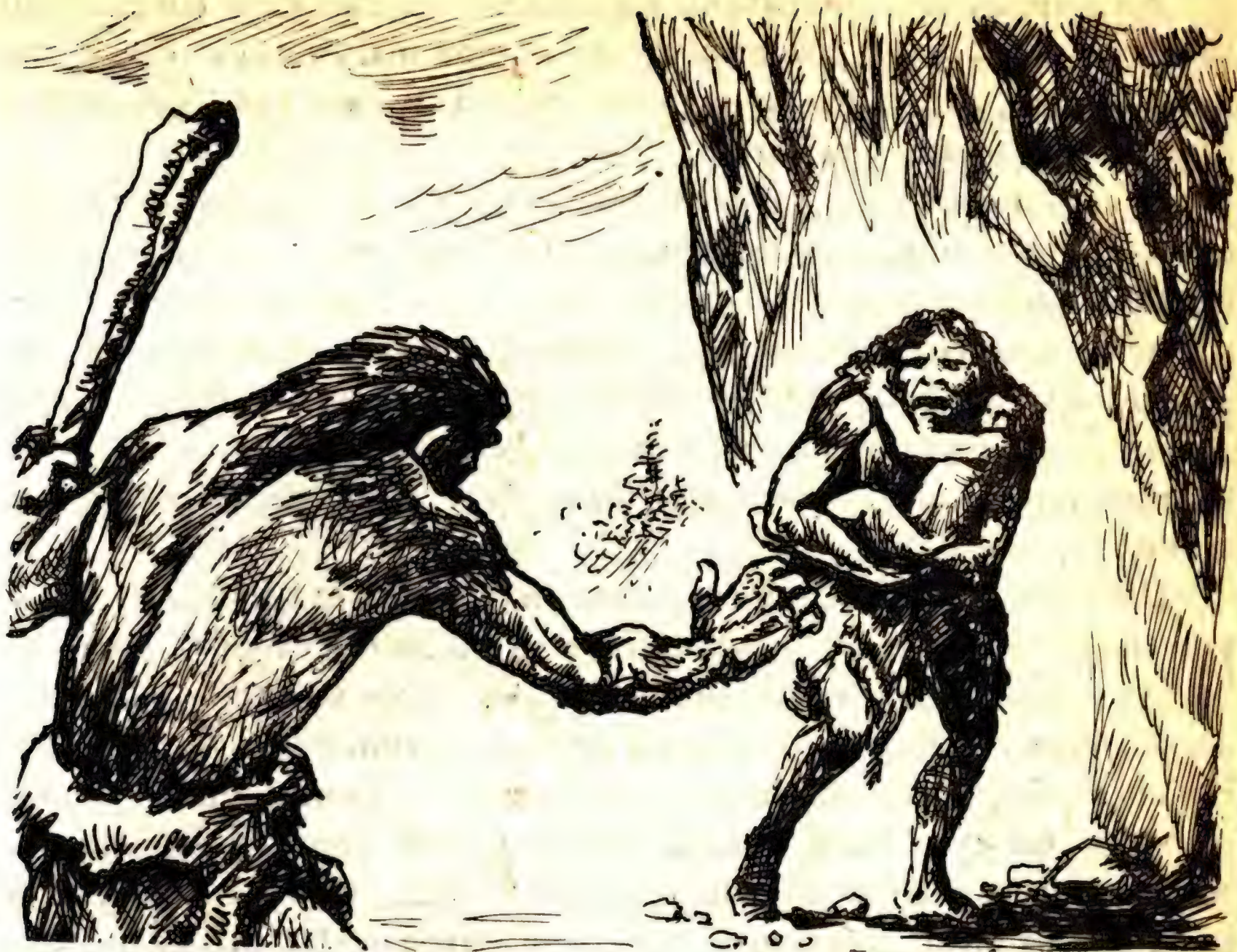
Сверкающая на солнце вода соблазнила и Маху. Она тоже решила освежиться и осторожно вошла в воду. Постояв рядом с Римом и преодолев неприятное ощущение холода, Маха окунулась. Когда она вышла из воды, смыв застарелую грязь, засохшую кровь и липкий пот, оказалось, что это приятная молодая женщина с крепким и гибким телом.

В то время как маленький Рим весело плескался в воде, а Маха обсыхала, нежась на солнце, из кустов высунулась голова молодого дикаря с взлохмаченными волосами, жидкой бородкой и глубоко сидящими глазами.

В изумлении смотрел он на Маху — он не мог себе представить, что женщина пришла сюда одна с маленьким ребенком. Он внимательно осмотрелся — не покажется ли еще кто-нибудь из ее племени. Оглядел каждый куст, каждый уголок — никого. Он снова взглянул на Маху. Собираясь в путь, она позвала Рима и, взяв его за руку, направилась к скале, чтобы, обогнув ее, пересечь узкую долину и попасть на солнечный откос — цель своего путешествия.

Охотник бесшумно преследовал Маху. Вначале он крался за ней незамеченным, но, когда она исчезла за выступом скалы, перестал скрываться и побежал. Напуганная шумом шагов, женщина резко обернулась и, увидев незнакомого охотника с дико горящими глазами, бросилась бежать. В паническом ужасе Маха неслась вдоль скалы куда глаза глядят. Внезапно она увидела впереди высокий вход в пещеру и хотела нырнуть туда, надеясь спастись от преследователя в лабиринте темных переходов. Но это ей не удалось. Охотник настиг ее у самого входа. В ужасе Маха прижалась к скале и приготовилась защищать себя и маленького Рима. Охотник был небольшого роста, но сильный, широкоплечий и мускулистый. Тело его было покрыто многочисленными шрамами — следами схваток с врагами и дикими зверями. Широко открытыми глазами смотрел он на оскаленные зубы Махи, но оцепенел лишь на мгновение. Схватив женщину за руки, он с грозным видом выкрикивал ей что-то о своей силе и своих победах. Маленький Рим громко заплакал от страха, Маха вырвалась из рук охотника — ее охватила бешеная ярость. Она бросилась на него и вцепилась зубами в загривок, острыми ногтями царапая лоб и щеки. От неожиданности охотник отскочил назад, но тут же, стыдясь своего отступления перед женщиной, с ненавистью поднял кулак, чтобы ударить ее. Но он опоздал, потому что Маха уже схватила на руки маленького Рима и помчалась в глубь пещеры.

Охотник бросился за ней. Он вовсе не хотел ее убивать, а намеревался лишь взять в свое племя — у них было очень мало женщин. После яркого дневного света он некоторое время искал в полутьме пещеры Маху, притаившуюся за большим камнем у стены. Но вот он нашел ее и, грубо схватив за руку, потащил к вы-

ходу. Маха сопротивлялась, то бросаясь на землю и заставляя тащить себя волоком, то цепляясь свободной рукой за выступы скалы. Вдруг раздались жалобные крики маленького Рима. Маха вырвалась из рук охотника и кинулась к ребенку. Опустившись рядом с Римом на землю, она схватила его в объятия. Она готова была защищать себя и своего ребенка как разъяренный дикий зверь. Одной рукой прижимая Рима, другой она бросила в мужчину большой камень. Камень попал врагу в голову. Он взревел от бешенства и, поняв, что именно ребенок мешает ему завладеть женщиной, обратил всю свою ярость против него. Бросившись к Махе, он вырвал из ее рук Рима и изо всех сил безжалостно швырнул его о стену.

С безумным криком Маха кинулась на жестокого охотника, кусала его и колотила, вцепилась в волосы рвала редкую бородку. Но тот легко справился с ней. Он схватил Маху за кисть и вывернул ей руку. От все усиливающейся боли яростный крик женщины перешел к стоны, заглушаемые грубым смехом охотника.

Нор стоял на берегу озера, когда из пещеры раздался пронзительный крик Махи. Он спрятался в кустарнике и стал напряженно ждать. Вот крики ярости перешли в полные боли стоны. Нор крадучись подобрался к входу в пещеру, откуда они раздавались.

Он еще не знал, что произошло. Но вот из темноты пещеры показался чужой охотник, который тащил за собой женщину. Нор напряженно всматривался в ее лицо — все пережитое до неузнаваемости исказило его черты. Внезапно Нор узнал Маху. На какой-то момент он онемел от изумления, не понимая, как она могла здесь оказаться и что с ней случилось, потом резко выкрикнул ее имя.

Маха вздрогнула, взгляд ее метнулся в ту сторону откуда раздался звук знакомого голоса. Узнав соплеменника, она закричала: «Нор! Нор!»

Охотник тут же грубо толкнул ее обратно в пещеру. Маха замолчала и прижалась к стене, ожидая, что будет дальше.

Нор уже все понял. Какой-то мужчина из чужого племени вторгся в их охотничий район и напал на Маху, желая похитить ее и лишит племя Нора сильной молодой женщины, которая могла бы принести много здоровых крепких детей — будущих охотников и бойцов. Этого нельзя было допустить.

Нора охватила бешеная ярость. Казалось, мышцы его могучих плеч лопнут от напряжения, глаза метали молнии смертельной ненависти. Нор был готов защитить женщину своего племени и биться за нее насмерть. Но и чужой охотник не хотел лишаться добычи. И вот двое первобытных мужчин начали борьбу за женщину.

Нор размахнулся, чтобы нанести противнику мощный удар, но тот отскочил и дубина Нора обрушилась на скалу. Увидев, что враг ловко увернулся, Нор бросился за ним, чтобы следующим ударом разmozжить ему голову. Но и на этот раз его атака не удалась. Прежде чем он снова успел размахнуться, ему самому пришлось защищаться.

Борьба шла с переменным успехом. Противники напоминали двух разъяренных быков: грудные клетки вздымались и опускались в бешеном ритме, растрепавшиеся волосы развевались вокруг голов, пот стекал по телам и искаженным лицам.

Но силы Нора были на исходе, теперь он уже только защищался. Когда испуганная Маха увидела что Нор слабеет, она схватила острый камень и сзади набросилась на чужака. Но тот, почуя опасность, отскочил к скале, увернулся от Нора, одним огромным прыжком оказался возле Махи, вырвал у нее из рук камень и сильным ударом в висок поверг на землю, успев избежать новой атаки.

Вид лежащей без движения Махи на время придал Нору сил, и он снова стал наступать. Но все было напрасно.

Противник, отбросив дубину, с пронзительным криком кинулся на него и так крепко обхватил руками, что у Нора затрещали ребра, а глаза вылезли из орбит. Задохнувшись, он без сил рухнул на землю. Победитель в неудержимой ярости наступил ногой на поверженного Нора, поднял дубину и сильным ударом раздробил ему череп.

Залитый потом, задыхаясь, стоял он над побежденным врагом. Затем поднял его, оттащил в пещеру и завалил камнями, как бы опасаясь, что дикие звери отнимут у него мертвеца. Покончив с этим, он подошел к потрясенной Махе и хриплым голосом приказал ей идти за собой. Женщина медленно поднялась и без возражений пошла за победителем; она знала, что сопротивление бесполезно.

Победитель Нора покинул пещеру. Маха послушно последовала за ним. Они направились по узкой тропинке, которая, извиваясь между деревьями и густым кустарником, вела на юг.

Вот и край леса. Глазам Махи открылась долина с речкой; в мелкой воде плескались дети. Они были так увлечены игрой, что даже не заметили охотника из своего племени и незнакомую женщину.

Перейдя через речку, охотник и Маха оказались у подножия холма, который как бы ограничивал долину; на склоне, в скале песчаника, не очень высоко над руслом реки была просторная пещера. Вокруг горящего костра сидело много охотников, а за ними — несколько женщин, которые с помощью каменных ножей и скребков обрабатывали шкуры убитых животных, чтобы они стали мягкими и гибкими.

Охотники узнали соплеменника, ведущего чужую женщину, еще когда он вышел из леса, и неотрывно следили за ним. Снизу раздался дружеский призыв; они вскочили и, подбежав к краю скалы, с нетерпением ожидали его. Сзади теснились женщины, вытягиваясь, насколько позволял небольшой рост, и с любопытством разглядывая Маху.

Добравшись до пещеры, охотник взял Маху за руку и подвел к костру. Подождав, пока соберутся все, он стал хвастливо, криками и жестами, описывать свою борьбу и победу, благодаря которой привел молодую, здоровую женщину. Когда отзвучали грубые выкрики соплеменников, выражавших радость по поводу столь редкой добычи, он толкнул Маху к женщинам.

Так Маха была принята в племя победителя Нора.

Женщины окружили Маху и засыпали ее градом вопросов, а охотник-победитель сидел с товарищами у огня и продолжал с жаром говорить. Все напряженно слушали, часто прерывая его речь криками и возгласами восхищения.

Закончив наконец свой рассказ, охотник вскочил на ноги, вместе с ним — еще трое. Вооружившись мощными дубинами, они сбежали вниз по склону, перешли через речку и исчезли в темном лесу. Оставшихся охватило странное возбуждение. Они бегали по пещере, тащили к костру большие плоские камни, раздували огонь так, что языки пламени поднимались высоко к потолку. Женщины тоже бросили работу, выбежали и через некоторое время вернулись с охапками дров.

Одна только Маха сидела, сжавшись, в углу пещеры и безучастно смотрела на суету вокруг.

Солнце уже начинало клониться к западу, когда охотник, стоящий на страже у входа в пещеру, издал радостный крик. Он заметил на краю леса возвращающихся товарищей. Один из них приветственно замахал руками, второй нес что-то под мышкой, а двое медленно шли к речке, сгибаясь под тяжелой ношей. Прежде чем они успели перейти вброд, их окружили несколько соплеменников, вышедших на помощь. Все быстро двинулись к пещере.

Они поднимались, окруженные радостно галдящими детьми, а у входа в диком возбуждении шумели женщины. Лишь Маха не участвовала в общем волнении. Она тихо сидела в углу, ничего не понимая и испуганно глядя вокруг.

Но вот стена человеческих тел у входа расступилась, пропускающая охотников. Двое, размахнувшись, бросили к костру принесенную добычу, потом в воздухе мелькнуло маленькое окровавленное тельце. Страшные трофеи с глухим стуком упали на землю.

В тот же момент раздался душераздирающий крик Махи: она увидела в свете костра мертвые тела Нора и Рима. Охваченная беспредельным ужасом, сознавая свое бессилие, она закрыла лицо руками и, сделав несколько шагов, свалилась на груды мха и травы.

Но племя, не обращая особого внимания на Маху, с шумом толпилось вокруг двух человеческих трупов и готовилось к трапезе. Маха с ужасом смотрела, как они бросали куски мяса на раскаленные камни или прямо в пылающие угли, жадно следя за ними и переворачивая, чтобы они не подгорели. Когда мясо хоть чуть поджаривалось со всех сторон, они набрасывались на него и глотали целыми кусками. Теперь в пещере слышалось лишь чавканье мужчин, женщин и детей.

Охотник, убивший Нора, напрасно искал Маху среди сидевших у костра женщин. Увидев, что она, съежившись, одиноко сидит в дальнем углу пещеры, он взял кусок жареного мяса и, подойдя, протянул ей. Маха с отвращением вырвала мясо и отбросила подальше. Мужчина усмехнулся, пожал плечами и вернулся к костру.

Маленький мальчик, видевший, как Маха отшвырнула предложенный ей кусок, поспешно бросился за ним. Попробовав и убедившись, что мясо вкусное и сочное, мальчик спрятался за выступом стены от глаз завистников, которые могли бы отнять у него лакомый кусок. Потрясенная женщина смотрела на ребенка. В ее взгляде было не только отвращение. Маха не могла понять, как вообще можно есть человеческое мясо. Она никогда не видела и не слыхала, чтобы ее племя употребляло в пищу мясо людей из других племен, даже когда была самая страшная нужда и самый жестокий голод.

А пир у костра продолжался. Новые соплеменники Махи, раскалывая кости, лакомились теперь костным мозгом.

Солнце давно опустилось за горы, и вечерние сумерки отступили перед темнотой ночи.

Страшная трапеза приближалась к концу. Дети и женщины уже давно спали, удовлетворенно похрапывая, охотники тоже один

за другим покидали костер и, довольные, укладывались в углу пещеры на куче травы, мха или шкур.

Наконец у догорающего костра остался только глубокий старик — хранитель огня; вокруг валялись раздробленные человеческие кости — страшное свидетельство братоубийства и людоедства.

Кто знает, было ли все именно так, как я рассказал?

Одно лишь несомненно: пещера ужаса, вернее, не пещера, а нависающая скала, действительно существовала и была открыта учеными!

Вот как это произошло.

В октябре 1899 года мюнхенец Иоганн Ранке получил от загребского геолога и палеонтолога Карла Горяновича-Крамбергера письмо следующего содержания:

«Я позволю себе как можно более кратко сообщить Вам о чрезвычайно интересном происшествии. В прошлом месяце я нашел остатки палеолитического человека (обломки челюстей с зубами, отдельные зубы, фрагменты теменных и затылочных костей и т. д.) и каменные орудия (острые обломки яшмы, опала) вместе с *Rhinoceros tichorhinus*, *Bos primigenius*, *Ursus spelaeus*, *Sus*, *Castor fiber* и т. д. Все это было в дилювиальных песках Крапины в Северной Хорватии. Расположение остатков весьма красноречиво и не допускает случайностей. Впрочем, все хорошо видно на чертеже.

Под нависшей скалой слоистого песчаника из миоценовых морских отложений мы видим девять последовательно расположенных культурных слоев (см. рисунок, 2 — 9). Это слои дилювиального происхождения, то есть представляют собой продукты выветривания самой скалы. Лишь зона 1 частично состоит из отложений речки Крапиница.

Кости названных животных встречаются по всей толще этих слоев, однако нетрудно выделить три зоны: 1 — кости *Castor fiber*, 3 — 4 кости *Homo sapiens* и 9 — кости *Ursus spelaeus*.

Особенно примечательно, что в зоне 3 — 4, кроме обожженных костей животных, встречаются обгоревшие теменные кости человека.

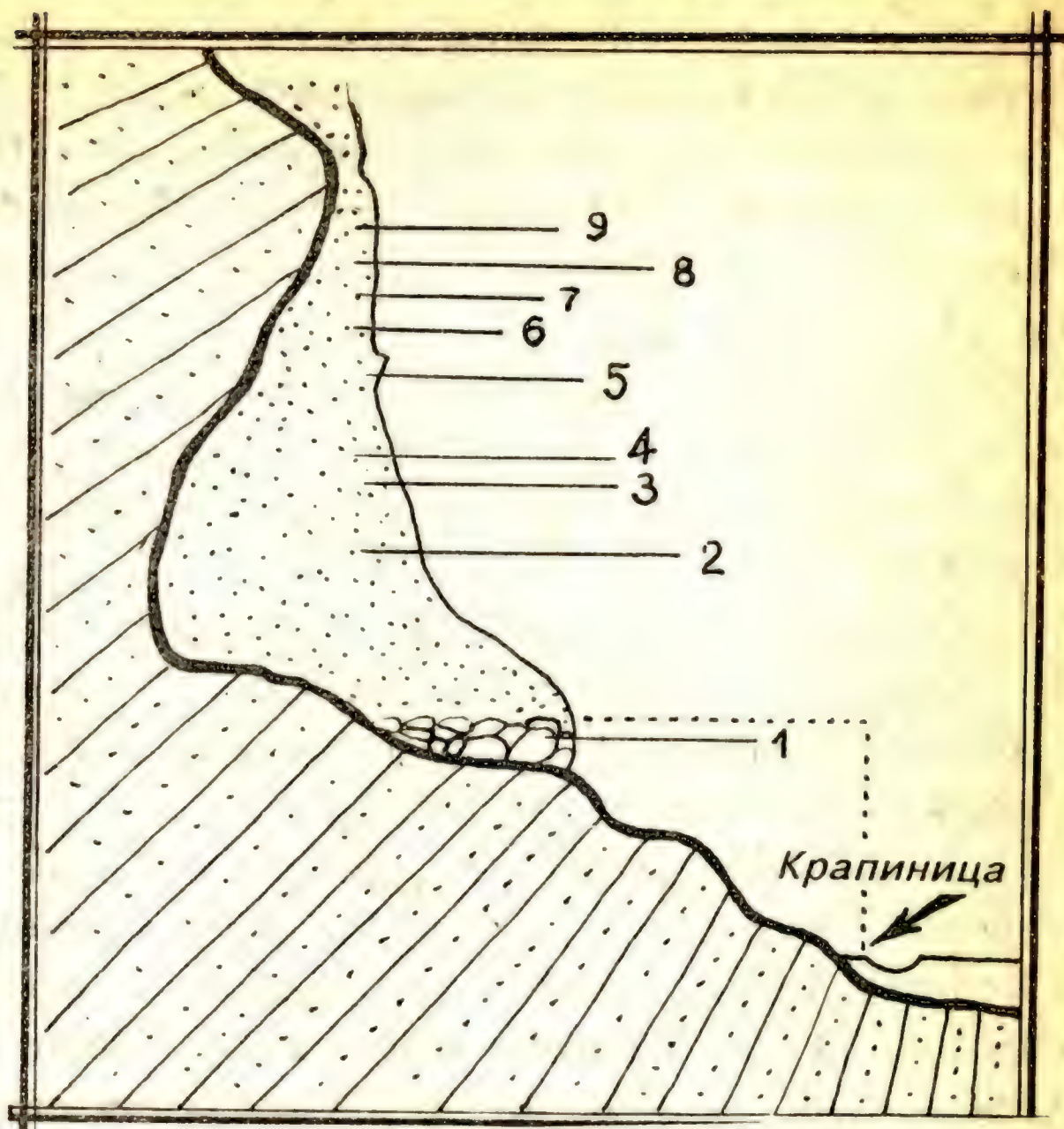
Высота дилювиального комплекса культурных слоев составляет здесь 8,5 метра.

Все кости светло-желтого цвета и чрезвычайно хрупкие, поэтому сохранились только суставные головки. Целые кости встречаются очень редко, в хорошем состоянии лишь фаланги пальцев и зубы.

Всего было найдено более тысячи обломков костей, так что это место как по характеру расположения костей, так и по числу че-

ловеческих костей и орудий в сравнении с животными остатками относится, несомненно, к наиболее интересным местам находок дилuviального человека вообще».

В 1900 году в одном из немецких научных журналов Ранке опубликовал это письмо, свидетельствующее, что Горянович-

Крамбергер с самого начала представлял себе всю важность сделанной им находки, единственной в своем роде.

Городок Крапина расположен примерно в двух часах пути к северу от Загреба, на речке Крапинице, в горах между Савой и Дравой. Когда-то речка вымыла в миоценовом морском песчанике нечто вроде пещеры, расположенной ныне примерно метров на 25 выше русла реки. Однако в плейстоцене Крапиница протекала на уровне пола пещеры, который и состоит из принесенного ею щебня. В более поздние времена речка несколько изменила свое течение и ее русло все глубже врезалось в основные породы. Тогда пещера стала сухой. Продукты выветривания каменных пород постепенно заполнили ее до высоты 8,5 метра. Но образование отдельных слоев происходило довольно медленно, и в определенные периоды пещера служила пристанищем животным и даже неандертальцам.

Тщательные исследования показали, что всего в пещере образовалось девять различных слоев. Первый, как мы уже знаем, представлял собой щебенчатое русло реки Крапиницы, во втором слое были найдены кости главным образом бобра, в третьем и четвертом — человеческие кости, в девятом — кости пещерного медведя, в остальных слоях встречались кости первобытного носорога, гигантского оленя, зубра бизона, дикой лошади, кабана, волка и сурка.

В третьем и четвертом слоях обнаружили более 300 человеческих костей, но все это были обломки. Так, например, было найдено более 80 зубов, принадлежавших индивидам различного возраста, 50 осколков черепной коробки, два куска от нижней челюсти с несколькими зубами, шесть различных головок суставов от нижних челюстей, два обломка верхних челюстей с несколькими зубами, обломки позвонков, ребер, фрагменты лопаток, а также многочисленные обломки лобных костей с мощными надглазничными валиками.

Все кости были смешаны с золой и древесным углем. «Вообще весь третий слой, — писал Горянович-Крамберггер, — представляет собой одно большое кострище, где были найдены почти исключительно человеческие кости, все расколотые и более или менее опаленные либо сожженные. Они принадлежали по меньшей мере десяти индивидам разного возраста (детям и взрослым)».

При более поздних исследованиях в пещере Крапина, в июле 1905 года, были обнаружены новые остатки неандертальцев — примерно 200 обломков костей, сохранившихся лучше, чем ранее найденные, в том числе несколько обломков черепов, позвонков и тазовых костей. Кости эти попеременно с каменными орудиями лежали прямо в кострище, где были и кости животных. Особого внимания заслуживал тот факт, что, как было установлено, длинные человеческие кости (например, кости предплечья и бедренные) были расколоты по всей длине. Это и натолкнуло Горяновича-Крамберггера на мысль, что, по всей вероятности, он нашел остатки пищи людоедов. Таким образом, неандерталец из Крапины оказывается уже не мирным охотником и собирателем плодов, а братоубийцей, хладнокровно пожиравшим представителей собственного вида. Длинные кости жертв он раскалывал вдоль, чтобы добраться до самого лакомого блюда — костного мозга. С той же целью он разбирал и черепа.

Находка в Крапине показывает, что людоедство восходит к наиболее древним эпохам в истории человечества, хотя мы не можем с полной уверенностью утверждать, что такие зверства были у охотников-неандертальцев в порядке вещей. В Европе пока не обнаружено ничего подобного, но в некоторых местах все же встречаются признаки людоедства, правда, в гораздо более ограниченных масштабах. Можно предположить, что лишь отдельные племена неандертальцев иногда предавались людоедству, — возможно, их вынуждал голод. Несомненно, однако, что людоедство не было характерным или общим признаком неандертальцев.

ПЕРВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

На стоянке под нависшей скалой собралось все племя неандертальцев. У костра лежит истекающий кровью юноша. Лицо его мертвенно бледно, глубоко запавшие глаза закрыты, сжатые губы посинели. Над ним стоит другой молодой охотник и взволнованно объясняет что-то — возгласами, отдельными словами, жестами.

Сегодня утром, когда они с Уаном пошли на охоту, их подстерегла беда. Из зарослей внезапно выскочил носорог, напал на Уана, поднял на рог и подбросил вверх. А потом зверь увидел его самого и погнался за ним, чтобы растоптать... Охотник показывает, как он долго бежал, как упал в густых кустах, которые скрыли его от свирепого носорога. А потом, когда зверь ушел, он отыскал Уана и принес сюда — уже без сознания. Только здесь, у огня, он заметил, что из тела товарища течет кровь и шкура, обернутая вокруг его бедер, стала красной. Когда он снял ее, то увидел, что кровь течет из большой раны — такая бывает от толстой сломанной ветки, если упасть на нее всем телом. Поэтому, наверное, мальчик до сих пор не открывает глаз и лежит, словно мертвый.

Охотник кончил рассказывать. Все молчали, глядя на неподвижного юношу. Лишь одна женщина наклонилась над раненым и, осторожно приподняв его голову, подложила под нее несколько горстей сухого мха.

Охотники с мрачными лицами стоят вокруг. Жалость сжимает сердце храбрых людей, но они умеют скрывать ее — ни одного вздоха, ни один мускул не шевельнется на лицах.

Здесь же бегают дети, протискиваясь между взрослыми, с любопытством и удивлением смотрят на раненого. Они уже поняли, что с ним плохо, они видят кровоточащую рану и окровавленные бедра и все-таки не могут понять, почему Уан лежит так беспомощно, почему его не бьет лихорадка, почему он не мечется из стороны в сторону, не стонет и не кричит от боли. Ведь это бывало всегда, когда один мужчина приносил другого с ужасными ранами. Может быть, Уан спит? Может быть, он устал?

Раненый и правда совсем плох. Его счастье, что он так и не приходит в сознание — только это спасает его от нечеловеческой боли.

А они стоят вокруг — мужчины и женщины его племени — и не могут, не умеют помочь.

День подходит к концу, наступает ночь, розовеет рассвет следующего дня. Под нависшей скалой у костра все так же лежит юноша, он по-прежнему без сознания. Вокруг беспокойным сном спят его соплеменники. Не спит, сторожа раненого, только седой старик. Пристально, испытующе вглядывается он в лицо юноши, словно хочет прочесть на нем, вернется ли Уан к жизни или навсегда покинет племя.

Раненый тихо застонал. Старик протянул руку, прикоснулся ко лбу юноши, словно желая унять боль. Печаль отразилась на его лице — раненый горел в лихорадке.

Снова слышался стон, еще и еще. Юноша мечется, голова его дергается из стороны в сторону. Это боль терзает Уана острыми иглами, лишая его сознания. Старик не знает, что делать, как помочь, и только грустно смотрит вокруг.

Внезапно юноша испускает ужасный крик. Все просыпаются и бегут к нему. А раненый продолжает метаться в бреду, кричит, затихает, снова стонет. Вот он успокоился, замолк. Но это длится недолго. Он снова дергается, жалобно стонет. И вдруг его тело вытягивается, он открывает глаза и, ничего не видя, смотрит куда-то перед собой. Потом он хрипит, голова беспомощно свешивается и он замолкает, теперь уже навсегда, — он умер.

Женщины с громкими криками разбегаются, а мужчины хмуро стоят вокруг своего товарища. Боль и сострадание переполняют их сердца, но они обязаны владеть собой, потому что они — мужчины, охотники. Они должны скрывать свои чувства.

Старик, что всю ночь сидел возле раненого, тоже неподвижен. Помочь уже нельзя. И чувства, обуревающие его, сменяются мыслью, что племя лишилось смелого молодого охотника и это очень плохо для всего племени. На лице старика появляются глубокие складки. Жалость и горе отступают перед заботами завтрашнего дня.

Тело Уана лежит в том месте, где он умер. Выражение нестерпимой боли постепенно сходит с его лица. Руки вытянуты вдоль туловища, голова покоится на подстилке из мха.

Неподалеку несколько мужчин опустились на колени и острыми камнями копают яму. Окончив, они осторожно подняли тело Уана и перенесли к углублению. Подровняв стенки, опустили Уана в яму. Повернули на бок, подтянули колени к груди, правую руку завели под голову. Теперь тело Уана лежит так, как он всегда спал у костра. Вокруг головы разместила большие осколки

кремня. Один камень — прямо под голову, а острый камень, который он брал с собой на охоту, — возле руки. Рядом — другие камни, которые нужны для работы.

В яму кладут самые вкусные куски мяса — и начинают закапывать. Каждая пригоршня песка и глины все больше скрывает тело мертвого Уана от взоров плачущих женщин. А вокруг стоят мужчины. Время от времени, словно похоронная песнь, слышен горестный стон.

Солнце ушло за гору, ночная тьма сменила сумерки.

Под скалой полыхает огонь. Он будет гореть всю ночь. Дети спят прямо здесь, на куче сухой травы, мха и звериных шкур. А все остальные, мужчины и женщины, бодрствуют. Их одолевает страх. Даже если тот, кто умер, укрыт землей и тяжелые камни лежат сверху, все равно его, мертвого, надо бояться. Надо что-то сделать, чтобы он не причинил зла живым.

Они ничего не знают о смерти и мертвых. Но в такие часы храбрость покидает их сердца. Приходит страх, а за ним — беспомощность. И только в одном видят они спасение — бежать от мертвого.

И вот, когда наступает день и солнце снова поднимается над вершинами гор, племя уходит. Под нависшей скалой остается только погибший юноша.

Время стерло следы, оставленные соплеменниками юного охотника. Прошли тысячелетия. И настал день, когда его вечный сон был потревожен. Об этом стоит рассказать.

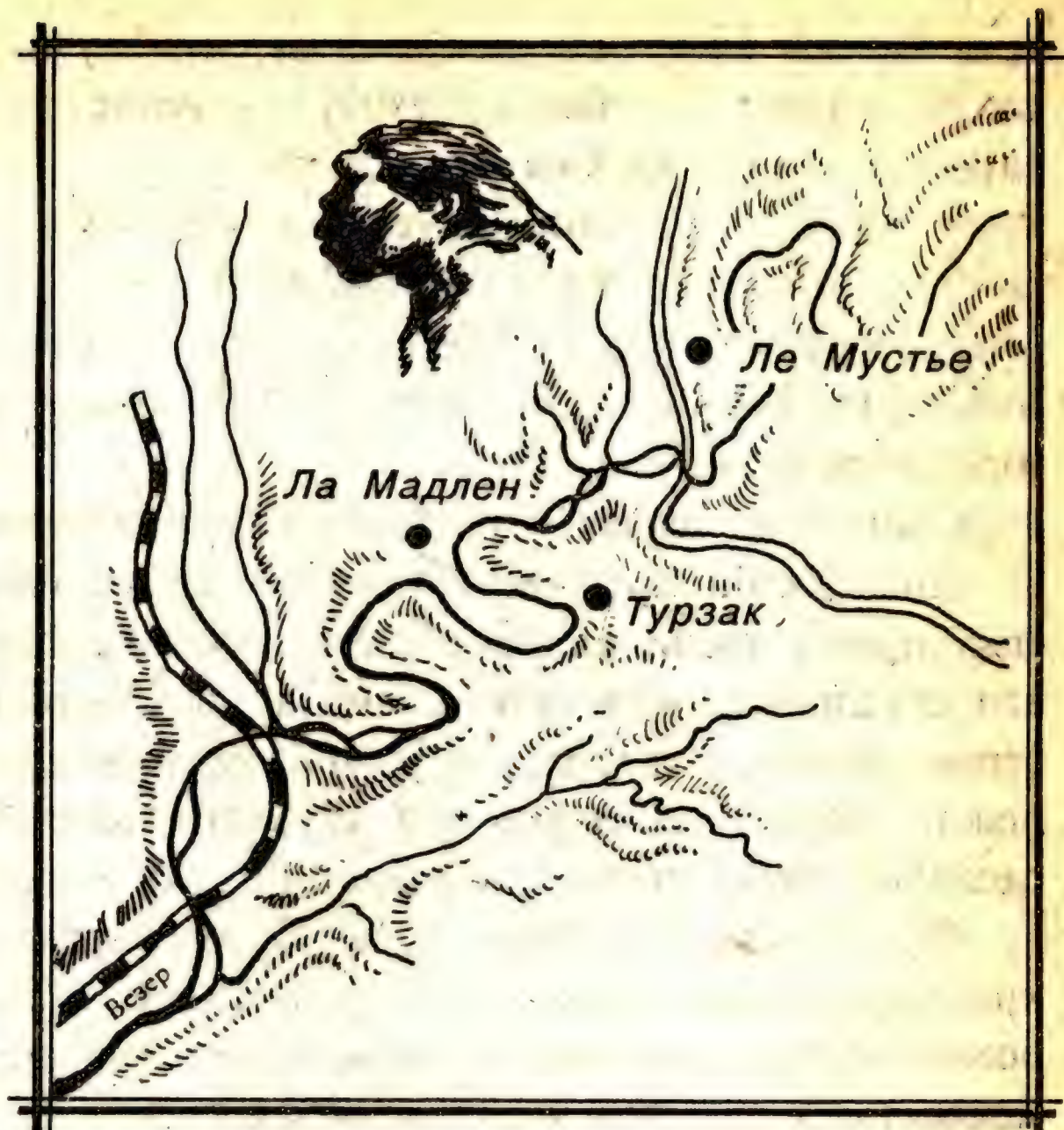
В первых числах марта 1900 года швейцарский археолог Отто Гаузер, который вел раскопки в долине Везера во Франции, поздно вечером вернулся на ночлег. Объезжая раскопки, он устал и промок. В прилепившейся у склона горы хижине, где он жил, Гаузер переоделся. Но едва опустился на стул, как кто-то сильно постучал в дверь.

Гаузер открыл. Это оказался один из его рабочих. Запыхавшийся от быстрой езды на велосипеде, совершенно промокший, он рассказал, что у деревни Ле Мустье под нависшей скалой они вскрыли культурный слой и в нем обнаружили человеческие кости. Работы сразу приостановили, и он отправился в путь.

Похвалив рабочего за осторожность, Гаузер немедленно отправился к месту находки. Когда они добрались до Ле Мустье, оба

промокли до нитки. Но что такое ливень по сравнению с тем, зачем они ехали?

Прибыв на место, Гаузер сразу убедился, что найдены действительно кости человека и лежат они в окружении кремневых орудий на глубине полутора метров в совершенно нетронутом культурном слое. Чтобы избежать разногласий отно-

сительно возраста найденных останков, Гаузер решил немедленно приостановить работы и продолжить их только в присутствии компетентной комиссии. Кости тщательно присыпали землей, чтобы не повредить.

Первая комиссия собралась только 18 апреля. Она состояла из нескольких французских врачей и чиновников. На глазах присутствующих Гаузер удалил слой земли, под которым находились кости. Когда комиссия осмотрела их, Гаузер объявил, что попытается отыскать и череп. По расположению костей он приблизительно определил место, где должна была находиться голова. И в самом деле! Несколько раз осторожно копнув землю, он наткнулся на верхнюю часть черепа.

Находку сфотографировали, составили протокол, который подписали все свидетели и заверил нотариус. Гаузер снова осторожно прикрыл землей все кости и только что найденный череп, чтобы защитить их от губительного действия атмосферы. Позаботился он и о том, чтобы находка не стала добычей посторонних или любопытных. Удивительно, но Гаузер не поддавался искушению закончить раскопки, а терпеливо ждал, пока соберутся специалисты, предвидя, что геологический возраст слоя, в котором найден человеческий скелет, может стать поводом для споров.

Гаузер разослал во все концы света около шестисот приглаше-

ний. Позже он с горечью отмечал, что отозвались на них только девять немецких ученых. Девятого августа, по окончании конгресса антропологов во Франкфурте-на-Майне, они прибыли в Ле Мустье. Группу ученых возглавлял Герман Клаач.

Еще по дороге в Ле Мустье Клаач выразил несогласие с мнением Гаузера, что найденный скелет принадлежал неандертальцу. Клаач не верил, что останки неандертальца можно обнаружить в столь древних слоях. Когда они прибыли, Гаузер осторожно снял верхний слой земли и обнажил кости. Но извлечь их оказалось нелегко. Скелет был сильно поврежден, и кости буквально рассыпались от прикосновения. За это трудное дело взялся сам Клаач. С величайшей осторожностью он по одной извлекал кости из влажной земли, давал им немного подсохнуть и покрывал клеем. Но, несмотря на все предосторожности, кости таза и нижнюю часть позвоночного столба сохранить не удалось.

С особой тщательностью Клаач откапывал череп, темя которого выступало из земли. Следует сказать, что, когда он добрался до лобной части и увидел массивный надглазничный валик, его мнение относительно возраста находки поколебалось.

— Если и челюсти, особенно нижняя, окажутся столь же примитивными, то перед нами, дорогой господин Гаузер, действительно самая значительная антропологическая находка из всех, какие сделаны до сих пор! — сказал он.

Обрадованный этим замечанием, Гаузер терпеливо ждал. Вскоре показалась верхняя челюсть, в которой отлично сохранились шестнадцать зубов. Все внимательно следили за Клаачем. Еще горсть земли — и в его руке нижняя челюсть.

— Мы нашли его! Это неандерталец, мощный и примитивный! — радостно заключил Клаач и, обратившись к Гаузеру, добавил: — Ваш диагноз правилен — сомнения исключены!

Работы продолжались. К 12 августа 1908 года, когда они были завершены, ученые уже знали, что скелет принадлежал молодому неандертальцу охотнику, которого не бросили, а погребли, похоронили. Он лежал на боку, колени были подогнуты к груди, правая рука — под головой, а левая протянута вперед. Голова покоилась на больших камнях, вокруг скелета уложены кремневые орудия и кости животных. Одна кость обгоревшая. Рост неандертальского юноши около 160 сантиметров, возраст 16 — 18 лет.

Драгоценный скелет, найденный под Ле Мустье (его называют обычно мустьерским), не остался во Франции. Вместе с другим

скелетом, обнаруженным в еще более древних слоях, Гаузер продал его в Германию за 160 тысяч марок (по тогдашнему курсу). Он не искал выгод, а просто хотел вернуть себе хотя бы часть средств, истраченных за полтора десятилетия поисков. Однако ему не повезло. Банк, в котором лежали деньги, обанкротился, и три четверти вклада обратились в ничто. А французская пресса начала кампанию против Гаузера за то, что он продал находку за границу.

Я понимаю недовольство французов, но не могу строго судить Гаузера, зная, сколько собственных средств вложил он в многолетние поиски, тем более что Франция не могла тогда взять на себя бремя этих расходов и, самое большее, отметила бы Гаузера наградой.

Так случилось, что скелет мустьерского человека попал в Берлинский музей. Известно, что, приезжая из Швейцарии в Берлин, Гаузер всегда отправлялся туда, чтобы положить у витрины со скелетом букет роз.

Древние скелеты, найденные Гаузером, могли бы остаться за стеклом музея и до наших дней. Однако во время второй мировой войны оба черепа, представляющие особую ценность, хранились отдельно и пропали*, а все остальное было спрятано в подвалах музея до февраля 1943 года, пока в здание не попала тяжелая бомба. Оно было разрушено и охвачено пожаром. Очевидно, скелеты тогда и погибли, потому что в 1945 году, когда начались раскопки руин, удалось найти лишь несколько обломков костей. Судьба утраченных научных сокровищ говорит о многом. Тысячелетия пролежали они в земле. Их извлекли оттуда с величайшим благоговением и еще почти полстолетия хранили в музее. И нескольких мгновений оказалось достаточно, чтобы война уничтожила их. Никто и никогда уже не положит букет у витрины с останками мустьерского человека.

Находка в Ле Мустье вызвала естественное недоумение антропологов, так как после раскопок в Крапине они представляли себе неандертальцев грубыми примитивными существами, чьи сердца не знали чувства сострадания. А здесь ученые были поставлены перед неизвестным ранее фактом, что неандертальцев связывали

* Череп юноши из Ле Мустье был обнаружен среди материалов Берлинского музея, переданных в свое время Советским правительством правительству Германской Демократической Республики. — Прим. ред.

более глубокие отношения, раз они хоронили своих мертвых соплеменников, а не оставляли их на съедение диким зверям. Поскольку погребение мертвых всегда сопряжено с каким-то культом, после открытия мустьерского человека неандертальцы предстали уже в совершенно ином свете чем после раскопок в Крапине. Существует мнение, что каннибализм уходит своими корнями в самые истоки истории человечества; после находки в Ле Мустье мы можем утверждать: сочувствие и благоговение — категории не менее древние.

И это на самом деле так. Юношу, чей скелет нашли под Ле Мустье, соплеменники погребли со всеми почестями. Его поза, предметы, положенные в могилу, кости животных — остатки пищи, которой снабдили его в вечную дорогу, — все это характеризует отношения между людьми.

Можно возразить — и не без основания, — что одна-единственная находка еще не дает права на столь далеко идущие выводы. Но находки повторялись. В том же 1908 году, когда и Гаузер совершил свое открытие, в пещере Буффиа неподалеку от Ла Шапель-о-Сен в департаменте Коррез в Южной Франции был обнаружен еще один скелет. Его нашли аббаты А. Ж. Буиссонье и Г. Бардон. Скелет был также захоронен на глубине около 60 сантиметров, вокруг тоже лежали каменные орудия, а череп покоился на «подушке» из камня. Могила эта — явное свидетельство чувства сострадания у тех, кто ее оставил. Если в Ле Мустье был похоронен молодой, здоровый мужчина, которым племя дорожило как охотником и бойцом, то в Ла Шапель-о-Сен — человек с острым воспалением суставов. К концу своих дней он был в таком состоянии, что никакой пользы племени приносить не мог. Скорее наоборот — он был обузой. И тем не менее соплеменники похоронили со всеми почестями этого калеку, у которого к тому же было сильное нагноение челюстей.

Не удивительно, что находки в Ле Мусте и Ла Шапель-о-Сен вызвали множество откликов во французской прессе. В газетах стали появляться статьи о недостающих звеньях между обезьяной и человеком. Журналисты со свойственной им порой склонностью к сенсациям напечатали фотографию естествоиспытателя Марселе-на Буля с черепом гориллы в руке, утверждая, что это — вновь открытый и описанный именно Булем череп неандертальца из Ла

Шапелль-о-Сен. Мы называли неандертальца из пещеры в Ла Шапелль-о-Сен старым. Так ли это? При беглом осмотре можно сказать, что череп действительно принадлежал старику. И все-таки это ошибка: стариком мы сочли бы мужчину, которому едва исполнилось сорок лет — все передние зубы его выпали из-за нагноения.

Два года спустя вслед за находкой в Ла Шапелль-о-Сен последовала еще она — неподалеку от Ле Бюг в департаменте Дордонь, а еще через год — снова на том же месте. Находки продолжались, и среди них — самая знаменитая, сравнительно недавняя находка в пещере Тешик-Таш в Узбекистане (речь о ней впереди).

Итак, примитивные неандертальцы оставили нам много свидетельств о себе, которые позволяют утверждать, что они уже хоронили своих мертвых, следовательно, задумывались о явлениях, интересующих человечество и сегодня... Непосредственным поводом к таким размышлениям была, вероятно, естественная или насильственная смерть одного из соплеменников. Почему тело внезапно перестало двигаться? Что ушло из него, отчего оно стало бездыханным? Оттого, что не набирает больше воздуха или оттого, что из него уже не течет кровь? Ответить на эти сложные вопросы древние люди еще не могли.

Да и не это было самым главным. Но им, даже не знаящим причин смерти, предстояло определить свое отношение к тому, кто бездыханным лежал где-то, а по ночам, в их снах ожившим возвращался к людям. Из всего этого неандерталец должен был сделать вывод, что смерть не прерывает связи с живыми, что мертвые продолжают таинственно жить и приносят неприятности. Может быть, именно так неандерталец пришел к мысли, что следует как-то защитить себя от мертвого — положить его возле огня, у которого он жил, в землю и укрыть землей, чтобы он не мог выйти. Мы не утверждаем, что неандертальцы думали именно так, но подобные мысли вполне могли появиться у них, побуждая предать мертвого земле и покинуть место погребения.

По некоторым находкам мы знаем, что неандертальцы клали своих покойников на бок, заводили правую руку под голову, подгибали ноги к груди. Так же делали охотники на мамонтов и северных оленей в начале и в конце каменного века. Подобные погребения мы находим даже в бронзовом веке, и только в погребениях

бениях более позднего времени такое положение тела встречается в единичных случаях.

Именно положение ног захороненных привлекало внимание многих исследователей. Интерес усиливался тем, что период, к которому относится этот обычай, длился тысячелетиями. Тем не менее дать достоверное объяснение ему нелегко, да и причины могли меняться в разные времена и у разных племен. Для неандертальцев наиболее правдоподобным кажется простое объяснение, что положение тела покойника соответствовало позе человека во время сна. И если мы вспомним, что правая рука захороненных неандертальцев лежала под головой, то трудно отделаться от мысли, что покойник находился в могиле в том самом положении, в каком он засыпал у костра после трудного дня.

Каменные орудия и обгоревшие кости были найдены рядом со скелетами во многих погребениях неандертальцев. Значит, покойнику обязательно что-то «дали в дорогу». Если предположить, что у неандертальцев уже были какие-то мысли о загробной жизни, то эта жизнь казалась им своего рода продолжением земной, хотя и должна была чем-то отличаться от нее. Только так можно объяснить присутствие в могилах орудий труда и охоты и запаса еды.

Мы не знаем, как выглядела церемония погребения у неандертальцев. Но если она существовала, то была несложной: до развитых культовых представлений было еще далеко. Может быть, обряд выражал не только горе потери, которая была особенно чувствительной для небольших племен, но и страх перед умершим, и именно поэтому племя, похоронив мертвого у огня (или иногда прямо на кострище), всегда оставляло это место и больше не возвращалось.

На этом можно было бы закончить наш разговор о могилах неандертальцев. Но я думаю, что долг каждого, кто берется рассказать популярно о вещах специальных, состоит и в том, чтобы изложить также противоположные или несовпадающие взгляды. А в дискуссии о неандертальских погребениях было высказано много различных мнений.

Есть ученые, которые оспаривают сам факт существования неандертальских погребений. Некоторые допускают, что неандертальцы закапывали мертвых.

Это не было правилом — иначе нам было бы известно гораздо больше целиком сохранившихся скелетов. Эти ученые подчерки-

вают, что предание тела земле было просто необходимым: спустя самое короткое время тело начинает разлагаться, а запах гниения не только неприятен для живых, но и привлекает диких зверей. Поэтому живым не оставалось ничего другого — они должны были закопать мертвого или покинуть это место. Часто они закапывали мертвых уже потому, что, как утверждают эти ученые, жили в какой-то мере оседло.

Трудно согласиться с такой точкой зрения. Неандертальцы были еще типичными охотниками и собирателями; приписывать им элементы оседлого образа жизни неправильно. Они должны были кочевать, потому что их жизнь зависела от диких животных и съедобных растений. И если там, где они находились, пропитания не хватало, им приходилось двигаться дальше, хотели они того или нет: их заставляли нужда и голод.

Нельзя полностью присоединиться и к тому мнению, что мертвых засыпали землей, чтобы не уходить с обжитого места. Прежде всего, неандертальцы никогда не клали мертвых в глубокие ямы. Глубина их могил — всего 25 — 30 сантиметров, так что запах разлагающегося тела проникал бы сквозь такой слой земли. Кроме того, они могли бы избавиться от трупа гораздо проще — бросить его в воду, в пещеру или глубокое ущелье. Несомненно, многие племена часто так и поступали. Но следует помнить, что неандертальцы по своему физическому типу были далеко не однородны (об этом мы будем говорить дальше). Значит, их мышление, их представления о тех или иных явлениях, которых они еще не понимали, также могли быть неодинаковыми. Конечно, то же можно сказать и об их психике. Именно поэтому одни группы хоронили своих соплеменников, а другие — нет.

Правда, известны находки неандертальских останков, о которых нельзя сказать уверенно как о захоронениях. Это скелет ребенка в возрасте 18 — 19 месяцев, обнаруженный 24 сентября 1953 года А. А. Формозовым в пещере у деревни Староселье в Крыму. Ребенок, скелет которого нашел археолог, лежал на спине, только череп и грудная клетка были немного повернуты вправо. Сохранившиеся тазовые кости находились почти в естественном положении. По костям левой руки можно заключить, что она была согнута в локте, так что кисть покоилась на тазе, а правая рука была вытянута вдоль туловища.

Скелет нашли на глубине 70 — 90 сантиметров в ненарушенных слоях с остатками ископаемой фауны плейстоценового возра-

ста. Там же обнаружили каменные орудия мустьерского типа. В данном случае нельзя с уверенностью утверждать, что это погребение, хотя скелет находился в углублении и рядом с ним не было ни орудий, ни костей животных. Однако тот факт, что сравнительно непрочный детский скелет хорошо сохранился в ненарушенном слое, свидетельствует в пользу захоронения. Интересно также вытянутое положение скелета и то, что голова ребенка повернута на запад, так же как и в других захоронениях (Ла Шапелль-о-Сен, Табун, Схул). Очевидно, тело умершего ребенка было опущено в углубление и покрыто землей и камнями.*

Еще одно спорное свидетельство погребений — находка Г. А. Бонч-Осмоловским в 1924 году части скелета взрослого неандертальца в пещере Киик-Коба примерно в 25 километрах восточнее Симферополя в Крыму. Были найдены кости правой голени, обеих кистей и стоп. А неподалеку обнаружили плохо сохранившийся скелет годовалого ребенка. Каменные орудия и кости животных, найденные поблизости, указывали, что это захоронение неандертальца. Особенно интересно, что остатки находились в глубокой яме. Бонч-Осмоловский считает, что песчаные осадочные породы, покрывающие пол пещеры слоем толщиной около 60 сантиметров, имеют более позднее происхождение и что древняя могила еще сантиметров на тридцать уходила в скальное основание пещеры.

Он приводит следующие доказательства. Форма ямы, где обнаружены кости, примерно соответствует контурам человеческого тела, стенки ее почти отвесны и само углубление четко ориентировано в пещере. По мнению Бонч-Осмоловского, соорудить такое углубление неандертальцы могли благодаря тому, что скальный известняк выветрился местами на глубину до полуметра. А выбирать камень по кускам можно было с помощью каменных орудий, деревянных клиньев и даже вручную. Интересно, что размеры верхней (мягкой) и нижней (твердой) частей могилы неодинаковы. Ширина их 80 сантиметров, а длина уменьшается с 210 до 140 сантиметров. Такая разница в размерах захоронения не случайна. Бонч-Осмоловский объясняет ее тем, что сначала, пока древний «землекоп» не добрался до более крепкого камня, копать яму было легче.

* Скелет ребенка из Староселья датируется концом мустьерского времени. Советский антрополог проф. Я. Я. Рогинский, описавший скелет, пришел к выводу, что ребенок из Староселья был представителем ископаемых людей современного вида, хотя и с некоторыми неандертальскими особенностями. Поэтому нет оснований считать его неандертальцем. — *Прим. ред.*

Первым против этих доводов выступил М. С. Плисецкий. Прежде всего он обратил внимание на то, что неандертальцам из пещеры Киик-Коба незачем было копать такую глубокую яму, потому что во всех других известных захоронениях, в том числе в Ла Шлапелль-о-Сен, Ле Мустье, Ла Феррасси, глубина погребений у неандертальцев в среднем составляла 25 — 30 сантиметров. Он усомнился в том, чтобы неандертальцы из пещеры Киик-Коба могли выкопать углубление таких размеров с помощью деревянных палок и примитивных орудий, сделанных из того же известняка, да еще за короткое время: ведь оно предназначалось для покойника. Плисецкий поставил вопрос: не значит ли это, что углубление в пещере предназначалось для сна? Если да, то те, кто его выкопал, располагали достаточным временем для такой работы.

Но некоторые исследователи отрицают всякую возможность погребений у неандертальцев. По их мнению, намеренное погребение возможно только при наличии представлений о смерти и загробной жизни, оно основывается на желании облегчить эту жизнь в ином мире и как можно дольше сохранить память об умершем, а такие представления могли возникнуть только у людей с более развитой психикой. Эти ученые считают, что ее не могло быть ни у неандертальцев, ни у людей каменного века вообще, а следовательно, даже у ископаемых людей современного вида (кроманьонцев).

Но с этой точкой зрения тоже нельзя согласиться. Мы не считаем неандертальцев существами, остановившимися в своем развитии на каком-то дочеловеческом уровне. Как ни мало мы знаем об их мышлении и представлениях, у нас достаточно оснований считать, что они задумывались над понятием смерти, ибо смерть — от болезни ли, несчастного случая, раны в бою или на охоте — была для них обычным явлением. Каждый шаг был сопряжен с опасностью. Они видели, как умирают другие, и убивали сами, а значит, должны были думать о смерти, о том, что она означает, пусть даже, с нашей точки зрения, самым примитивным образом. Ведь неандерталец уже обладал мозгом человека.

У неандертальцев должно было сложиться вполне определенное отношение к мертвым. Прежде всего они, вероятно, боялись смерти. Мертвенно бледное лицо покойника, нередко искаженное гримасой предсмертной боли, должно было вызывать страх. Значит, нужно было как можно скорее избавиться от мертвого — либо закопать его в землю, либо унести в пещеру. Но дело было не только в страхе перед мертвым (кстати, этот страх преследует многих

людей и в наше время), не только в засвидетельствовании уважения к выдающемуся члену племени. Неандертальцы заботились, чтобы соплеменник не стал добычей диких зверей, чтобы тело его не гнило где-то под скалой. Одной из причин могло быть и чувство жалости. Что еще, если не сострадание, побудило соплеменников неандертальца, найденного в Ла Шапель-о-Сен, хоронить больного беспомощного человека, который был только в тягость племени? Чем еще, если не материнской любовью, можно объяснить захоронения

детей? Когда неандертальские женщины видели, что вернуть дитя к жизни невозможно, они заботились о его последнем пристанище.

Даже эти немногие факты убеждают, что у неандертальцев была психика, пусть примитивная. Эти люди, хотя и неразвитые, далеко ушли от своих животных предков, и нелогично видеть у них только физические признаки человека и отрицать духовные, отрицать чувства.

Нельзя не возразить и тем, кто считает, что у неандертальцев отсутствовали представления о загробной жизни. Каковы были эти представления, мы не знаем. Но в их пользу свидетельствуют дары мертвым — те каменные орудия и оружие, те обгорелые кости животных, которые клались в могилы.

В заключение этой главы — еще одно замечание, которое, безусловно, заинтересует читателя. Я хочу коротко рассказать, чем болели неандертальцы, от чего и в каком возрасте умирали. Конечно, смерть естественная, от старости была исключением. Чаще всего она настигала первобытных людей на охоте за зверем или в борьбе с врагами. Изредка

это бывал несчастный случай, а болезнь ускоряла исход. Болезней хватало — найденные останки говорят об этом достаточно красноречиво.

Охотник, чьи кости нашли в Неандертале, был тяжело ранен — сильное повреждение плеча и предплечья. Однако рана хорошо зажила. А тот, которого собраты съели в Крапинской пещере, когда-то сломал ключицу, которая хорошо срослась, прежде чем он так трагически погиб. У древнего кострища в Крапине была обнаружена также часть нижней челюсти, по которой видно, что ее хозяин страдал зубной болью: кость нагноилась и в ней образовалась фистула.

Вообще неандертальцы сильно страдали от зубных болезней, хотя признаков кариеса (кроме одного случая, относящегося к остаткам ископаемого человека в Родезии) у них не обнаружено. Инфекция попадала в полость зуба, как только он стачивался. Если неандерталец сам не вырывал больной зуб (иногда это было, вероятно, просто невозможно), начиналось нагноение, которое оставляло явные следы на кости. Такие следы обнаружены на челюстях неандертальца, найденного у деревни Эрингсдорф в Тюрингии, и у неандертальца из Ла Шапель-о-Сен. Неандертальцы страдали также ревматизмом. Это не удивительно: причиной были холодные, сырые пещеры, в которых они только и могли жить до начала четвертого (вюрмского) оледенения (во всяком случае, в Европе).

Пытались ли неандертальцы лечиться, что они делали при переломах — об этом ничего не известно.

С уверенностью можно утверждать, что неандертальцы не достигали преклонного возраста, о котором мы судим по многим признакам — по расположению зубов, по зарастанию черепных швов и т. д. Известны останки только двух неандертальцев, которым было от 40 до 50 лет, — это первобытные люди из Неандертала и Ла Шапель-о-Сен. Все остальные найденные скелеты принадлежат более молодым неандертальцам. В цифрах это выглядит так: 40 процентов детей, 40 процентов людей в возрасте от 20 до 30 лет, 20 процентов — старше 30 лет. Голод, нужда, постоянная борьба за существование, неблагоприятный климат, плохие жилища, многочисленные болезни, отсутствие гигиены — все это сокращало жизнь неандертальцев, хотя они и были сильными, закаленными людьми. А если взглянуть на зависимость между смертностью и полом, то надо сказать, что возраста старше 30 лет достигали главным образом мужчины. Женщины умирали раньше; это можно объяснить тем, что, будучи слабее физически, они к тому же часто погибали от родов, главным образом, конечно, из-за антисанитарных условий.

В ПЕЩЕРЕ ГОРНОГО КОЗЛА

Несколько мужчин вышли из пещеры и медленно, один за другим двинулись по узкому ущелью к вершине горы: на тропинке, вьющейся по каменистому дну ущелья, двоим было не разминуться.

Шествие замыкал мальчик, которому едва минуло девять зим. Но охотники уже брали его в горы, чтобы научить искусству выслеживать и убивать зверя. Они ищут пугливых горных козлов, перехитрить которых очень трудно.

Солнце поднялось высоко, когда шедший впереди охотник остановился на выступе скалы. Он глубоко дышит и внимательно всматривается в даль. Его спутники и мальчик — Гаур, как они зовут его, — тоже вглядываются. Но местность вокруг безжизненна.

Флам, остановившийся первым, — крепкий, смелый охотник. Он лучше всех знает повадки зверя и умеет найти его и убить. Другие охотника слушаются его беспрекословно, потому что знают: с Фламом им никогда не придется возвращаться к огню без добычи. Их предводитель не только самый сильный, но и самый опытный.

И на этот раз Флам раньше всех заметил на склоне соседней

горы стадо пасущихся животных. Он сразу лег на землю и осторожно подполз к краю скалы. Остальные последовали его примеру.

Долго глядели Флам и его спутники на стадо, обдумывая, с какой стороны легче подобраться, как загнать животных на скалу, к обрыву, где им останется только прыгать вниз.

Осмотрев и обдумав все, Флам сказал, что они окружают стадо и погонят его к вершине, за которой — пропасть. А двое охотников и мальчик Гаур пойдут прямо к подножию скалы и приготовятся забить козлов острыми каменными ножами, потому что животные, которых окружают охотники, спасаясь, бросятся со скалы и переломают ноги. Их надо убить сразу: ведь и тяжело раненный, козел может скрыться среди скал, а там его уже не найдешь.

Все внимательно слушают предводителя — его план сулит успех. А те двое, что вместе с мальчиком должны поспешить к подножию скалы, первыми поняли, чего от них хотят, и не мешкая тронулись в путь.

Флам еще продолжал свои объяснения — многое ему приходилось повторять не один раз, — а Гаур вместе с двумя охотниками уже спускался со скалы. Он был горд: сегодня ему первый раз поручили такое серьезное дело. Забыв об осторожности, он прыгал с камня на камень, даже поскользнулся и не сразу обрел равновесие. Один охотник хотел закричать на Гаура — ему не понравилась такая поспешность, — но не успел. Гаур прыгнул — камень не выдержал, отделился от скалы и вместе с мальчиком покатился вниз. Послышались один за другим два удара — и все стихло.

Оба охотника бросились туда, но, увидев мальчика, сразу поняли, что дело плохо. Гаур, вытянув руки, лежал на спине, грудь его придавил камень, который оборвался под ним. Узкая струйка крови вытекала изо рта, оставляя красный след на бледной щеке. Мужчины поняли, что это конец, что Гаур уже не станет охотником.

Один снова быстро вскарабкался наверх и громким криком остановил уходящих. Задыхаясь, подбежал он к ним и рассказал о случившемся. Сумрачно выслушали люди весть о несчастье. Лица их не выразили ничего. Флам велел, чтобы тот, который принес печальную весть, и его спутник отнесли мальчика в пещеру. К подножию скалы пойдут двое других. Он назвал их, молча повернулся и быстро зашагал прочь. Остальные потянулись за ним.

Двое пошли вниз. А те, что были там раньше, подхватили безжизненное тело мальчика и отправились обратно. Казалось, не будет конца этой печальной дороге. Они несли с собой горе.

Тело мертвого мальчика они положили у костра. Пещера огласилась стонами и плачем женщин и девочек. Горестнее всех звучал крик матери.

Солнце клонилось к западу, когда усталые и запыленные охотники возвратились в пещеру. Они принесли большого козла и козленка.

Их встретили не радостные крики, как обычно, когда они возвращались с удачной охоты, не веселые возгласы и смех, а стоны и всхлипывания женщин да плач матери мальчика.

Мужчины тоже молчали. Кто обтесывал камень, кто, стоя на коленях возле убитых козлов, снимал с них острыми каменными ножами шкуру. Флам сидел на камне, зажав коленями голову козла, и каменным ножом отделял ее от туловища. Это заняло много времени. Потом он взял другой камень и сильным ударом разбил череп, еще несколькими ударами отделил рога вместе с костью, из которой они росли, и начал пальцами вынимать из черепа мозг.

Он съел больше половины мозга, отложил череп в сторону и подошел к костру. Подбросив в огонь несколько больших сучьев, кивнул одному из охотников и направился с ним к стене пещеры — с той стороны, где заходит солнце. Мужчины опустились на колени и начали копать острыми камнями большую широкую яму. Работали молча. Вокруг, внимательно наблюдая, стояли соплеменники. Время от времени землекопы сменялись. Яма в мягкой земле скоро была готова.

Флам поднялся, внимательно осмотрел яму и кивком головы показал, что работа окончена. Наклонившись к мужчине, который все еще продолжал копать, он похлопал его по плечу и жестом позвал за собой. Тот бросил копать и вместе с Фламом подошел к огню, возле которого лежал мертвый мальчик. Они подхватили его за плечи и за ноги, понесли к яме и опустили. Снова слышались всхлипывания женщин. Громко закричала мать. Мужчины молча стояли вокруг, лица их словно окаменели.

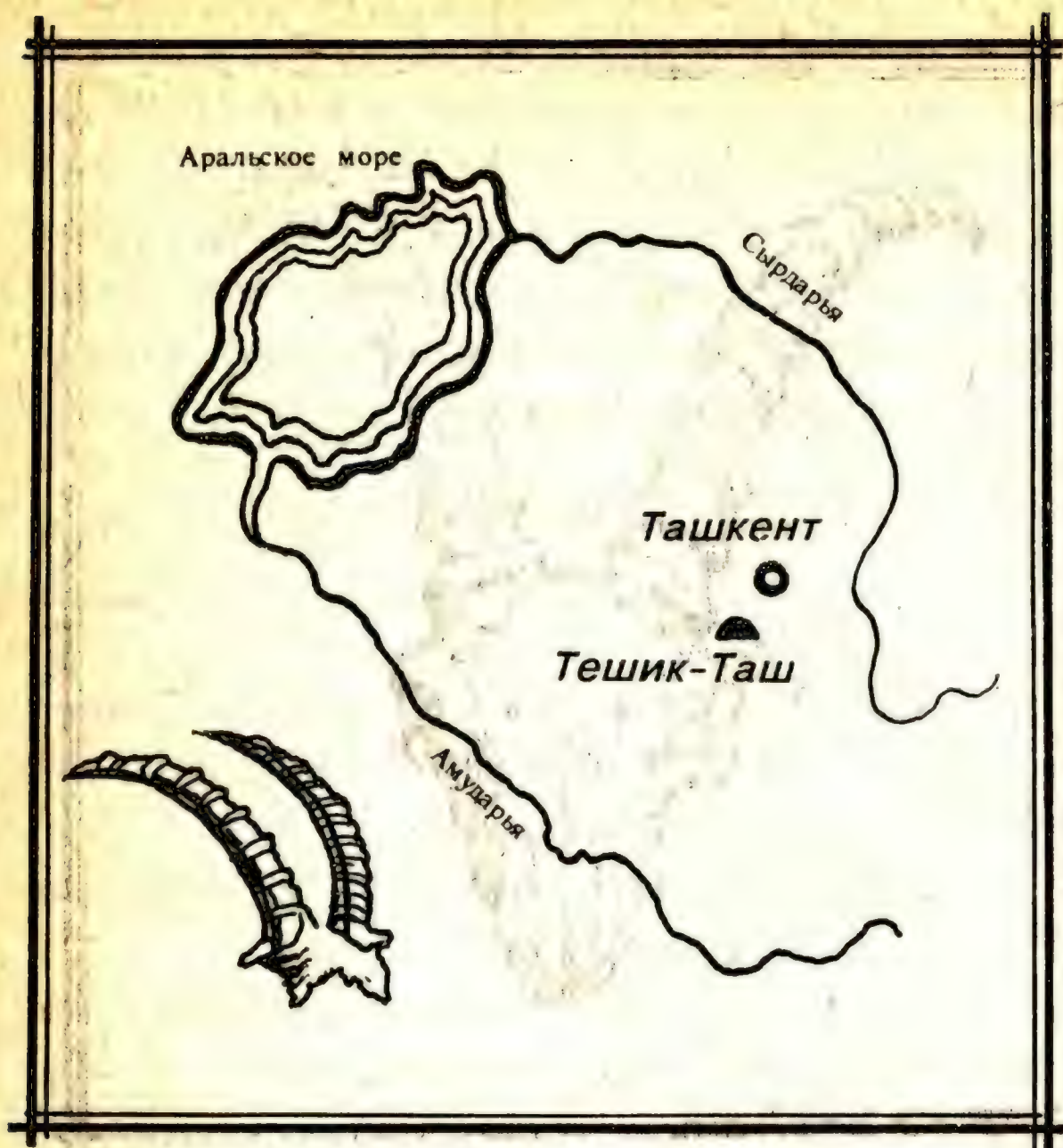
Флам уложил тело мальчика и стал засыпать его землей. Несколько мужчин помогали ему. Мать бросилась к могиле и припала к земле, уже скрывшей тело сына.

Вскоре все было кончено. Плачущая мать еще не встала с земли, когда Флам воткнул у самого изголовья могилы рога козла. Еще и еще, целую изгородь из козлиных рогов, словно она должна была охранять и мертвого, и всех живых. А вокруг, воздевая над головой руки и хрипло напевая что-то вроде песни, подпрыгивал в танце старый охотник.

Много тысяч лет тело мальчика покоилось в пещере, и ничто не тревожило его вечный сон. Но ученые нашли могилу, и мы узнали о древнем культе.

В июне 1938 года в горные районы Южного Узбекистана отправилась небольшая экспедиция под руководством ленинградского археолога Алексея Павловича Окладникова. Снарядила ее узбекская Комиссия по охране и изучению памятников материальной культуры, работавшая в Ташкенте. Экспедиция намеревалась исследовать район реки Сурхан-Дарьи, откуда поступали сообщения о находках каменных орудий и оружия — свидетельств древней материальной культуры.

Большая часть находок была сделана в районе селения Мачай, и экспедиция Окладникова направилась прямо туда.

Поиски длились уже восемь дней. Окладников и его сотрудники исследовали за это время пятнадцать горных ущелий. В пещерах они действительно обнаружили изготовленные древними людьми каменные орудия. Но это не удовлетворяло Окладникова. Он продолжал расспрашивать местных жителей. И вот на девятый день мальчишки повели его

по долине горной речушки, а потом стали медленно и осторожно взбираться по крутой, очень живописной скале. Едва заметная тропка, местами выющаяся прямо над пропастью, привела в конце концов к узкому ущелью, заполненному обломками, которые нанесли сюда весенние воды.

Окладников обогнул несколько крупных камней и вошел в ущелье. Все последовали за ним. Мелкий щебень шуршал под ногами, колючие кусты шиповника преграждали путь, но они пробирались дальше. Местами каменные стены ущелья почти смыкались и люди двигались, как в туннеле.

Вдруг на повороте Окладников увидел вход в пещеру. Остановился, вглядываясь. В этот момент один из проводников воскликнул: «Тешик-Таш!», что означает «отверстие в камне», «пещера». Это и была цель похода.

Вместе со своими помощниками Окладников вошел в большую пещеру. Она имела метров по семь в ширину и высоту и метров двадцать в длину и находилась на высоте около 1600 метров.

То, что исследователи сразу увидели на полу пещеры, не заслуживало особого внимания — это были обломки костей животных и грубые осколки камня. Но когда они попробовали рыть пол пещеры ножами, то нашли четыре обломка костей, обугленный

сук, обломки камня с явными следами обработки. На следующий день вместе с археологами в пещеру отправились двадцать колхозников. Придя на место, они разделили пол на 27 участков — по одному квадратному метру площади на человека — и начали копать. Вскоре Окладников увидел, что в отложениях

можно проследить пять слоев, причем из них только два культурных. Это означало, что первобытные люди жили в пещере дважды и оба раза после них оставались в земле каменные орудия, оружие и кости съеденных животных.

Пещеру надо было исследовать постепенно, квадрат за квадратом, слой за слоем, ни в коем случае не перемешивая их. Окладников фотографировал каждую найденную кость, каждое орудие там, где их находили, все тщательно зарисовывал и записывал. Экспедиция работала до тех пор, пока не вскопала все до конца и не добралась до скального основания.

Самые ценные находки были сделаны в первом культурном слое. Вначале, когда снимали ножами мягкую желтую глину, в ней встречались кусочки окалина. А когда углубились, то в пещере каждую минуту стали раздаваться возгласы: «Суяк!» (кость), «Якши таш!» (хороший камень).

Окладников продолжал рисовать — число находок все росло. Прежде всего его удивляло, что здесь очень много костей и почти все они принадлежат животному одного вида — сибирскому горному козлу *Capra sibirica*. Вполне логичен был вывод, что охотники из Тешик-Таша убивали их в окрестностях пещеры и разделывали в жилище.

Приближалась минута, когда Окладников сделает открытие, которое прославит пещеру Тешик-Таш.

Во второй половине дня 4 июля 1938 года у западной стены пещеры Окладников нашел череп человека. После двадцати дней раскопок удалось наконец обнаружить останки человека из племени охотников за горными козлами. С величайшей осторожностью череп был освобожден от глины. Но извлечь его удалось только на следующий день: он был расчленен примерно на 150 кусков.

Ученый сразу определил, что череп принадлежал мальчику восьми-девяти лет, однако сначала не поверил, что перед ним останки юного неандертальца, хотя именно об этом говорил тип каменных орудий. Но когда в руках Окладникова оказалась характерная лобная кость, он уже не сомневался, что это череп человека середины каменного века, и стал искать нижнюю челюсть: неразвитый подбородок мог служить еще одним доказательством, что это неандерталец.

С величайшей осторожностью куски черепа очищали от земли, но нижней челюсти все не было. Зато обнаружились позвонки, ребра, ключицы, потом плечевая кость, кости бедра.

Остальная часть скелета была разрушена. На некоторых костях Окладников обнаружил следы работы грызунов. А нижнюю челюсть он нашел в конце концов еще сантиметров на двадцать глубже. Подбородок был неразвитым — таким, как он и ожидал. Это доказывало, что скелет действительно принадлежал неандертальскому мальчику.

Окладников ясно представлял себе большое научное значение этого открытия.

Во-первых, скелет неандертальского ребенка был относительно полным. Такие находки вообще редки, их можно пересчитать по пальцам: пещера Шипка — 1880 год (обломок передней части нижней челюсти ребенка восьми лет), Ла Феррасси — 1909 — 1912 годы (детские кости), Ла Кина — 1915 год (череп восьмилетнего ребенка без нижней челюсти), Эрингсдорф — 1916 год (в числе других ископаемых находок — нижняя челюсть десятилетнего ребенка), Киик-Коба — 1924 год (плохо сохранившийся скелет ребенка в возрасте около года), Гибралтар — 1926 год (череп ребенка примерно десяти лет), Схул — 1932 год (череп и остатки скелета ребенка трех-четырех лет) и Кафзех — 1934 год (кости ребенка).

Во-вторых, останки неандертальца впервые нашли далеко на Востоке, в Средней Азии.

Экспедиция продолжала тщательные поиски. Обнаружилось, что

вокруг черепа мальчика лежали рога горного козла — и целые, и поломанные, причем два рога, не отделенных от лобной части черепа, сохранились целиком, три или четыре пары рогов могли отломаться от основания уже после погребения. Но интересно, что все рога были воткнуты в грунт острыми концами и в одну сторону — от могилы. Все они были обнаружены в том же слое и на той же глубине, где лежал и череп мальчика. Один особенно мощный рог принадлежал, должно быть, очень старому и сильному животному.

Исследования, предпринятые позднее В. И. Громовой, подтвердили, что большая часть костей, найденных вокруг погребения мальчика, принадлежала сибирскому горному козлу. Костей других крупных млекопитающих почти не было: только обломки одной-единственной кости оленя, две — дикой лошади, две — медведя, одна — гиены, две — леопарда. Это ничтожное количество по сравнению с 761 костью горного козла. Даже костей мелких грызунов было гораздо меньше.

Найденные в пещере орудия были изготовлены большей частью из местного материала, известнякового камня и очень редко — из кварца или кварцита. Внимание ученых привлекли длинные массивные орудия овальной формы с острой кромкой — самого примитивного типа. Нашли здесь и необработанные «заготовки». Орудий из костей или рога не было вовсе. Окладников считал, что такие каменные орудия соответствуют мустьерской культуре в Западной Европе, но близки также к культуре каменного века южного Курдистана и Палестины.

О самой могиле неандертальского мальчика следует сказать еще, что вскоре после захоронения она была повреждена хищником, очевидно гиеной, и грызунами — следы их зубов сохранились на ребрах скелета. Тот факт, что это случилось вскоре после захоронения, свидетельствует, что, похоронив мальчика, неандертальцы покинули насиженное место.

Все находки экспедиции были переданы Музею антропологии при Московском государственном университете.

Бесспорный факт находки неандертальца в Тешик-Таше, высокогорной местности в глубине Азиатского континента, решительно опроверг распространенное до тех пор мнение, что неандертальцы-охотники жили только в Центральной и Западной Европе и прилегающих районах, а в позднем палеолите их вытеснили оттуда и уничтожили пришельцы из Азии, стоявшие на более высокой ступени развития.

Исследование находки в Тешик-Таше дало еще один важный результат, и на нем нельзя не остановиться. До недавнего времени существовало убеждение, что культ медведя был единственным культом неандертальцев. Находка Окладникова свидетельствовала о другом.

В пещере Тешик-Таш многочисленные кости сибирского горного козла образовали своего рода изгородь у изголовья могилы мальчика. Все рога были воткнуты остриями вниз. Многочисленность этих рогов убедила Окладникова, что жившие здесь неандертальцы «специализировались» на охоте за козлами: они либо подстерегали их на водопое, либо загоняли на вершины крутых обрывистых скал — прыжок оттуда означал для животного смерть или тяжелые раны.

Как для альпийских и прочих западноевропейских неандертальцев основным животным, за которым они охотились, был пещерный медведь, так для неандертальцев Тешик-Таша — сибирский горный козел. Оба животных так влияли на весь уклад жизни древних людей, что это привело к возникновению, по крайней мере у некоторых групп или племен, особого культа: у европейских неандертальцев — культа пещерного медведя, а на востоке, у первобытных людей Тешик-Таша, — культа горного козла. В этом суть открытия Окладникова. Что иное могла означать изгородь из рогов вокруг мертвого?

Окладников утверждал, что у некоторых племен Центральной Азии культ, связанный с горным козлом, дошел до наших дней. Еще и теперь они рисуют его в жилищах в полной уверенности, что это изображение приносит счастье, силу, благополучие и хорошие удои. Иногда на домах вывешивают рога обыкновенных домашних козлов. У некоторых племен этот культ до сих пор связан с почитанием умерших.

Но Окладников обратил внимание на то, что могли существовать и другие культы. Так, он отмечал, что у входа в пещеру Гуаттари и Монте-Чирчео в Италии, где был обнаружен череп неандертальца, почти правильным кругом лежали примерно одинакового размера камни. Антрополог Серджио Серджи, изучавший череп, считал, что эти камни могли быть признаком ритуального погребения (остальные части скелета не сохранились). Как и открывший это захоронение А. Бланк, Окладников высказал мнение, что такой «каменный венок» относился к изображению Солнца. Возможно, он отражал лишь некий культ головы человека. Если это так, то в итальянской пещере, быть может, был найден первый след культовых представлений неандертальцев. Подробнее мы о них пока не знаем.

Из всего рассказанного следует, что корни культовых представ-

лений человека уходят в весьма отдаленное прошлое и историю их мы должны проследить не с древних вавилонян или египтян, а с неандертальцев.

Говоря о могилах неандертальцев, мы не обошли молчанием и тех, кто отрицает существование этих захоронений. Сделаем то же и теперь, потому что некоторые исследователи сомневаются и в существовании у неандертальцев какого-либо культа.

Так, в 1952 году немецкий исследователь Ф. Э. Коби резко выступил не только против признания культа медведя у неандертальцев, но и против предположения, что они могли на него охотиться. Ученый считает охоту неандертальцев на медведя вымыслом. Выводы Окладникова, основанные на раскопках пещеры Тешик-Таш, оспаривает также М. С. Плисецкий, который не признает прежде всего культа горного козла.

Конечно, некоторые взгляды, высказанные в дискуссии о верованиях неандертальцев, не выдерживают критики. К ним относится, например, утверждение, будто неандертальцы прятали черепа и кости медведей в каменных «сундуках», якобы сохраняя их в качестве охотничьих трофеев. Принять такую точку зрения нельзя, ибо неандерталец охотился исключительно для удовлетворения своих потребностей, а не из прихоти или для развлечения и потому само понятие «трофея» было ему просто незнакомо. Неприемлема и точка зрения, согласно которой скопления черепов и костей свидетельствуют о запасах мяса у неандертальцев. Не говоря уже о том, что в ряде случаев мы точно знаем по самим находкам, что кости были сложены уже без мяса, на черепе медведя, например, мяса настолько мало, что оставлять про запас головы не имело никакого смысла.

Нет, согласиться с такими мнениями никак нельзя. Но в то же время нельзя одним махом отбросить все доказательства в пользу неандертальских культов: раскопки, на основании которых были сделаны такие выводы, проводились со всей научной тщательностью.

Мне трудно поверить, что у неандертальцев не существовало культа. Неандертальцы по своему развитию стояли значительно выше любых представителей животного мира, они были людьми, хотя и примитивными. Если, как считают некоторые, более поздние люди ледникового времени — *Homo sapiens fossilis* — произошли от неандертальцев, тогда мы должны искать у последних и зачатки культовых представлений хотя бы потому, что никто не сомневается в их существовании у ископаемых людей современного вида, живших в позднем палеолите.

ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ

На песчаной косе у зарослей невысокого кустарника расположилось небольшое племя неандертальцев. Мужчины оживленно беседуют. В тени кустов отдыхают женщины. Весело бегают и играют дети. Вокруг валяются разбитые кости и черепа буйволов, диких кабанов и оленей, а иногда — слонов и бегемотов. Одни, выбеленные солнцем и дождем, валяются здесь уже давно, другие, со следами мяса и крови, напоминают о недавних трапезах. Даже дети не обращают на них внимания: играя, они просто перепрыгивают через большие черепа.

Напротив над рекой возвышается островок. На нем в высокой траве прячется дозорный, охраняющий покой маленького племени. Оттуда ему хорошо видно все вокруг — ничто не должно оставаться незамеченным. Ведь несколько дней назад, во время погони за зверем, они встретили другое племя, в котором гораздо больше мужчин-бойцов, чем у них. Значит, то племя сильнее, это враги. Заметив чужих (один нечаянно выдал свое присутствие), они долго их преследовали, и только густые заросли бамбука помогли пле-

мени вернуться, не потеряв никого. Теперь надо зорко глядеть вокруг, чтобы никто не напал на стоянку врасплох. Если это случится, их всех перебьют и черепа насадят на сучья деревьев — точно так же поступают они сами с черепами врагов. Вот и здесь, посреди островка, вкопаны в песок три большие ветки. На их сучьях — человеческие черепа, словно низкие деревья, на которых растут страшные белые плоды.

Дозорный не спускает глаз с равнины, но, кроме нескольких буйволов, что бродят вдали у болотистого берега реки, никого не видит. Вокруг ничего подозрительного. Все спокойно и там, где кусты и высокая трава скрывают берег, — в них пасется стадо диких свиней, а неподалеку медленно движутся к воде слоны (теперь мы называли бы этих животных стегодонтами). Наверно, они хотят пить или купаться.

Жара начала спадать, а солнце клонилось к вершинам гор, когда дозорный вдруг заметил, как из зарослей, совсем неподалеку, выскочили олени и прыжками бросились наутек. Часовой насторожился... Оленей кто-то испугнул. Может быть, это тигр? Олени чуют его запах издалека. Или волки? Но взглядевшись, он увидел, как из кустов осторожно выполз человек, за ним — другой, третий, еще и еще. Они собрались вместе, о чем-то советуясь, а из кустов появлялись все новые люди.

Дозорный не стал ждать. Громким криком предупредил он соплеменников об опасности. Мгновенно все племя — мужчины, женщины, дети — обратилось в бегство. Перевалив через невысокий холм, все устремились к лесу.

Враги уже заметили бегущих и с дикими криками кинулись вдогонку. Может быть, они и настигли бы их, если бы не сумерки, но тропическая ночь наступает быстро. И ночная тьма спасла племя.

Когда настал день, песчаный берег был пуст: на стоянку не вернулись ни беглецы, ни их преследователи.

Наступило время дождей, когда синее небо заволокли тучи. Дождь шел и шел, и земля уже не могла впитывать воду. Грязные потоки устремились к реке, которая вышла из берегов и затопила долину. Стоянка людей тоже оказалась под водой, которая смыла и унесла насаженные на сучья черепа. Когда период дождей кончился и опять наступило сухое время года, а река вернулась в свои берега, все вокруг было покрыто слоем песка и гальки. И только кое-где торчали кости, те, что подлиннее, — река похоронила место, откуда бежали люди. И другие люди узнали о нем лишь через много тысяч лет.

Это произошло уже в наше время и, как часто бывает с открытиями, совершенно случайно. Я буду рассказывать со слов сотрудника Утрехтского университета в Голландии Г. Кенигсвальда, крупного исследователя, открывшего на Яве неизвестного до того времени предка человека.

В 1930 году существовала одна-единственная карта острова Явы, кото-

рая к тому времени уже устарела. Геологическая служба в Бандунге решила заняться составлением новой карты. В этой большой работе приняли участие не только географы и геологи, но и палеонтологи.

Геолог К. Тер Хаар занимался геологическим картированием холмистой местности в районе Кенденга, известной сложным строением и рельефом. К середине 1931 года Тер Хаар почти закончил карту района западнее реки Соло. В то время он жил в маленьком поселке Нгандонг. И вот в один из августовских дней, вернувшись раньше обычного, он решил искупаться в реке Соло.

Плавая, он обратил внимание на строение берега. На высоте двадцати метров над водой был ясно виден выход слоя песка и гальки. Значит, они были отложены в те далекие времена, когда река еще не успела вырыть такое глубокое ложе. Тер Хаар взобрался по крутому склону берега, чтобы получше рассмотреть заинтересовавшие его породы, и тут заметил торчащую из песка острую кость. Сходя за молотком, он стал удалять песчаник и галечник вокруг своей находки, оказавшейся частью рога буйвола. Продолжая копать, Тер Хаар обнаружил целый череп буйвола. Тогда он решил не оставлять дела и на следующий день привел местных рабочих. Вместе с ними он нашел еще множество костей и оленьих рогов. Было очевидно, что обнаружено кладбище мле-

копитающих на месте древней террасы реки Соло. Тер Хаар определил в разрезе берега три террасы: первую, самую молодую, — примерно в двух метрах над уровнем реки, вторую — на высоте около семи метров над водой и третью, самую древнюю, — на высоте около двадцати метров. Находка была сделана на третьей террасе, которую открыл еще в 1907 году геолог Ж. Эльберт, участник экспедиции на Яву под руководством Маргариты Леоноры Зеленки.

Находки на третьей террасе у Нгандонга обратили на себя внимание. Уже через две недели Геологическая служба прислала индонезийца Самзи для продолжения раскопок. Самзи с помощниками накопал здесь множество палеонтологического материала, который после предварительной подготовки паковали в ящики и отсылали в Бандунг, где он попадал в руки начальника Геологической службы инженера В. Оппеноорта.

Оппеноорта не столько интересовали кости животных, сколько он надеялся обнаружить здесь что-нибудь неожиданное: ведь раскопки велись невдалеке от тех самых мест, где Эжен Любуа нашел знаменитого питекантропа, в свое время вызвавшего небывалую сенсацию.

Работники Геологической службы не участвовали в распаковке ящиков и, таким образом, не увидели ничего, кроме черепа буйвола, еще одного черепа с рогами и нижней челюсти стегодонта.

И вот поползли слухи, что в Нгандонге откопаны человеческие черепа и обнаружилось это только при распаковке ящиков в Бандунге, так как в перечне один из них числился черепом тигра, а другой — обезьяны. Вскоре стало ясно, что разговоры эти шли неспроста: Оппеноорт поспешно выехал в Нгандонг. Он прибыл как раз вовремя: только что был обнаружен третий череп, точнее, его обломок, который Оппеноорт сам увез в Бандунг. Три найденных черепа (их стали обозначать I, II и т. д.) послужили объектом первого описания. Существо, которому принадлежали черепа, было названо *Javanthropus soloensis*.

Кенигсвальд, который дал фотографии черепов для публикации, сразу понял, что это не останки нового питекантропа. Свод черепов был выше, надглазничный валик не столь резко ограничен от лба, но достаточно хорошо выражен. Хотя останки человека, найденные на третьей террасе реки Соло, были названы *Javanthropus soloensis*, они, бесспорно, принадлежали яванским неандертальцам, в связи с чем правильнее именовать их *Homo neanderthalensis*. Однако, несмотря на это, значение находки иск-

лючительно велико, так как она явилась первым свидетельством того, что неандертальцы жили и в тропиках, в Восточной Азии.

Находки в Нгандонге не ограничились тремя черепами. В январе 1932 года был найден череп IV, а в марте того же года — череп V, самый интересный. Его длина 221 миллиметр (он принадлежит к числу самых длинных черепов ископаемых людей), но емкость мозговой коробки не превышает 1250 кубических сантиметров (а череп I имел емкость мозговой коробки около 1000 кубических сантиметров). Толщина костей этого черепа 10 миллиметров. Несмотря на массивность, именно этот череп был раздроблен сильным ударом тупого предмета — дубины или камня. Его задняя стенка повреждена; треугольный осколок длиной 1 — 2 сантиметра вошел в черепную коробку примерно на полсантиметра. Края пролома почернели, по мнению Кенигсвальда, в результате фоссилизации, вызванной действием марганца. Остальная часть черепа была окрашена в темно-коричневый цвет. Яванцы, препарировавшие череп в Бандунге, уверяли, что черный цвет краев пролома — затвердевшая кровь, но проверить это уже нельзя, так как уникальный череп разобрали на части, а когда восстановили, треугольный осколок, который когда-то был вдавлен в полость черепной коробки, поставили край в край с остальными.

Череп IV и V тоже не оказались последними. Уже в июне 1932 года из Бандунга пришло сообщение, что в Нгандонге найден еще один череп, но с его извлечением подождут до приезда специалистов. На этот раз Тер Хаар и Кенигсвальд решили ехать в Нгандонг.

Прибыв к месту раскопок, они увидели, что рабочие выкопали яму глубиной примерно три метра, дно которой составляла глинистая порода, — значит, прежняя терраса здесь кончалась. Но ее расчистили только до половины. Несколько пальмовых листьев, воткнутых в песок, отмечали место, где находился череп.

Очень скоро Тер Хаар и Кенигсвальд держали в руках еще один неандертальский череп, который сохранился лучше других. Уцелело основание, поврежденное у всех других экземпляров, но лицевой части и челюстей не удалось найти и на этот раз.

Не кончились находки и на черепах VI и VII. В сентябре 1932 года Кенигсвальд откопал череп VIII, а в ноябре — IX. Потом там были обнаружены еще два черепа, X и XI, но тоже без лицевой части и без челюстей, только черепные коробки. Еще там нашли две кости голени — и больше ничего, ни единой кости, ни единого

зуба, но зато 25 000 костей и зубов различных млекопитающих, хотя среди этих остатков не было ни одного полного скелета.

Особенно интересным в этих находках было то, что рядом с многочисленными костями животных, кроме поврежденных черепов, не было никаких костей человека, причем все черепа, за исключением двух, имели одинаковые повреждения — сильно раздробленные кости основания черепа вокруг большого затылочного отверстия. Сравнив их с трофеями современных охотников за головами, например даяков с острова Ява, мы увидим те же повреждения в области большого затылочного отверстия. Охотникам за головами нужен был не только сам череп, но и мозг. Они были убеждены, что вкусивший его обретает ум и силу поверженного врага.

Кенигсвальд считал нгандонгские черепа бесспорным свидетельством существования яванских неандертальцев — охотников за головами. Большое скопление костей он объясняет тем, что неподалеку от нынешнего Нгандонга, в излучине реки, была стоянка неандертальских охотников. Слои песка и галечника подтверждают догадку, что люди жили здесь только в сухое время года. К началу периода дождей, когда река выходила из берегов, откладывая песок и гальку, они покидали эти места. А черепа врагов, случайно ли, намеренно ли, оставляли. Может быть, тем, кто жил здесь, приходилось торопиться, спасаясь от врагов, и они не успевали прихватить трофеи или оставляли их здесь умышленно, как знак на границе своих владений. Так поступают и в наши дни некоторые племена на Новой Гвинее, веря, что живущий в черепе дух поможет одолеть непрошенных гостей...

По сравнению с находками в Европе черепа с Явы интересны прежде всего тем, что все они обнаружены на одном месте, в речных отложениях. Кенигсвальд объясняет это особой мягкостью климата, благодаря которой людям не приходилось искать убежища от непогоды. Местные жители до сих пор верят, что пещеры — это обиталища змей, летучих мышей и злых духов. В тропиках все раскопки в пещерах остаются безрезультатными.

Животный мир, окружавший неандертальцев на Яве, был иным, чем в Европе. Судя по найденным костям, здесь жили буйволы, бантенги (крупные рогатые животные, которые и в наши дни обитают в джунглях у южного побережья Явы), олени вида, и поныне живущего на Яве, олени руза и близкие к ним индийские олени. В реке водились бегемоты, а на ее свободных от леса берегах — два вида слонов: один близок индийским слонам, другой — послед-

ний представитель стегодонт. Много было и диких свиней. Остатков хищных животных здесь почти не нашли — только один хорошо сохранившийся череп тигра и обломок нижней челюсти волка.

Нгандонгские охотники жили одновременно с классическими европейскими неандертальцами в начале последнего оледенения. Но условия жизни нгандонгских охотников были гораздо благоприятнее, чем их европейских современников. Кроме того, нгандонгские охотники обладали не установленной до сих пор у других ископаемых людей особенностью: они были охотниками за головами.

СМЕРТЬ ОМА

Голубоватые известняковые скалы, то полого, то круто тянувшиеся вдоль реки, стали недавно прибежищем племени ориньякских охотников. Под большой скалой люди соорудили примитивные хижины, в которых ночевали и прятались от непогоды.

Раньше они переселялись сюда только на лето, но теперь решили провести здесь и зиму. А если зима окажется не слишком суровой, то они останутся в этих краях навсегда. У них достаточно шкур, чтобы покрыть хижины и даже надеть на себя. Теперь уже нет таких суровых и жестоких зим, когда деревья трещат от мороза, а реки промерзают до самого дна: о них рассказывают старики, да и то со слов дедов. Прежняя тундра ледникового периода исчезла под победоносным натиском степей и лесов, а равнина, простиравшаяся по ты стороны скалистого склона, была богатым охотничьим местом.

На стоянке царило оживление. Солнце стояло высоко, и детей, конечно, привлекал протекавший рядом ручей. Они строили маленькие садки, сажали туда рыбешек, которых ловили руками в

воде у берега, брызгали друг на друга, а когда кто-нибудь, поскользнувшись на мокром камне, падал в воду, звонко смеялись.

Мальчики постарше уже не принимали участия в этих забавах. Они с интересом следили за тем, как сидевшие у костров охотники приводили в порядок свои орудия или делали оружие из кремня и кости, внимательно прислушивались к рассказам старых охотников об опасных приключениях, требовавших отваги и хитрости. Правда, временами эти рассказы превращались в пустое хвастовство — порок, свойственный человеку с древнейших времен.

В стороне от кострищ женщины занимались обработкой шкур недавно убитых диких лошадей и оленей; девочки помогали им.

Быстро промелькнул день, у детей — в игре, у охотников — в работе. Когда опустились вечерние сумерки, охотники развели костры, разделали последнего убитого оленя и принялись жарить куски на раскаленных камнях. Аромат жареного мяса разносился по стоянке.

Когда все насытились, охотники стали обсуждать план завтрашней охоты. Откладывать ее нельзя — только что съеден последний олень. Несколько охотников принесли весть, что вблизи лагеря появился табун диких лошадей, мясо которых все так любили. Было решено подогнуть лошадей по степи поближе к скалам. Испуганные животные с крутого обрыва будут срываться в долину. С переломанными ногами они станут легкой добычей охотников.

Племя улеглось спать. Только старый беззубый Ванг остался сторожить угасающий костер, а молодой статный Ом взобрался на скалу — этой ночью он охранял стоянку.

Взошла луна. Высокая фигура молодого охотника четко вырисовывалась на вершине скалы. Скоро он присел, все так же не спуская глаз со стоянки и ее окрестностей.

Внезапно в сгущающейся ночной темноте раздался мощный рев — это пещерный лев возвестил, что вышел на охоту. Сердце Ома затрепетало — от пещерного льва не было спасения. С ним нельзя встречаться один на один, от этого хищника лучше держаться подальше. Ом огляделся: несколько поодаль стоял могучий бук, ветви которого почти достигали земли. Он уже готов был забраться на него, но, вспомнив о спящих соплеменниках, поднял большой камень и бросил вниз. Описав широкую дугу, камень упал у костра, где дремал старый Ванг. Ом торопливо вскарабкался на дерево и притаился, ожидая, что будет дальше. Нападет лев на людей или нет, зависит от Ванга. Если дремлющий старик слышал

рев, он быстро подкинет сухих ветвей в гаснущий костер. Яркое пламя отпугнет хищника. Однако пещерный лев мог быть и далеко от стоянки, мог охотиться в степи. Старый разбойник поселился где-то далеко, в низкой темной пещере, и очень редко забредал на охоту в эти места.

Вдруг послышался топот и по степи пронеслись несколько диких лошадей. Беспокойство охватило и небольшое стадо направлявшихся на водопой мамонтов. Старый вожак поднял хобот и предостерегающе затрубил. Правда, хищник едва ли отважится напасть на них, но в стаде было два детеныша. Стоило им отойти подальше в сторону — и они могли стать его добычей. Но и мамонты вскоре скрылись.

Некоторое время все было тихо. Неожиданно совсем близко раздался треск ломающихся ветвей и из невысокого кустарника выскочил могучий, с великолепными рогами олень. За ним по пятам неслись пещерный лев. Несколькими гигантскими прыжками он настиг оленя, прыгнул на него и, сбив с ног, разорвал ему горло. По телу оленя еще пробегали последние судороги, а лев уже вырывал из него куски.

Ом подождал еще немного, тихо соскользнул с дерева и изо

всех сил побежал к лагерю. Спустившись с обрывистого склона, он увидел, что огонь уже ярко пылает и охотники разводят новые костры. Значит, старый Ванг услышал рев льва.

Между тем пещерный лев продолжал трапезу. Когда зверь насытился, его внимание привлекло красное сияние над долиной, бросавшее кровавые отблески на ближайшие скалы. Лев направился на свет, но ничего не увидел, пока не спустился пониже, на небольшой выступ скалы. Отсюда он смог разглядеть огонь и людей.

Первым любопытного хищника заметил Ом.

— Смотрите, смотрите! — закричал он. — Там, на скале, Великий Убийца!

Женщины и дети бросились в хижины. Мужчины стояли все вместе, возбужденно переговариваясь и крепче сжимая оружие. Лишь один из них, шаман, лекарь и колдун племени, побежал в свою маленькую, расположенную в стороне от других хижину. Когда он через несколько минут вышел оттуда, его трудно было узнать: он надел оленью шкуру с черепом и рогами, лицо намазал красной охрой — под цвет крови и огня, а к локтям и коленям прикрепил куски рысьей шкуры.

Шаман поспешил к большому костру, прихватив из груды сухого валежника два больших сука. Подойдя к огню, он сунул их одним концом в пламя. Когда сучья вспыхнули, он поднял их высоко над головой и прошел мимо изумленно попятившихся охотников за линию костров. Там он остановился, метнул взгляд на пещерного льва и начал свои заклинания.

— Уйди, Великий Убийца, — закричал он пронзительным голосом, — исчезни во мраке ночи или ты умрешь! Я — Смерть, Смерть, Смерть! — Размахивая горящими факелами и выкрикивая: «Я — Смерть! Я — Смерть! Я — Смерть!», он начал какой-то безумный танец.

Широко раскрытыми от страха и удивления глазами смотрели охотники на неистовство колдуна. Даже лев замер от его криков и танца. Однако его сердце переполнял не страх, а любопытство. Он подошел к самому краю скалы и неотрывно следил за колдуном. Увидев, что заклинание не помогает, колдун отбросил горящие ветки и опять побежал к своему шалашу. Когда он снова появился, руки и ноги его были измазаны охрой, а высоко над головой он поднимал гремящий талисман. Ом разобрал, что это нанизанные на скрученную сухую кишку зубы и когти пещерного медведя, окаймленные лисьими и волчьими зубами.

Добежав до горящих сучьев, колдун остановился. Приподняв оленью шкуру, он повесил на шею талисман, схватил брошенные сучья и, покружившись, снова раздул на них пламя.

Когда сучья ярко запылали, колдун сделал несколько шагов вперед и, остановившись, застыл, напряженно вглядываясь в расплывчатый силуэт льва. Неожиданно колдун высоко воздел руки. Оленья шкура соскользнула с него, и алая раскраска заиграла в красноватом свете факелов.

— Изыди, Великий Убийца, или ты умрешь! Я Смерть и Огонь, Смерть и Огонь, Смерть и Огонь! Тебя спасет от меня только бегство во мрак ночи! Я Смерть и Огонь! — прорезал тишину ночи его вопль.

Произнеся эту угрозу и скривив морщинистое лицо, колдун снова принялся неистово плясать, размахивая горящими сучьями. Затем он бросил их в сторону льва и, корчась в судорогах, упал на землю. На губах его выступила пена, но он все еще продолжал угрожающе выкрикивать: «Я — Смерть и Огонь, Смерть и Огонь, Смерть и Огонь!»

Заклинания колдуна перестали занимать сытого льва. Он медленно повернулся и, сделав несколько легких прыжков, исчез.

Охотники с радостными криками бросились к колдуну, который все еще метался по земле, как бы испытывая невыразимые муки. Глаза его закатились, руки были плотно сцеплены.

Несколько охотников понесли колдуна в хижину. Среди них был и Ом, который ни на минуту не спускал глаз с талисмана. Он был убежден, что хищника отогнал только талисман. Однако Ом ни с кем не поделился своими мыслями, так как все остальные приписывали бегство льва колдовству шамана. Уложив его, охотники поспешно покинули хижину. Вслед им из темноты все еще раздавалось: «Я — Смерть и Огонь, Смерть и Огонь, Смерть и Огонь!» Охотники ускорили шаг и подошли к большому костру, вокруг которого, расточая похвалы шаману, собрались мужчины. Все гордились своим волшебником, чары которого были столь сильны, что обратили в бегство даже самого Великого Убийцу.

До рассвета было еще далеко, поэтому одни предлагали ложиться спать, чтобы утром со свежими силами отправиться на охоту, другие возражали, считая, что Великий Убийца может вернуться, как только чары колдуна утратят свою силу, и предлагали всем остаться у костра. Спор не успел еще разгореться, как тишину ночи пререзал ужасный вой, напоминавший человеческий смех. Этот вой положил конец спорам. Все хорошо знали, что так воют гиены, пожирающие остатки загрызенного пещерным львом оленя. Они, должно быть, принялись за добычу Великого Убийцы, а это было лучшим подтверждением того, что лев покинул окрестности стоянки и находился на пути в свою пещеру, где-то далеко на юге.

Охотники решили, что спящую стоянку по-прежнему будут охранять только старый Ванг и молодой Ом. Когда все улеглись в своих хижинах, Ванг и Ом уселись у костра и, погруженные в свои мысли, молча устремили взгляды на яркое пламя.

Когда на востоке заалел рассвет нового дня, лагерь проснулся. Охотники вновь собрались вокруг костра, проверяя оружие. Затем они поджарили на раскаленных камнях последние куски мяса, отложенные накануне старейшиной рода, могущественным и сильным Гигом.

На запах жареного мяса из хижин вышли женщины и старшие дети. Они подошли поближе, с завистью глядя, как старейшина рода раздает мясо мужчинам: им следовало подкрепиться перед долгой и утомительной охотой.

Потом все тот же старейшина объяснил план охоты и разделил мужчин на две группы: одну вел он сам, а во главе другой поставил испытанного Гора. Ванг и Ом, сторожившие лагерь ночью, не принимали участия в охоте.

— Прежде чем ты отправишься в свою хижину, Ом, и ляжешь спать на шкурах, пойдешь к великому Аму и передай ему от меня, что мы собираемся на охоту и хотим, чтобы он приворожил нам удачу! Пусть он немедля придет! — распорядился старейшина.

Ом направился к хижине колдуна, но войти в нее побоялся и, встав у входа, закричал:

— Ам! Мужчины готовы к охоте! Они и Гиг ждут, чтобы ты пришел к ним и своими колдовскими чарами приворожил им удачу!

— Иди, Ом, и скажи Гигу и другим мужчинам, что я сейчас приду, — донеслось через некоторое время из хижины.

Передав слова Ама, Ом вместе со старейшиной и охотниками стал ждать появления колдуна.

Вот из хижины показалась высокая, сухоощавая фигура колдуна Ама. На этот раз на нем была медвежья шкура, а на шее висело ожерелье из медвежьих, волчьих и лисьих когтей и зубов. Лицо шамана покрывали прямые и волнообразные красные линии и круги. Его густо намазанные жиром волосы были заплетены в косу, в которой торчало длинное орлиное перо. Волосатую грудь украшало большое красное пятно, от которого, как от солнца, во все стороны отходили короткие черточки. В руке он держал две маленькие фигурки животных, вылепленные из жирной глины.

Размеренным шагом колдун направился к охотникам. Остановившись у главного очага, он бросил на тлеющие угли несколько сухих веток и, когда они вспыхнули, с непонятными выкриками и заклинаниями начал прыгать вокруг огня, дико размахивая руками и странно изгибая тело.

Охотники напряженно следили за ним и не смогли скрыть удивления, когда шаман вдруг остановился и стал ломать глиняные фигурки. Это было что-то совершенно новое. Теперь можно было разобрать и слова шамана:

— Да погибнут на вашем пути все животные! Пусть помутится их разум, пусть попадутся они в расставленные западни! Пусть ноги их отнимутся во время бегства. Пусть тела их притягивают ваши стрелы и копья!

Произнеся эти слова, колдун обломал головы и ноги фигурок и отбросил их далеко в сторону, а изуродованные тела раскрошил

и бросил в огонь. Высоко подняв руки, шаман низко склонился к пылающему огню, потом резко выпрямился и, круто повернувшись, молча направился к своей хижине.

Ошеломленные охотники взглядами провожали колдуна. Но и после того как он исчез в хижине, они некоторое время стояли, все еще под впечатлением нового колдовского обряда великого Ана.

Первым сбросил с себя оцепенение Гиг.

— Пора покидать лагерь и отправляться на охоту. Да помогут нам заклинания великого Ама! — заключил он и без промедления отправился в путь, сопровождаемый своим отрядом. За ним вместе с остальными охотниками последовал и смелый Гор.

Едва охотники покинули лагерь, как старый Ванг ушел в свою хижину и, завернув старое, зябнущее тело в волчью шкуру, улегся на куче сухой травы. Вскоре он уже сладко храпел.

А Ому заснуть не удалось. Он ворочался с боку на бок, но сон не приходил. Сознание молодого охотника не покидал образ колдуна, а его чудесный талисман — ожерелье из зубов и когтей пещерного медведя, лисьих и волчьих зубов — так и стоял перед глазами. Он твердо верит, что только талисман придал колдуну могущество, которое помогло изгнать Великого Убийцу. Ведь пока у него на шее не было ожерелья, лев никакого внимания не обращал на его колдовство. Если даже лев обратился в бегство, значит, в когтях и зубах пещерного медведя заключена большая сила.

И вот тут-то у Ома возникло непреодолимое желание стать обладателем такого талисмана, такого волшебного ожерелья. Тогда он никого бы не боялся — когда подведут силы, спасут чары.

Добыть волчьи и лисьи зубы не составляло особого труда — достаточно было порыться в ямах для отбросов вблизи лагеря. Да и не в них заключалась сила. Чарами обладали зубы и когти могучего пещерного медведя, достать которые было нелегко. Правда, в хижинах некоторых охотников лежали медвежьи шкуры, но без черепов и когтей. Лишь Ам владел частью шкуры с черепом и когтями, но ведь он никогда не отдаст ее. Ему самому шкура нужна для колдовства и магии.

Но тут Ом вспомнил, что рассказывал недавно у костра помощник шамана — хромой Ур. Как-то великий Ам послал его далеко на север, вдоль ручья, туда, где лес был так дремуч, что сквозь листву деревьев почти не проникал солнечный свет. Там росли крупные черные ягоды, которые он должен был принести колдуну. На обратном пути Ур встретил огромного пещерного медведя, с трудом воло-

чившего лапу. Увидев Ура, медведь поспешно удрал в густые заросли. Ур тогда очень смеялся: один хромой встретился с другим хромым, и вот сильный хромой испугался слабого.

Лицо Ома озарила довольная улыбка: можно стать обладателем когтей и зубов пещерного медведя. Он отправится на север в дремучие темные леса, найдет медвежьи следы и будет идти по ним до тех пор, пока не настигнет хромого медведя. И уж тогда ничто не поможет хищнику, пусть он даже попробует скрыться в глуши леса или на горных склонах в колючем ежевичном кустарнике. Ом будет неотступно преследовать его повсюду и в конце концов настигнет и убьет. Ведь он не изнеженный и хромой Ур, а сильный, здоровый и смелый Ом!

Ничто теперь не могло удержать Ома. Отбросив шкуру, он вскочил со своего ложа, взял длинное копье, проверил, хорошо ли укреплен и достаточно ли остер каменный наконечник, и, прихватив лук и стрелы, вышел из хижины*.

Спустившись к ручью и продвигаясь вдоль него к северу, Ом вскоре оказался в лесу. Ему пришлось пробираться через поваленные деревья и колючий кустарник, перелезать через огромные, рухнувшие с отвесных скал глыбы, переходить вброд ручей. Но ничто не могло остановить Ома — желание овладеть великими чарами неудержимо влекло его вперед.

Вот и место, где хромой Ур встретился с пещерным медведем, вот и его следы на влажной земле. И Ом шел по следу, пока не увидел медведя.

«Ну, хромой ворчун, теперь ты в моих руках, от меня тебе не уйти, как тогда от бедного Ура», — подумал Ом.

Осторожно приближался он к гигантскому животному, которое сидело возле большого муравейника.

Медведь опускал лапу в муравейник, и когда ее покрывали встревоженные муравьи, подносил к пасти, слизывал их длинным языком и перемалывал мощными зубами. Даже еловые иглы, которые он съедал вместе с муравьями, не отбивали у него аппетита.

Пещерный медведь не замечал человека.

Ом, крадучись, приблизился. Прислонив копье к дереву, он наложил стрелу на тетиву и прицелился. Резкий свист — и стрела вонзилась

* Автор несколько отступает от засвидетельствованных археологией фактов, в соответствии с которыми лук и стрелы появляются не ранее мезолита. От ориньякской эпохи — времени действия рассказа — мезолит отделяют несколько тысячелетий. — *Прим. ред.*

в темя медведя; наконечник, пробив шкуру, застрял глубоко в черепе.

Медведь одним могучим ударом лапы сбил засевшую в голове стрелу, сломав глубоко застрявший в кости каменный наконечник. Затем со страшным ревом встал на дыбы и в одно мгновение оказался возле Ома. Охотник с ужасом увидел, что медведь вовсе не хромым и что он не только не убегает от него, а, напротив, полон желания мстить. В голове Ома мелькнула мысль, что это либо не тот медведь, которого встретил хромым Ур, либо рана на его ноге уже зажила.

Однако, прежде чем Ом пришел в себя и схватил копье, расшвыривший от боли медведь встал на задние лапы и передними обхватил несчастного охотника. Сжав Ома так, что у него затрещали кости, медведь челюстями сдавил плечо охотника. Когда животное ослабило смертельные объятия, Ом рухнул на землю. Медведь опустился на передние лапы, наклонил голову к бессильно распростертому телу и стал внимательно рассматривать его. Затем он поднял лапу и попытался сорвать с тела Ома оленью шкуру; но лапа, соскользнув с сухой и гладкой кожи, оставила на раздавленной грудной клетке глубокие кровавые следы когтей. Медведь опять занес лапу, но боль в голове оказалась сильнее ярости. Он отошел от мертвого охотника и поплелся в чащу.

Пещерный медведь бродил в этих краях еще много лет. Рана на голове зажила, срослась и кость, в которой торчал обломанный наконечник стрелы.

Медведь был уже стар; как и каждый год, с наступлением зимы он исчез в темном отверстии белой известняковой скалы, осторожно прошел через узкие ходы и в отдаленном углу залег на зимнюю спячку.

Пришла весна, все вокруг пробудилось к новой жизни, но пещерный медведь не проснулся...

С той поры прошло много тысячелетий. Остатки пещерного медведя, умершего от старческой слабости в Слоупских пещерах в Моравском карсте, обнаружил ученый. Сообщение об этой находке имело большое значение для археологии. Почему, вы сейчас поймете.

Еще в начале 80-х годов прошлого века многие ученые решительно отрицали, что человек жил в одно время с мамонтом, шерстистым носорогом, пещерным львом, пещерной гиеной, зубром и другими известными нам животными эпохи плейстоцена. Едва ли следует этому удивляться, так как в то время никто не верил, что

выцарапанные и нанесенные краской рисунки, которые обнаруживали в пещерах, представляли собой произведения искусства первобытных охотников на мамонтов и северных оленей. Лишь отдельные исследователи безрезультатно пытались спорить.

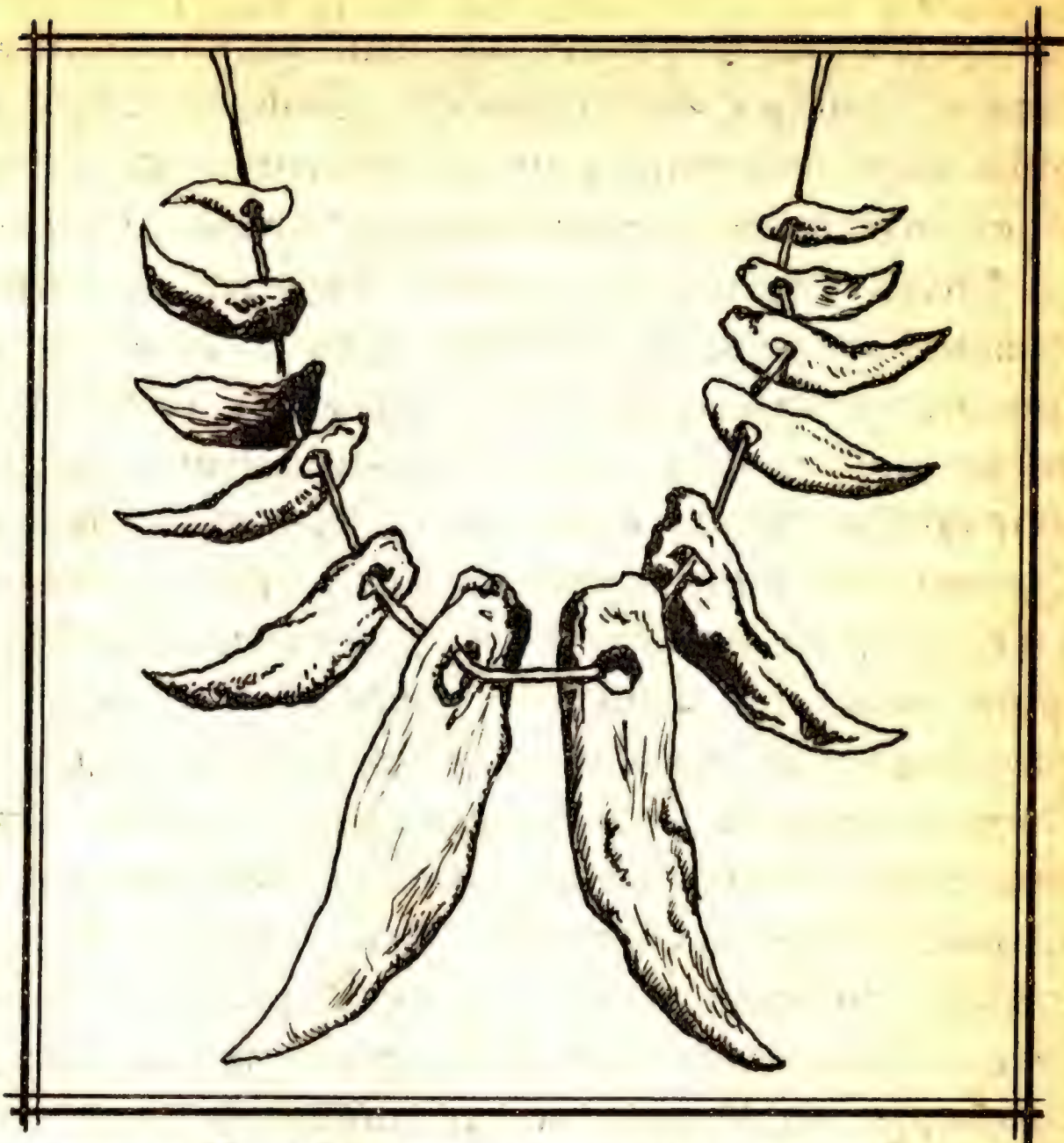
Среди ученых, настойчиво отрицавших, что вымершие плейстоценовые животные могли быть современниками человека, был копенгагенский профессор зоологии И. Стеенstrup. Он побывал на месте знаменитой стоянки первобытных людей в Пржедмости, вблизи Пржерова, в Моравии. Обилие костей мамонта заставило Стеенструпа сделать вывод, что люди из Пржедмости не охотились на гиганта, а просто извлекали из промерзшей почвы и поедали туши мамонтов, используя огромное кладбище, где погибло крупное стадо этих животных. Очевидно, он находился под впечатлением рассказов, что в промерзшей почве Сибири обнаружили отдельные настолько хорошо сохранившиеся туши мамонтов, что их мясо охотно поедали не только волки, лисы и росوماхи, но и собаки. Мнение Стеенструпа было явно ошибочным, но отсутствие убедительных научных аргументов не позволяло решительно его опровергнуть. Однако вскоре такие аргументы появились.

Знаменитый моравский исследователь врач Индржих Ванкель обнаружил в Слоупских пещерах череп пещерного медведя со следами тяжелого, но хорошо зажившего ранения, нанесенного, несомненно, кремневым оружием человека позднего палеолита. Охотник нанес пещерному медведю удар такой силы, что наконечник глубоко проник в кость и сломался. Медведь пережил это ранение. Рана и кость хорошо зажили, однако обломанный наконечник сидел в черепе медведя до самой смерти. Только когда мягкие ткани тела медведя истлели, яшмовый наконечник стрелы выпал из кости.

Находка Ванкеля опровергла ложные представления о том, что человек якобы не был современником мамонтов, шерстистых носорогов, пещерных медведей и других плейстоценовых животных. Ванкель демонстрировал найденный им череп на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году, где он был удостоен за свои исследования почетной медали.

Таким образом, приключения Ома не являются полностью вымышленными. Пещерные львы, например, водились в то время не только в области Моравского карста, но и по всей Европе. Хорошо сохранившийся полный скелет пещерного льва был найден Ванкелем в тех же Слоупских пещерах. Позднее этот скелет перешел в собственность Венского музея естественной истории.

Шаманами, колдунами были, несомненно, выдающиеся члены рода. При отправлении магических обрядов они надевали шкуры животных и украшали себя самым различным образом. Это можно установить на основании изображений, оставленных первобытными художниками. Церемония перед выходом на охоту

воспроизведена по находкам К. Абсолона на стоянке первобытных охотников в Дольни-Вестонице, в Моравии. Правда, трудно утверждать, что обряд происходил именно так, как описано в нашем рассказе. Но дело не в подробностях, а в самом факте обряда, и здесь отступления от истины нет. То же относится и к остальным рассказам, которые основываются на других фактических данных.

Следует сказать несколько слов о стремлении Ома добыть ожерелье из зубов и когтей пещерного медведя. Являлось ли такое ожерелье только ценным украшением или чем-то большим?

Охотники на мамонтов и северных оленей были первыми, кто оставил нам произведения искусства. К ним относятся и ожерелья из различных материалов, часто из раковин моллюсков, как существующих сейчас, так и вымерших. Так, например, на ориньякской стоянке в Линзенберге, близ Майнца (ФРГ), была обнаружена целая «мастерская» по изготовлению ожерелий из раковин третичной рогатой улитки. Вокруг вертикально поставленных камней, которые использовались, вероятно, в качестве «рабочих столов», обнаружили множество обломков кремневых орудий и массу раковин рогатых улиток. У многих были срезаны острые концы.

На хорошо известной ориньякской стоянке в Хундштейге (Австрия) нашли оригинальное ожерелье из раковин современных и вымер-

ших улиток. Известно ожерелье из Комб-Капелль (Франция), состоящее из раковин зубчатой улитки и улиток двух других видов. В Чехословакии тоже были обнаружены искусно выполненные ожерелья. Так, ожерелье из Брно составлено более чем из 600 раковин зубчатой улитки. Более простое, но изящное ожерелье из раковин зубчатой улитки с раковинами третичной улитки и сердцевидки в середине было обнаружено в Дольни-Вестонице. Здесь же было найдено ожерелье из зубов волка, песца и гиены, двух бусин, вырезанных из зубов мамонта, а также зубов третичной акулы. В пещерах Моравского карста находили просверленные раковины третичных конусовидных улиток, третичных гребенчатых моллюсков, усеченные раковины зубчатых улиток и даже акулы зубы. Единственное в своем роде ожерелье из расположенных крест-накрест, один над другим зубов песца было обнаружено Абсолоном в детском погребении в Дольни-Вестонице. В Пржедмости под Пржеровом в погребальной яме рядом со скелетом ребенка лежало великолепное ожерелье из бусин, вырезанных из костей мамонта. Известно ожерелье из Дольни-Вестонице, орнаментированное просверленными цилиндрами, также вырезанными из костей мамонта. Список подобных ожерелий можно продолжить.

Не подлежит сомнению, что многие ожерелья служили украшениями. Но некоторые, бесспорно, представляли собой талисманы или амулеты, которые должны были защищать их владельцев от диких зверей или приносить им охотничье счастье.

К числу талисманов, по всей вероятности, относились ожерелья из зубов пещерных медведей, пещерных львов, волков и песцов. Как амулет следует рассматривать подвеску из Дольни-Вестонице; первобытный охотник вырезал из мергелевой конкреции в лёссе морского ежа, часто встречающегося в морских известняках Полауских гор. Через просверленное в фигурке отверстие охотник протянул узкий ремешок, вырезанный острым кремневым ножом из дубленой шкуры, чтобы носить амулет на шее. Интересно, что во многих странах амулеты в виде морских ежей до недавнего времени пользовались большим спросом и высоко ценились, так как считалось, что они приносят счастье и охраняют от болезней. Судя по находке из Дольни-Вестонице, корни суеверия, приписывающего морскому ежу волшебную силу, уходят в глубокую древность, вплоть до эпохи ориньякских охотников на мамонтов. Совершенно очевидно, что и подвеска с просверленным человеческим резцом, найденная так-же в Дольни-Вестонице, представляла собой талисман или амулет. Все эти примеры подтверждают, что ожерелья и подвески были не только украшениями.

МАГИЧЕСКИЙ ОБРЯД

Среди известняковых гор, в большой пещере над ручьем издавна нашло пристанище племя мадленских охотников. Их владения обширны; здесь хорошая охота и много плодов, сочных луковиц, сладких кореньев. Нужда посещает их, только когда долго идут дожди или снежная буря не позволяет выйти из пещеры. Но люди привыкли к невзгодам. Старики, чьи лица покрыты морщинами, а тела — шрамами, могли бы многое рассказать об этом.

Тихий теплый вечер. В пещере пылает большой костер, вокруг него собрались мужчины; они сидят на плоских камнях или лежат на полу. Самые старые скорчились на вытертых шкурах. Люди насытились и теперь отдыхают. Для них это лучшее время дня. Они подтрунивают друг над другом, смеются и внимательно слушают, если кто-нибудь из старших, самых опытных, рассказывает о приключениях на охоте или в бою с врагами.

Для женщин этот час — отдых, неторопливый разговор после дневных дел. А дети еще резвятся где-то рядом с пещерой, но и за играми не забывают, что нельзя отходить далеко: надвигающа-

яся ночь несет с собой опасности. Самые маленькие уже спят по углам на кучах сухой травы и мягких шкурах.

Перед входом в пещеру сидит на камне Конг — смелый охотник, вождь племени. Рядом с ним — колдун Цам.

Конг уже немолод, но полон сил. Цам — тощий старик с пронизывающим взглядом, очень подвижный, несмотря на годы. Они сидят молча, погруженные в свои мысли. Снизу, с ручья, доносится смех, голоса девушек и юношей. Конг поворачивается к Цаму.

— Ты слышал?

— Да. Они опять подстерегли девушек за вечерним купанием. Мои уши уже не впервые слышат этот смех и эти голоса.

Потом он добавляет, взглянув на вождя:

— Я вижу — пришло время кое-кому из них стать мужчинами, стать женщинами нашего рода!

Конг согласно кивает.

Сумерки сгущаются, все вокруг тонет во тьме. Но вот всходит луна и ее серебряный свет заливают и скалы, и лес, превращая речушку в сверкающую ленту.

На каменистой тропке показались девушки. Они бегут, смеясь и громко переговариваясь, — спешат домой, иначе достанется от матерей, уже поздно.

Конг смотрит на девушек, он доволен. Их тела стройны и гибки, лица светятся радостью, глаза сверкают.

Цам тоже доволен.

— Красивые цветы выросли в нашей пещере, — говорит он.

— Да, — отвечает Конг. — Из них выйдут крепкие, здоровые женщины, украшение и надежда племени.

— Украшение и надежда! — ухмыляясь, ворчит Цам. — Это только пока они молоды. Старая Лая и другие старухи уже давно не надежда и не украшение.

— Лая тоже была красивой и молодой, — возражает Конг.

— Много раз уходило солнце с того времени. А теперь она зла и сварлива.

— Ведь ты, Цам, колдун. Ты, должно быть, знаешь средство, которое может задобрить Лаю, — смеясь, отвечает Конг.

— Для Лай мое колдовство слишком слабо, — вздыхает Цам.

Обоим весело.

— Если бы Лая слышала, как ты о ней говоришь, тебе пришлось бы худо, Цам!

— Мой рот никогда не сказал бы этого, если бы мои слова могли дойти до ее ушей.

— Но ты ведь не боишься ее? Мужчина должен быть храбрым...

— Твои слова верны лишь наполовину, Конг. Мужчина должен быть храбр, но осторожен. На охоте и в бою — храбр, перед женщиной — осторожен. Если он поступает так, он умный.

— Ты избегаешь западни, которую я тебе ставлю, словно скользкая змея, умный Цам, — смеется Конг.

— Так часто случается с тем, кто плохо ставит свою западню, храбрый Конг, — хихикает в ответ Цам.

Их разговор прерывают несколько юношей. Стройные, сильные, широкоплечие, с мускулистыми руками и широкой грудью, они пробегают мимо и скрываются в пещере. Их загорелые лица говорят об упорстве, в глазах светится мужество.

Конг и Цам хорошо это видят.

— Славных детей подарили женщины племени, — говорит Конг. — Они будут сильными мужчинами, храбрыми охотниками и воинами.

— Ты говоришь верно, Конг, они храбры и не дрогнут перед опасностью.

Потом оба замолкают, но думают об одном. Конг повторяет:

— Пожалуй, пришло время кое-кому из них стать мужчинами, стать женщинами. Мы должны поговорить у огня, кому... Ты согласен, Цам?

— Согласен, — отвечает Цам. — Выбирай вместе с мужчинами и женщинами, а я приготовлю остальное.

— Я сделаю это, — обещает Конг. — А скоро придет день, когда ты сможешь совершить обряд?

— Скоро! — бормочет Цам и поднимается. Он долго вглядывается в светящийся диск луны, потом добавляет:

— Еще столько ночей сменятся днями, сколько пальцев у тебя на руке. И настанет ночь самого большого лица луны. В эту ночь я все приготовлю. А когда эта ночь уйдет, мы отправимся туда, где я буду колдовать. Ты согласен, Конг?

— Да, — отвечает вождь, и они медленно идут в пещеру, где у костра остались только те, кто будет стеречь огонь.

К вечеру четвертого дня следовало уже выбрать юношей и девушек, которым предстояло стать взрослыми, полноправными членами племени.

В эти дни мужчины охотились неподалеку и рано возвращались домой. У костра они говорили с Конгом и Цамом о каждом юноше.

А вокруг старой Лаи собирались женщины. Они таинственно шептались то об одной, то о другой девушке, судили и рядили. Иногда раздавались и недовольные выкрики, если матери казалось, что с ее дочерью обходятся несправедливо.

Цам не вмешивался в разговоры, но зато вместе со своим помощником Зуном надолго уходил из пещеры. Однажды он исчез на целый день, взяв с собой нескольких мужчин. Остальное время Цам в дальнем, темном углу пещеры при слабом свете костра рылся в своих кожаных мешочках, в узелках, где у него хранились головы птиц, зубы лис, волков, медведей и даже льва. Там были еще сушеные ящерицы и лягушки, птичьи перья и разные раковины — все атрибуты колдовства.

А юноши волновались. Каждый хотел стать полноправным мужчиной, сидеть вместе со всеми у огня, говорить об охоте на зверя. Для этого нужно было многое уметь: ведь главное дело мужчин — охота и сражения. Этому они учились с детства. Даже играли они всегда в то, что будет потом в жизни.

Они делали копья и луки и учились владеть ими. Сначала стрелы и копья летели мимо цели, но они метали их снова и снова, тянулись за товарищами, которые умели делать это лучше. И вот то, что началось как игра, совершенствовалось, становилось мастерством. Так было и с умением читать следы, охотиться, гнаться за врагом, делать орудия и оружие из камня или костей, снимать шкуру с убитого зверя, разделывать добычу и, самое важное, добывать из кусков сухого дерева огонь.

Юноша мог стать мужчиной, охотником, воином, только научившись всему этому. А опыта ему еще предстояло набраться от старших мужчин. И прежде всего — от самой жизни.

Девушки, чтобы их приняли в число взрослых женщин, тоже должны были многое знать и уметь: отыскивать плоды и корни, обрабатывать шкуры и шить из них одежду.

Наступил рассвет пятого дня. Еще не взошло солнце, а в пещере уже кипела жизнь. Конг с несколькими мужчинами ушел раньше всех. Вскоре за ними последовали и Цам с Зуном. На охоту отправились все мужчины, кроме тех, кто сегодня охранял пещеру и женщин и сторожил огонь.

Женщины работают. Они ловко орудуют костяными иглами, в которые вдеты высушенные жилы, — чинят меховую одежду, пришивают застёжки, вырезанные из оленьего рога или бивня мамонта. А дети, болтая, лазают по кустам невядалеке от пещеры или плещутся в речушке.

На вершине скалы сидит молодой охотник. Он далеко видит все вокруг — никто не приблизится к пещере незамеченным.

Но все спокойно. Только к концу дня наблюдатель замечает возвращающихся с добычей охотников. А потом, уже совсем поздно, он видит, как идут домой Конг и Цам с Зуном. Но где же воины, что рано утром ушли с Конгом? Эта мысль не дает ему покоя: он привык, что все, кто вместе уходили, вместе и возвращаются, но, наверное, Конг знает, почему те мужчины, что ушли с ним утром, не идут обратно. Подумав так, охотник успокаивается и снова внимательно вглядывается в даль.

А день клонится к вечеру. В пещере ярче полыхает огонь. На раскаленных камнях и в тлеющей золе жарятся куски мяса. Его запах сзывает всех к огню. Он так силен, что люди не могут дождаться, пока мясо изжарится, и впиваются зубами в полусырые куски.

Насытившись, племя отдыхает. У самого огня на большом камне сидит вождь Конг, рядом с ним, на меньшем камне, — колдун Цам.

Внезапно Конг поднимается, обводит взглядом соплеменников и поднимает руку, призывая к тишине.

Все смолкают. И тогда раздаётся его громкий голос:

— Настало время лучшим из юношей и девушек стать вровень с мужчинами и женщинами нашего племени. Они нужны нам, чтобы нас стало больше, чтобы мы стали самым сильным племенем!

Оттуда, где сидят мужчины, слышны возгласы одобрения.

— Вместе с воинами я решил, что Рун, Алх, Дон, Кер и Рин станут мужчинами. Они здоровы и сильны, быстры и храбры. Их руки уже сделали из кости и камня много нужных вещей. На охоте за зверем они упорны и хитры. Они будут хорошими мужчинами!

И снова звучат возгласы согласия и одобрения.

— Теперь скажи нам, кого решили принять женщины! — поворачивается Конг к старой Лае.

— Женщинами должны стать Ина, Гоха, Рия, Руна и Сета.

Они молоды и сильны, гибки и проворны. Их руки выделали много шкур и сшили из них вещи. Они знают, где можно найти плоды и сладкие коренья. Любая работа, которую должны делать женщины, спорится у них в руках. Это будут хорошие, работающие женщины! — подойдя к огню, говорит Лая и под одобрительные возгласы возвращается от костра к остальным женщинам.

Когда воцаряется тишина, снова говорит Конг:

— Могучий колдун нашего племени Цам назначил время. Вставай, Цам, и скажи им, что нужно сделать, чтобы мы приняли их.

Колдун поднялся со своего камня и хриплым голосом приказал:

— Отойдите все от огня! Только Конг может остаться там. И Лон, стерегущий огонь.

Когда приказ Цама был исполнен и место вокруг костра освободилось, он велел тем, кого называли вождь и Лая, подойти к огню и сесть.

Подогнув под себя ноги, девушки и юноши усаживаются напротив друг друга вокруг костра. Их глаза светятся радостью, но у каждого где-то внутри нет-нет да и шевельнется страх перед тем, что произойдет, чего он еще не знает. Цам достает из кожаного мешочка желтую и красную охру и разрисовывает себе лицо, грудь, руки, ноги. Покончив с этим, он надевает на шею ожерелье из львиных, волчьих и лисьих зубов. Потом колдун достает из кожаной сумки, поданной ему Зуном, какие-то сушеные растения и бросает несколько пригоршней в огонь.

Все взоры устремлены на него. Улыбка, похожая на гримасу, появляется на лице колдуна, когда из огня под потолок пещеры поднимается столб дыма. Он наклоняется над огнем и ртом втягивает в себя дым. От огня он прыгает к юношам, выпускает дым на них, скачет, пританцовывает, бормочет. То же самое он проделывает с девушками и снова приседает возле костра, уставившись в огонь. Треск горящих веток заглушает его пронзительный голос.

— Большой и сильный Огонь, твой брат и помощник Цам стоит перед тобой. Твоим дымом я окурив молодых. Твой дым, который они вдохнули, сделает их сильными и выгонит из их сердец страх. Ты, Огонь, самый сильный. Даже смелый пещерный лев бежит от тебя, когда видит твою пламя, когда чует твой дым.

Цам встал на колени, воздел руки и трижды склонился перед огнем. Потом вскочил, повернулся к сидящим у костра и воскликнул:

— Эту ночь вы проведете у огня. Вам нельзя уходить отсюда,

нельзя съесть ни кусочка мяса, ни плода, ни самого малого корня. Завтра, когда из-за горы покажется свет дня, я снова приду сюда и вы услышите, что я вам скажу!

Не обращая больше ни на кого внимания, Цам ушел в дальний угол пещеры, где обычно спал.

Воины и женщины тоже разошлись. У костра остались только Лон, который стерег огонь, да те, кому колдун велел бодрствовать здесь эту ночь.

У входа в пещеру неподвижно стоит освещенный луной Конг. Сердце его наполняет радость: завтра в это время его племя станет больше и сильнее, в него вступят молодые, сильные мужчины и красивые женщины.

Ночь пролетела быстро.

По бледным и возбужденным лицам юношей и девушек было видно, что они не сомкнули глаз.

К огню подошли Конг и Цам и приказали следовать за ними. Быстро спустившись по каменистой тропе к ручью, они двинулись по течению, то шагая по воде, то карабкаясь через каменные глыбы. Впереди шел Цам. Он шагал не останавливаясь, уверенно, как человек, хорошо знающий дорогу. За ним, как всегда, спокойный и осторожный, двигался Конг, а следом легкими шагами спешили девушки. Шествие замыкали юноши.

Шли долго. Когда солнце стояло уже совсем высоко, они остановились у подножия скалы, в которой исчезал ручей. Черная дыра в скале была широкой, но низкой.

Цам, подождав, когда все приблизятся, вошел в воду, наклонился — и исчез в отверстии.

— В чьем сердце есть страх, тому не нужно идти за Цамом и тот никогда не будет среди мужчин и женщин нашего племени! — прозвучал голос Конга.

Сердце его радуется, — все ступают в воду, но он останавливает их:

— Пусть каждый возьмет с собой толстых, сухих и смолистых ветвей!

Когда они возвращаются с сучьями в руках, вождь велит нести их так, чтобы они не намокли, и входит в воду. Молодые идут за ним. Сначала вода неглубока, но когда они минуют дыру в скале и входят в подземелье, становится глубже, вот она уже доходит до пояса. В полутьме все медленно бредут вперед.

Вдалеке виден слабый свет. Они направляются туда. Подзем-

ный ручей становится мельче. Ускорив шаг, люди выходят из воды...

Страх подкрадывается к молодым. Они никогда еще не были здесь, даже не слышали об этом месте. Вчерашние заклинания, которые творил Цам в пещере перед огнем, должны были сделать их бесстрашными. Кажется, это не очень удалось. Их тревожат мысли, куда они идут, что там будут делать, вернутся ли снова к себе в пещеру.

А Конг с факелом в руке уже лезет в узкую расселину. В тусклом свете колеблющегося пламени видно, как он быстро продвигается вперед. Юноши и девушки, едва поспевая, лезут за ним. Расселина приводит в большую пещеру. Здесь Конг останавливается и говорит:

— Огонь впереди зажгли наши мужчины — они были здесь со мной и остались, чтобы показать нам дорогу. Поспешим к ним!

Все пробираются в темноте. Свод пещеры — где-то высоко над головами. Оттуда свисают натеки камня, а снизу преграждают дорогу каменные глыбы. Иногда ноги вязнут в глине, принесенной ручьем.

Наконец они подходят к огню. Два воина встают навстречу Конгу и приветствуют его. Зун, помощник колдуна, тоже здесь. Это он в предрассветных сумерках первым ушел из пещеры, чтобы все приготовить. Пока мужчины о чем-то говорят с Конгом, Зун забирает у юношей и девушек сухие ветки и самые толстые осторожно кладет концами в огонь.

— Где же Цам? — не выдерживает кто-то.

— Ты увидишь его, когда придет время, — неохотно отвечает Зун.

Концы смолистых веток загораются быстро. Яркое пламя освещает пещеру. Она огромна, повсюду натеки сверкающего белого камня. Ручей с шумом катит воду куда-то вниз. Тут же стволы деревьев, сучья, ветки, — должно быть, их принесла сюда большая вода. А на стенах сидят черные летучие мыши. Местами камень сплошь покрыт ими. Свет от костра потревожил их, они медленно расправляют крылья и с писком перелетают в более темные углы.

Конг приказывает, чтобы каждый взял из костра по горящей головне. И вот они снова шагают вслед за Зуном — в его руке тоже колышется факел. Он ведет их в дальний угол пещеры. Там

к стене приставлен ствол дерева с обломанными ветвями. По нему можно взобраться к черному узкому отверстию под самым сводом пещеры. Когда-то мужчинам пришлось немало потрудиться, чтобы затащить сюда этот ствол. Но они не жалели ни сил, ни времени, потому что только по этому дереву можно пролезть дальше, проникнуть в самые недра горы.

Вот Зун полез вверх по дереву. Держась за ветки и шагая по ним, как по ступеням, он скоро добрался до черной дыры в вышине и скрылся в узком проходе. Один за другим за ним полезли сначала юноши, потом девушки. Внизу остались только Конг и два охотника, а молодые ползли следом за Зуном.

У входа в огромную подземную пещеру оба остановились в удивлении. Натеки камня самой причудливой формы образовали лес высоких белых деревьев, каменные водопады, огромные острые копья. Колеблющееся пламя факелов отражалось от их сверкающих граней.

Юноши и девушки не ожидали увидеть такое чудо в вечной тьме подземелья. Голос Зун вывел их из оцепенения. Они снова не останавливаясь пошли вперед.

Расселина опять сузилась — пробираться можно было только ползком. Горящие факелы мешали людям. Их колени и локти были в крови, когда ход снова расширился.

Теперь они были у цели.

Еще несколько шагов — и они в круглой пещере, которую освещает засунутый в трещину факел. Зун воткнул свой факел в другую щель и, собрав у всех горящие ветви, укрепил их в стенах. Все увидели посреди пещеры двух бизонов — быка и корову, вылепленных из глины. Их позы откровенны, грубы и сильны.

Неожиданно прозвучал грохот барабана из высушенного оленьего пузыря. Прежде чем эти звуки умолкли, из темноты выступил колдун Цам.

Его трудно было узнать: на раскрашенное желтым и красным тело была накинута шкура бизона с головой и рогами. Длинный хвост свисал почти до пят, на руках — шкура с копытами. Он склоняется перед глиняными фигурами и скрипучим голосом тянет — сначала тихо, потом все громче — одну ноту. Выбрасывая вперед ноги, он то приседает, то снова вскакивает. И чем громче это монотонное пение, тем необузданнее становится танец.

А юноши и девушки напряженно смотрят на него. Вот и они уже переступают с ноги на ногу, приподнимаются, срываются с места. Колдун видит, что они поддались его танцу. Он сбрасывает бизонью шкуру и хватает дудку, сделанную из кости орла. В простую мелодию вплетаются хлопки — это бьет в ладоши Зун, сначала тихо, потом все сильнее и громче.

Колдун дует в дудку, все ускоряя ритм. Блестящие от пота тела юношей и девушек мелькают в безумном танце. Лица покраснелись, глаза блестят. Пьянящий порыв охватил их. Когда возбуждение дикого танца достигает предела, раздается хриплый голос колдуна:

— Рун, Алх, Дон, Кер, Рин! Пусть сила бизона войдет в ваши тела, превратит вас в сильных мужчин, охотников и воинов! Пусть ваша сила увеличит племя!

Восторженные возгласы раздаются в ответ. И снова звучит голос колдуна:

— Ина, Гоха, Рия, Руна, Сета! Пусть плодovitость этой коровы передастся вашим телам. Пусть вы станете женщинами, которые подарят племени много детей!

Ему отвечают крики радости.

Опьяненные танцем и кличем колдуна, юноши и девушки мчатся в бешеном танце...

Не меньше 17 000 лет прошло с тех пор, как вождь и колдун привели юношей и девушек в подземное святилище. Они и не помышляли о том, что когда-нибудь сюда придут непосвященные.

Однако это произошло. В 1912 году доисторическое святилище было обнаружено в пещере Тюк д'Одубер.

На самом юге Франции, вблизи маленькой пиренейской деревушки, находилось родовое поместье графов Бегуэн. В то время представитель древнего рода был профессором археологии в Тулузе. Неподалеку от поместья терялась в известняковых скалах маленькая речушка Вольп. Весной, поздней осенью и зимой вода скрывала отверстие в скале, в котором исчезала речка, а летом и в начале осени верхняя часть его обнажалась.

Первым заинтересовался подземным течением речушки зоолог Р. Жанель. Засушливым летом, когда уровень воды сильно понизился, он на плоскодонке проник под скалу по течению загадочной речки. Исследуя русло, ученый установил, что в недрах горы с ним соединяется еще одна пещера, уходящая в глубину известнякового массива. Он сообщил о своем открытии Бегуэну, но тот не придавал ему значения. Зато три его сына — Людвиг, Якоб и Макс, жаждавшие приключений, решили тайно исследовать ход, а если там найдется что-нибудь заслуживающее внимание, удивить отца.

Сколотив из досок нечто вроде лодки и положив в нее три фонаря, топор, кирку и немного еды, братья отправились в подземное путешествие.

Отверстие над водой было совсем небольшим. Якоб и Макс распластались на дне челна, а Людвиг, правивший веслом, чуть приподнял

голову над самым бортом, чтобы хоть что-нибудь видеть. Через мгновение они оказались в крошечной тьме, прорезаемой только светом фонарей. Поток бросал лодчонку во все стороны, бил о камни. Иногда она садилась на мель и мальчики с трудом сдвигали ее с места. Особенно трудно им пришлось, когда русло стало извилистым. Но вот оно расширилось, и между водой и скалами появилось даже подобие узкого берега. Людвиг направил лодку туда, и вскоре они вытащили ее на влажную, топкую глину. Осмотревшись, мальчики увидели, что плыть дальше нельзя: вода извергалась в узкий черный провал. Они осветили фонарями стены пещеры и были очень удивлены, обнаружив на них изображения лошадей и оленей, а рядом с ними — людей, будто надевших маски животных.

Взволнованные своим открытием, братья осторожно двинулись дальше. По узкому ходу они проникли в широкий подземный зал — и остановились, пораженные: свод пещеры облепили сверкающие сталактиты, из какой-то щели низвергался причудливый каменный водопад, а в середине зала сверкало озерцо, в котором отражались причудливые стены, своды, блики фонаря, с которыми пришли сюда юные исследователи...

Людвиг предложил возвращаться, так как было уже поздно, а выбираться против течения подземной речки не так-то легко. Радостные и возбужденные, братья благополучно добрались до дому.

Бегуэн, заинтересованный рассказом сыновей, тоже совершил путешествие в пещеру. Осмотрев подземный кирстовый зал, он отправил в Парижскую академию наук подробное сообщение — и, по-видимому, счел, что с исследованием пещеры покончено. Но его сыновья были другого мнения. Они не забыли об отверстии, которое видели в подземном зале на высоте примерно метров десяти. Им очень хотелось узнать, не ведет ли этот ход в другие пещеры, и мальчики решили снова тайком отправиться в подземелье.

Погожим октябрьским днем они стояли под чернеющим в вышине отверстием. Набросив на выступ возле отверстия веревочную петлю и киркой вырубив в камне ступеньки, братья по очереди вскарабкались и втиснулись в узкий лаз. Несколько метров им пришлось подниматься круто вверх, но потом ход изогнулся и пошел почти горизонтально. Здесь они тоже увидели на стенах несколько нацарапанных изображений бизона и одной лошади.

Узкий ход привел их в небольшую пещеру, противоположная стена которой была скрыта сплошным занавесом из сталактитов и сталагмитов. Посветив фонарями в щели между натеками извест-

няка, мальчики увидели, что узкий коридор продолжается. Пробив топорами и киркой дыру в этом занавесе, они двинулись дальше. Ход стал еще уже, пришлось ползти на животе. Куртки и рубахи были изорваны, руки — в крови, но мальчики пробирались вперед. Вскоре ход снова расширился, и они смогли выпрямиться.

Через несколько шагов шедший впереди Людвиг заметил следы ног. Он нагнулся и осторожно ощупал затвердевшую глину. Конечно, это были следы первобытных людей! Ведь если бы здесь побывал современник, ему пришлось бы разрушить преграду из сталактитов, а она была цела!

Все трое склонились над отпечатками ног: следы очень отчетливые, видны даже мелкие складки на пальцах.

Людвиг решил унести с собой один отпечаток, чтобы показать отцу. Он осторожно вырезал со всех сторон глину, в которой отпечатался след, и упрятал драгоценную находку за пазуху.

Миновав еще один поворот подземного хода, мальчики опять оказались в карстовой пещере. Здесь тоже были отпечатки человеческих ног! Но Людвиг решил возвращаться. Как только отец услышит обо всем и увидит отпечаток человеческой ноги, он, конечно, завтра же отправится сюда вместе с ними.

Так и случилось. Бегуэн старший пришел в восторг и заявил, что должен немедленно убедиться во всем собственными глазами. Снова и снова он вглядывался в отпечаток человеческой ноги, измерял, рассматривал в увеличительное стекло — и сказал мальчикам, что они сделали открытие, о котором может только мечтать любой антрополог.

Однако почивать на лаврах мальчики могли только до утра.

Наутро они снова отправились в пещеру вместе с отцом. Но то, что было для них пустяком, для профессора оказалось гораздо сложнее. Не без страха братья смотрели снизу, как отец взбирается по стене. В конце концов Бегуэн одолел подъем, проник в отверстие и пробрался в пещеру, где накануне братьям пришлось пробивать ход в известняковых натеках. Здесь Людвиг пролез в узкую дыру и исчез в темноте. Бегуэн посмотрел на Якоба и Макса, которые уже собрались последовать за братом, и робко спросил:

— И я должен лезть в эту дыру? Но это же для кошки...

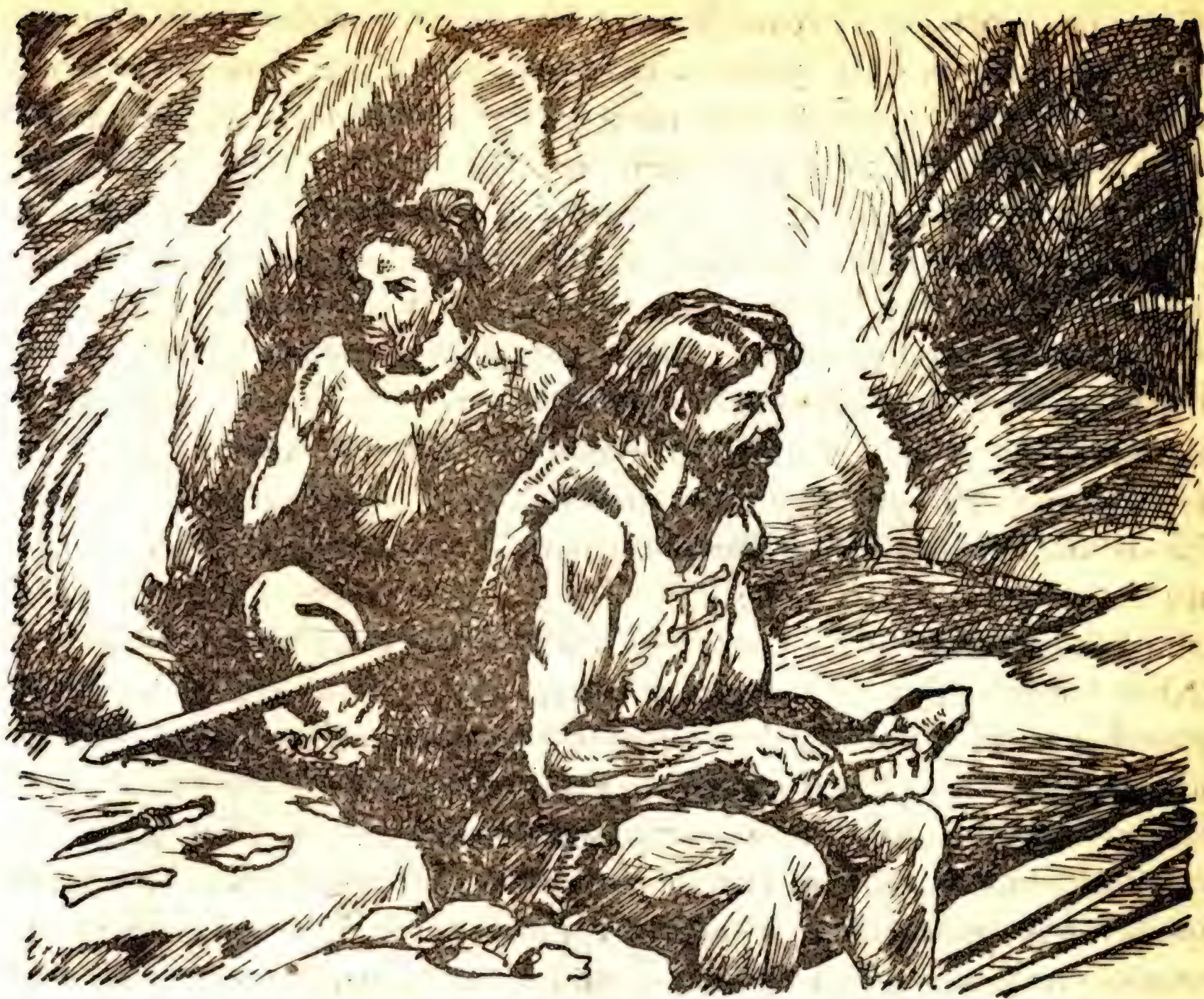
Сыновья рассмеялись. А самый трудный участок пути к дальней пещере получил с тех пор название Кошкиной Норы. Профессор все-таки полез в узкую щель. Макс и Якоб отбили еще несколько каменных сосулук, чтобы помочь отцу. Уверая, что лезть осталось совсем немного, они скрылись в щели. Бегуэн попытался последовать за ними, но за-

стрял, едва протиснув плечи. Одному из сыновей пришлось возвращаться, чтобы тащить отца, ухватив его спереди за руки. Изорвав рубаху, обдирая в кровь руки, Бегуэн метр за метром преодолевал Кошкину Нору. Когда на буксире у сыновей он добрался наконец до места, где можно было стать на ноги, то понял, что его брюки остались где-то позади... Впрочем, это вызвавшее дружный смех событие никак не поколебало родительского авторитета. Благополучно преодолев Кошкину Нору, все четверо двинулись дальше. Они пробирались по узким щелям и шли через обширные подземные залы. Одна пещера показалась им бездонной — так в ней было темно. Наконец они пришли в круглую пещеру, где ход кончался. На стенах были нацарапаны какие-то изображения. Мальчики бросились рассматривать их, а профессор, изумленный, остановился посреди подземного зала — прямо перед ним высилось глиняное изваяние! Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что это корова и бык — бизоны, в которых древний скульптор увидел символ продолжения рода. Вокруг вылепленных фигур было множество отпечатков человеческих ног. Следы маленьких ног вокруг глиняной скульптуры тянулись почти правильными кругами, словно здесь водили хоровод.

Поразмыслив, Бегуэн сказал сыновьям, что перед ними не просто древнейшее произведение искусства. Глиняные фигуры — это колдовские символы плодovitости, а пещера — тайное святилище. Старейшины племени и колдуны приводили сюда юношей и девушек, когда тем исполнилось 13 — 14 лет, и, совершив над ними магический обряд, в который входил и танец вокруг святыни, нарекали их взрослыми, полноправными членами рода, призванными его продолжать. Доисторическое святилище было тайным, его тщательно оберегали, проникнуть сюда было нелегко...

Если вам доведется попасть на юг Франции, поезжайте в маленькую деревушку Монтестье-Авант в департаменте Арьеж, найдите проводника и побывайте в пещере Тюк д'Одубер.

Не бойтесь трудностей и препятствий, долгой дороги в недрах горы и лаза, где можно застрять. Ваше упорство будет вознаграждено. Через семьсот метров пути вы увидите последнюю пещеру и изваянных там бизонов. Глина, из которой вылеплены фигуры, высохла и потрескалась: это старейшая из известных скульптур, созданная неведомым художником мадленского времени по меньшей мере 17 000 лет назад. Сохранились до наших дней отпечатки ног (их больше ста) — следы тех, кто плясал здесь страстный танец магического посвящения. Мы не знаем их, но можем представить себе, какими они были.

ОХОТНИЧЬЯ МАГИЯ

С наступлением осенних дней мадленские охотники стали раньше возвращаться в пещеру. Так и сегодня: задолго до того, как сгустились сумерки, все племя собралось вокруг костра.

Мужчины трудились над кремневыми отщепами, заостряя их и приспособливая к костяным ручкам. Из оленьих костей мастерили иглы, скребки, наконечники для стрел, в которых выдалбливали канавки, чтобы скорее вытекала кровь жертвы. Некоторые работали с особым увлечением. Вот поодаль немолодой охотник делает из оленьего рога жезл для вождя. А у самого костра двое мужчин — Зур и Урд — мастерят дудки из костей диких птиц, необходимые на охоте: по их сигналу все сразу бросаются на окруженного зверя.

Зур умеет сделать из кости птицы дудку, издающую звуки, — когда она заиграет, всем хочется танцевать. Такая дудка есть у колдуна.

(Следует сказать, что в тщательности обработки орудий мадленцы уступали ориньякским охотникам.)

Но вот Зур и Урд собрали кости и уложили в кожаные мешоч-

ки. Их следовало беречь: не всегда удастся подбить дикого гуся или лебедя, а тем более орла. Из птичьих костей получают самые лучшие и легкие иглы, а иглы вечно просят женщины — они их то и дело теряют. Зур и Урд сердятся, но делают новые; они даже придумали для их хранения закрывающиеся коробочки из трубчатых костей. Но женщины все равно теряют иглы (впрочем, как и в наши дни...).

Проходя мимо мужчин, уже кончивших работать, Зур и Урд остановились. Уговаривали старого Дага:

— Расскажи, Даг, что случилось с тобой и Чамом, когда ты был молод! Мы все ждем твоих слов.

И Даг начал свой рассказ.

— Много раз лето сменяло зиму с тех пор, как я пошел на охоту с Чамом. Чам в то время был немолод и уже не так крепок. Вскоре после того его разорвал пещерный лев, от которого он не смог убежать. Поэтому молодые не помнят Чама... Мы ушли далеко от тех мест, где был наш огонь. Пробирались через лес, сквозь кусты, пересекали долины, ползли по траве у самого болота, но не встретили ни бизона, ни медведя, ни дикой свиньи.

— Наверное, злые духи прогнали ваших зверей и стерли их следы!

— Чам говорил то же самое, Риан. Он сердился и бранил их.

— Вот и зря, — вставил старый Ан. — Это могло все испортить.

— Так и случилось. Небо закрыли черные тучи, подул сильный ветер — он гнул деревья, ломал ветки и срывал листья. Чам велел, чтобы я быстро шел за ним, если не хочу оставить свое тело в лесу на съедение гиенам. Он не сказал, куда мы пойдем, а я не спрашивал. Я спешил за ним, а темнота вокруг сгущалась. Ветер становился все сильнее. Меня ударила сломанная им сухая ветка, болела рана...

Зур и Урд присели рядом и внимательно слушали рассказчика.

— Чам уже бежал не останавливаясь, и я старался не отстать от него. Но вот огненная змея разорвала небо. Чам бросился на землю, а мне яркий свет ослепил глаза, я споткнулся и перелетел через Чама.

Мужчины засмеялись.

— Вам хорошо смеяться, — продолжал Даг, когда они успокоились, — а мы лежали, прижавшись к земле, и прятали головы в мягкий мох. Небо гремело не переставая. Когда буря стала утихать, мы осторожно подняли головы и застыли от страха: ствол большого дерева возле нас раскололся. Сухие ветки пылали ярким пламенем. Вскочив на ноги, мы опять побежали изо всех сил. Хорошо, что бежать пришлось недолго, — в моем теле уже почти не осталось сил.

— Мы тебе верим, — сказал кто-то из мужчин.

— Чам знал, — рассказывал дальше Паг, — что недалеко в скале есть маленькая, но глубокая пещера. Мы нашли ее. Мокрые, без сил, мы лежали там. Опять огонь разрывал небо и небо гремело...

— Вам-то опасность уже не угрожала, — заметил один из слушателей.

— Ветер ломал деревья, вырывал их с корнями и бросал на землю. Но вот Чам поднялся и пошел к выходу. Я хотел пойти за ним, но он остановил меня.

— И ты послушался его? — спросил кто-то.

— А что же мне было делать! Я уселся и ждал. Но прошло много времени. Я подполз к выходу и увидел, что Чам, расставив руки, подпрыгивает и бормочет что-то непонятное.

— Это Чам колдовал, — заметил Риан.

— Наверное, — согласился Лаг. — Чам был не только храбрым охотником. Он знал много такого, чего не знали другие. Я тогда вернулся в пещеру — я боялся помешать ему. Но мне не пришлось долго ждать. Чам скоро вернулся и сказал, что нам нечего бояться. Это было верно: огонь перестал разрывать небо, оно стало серым, и много воды хлынуло на землю.

— Зато в пещере вам было хорошо, — вставил кто-то.

— Да. Чам развел маленький огонь — в пещере было мало дерева, чтобы кормить большой до утра, и на свет могли прийти звери.

— У вас была пища? — спросил Риан.

— Нет, ты же знаешь, что зверя мы даже не встретили. Но Чам утешал меня, что мяса будет много, когда мы сможем уйти из пещеры. И он говорил правду! Нам пришлось ждать всю ночь и утро следующего дня. Чам сказал, что он прогнал колдовством плохую погоду и сделал так, чтобы пришел зверь.

— Уж ты, наверное, удивился!

— Конечно, Риан. Особенно потом, когда мы вылезли из пещеры и Чам пошел к вырванным из земли деревьям, откуда доносились жалобные звуки. Мы перелезли через несколько деревьев и увидели большого медведя.

Теперь и слушателям передалось волнение Дага. Он продолжал:

— Медведь заметил нас, и его жалобный вой перешел в злобное рычание. В страхе я вскочил на поваленное дерево. Но прежде чем я успел спрыгнуть, чтобы спрятаться или убежать, мои уши услышали смех. Смеялся Чам. Я обернулся и понял, что от этого медведя убегать не нужно: на его спину упало большое дерево. Оно поломало зверю задние ноги и крепко прижало его к земле.

— Найти такого медведя — большая удача, — ввернул Риан.

— Поэтому Чам смеялся, и я тоже стал смеяться вместе с ним. Чам говорил мне в пещере правду, что мы найдем много мяса!

— Откуда он мог это знать? — спросил один охотник.

— Чам понимал в колдовстве, — ответил ему Риан. — Скажи нам, Даг, где он этому научился?

— Я слышал, будто наш прежний колдун выбрал его себе в помощники. Но Чаму больше нравилось охотиться на зверя. Поэтому тот не стал учить его большому колдовству, но кое-чему Чам все же научился...

Даг замолчал. Молчали и мужчины. Они думали о колдовстве, секретом которого владел Чам. Никто не понимал, что каждый из них мог бы предсказать богатую добычу, имея он ум и опыт Чама. Верно, Чам учился у старого колдуна. Но он еще замечал то, чего не видели другие, и предсказывал, что будет дальше, помалкивая о причинах. У колдуна он научился хитрости и соединил ее с собственным опытом.

Так было и на этот раз. Чам колдовал и верил в свое колдовство, но он слышал, как рухнуло дерево, и видел убегающего от урагана медведя... Опыт подсказал охотнику, что это верная добыча: зверь будет яростно вырываться, ослабеет, и скоро его можно будет взять без всякого труда. Поэтому Чам и говорил так уверенно, что после дождя и бури у них будет вдоволь мяса, но умалчивал, откуда он это знает.

Между тем Даг продолжал свой рассказ:

— Перестав смеяться, Чам размахнулся и всадил медведю в бок острое копьё. Медведь страшно заревел и стал передними лапами царапать землю, стараясь ухватиться за копьё зубами. Но

дотянуться не мог. И Чам смеялся над его бессилием и танцевал от радости перед его мордой, и я танцевал вместе с ним.

— Редко удастся так легко взять медведя, — заметил кто-то.

Подошел Ред, вождь племени, и Даг замолчал. Но Ред велел продолжать.

— Рассказывать осталось немного. Чам хотел убить медведя дубиной. Но ударить его удалось только один раз: медведь дотянулся лапой и вырвал дубину из рук Чама. Тогда Чам стал добивать медведя стрелами. Скоро зверь перестал рычать и рваться, голова его упала на землю. Но Чам не верил, что медведь мертв, и мы стали бросать в него камни.

— Хорошо, что Чам был так осторожен, — вставил Ред. — Даже едва живой медведь может натворить немало плохого. У многих мужчин остались рубцы от его лап и зубов. Рассказывай дальше, Даг.

— Когда мы увидели, что медведь мертв, то отрезали переднюю лапу и вернулись в пещеру. Развели огонь, Чам содрал с лапы шкуру, разрезал мясо на куски и мы стали жарить их на длинных ветках.

— Должно быть, ты жарил недолго! — заметил Риан.

— Голодный никогда не жарит долго, — согласился Даг.

Вокруг засмеялись.

— Мы тоже голодны, кончай скорее свою историю, Даг! — закричал Зур.

— Остается уже совсем немного. Мы закрыли медведя ветками и камнями, чтобы он не достался лисицам, волкам и гиенам, а потом вернулись с другими мужчинами и потащили тушу в пещеру. В тот вечер горел большой огонь и было много вкусного жареного мяса. И еще я получил от Чама мозговую кость и кусок медвежьего мозга...

Мужчины закивали головами — такое лакомство! И ведь в того, кто съест мозг, перейдут сила и ум медведя...

— Это конец моего рассказа, — сказал Даг, обращаясь к Зуру и Урду. — Теперь ничто не мешает вам наполнить ваши пустые животы.

И вот уже все сидят, тесно сгрудившись, вокруг огня и жарят полоски оленьего мяса. Его запах привлекает женщин и детей. Они подходят к костру и получают свою долю.

Зур, сидящий рядом со старым Дагом, уже кончил есть и спросил его, когда тот прожевал свой кусок:

— Зубы медведя Чам оставил тогда себе?

— Да, он сделал в них дырки и повесил на шею ожерелье. А когти с одной лапы он отдал мне. Из них и из волчьих зубов я тоже сделал ожерелье, которое ношу до сих пор.

Один за другим мужчины и женщины отходили от костра и укладывались спать. И скоро у огня остались только старые, опытные охотники и вождь Ред.

— Я хочу спросить, следите ли вы за тем, что делают сейчас медведи, — начал он.

— Мы ходим за ними, Ред. Они уже разжирели и начинают искать место, где бы спрятаться на зиму. Скоро можно будет охотиться на них, — ответил Урд.

Остальные согласно закивали.

— Значит, нам пора готовиться, — сказал вождь. Он повернулся к колдуну: — Мужчины собираются на медведя. Надо, чтобы охота была удачной. Ты можешь это сделать?

— Могу, — ответил колдун. — У меня все готово. Пусть те,

кто пойдет на медведя, завтра соберутся здесь, у огня, со своими копьями и луками.

— Будет так, как ты говоришь, Мар.

Мужчины еще немного посидели у огня и разошлись. Только старый Даг остался стеречь огонь.

На следующий вечер охотники ждали Мара у костра. Колдун подошел к огню и велел бросить в него большие смолистые ветки. Когда пламя занялось, он сказал:

— Я пойду вперед с Гином. Остальные пойдут с вождем Редом.

Мар вынул из костра горящую ветвь и ушел к себе в нишу. Вернулся он с мешком из шкуры, который передал Гину, и позвал его за собой.

Вскоре все остальные тоже тронулись в путь во главе с вождем.

Ручей, вдоль которого они идут, течет по ущелью. Мужчины бредут по пояс в холодной воде, факелами освещая себе путь. Отблески огня пляшут по неровным каменным стенам.

Вскоре люди выходят на сухое место. Теперь они в пещере. С потолка свисают белые каменные сосульки на стенах нарисованы бизоны с копьями в боках. Охотники не останавливаясь шагают

далее: сегодня бизоны их не интересуют. Не смотрят они и на изображения диких лошадей. Но вот и конец пути — небольшая низкая пещера. Посередине — грубо вылепленное из глины туловище медведя без головы. Горят два вставленных в щели факела. Это факелы Гина и колдуна Мара. Люди смотрят. Гин надевает на глиняную тушу настоящую медвежью шкуру и насаживает на сук голову настоящего медведя — сук торчит из глины как раз там, где должна быть голова.

Охотники, вставив факелы в расщелины, усаживаются лицом к медведю. На них обращена разинутая пасть с крупными белыми зубами.

Вдруг из темноты появляется колдун. Он в медвежьей шкуре, сзади — лошадиный хвост, на голове — оленьи рога и маска. В вырезах блестят глаза, а вокруг — пестрый рисунок. Снизу у маски нечто вроде бороды.

... Из темноты раздается слабый грохот, и колдун начинает медленно танцевать. Грохот усиливается, и танец становится испуганным. Колдун изгибается, воздевая руки.

Танец захватывает и охотников. Они сидят со скрещенными ногами, но туловища их начинают раскачиваться. Сначала медленно и плавно, потом все быстрее. Мар продолжает танец. Гин гремит камнями в надутый пузырь дикой свиньи. Когда замирает последний звук, раздается хриплый голос колдуна:

— Я сотворю могучее колдовство! Силу я взял у бизона, у волка — хитрость, у лошади — быстрый бег, у рыси — осторожность. И каждому из вас достанется от моего колдовства!

Под грохот камней в пузырь колдун прыгает от одного охотника к другому, наклоняется над каждым, дует каждому в лицо. Потом он снова бросается в сторону. Снова звучит его голос:

— Теперь медведь знает, что придут охотники, которых он должен бояться. Он побежит от вас, потому что вы сильнее, хитрее и осторожнее, но ему не уйти, потому что вы быстрее!

Мар снова начинает танец. Теперь его лицо обращено к фигуре медведя. Он обходит ее, пританцовывая, потом подпрыгивает. После каждого прыжка колдун приседает, руки его высоко взлетают, он хлопает в ладоши. Бурный танец, сопровождаемый отрывистыми дикими криками, продолжается.

Внезапно колдун останавливается перед медвежьей головой, протягивает к ней руки и с угрозой восклицает:

— Я обратил против тебя и тех мест, где ты ищешь свою добычу,

могучее колдовство. Тебе не одолеть его ни силой, ни хитростью. Оно затуманит твои глаза, испортит твой нюх, ослабит твои ноги. Ты не уйдешь от охотников, которые ищут тебя. Ты не спрячешься от смерти, которая живет на остриях их стрел и копий!

Снова возгласы, шум и грохот. Колдун стоит, словно это его сразило заклинание, но недолго. Он издает дикий крик, одним прыжком оказывается рядом с охотниками, плюет на острия их копий и стрел, приговаривая:

— Пусть ваши копья и стрелы никогда не минуют цели! Пусть всегда летят прямо в медведя и пронзают его сердце! Колдун бросается в сторону, останавливается рядом с вождем и кричит:

— Вставайте, охотники, приготовьтесь к танцу смерти!

Мужчины вскакивают. В их глазах горит нетерпение — приближается главное колдовство.

Снова звучит грохочущая музыка, в нее вплетается протяжное пение колдуна. Охотники переступают с ноги на ногу. Сначала медленно, потом все быстрее движутся вокруг медведя. В руке у каждого — копье или лук со стрелой. Они натягивают и опускают тетиву луков, словно проверяя ее прочность и силу, раскачивают в руках копья, будто примериваются, чтобы метнуть их.

Колдун издает громкий крик. Общий вопль отвечает ему. Люди уже не помнят себя в бешеном танце. Со свистом впиваются стрелы в медвежью шкуру. Рядом вонзаются копья. Но вот пущена последняя стрела, колдовство окончено.

Еще и сегодня можно убедиться, что все рассказанное — не досужая выдумка. Вылепленный из глины медведь со следами копий и стрел сохранился до наших дней. Не хватает только шкуры, которой его покрывали, и головы. Шкура сгнила, сук, на который насаживали голову, тоже. Но череп остался: он лежал между лапами глиняного зверя, его унес отважный исследователь, который нашел это доисторическое святилище, — Норбер Кастере. Один из самых известных сегодня французских натуралистов, отличный пловец и альпинист, он посвятил свою жизнь исследованию пещер.

В августе 1922 года Кастере обнаружил в Пиренеях, неподалеку от селения Монтеспан, уходящий под землю ручей. От местных жителей он знал, что в засушливые месяцы уровень воды в нем падает и по руслу можно проникнуть в недра горы метров на шесть-

десять. Но дальше не удастся, потому что свод туннеля опускается, прижимаясь к поверхности воды.

Кастере решил исследовать русло ручья. Путешествие было рискованное, тем более что Кастере пустился в него в одиночестве. Со свечой в руке он продвигался по мелкой воде, пока метров через шестьдесят ему не пре-

градил путь свод. Но Кастере был преисполнен решимости преодолеть это препятствие. Укрепив свечу на выступе камня, он набрал побольше воздуха, нырнул и поплыл под водой, касаясь одной рукой каменного свода. Он был отличным пловцом, привык к холодной воде горных речек и умел на две минуты задерживать дыхание. Следовательно, в его распоряжении было не больше минуты: ведь столько же времени требовалось на возвращение, если дальше пути нет... И вдруг Кастере почувствовал, как его скользящие по камню пальцы оказались над водой. Он сразу вынырнул, чтобы отдышаться.

Вокруг была кромешная тьма. Немного отдохнув, Кастере снова нырнул и поплыл назад. По руслу ручья он выбрался из подземелья, решив, что завтра попробует проникнуть дальше.

На следующий день Кастере взял с собой резиновую купальную шапочку и, прежде чем надеть ее, положил туда две свечки и коробок спичек. Повторив все, что он делал накануне, Кастере вынырнул по другую сторону сифона и зажег свечку. Дальше были карстовые и сталактитовые пещеры, узкие проходы и высокие залы. Потом свод туннеля снова опустился. Этот второй сифон был опаснее первого, так как прямо в воду уходили острые пики сталактитов. Но Кастере преодолел и его. Свеча освещала все новые пещеры. Исследователю приходилось перелезать через каменные

выступы, уклоняться от срывающихся сверху кремней, брести в ледяной воде — и все это в полной, жуткой тишине подземелья.

Наконец Кастере все-таки пришлось остановиться: проникнуть через узкий проход было невозможно, так же как пройти гору насквозь и выбраться по руслу того же ручья с другой стороны. Так он, во всяком случае, думал. (Позже оказалось — путь есть.)

Усталый и разочарованный, Кастере остановился отдохнуть, машинально шаря рукой в воде. Вдруг он почувствовал что-то живое и схватил его. Достав добычу из воды и разжав пальцы, он увидел у себя на ладони головастика — это значило, что совсем недалеко отсюда светит солнце! Значит, он прошел систему пещер насквозь, от начала до конца. И только выйдя из подземелья, Кастере узнал, что пробыл под землей целых пять часов. (Когда пещеры были измерены, оказалось, что их протяженность около трех километров.)

В том году Кастере не повторял своих подземных путешествий: прошли дожди, вода в ручье поднялась, и подземный ход стал недоступным. Но на следующее лето он вернулся сюда со своим другом Анри Годеном. Им повезло: лето выдалось сухое, дождей почти не было. Вода в ручье сильно спала. Метрах в двухстах от входа в подземелье исследователи обнаружили сухое ответвление от первого туннеля и решили начать с него. Все здесь покрывали натеки сталактитов.

Кастере и Годен долго пробирались по узкому ходу местами заплывшему глиной. Здесь Кастере попало каменное орудие. Исследователи еще не успели разобраться, что это такое, как находки стали повторяться — буквально одна за другой. Так они добрались до возвышения из засохшей глины. Вглядевшись, Кастере понял, что перед ними скульптура медведя. Можно было заметить даже что-то вроде когтей на лапах. Они нашли еще дикую лошадь и двух шагающих друг за другом львов, вылепленных из глины. Животные тоже были без голов. На стенах исследователи обнаружили нацарапанные изображения мамонта, оленя, дикой лошади, бизона, зубров и других зверей, а на глиняном полу пещеры — множество человеческих следов. Первобытные люди приходили сюда примерно 17 000 лет назад для совершения обрядов, связанных с охотой на диких животных.

Кастере еще не раз возвращался в эту пещеру — и всегда находил что-то новое. Он обнаружил место, откуда первобытный скульптор брал глину, и даже куски глины с отпечатками его

пальцев. В расселине скалы было найдено множество каменных орудий.

Кастере удалось понять, почему у скульптуры медведя не было головы. Между лапами глиняного изваяния он нашел хорошо сохранившийся медвежий череп и сделал вывод, что медведь был вылеплен действительно без головы, а голову ему приделывали настоящую. Когда в шее обнаружили глубокою узкое отверстие, стал ясен и способ крепления: медвежью голову насаживали на деревянный кол и втыкали глубоко в глиняную шею статуи.

Если глиняную фигуру медведя венчала настоящая голова, то очень может быть, что поверх статуи надевали настоящую медвежью шкуру. Конечно, она истлела, как и тот кол или сук, на который была надета голова.

Специалистам было ясно, что статуя — предмет древнего охотничьего культа, а пещера, в которой она находится, — доисторическое святилище.

Какие обряды совершались вокруг глиняного медведя, нам, разумеется, не известно. Но скорее всего они были связаны с танцами, а также с метанием копий и стрельбой из лука: следы оружия наших предков сохранились на глиняном изваянии.

НА НОВЫЕ МЕСТА

Опять мужчины вернулись с охоты с пустыми руками. Целый день бродили они, обошли чуть ли не половину своих владений, но так и не встретили зверя. Женщины, с нетерпением ожидавшие их возвращения, притаились по темным углам пещеры, грустно глядя на голодных детей. Они уже не помнят, когда в последний раз ели досыта, с каких пор на них смотрят голодные детские глаза.

Мужчины встревожены. Ни весной, ни летом, ни осенью не было зверя. Они забирались в самую чащу, надеясь добыть оленя или свинью. Рыскали по степи в поисках стада лошадей — как трудно убить хотя бы одну! Не стало ни оленей, ни диких свиней, ни лошадей. А крупного зверя — зубров, бизонов, мамонтов — уже давно почти не было. Может быть, люди слишком долго истребляли животных и они ушли искать новые пастбища, а те, что остались, так напуганы, что при малейшей опасности исчезают?

Зимой стало еще хуже. О ней и вспоминать не хотелось. Они ждали, что начнется кочевой ход оленей, тогда... А на самом деле оленей было совсем мало, и тех, что показались здесь, тоже скоро

не стало. Но эти олени спасли их от страшного голода. В те многие дни, когда проходили стада, мужчины не ложились спать. Из последних сил, забыв про усталость, холод и снег, словно голодные волки, шли они за оленями.

Убив оленя и напившись его теплой крови, они волокли его прямо к пещере, сдирали шкуру, разделывали тушу, резали мясо каменными ножами на узкие полоски и вялили их над огнем в дыму до поздней ночи, пока не валились с ног. А рано утром уже снова преследовали оленье стадо. Но животные становились все осторожнее. Подкрадываясь к стаду, охотники надевали оленьи шкуры с рогами, ползли на четвереньках.

Наступил день, когда ушло последнее стадо. Напрасно искали охотники — нигде не было ни одного оленя. В смятении, совершенно без сил мужчины возвращались ни с чем. Немного поев и отогревшись у огня, они забывались в беспокойном сне на ворохе сухой травы или листьев под звериной шкурой. Не было больше веселых разговоров у огня. Всех одолели заботы. Вяленого мяса было мало, а холода предстояли долгие. Да и женщины прошлым летом собрали лишь скудные запасы пищи. Был плохой год: вдруг вернулись морозы, когда уже все распускалось, потом началась засуха, и клубней, луковиц, корней выросло совсем мало.

Зима выдалась не очень холодная, и снега выпало меньше: чем обычно. Мужчины могли уходить из пещеры. Иногда они приносили лису или зайца. Один раз им повезло — добыли белых куропаток: невидимых на снегу белых птиц выдали черные хвосты.

Колдун Инг не знал покоя: его колдовство не помогало, звери не появлялись. И вот однажды утром он набрал в лошадиную кость тлеющих углей и ушел из пещеры, завернувшись с головы до пят в шкуру. В одной руке он нес кость с углями, в другой — мешок из шкуры, завязанный крепкой жилой.

Долго брел он по снегу. Дорогу колдун знал хорошо, но снег был слишком глубокий. Изнемогая и задыхаясь, карабкался он с сугроба на сугроб. Пот струился по сморщенному лицу. Наконец, обессиленный, старик остановился перед высокой скалой. Передохнул, глядя вверх, будто отыскивая что-то на заснеженном склоне, и медленно, осторожно стал взбираться на скалу. Кость, в которой тлели угли, и мешок он держал теперь в одной руке, а другой цеплялся за выступы, чтобы не сорваться. Скоро колдун очутился на занесенной глубоким снегом площадке. Над ней виднелось не-

большое отверстие. Инг поставил мешок, положил на него кость с углями и стал обеими руками разгребать снег вокруг дыры. Расчистив узкую высокую расселину в камне, он по колено в снегу протиснулся в нее и очутился в пещере. В полутьме возле ниши в каменной стене можно было разглядеть огороженный камнями очаг. Был здесь и запас веток и сухой травы. Колдун опустился на колени, разгреб золу, бросил в середину пригоршню сухой травы, немного тонких веток и щепок и вытряс на них тлеющие угли. Он раздувал их, пока не вспыхнули первые язычки пламени, а потом подбросил ветки потолще. Огонь запылал. Подкатив большой камень, колдун уселся погреться и подсушить отсыревшую шкуру.

Но отдыхать долго времени не было. Старик взял горящий смолистый сук и, прихватив свой мешок, пошел по подземному ходу дальше. Не оглядываясь по сторонам, он быстро пробирался широкими и узкими проходами, пересекал пещеры. Вот и цель долгого путешествия: на каменной стене нарисованы мамонты — целое стадо косматых зверей. Колдун хорошо знал эти цветные рисунки. Здесь он творил свои заклинания, отсюда призывал удачу для охотников племени... Но уже давно колдовство не помогало:

мужчины возвращались чаще всего с пустыми руками и переставали верить его словам, его обрядам. И теперь он все время думал, что же сделать, чтобы колдовство помогало, чтобы соплеменники снова поверили колдуну Ингу.

Однажды ему пришло в голову, что виной всему звери, нарисованные в подземелье. Племя терпит нужду и голод потому, что он колдует перед мамонтами, а мамонты попадают здесь все реже и реже. Иные молодые охотники и не видели их никогда в жизни...

И вот теперь он стоит перед нарисованным на камне стадом мамонтов, втыкает факел в расселину и достает из мешка несколько пригоршней земли. Это не простая земля: она разных цветов, смешана с жиром убитых и съеденных зверей и красит камень в другой цвет.

Старик извлекает из того же мешка связанные пучки шерсти и принимается за дело. Он водит намазанным цветной землей пучком шерсти — и поверх прежних изображений постепенно возникают новые. Это бизоны — животные, которые водятся повсюду. Его соплеменники чаще всего убивали бизонов.

Закончив, колдун тут же, надев на голову маску бизона, начинает священнодействие.

И это колдовство помогло не больше, чем пляска перед нарисованными мамонтами. Голодные люди принялись за оленье мясо, запасенное в лучшие дни. Еще несколько дней только детям давали немного пищи, а взрослые уже ничего не ели. Голодными они ненадолго засыпали, голодными, едва проснувшись, снова брели по снегу в надежде раздобыть пищу. Женщины упрямо искали хоть что-нибудь съестное среди выброшенных костей. Когда не оставалось уже никакой надежды, людям в последний раз улыбнулось счастье.

В уже давно вырытую западню провалился мускусный бык. Его мяса хватит дотянуть до конца зимы. Мужчины все до одного тут же отправились к западне за добычей. Огромный зверь под ударами палиц и копий быстро испустил дух. Утолив голод, охотники стали резать огромную тушу на части. Они торопились, чтобы мороз не превратил их добычу в камень — тогда разделать ее будет гораздо труднее.

Но унести мясо за один раз люди не смогли. Они оставили часть туши в яме, накрыв ветками и придавив камнями, а на следующий день унесли остальное. Теперь мороз — мясо не протухнет.

Голод им больше не грозил — мяса хватит надолго. А потом снова придет тепло и с ним, может быть, хорошая охота...

Но надежды людей не сбылись. В этот теплый летний вечер лица мужчин и женщин омрачены заботами. Не слышно разговоров. Мужчины расположились у огня. Вождь племени, опытный и рассудительный Фар, уже не первый день безмолвно сидит с ними, не отрывая взора от пламени, и не знает, что делать. Лицо его избороздили морщины, в глазах печаль. Он думает. Он знает: что-то должно случиться, что-то важное. Беда пройдет, у них опять появится много еды. Мужчины и женщины будут веселы и довольны — пища даст им веселье и радость, силу и храбрость. И вот ему показалось, что он увидел, узнал, что делать, и понял, что это правильно и нужно держаться за эту мысль до конца... И решил сразу сказать все мужчинам.

Проворно поднявшись с камня, он вынул из кожаного мешочка птичью кость, залепленную с одного конца смолой, и дунул в нее. Раздался резкий свист.

Сидевшие рядом с Фаром охотники удивленно подняли головы. Из закоулков пещеры подошли остальные. Они знали: свисток вождя зовет на совет.

И вот уже все мужчины собрались вокруг костра. Прислушиваясь, толпятся неподалеку женщины.

Фар обращается к мужчинам:

— Я позвал вас, чтобы вы послушали мои слова и они не прошли мимо вас. Уже давно нигде вокруг нет зверя. Мы терпим нужду и голод, мы все отощали и теряем силу.

Мужчины молча, согласно кивают. А Фар продолжает:

— Звери, которые остались, теперь осторожны, хитры. Они убегают, когда мы еще далеко. И мы не можем их взять ни в ущельях, ни на скалах. Ямы что мы роем на их тропинках, остаются пустыми, капканы из крепких деревьев стоят зря...

— Это все потому, — вставляет один из охотников, — что здесь совсем не осталось зверя. Вспомни, Фар, сколько добычи мы приносили! Раньше были стада бизонов и зубров, свиней и лошадей, олени. Были и мамонты! А теперь их нет, и наши ямы остаются пустыми, и нам не в кого бросить копье. Потому что звери ушли отсюда и колдун Инг не может вернуть их обратно...

— Это не моя вина, — пробует защищаться старый колдун. — И дело не в моем колдовстве. Оно всегда было сильным. Это вы,

охотники, сами не делали так, как нужно, чтобы колдовству ничто не могло помешать.

Видно, слова колдуна не нравятся старейшине, он останавливает его и продолжает:

— Если мы хотим быть сытыми и сильными, если хотим, чтобы у нас было много здоровых детей, мы должны жить там, где много зверей и много плодов и кореньев.

— Мы хотим быть сильными! — кричат мужчины.

— Тогда нам нужно уходить! Мы должны уходить на новые места!

— На новые места! — восклицают мужчины. — Веди нас туда, Фар. Веди нас!

— Я поведу вас, — сказал вождь. — Мы пойдем завтра. Ждать нельзя. Прежде чем выпадет снег, мы должны найти, где жить, и приготовить запасы на зиму. Поэтому все вы собирайтесь в дорогу. Когда кончится ночь, мы пойдем на новые места!

Закончив, Фар быстро ушел в темноту.

Утро едва занялось, а все уже на ногах. Женщины, девочки, мальчики скатывают шкуры и делят ношу между собой: А мужчины наполняют мешки из шкур каменными и костяными орудиями, собирают оружие и остатки пищи. Старик колдун тоже собрал свой мешок, наполненный самыми удивительными вещами.

Когда Фар видит, что все готовы, он подает знак двигаться в путь.

Я рассказал эту историю, чтобы подчеркнуть, что людям, живущим большими кланами, нужно было много пищи, а чтобы добыть ее, им приходилось постоянно менять место стоянки. Благополучие охотников за мамонтами эпохи ориньякской культуры, охотников за северным оленем мадленского времени, точно так же как их более древних предков, зависело от охоты и сбора растений. Как и их предшественники, они не могли жить оседло даже в пределах достаточно обширных районов. Возможность прокормиться зависела от климата и погоды. Долгая засуха или жестокий мороз могли уничтожить почти все коренья, весенние заморозки — погубить цветы на кустах и деревьях и оставить людей без плодов. Непрерывно охотясь, люди оттесняли зверя, и животные уходили в еще не обжитые места.

Мужчины племен ориньякской и мадленской эпох уже были хорошими охотниками. Они уверенно владели копьями с острыми наконечниками из камня. Иногда наконечники делались из костей мамонта. Очевидно, в эту эпоху появились лук и стрелы*, возможно, даже праща — зашитые в шкуру и связанные ремнями камни. При верном броске они обвивались вокруг ног жертвы и валили ее на землю. Из толстых веток охотники умели делать палицы.

Люди мадленского времени изобрели копье с канавкой для крови. Когда копье с таким острием настигало зверя, он быстро терял кровь, а вместе с ней и силы, его легче было догнать и убить. Появились и гарпуны с зубцами. Можно предположить, что люди уже знали действие ядов и смазывали ими свое оружие. Это тем более вероятно, что есть основания считать их известными даже неандертальцам.

Оружие у людей верхнего палеолита было совершеннее, чем у неандертальцев, но охота на крупных животных — мамонтов, шерстистых носорогов, зубров, бизонов, пещерных медведей, диких лошадей — все равно была делом нелегким и рискованным.

Люди охотились большими группами: в одиночку даже самый искусный охотник был беспомощен. Да и при охоте большой группой нередко случались тяжелые, а иногда смертельные увечья. Это ослабляло племя, заставляло размышлять и придумывать что-то новое. По сохранившейся пещерной живописи мы заключаем, что

* Лук и стрелы, как свидетельствуют археологические данные, появились не раньше мезолита. *Прим. ред.*

эти люди хорошо знали образ жизни и повадки животных, на которых охотились, и пользовались своими знаниями.

На тропах, которыми звери шли на водопой, люди копали глубокие ямы, накрывали их сверху ветвями, присыпали землей и листьями. В такие западни — для них иногда использовали и естественные углубления — попадали даже крупные звери — мамонт или шерстистый носорог. По некоторым пещерным рисункам видно, что в дно таких ям вбивали толстые жерди с заостренными концами. Иногда зверя загоняли в болото или узкое ущелье, из которого не было выхода.

Но это еще не все. На стенах многих пещер во Франции и в Северной Испании сохранились не только изображения «волчьих ям» с острым колом посередине, но и ловушек в виде загородки с единственным входом, который заваливали после того, как в загородку удавалось загнать зверя.

Иногда такие загоны были довольно обширными и могли вместить сразу много животных. Их забивали по мере надобности. (Разумеется, это лишь ничем не доказанное предположение.) По пещерным рисункам мы знаем и о более сложных западнях: массивные стволы деревьев ставились над звериной тропой так, что зверь, проходя под ними, выбивал опору и его придавливало падающим деревом. Забить придавленного зверя было уже просто. На многих рисунках можно видеть и охоту с помощью сетей. Нередко люди пользовались звериными шкурами, чтобы на четвереньках подкрасться к зверю поближе и поразить его.

Охотники палеолита умели использовать и особенности рельефа. Вот один из хорошо известных приемов. В районе Солютре (севернее Лиона) во Франции над равниной возвышается скала высотой 350 метров. С севера она образует пологий склон, с южной стороны круто обрывается вниз. Можно с уверенностью сказать, что первобытные охотники остроумно пользовались этой скалой. Они загоняли диких лошадей с пологой стороны. Напуганные огнем и криками, животные срывались с кручи и падали вниз. Такой способ охоты на диких лошадей существовал в этой местности долго. Неопровержимое свидетельство тому — мощный слой, буквально сложенный из костей диких лошадей. Туссен считает, что здесь погребены останки примерно 40 000 лошадей, а другие исследователи оценивают это число даже в 100 000.

Другой пример: в Чехословакии, у Преждмости, обнаружена стоянка первобытного человека, где сохранились кости примерно

1000 мамонтов. Судя по всему, здешние люди научились использовать болотистую пойму реки: они загоняли туда отбитых от стада мамонтов, преимущественно молодых, и, когда огромный зверь увязал в болоте, легко справлялись с ним.

Первобытные охотничьи племена не отдавали предпочтения каким-либо определенным животным, они охотились на любого зверя. Поэтому на многих стоянках можно обнаружить кости самых разнообразных животных — мамонтов, шерстистых носорогов, пещерных медведей, зубров, бизонов, северных оленей, диких лошадей, диких свиней, волков, песцов. Если удавалось добыть птицу или рыбу, ели и их. Но главным объектом охоты племен верхнего палеолита, во всяком случае в восточных районах Европы, был мамонт. Иногда эти племена так и называют — охотниками на мамонтов. О первобытных людях мадленского времени, которые охотились главным образом на северного оленя, мы и говорим как об охотниках на оленей.

Мясо убитых животных люди жарили на раскаленных камнях — эти камни находят вокруг кострищ, — а когда были голодны, ели мясо и сырым. Варить его они не могли, потому что еще не умели изготавливать глиняные обожженные сосуды для воды. (Этим искусством овладели впервые только люди неолита.) Раздробленные черепа и крупные кости убитых животных говорят о том, что головной и костный мозг считался у первобытных людей особым лакомством.

В жаркое время года людям приходилось быстро уничтожать добытое мясо, иначе оно портилось, а в холода они могли сохранить мясо дольше. Конечно, если было что сохранять — нельзя забывать, что морозы не способствовали успешной охоте. Можно не сомневаться, что, прежде чем первобытные люди научились вялить или коптить мясо, голод в морозы принес им немало бедствий... Как могла прийти мысль о копчении? Наверное, кусок мяса был забыт (когда люди были сыты) где-нибудь рядом с костром, в дыму. А позже оказалось, что он хорошо пахнет и приятен на вкус. Постепенно вялить или коптить мясо стало привычкой и потребностью. Люди палеолита полностью зависели от охоты: скотоводством они еще не овладели. (Скотоводство появилось только в неолите.) Однако не следует забывать и о том, что мясо было не единственной пищей палеолитических людей. Немалое место в их рационе занимала и растительная пища.

И все же охота была главным содержанием жизни. Богатая до-

быча заставляла племя забывать о голоде и нужде. Но периоды успехов и даже избытка пищи обязательно сменялись периодами нужды и голода.

Постепенно охота становилась более успешной. В эпохи ориньякской и мадленской культур были созданы первые произведения искусства, которые донесли до нашего времени свидетельства этих попыток. В изображениях, нацарапанных и нарисованных на камне или вылепленных из глины, явственно проступает, что не только эстетическое чувство побуждало человека к их созданию: почти все произведения доисторического искусства связаны с магией, с обрядами, относящимися к охоте на зверя. То же можно сказать и о многочисленных фигурах животных, нацарапанных, нарисованных или вылепленных, о которых мы уже говорили. Очевидно, люди верили, что, изобразив на камне раненого или пойманного в западню зверя, они после свершения магического обряда и в самом деле на следующей же охоте сразят его копьями или поймают в западню. По-видимому, они действовали на охоте так, как изображено на каменных стенах пещер. Еще одно доказательство, что рисунки ориньякской и мадленской культур служили не для развлечения: эти произведения доисторического искусства обычно находились на большом расстоянии от входа в пещеру, а нередко вообще были скрыты в укромных местах, в глубокой тьме.

Иногда в пещерах так много наскальных изображений и рисунков, что мы уверенно можем считать эти подземелья своего рода святилищами. Такие святилища всегда находятся в труднодоступных, потаенных местах. И в наше время открыть их удастся лишь случайно — спускаясь в глубокие пропасти, преодолевая подземные лабиринты и реки, пробираясь под обрушенными сводами пещер, расчищая непроходимые лазы в каменных ущельях подземелий.

Внимательно изучая творения доисторических художников, мы понимаем, что многое им не удавалось — не всем было присуще подлинное мастерство. Многие древние изображения мы могли бы считать своего рода эскизами, набросками или предположить, что их создателям не хватало верной руки, острого глаза и просто таланта. Но, разумеется, истинные произведения искусства создали не один и не два древних художника. Мы знаем замечательные творения художников многих племен и поколений.

Известны и такие предметы древнего искусства, которые, безусловно, имеют отношение к охотничьей магии, но обнаружива-

ются не в глубине пещер. Находили объемные изображения животных, нацарапанные на отдельных камнях и костях и грубо вырезанные из камня или кости. Такие предметы было легко переносить с места на место, чтобы совершать магические обряды в любое время и в любом месте.

Не только изображения и предметы относились к области магии, но также и танцы, песнопения с музыкой, одеванием масок, разрисовкой тел. Вероятно, танцы сопровождались примитивными песенными мелодиями, игрой на примитивных духовых инструментах, своего рода флейтах, которые сохранились до наших дней. Нет сомнения, что перед этими танцами мужчины разноцветной глиной наносили узоры на свои тела. Быть может, определенные церемонии требовали и совершенно определенных предметов и украшений — так возникал обряд. Обряды, конечно, не могли совершаться без колдунов. Многие произведения доисторического искусства дают бесспорные доказательства их существования. Колдун (у него могли быть и помощники) руководил магическими церемониями, хранил в памяти подробности обрядов, а время от времени обновлял их — это должно было придать колдовству новую силу, а значит, принести пользу племени. Колдуны пользовались всевозможными масками. Среди сохранившихся изображений особенно интересна фигура колдуна из пещеры Трех Братьев в Южной Франции. Маг показан в движении. Сзади у него прикреплен лошадиный хвост, тело обернуто шкурой медведя или льва, на голове — рога оленя. Большие круглые глаза как бы гипнотизируют зрителя. В той же пещере найден и другой «портрет». Здесь колдун — в маске бизона, он играет на инструменте, весьма отдаленно напоминающем флейту, и одновременно танцует.

Естественно, мы не знаем подробностей культовых церемоний, а только с большей или меньшей достоверностью можем догадываться о них.

Маги, колдуны играли в племенах доисторических людей немаловажную роль. Безусловно, прежде всего их отличала хитрость: зная больше других, они пользовались неведением соплеменников для собственной выгоды. Наверное, в пещерах или хижинах у них были свои углы, свои места, которых избегали все остальные. А на стоянке доисторических людей в Дольни-Вестонице (Чехословакия) была обнаружена небольшая отдельно стоящая хижина, которую исследователи считают обиталищем колдуна: здесь готовились таинственные церемонии, хранились предметы культа.

Можно не сомневаться, что многим «непосвященным» были известны и понятны подробности таинственных церемоний. Но, наверное, они предпочитали помалкивать, чтобы при случае использовать эти познания.

Свое искусство и опыт маги должны были передавать преемникам, которых выбирали из мужчин своего племени. Вероятно, такому выбору предшествовали долгие испытания. Тайное «учение» магов переходило от одного к другому, и каждый, кто владел им, заботливо оберегал тайны колдовства: они позволяли удивлять соплеменников, поддерживать внимание и даже некоторый страх к своей особе.

С древнейших времен людей преследовал ужас голода. Избавиться от него они не могли и обращались к тем, кто чудом, магией якобы избавлял их от этого, кто обещал удачу в охоте на зверя и пищу в избытке. Культ охоты, колдуны, отправлявшие магические обряды, связанные с охотой, — непереносимое следствие трудной жизни, страха перед будущим.

Люди палеолита, еще не знавшие ни земледелия, ни скотоводства и целиком зависевшие от охоты и сбора плодов и корней, вынуждены были кочевать.

Когда не помогали опыт и хитрость, не могло помочь и колдовство, и, наверное, авторитет колдунов в такие периоды изрядно страдал. Вспомним, как старый Инг решил закрасить мамонтов на магической «картине» и нарисовать вместо них бизонов. Эта деталь — не выдумка автора. Рисунок, сделанный доисторическим художником поверх другого, действительно существует в пещере Фон де Гом во Франции, в полукруглой нише, названной сантуарием (святилищем).

Есть немало доказательств того, что племена охотников за мамонтом и северным оленем (как и предшественники этих людей — неандертальцы) кочевали с места на место. На некоторых стоянках первобытного человека обнаружены свидетельства многократных поселений. Это хорошо видно в разрезах раскопов, где ненарушенные отложения перемежаются так называемыми культурными слоями, содержащими явные признаки поселений человека — остатки кострищ и хижин, каменные орудия и оружие, искусно вырезанные из кости предметы. В течение веков и тысячелетий покинутую стоянку засыпала пыль, покрывали наносы разлившейся воды. Но потом на том же месте снова селились первобытные люди, не зная, что задолго до них здесь уже жили дру-

гие. Это могли быть даже люди одних и тех же племен (разумеется, через много поколений). Стоянки, которые в древности заселялись многократно, дают исследователям богатый сравнительный материал, поэтому археологи и антропологи предпочитают такие места всем другим.

Но мы не должны забывать и о том, что племена охотников на мамонтов и северных оленей устраивали и временные поселения, где люди жили лишь какое-то определенное время, например на пути прохода кочующих стад. Наиболее подвижны были племена эпохи мадленской культуры. Об этом говорят, в частности, изображения тюленей в пещерах Дордони во Франции, удаленных от моря больше чем на сто пятьдесят километров. Специалисты считают, что племена охотников на северного оленя жили на территории, где расположена нынешняя Швейцария, только летом, а остальное время кочевали от Пиренейских гор до плоскогорий Баварии вслед за стадами оленей. Племена той же культуры, известные по раскопкам в Рачице (Чехословакия), принесли с собой гематит (красный железняк), месторождение которого находится между нынешними Прагой и Пльзенем, и черный обсидиан из нынешней Словакии. В небольшой пещере в Чешском карсте была обнаружена своего рода «мастерская», в которой выделялись необычайной красоты орудия из кристаллической горной породы. Тщательные минералогические исследования показали, что племена мадленской культуры принесли этот камень с Альп.

Значит, кочевой образ жизни был характерным признаком людей эпохи палеолита, которые пользовались лишь тем, что природа давала добровольно, потому что еще не научились ни разводить скот, ни выращивать полезные растения.

Люди верхнего палеолита (позднего древнего каменного века) тем не менее занимают почетное место в истории человечества. Это они заложили основы человеческого труда и культуры.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Я прошу читателя, терпеливо прочитавшего все рассказы и пояснения к ним, уделить еще немного внимания последним страницам.

Вероятно, ни для кого не новость, что все рассказанное здесь дает только общее представление об истории рода человеческого, о наших предшественниках. Это не систематическое изложение; а лишь упоминания о больших открытиях, которые подводят нас все ближе к истине. Не ново и то, что ученые, сделавшие эти открытия, шли тяжелым путем: не боялись препятствий, недоразумений и зависти, усталости и обид, не стремились к богатству и славе. Скорее наоборот, они готовы были пожертвовать всеми своими скромными средствами, чтобы достичь желанной цели.

И еще одно мне хотелось бы напомнить читателю: работа исследователя не может быть скучной службой, она требует всего человека до конца. Без смелости, мужества, крепких нервов и физической тренировки не сделать того, о чем рассказано в этой книжке.

Хотя я расположил рассказы в хронологической последовательности, между ними — большие промежутки времени, иногда даже очень большие... Первый рассказ, об ореопитеке, относится к концу третичного периода (примерно десять миллионов лет назад); действие следующего, об австралопитеках, происходило, очевидно, за девятьсот — триста тысяч лет до нас, последнего, об охотниках на северных оленей, — в эпоху мадленской культуры, отстоящей от нас всего на каких-нибудь семнадцать тысяч лет.

Сотни тысяч лет прошли с тех пор, как от человекообразных обезьян — дриопитеков — отделились существа, изменившие свой образ жизни. Сойдя с деревьев первобытного леса, они стали приспособляться к жизни в новой среде — сначала на опушке того же леса, а потом и на покрытой травой равнине, где лишь изредка встречались перелески или одинокие деревья. Это было важнейшим событием эволюции наших отдаленных предков, потому что только из человекообразных обезьян, живущих вне леса, мог путем долгой эволюции развиться наш первый человекообразный предок.

Изменение среды не могло не вызвать многочисленных изменений в физическом строении и многих других свойствах древних человекообразных обезьян. Прежде всего началась дифференциация конечностей. Задние все больше употреблялись только для передвижения. Одновременно с этим появилась возможность

передвигаться в вертикальном положении. Один из представителей этой фазы эволюции — ореопитек.*

Одновременно происходили и изменения в характере пищи. Если пища древнейших человекообразных обезьян, обитавших в джунглях (кстати, это относится и к живущим в наше время человекообразным обезьянам), была главным образом растительной, то существа, переселившиеся на безлесные равнины, стали употреблять преимущественно животную пищу. Так возникла необходимость в охоте, для которой человекообразные обезьяны собирались в стада. Возможно, именно они начали пользоваться случайно найденными острыми обломками камня или острыми осколками костей, разбитых, чтобы извлечь мозг.

Совместная охота научила делить добычу, вместо того чтобы драться за нее между собой. Об этих обезьянолюдях, живших за девятьсот — триста тысяч лет до нашего времени и сравнительно далеко ушедших от своих обезьяньих предков, я упомянул в рассказе об австралопитеках. Сегодня мы знаем наверняка, что они не были непосредственными прародителями первого Человека. Но наши предки из мира животных должны были выглядеть примерно так же.

А эволюция неудержимо продолжалась — и приобретенные полезные навыки закреплялись. В первую очередь это относится к руке: завершилось формирование большого пальца, противостоящего остальным, то есть приспособленного для хватания. Рука стала совершать все более тонкие движения, пока предок человека не научился пользоваться первыми орудиями, даже если это и были просто камень, кость или палка. А изготовление первого орудия было первым актом труда — того решающего признака, который создал человека, сделал его жизнь осмысленной и созидательной.

Мы должны подчеркнуть, что между человекообразной обезьяной и человеком, кроме анатомических, существуют и другие качественные различия: сознательный, целенаправленный и систематический труд, сложнейшая, высокоразвитая нервная система и способность к мышлению, возможность общения благодаря членораздельной речи и, наконец, появление общественного сознания.

В этом тоже нет ничего нового. Уже давно существует тенденция именовать человека *Homo faber* — не человек разумный, а

* Вокруг ореопитека все еще продолжаются споры. Большинство исследователей подвергают серьезному сомнению возможность вертикального движения тела во время ходьбы у этой ископаемой обезьяны. — Прим. ред.

человек работающий. Это выдвинуло бы на первый план трудовую деятельность человека, появление мыслительных способностей и способности благодаря превращению передних конечностей в руки совершать работу, качественно отличную от простейшей, воздействовать на природу в соответствии со своими потребностями. Труд делал непосредственную зависимость человека от сил природы все менее ощутимой.

Человек перестал подчиняться только биологическим закономерностям. В его жизни стали играть важную роль закономерности более высокого порядка — законы развития человеческого общества, без понимания и осмысления которых никакие суждения о развитии человеческого общества не будут полными и правильными.

К сказанному необходимо добавить следующее. Прежде всего превращение человекообразных обезьян в человека происходило постепенно и длилось очень долго. Некоторые исследователи считают, что этот этап продолжался по меньшей мере в течение жизни 400 000 поколений! Далее, у первых древнейших людей подлинно человеческие признаки были выражены еще весьма слабо, они развились и усовершенствовались значительно позже — у далеких потомков этих людей.

Итак, на Земле появился первобытный, примитивный человек. Его тело сохраняло явные признаки, указывающие на происхождение от человекообразных обезьян: покатый лоб, сильно развитый надглазничный валик, уплощенный череп, отсутствие подбородочного выступа. Объем его мозга достиг 900 — 1200 кубических сантиметров — гораздо больше, чем у самых больших современных нам человекообразных обезьян горилл (450 — 600 кубических сантиметров). Первые люди начали изготавливать орудия, предназначенные для вполне определенной цели. Их относят к абевильско-ашельской культуре древнего каменного века — палеолита, для которой характерны массивные рубила и отщепы. Повторяемость определенных изделий, относящихся к этой культуре, показывает, что уже древнейшие люди обладали первыми признаками абстрактного мышления. Какие-то группы могли уже знать огонь и пользоваться им, если и не умели еще добывать его.

Палеолитические люди жили в начале четвертичного периода и до его середины, то есть по меньшей мере в течение пятисот тысяч лет. Старейшие их представители — питекантропы, известные по находкам на Яве (*Pithecanthropus erectus*, *Pithecanthropus*

modjokertensis и другие). Немного позже жил синантроп (*Sinanthropus pekinensis*), найденный в Китае. А в Европе это был гейдельбергский человек (*Maueranthropus heidelbergensis*), нижняя челюсть которого найдена в песчаном карьере близ Гейдельберга.

Теперь стали известны древнейшие люди, обитавшие в Африке. Это атлантропы (*Atlanthropus mauritanicus*), три нижние челюсти и одна теменная кость которых найдены в Алжире. Многие ученые относят к древнему каменному веку также телантропа (*Telanthropus capensis*) из Сварткранса в Южной Африке и зинджантропа (*Zinjanthropus boisei*) из раскопок в Олдовае (тоже в Африке). Оба эти типа, близкие к австралопитекам, уже изготавливали каменные орудия, то есть обладали человеческими признаками, отличающими их от человекообразных обезьян и любых других животных.

Следующую ступень эволюции доисторического человека занимают неандертальцы. В книге рассказано, почему они так названы и что произошло с находкой в Неандертале под Дюссельдорфом, а также о взглядах исследователей того времени на эволюцию человека вообще. Неандертальцы — в широком смысле слова доисторические люди палеолита — жили во многих районах Европы, Азии и Африки, особенно в период между предпоследним (рисским) и последним (вюрмским) оледенениями, то есть за 150 000 — 70 000 лет до нашего времени. У неандертальцев последнего межледникового периода уже четко дифференцированы различные типы. Это особенно заметно у неандертальцев восточной группы (Центральная, Южная и Восточная Европа, Восточное Средиземноморье). По мнению советских и других ученых, некоторые представители этой группы были прямыми предшественниками более поздних людей ледникового времени — неоантропов (*Homo sapiens fossilis*). Эти «новые люди» появились в процессе эволюции в начале последнего великого оледенения.

Иначе происходила эволюция неандертальцев, принадлежащих к западной группе. Ее результатом был характерный тип, который иногда называют классическим неандертальским. К нему и принадлежат собственно неандертальцы в том смысле, как понимали этот термин их первые исследователи: древние люди маленького роста и крепкого сложения с покатым лбом, мощным надглазничным валиком, широким носом, мощной нижней челюстью без подбородочного выступа, массивными зубами, короткими ногами. Объем их черепной коробки в среднем 1450 кубических сантиметров.

В этой западноевропейской группе дальнейшей эволюции, оче-

видно, не произошло. Одни исследователи считают, что ее представители вымерли, другие — что одновременно с неандертальцами существовали некие «пресапиементные» типы древнего человека (череп, найденный в Штейнгейме в Германии, черепные кости из карьера «Барнфилд Пит» в Сванскомбе неподалеку от Лондона и обломок черепа из Фонтешевада во Франции), давшие начало людям верхнего палеолита — кроманьонцам.

В Европе костные остатки неандертальцев находили всегда вместе с орудиями мустьерской культуры, которые были шагом вперед по сравнению с ядрищами и отщепами. Неандертальцы были уже хорошими охотниками: большими группами они справлялись и с крупными животными, в том числе с пещерным медведем. Очевидно, отдельные орды жили на больших расстояниях друг от друга. Контакты и обмен опытом были незначительны — об этом свидетельствуют примитивность и консерватизм материальной культуры. Полагают, что в это время уже существовало частичное разделение труда между мужчинами и женщинами, причем мужчины употребляли преимущественно остроконечники, а женщины — скребла. Это соответствовало их основным занятиям — охоте у мужчин, поискам и сбору съедобных растений, «домашней» работе — у женщин. Неандертальцы (во всяком случае, некоторые орды) впервые начали хоронить своих мертвых. У них же мы находим и первые признаки культов — охотничью магию.

За неандертальцами последовали люди верхнего палеолита — кроманьонцы (*Homo sapiens fossilis*). Свидетельства их существования обнаруживаются, начиная со слоев, соответствующих началу последнего, вюрмского оледенения. Это и были охотники на мамонтов, племена эпохи ориньякской культуры. А в конце последнего ледникового периода их сменяют охотники на северных оленей, племена эпохи мадленской культуры. Те и другие жили в период, отстоящий на 70 000 — 15 000 лет от нашего времени.

Оружие и орудия этих людей были уже гораздо совершеннее, чем у неандертальцев: они тщательнее обработаны, более специализированны. Многочисленны также изделия из кости. Основным оружием охотников были копья, а позже и гарпуны, обычно с двумя рядами зубьев, обращенных в противоположную острию сторону. Кланов этих людей гораздо многочисленнее, чем группы неандертальцев. Они селились либо в пещерах, либо под открытым небом, сооружая примитивные хижины, а иногда (например, на территории теперешней Украины) и подземные жилища. Они охо-

тились на всех животных, не отступая и перед крупным зверем — мамонтом, зубром, бизоном, пещерным и бурым медведем, дикой лошадью, северным оленем.

Эти племена оставили первые произведения искусства — обрядовые рисунки, цветные изображения и скульптуры. Они хоронили своих мертвых. У них были развиты культы. Магические церемонии совершались иногда в глубоких пещерах — древнейших святилищах.

В период верхнего палеолита стала быстро развиваться духовная и общественная жизнь. Все глубже познавая природу, люди всесторонне использовали ее...

Задумавшись над историей нашего человеческого рода, мы ясно понимаем, как далеко ушел от своих предков современный человек. И если ему удастся сохранить мир между народами, — кто или что помешает ему в недалеком будущем полететь к звездам!

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Лондон

ДО АДАМА

Пер. Н. Банникова

5

СИЛА СИЛЬНЫХ

Пер. Г. Злобина

119

Г. Уэллс

ЭТО БЫЛО В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Пер. Г. Островской

135

У. Голдинг

НАСЛЕДНИКИ

Пер. Д. Литинского

201

Й. Аугуста

ВЕЛИКИЕ ОТКРЫТИЯ

Пер. М. Черненко и В. Шибаета

377

Литературно-художественное издание

СИЛА СИЛЬНЫХ

Сборник

Редактор Г. Щеглов

Технический редактор М. Александров

Корректор Г. Шиханов

Менеджмент А. Литвинов

Производство А. Игнатенко

ЛР № 061943 от 23.12.92 г. Подписано в печать 15.01.94. Формат издания 60×90/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага книжно-журнальная. Усл. печ. л. 36,0. Уч.-изд. л. 43,1. Тираж 50 000 экз. Заказ № 80. Цена договорная

НПП «Параллель», 603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Совместно с ЧАИ «Олимп», С.-Петербург и фирмой «Наташа», Москва

**Диaposитивы изготовлены с ориг.-макета в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации по печати. 198052,
г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29**

АНТОЛОГИЯ "ДОИСТОРИЧЕСКОЙ" ПОВЕСТИ

"НА ЗАРЕ ВРЕМЕН"

впервые в столь полном объеме знакомит современного читателя с лучшими произведениями этого жанра, созданными в отечественной и зарубежной литературе

в серии вышли и выходят следующие тома:

"КАМЕННЫЙ ВЕК", "ЗЕМЛЯ МАМОНТОВ", "ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР", "ЖЕРТВЫ ДРАКОНА", "ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ", "СИЛА СИЛЬНЫХ", "ГРЕМЯЩИЙ МОСТ"

ДВАДЦАТИТОМНАЯ СЕРИЯ

"МИР ФАНТАСТИКИ"

познакомит читателя с лучшими произведениями выдающихся зарубежных писателей-фантастов

в серии вышли и выходят:

Айзек Азимов ОСНОВАНИЕ, Уолтер Миллер ГИМН ЛЕЙБОВИЧУ, Пол Андерсон ВОССТАВШИЕ МИРЫ, Ежи Жулавский ПОБЕДИТЕЛЬ, Генри Каттнер ЭТОТ МИР - МОЙ!, Генри Каттнер МАСКА ЦИРЦЕИ, Генри Каттнер НОЧНАЯ БИТВА, Джеймс Ганн МИР-КРЕПОСТЬ, Джеймс Боллард ЗАТОНУВШИЙ МИР, Филип Дик МАРИОНЕТКИ МИРОЗДАНИЯ, Андре Нортон МАСТЕР ЗВЕРЕЙ, Филип Фармер ОДИССЕЯ ГРИНА

*ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ
книг серий*

"НА ЗАРЕ ВРЕМЕН" и "МИР ФАНТАСТИКИ"

предлагаем обращаться по телефонам

Н. Новгород НПП "АКМИ"

(8312) 62-10-49, 34-11-78

18

CINABLIK

